

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Уральский государственный педагогический университет»

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

---

6 (60)'2016

Научный журнал

- ⌚ Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-34838 от 25.12.2008
- ⌚ Зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standard Serial Numbering – ISSN) с присвоением международного стандартного номера ISSN 1999-2629 от 14.05.2008
- ⌚ Материалы журнала размещаются на сайте научных журналов Уральского государственного педагогического университета: journals.uspu.ru
- ⌚ Включен в каталог Роспечать. Индекс 81955
- ⌚ Материалы журнала размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки
- ⌚ Включен в базу данных European Reference Index for the Humanities (ERIH PLUS), id 485994
- ⌚ Включен в международный каталог периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory
- ⌚ Включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук, Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ

Екатеринбург 2016

УДК 409.34
ББК Ш107
П50

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: доктор филол. наук, проф. А. П. ЧУДИНОВ (Екатеринбург)

Заместители главного редактора:

доктор филол. наук, доцент Э. В. БУДАЕВ (Нижний Тагил)

кандидат филол. наук, доцент М. Б. ВОРОШИЛОВА (Екатеринбург)

Члены редакционной коллегии:

PhD, профессор Р. АНДЕРСОН (Лос-Анджелес, США)

доктор филол. наук, профессор В. Н. БАЗЫЛЕВ (Москва, Россия)

доктор филол. наук, профессор В. М. БРИЦЫН (Киев, Украина)

PhD, профессор Д. ВАЙС (Цюрих, Швейцария)

PhD, профессор АНДЖЕЙ ДЕ ЛАЗАРИ (Лодзь, Польша)

доктор филол. наук, профессор Э. ЛАССАН (Каунас, Литва)

доктор филол. наук, профессор Е. А. НАХИМОВА (Екатеринбург, Россия)

доктор филол. наук, профессор Н. Б. РУЖЕНЦЕВА (Екатеринбург, Россия)

PhD, профессор П. СЕРИО (Лозанна, Швейцария)

доктор филол. наук, профессор В. В. ХИМИК (Санкт-Петербург, Россия)

доктор филологических наук, профессор У АЙХУА (Пекин, Китай)

PhD, профессор Л. ЦОНЕВА (Велико-Тырново, Болгария)

доктор филол. наук, профессор Е. В. ШУСТРОВА (Екатеринбург, Россия)

PhD, профессор ЯН КЭ (Гуанчжоу, Китай)

Технический редактор: кандидат филол. наук Д. О. МОРОЗОВ

Заведующий отделом перевода: кандидат филол. наук И. С. ПИРОЖКОВА

Политическая лингвистика / гл. ред. А. П. Чудинов ; ФГБОУ ВО
П50 «Урал. гос. пед. ун-т». – Екатеринбург, 2016. – Вып. 6 (60). – 280 с.
ISSN 1999-2629

Знак информационной продукции 16+.

Журнал призван способствовать обмену новейшей информацией в области политической лингвистики, а также в сфере взаимоотношений языка, культуры и общества. Включает пять основных разделов – «Теория политической лингвистики», «Политическая коммуникация», «Язык – политика – культура», «Лингвистическая экспертиза: язык и право» и «Из истории политической лингвистики». Предназначен для филологов, политологов, социологов и всех тех, кто интересуется проблемами политической коммуникации.

УДК 409.34
ББК Ш107

Благодарим РНФ за материальную поддержку проекта в рамках гранта № 16-18-02102 «Речевое воздействие на русском языке в конфликтных и неконфликтных политических ситуациях и методология его лингвистической экспертизы с использованием современных методик (лингвокогнитивный, лингвориторический, психолингвистический анализ, критический анализ дискурса, комплексный анализ креолизованного текста и др.)».

ISSN 1999-2629

© ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет», 2016

© Политическая лингвистика, 2016

Ural State Pedagogical University

POLITICAL LINGUISTICS

---

6 (60)'2016

Editor-in-Chief

Anatoliy P. Chudinov, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg)

Deputy Editors-in-Chief:

Edward V. Budaev, Ph.D., Assoc. Prof. (Nizhniy Tagil)
Maria B. Voroshilova, Ph.D., Assoc. Prof. (Ekaterinburg)

Editorial Board

Richard Anderson Jr., Ph.D., Prof. (Los Angeles, USA)
Vladimir N. Bazylev, Ph.D., Prof. (Moscow, Russia)
Britsyn V. M., Ph. D. (Kiev, Ukraine)
Vasily V. Khimik, Ph.D., Prof. (Saint-Petersburg, Russia)
Eleonora Lissan, Ph.D., Prof. (Kaunas, Lithuania)
Andrzej de Lazari, Ph.D., Prof. (Lodz, Poland)
Elena A. Nakhimova, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg)
Natalia B. Ruzhentseva, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg, Russia)
Elizaveta V. Shustrova, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg, Russia)
Patrick Seriot, Ph.D., Prof. (Lausanne, Switzerland)
Lilyana Tsoneva, Ph.D., Prof. (Veliko Tarnovo, Bulgaria)
Daniel Weiss, Ph.D., Prof. (Zurich, Switzerland)
Yang Ke, Ph.D., Prof. (Guangzhou, China)
Wu Aihua, Ph.D., Prof. (Beijing, China)

Ekaterinburg 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Редакционные принципы журнала «Политическая лингвистика»	10
--	----

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Будаев Э. В. Екатеринбург, Россия	Критический анализ политического дискурса: основные направления современных зарубежных исследований.....	12
Будаев Э. В. Екатеринбург, Россия	Методика диахронического анализа политической метафоры.....	18
Кондратьева О. Н. Кемерово, Россия		
Нахимова Е. А. Чудинов А. П. Екатеринбург, Россия		
Васильев А. Д. Подсохин Ф. Е. Красноярск, Россия	От прецедента к стереотипу: три этапа информационной кампании	32
Горина Е. В. Екатеринбург, Россия	Анализ формирования национальной идентичности. К вопросу о когнитивно-дискурсивном подходе	38
Гридина Т. А. Коновалова Н. А. Екатеринбург, Россия	Этническая самоидентификация в современном социокультурном контексте.....	45
Колесов В. В. Санкт-Петербург, Россия	Концептуальное поле русского сознания: <i>правда права и справедливость</i>	51
Мальшева Е. Г. Жигунов А. Ю. Омск, Россия	Новая «холодная» война: милитарная метафора как базовая концептуальная модель репрезентации медиаконцепта 'Арктика'.....	66
Солопова О. А. Челябинск, Екатеринбург, Россия	Метафоры, которыми должна была жить Россия... (ретроспективный анализ на материале прогностических текстов о России XIX века).....	75
Федотова Т. В. Краснодар, Россия	Репрезентация региональной идентичности в эргонимическом поле Кубани	85

РАЗДЕЛ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Ворошилова М. Б. Пашкова А. Д. Екатеринбург, Россия	Баба ЕГЭ: креолизованная метафора как орудие дискредитации	91
Дань Н. Пятигорск, Россия	Функционирование общественно-политической лексики китайского происхождения в русском и английском языках.....	96
Дулесов Е. П. Ижевск, Россия	Метафоры гармонизации в дискурсе русских националистов начала XX в.	102
Зубакина Т. Н. Екатеринбург, Россия	Интерпретационный аспект в изучении метафорической персонификации России (на материале текста У. Черчилля «The World Crisis. 1916—1918»).....	109
Курейко В. В. Екатеринбург, Россия	Метафорическая репрезентация кризиса на Украине в англоязычных комментариях новостных порталов.....	113
Мухортов Д. С. Краснова А. В. Москва, Россия	Дискурсивные маркеры манипуляции как реализация субъективно-оценочного акта говорящего.....	120

Рябкова И. П. Ижевск, Россия	Когнитивная составляющая «Траектория движения» в рамках концепта «Путь» в речах российских и американских лидеров: сопоставительно-переводческий аспект 126
Салахова А. Г.-Б. Грачева К. Л. Челябинск, Россия	Лингвистический анализ манипулятивных средств воздействия СМИ в период информационных войн (на материале прессы Германии) 132
Фокина М. А. Нижний Новгород, Россия	Прецедентные феномены в интолерантных тактиках российского политического дискурса (на материале блогов политиков) 139

РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫК — ПОЛИТИКА — КУЛЬТУРА

Гатауллина Н. А. Санкт-Петербург, Россия	Количественная оценка политизации научного дискурса англоязычного контрактного права 148
Енина Л. В. Екатеринбург, Россия	Идентичность как дискурсивный концепт и механизмы дискурсивной идентификации 159
Золотайко А. И. Екатеринбург, Россия	Расовое стереотипирование и война с полицией..... 168
Калинова Е. В. Архангельск, Россия	Средства актуализации категорий субъектности и субъективности в историческом тексте (на материале монографии Бобо Ло «Russian Foreign Policy in the Post-Soviet Era — Reality, Illusion and Mythmaking»)..... 174
Ли Вэньлу Екатеринбург, Россия	<i>Молчание</i> в русской и китайской фразеологических картинах мира 182
Ложкова А. В. Екатеринбург, Россия	Традиции римской обличительной сатиры в поэтической практике декабристов 187
Орлатых Е. В. Ерофеева Т. И. Пермь, Россия	Лексема <i>политик/politician</i> в наивном представлении русских и англичан (экспериментальное исследование) 197
Строканов А. А. Линдон, США Жданова С. Ю. Пузырёва Л. О. Пермь, Россия	Анализ учебников истории в России и США с точки зрения репрезентации в них Второй мировой войны 205
Терских М. В. Омск, Россия	Апелляция к концепту вреда в дискурсе социальной рекламы..... 213

РАЗДЕЛ 4. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: ЯЗЫК И ПРАВО

Батюшкина М. В. Омск, Россия	Лингвистическая и правовая модели классификации лингвистических экспертиз 223
Карапетян А. А. Тагильцева Ю. Р. Екатеринбург, Россия	«Незнание не снимает вины», или Практика «неудачных» пропагандистских материалов экстремистской направленности 231
Романова Т. В. Нижний Новгород, Россия	Методы выявления классификаторов толерантности/нетолерантности речевого поведения в целях решения лингвоэкспертных задач 237

РАЗДЕЛ 5. ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Арустамян Р. Ереван, Армения <i>Пер. с англ. М. А. Макуриной, И. С. Пирожковой</i>	Проявление гендерных особенностей в политическом дискурсе..... 244
Цзи Сяосяо Москва, Россия	Особенности ассоциативного поля экономического дискурса Барака Обамы 250
Эдельман М. США <i>Пер. с английского И. С. Пирожковой, С. М. Полякова</i>	Категоризация, восприятие и политика (3)..... 257

РАЗДЕЛ 6. РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА

Багдасарян О. Ю. Екатеринбург, Россия	«Филологическому классу» 20 лет: концепция и история журнала 270
Краснова Т. И. Санкт-Петербург, Россия	Региональные СМИ в русле междисциплинарного подхода к анализу..... 272
Правила представления авторами рукописей в журнал «Политическая лингвистика» 279	

CONTENTS

Editorial principles of the journal “Political Linguistics”	10
--	----

PART 1. THEORY OF POLITICAL LINGUISTICS

Budaev E. V. Ekaterinburg, Russia	Critical analysis of political discourse: main trends of contemporary foreign research	12
Budaev E. V. Ekaterinburg, Russia	Methods of diachronic analysis of political metaphors	18
Kondratyeva O. N. Kemerovo, Russia		
Nakhimova E. A.		
Chudinov A. P. Ekaterinburg, Russia		
Vasiliev A. D., Podsokhin F. E. Krasnoyarsk, Russia	From precedent to stereotype: three stages of the information campaign	32
Gorina E. V. Ekaterinburg, Russia	Analysis of formation of national identity. To the question of cognitive-discursive approach	38
Gridina T. A., Konovalova N. I. Ekaterinburg, Russia	Ethnic self-identification in contemporary socio-cultural context	45
Kolesov V. V. St. Petersburg, Russia	Conceptual field of the Russian mind: the <i>truth of law</i> and <i>justice</i>	51
Malysheva E. G. Zhigunov A. Yu. Omsk, Russia	New “Cold War”: military metaphor as the basic conceptual model of media-concept “Arctic” representation	66
Solopova O. A. Ekaterinburg, Chelyabinsk, Russia	“Metaphors Russia was to have lived by...” (based on the material of prognosticating political texts about Russia, the XIX th century).....	75
Fedotova T. V. Krasnodar, Russia	Representation of regional identity in ergonomic field of Kuban.....	85

PART 2. POLITICAL COMMUNICATION

Voroshilova M. B. Pashkova A. D. Ekaterinburg, Russia	«Baba EGE»: creolized metaphor as a discredit instrument	91
Dan N. Pyatigorsk, Russia	Socio-political words of Chinese origin in Russian and English	96
Dulesov E. P. Izhevsk, Russia	Metaphors of harmonization in the discourse of Russian nationalists at the beginning of the 20th century	102
Zubakina T. N. Ekaterinburg, Russia	Interpretative aspect in studying metaphoric personification of Russia (in W. Churchill's text “The World Crisis. 1916—1918”)	109
Kureyko V. V. Ekaterinburg, Russia	Metaphorical representation of the crisis in Ukraine in the news-portals comments in English	113
Mukhortov D. S. Krasnova A. V. Moscow, Russia	Manipulation discourse markers within the framework of subjective evaluation	120

Ryabkova I. P. Izhevsk, Russia	The “Pathway” cognitive component of the concept of “Way” in statements made by Russian and American political leaders: comparative and translation aspect.....	126
Salakhova A. G.-B. Gracheva K. L. Chelyabinsk, Russia	Linguistic analysis of manipulative means of mass media influence in the time of information warfare (on the material of German mass media).....	132
Fokina M. A. Nizhny Novgorod, Russia	Precedent phenomena in intolerant tactics of Russian political discourse (as exemplified in blogs of politicians).....	139

PART 3. LANGUAGE — POLITICS — CULTURE

Gataullina N. A. St. Petersburg, Russia	Quantitative evaluation of the English contract law scientific discourse politicization.....	148
Enina L. V. Ekaterinburg, Russia	Identity as a discursive concept and discursive identification mechanisms	159
Zolotaiko A. I. Ekaterinburg, Russia	Racial crime stereotyping and war on police.....	168
Kalinova E. V. Arkhangelsk, Russia	Categories of subject and subjectivity actualization means in historical text (found in the monograph by Bobo Lo “Russian foreign policy in the Post-Soviet era — reality, illusion and mythmaking”).....	174
Li Wenlu Ekaterinburg, Russia	<i>Silence</i> in the Russian and Chinese phraseological pictures of the world.....	182
Lozhkova A. V. Ekaterinburg, Russia	Traditions of the Roman accusatory satire in the poetic practice of the decembrists	187
Orlatykh E. V. Erofeeva T. I. Perm, Russia	The lexeme <i>политик/politician</i> in naïve consciousness of the Russians and the English (experimental research)	197
Strokanov A. A. Lyndon, USA Zhdanova S. U., Puzyreva L. O. Perm, Russia	An analysis of the history textbooks in Russia and the United States from the perspective of their representation of the Second World War.....	205
Terskikh M. V. Omsk, Russia	The appeal to the harm concept in the discourse of social advertising.....	213

PART 4. LINGUISTIC EXPERTISE: LANGUAGE AND LAW

Batyushkina M. V. Omsk, Russia	Classification of linguistic expertise: linguistic and legal models	223
Karapetyan A. A. Tagiltseva Yu. R. Ekaterinburg, Russia	“Ignorance of the law is no excuse”, or The practice of “ineffective” propaganda of extremism.....	231
Romanova T. V. Nyzhny Novgorod, Russia	Methods to identify classifiers of tolerance/intolerance of verbal behavior in to solve lingoexpert tasks	237

PART 5. FOREIGN EXPERIENCE

Arustamyan R. Yerevan, Armenia <i>Trans. from English</i> by M. A. Makurina, I. S. Pirozhkova	The manifestation of gender peculiarities in political discourse	244
Ji Xiaoxiao Moscow, Russia	Assessing implications of metaphor use in Barack Obama's economic discourse	250
Edelman M. USA <i>Transl. from English</i> by I. S. Pirozhkova, S. M. Polyakov	Categorization, perception, and politics (3)	257

PART 6. REVIEWS. CHRONICLE

Bagdasaryan O. Yu. Ekaterinburg, Russia	«Philological class» turns 20: conception and history of the journal.....	270
Krasnova T. I. Saint-Petersburg, Russia	Regional media in the framework of interdisciplinary approach	272
Manuscripts requirements		279

РЕДАКЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ ЖУРНАЛА «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА»

Уважаемые авторы и коллеги, в истории развития нашего журнала наступил некий период «зрелой оценки». Мы перестали быть специализированным журналом для узкого круга любителей «политической лингвистики». По результатам 2012 года мы прочно закрепились в числе 10 самых цитируемых лингвистических журналов в России. А значит, расширился круг наших авторов и читателей.

Именно сейчас мы решили сформулировать основные редакционные принципы нашего журнала, что позволит легче вливаться в наш коллектив новым авторам, позволит наладить конструктивное сотрудничество.

Опираясь на наш многолетний опыт, на уже сформировавшиеся традиции нашего журнала, а также на принятые в мировой практике основы редакционной этики (см., например: *Кодекс этики научных публикаций* (<http://publicet.org/code/>), *Code of Conduct and Best Practice Guidelines for Journal Editors* (<http://publicationethics.org/resources/code-conduct>) и др.), мы представляем общие редакционные принципы нашего журнала.

Мы надеемся, что данные принципы будут приняты всеми, кто тем или иным образом участвует в жизни нашего журнала — авторами, рецензентами, редакторами, издателями, распространителями и читателями.

Общие принципы журнала «Политическая лингвистика»

Мы уважаем существующие в каждом государстве национальные особенности политической коммуникации, связанные с историей, культурой и политической системой данного государства.

Мы считаем необходимым соблюдение принципов толерантности и политической корректности, в том числе в статьях, созданных в рамках критического анализа дискурса.

Мы исходим из того, что сам факт анализа политических текстов, созданных политическими экстремистами, вовсе не свидетельствует о том, что автор публикации или редакционная коллегия в какой-либо степени солидарны с позицией соответствующего политического лидера или журналиста.

В сочетании «политическая лингвистика» для нас значимы обе части. И хотя мы считаем наш журнал лингвистическим, стремимся предоставлять трибуну политологам, психологам, социологам и специалистам по иным социально-гуманитарным наукам.

Мы стремимся к общедоступности, поэтому наш журнал представлен в свободном доступе на сайте научных журналов Уральского государственного педагогического университета *journals.uspu.ru*, в Научной электронной библиотеке *E-library*, а также на сайте *cognitiv.narod.ru*, где размещены и иные публикации по проблемам политической лингвистики, преимущественно подготовленные в рамках Уральской школы политической лингвистики.

Мы стремимся к сохранению научных традиций, чему в нашем журнале призван служить раздел «Из истории политической лингвистики», предназначенный для публикации впервые переведенных на русский язык работ, которые, хотя и написаны много десятилетий назад, сохраняют свою значимость для теории и истории науки.

Мы приглашаем к активному сотрудничеству всех, интересующихся проблемами политической лингвистики. В частности, мы будем благодарны за помощь в поиске материалов для раздела «Из истории политической лингвистики»: к сожалению, нам все труднее находить переводчиков-волонтеров, и мы будем благодарны всем, кто либо сам найдет и переведет интересный текст, либо предложит свои услуги в качестве переводчика для текста, подобранного редакцией. Как известно, публикация перевода, в соответствии с решением экспертного совета ВАК, приравнивается для переводчика к публикации научной статьи, что иногда бывает важным при представлении диссертации к защите. Также редакционная коллегия будет благодарна за присланные рецензии на новые интересные работы, соответствующие тематике нашего журнала.

Принципы редактора журнала «Политическая лингвистика»

При принятии решения о публикации наши редакторы руководствуются в первую очередь научной значимостью рассматриваемой работы и новизной представленного материала.

Наши редакторы стремятся оценивать интеллектуальное содержание рукописей вне зависимости от расы, пола, сексуальной ориентации, религиозных взглядов, происхождения, гражданства, социального положения или политических предпочтений авторов. Учитывая специфику журнала, особенно важно последнее: как уже неоднократно сообщалось, мы против политической цензуры, с уважением относимся к политическим взглядам авторов наших публикаций, хотя не всегда и не во всем с ними согласны.

Редактор не должен допускать к публикации информацию, если имеется достаточно оснований полагать, что она является плагиатом. Напоминаем, что с мая 2012 г. все поступающие в редакцию статьи тестируются в системе «Антиплагиат».

Мы настроены на тесный контакт с нашими авторами, поэтому наши редакторы не оставляют без ответа любые вопросы, касающиеся рассмотренных рукописей или опубликованных материалов, а при выявлении спорной ситуации мы стремимся сохранить научное равновесие и дать возможность авторам научно и корректно высказать свою точку зрения.

Принципы автора журнала «Политическая лингвистика»

Авторы статьи должны представлять достоверные результаты проведенных исследований.

Заведомо ошибочные или сфальсифицированные утверждения неприемлемы.

Авторы должны гарантировать, что результаты исследования, изложенные в представленной рукописи, полностью оригинальны. Чрезмерные заимствования, а также плагиат в любых формах, включая неоформленные цитаты, перефразирование или присвоение прав на результаты чужих исследований, неэтичны и неприемлемы.

Необходимо признавать вклад всех лиц, так или иначе повлиявших на ход исследования, в частности, в статье должны быть представлены ссылки на работы, которые имели значение при проведении исследования.

Авторы не должны представлять в журнал рукопись, которая была отправлена в другой журнал и находится на рассмотрении, а также статью, уже опубликованную в другом журнале. Подобные «исследования» мы возвращаем создателям с указанием места первоначальной публикации и добрыми пожеланиями.

В качестве соавторов статьи следует указывать всех лиц, внесших существенный вклад в проведение исследования. Среди соавторов недопустимо указывать лиц, не участвовавших в исследовании.

Если автор обнаружит существенные ошибки или неточности в статье на этапе ее рассмотрения или после опубликования, он должен как можно скорее уведомить об этом редакцию журнала. В таком случае мы публикуем уточняющую информацию в ближайшем номере.

Мы не имеем возможности оплачивать труд литературных редакторов и корректоров, а потому ответственность за подбор и точность цитат или иного рода недочеты несут авторы публикаций.

Контакты.

Почтовый адрес: 620017, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов 26, Уральский государственный педагогический университет, кафедра риторики и межкультурной коммуникации (каб. 285).

Телефоны:

(343)3361592 (гл. редактор А. П. Чудинов).

Факс (343) 3361592.

Электронная почта: ap_chudinov@mail.ru.,
shinkari@mail.ru.

С уважением и надеждой на сотрудничество:

д-р филол. наук, проф.
Анатолий Прокопьевич Чудинов,
д-р филол. наук, доцент
Эдуард Владимирович Будаев,
канд. филол. наук, доцент
Мария Борисовна Ворошилова,
канд. филол. наук
Даниил Олегович Морозов.

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 81'27:81'42
ББК Ш105.51+Ш100.621

ГСНТИ 16.21.33

Код ВАК 10.02.20

Э. В. Будаев
Екатеринбург, Россия

КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

АННОТАЦИЯ. В статье анализируются основные теоретико-методологические и тематические направления исследований в области критического анализа политического дискурса. В теоретико-методологическом аспекте выделяется три основных подхода к критическому дискурсу-анализу: диалектико-реляционный подход (*Dialectical Relational Approach*), разрабатываемый Н. Фэйрклафом и его последователями и направленный на изучение реляции между дискурсом, деятельностью, субъектами, социальными отношениями, ценностями, временем и местом коммуникации; социокогнитивный подход (*Socio-Cognitive Approach*), фокусирующий внимание на изучении отношений между когнитивными структурами, дискурсом и обществом (Т. Ван Дейк и его школа); дискурсивно-исторический подход Р. Водак (*Discourse-Historical Approach*), призванный изучить, как язык и иные семиотические системы используются властными элитами для поддержания своего доминирования на текстуальном, интертекстуальном и интердискурсивном уровнях. К дополнительным направлениям критического анализа политического дискурса отнесены дуйсбургская школа критического дискурсу-анализа (З. Егер, Ф. Майер) и опосредованный дискурс-анализ (*Mediated Discourse Analysis*) (Р. Сколлон, С. Сколлон). Среди тематических направлений ведущее место занимают исследования образов угнетаемых социальных групп, концептуализации терроризма, воспроизводства политических предрассудков в смежных типах дискурса, анализ стратегий легитимации евроцентризма и постколониализма.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: критический дискурс-анализ; политический дискурс; политические коммуникации; лингвистические исследования.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Будаев Эдуард Владимирович, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков, теории и методики обучения, Российский государственный профессионально-педагогический университет; профессор кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного, Уральский государственный педагогический университет; 620012, Россия, г. Екатеринбург, ул. Машиностроителей, д. 11; e-mail: aedw@mail.ru.

Значимая роль в современной методологии изучения политической коммуникации принадлежит критическому анализу политического дискурса. Данное направление исследований относится не к онтологическому, а к аксиологическому уровню методологии. Если на онтологическом уровне ученые акцентируют внимание на дискурсе как объекте действительности, то на аксиологическом уровне проявляется ценностное отношение субъекта исследования к экстралингвистическим факторам функционирования политической коммуникации.

На аксиологическом уровне методологии разграничивается критический и дескриптивный подходы к политическому дискурсу. При дескриптивном подходе превалирует стремление описать и объяснить феномены, избегая при этом идеологических оценок, связанных с политическими убеждениями субъекта исследования. Критический подход направлен на анализ социального неравенства, выраженного в дискурсе, а исследователь политического дискурса открыто занимает позицию лишенных власти и угнетенных. Как отмечает Т. ван Дейк, среди исследователей этого направления «не может быть ученых, занимающих отстраненную и тем более индифферентную позицию» [Dijk 1993: 253].

Истоки критического дискурс-анализа (КДА) восходят к исследованиям мыслите-

лей, предпринимавших попытки выявить сущность и факторы социального угнетения, в том числе и для выработки методов построения справедливых социальных отношений. Среди них важное значение имеют работы К. Маркса, упоминание которого в России после распада СССР стало ассоциироваться с «устаревшей» и «квазинаучной» идеологией, в то время как в зарубежной науке данный мыслитель всегда считался одним из ведущих исследователей в области экономики и социологии, а его труды активно использовались для построения далеких от революционной тематики теорий. По мнению Н. Фэрклафа и П. Грэма, К. Маркса можно рассматривать как одного из первых практиков критического дискурс-анализа [Fairclough, Graham 2010].

Немаловажную роль в формировании критического дискурс-анализа сыграли идеи А. Грамши и Л. П. Альтюссера, а также взгляды философов Франкфуртской школы, в особенности Ю. Хабермаса. Большой вклад в становление КДА внесли идеи М. Фуко, хотя он и походил к рассмотрению взаимовлияния социального бытия и сознания с противоположных марксизму позиций. Наконец, нельзя не упомянуть о влиянии лондонской школы анализа новостей М. Халлидея и критических исследований Н. Хомского на генезис КДА.

Сторонники современного критического анализа дискурса изучают способы речевого

воздействия, позволяющие власти осуществлять свое господство в обществе. Специалисты стремятся выяснить, как именно при помощи коммуникативной деятельности предписывается и воспроизводится социальное, гендерное, расовое или этническое неравенство, а также намечают способы языкового сопротивления. Представители этого направления занимают активную социальную позицию, они ищут пути для предупреждения социальных конфликтов.

Материалом для критического дискурс-анализа, как правило, становятся политические тексты, создаваемые в ситуации социального риска и отражающие неравенство коммуникантов. Определение «критический» используется в подобных исследованиях для того, чтобы подчеркнуть обычно скрытые для неспециалистов связи между языком, властью и идеологией. Детальное изучение текстов помогает выявить имплицитно выраженные бессознательные установки коммуникантов и на этой основе показать результаты воздействия дискурса на восприятие информации. С 1990 г. выходит специальный журнал «Discourse and Society» («Дискурс и общество») (под ред. Т. ван Дейка), представляющий публикации названного направления, созданные в различных странах, а также журнал «Critical Discourse Studies» («Критические исследования дискурса») (под ред. Н. Фэрклафа и Р. Водак).

Современные теоретические основания критического дискурс-анализа представлены в исследованиях Т. ван Дейка [van Dijk 2014], Н. Фэрклафа [Fairclough 2015], Р. Водак, М. Хосравиника и Й. Унгера [Unger et al. 2016], в монографии «Methods of Critical Discourse Analysis» [2015] под ред. Р. Водак и М. Мейера и др. В 2010 г. вышел специальный словарь [Lexikon Kritische Diskursanalyse 2010], в котором описаны несколько сотен центральных понятий критического анализа дискурса (в основном в русле концепции М. Фуко).

Что касается теоретико-методологических вариаций современного критического дискурс-анализа, то здесь выделяются три основных подхода.

1. Диалектико-реляционный подход (Dialectical Relational Approach), разработанный Норманом Фэрклафом [Fairclough 2009] преимущественно на основе марксистской теории. Для данного подхода характерно оперирование терминами «доминирование» (dominance), «сопротивление» (resistance), «гибридизация дискурсивных практик» (hybridization of discursive practices), «технологизация дискурса» (technologisation of dis-

course). Диалектико-реляционный подход подразумевает изучение отношений (реляции) между такими атрибутами анализа, как дискурс, деятельность, субъекты, социальные отношения, ценности, время и место коммуникации. Цель диалектико-реляционного подхода сводится к изучению семиотического отражения социального конфликта в политическом дискурсе.

2. Социокогнитивный подход (Socio-Cognitive Approach), разрабатываемый Т. ван Дейком [Van Dijk 2009, 2014]. Данный подход направлен на изучение отношений между когнитивными структурами, дискурсом и обществом. Подход сформировался в результате объединения эвристик лингвистического анализа текста, психологического анализа моделей памяти и моделирования структур сознания (фреймов) в когнитивистике. Традиционные понятия этого подхода: фреймы (frames), стереотипы (stereotypes), воспроизводство этнических предрассудков (the reproduction of ethnic prejudice), злоупотребление властью (power abuse), угнетаемые группы (dominated groups), контекстуальные модели (contextual models) и структуры знания (K-device). Последнее понятие включает в себя личностные, межличностные, групповые, институциональные, национальные и культурные знания.

3. Дискурсивно-исторический подход (Discourse-Historical Approach) (DHA), предложенный Р. Водак [Wodak 2009]. Основная цель данного подхода — изучить, как язык и иные семиотические системы используются властными элитами для поддержания своего доминирования. Важный принцип дискурсивно-исторического подхода — объединение текстуального и контекстуального уровней анализа. При этом контекст понимается как сложный феномен, состоящий из нескольких уровней: лингвистический контекст (co-text), интертекстуальный и интердискурсивный уровень, экстралингвистический уровень, социально-политический и исторический уровень. Установление связей между текстами и дискурсами сопровождается процессами *деконтекстуализации* и *реконтекстуализации*. Ключевые понятия подхода связаны с шестью стратегиями идентификации идеологической позиции: *номинация*, *предикация*, *аргументация*, *«смягчение позиции»* (mitigation), *перспективизация* и *интенсификация*.

Помимо трех основных подходов, формирующих ядро критического дискурс-анализа, можно упомянуть о **Дуйсбургской школе критического дискурс-анализа**, возглавляемой З. Егером и Ф. Майером [Jäger, Maier 2009]. Дуйсбургская школа продолжает

традиции дискурс-анализа, заложенные Мишелем Фуко.

Еще одно направление — **опосредованный дискурс-анализ** (Mediated Discourse Analysis), разрабатываемый Р. Сколлоном и С. Сколлоном [Scollon 2003; Scollon, Scollon 2005]. Этот подход опирается на эвристики этнографии, семиотики, философию Китаро Нисиды и труды французского социолога П. Бурдьё (особенно его понятие *габитуса*).

Так как критический дискурс-анализ является все-таки аксиологическим подходом, его специфика выражается не в наборе оригинальных методик, которые нередко заимствуются из других направлений (когнитивной лингвистики, социолингвистики, лингвистики текста), а в основных тематических направлениях, позволяющих максимально реализовывать базовые принципы критического подхода.

В тематическом ракурсе современные исследования в сфере критического дискурс-анализа направлены на изучение способов формирования негативного образа определенных социальных групп. Объектом анализа может стать любая совокупность людей, объединенных существенным признаком социального характера (общей деятельностью или общими этническими, демографическими, религиозными, гендерными и другими характеристиками), чьи права ущемляются посредством дискурса, рассматриваемого как средство конструирования социальной реальности.

За последние годы исследователи рассмотрели, как дискурс власти и СМИ формирует выгодные в текущей политической конъюнктуре образы рабочих, бездомных, мусульман, секс-меньшинств [Cheng 2015; Diabah, Amfo 2015; Eriksson 2015; Kilby et al. 2013; Mellouki 2015; Strom 2015; Toft 2014]. Традиционно высокий интерес лингвисты проявляют к изучению дискурсивного проявления ксенофобии по отношению к мигрантам в СМИ и политическом дискурсе [Burgoughs 2015; Don, Lee 2014; Pecoud 2014; Hart 2014; Khosravini 2014; Lamb 2013; Lueck et al. 2015; Martínez Lirola 2014; Migraciones 2010; Millar 2013; Wodak 2013 и др.], а также к анализу расистских, фашистских, националистических дискурсов, в которых открыто культивируется «язык ненависти» (*hate speech*) по отношению к мигрантам [Baker, Potts 2013; Engel, Wodak 2013; Gavins, Simpson 2015; Malmqvist 2015; McGlashan 2013; Musolff 2013; Right-Wing Populism 2013].

В XXI в. мир живет в условиях повышенной террористической угрозы, источник ко-

торой связывается с радикальными исламистскими идеологиями. В критическом дискурс-анализе проблема терроризма занимает важное место, но рассматривается под своим углом зрения. Не подвергая сомнению терроризм как абсолютное зло, авторы акцентируют внимание на том, что терроризм становится концептом, эксплуатируемым СМИ и обществом в качестве реализации ксенофобии по отношению ко всем мусульманам или согражданам, которые являются выходцами из стран Ближнего Востока [Brown 2015; Cheng 2015; Heath-Kelly 2015; Stump, Dixit 2015; Joseph 2015; Maher, Thomson 2015; Saghaye-Biria 2012; Spencer 2015; Toros 2015].

Очевидно, что предрассудки, реализуемые в политическом дискурсе, генетически связаны с образовательным дискурсом. При этом образовательный дискурс может как формировать предрассудки, так и заимствовать их из текущего политического и медиадискурса. В этом направлении усилия исследователей направлены на поиск проявлений нетерпимости в образовательном дискурсе как элемент борьбы за лучшее политическое будущее [Awyed-Bishara 2015; Ayers 2014; Gu 2015; Ng 2014; Ledin, Machin 2015; Romera 2015; Talib, Fitzgerald 2015; Zhang, O'Halloran 2013]. К этим исследованиям примыкают поиски воспроизводства стереотипов в экологическом законодательстве, рассматриваемом как средство ущемления прав не только экологов, но и всех жителей планеты [Bevitori 2014; Gellers 2015; KhosraviNik, Unger 2015; Sabet 2014; Stibbe 2014].

Отдельное направление критического дискурс-анализа связано с анализом стратегий легитимации евроцентризма и постколониализма. Деколонизация многих стран после Второй мировой войны во многом не достигла декларируемых результатов. Нередко бывшие колонии остались в зоне влияния бывших метрополий, произошла лишь трансформация механизмов управления. Среди этих механизмов вмешательства во внутренние дела — методы «мягкой силы», экономические механизмы воздействия, информационная война, индуцирование внутриполитических проблем в бывших колониях и т. п.

Такой подход нередко получает распространение среди исследователей из неевропейских стран. Примером может служить исследование Э. Абало [Abalo 2016]. Автор поставил цель проследить, как в западных СМИ формируется образ венесуэльцев-оппозиционеров и венесуэльцев, поддерживающих официальную власть. Как показал

анализ, западная пресса последовательно формировала образ оппозиционеров как благородных борцов за европейские ценности и жертв авторитарного режима, в то время как венесуэльцы, поддерживающие правительство, но не соответствующие европейским стандартам мировоззрения, выступали в роли злодеев или жертв официальной пропаганды. Схожий подход использовали китайские исследователи, проследившие перманентное воспроизводство предвзятого отношения к китайским реалиям в американском институциональном дискурсе [Zhang, Di 2016].

Все чаще исследователи критического направления обращают внимание на парадокс, заключающийся в использовании демократических лозунгов для оправдания недемократических действий. Под лозунгами защиты прав меньшинств политики-демократы реализуют цели, эксплицитно не декларируемые в политическом дискурсе. Переосмыслению британского дискурса демократии посвящена монография «Discourse and Democracy: Critical Analysis of the Language of Government» [Farrelly 2014]. По признанию автора, написание этой монографии его сподвиг случай в его родном городе Престоне. Как выяснилось, руководство города вело секретные переговоры с одним из наиболее богатых людей Великобритании, который рассчитывал, что его девелоперская компания получит контракт на снос большей части центра города и его застройку более выгодными для хозяина компании зданиями. Никто не интересовался мнением жителей Престона. Дальнейшее сопоставление дискурсивной объективации концепта демократии с экстралингвистической действительностью приводит автора к выводу о том, что *democracy* — абстрактное понятие, используемое политическими элитами для поддержания существующего социального неравенства и легитимации войн.

Со времен публикации Дж. Лакоффом исследования о метафорическом оправдании войны в Персидском заливе [Lakoff 1991] тема «справедливой войны» не сходит со страниц критических исследований. В последние годы проблема легитимации военной агрессии рассматривается преимущественно на примере американского политического дискурса, что вполне закономерно, учитывая ведущую роль США в развязывании военных конфликтов [Bhatia 2013; Dunmire 2013; Gavriely-Nuri 2015; Hodges 2013; Podvornaia 2013; Sahlane 2013].

Отдельный интерес сторонников критического дискурс-анализа вызывает анализ примеров дискриминации языка мень-

шинств. Типичный пример такого ракурса анализа — публикации Р. Вессеи, посвященные так называемому Пастагейту [Vessey 2015, 2016]: когда инспекторы из Квебекского офиса французского языка (OQLF) стали возражать против использования слова *pasta* в меню итальянского ресторана в Монреале в 2013 г., в СМИ и социальных медиа разгорелись споры. *Pastagate* (как стали называть этот случай по уже ставшей традиционной морфологической модели для политических скандалов) выявил наличие идеологического противостояния по языковым вопросам, казалось бы, в благополучном и толерантном канадском обществе.

Широкая популярность критического дискурс-анализа в политической лингвистике сочетается с нередкой критикой этого подхода. К основным недостаткам критического анализа относят игнорирование эвристик когнитивной лингвистики [Chilton 2005], неприменную «критичность» анализа [Billig 2003] (должны существовать тексты, которые не вызывают критики, а заслуживают одобрения, что потребует дополнить критический анализ «позитивным дискурс-анализом»), субъективность интерпретаций [Mautner 2009], которую можно нивелировать с помощью привлечения количественных методов.

REFERENCES

1. Abalo E. Through eurocentric logics. The construction of difference in foreign news discourse on Venezuela // Journal of Language and Politics. 2016. Vol. 15 (1). P. 94—115.
2. Awayed-Bishara M. Analyzing the cultural content of materials used for teaching English to high school speakers of Arabic in Israel // Discourse & Society. 2015. Vol. 26, No. 5. P. 517—542.
3. Ayers R. Crossing Borders: The Role of Discourse Diversity in Multicultural Education // Multicultural Education Review. 2014. Vol. 6, Iss. 2. P. 53—80.
4. Baker P., Potts A. 'Why do white people have thin lips?' Google and the perpetuation of stereotypes via auto-complete search forms // Critical Discourse Studies. 2013. Vol. 10, Iss. 2. P. 187—204.
5. Bevtori C. Values, Assumptions and Beliefs in British Newspaper Editorial Coverage of Climate Change // Contemporary Critical Discourse Studies. — London : Bloomsbury Academic, 2014. P. 603—625.
6. Bhatia A. World of the Impolitic: A Critical Study of the British WMD Dossier // Discourses of War and Peace / ed. by A. Hodges. — New York : Oxford Univ. Pr., 2013. P. 95—117.
7. Billig M. Critical Discourse Analysis and the Rhetoric of Critique // Critical Discourse Analysis / ed. by G. Weiss, R. Wodak. — Houndmills : Palgrave Macmillan, 2003. P. 35—46.
8. Brown K. Marginality as a Feminist Research Method in Terrorism and Counter-Terrorism Studies // Critical Methods in Terrorism Studies / ed. By P. Stump, J. Dixit. — New York : Routledge, 2015. P. 137—149.
9. Burroughs E. Discursive representations of 'illegal immigration' in the Irish newsprint media: The domination and multiple facets of the 'control' argumentation // Discourse & Society. 2015. Vol. 26 (2). P. 165—183.
10. Cheng J. Islamophobia, Muslimophobia or racism? Parliamentary discourses on Islam and Muslims in debates on the minaret ban in Switzerland // Discourse & Society. 2015. Vol. 26 (5). P. 562—586.
11. Chilton P. Missing Links in Mainstream CDA: Modules, Blends and the Critical Instinct // A New Agenda in (Critical)

Discourse Analysis / R. Wodak, P. Chilton. — Amsterdam; Philadelphia : John Benjamins, 2005. P. 19—51.

12. Diabah G., Amfo N. Caring supporters or daring usurpers? Representation of women in Akan proverbs // *Discourse Society*. 2015. Vol. 26, No. 1. P. 3—28.

13. Don Z. M., Lee Ch. Representing immigrants as illegals, threats and victims in Malaysia: Elite voices in the media // *Discourse & Society*. 2014. Vol. 25. P. 687—705.

14. Dunmire P. 'New World Coming': Narratives of the Future in U.S. Post-Cold War National Security Discourse // *Discourses of War and Peace* / ed. by A. Hodges. — New York : Oxford Univ. Pr., 2013. P. 23—46.

15. Engel J., Wodak R. Calculated Ambivalence and Holocaust Denial in Austria // *Analysing Fascist Discourse: European Fascism in Talk and Text* / R. Wodak, J. E. Richardson (eds.). — London : Routledge, 2013. P. 73—96.

16. Eriksson G. Ridicule as a strategy for the recontextualization of the working class. A multimodal analysis of class-making on Swedish reality television // *Critical Discourse Studies*. 2015. Vol. 12, Iss. 1. P. 20—38.

17. Fairclough N. A Dialectical-Relational Approach to Critical Discourse Analysis // *Methods of Critical Discourse Analysis* / ed. by R. Wodak, M. Meyer. — London : Sage, 2009. P. 162—186.

18. Fairclough N. *Language and Power*. — London : Routledge, 2015. 264 p.

19. Fairclough N., Graham Ph. W. Marx as a Critical Discourse Analyst: The Genesis of a Critical Method and its Relevance to the Critique of Global Capital // *Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language*. — Oxon and New York : Routledge, 2010. P. 301—346.

20. Farrelly M. *Discourse and Democracy. Critical Analysis of the Language of Government*. — London : Routledge, 2015. 138 p.

21. Gavins J., Simpson P. Regina v John Terry: The Discursive Construction of an Alleged Racist Event // *Discourse & Society*. 2015. Vol. 26, No. 6. P. 712—732.

22. Gavriely Nuri D. Friendly fire: war-normalizing metaphors in the Israeli political discourse // *Journal of Peace Education*. 2009. Vol. 6, Iss. 2. P. 153—169.

23. Gellers J. Greening critical discourse analysis. Applications to the study of environmental law // *Critical Discourse Studies*. 2015. Vol. 12, Iss. 4. P. 482—493.

24. Hart C. *Discourse, Grammar and Ideology. Functional and Cognitive Perspectives*. — London : Bloomsbury Academic, 2014. 232 p.

25. Heath-Kelly Ch. Talking about Revolution: Ex-militant Testimony and Conditions of 'Tell-ability' // *Critical Methods in Terrorism Studies* / ed. by P. Stump, J. Dixit. — New York : Routledge, 2015. P. 150—161.

26. Hodges A. The Generic U.S. Presidential War Narrative: Justifying Military Force and Imagining the Nation // *Discourses of War and Peace* / ed. by A. Hodges. — New York : Oxford Univ. Pr., 2013. P. 47—68.

27. Jäger S., Maier F. Theoretical and Methodological Aspects of Foucauldian Critical Discourse Analysis and Dispositive Analysis // *Methods of Critical Discourse Analysis* / ed. by R. Wodak, M. Meyer. — London : Sage, 2009. P. 34—61.

28. Joseph J. Reading Documents in their Wider Context: Foucauldian and Realist Approaches to Terrorism Discourse // *Critical Methods in Terrorism Studies* / ed. by P. Stump, J. Dixit. — New York : Routledge, 2015. P. 19—32.

29. Kilby L., Horowitz A. D., Hylton P. L. Diversity as victim to 'realistic liberalism': analysis of an elite discourse of immigration, ethnicity and society // *Critical Discourse Studies*. 2013. Vol. 10, Iss. 1. P. 47—60.

30. Khosravinik M. Immigration Discourses and Critical Discourse Analysis: Dynamics of World Events and Immigration Representations in the British Press // *Contemporary Critical Discourse Studies* / ed. by C. Hart, P. Cap. — London ; New York : Bloomsbury Academic, 2014. P. 501—519.

31. Khosravinik M, Unger J. Critical Discourse Studies and Social Media: power, resistance and critique in changing media ecologies // *Methods of Critical Discourse Studies* / ed. by R. Wodak, M. Meyer. — London : Sage, 2015. P. 206—233.

32. Lakoff G. *Metaphor and War. The Metaphor System Used to Justify War in the Gulf*. 1991. URL: metaphor.uoregon.edu/lakoff-1.htm.

33. Lamb E. Power and resistance: New methods for analysis across genres in critical discourse analysis // *Discourse & Society*. 2013. Vol. 24 (3). P. 334—360.

34. Lexikon Kritische Diskursanalyse: Eine Werkzeugkiste / S. Jäger, J. Zimmermann (Hrsgs.). — Münster : Unrast, 2010. 144 S.

35. Lueck K., Due C., Augoustinos M. Neoliberalism and nationalism: Representations of asylum seekers in the Australian mainstream news media // *Discourse Society*. 2015. Vol. 26, No. 5. P. 608—629.

36. Maher D., Thomson A. Applying Marxism to Critical Terrorism Studies: Analysis through a Historical Materialist Lens // *Critical Methods in Terrorism Studies* / ed. by P. Stump, J. Dixit. — New York : Routledge, 2015. P. 33—46.

37. Ledin P., Machin D. A multimodal critical discourse analytic approach to university rebranding // *Handbook of Brand Semiotics* / ed. G. Rossolatos. — Kassel : Kassel Univ. Pr., 2015. P. 328—363.

38. Malmqvist K. Satire, racist humour and the power of (un)laughter: On the restrained nature of Swedish online racist discourse targeting EU-migrants begging for money // *Discourse & Society*. 2015. Vol. 26, No. 6. P. 733—753.

39. Martínez Lirola M. Exploring visual dysphemisms in pieces of news related to immigrant minors in a Spanish newspaper // *Visual Communication*. 2014. Vol. 13 (4). P. 405—427.

40. Mautner G. Checks and Balances: How Corpus Linguistics can Contribute to CDA // *Methods of Critical Discourse Analysis* / R. Wodak, M. Meyer. — London : Sage, 2009. P. 122—143.

41. McGlashan M. The Branding of European Nationalism: perpetuation and novelty in racist symbolism // *Analysing Fascist Discourse: European Fascism in Talk and Text* / R. Wodak, J. E. Richardson (eds.). — London : Routledge, 2013. P. 297—314.

42. Mellouki S. The infusion of Islam into pluralistic politics: The need to explore the Islamist identity beyond ideological boundaries — The case of the Moroccan Party of Justice and Development // *Discourse & Society*. 2015. Vol. 26 (6). P. 662—681.

43. *Methods of Critical Discourse Analysis* / ed. by R. Wodak, M. Meyer. — London : Sage, 2015. 272 p.

44. Migraciones, discursos e ideologías en una sociedad globalizada: claves para su mejor comprensión / M. Martínez Lirola (ed.). — Alicante : Instituto Alicantino de Cultura Juan Gil Albert, 2010. 160 p.

45. Musolff A. The heart of Europe: Synchronic variation and historical trajectories of a political metaphor // *Speaking of Europe. Approaches to complexity in European political discourse* / ed. by K. Fløttum. — Amsterdam : John Benjamins, 2013. P. 135—150.

46. Ng C. J. W. 'We offer unparalleled flexibility': Purveying conceptual values in higher educational corporate branding // *Discourse and Communication*. 2014. Vol. 8 (4). P. 391—410.

47. Pecoud A. Depoliticising Migration. *Global Governance and International Migration Narratives*. — Basingstoke : Palgrave, 2014. 145 p.

48. Podvornaia A. The Discursive Battlefield of the "War on Terror": Enabling Strategies for Garnering Public Support in the Rhetoric of George W. Bush and Osama bin Laden // *Discourses of War and Peace* / ed. by A. Hodges. — New York : Oxford Univ. Pr., 2013. P. 69—94.

49. Right-wing populism in Europe: politics and discourse / ed. by R. Wodak, M. Khosravinik, B. Mral. — London : Bloomsbury, 2013. 334 p.

50. Romera M. The transmission of gender stereotypes in the discourse of public educational spaces // *Discourse & Society*. 2015. Vol. 26. P. 205-229.

51. Sabet M. 'Moral offset'. Competing framings of pro-environmental lifestyle choices // *Critical Discourse Studies*. 2014. Vol. 11(1). P. 95—116.

52. Saghaye-Biria H. American Muslims as radicals? A critical discourse analysis of the US congressional hearing on 'The Extent of Radicalization in the American Muslim Community and That Community's Response' // *Discourse & Society*. 2012. Vol. 23 (5). P. 508—524.

53. Sahlane A. Metaphor as rhetoric: newspaper Op/Ed debate of the prelude to the 2003 Iraq War // *Critical Discourse Studies*. 2013. Vol. 10, No. 2. P. 154—171.

54. Scollon S. *Political and Somatic Alignment: Habitus, Ideology and Social Practice* // *Critical Discourse Analysis. Theory and Interdisciplinarity* / ed. by G. Weiss, R. Wodak. — London : Pal-

grave Macmillan, 2003. P. 167—198.

55. Scollon R., Scollon S. Lighting the Stove: Why Habitus Isn't Enough for Critical Discourse Analysis // *A New Agenda in (Critical) Discourse Analysis* / ed. by R. Wodak, P. Chilton. — Amsterdam : John Benjamins, 2005. P. 101—117.

56. Spencer A. Metaphor Analysis as a Method in Terrorism Studies // *Critical Methods in Terrorism Studies* / ed. by P. Stump, J. Dixit. — New York : Routledge, 2015. P. 91—107.

57. Stubbe A. An Ecolinguistic Approach to Critical Discourse Studies // *Critical Discourse Studies*. 2014. Vol. 11 (1). P. 117—128.

58. Strom M. Intersemiotic relationships in Spanish-language media in the United States: A critical analysis of the representation of ideology across verbal and visual modes // *Discourse & Communication*. 2015. Vol. 9. P. 487—508.

59. Talib N., Fitzgerald R. Inequality as Meritocracy; The use of the metaphor of diversity and the value of inequality within Singapore's meritocratic education system // *Critical Discourse Studies*. 2015. Vol. 12 (4). P. 445—462.

60. Toft A. Contesting the deviant other: Discursive strategies for the production of homeless subjectivities // *Discourse & Society*. 2014. Vol. 25. P. 783—809.

61. Toros H. Terrorists as Co-Participants? Outline of a Research Model // *Critical Methods in Terrorism Studies* / ed. by P. Stump, J. Dixit. — New York : Routledge, 2015. P. 49—58.

62. Unger J., Wodak R., Khosravinik M. Critical Discourse Studies and Social Media Data // *Qualitative Research* / ed. by D. Silverman. — London : SAGE, 2016. P. 277—293.

63. Van Dijk T. Critical Discourse Studies: A Sociocognitive Approach // *Methods of Critical Discourse Analysis* / R. Wodak, M. Meyer. London : Sage, 2009. P. 62—86.

64. Van Dijk T. Discourse and Knowledge A Sociocognitive Approach. — Cambridge : Cambridge Univ. Pr., 2014. 407 p.

65. Van Dijk T. Principles of Critical Discourse Analysis / T. Van Dijk // *Discourse and Society*. 1993. Vol. 4 (2). P. 243—289.

66. Vessey R. Food fight: conflicting language ideologies in English and French news and social media // *Journal of Multicultural Discourses*. 2015. Vol. 10 (2). P. 253—271.

67. Vessey R. Language ideologies in social media. The case of Pastagate // *Journ. of Language and Politics*. 2016. Vol. 15 (1). P. 1—24.

68. Wodak R. Dis-citizenship and migration: a critical discourse-analytical perspective // *Journ. of Language, Identity and Education*. 2013. Vol. 12 (3). P. 173—178.

69. Wodak R. The Discourse-Historical Approach // *Methods of Critical Discourse Analysis* / ed. by R. Wodak, M. Meyer. — London : Sage, 2009. P. 63—94.

70. Zhang H., Di W. Making intelligence more transparent. A critical cognitive analysis of US strategic intelligence reports on Sino-US relation // *Journ. of Language and Politics*. 2016. Vol. 15 (1). P. 63—93.

71. Zhang Y., O'Halloran K. 'Toward a global knowledge enterprise': university websites as portals to the ongoing marketization of higher education // *Critical Discourse Studies*. 2013. Vol. 10, Iss. 4. P. 468—485.

E. V. Budaev

Ekaterinburg, Russia

CRITICAL ANALYSIS OF POLITICAL DISCOURSE: MAIN TRENDS OF CONTEMPORARY FOREIGN RESEARCH

ABSTRACT. *The paper deals with principal theoretical and methodological approaches to critical analysis of political discourse and main subjects within the framework. As theoretical and methodological approaches are concerned there three main approaches to CDA: Dialectical Relational Approach, Socio-Cognitive Approach, Discourse-Historical Approach. The goal of Dialectical Relational Approach elaborated by N. Fairclough is to study interrelation of discourse, action, subjects, social relations, values, time and place of communication. Socio-Cognitive Approach developed by T. van Dijk is characterised by the interaction between cognition, discourse and society. The Discourse-Historical Approach (R. Wodak) aims to describe language and other semiotic practices at textual, intertextual and interdiscursive levels as means used by those in power to maintain social domination. Additional frameworks include the Duisburg Approach to CDA (S. Jäger, F. Meier) and Mediated Discourse Analysis developed by R. Scollon and S. Scollon. Main themes of CDA cover study of discursive discrimination of minor social groups, images of terrorism, problems of eurocentrism and neocolonialism.*

KEYWORDS: *critical discourse analysis; political discourse; political communication; linguistic research.*

ABOUT THE AUTHOR: *Budaev Eduard Vladimirovich, Doctor of Philology, Professor of the Foreign Languages Department, Russian State Vocational Pedagogical University; Professor of Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University Ekaterinburg, Russia.*

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.

Э. В. Будаев
Екатеринбург, Россия
О. Н. Кондратьева
Кемерово, Россия
Е. А. Нахимова
А. П. Чудинов
Екатеринбург, Россия

МЕТОДИКА ДИАХРОНИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЕТАФОРИКИ

АННОТАЦИЯ. Обзор методологии и методик диахронического исследования политической метафорологии. Выделяются ведущие научные школы и направления в области исторического изучения российской политической метафорологии и ее взаимодействия с зарубежным опытом изучения политических метафор. Анализ дискуссий о соотношении стабильности и инноваций в политической метафоре, о периодах метафорических бурь и метафорического затишья в политической коммуникации. Дифференцируются публикации, в которых объектом диахронического исследования становится: 1) политический дискурс отдельного государства за все время его существования либо за определенный исторический период; 2) фрагмент политической действительности (образ, событие, персонаж) и репрезентирующие его в разные периоды метафоры; 3) метафорическая модель и ее функционирование в политической коммуникации на разных этапах; 4) идиостиль политика, эволюция его метафорического инструментария. Выделение основных этапов в рамках диахронического исследования метафорологии и соответствующих им методик исследования с учетом различий между когнитивно-дискурсивным, риторическим, семиотическим, психолингвистическим, лингвокультурологическим и иными научными подходами к диахроническому изучению метафор. В заключение отмечается, что комплексное рассмотрение эволюции метафорических моделей (в политическом дискурсе, в рамках определенных жанров, в речи отдельных политиков и др.) станет важным шагом в развитии диахронической метафорологии и будет способствовать выявлению особенностей национального миромоделирования на разных исторических этапах его развития.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политические метафоры; диахронические исследования; метафорические модели; эволюция метафор; политическая метафорология; политический дискурс; метафорическое моделирование.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: Будаев Эдуард Владимирович, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков, теории и методики обучения, Российский государственный профессионально-педагогический университет; профессор кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного, Уральский государственный педагогический университет; 620012, Россия, г. Екатеринбург, ул. Машиностроителей, д. 11; e-mail: aedw@mail.ru.

Кондратьева Ольга Николаевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка, Кемеровский государственный университет; 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6, корп. 6, к. 6309; e-mail: kondr25@rambler.ru.

Нахимова Елена Анатольевна, доктор филологических наук, профессор кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного, Уральский государственный педагогический университет; 620017, Россия, Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 285; e-mail: nakhimova@gmail.com.

Чудинов Анатолий Прокопьевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного, Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия; 620017, Россия, Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 285; e-mail: ap_chudinov@mail.ru.

Исследование истории метафорических систем — одно из интенсивно развивающихся направлений современной политической метафорологии. Специалисты стремятся проанализировать специфику проявления тенденций к исторической стабильности и обновлению, к национальной самобытности и взаимодействию с иными культурами на разных этапах развития систем политических метафор.

За последние десятилетия в нашей стране подготовлено множество исследований, посвященных разноаспектному описанию политической метафорики на различных синхронных срезах — досоветском (начиная с древнерусского) [Балашова 1998; Балашова 2014; Кондратьева 2014; Солопова 2015 и др.], советском [Быкова 2014; Нахимова 2011], постсоветском [Баранов, Караулов 1994; Будаев 2007; Чудинов 2001], современном [Будаев, Чудинов 2008; Солопова 2015; Чудинов 2013 и др.]. Подобные исследова-

ния позволяют воссоздать особенности мировидения определенной нации в минувшие эпохи, однако не дают (да и не ставят перед собой цели) показать трансформацию исходной политической картины мира в современную, проследить эволюцию политической метафорической системы [Аникин, Будаев, Чудинов 2015а; Аникин, Будаев, Чудинов 2015b].

В подобных исследованиях важно учитывать предложенный Э. В. Будаевым тезис о необходимости разграничивать собственно диахронический анализ и анализ ретроспективный, направленный на изучение явлений, характерных в определенный исторический период. Анализ материала минувших эпох в определенный временной период (ретроспекция) — это, по сути, «синхрония, опрокинутая в прошлое», поскольку синхронический и ретроспективный подходы основаны исключительно на изучении нетемпоральных закономерностей, первый — в современно-

сти, второй — в истории, в то время как противопоставленный им по своей сущности «диахронический анализ нацелен прежде всего на фиксацию темпоральных изменений или констатацию отсутствия таковых в изучаемых явлениях» [Будаев 2011: 142].

Несомненно, что именно диахронический подход к анализу материала, основанный на сопоставлении данных разных эпох, обладает наибольшим эвристическим потенциалом, так как позволяет проследить эволюцию национального мировидения и воплощающих его языковых средств, дает возможность установить специфику каждого этапа, продемонстрировать особенности взаимодействия языка, политики и культуры.

Исследование диахронического развития политической метафоры, первоначально представляющее собой группу единичных разрозненных наблюдений, существенно отличающихся по целям и методике, на данном этапе постепенно превращается в одно из интенсивно развивающихся направлений науки, находящееся на пересечении сравнительно-исторического языкознания, когнитивистики и политологии.

Постепенно формируется понятийно-терминологический аппарат политической метафорологии. В публикациях А. П. Чудинова обосновано введение термина «доминантная метафорическая модель», дано его определение и сформулированы закономерности в истории политической метафорики [Чудинов 2001, 2013, 2015 и др.]. Здесь же охарактеризовано чередование периодов интенсивного развития («метафорические бури») и периодов относительной стабильности («метафорические штилы»).

В монографии Э. В. Будаева охарактеризован зарубежный опыт ретроспективных и диахронических исследований политической метафорики, охарактеризованы методики сопоставления метафорики различных дискурсов и предложены методики равномерной и фокусной фрагментации, а также фрагментации с комбинированным шагом [Будаев 2011]. Л. В. Балашова и О. Н. Кондратьева предложили фундаментальные описания эволюции социально-политической метафорики от древнерусского периода к современности, тем самым представив современную политическую метафору как закономерный этап в ее тысячелетней истории [Балашова 1998; Балашова 2014; Кондратьева 2014].

Современные диахронические исследования политической метафорики в наиболее общем виде направлены на рассмотрение взаимодействия тенденций к исторической стабильности и исторической динамике,

к сохранению культурной самобытности и к взаимодействию с другими культурами. Многочисленные факты, свидетельствующие об *архетипичности* систем политических метафор, дополняются материалами, свидетельствующими о значительной *вариативности* политических метафор.

Тенденция к стабильности проявляется в том, что система политических метафор имеет устойчивое ядро, которое не меняется со временем и воспроизводится в политической коммуникации на протяжении многих веков. Согласно такой точке зрения, и в Древней Греции, и в средневековой Европе, и в любой стране современного мира политические метафоры весьма похожи по сферам-источникам и сферам-мишеням, поскольку люди есть люди и ведущие черты их мышления весьма похожи.

С этой точки зрения привлекают внимание публикации Е. А. Нахимовой, в которых рассматривается, помимо прочего, историческая динамика прецедентных онимов, в том числе разграничиваются окказионализмы, неологизмы, архаизмы и историзмы [Нахимова 2011; Нахимова 2012]. Так, с давних времен в русской политической коммуникации существует традиция метафорически использовать имена собственные. Показательны следующие строки М. В. Ломоносова из «Оды на день восшествия Ее Величества Государыни Императрицы Елисаветы Петровны...»:

*Держайте ныне ободрены
Реченьем вашим показать,
Что может собственных Платонов
И быстрых разумом Невтонов
Российская земля рождать.*

В этом художественно-политическом тексте имена древнегреческого философа и британского физика метафорически используются для обозначения выдающегося ученого и — шире — великого человека. Как показывают наши материалы, имена Платона и Ньютона активно используются и в современной политической коммуникации, но в отечественной коммуникации в этой же функции используются и другие прецедентные метафоры, в том числе и имя автора процитированной оды. Ср.: *А кто поможет Мишке Ломоносову из архангельской глубинки? Кто оплатит его дорогу в Москву?* (В. Костиков — АиФ, 2015, № 42). *Кто „оденет“ новых Ломоносовых? Что заставляет наших ученых покидать страну в поисках работы за рубежом? Что делать? Готовиться к тому, что новые Зворыкины и Сикорские будут работать на США, или попытаться вернуть умы?* (А. Кавокин. — АиФ, 2014, № 45). *России нужны новые Ку-*

либины. Если вспомним исторического Ивана Кулибина, то ведь он заведовал механической мастерской в Петербургской академии наук. Под его руководством подмастерья творили чудеса (В. Козлов, АиФ, 2012, № 35). *Капицы в погонах. Этим солдатам разрешается умничать даже в строю* (А. Хохлов — Комсомольская правда, 26.11.2014).

Представленный материал ярко отражает общие закономерности: с одной стороны, стабильность использования модели «Имя (фамилия) конкретного выдающегося ученого — обозначение других ученых с аналогичными научными достижениями», а с другой — постоянные инновации в смысловом наполнении, которое отражает изменения в обществе и социальном восприятии тех или иных людей, событий, ситуаций.

Подобные примеры легко обнаруживаются и в других сферах-источниках метафорической экспансии (искусство, политика, военное дело, образование, ораторика, медицина) [Нахимова 2007, 2011, 2012], причем изменяются не только имена, но и оценки соответствующих людей.

Значительный интерес представляет **дискуссия о причинах стабильности и инноваций**. Среди причин существования в разных культурах однотипных метафор специалисты называют устойчивые детерминанты человеческого сознания или архетипы коллективного бессознательного. Применительно к политическим метафорам эта точка зрения последовательно проводилась Майклом Осборном и его единомышленниками в теории архетипичных метафор [Osborn 1967; Osborn 1977]. М. Осборн в основном опирался на методологию бихевиоризма, хотя в принципе подобные выводы могут находить методологическое основание в разных теориях (структурализм В. Я. Проппа, историческая поэтика А. Н. Веселовского, аналитическая психология К. Г. Юнга, экспериенциальный реализм и теория «телесного разума» Дж. Лакоффа и М. Джонсона).

Взаимодействие тенденций к стабильности и вариативности национальных метафорических систем проявляется, в частности, в том, что, несмотря на то, что архетипичные метафоры используются едва ли не во всех культурах и во все времена, развитие культуры, науки и техники может воздействовать на их частотность, на появление новых вариантов и углубление аллюзивного потенциала. В частности, Майкл Осборн, изучив десятки политических выступлений XIX—XX вв., обнаружил, что технический прогресс может уменьшать распространенность традиционных метафор. Например, в XX в. резко со-

кратилось количество метафорических образов, связанных с водой, в то время как в XIX в. речные и океанские метафоры были очень распространены [Osborn 1977]. Яркой чертой нашего времени стала экспансия компьютерной (по сфере-источнику) метафоры, которая, с одной стороны, тесно связана с традиционной сферой-источником «Техника», а с другой — отличается принципиально новыми направлениями развития метафорических смыслов.

Когнитивная концепция стабильности и инноваций в политической метафорике получила оформленный характер в теории концептуальной метафоры, согласно которой механизмы метафоризации бессознательны и определяются физическим опытом взаимодействия человека с окружающим миром [Lakoff, Johnson 1980]. Таким образом, важным основанием для метафорического универсализма стала анатомо-физиологическая общность представителей homo sapiens, до некоторой степени предопределяющая закономерности мышления. Вместе с тем при критике теории концептуальной метафоры необходимо учитывать, что, согласно теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона, концептуальные метафоры согласованы с основными концептами той или иной культуры, что в принципе не только преодолевает недостатки культурного универсализма, но и объясняет причины диахронической вариативности политической метафоры.

Для когнитивной теории политической метафоры важны публикации Дж. Лакоффа, посвященные первой и второй войне в Персидском заливе [Lakoff 1991; Lakoff 2003]. Здесь автор, с одной стороны, демонстрирует однотипность многих метафорических образов, а с другой — выделяет новые метафорические модели. Исследователь детально характеризует метафорические системы, служащие для оправдания участия США в военных действиях против Ирака и метафорические способы дискредитации президента Саддама Хусейна.

Для нашего исследования особую значимость имеет вопрос об исторической динамике российских (советских) политических метафор. Уже в первых отечественных публикациях по этой проблеме было отмечено, что в сталинскую эпоху доминировали метафоры войны и механизма, во времена Л. И. Брежнева максимально активизировались метафоры родства, а domestic и строительные метафоры — отличительный признак эпохи перестройки [Баранов, Караулов 1991, 1994]. Соответственно метафоры из сфер-источников «Театр», «Секс», «Криминал», «Монархия» — яркая примета пери-

ода президентства Бориса Ельцина [Чудинов 2001, 2003].

В последние годы проблемы исторического развития политических метафор активно изучают представители Уральской лингвистической школы [Alekseeva, Mishlanova, Nakhimova, Tchudinov 2014; Аникин, Будаев, Чудинов 2015a, 2015b]. Авторами рассмотрены тенденции к стабильности и инновациям в истории российских политических метафор, сопоставлены отечественные и зарубежные методики изучения истории политических метафор, охарактеризован вклад российских ученых в теорию и методику исследования политической метафористики, развитие теории и практики исторической метафорологии. Сделан вывод об арсенале современных российских политических метафор как сложной системе, ставшей итогом многовекового развития, как результате взаимодействия тенденций к стабильности и инновациям, к сохранению культурной самобытности и взаимодействию с другими культурами.

Разделение периода времени на определенные сегменты при диахронических исследованиях политической коммуникации может быть равномерным и фокусным. При *равномерной фрагментации* временной отрезок делится на равные части, называемые шагом фрагментации. Сопоставление данных из разных сегментов позволяет получать новые данные о диахроническом функционировании метафористики. Особый интерес представляют сопоставления данных, полученных на одном и том же материале, но с применением разного шага фрагментации. При *фокусной фрагментации* разбиение временного периода связано с определенными политическими событиями, а шаг фрагментации не привязан к хронологии в астрономическом понимании [Будаев 2011].

Также в работе Э. В. Будаева был сделан вывод, что диахроническая вариативность системы политических метафор имеет два показателя: количественный и качественный. Первый показатель выражается в корреляции между изменением политической ситуации и количеством метафор в политическом дискурсе (динамика метафоричности дискурса). Второй связан с доминированием отдельных метафор и метафорических моделей в различные исторические периоды (динамика доминантности метафористики) [Будаев, 2011].

В публикациях О. А. Солоповой рассмотрены общие закономерности и национальные особенности метафорического моделирования будущего России в российских, британских и американских СМИ с середины

XIX до начала XXI в. [Солопова 2011, 2013, 2014]. В процессе исследования разработана и реализована на практике новая методика диахронического сопоставительного когнитивно-дискурсивного исследования различных и иных стилистических средств, направленных на презентацию будущего в политическом дискурсе. Указанная методика включает внутридискурсивное и междискурсивное сопоставление синхронных и диахронных моделей, каждая из которых состоит из матрицы (статической/динамической), системы метафорических моделей (в синхронии и диахронии) и метафорического сценария (статического/динамического). Три уровня модели обеспечивают одновременную преимущество и изменяемость концептуализации будущего.

В исследовании О. А. Солоповой убедительно доказано, что ретроспективные модели «Будущее России» середины XIX — начала XX в. в политических дискурсах России, США и Великобритании демонстрируют высокую степень тождественности на уровне статических матриц. Об этом свидетельствует преобладание контекстов параметра «внешняя политика», идентичное распределение подпараметров «внешней политики» по шкале частотности в дискурсах трех стран, распределение подмножеств «внутренней политики» в дискурсах России и США. Для систем метафорических моделей характерно преобладание неметафорической вербализации вероятного развития событий над образной; совпадение доминантных метафор «пути» и «болезни» в трех дискурсах, криминальных и зооморфных образов в англоязычных дискурсах. На уровне метафорических сценариев для фрейма «Участники» типично слияние образов царя, монархии, правительства в англоязычных дискурсах, дискретная концептуализация отношений России с США и странами Западной Европы в трех дискурсах; однотипная наполненность слота «Темпоральная локализация» в трех дискурсах, «Пространственная локализация» в дискурсах США и Великобритании, доминирование «светлого будущего» в рамках российского и американского фреймов «Последствия». Модель будущего «глазами прошлого» представляет собой продолжение основных, наиболее значимых линий в грядущее, представление о целях народного развития, об историческом пути страны, об уверенности или сомнениях в ее будущем существовании.

Установлены и объяснены междискурсивные сходства синхронных моделей «Будущее России» начала XXI в. в политических дискурсах трех стран: на уровне статических

матриц — преобладание контекстов параметра «внутренняя политика» над «внешней политикой», однотипное наполнение базовых параметров в англоязычных дискурсах. Для уровня систем метафорических моделей типично преобладание метафорических контекстов над неметафорическими, совпадение двух доминантных моделей — пути и неживой природы — в анализируемых дискурсах, пяти доминантных моделей в политических дискурсах России и США — пути, болезни, неживой природы, монархии и животного мира. Междискурсные сходства зафиксированы на уровне метафорических сценариев: в рамках фрейма «Участники» — слияние образов правителя и страны, моделирование образа национального лидера как активного творца будущего России. О. А. Солопова обнаружила также диахронические межмодельные сходства на уровне систем метафорических моделей — совпадение четырех доминантных моделей в политических дискурсах России, США и Великобритании середины XIX — начала XX в. и начала XXI в.: метафор пути, болезни, неживой природы и животного мира.

В исследованиях О. Н. Кондратьевой была предложена методика диахронического анализа метафоры в отдельно взятой лингвокультуре, описаны основные факторы (экстралингвистические и лингвистические), влияющие на возникновение и эволюцию метафорических моделей, и продемонстрирована зависимость метафорических моделей от эпохи, типа культуры и вида дискурса [Кондратьева 2014]. В статьях, посвященных истории метафор в политическом дискурсе, О. Н. Кондратьева отмечает, что в древнерусских текстах при описании политических реалий наиболее активно использовались метафоры с концептуальными векторами агрессивности и отклонения от естественного положения вещей. Например, Иван Грозный и Андрей Курбский для характеристики своих политических оппонентов используют три группы метафор с ярко выраженным негативным потенциалом: «политический противник — это животное», «политический противник — это отродье дьявола» и «политический противник — это больной человек» [Кондратьева 2003; Кондратьева 2012 и др.].

Обращение к древнерусскому материалу при анализе политической метафоры позволило автору установить специфические особенности данной языковой эпохи. В частности, в процессе развития общества произошло изменение фокуса метафорической проекции: если в современном мире объектом метафорического моделирования является преимущественно внешний облик поли-

тика, его поведенческие реакции и принятые политические решения, то для древнерусских авторов более важными оказывались нравственно-этические характеристики государственного деятеля — именно они подвергались метафорическому осмыслению, становились критерием его соответствия образу идеального правителя.

Также в работах О. Н. Кондратьевой выявлены и описаны метафоры, зародившиеся в новейшем политическом дискурсе России и Украины, дискурсе XX—XXI вв. Наиболее ярким маркером в этом отношении является компьютерная метафора, посредством которой политика предстает как компьютер, работающий с определенными отклонениями, зависающий, требующий перезагрузки и реформатирования, а субъекты политической деятельности — либо как неумелые пользователи, либо как хакеры, действующие в обход принятых законов и наносящие серьезный ущерб операционной системе государственного компьютера [Кондратьева 2014].

Интересные примеры соотношения стабильности метафорических моделей и постоянного обновления конкретных метафорических образов представлены в исследованиях Р. Д. Керимова. Анализ современных немецких политических метафор свидетельствует, с одной стороны, об активном использовании традиционной для Германии военной модели, а с другой — позволяет убедиться, что арсенал конкретных образов связан с различными эпохами. В частности, современные немецкие политики активно обращаются к образам, восходящим к Средневековью, ко временам короля Фридриха, к опыту сражений с Наполеоном, ко временам канцлера Бисмарка, к войнам первой половины прошлого века и боевым действиям во Вьетнаме, Югославии, Ираке и Ливии [Керимов 2012, 2013]. Стабильность модели и вариативность конкретных образов — характерное свойство политической метафоры.

Своего рода энциклопедией истории русской метафоры стала обобщающая монография «Русская метафорическая система в развитии: XI—XXI вв.» [Балашова 2014]. Для нашего обзора особенно важна третья глава, где представлено авторское видение принципов диахронического исследования метафоры. В поисках истоков современной теории Л. В. Балашова обращается к созданным еще в конце XIX в. трудам Н. В. Крушевского, который сформулировал закон «соответствия мира слов миру мыслей» и доказал, что изменения значений слов во многом зависят от динамики «наших представлений о реальной действительности». Важны для исторической метафороло-

гии идеи М. М. Покровского, который на рубеже XIX и XX вв. неоднократно подчеркивал системный характер развития словесной семантики. Вместе с тем Л. В. Балашова справедливо отмечает взаимодействие «системных и асистемных тенденций как в синхронном состоянии языка, так и в его развитии» [Балашова 2014: 43]. Исследователь подчеркивает «необходимость учитывать особенности культуры народа, реалии, сопровождающие носителей языка», а также взаимодействие языческой и христианской культуры, славянских и византийских традиций метафоротворчества [Там же: 46].

Процедура диахронического анализа во многом зависит от аспекта изучения метафорической динамики. Рассмотрим типичные аспекты диахронического исследования политических метафор.

1. Исследование исторической динамики метафорических моделей в политическом дискурсе отдельного государства. В связи с объемностью объекта исследования подобные проекты, как правило, имеют обзорный характер и представляют собой сопоставительный анализ ряда работ, посвященных описанию политической метафоры в определенные периоды истории государства. Например, в результате сопоставительного анализа работ, посвященных описанию метафоры различных периодов существования Российского государства, стал возможным вывод об изменении доминантных метафорических моделей в XX столетии. В частности, как уже было отмечено выше, в советскую тоталитарную эпоху доминировали милитарные метафоры, в эпоху застоя — метафоры родства, в период перестройки — архитектурные метафоры, а конец столетия ознаменовался доминированием театральных, сексуальных и криминальных метафор [Баранов 1991; Будаев 2011; Каслова 2003; Чудинов 2001; Budaev, Chudinov 2015]. Подобный анализ дает возможность показать, что в разные исторические периоды существовали разные концепции политики, что находило свое выражение и в доминирующих метафорических стратегиях, которые в значительной степени определяются господствующей идеологией и духом эпохи.

2. Исследование отдельных фрагментов политической действительности (образ, событие, ситуация) и репрезентирующие его в разные периоды метафоры. Соответственно, при таком подходе константой является сфера-мишень, в динамическом аспекте рассматриваются задействованные для ее репрезентации сферы-источники. Наиболее активно в подобном

аспекте описывается образ родной страны и образы ее будущего и прошлого (см., например, работы А. А. Пшенкина, Т. В. Быковой, О. А. Солоповой).

В диссертации А. А. Пшенкина рассмотрены закономерности метафорического представления **образа СССР и России** в американском политическом дискурсе со второй половины XX в. до начала нового столетия. Автор выделяет *два основных исторических периода* — *советский и постсоветский*. Данное исследование ярко демонстрирует, что при создании образа если не друга, то хотя бы партнера используются совсем иные метафоры, чем образы, которыми пользовались при характеристике «империи зла»: это касается не только репертуара моделей, но и конкретных фреймов, слотов и концептов. Вместе с тем автор показывает, что многие способы метафорического представления остаются стабильными и стереотипы в американском политическом дискурсе изменяются крайне медленно [Пшенкин 2006]. Различия нередко касаются даже не самих метафор, а их прагматического потенциала. Так, метафоры со сферой-источником «бизнес» обычно несут позитивную эмоциональную окраску, для американцев относиться к политике как к бизнесу — это значит относиться к ней максимально серьезно. В России образы «торгашей и спекулянтов» обычно призваны возбудить негативные эмоции, русские предпочитают говорить о принципах, о высокой морали и справедливости [Пшенкин 2006; Чудинов 2003а].

В диссертации и статьях Т. В. Быковой проанализирован метафорический **образ СССР** в советском и американском медийных политических дискурсах эпохи сталинизма с начала тридцатых по начало пятидесятых годов [Быкова 2011; Быкова 2014; Быкова 2014а]. На основе тщательного статистического анализа автор выделяет доминантные для названной эпохи метафорические модели советского дискурса (сферы-источники «Война», «Механизм», «Человеческий организм», «Родство»), а затем описывает существенные особенности советской метафоры *трех периодов* — *предвоенного, военного и послевоенного*. В частности, обнаружено, что в довоенный период доминантными источниковыми сферами выступали мир вещей и мир живой/неживой природы, затем все более активно стали использоваться образы, восходящие к миру человека, а в послевоенный период активизировались военная сфера и сфера родства.

В диссертации и публикациях О. А. Солоповой сопоставлено метафорическое моделирование **будущего родной страны**

(Советского Союза и России) в российских, британских и американских СМИ с середины XIX до начала XXI в. [Солопова 2011, 2012, 2016]. Автор сопоставляет два периода — XIX в. (1855—1881) и XXI в. (2000—2014), используя методику внутрискурсного и междискурсного сопоставления синхронных и диахронных моделей, каждая из которых состоит из матрицы (статической/динамической), системы метафорических моделей (в синхронии и диахронии) и метафорического сценария (статического/динамического). Три уровня модели обеспечивают одновременную преемственность и изменимость концептуализации будущего.

Интерес исследователей вызывает не только эволюция метафорических моделей, репрезентирующих образ страны, но и моделей, репрезентирующих образ политика в разные эпохи. Например, при создании образа современного политика метафоры используются преимущественно для описания его внешнего облика, манеры поведения, принятых политических решений, результатов его политических преобразований и т. д. (см. подробнее: [Иванова 2004; Лапшина 2014, Цицулина 2010] и др.), в то время как в древнерусских текстах прежде всего представлена метафорическая характеристика внутреннего мира политического персонажа, его души, сердца, ума и совести. Аргументами в споре политических противников в борьбе за власть становятся не столько политические программы и идеология, сколько нравственный облик политика, его моральные качества, совершенство/несовершенство его внутреннего мира, его соответствие нравственно-религиозным нормам того времени. Данная особенность объясняется религиозным характером древнерусской культуры, ее особым вниманием к внутренней сущности человека [Кондратьева 2011].

3. Изучение эволюции отдельной метафорической модели и специфики ее функционирования в различные временные периоды. Если в предыдущем случае акцент сделан на сфере-мишени, то при данном подходе акцент делается на сфере-источнике метафорической экспансии, репрезентирующем политическую действительность. Так, А. Мусолфф [Musolf 2000] прослеживает «эволюцию» *архитектурной метафоры* («Европа — это дом / СТРОЕНИЕ») за последнее десятилетие XX в. на материале английских и немецких газет. Автор выделяет два периода в развитии domestic-метафоры. 1989—1997 гг. — это оптимистический период, когда *разрабатывались смелые архитектурные проекты, укреплялся фундамент, возводились стол-*

бы. По мере роста противоречий в 1997—2001 гг. начинают доминировать скептические или пессимистические метафоры: в евродоме начинается *реконструкция, на строительной площадке царит хаос*, иногда евродом даже превращается в *горящее здание без пожарного выхода*. Сравнивая метафоры второго периода, автор отмечает, что немцы были менее склонны к актуализации негативных сценариев (*необходим более реалистичный взгляд на строительство*), в то время как англичане чаще отражали в метафоре дома пессимистические смыслы (немцы — *оккупанты евродома* или *рабочие, считающие себя архитекторами*).

Эволюция метафорических моделей с исходной сферой **«Неживая природа»** представлена в диссертации Н. М. Чудаковой, убедительно показавшей, что существенные изменения в экономической, политической и культурной жизни страны закономерно приводят к обновлению метафор данной сферы. Так, в 70-е гг. (период антагонистических отношений между социалистическим и капиталистическим лагерями, состояния «холодной войны», войны в Афганистане) в подобных метафорах прослеживалась отчетливая градация образов по признаку «свой — чужой». В начале 90-х гг. (августовский путч, распад СССР, подавление оппозиции в Москве) природные метафоры имели ярко выраженный негативный характер. В начале XXI в. появилась тенденция к увеличению доли позитивно окрашенных природных метафор (*русло, река, движение по дороге, атмосфера* и др.), что, по мнению автора, связано с повышенным вниманием к традиционным, фундаментальным ценностям русского народа [Чудакова 2005].

В исследовании Э. В. Будаева [Будаев 2010, 2011] представлен анализ морбиальной метафоры в политическом дискурсе XXI в. Анализ выполнялся с помощью методики равномерной фрагментации дискурса с комбинированным шагом. При таком подходе на первом этапе исследования сопоставлялась частотность метафор болезни по годам, на втором — по сезонам. Анализ метафор болезни в корпусе из 67 200 текстов российских СМИ показал, что уровень морбиальной метафоры планомерно снижался в 2000—2006 гг., а в 2007 г. в преддверии мирового экономического кризиса наметился небольшой рост. Эти данные коррелируют с представлениями граждан России об улучшении социально-экономической ситуации, наблюдаемом в годы первого президентства В. В. Путина. Если в конце XX в. метафорическая модель «Современная Россия — это больной организм» относилась к доминант-

ным метафорическим моделям [Будаев 2010], то в начале нового столетия наблюдается значительное ослабление концептуальных векторов нежелательного развития ситуации.

На втором этапе исследования использовался шаг фрагментации, равный сезону (трем месяцам), что позволило обнаружить другую закономерность. Колебание частотности метафор болезни в российских СМИ имеет циклический характер, при этом нижняя точка амплитуды колебаний приходится на летние месяцы. Подобное распределение может быть связано с традиционными для России представлениями о холодном времени года как о периоде болезней, ослабления организма, в то время как лето обычно ассоциируется с восполнением жизненных сил и здоровья. Эти представления восходят к целому ряду факторов, связанных с особенностями экстралингвистических реалий медицинского и климатического характера, и сознательно или бессознательно проявляются в метафорике политического дискурса. Таким образом, использование равномерной фрагментации с комбинированным шагом показало, что динамика метафорических систем коррелирует с многочисленными когнитивными и дискурсивными факторами.

4. Изучение идиостиля политика, в том числе эволюции его метафорического инструментария. Исследования подобного типа имеют лингвоперсоналогический характер, при этом акцент делается не просто на рассмотрении основных языковых особенностей (в том числе и метафорических) конкретного политического деятеля, но непосредственно на анализе его языковой эволюции, анализе метафор, доминирующих на каждом этапе его политической карьеры, выявлении причин, которые привели к изменению в метафорическом инструментарии политического деятеля.

Подобный ракурс изучения позволяет установить взаимосвязь между событиями в политической жизни персонажа и языковыми средствами, используемыми для их описания, а также для описания политической ситуации в стране и воздействия на избирателей в каждый конкретный период, т. е. даст возможность эксплицировать когнитивные стратегии политика.

В работе М. В. Никифоровой и А. П. Чудинова объектом исследования становится дискурс Е. Ройзмана в двух политических ситуациях: в первой Е. Ройзман выступал в роли кандидата на должность мэра Екатеринбурга, а во второй — в роли действующего мэра города. В результате сделан вывод, что основополагающим критерием размежевания на «своих» и «чужих» в индиви-

дуальном дискурсе рассматриваемого регионального политика является территориальный признак, основанный на социокультурной идентичности/инородности. В речи Е. Ройзмана базовая оппозиция «свои — чужие» регулярно трансформируется в частную оппозицию «жители Екатеринбурга — прибывшие (присланные) из Тюмени (Тюменской области) чиновники». Использование указанной оппозиции позволяет Е. Ройзману представить своих политических противников (и прежде всего губернатора Е. Куйвашева) в качестве «чужих» для жителей Екатеринбурга и — шире — Свердловской области. Отмечены значительные различия при отнесении политических субъектов к числу «своих» и «чужих», с одной стороны, в период избирательной кампании, а с другой — в период работы на посту мэра.

В публикациях О. Н. Кондратьевой и К. А. Ковалевой анализируется динамика метафорических моделей в выступлениях Юлии Тимошенко за период 2010—2016 гг. Установлено, что при существенном метафорическом разнообразии идиостиля Юлии Тимошенко в каждый период ее политической карьеры доминирует определенная метафорическая модель, что напрямую вытекает из политической ситуации и тех идеологических установок, которыми политик руководствуется в своей деятельности, из тех целей, которых он стремится достичь.

В частности, во время первого участия в президентских выборах в выступлениях Юлии Тимошенко доминировали милитарные и, отчасти, спортивные метафоры, демонстрирующие стремление к победе, в период судебного процесса — театральные метафоры, актуализирующие фальшивость происходящего, постановочный характер процесса, его нелегитимность, в период баллотирования в президенты в 2014 г. активизируются криминальные метафоры, демонстрирующие несовершенство политической деятельности оппонентов и тревожную ситуацию в стране, с 2015 г. снова наблюдается всплеск милитарной метафорики, являющийся отражением военного и политического конфликта в стране.

Приведенный анализ разнообразных аспектов диахронических исследований политической метафорики демонстрирует, что изучение динамики метафорических моделей является областью, требующей исследовательского внимания. Комплексное диахроническое исследование эволюции метафорических моделей в политическом дискурсе станет важным шагом в развитии диахронической метафорологии и будет способствовать выявлению особенностей ми-

ромоделирования русской нации на разных этапах ее развития.

Исследование метафорической динамики, как правило, включает следующие этапы.

I. Периодизация материала. Любой исследователь начинает свою работу со следующих действий: 1) определение временного отрезка, который будет подвергнут анализу; 2) выбор типа фрагментации политического дискурса и формулировка критерия фрагментации; 3) выделение этапов и их характеристика.

Диахроническое изучение материала «всегда связано с сопоставлением по крайней мере двух последовательных стадий (синхронных срезов) в системе языка» [Кубрякова 1998: 136], поэтому исследование динамики метафорических моделей в политической коммуникации традиционно начинается с вычленения периодов (сегментов, фрагментов), которые будут подвергнуты анализу и сопоставлению.

Различные способы вычленения периодов (фрагментации) применительно к политическому дискурсу сформулированы Э. В. Будаевым. В частности, введены понятия *равномерной* и *фокусной* фрагментации: при равномерной фрагментации «временной отрезок делится на равные части, называемые шагом фрагментации», при фокусной фрагментации «разбиение временного периода связано с определенными политическими событиями, а шаг фрагментации не привязан к хронологии в астрономическом понимании» [Будаев 2011: 142—143].

Более продуктивной нам представляется фокусная фрагментация, позволяющая показать взаимосвязь политических событий и описывающей их метафорики. При этом в качестве критерия фокусной фрагментации могут избираться как политические события, значимые для всей страны (например, президентские выборы и последующий период президентского правления, выборы в Думу и работа избранного органа власти и т. д.), так и события, непосредственно определяющие политическую карьеру определенного политического персонажа.

Первый подход позволяет выделить равновеликие отрезки, например, от выборов до выборов (как правило, 4—5 лет), при втором подходе размеры периодов могут колебаться, так как в политической деятельности персонажа присутствуют периоды взлетов и падений, периоды активной деятельности и временного ухода с политической арены, и, как следствие, наблюдаются «метафорические бури и затишья».

Кроме того, в рамках первого подхода акцент делается на взаимосвязи судьбы

страны и политической метафорики, второй подход сосредоточен на взаимосвязи этапов политической карьеры и метафорического инструментария политического персонажа, т. е. представляет собой более персонализированный вариант анализа.

Перспективным способом членения материала является также равномерная фрагментация с комбинированным шагом. При таком подходе применяется разный шаг фрагментации к одному и тому же материалу, а затем сопоставляются результаты исследований и делаются выводы не только об особенностях диахронического функционирования политической метафорики, но и о достоинствах и недостатках двух, казалось бы, равнозначных подходов. Таким образом, сопоставляются два аспекта: с одной стороны, собственно диахронический, с другой — методологический.

II. Определение степени метафоричности дискурса. Основная задача данного этапа — установление корреляции между изменением политической ситуации и количеством метафор в политическом дискурсе (динамика метафоричности дискурса). Для этого производится 1) установление степени метафоричности политического дискурса для каждого изучаемого периода и 2) классификация соответствующего периода как периода «метафорической бури» или «метафорического затишья».

«Метафорические бури» обычно совпадают по времени с периодами политических потрясений (и даже знаменуют собой будущие политические преобразования), а «метафорическое затишье» обычно характерно для периодов политической стабильности.

«Метафорические бури» характеризуются не столько появлением новых метафорических моделей, сколько активизацией уже существующих, т. е. вовлечением все новых и новых концептов, детальным развертыванием метафорических моделей, созданием ярких и свежих метафорических образов. Метафоры в такие периоды часто становятся предметом обсуждения политиков и широкой общественности, используются в качестве аргументов в полемике.

«Метафорическое затишье» характеризуется традиционностью используемых метафор, которые становятся привычными, «стертыми», вызывают меньше эмоций. Это ведет к сокращению частотности использования соответствующих моделей и почти полному прекращению употребления отдельных метафор.

Метафорическое «затишье» обычно начинается в коммуникации правящей партии, а метафорические «бури» — в выступлениях

радикальной непарламентской оппозиции. Переход от «метафорической бури» к «метафорическому затишью» — это продолжительный процесс: невозможно мгновенное изменение политико-метафорической «погоды».

Метафорическое «затишье» редко бывает полным «штилем»: развитие общества предопределяет появление новых метафор, но крайне сложно определить, какие из этих метафор найдут широкий отклик (вызовут метафорическую бурю) и когда это произойдет.

III. Выявление исходных понятийных сфер (источников метафорической экспансии), характерных для каждого периода политической коммуникации, и установление по данному критерию набора метафорических моделей.

На данном этапе для каждого изучаемого периода производится 1) выявление всего арсенала используемых метафорических моделей и 2) определение доминирующих метафорических моделей.

В лингвистической традиции используется несколько параметров классификации метафорических моделей (подробнее см.: [Чудинов 2013: 32—47]). При диахроническом анализе материала, на наш взгляд, наиболее продуктивна именно классификация моделей по сфере-источнику, поскольку выбор исходной сферы метафорической экспансии в каждом периоде сопряжен с политической ситуацией эпохи, с особенностями национального мировидения в данный период. Соответственно, увеличение или сокращение числа метафорических моделей, восходящих к определенной сфере-источнику, большая их структурированность или, напротив, упрощение их структуры позволят определить доминантные для изучаемого периода модели.

Доминантной следует считать модель, «потенциал развертывания и частотность использования которой на данном этапе развития общества и языка значительно увеличиваются, что, конечно, привлекает внимание как специалистов, так и просто внимательных людей» [Чудинов 2001: 178]. Подобные модели максимально отражают специфику соответствующего исторического этапа.

IV. Анализ структуры метафорических моделей. Названный этап предполагает 1) описание фреймово-слотовой структуры выявленных моделей и 2) определение степени архетипичности/вариативности ее компонентов.

Метафорическая модель включает в свою структуру фреймы, т. е. ментальные структуры знаний о стереотипных ситуациях, репрезентированные в упорядоченных группи-

ровках лексических единиц. Использование термина «фрейм» при метафорическом моделировании дает возможность подчеркнуть наличие сложного состава ассоциативных связей, а также укрупненно представить типы связей между единицами метальной сферы и их языковым воплощением. Фрейм «объединяет элементы на основе смежности, подобия, родо-видовых отношений, отношений части/целого, являясь нелинейно организованной структурой» [Резанова 2010: 38]. Слоты представляют собой части фреймов, какой-то аспект его конкретизации. То есть слот в представлении знаний — это составляющая фрейма, характеризующая некоторое его свойство или связь описываемого фреймом понятия или объекта [Жеребило 2010].

V. Анализ языковых репрезентантов метафорической модели. На данной стадии происходит 1) выявление языковых репрезентантов метафорических моделей в каждый период и 2) определение базовых языковых элементов, продуктивных во все периоды, и элементов специфических (постепенно уходящих на периферию и, наоборот, постепенно входящих в ядерную часть).

Лексика является наиболее динамичной и чувствительной к внешним воздействиям частью языка. Изменения в лексическом составе происходят под влиянием экстралингвистических факторов и затрагивают «в первую очередь те слои лексики, которые в данный исторический момент соотносятся с наиболее актуальными для общества реальными явлениями» [Шмелев 1964]. Изменение (как увеличение, так и сокращение) количества лексических единиц, задействованных в процессе метафоризации в рамках отдельного фрейма или слота, является важным показателем его продуктивности в изучаемый период.

VI. Лингвокультурологическая и лингвокогнитивная интерпретация полученных результатов. Заключительный этап анализа представляет собой установление взаимосвязи происходящих изменений с политической ситуацией в стране, национально-культурной спецификой, индивидуально-авторской спецификой, определение когнитивных механизмов, задействованных в соответствующую эпоху для осмысления и описания политических процессов.

Использование указанных процедур позволит выполнить комплексное диахроническое описание метафорических моделей в политической коммуникации, даст возможность установить базовые метафорические модели, существовавшие на протяжении всего изучаемого периода, проследить их

динамику, определить дискурсивную и лингвокультурологическую обусловленность, а также отчасти установить основные особенности национального мировидения.

Заключение. Подводя итоги, отметим, что изучение динамики метафорических моделей в политической коммуникации продолжает оставаться областью, требующей исследовательского внимания, в том числе с точки зрения методологии и методики исследования. Комплексное рассмотрение эволюции метафорических моделей (в политическом дискурсе, в рамках определенных жанров, в речи отдельных политиков и др.) станет важным шагом в развитии диахронической метафорологии и будет способствовать выявлению особенностей национального миромоделирования на разных исторических этапах его развития.

В настоящее время теория и методология диахронической метафорологии стремительно развивается: уточняется ее понятийно-терминологический аппарат, предлагаются новые варианты методики исследования динамики исторических изменений, сопоставляются различные аспекты изучения исторической динамики метафор, обнаруживаются новые закономерности развития метафорических систем, в том числе выделяются доминантные для того или иного дискурса модели, отмечаются факты смыслового развития соответствующей метафорики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аникин Е. Е., Будаев Э. В., Чудинов А. П. Историческая динамика метафорических систем в политической коммуникации России // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2015а. — № 3 (44). — С. 26—32.
2. Аникин Е. Е., Будаев Э. В., Чудинов А. П. Архетипы и инновации в диахронической динамике метафорических систем в политической коммуникации // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2015б. — № 1. — С. 5—11.
3. Балашова Л. В. Метафора в диахронии: на материале русского языка XI—XX вв. — Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1998. — 217 с.
4. Балашова Л. В. Русская метафорическая система в развитии: XI—XXI вв. — М. : Рукописные памятники Древней Руси : Знак, 2014. — 632 с.
5. Баранов А. Н. Политическая метафорика публицистического текста: возможности лингвистического мониторинга // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. — М., 2003. С. 134—140.
6. Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора. Материалы к словарю. — М. : Ин-т русского языка АН СССР, 1991. — 193 с.
7. Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Словарь русских политических метафор. — М. : Помовский и партнеры, 1994. — 351 с.
8. Будаев Э. В. Политическая метафорология: ракурсы сопоставительного анализа // Политическая лингвистика. 2010. № 1 (31). С. 9—23.
9. Будаев Э. В. Сопоставительная политическая метафорология : моногр. — Н. Тагил : НГТСПА, 2011. 330 с.
10. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политической коммуникации. — М. : Наука : Флинта, 2008. 248 с.
11. Быкова Т. Ю. Отцы и дети великой страны: метафора родства в советском политическом медиадискурсе 1930—

- 1954 г. // Политическая лингвистика. 2014. № 2. С. 114—119.
12. Быкова Т. Ю. Подготовка к войне или великая стройка? Метафорический образ Советского Союза в довоенный период (1930—1939 гг.) // Политическая лингвистика. 2011. № 3. С. 69—74.
13. Быкова Т. Ю. Метафорический образ СССР в советском и американском медийных политических дискурсах 1930—1954 гг. : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2014. 23 с.
14. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. — Назрань : Пилигрим, 2010. 486 с.
15. Иванова И. В. Концептуальная метафора как средство формирования образа политического деятеля в англоязычной прессе : дис. ... канд. филол. наук. — М., 2004. 215 с.
16. Каслова А. А. Метафорическое моделирование президентских выборов в России и США (2000 г.) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20. — Екатеринбург, 2003. 208 с.
17. Кондратьева О. Н. Динамика метафорических моделей в русской лингвокультуре (XI—XX вв.) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Екатеринбург, 2014. 46 с.
18. Кондратьева О. Н. Метафорическое моделирование внутреннего мира как способ создания образа политического противника (образ Ивана Грозного в интерпретации Андрея Курбского) // Политическая лингвистика. 2011. № 3. С. 220—226.
19. Кондратьева О. Н. Роль компьютерной метафоры в репрезентации политической жизни Украины // Политическая коммуникация : сб. мат-лов междунар. науч. конф. — Екатеринбург : УрГПУ, 2013. С. 160—164.
20. Кондратьева О. Н., Ковалева К. А. Динамика метафорических моделей в политической коммуникации (на примере выступлений Ю. Тимошенко) // Политическая лингвистика. 2016. № 4 (58). С. 40—54.
21. Керимов Р. Д. Когнитивные основания митарной метафоры в немецком политическом дискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. № 3. С. 57—66.
22. Керимов Р. Д. Метафорический антропоморфизм в немецкой социально-политической коммуникации. — Кемерово : Офсет, 2012. 456 с.
23. Кубрякова Е. С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика — психология — когнитивная наука // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 3—15.
24. Лапшина В. В. Метафора как средство конструирования имиджа политика : дис. ... канд. филол. наук. — М., 2006. 151 с.
25. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем : пер. с англ. / под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. — М. : Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
26. Мусолфф А. Политическая «терапия» посредством геноцида: антисемитские концептуальные образы в книге Гитлера «Mein Kampf» // Современная политическая лингвистика / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. — Екатеринбург : УрГПУ, 2006. С. 151—171.
27. Нахимова Е. А. Прецедентное имя Наполеон в отечественных СМИ // Политическая лингвистика. 2007. № 3 (23). С. 43—61.
28. Нахимова Е. А. Историческая динамика прецедентных онимов: окказионализмы, неологизмы, архаизмы и историзмы // Политическая лингвистика. 2012. № 1. С. 144—147.
29. Нахимова Е. А. Прецедентные онимы в современной российской массовой коммуникации: теория и методика когнитивно-дискурсивного исследования. — Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2011. 276 с.
30. Никифорова М. В., Чудинов А. П. Варианты и средства репрезентации концептуальной оппозиции «свои — чужие» в дискурсе мэра Екатеринбурга Евгения Ройзмана // Политическая лингвистика. 2016. № 4. С. 154—163.
31. Пшенкин А. А. Метафорический образ СССР/России в американском политическом дискурсе второй половины XX — начала XXI веков : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04. — Барнаул, 2006. 194 с.
32. Резанова З. И. Метафорический фрагмент русской языковой картины мира: идеи, методы, решения // Вестн. Томск. гос. ун-та. Сер. «Филология». 2010. № 1 (9). С. 26—43.
33. Солопова О. А. Сценарный метод исследования когнитивно-дискурсивных моделей будущего в политическом

тексте // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. Сер. «Филология». 2011. № 4. Т. 7. С. 167—177.

34. Солопова О. А. Когнитивно-дискурсивная ретроспекция: исследование моделей будущего в политическом дискурсе : моногр. — Челябинск : Изд. центр ЮУрГУ, 2013. 175 с.

35. Солопова О. А. Россия в Европе: будущее в метафорическом зеркале прошлого // Вопросы когнитивной лингвистики. 2014. № 3. С. 126—137.

36. Цыцулина С. Г. Политический деятель сквозь призму агональной метафоры // Политическая лингвистика. 2010. № 3. С. 119—123.

37. Чудакова Н. М. Концептуальная область «Неживая природа» как источник метафорической экспансии в дискурсе российских средств массовой информации (2000—2004 гг.) : дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2005. 225 с.

38. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000) : моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2001. 238 с.

39. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации : моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2003. 248 с.

40. Шмелев Д. Н. О семантических изменениях в современном русском языке // Развитие грамматики и лексики современного русского языка. — М. : Наука, 1964. С. 6—8.

41. Alekseeva L. M., Mishlanova S. L., Nakhimova Ye. A., Tchudinov A. P. Research of metaphor in the Ural linguistic school // Life Science Journal. 2014. № 11 (12). P. 315—319.

42. Budaev E., Chudinov A. Why Cultural Metaphor Matters: Images of Power in National Media // Nauka i Studia. — Przemysl, 2007. № 4 (4). S. 71—80.

43. Budaev E. Political Metaphors and Cultural Frames: An Example of the US and Russia // Language, Gender and Politics: A Festschrift for Yisa Kehinde Yusuf / ed. by A. Odeunmi, A. E. Arua, S. Arimi. — Lagos : CVAC, 2009. P. 265—274.

44. Charteris-Black J. Politicians and Rhetoric. The Persuasive Power of Metaphor. — Basingstoke : Palgrave MacMillan, 2005. 239 p.

45. Chilton P. A. Security Metaphors. Cold War Discourse from Containment to Common House. — New York ; Bern ; Frankfurt/M. : Peter Lang, 1996. — 468 p.

46. Chilton P. Manipulation, memes and metaphors: The case of Mein Kampf // Manipulation and Ideologies in the Twentieth Century / ed. by L. de Saussure P. Schulz. — Amsterdam & Philadelphia : John Benjamins, 2005. — P. 5—45.

47. De Landtsheer Ch. Function and the Language of Politics. A Linguistics Uses and Gratification Approach // Communication and Cognition. 1991. Vol. 24 (3/4). P. 299—342.

48. De Landtsheer Ch., De Vrij I. Talking about Srebrenica. Dutch Elites and Dutchbat. How Metaphors Change During Crisis // Metaphorical World Politics / ed. by F. A. Beer, Ch. de Landtsheer. — East Lansing : Michigan State Univ. Pr., 2004. P. 163—189.

49. Harvey A. D. The Body Politic: Anatomy of a Metaphor // Contemporary Review. 1999. Vol. 275 (1603). P. 85—93.

50. Hawkins B. Ideology, metaphor and iconographic reference // Language and Ideology / ed. by R. Dirven, R. Frank, C. Ilie. — Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins, 2001. Vol. 2 : Descriptive Cognitive Approaches. P. 27—50.

51. Koteyko N. Language and Politics in Post-Soviet Russia: A Corpus Assisted Approach. — Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2014. 208 p.

52. Lakoff G. Metaphor and War, Again. 2003. URL: <http://www.alternet.org/story.html?StoryID=15414>.

53. Lakoff G. Metaphor and War. The Metaphor System Used to Justify War in the Gulf. 1991. URL: metaphor.uoregon.edu/lakoff-l.htm.

54. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live by. — Chicago : Univ. of Chicago Pr., 1980. 242 p.

55. Milliken J. L. Metaphors of Prestige and Reputation in American Foreign Policy and American Realism // Post-Realism: The Rhetorical Turn in International Relation. — East Lansing : Michigan State Univ. Pr., 1996. P. 217—238.

56. Musolff A. From Social to Biological Parasites and Back. The Conceptual Career of a Metaphor // Contributions to the History of Concepts. 2014. Vol. 9 (2). P. 18—32.

57. Musolff A. Metaphor and Political Discourse. Analogical Reasoning in Debates about Europe. — Basingstoke : Palgrave MacMillan, 2004. 211 p.

58. Musolff A. Which role do metaphors play in racial prejudice? The function of anti-Semitic imagery in Hitler's 'Mein Kampf' // Patterns of Prejudice. 2007. Vol. 41 (1). P. 21—44.

59. Osborn M. Archetypal Metaphor in Rhetoric: The Light-Dark Family // Quarterly Journal of Speech. 1967. Vol. 53. P. 115—126.

60. Osborn M. The Evolution of the Archetypal Sea in Rhetoric and Poetic // Quarterly Journal of Speech. 1977. Vol. 63. P. 347—363.

61. Rash F. Metaphor in Adolf Hitler's Mein Kampf // Metaphorik.de. 2005. № 9. P. 74—110.

62. Rash F. The Language of Violence. Adolf Hitler's Mein Kampf. — New York : Peter Lang, 2006. 263 p.

63. Vertessen D., De Landtsheer Ch. A Metaphorical Election Style: Use of Metaphor at Election Time // Political Language and Metaphor: Interpreting and Changing the World / ed. by T. Carver, J. Pikalo. — London : Routledge, 2008. P. 271—285.

E. V. Budaev

Ekaterinburg, Russia

O. N. Kondratyeva

Kemerovo, Russia

E. A. Nakhimova

A. P. Chudinov

Ekaterinburg, Russia

METHODS OF DIACHRONIC ANALYSIS OF POLITICAL METAPHORS

ABSTRACT. *This is an overview of the methodology and methods of diachronic analysis of political metaphors. The paper discusses the leading scientific schools and areas of historical metaphorology in Russian political linguistics and their interaction with the foreign experience of political metaphor research. The paper provides an analysis of different opinions of the correlation of stability and innovations in political metaphors, of the periods of "metaphoric storm" and "metaphoric calm" in political communication. The articles, studying metaphors diachronically, may be divided into several groups according to their object: 1) articles studying political discourse of a certain country during its existence or at a certain period of its history; 2) articles focused on a fragment of political reality (image, event, person) and its representation at different periods; 3) articles studying metaphoric model and its functioning in political communication at different stages; 4) articles devoted to the analysis of politician's idiosyncrasy and evolution of the scope of political metaphors. An attempt is made to single out different methods of diachronic study of political metaphor paying attention to the peculiarities of the approaches employed by the authors: cognitive-discursive, rhetoric, semiotic, psycholinguistic, linguocultural and others. In conclusion it is noted that multi-aspect analysis of the evolution of metaphorical models (in political discourse, in certain genres, in the speech of some politicians etc.) is an important step in the development of diachronic metaphorology and it will help to reveal the peculiarities of the national world-modeling at different stages of its development.*

KEYWORDS: *political metaphor; diachronic research; metaphoric model; evolution of metaphors; political metaphorology; political discourse; metaphoric modeling.*

ABOUT THE AUTHORS: *Budaev Eduard Vladimirovich, Doctor of Philology, Professor of the Foreign Languages Department, Russian State Vocational Pedagogical University; Professor of Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University Ekaterinburg, Russia.*

Kondratyeva Olga Nikolayevna, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Department of Russian Language, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia.

Nakhimova Elena Anatolievna, Doctor of Philology, Professor, Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

Chudinov Anatoly Prokopievich, Doctor of Philology, Professor, Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

REFERENCES

- Anikin E. E., Budaev E. V., Chudinov A. P. Istoricheskaya dinamika metaforicheskikh sistem v politicheskoy kommunikatsii Rossii // *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*. — 2015a. — № 3 (44). — S. 26—32.
- Anikin E. E., Budaev E. V., Chudinov A. P. Arkhetipy i innovatsii v diakhronicheskoy dinamike metaforicheskikh sistem v politicheskoy kommunikatsii // *Vestn. Voronezh. gos. un-ta. Ser.: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. — 2015b. — № 1. — S. 5—11.
- Balashova L. V. Metafora v diakhronii: na materiale russkogo yazyka XI—XX vv. — Saratov : Izd-vo Sarat. un-ta, 1998. — 217 s.
- Balashova L. V. Russkaya metaforicheskaya sistema v razviti: XI—XXI vv. — M. : Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi : Znak, 2014. — 632 s.
- Baranov A. N. Politicheskaya metaforika publitsisticheskogo teksta: vozmozhnosti lingvisticheskogo monitoringa // *Yazyk SMI kak ob"ekt mezhdistsiplinarnogo issledovaniya*. — M., 2003. S. 134—140.
- Baranov A. N., Karaulov Yu. N. Russkaya politicheskaya metafora. Materialy k slovaryu. — M. : In-t russkogo yazyka AN SSSR, 1991. — 193 s.
- Baranov A. N., Karaulov Yu. N. Slovar' russkikh politicheskikh metafor. — M. : Pomovskiy i partnery, 1994. — 351 s.
- Budaev E. V. Politicheskaya metaforologiya: rakursy sopostavitel'nogo analiza // *Politicheskaya lingvistika*. 2010. № 1 (31). S. 9—23.
- Budaev E. V. Sopostavitel'naya politicheskaya metaforologiya: monogr. — N. Tagil : NGTSPA, 2011. 330 s.
- Budaev E. V., Chudinov A. P. Metafora v politicheskoy kommunikatsii. — M. : Nauka : Flinta, 2008. 248 s.
- Bykova T. Yu. Ottsy i deti velikoy strany: metafora rodstva v sovetskom politicheskoy mediadiskurse 1930—1954 gg. // *Politicheskaya lingvistika*. 2014. № 2. S. 114—119.
- Bykova T. Yu. Podgotovka k voyne ili velikaya stroyka? Metaforicheskij obraz Sovetskogo Soyuzha v dovoennyi period (1930—1939 gg.) // *Politicheskaya lingvistika*. 2011. № 3. S. 69—74.
- Bykova T. Yu. Metaforicheskij obraz SSSR v sovetskom i amerikanskom mediynnykh politicheskikh diskursakh 1930—1954 gg. : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Ekaterinburg, 2014. 23 s.
- Zherebilo T. V. Slovar' lingvisticheskikh terminov. — Naran' : Piligrim, 2010. 486 s.
- Ivanova I. V. Kontseptual'naya metafora kak sredstvo formirovaniya obraza politicheskogo deyatelya v angloyazychnoy presse : dis. ... kand. filol. nauk. — M., 2004. 215 s.
- Kaslova A. A. Metaforicheskoe modelirovanie prezident-skikh vyborov v Rossii i SShA (2000 g.) : dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.20. — Ekaterinburg, 2003. 208 s.
- Kondrat'eva O. N. Dinamika metaforicheskikh modeley v russkoy lingvokul'ture (XI—XX vv.) : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. — Ekaterinburg, 2014. 46 s.
- Kondrat'eva O. N. Metaforicheskoe modelirovanie vnutrennego mira kak sposob sozdaniya obraza politicheskogo protivnika (obraz Ivana Groznogo v interpretatsii Andreyha Kurbskogo) // *Politicheskaya lingvistika*. 2011. № 3. S. 220—226.
- Kondrat'eva O. N. Rol' komp'yuternoy metafory v reprezentatsii politicheskoy zhizni Ukrainy // *Politicheskaya kommunikatsiya : sb. mat-lov mezhdunar. nauch. konf.* — Ekaterinburg : UrGPU, 2013. S. 160—164.
- Kondrat'eva O. N., Kovaleva K. A. Dinamika metaforicheskikh modeley v politicheskoy kommunikatsii (na primere vystupleniy Yu. Timoshenko) // *Politicheskaya lingvistika*. 2016. № 4 (58). S. 40—54.
- Kerimov R. D. Kognitivnye osnovaniya militarney metafory v nemetskom politicheskom diskurse // *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*. 2013. № 3. S. 57—66.
- Kerimov R. D. Metaforicheskij antropomorfizm v nemetskoj sotsial'no-politicheskoy kommunikatsii. — Kemerovo : Ofset, 2012. 456 s.
- Kubryakova E. S. Nachal'nye etapy stanovleniya kognitivizma: lingvistika — psikhologiya — kognitivnaya nauka // *Voprosy yazykoznanija*. 1994. № 4. S. 3—15.
- Lapshina V. V. Metafora kak sredstvo konstruirovaniya imidzha politika : dis. ... kand. filol. nauk. — M., 2006. 151 s.
- Lakoff Dzh., Dzhonson M. Metafory, kotorymi my zhivem : per. s angl. / pod. red. i s predisl. A. N. Baranova. — M. : Editorial URSS, 2004. 256 s.
- Musolff A. Politicheskaya «terapiya» posredstvom genotsida: antisemitskie kontseptual'nye obrazy v knige Gitlera «Mein Kampf» // *Sovremennaya politicheskaya lingvistika / E. V. Budaev, A. P. Chudinov*. — Ekaterinburg : UrGPU, 2006. S. 151—171.
- Nakhimova E. A. Pretsedentnoe imya Napoleon v otechestvennykh SMI // *Politicheskaya lingvistika*. 2007. № 3 (23). S. 43—61.
- Nakhimova E. A. Istoricheskaya dinamika pretsedentnykh onimov: okkazionalizmy, neologizmy, arkhazimy i istorizmy // *Politicheskaya lingvistika*. 2012. № 1. S. 144—147.
- Nakhimova E. A. Pretsedentnye onimy v sovremennoy rossiyskoy massovoy kommunikatsii: teoriya i metodika kognitivno-diskursivnogo issledovaniya. — Ekaterinburg : Ural. gos. ped. un-t, 2011. 276 s.
- Nikiforova M. V., Chudinov A. P. Varianty i sredstva reprezentatsii kontseptual'noy oppozitsii «svoi — chuzhie» v diskurse mera Ekaterinburga Evgeniya Rojzmana // *Politicheskaya lingvistika*. 2016. № 4. S. 154—163.
- Pshenkin A. A. Metaforicheskij obraz SSSR/Rossii v amerikanskom politicheskom diskurse vtoroy poloviny XX — nachala XXI vekov : dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.04. — Barnaul, 2006. 194 s.
- Rezanova Z. I. Metaforicheskij fragment russkoy yazykovoy kartiny mira: idei, metody, resheniya // *Vestn. Tomsk. gos. un-ta. Ser. «Filologiya»*. 2010. № 1 (9). S. 26—43.
- Solopova O. A. Stsenarnyy metod issledovaniya kognitivno-diskursivnykh modeley budushchego v politicheskom tekste // *Vestn. Leningr. gos. un-ta im. A. S. Pushkina. Ser. «Filologiya»*. 2011. № 4. T. 7. S. 167—177.
- Solopova O. A. Kognitivno-diskursivnaya retrospektivnaya issledovanie modeley budushchego v politicheskom diskurse : monogr. — Chelyabinsk : Izd. tsentr YuUrGU, 2013. 175 s.
- Solopova O. A. Rossiya v Evrope: budushchee v metaforicheskom zerkale proshlogo // *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*. 2014. № 3. S. 126—137.
- Tsytsulina S. G. Politicheskij deyatel' skvoz' prizmu agonal'noy metafory // *Politicheskaya lingvistika*. 2010. № 3. S. 119—123.
- Chudakova N. M. Kontseptual'naya oblast' «Nezhivaya priroda» kak istochnik metaforicheskoy ekspansii v diskurse rossiyskikh sredstv massovoy informatsii (2000—2004 gg.) : dis. ... kand. filol. nauk. — Ekaterinburg, 2005. 225 s.
- Chudinov A. P. Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory (1991—2000) : monogr. / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2001. 238 s.
- Chudinov A. P. Metaforicheskaya mozaika v sovremennoy politicheskoy kommunikatsii : monogr. / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2003. 248 s.
- Shmelev D. N. O semanticheskikh izmeneniyakh v sovremennoy russkom yazyke // *Razvitie grammatiki i leksiki sovremennoy russkogo yazyka*. — M. : Nauka, 1964. S. 6—8.
- Alekseeva L. M., Mishlanova S. L., Nakhimova Ye. A.,

- Tchudinov A. P. Research of metaphor in the Ural linguistic school // *Life Science Journal*. 2014. № 11 (12). P. 315—319.
42. Budaev E., Chudinov A. Why Cultural Metaphor Matters: Images of Power in National Media // *Nauka i Studia*. — Przemysl, 2007. № 4 (4). S. 71—80.
43. Budaev E. Political Metaphors and Cultural Frames: An Example of the US and Russia // *Language, Gender and Politics: A Festschrift for Yisa Kehinde Yusuf* / ed. by A. Odebunmi, A. E. Arua, S. Arimi. — Lagos : CBAC, 2009. P. 265—274.
44. Charteris-Black J. Politicians and Rhetoric. The Persuasive Power of Metaphor. — Basingstoke : Palgrave MacMillan, 2005. 239 p.
45. Chilton P. A. Security Metaphors. Cold War Discourse from Containment to Common House. — New York ; Bern ; Frankfurt/M. : Peter Lang, 1996. — 468 p.
46. Chilton P. Manipulation, memes and metaphors: The case of Mein Kampf // *Manipulation and Ideologies in the Twentieth Century* / ed. by L. de Saussure P. Schulz. — Amsterdam & Philadelphia : John Benjamins, 2005. — P. 5—45.
47. De Landtsheer Ch. Function and the Language of Politics. A Linguistics Uses and Gratification Approach // *Communication and Cognition*. 1991. Vol. 24 (3/4). P. 299—342.
48. De Landtsheer Ch., De Vrij I. Talking about Srebrenica. Dutch Elites and Dutchbat. How Metaphors Change During Crisis // *Metaphorical World Politics* / ed. by F. A. Beer, Ch. de Landtsheer. — East Lansing : Michigan State Univ. Pr., 2004. P. 163—189.
49. Harvey A. D. The Body Politic: Anatomy of a Metaphor // *Contemporary Review*. 1999. Vol. 275 (1603). P. 85—93.
50. Hawkins B. Ideology, metaphor and iconographic reference // *Language and Ideology* / ed. by R. Dirven, R. Frank, C. Ilie. — Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins, 2001. Vol. 2 : Descriptive Cognitive Approaches. P. 27—50.
51. Kotevko N. Language and Politics in Post-Soviet Russia: A Corpus Assisted Approach. — Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2014. 208 p.
52. Lakoff G. Metaphor and War, Again. 2003. URL: <http://www.alternet.org/story.html?StoryID=15414>.
53. Lakoff G. Metaphor and War. The Metaphor System Used to Justify War in the Gulf. 1991. URL: metaphor.uoregon.edu/lakoff-l.htm.
54. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live by*. — Chicago : Univ. of Chicago Pr., 1980. 242 p.
55. Milliken J. L. Metaphors of Prestige and Reputation in American Foreign Policy and American Realism // *Post-Realism: The Rhetorical Turn in International Relation*. — East Lansing : Michigan State Univ. Pr., 1996. P. 217—238.
56. Musolff A. From Social to Biological Parasites and Back. The Conceptual Career of a Metaphor // *Contributions to the History of Concepts*. 2014. Vol. 9 (2). P. 18—32.
57. Musolff A. Metaphor and Political Discourse. Analogical Reasoning in Debates about Europe. — Basingstoke : Palgrave MacMillan, 2004. 211 p.
58. Musolff A. Which role do metaphors play in racial prejudice? The function of anti-Semitic imagery in Hitler's 'Mein Kampf' // *Patterns of Prejudice*. 2007. Vol. 41 (1). P. 21—44.
59. Osborn M. Archetypal Metaphor in Rhetoric: The Light-Dark Family // *Quarterly Journal of Speech*. 1967. Vol. 53. P. 115—126.
60. Osborn M. The Evolution of the Archetypal Sea in Rhetoric and Poetic // *Quarterly Journal of Speech*. 1977. Vol. 63. P. 347—363.
61. Rash F. Metaphor in Adolf Hitler's Mein Kampf // *Metaphorik.de*. 2005. № 9. P. 74—110.
62. Rash F. *The Language of Violence. Adolf Hitler's Mein Kampf*. — New York : Peter Lang, 2006. 263 p.
63. Vertessen D., De Landtsheer Ch. A Metaphorical Election Style: Use of Metaphor at Election Time // *Political Language and Metaphor: Interpreting and Changing the World* / ed. by T. Carver, J. Pikalo. — London : Routledge, 2008. P. 271—285.

Статью рекомендует к публикации Ph.D, профессор Л. Цонева.

А. Д. Васильев, Ф. Е. Подсохин
Красноярск, Россия

ОТ ПРЕЦЕДЕНТА К СТЕРЕОТИПУ: ТРИ ЭТАПА ИНФОРМАЦИОННОЙ КАМПАНИИ

АННОТАЦИЯ. *Подогреваемые в СМИ тревожные настроения общества и следующие за такой реакцией политические решения могут являться разными этапами конкретной информационной (манипуляционной) кампании, проводимой неким актором (актерами). В статье рассматриваются основные возможные этапы информационной кампании и их конечные задачи. Эти процессы связаны с понятием информационной войны. Информационная война — совокупность массовых коммуникативных практик, целью которых является воздействие (или противодействие) посредством специфического употребления единиц языка на общность людей (географическую, этнографическую, конфессиональную, политическую, экономическую и иную) при одновременном обеспечении безопасности и защиты актора для достижения информационного превосходства в стратегических целях. Первым шагом кампании по информационному воздействию (противодействию) является дискредитация. Основная задача данного этапа — подорвать доверие к самой цели (государству, группе лиц, компании или конкретно взятому человеку) и ее сообщениям. Подорвав лояльность и доверие общественности к объекту воздействия, агрессор приступает к следующему этапу — эскалации, — специфика которого состоит в культивировании (как правило, заведомо ложной) информации, причиняющей цели репутационный ущерб, во всех средствах массовой коммуникации. Итоговой целью следует назвать демонизацию противника — отождествление у аудитории (как правило, это широкая общественность) объекта воздействия с осуществляемым негативным посылом, когда создается определенный стереотип. Как ни странно, XXI век, предполагающий глобальное распространение свобод человека, демонстрирует зависимость авторов от политических, экономических, культурных, религиозных реалий, которые в рамках того или иного информационного противостояния диктуют те или иные ценностные установки, облаченные в текст.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: манипуляция сознанием; манипулятивное воздействие; информационные войны; средства массовой информации; медиадискурс.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Васильев Александр Дмитриевич, доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания, Красноярский государственный педагогический университет имени В. П. Астафьева; 660049, Россия, г. Красноярск, ул. Ады Лебедевой, 89; e-mail: theodor.podsokhin@mail.ru.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Подсохин Федор Евгеньевич, аспирант, филологический факультет, Красноярский государственный педагогический университет имени В. П. Астафьева; 660049, Россия, г. Красноярск, ул. Ады Лебедевой, 89; e-mail: theodor.podsokhin@mail.ru.

Для старого Рокфеллера издавали специальную газету, заполненную вымышленными новостями. Некоторые страны в состоянии издавать такие газеты не только для миллиардеров, но для всего населения.

С. Е. Лец

Ежели бы все воевали только по своим убеждениям, войны бы не было.

Л. Н. Толстой

В современном обществе средства массовой информации оказывают значительное влияние на сознание и поступки человека, являясь источником и одновременно поставщиком важнейшего ресурса XXI в. — информации. С одной стороны, СМИ публикуют вызывающую интерес аудитории информацию. С другой — транслируют различные ценностные установки, стереотипы, формируют общественное мнение, являясь главным средством изменения массового сознания [Васильев 2010: 141].

«В контексте конфликта в Украине и вокруг неё термины *пропаганда, контрпропаганда, информационные войны и гибридные войны* стали частью нашей повседневной речи» [Миятович 2015].

Представляется довольно очевидным, что нередко подогреваемые в СМИ тревожные настроения общества и следующие за такой реакцией политические решения яв-

ляются разными этапами информационной (манипуляционной) кампании, проводимой неким актором (либо группой акторов, коллективом и т. д.). Таким образом, необходимые актору-инициатору политические решения «самостоятельно» предпринимаются от имени третьей стороны как вынужденное и единственно верное решение, поддерживаемое общественностью. Иными словами, общественность вынуждают принять необходимую инициатору точку зрения, именно ту, что была задумана изначально. Выражаясь современным языком маркетологов, «у клиента создается иллюзия свободы выбора. У него может создаться впечатление, что он сам додумался до этого, что он умен и практичен. Психологически человеку гораздо легче принять собственную идею (или **ту, которая кажется таковой**), чем ту, которую ему навязали» [Иванова 2014: 72].

Манипуляции общественным мнением можно рассматривать как пример подавления воли граждан путем программирования их поведения, так называемой «промывки мозгов». Такой вид манипуляции направлен не на отдельного индивида, а на общество в целом. Главной задачей манипулятора становится навязывание коллективных ценностей, изменение мнений, целей, сознания людей для создания аудитории, поддерживающей правящую элиту, ту или иную политическую тенденцию. Воздействие на сознание людей происходит не напрямую при непосредственном контакте, а через средства массовой информации, которые создают иллюзию объективной подачи сведений и потому обладают высокой степенью убедительности [Демьяненко 2012: 20—27].

Основной инструментальной единицей такой манипуляционной кампании необходимо считать **слово**: его семантику, имиджеобразующую, аксиологическую и культурную функции, основным объектом воздействия — *общественное мнение*¹.

Если XX в. дефинируется как эпоха радио, газет и телевидения, то XXI — это уже век Интернета и социальных сетей, и их перспективы по достоинству оценены на родине Глобальной паутины — в США. Здесь впервые созданы так называемые «интернет-войска», где операции проводят люди в армейской форме.

Заместитель главы кибернетического командования ВС США Джеймс Маклафлин в своем отчете сообщает: «Перед нами стоит задача создать 133 новых киберподразделения. Всего понадобится дополнительно привлечь около 6200 операторов, объединенных в так называемые войска кибернетических операций» [Министерство обороны США]. Достоверно известно, что с момента старта формирования подобного рода войск (2009 г.) происходит массовый набор специалистов со знаниями иностранных языков (в том числе арабского, китайского и русского).

Эмпирическим путем доказана рациональность и эффективность проведения политики в третьих странах посредством «кибернетических операций» — это гораздо проще и дешевле, чем реальное применение силы, а возможные потери в случае неудачи практически сводятся к нулю. Наибо-

лее вероятной является гипотеза о подконтрольности революций на Ближнем Востоке, так называемой «арабской весны», через социальные сети («Facebook» и «Twitter»), штаб-квартиры которых расположены в США. В каждом конкретном случае события развивались по схожим сценариям: накануне народных волнений на ту или иную страну обрушивалась волна слухов (в большинстве случаев — не имеющих ничего общего с действительностью), нагнеталась истерия. Главным и наиболее опасным фактором подобного «информационного заражения» является то, что инфицированное послание в любом случае воздействует на восприятие мира адресатом. «Пусть они никуда не выйдут на площадь, пусть они не будут громить никакие общественные, государственные здания, но они будут помогать создавать этот самый панический фон в любом случае» [Мураховский 2016].

За последние годы понятие информационной войны (ИВ) приобрело достаточно широкое распространение: неуклонно растущая политическая и экономическая напряженность в мире, катализируемая подробным освещением (так или иначе — субъективным, порой даже до откровенного лицемерия) в средствах массовой информации, сделало ИВ предметом как публицистически-обывательского, так и научного рассмотрения.

Информационная война оказалась сегодня в центре политики, экономики и военного дела. «Мирные» применения этого инструментария давно вышли за пределы его военного использования. Принятие решений существует во всех областях, и в случае конкурентного столкновения начинается борьба за единственность одного решения и против решений альтернативных [Почепцов 2014].

В связи с популяризацией термина «информационная война» неуклонно растет и количество его дефиниций, описывающих это понятие в основном с точки зрения политологии. Попробуем дать определение в большей степени с лингвистической (точнее — с политлингвистической) точки зрения.

Информационная война — совокупность массовых коммуникативных практик, целью которых является воздействие (или противодействие) посредством специфического употребления единиц языка на общность людей (географическую, этнографическую, конфессиональную, политическую, экономическую и т. д.) при одновременном обеспечении безопасности и защиты актора для достижения информационного превосходства в стратегических целях [Васильев, Подсохин 2016: 11].

¹ В данном случае под общественным мнением будем понимать состояние общественного сознания, заключающее явное или скрытое отношение социума (либо отдельных его фрагментов) к явлениям, событиям и фактам общественной жизни, отражающее определенную коллективную позицию по проблемам, представляющим определенный интерес.

Первым шагом кампании по информационному воздействию (противодействию) является **дискредитация**. Основная задача данного этапа — подорвать доверие к самой цели (государству, группе лиц, компании или конкретно взятому человеку) и ее сообщениям: создать прецедент или обнародовать уже состоявшийся факт, проливающий свет на новые обстоятельства и ставящий под сомнение авторитет цели в глазах широкой общественности.

Подорвав лояльность и доверие общественности к объекту воздействия, агрессор приступает к следующему этапу, специфика которого состоит в культивировании (как правило, заведомо ложной) информации, причиняющей цели репутационный ущерб, во всех средствах массовой коммуникации. Немаловажно заметить, что подорванная репутация, создавая благоприятный предлог, позволяет инициатору вводить против цели политические и экономические санкции, принимать против нее меры и видоизменять межгосударственную риторику. Представляется достаточно уместным также назвать этот этап «аугментацией» или «эскалацией», поскольку он преимущественно характеризуется приростом и разворачиванием информационных атак на почве подорванного в ходе первого этапа доверия

к объекту (один из наиболее наглядных и исторически недавних примеров — информационное обеспечение так называемой перестройки в Советском Союзе и последовавших за нею реформ [см.: Васильев 2013: 93, 186—187]). Необходимо отметить, что информация на этом этапе может быть и достоверной, поэтому, чтобы избежать противоречий, будем называть этот этап **аугментацией (эскалацией)**.

Эффективность защитных мероприятий мишени обратно пропорционально эффективности дискретизации. Подорванный авторитет объекта затрудняет, а иногда делает и вовсе невозможной минимизацию ущерба, прежде всего репутационного.

Итоговой целью следует назвать **демонизацию** противника, которую мы выделим в третий, последний этап информационной кампании. Под демонизацией следует понимать отождествление у аудитории (как правило, это широкая общественность) объекта воздействия с осуществляемым негативным посылом, причем теперь это происходит уже автоматически, вирально (т. е. вирусобразно), без модерирования инициатором, т. е. создается определенный стереотип.

Для удобства представим этапы информационной кампании в виде таблицы.

Табл. Этапы информационной кампании

Этап	Описание	Результат
1. Дискредитация	Подрыв доверия к цели воздействия и её сообщениям	Прецедент
2. Эскалация	Культивирование информационных сообщений	Тенденция
3. Демонизация	Автоматическое отождествление у общественности предмета сообщений с целью кампании	Стереотип

Современная история богата примерами подобных информационных конфликтов, которые при соответствующей эксплицированной модерации (или ее видимом отсутствии) вносили определенные коррективы в жизнь социальных групп, народов, государств и целых поколений людей. В результате проводимой государством или некими организациями информационной политики происходят как незначительные, так и весьма существенные изменения, которые мы можем условно разделить на следующие группы.

1. **Аксиологические** — т. е. установление (провозглашение) новых ценностей, модификация и устранение прежних с использованием пропаганды (лат. *propaganda* — дословно «подлежащая распространению (вера)», от лат. *propago* — «распространяю»), агитации (лат. *agitatio* — приведение в движение), манипуляции общественным мнением и массовым сознанием. Грамотно организованная целенаправленная информацион-

ная деятельность позволяет видоизменять не просто отдельно взятые ценностные ориентиры, но всю парадигма ценностей государства.

Наиболее масштабный пример — произошедшие в России в начале XX в. события, когда была установлена советская доктрина (со своими идеологическими установками, на разных стадиях развития государства видоизменявшимися), взамен прежней монархической (условно: «Православие, самодержавие, народность»). «О том, насколько фанатично советское руководство стремилось подавить память об Императорской России, можно судить хотя бы по тому, что в советский период было официально осуществлено свыше 400 тысяч переименований» [Информационно-аналитическая служба «Русская народная линия»].

2. **Социально-политические** изменения, являющиеся, как правило, одним из подвидов более глобальных аксиологических мо-

дификаций. Данная группа затрагивает различные социально-политические объекты, включая некоторые ономастические категории. К примеру, в ходе Первой мировой войны (1914—1918 гг.) в рамках антинемецкой риторики, царившей в СМИ стран Антанты, повсеместно стали устраняться немецкие именованья. Своих фамилий стали стесняться даже сами немцы, жившие за рубежом — многие семьи в эти годы пожелали заменить их на более британизированные варианты: Шмидт — Смит, Шнайдер — Тэйлор, Мюллер — Миллер и т. д. Резко сократили употребление немецкого языка, а в некоторых странах и вовсе запретили его изучение и публичное использование (хотя, к примеру, в США выходцев из Германии насчитывается достаточно большое количество; существует даже мнение, что заметное большинство). Переименованию подверглись названия заведений, улицы и города. Подобная практика присутствовала в Великобритании, США, Италии (в меньшей степени) и России.

«Экстренный выпуск газеты „Биржевые новости“: „Мы легли спать в Петербурге и проснулись в Петрограде!.. Кончился петербургский период нашей истории с его немецким оттенком... Ура, господа!“» [Борисов 2014: 274] (любопытен следующий пример далее: «Петроградским комитетом Российской социал-демократической рабочей партии <...> выпущены листовки **против войны** и с призывом к рабочим **запасаться оружием**» [Там же] — при удачной формулировке аудитория в подобных тезисах противоречий не обнаруживает и встречает с одобрением).

Заметим также, что название «Петроград», являющееся русской калькой с немецкого (на самом деле — скорее голландского) «Петербург», было хорошо известно образованным россиянам благодаря стихотворным строкам А. С. Пушкина из «Медного всадника»:

«Над омраченным Петроградом
Дышал ноябрь осенним хладом.
Плеская шумною волной
В края своей ограды стройной,
Нева металась, как больной
В своей постели беспокойной...»

[Пушкин 1986: 175]

Во многих периодических изданиях авторы с радостью восприняли весть об «освобождении» от «немецкого засилья»: так, поэт Сергей Копыткин откликнулся на это событие стихотворением «Петроград!»:

«С каким восторгом это слово
Русь приняла из Царских рук!
И сброшен с детища Петрова
Немецкий выцветший сюртук.

***

Пусть новорожденное имя
Услышат вражие полки!
Оно закружится над ними,
Как вихрь досады и тоски.
<...>
Долой германскую отраву!
Долой германские слова!
Отныне Русскую Державу
Венчает Русская глава!»

[Калугин 2006: 391]

По справедливому замечанию К. М. Королева, «топоним — это всегда идеология, так как в нем отражается отношение общества к своей национальной идентичности. Поэтому всякое переименование означает обретение, восстановление или смену идентичности» [Информационно-аналитическая служба «Русская народная линия»].

3. **Лингвокультурные.** Масштабно обсуждаемые события не могут не повлечь за собой изменений в словарном составе — наиболее открытой и подвижной сфере языка. Яркий пример тому — недавние события на Украине.

В свете украинских событий широкое употребление приобрели такие слова и идиомы, как «*укрол*» (т. е. «граждане Украины, поддерживающие так называемый „курс евроинтеграции“, новую власть и антироссийскую риторику» [Васильев, Подсохин 2016: 13]), «*Даунбасс*» (Донбасс), «*Луганда*» (Луганск), «*вежливые люди*», «*диванные войска*» и «*диванная сотня*» и пр.

Являясь достаточно актуальным для россиян событием, так называемый «Евромайдан» уже породил большое количество неологизмов, коннотаций, коннотативных характеристик и иных новообразований, которые пополнили активный словарный запас носителей русского языка. Подобные языковые новообразования нередко теряют актуальность прямо пропорционально актуальности самого дискурса, утрачивая свою яркость, необычность и злободневность, но в некоторых случаях неологизмы прочно оседают в лексиконе и становятся нормой.

Сегодня достаточно трудно удивить собеседника употреблением таких слов, как *гастарбайтер*, *монетизация*, *чайник* (т. е. неспециалист); *кооператор*, *гэкачелист* и т. д. Этимология таких неологизмов условно различна, но их «виральный» характер распространения через различные каналы коммуникации очевиден.

Вполне уместно также упомянуть здесь о вербальных продуктах научно-технического прогресса — *эсэмэска*, *дисплей* и т. д.

4. **Морально-межличностные:** разжигание розни, либо (увы, значительно реже) примирение различных демографических групп.

В Хельсинкском заключительном акте (1975 г.), заложившем основу Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), государства-участники обязались поддерживать в отношениях друг с другом «атмосферу доверия и уважения между народами, отвечающую их обязанности воздерживаться от пропаганды агрессивных войн» против другого государства-участника.

«Впервые эти обещания были нарушены накануне и во время войны в бывшей Югославии в 1990-е годы. Опасные стереотипы, преобладавшие в югославских государственных СМИ с начала кризиса, в большой мере способствовали развитию атмосферы нетерпимости и повлияли на убеждения людей, усилив ощущение национальных и религиозных различий.

Создание атмосферы опасности и тревоги с постоянным навешиванием ярлыка врага — политика, унаследованная от старого режима, в котором преследовались идеологические конкуренты, — теперь распространилось на национальности. Этническая нетерпимость как итог хорошо **продуманной пропаганды в средствах массовой информации** привела к практически всеобщей поддержке жестокой войны. Многочисленные исследования роли СМИ в конфликте в бывшей Югославии показали, что СМИ на службе у режима способствовали разжиганию войны и ненависти» [Миятович 2015].

В качестве заключения уместно упомянуть о притче, существующей в различных культурах и, как это обычно бывает, во множестве вариантов, несущественно различающихся между собой:

Как-то Аллах явился мудрецу и сказал, что через несколько лет все источники воды на земле станут ядовитыми — тот, кто попробует эту воду, станет безумцем. <...>. ... люди не поверили мудрецу, они посмеялись над ним... <...>. Так прошло несколько лет и настал момент, когда вся вода стала отравленной. Люди и скот пили ее и сходили с ума. И, в конце концов, в том краю остался только один человек, не пробовавший этой отравленной воды — мудрец. Люди <...> объявили его безумцем, смеялись над ним и всячески издевались. И тогда мудрец <...> подошел к колодезю и выпил отравленной воды. Тогда люди поздравляли его с исцелением и стали вновь называть мудрецом...

Как ни парадоксально, но XXI век, предполагая глобальное распространение свобод человека (в том числе свободы слова),

наглядно демонстрирует зависимость авторов от политических, экономических, культурных, религиозных реалий, которые в рамках того или иного информационного противостояния диктуют те или иные ценностные установки, облаченные в текст. В итоге мы становимся свидетелями того, что изобретения, призванные и, казалось бы, предназначенные объединять людей посредством обмена информацией, сеют споры, разногласия и (как выяснилось в последние годы) даже используются для организации вооруженных конфликтов.

В современном массмедийном дискурсе термин «информационная война» фигурирует очень часто, а вот подвергается научному исследованию и рефлексии значительно реже. При этом возможные «вторичные» («побочные») эффекты информационного воздействия рассматриваются еще реже, что подчеркивает значимость, необходимость и актуальность данного вопроса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонов Б. И. Петербург — 1914 — Петроград. Хронологическая мозаика столичной жизни. — М.: Центрполиграф, 2014. 558 с.
2. Васильев А. Д. Игры в слова. Манипулятивные операции в текстах СМИ. — СПб., 2013. 660 с.
3. Васильев А. Д. Манипулятивная эвфемизация как атрибут дискурса СМИ // Вестн. Краснояр. гос. пед. ун-та им. В. П. Астафьева. 2010. №1. С. 141—147.
4. Васильев А. Д., Подсохин Ф. Е. Информационная война: лингвистический аспект // Политическая лингвистика. 2016. Вып. 2 (56). С. 10—16.
5. Демьяненко Н. В. Использование манипулятивных технологий в СМИ как реальная проблема // Российский академический журнал. 2012. № 1. С. 20—27.
6. Иванова С. В. Продажи на 100%: эффективные техники продвижения товаров и услуг. — М.: Альпина Бизнес Букс, 2014. — 277 с.
7. Калугин В. Антология военной песни / сост. и автор предисл. В. Калугин. — М.: Эксмо, 2006 — 800 с.
8. Министерство обороны США. URL: http://www.defense.gov/News/Special-Reports/0415_Cyber-Strategy (дата обращения: 10.04.2016).
9. Миятович Д. Пропаганда и свобода массовой информации / Памятная записка Бюро Представителя ОБСЕ по вопросам свободы СМИ. — Вена, 2015. URL: <http://www.osce.org/ru/fom/219726> (дата обращения: 23.11.2016).
10. Мураховский В. Паутина лжи. URL: <http://www.5-tv.ru/glavnoe/broadcasts/508990/332/> (дата обращения: 02.04.2016).
11. Почепцов Г. Г. Информационная война: определения и базовые понятия. URL: osvita.mediasapiens.ua/ethics/manipulation/informatsionnaya_voyna_opredeleniya_i_bazovye_ponyatiya (дата обращения: 02.04.2015).
12. Пушкин А. С. Соч. В 3 т. Т. 2. Поэмы. Евгений Онегин. Драматические произведения. — М.: Худож. лит., 1986. — 527 с.
13. Русская народная линия: информационно-аналитическая служба. Всякое переименование означает обретение, восстановление или смену идентичности. URL: http://ruskline.ru/news_rl/2014/08/21/vsyakoe_pereimenovanie_oznachaet_obretenie_vosstanovlenie_ili_smenu_identichnosti/ (дата обращения: 22.11.2016).

A. D. Vasiliev, F. E. Podsokhin
Krasnoyarsk, Russia

FROM PRECEDENT TO STEREOTYPE: THREE STAGES OF THE INFORMATION CAMPAIGN

ABSTRACT. *Anxiety in the society, stimulated by mass media, and political decisions that follow it may be treated as different stages of a certain information (manipulation) campaign held by a certain actor (actors). The paper discusses the main stages of information campaign and their goals. These processes are connected with the concept of information warfare. Information warfare is a unity of mass communicative practices, the purpose of which is persuasion (or counteraction) of the group of people (united by the geographic, ethnographic, confessional, political, economic reasons) by means of specific use of language units to reach information superiority, at the same time protecting the actor. The first stage of information campaign is discrediting. The main goal of this stage is to shatter confidence in the goal (the state, a group of people, company or a certain person) and their messages. Having shattered confidence in the subject of persuasion, the aggressor moves on to the next stage – escalation. The specific feature of escalation is the growth of (deliberately false) information, which harms the reputation of the subject in all mass media. The final goal is demonization of the opponent – association of the subject with the negative message and a certain stereotype. Strange as it may seem, the XXIst century shows dependence of the authors on the political, economic, cultural and religious realia, which in the frames of this or that confrontation prescribe certain value orientations introduced in the text.*

KEYWORDS: *manipulation of consciousness; manipulative influence; information warfare; mass media; media discourse.*

ABOUT THE AUTHOR: *Vasiliev Aleksandr Dmitrievich, Doctor of Philology, Professor, Department of General linguistics, Krasnoyarsk State Pedagogical University, Krasnoyarsk, Russia.*

ABOUT THE AUTHOR: *Podsokhin Fyodor Evgenievich, Post-graduate Student, faculty of Philology, Krasnoyarsk State Pedagogical University, Krasnoyarsk, Russia.*

REFERENCES

1. Antonov B. I. Peterburg — 1914 — Petrograd. Khronologicheskaya mozaika stolichnoy zhizni. — M. : Tsentrpoligraf, 2014. 558 s.
2. Vasil'ev A. D. Igrы v slova. Manipulyativnye operatsii v tekstakh SMI. — SPb., 2013. 660 s.
3. Vasil'ev A. D. Manipulyativnaya evfemizatsiya kak atribut diskursa SMI // Vestn. Krasnoyarsk. gos. ped. un-ta im. V. P. Astaf'eva. 2010. №1. S. 141—147.
4. Vasil'ev A. D., Podsokhin F. E. Informatsionnaya voyna: lingvisticheskiy aspekt // Politicheskaya lingvistika. 2016. Vyp. 2 (56). S. 10—16.
5. Dem'yanenko N. V. Ispol'zovanie manipulyativnykh tekhnologiy v SMI kak real'naya problema // Rossiyskiy akademicheskii zhurnal. 2012. № 1. S. 20—27.
6. Ivanova S. V. Prodazhi na 100%: effektivnye tekhniki prodvizheniya tovarov i uslug. — M. : Al'pina Biznes Buks, 2014. — 277 s.
7. Kalugin V. Antologiya voennoy pesni / sost. i avtor predisl. V. Kalugin. — M. : Eksmo, 2006 — 800 s.
8. Ministerstvo oborony SShA. URL: http://www.defense.gov/News/Special-Reports/0415_Cyber-Strategy (data obrashcheniya: 10.04.2016).
9. Miyatovich D. Propaganda i svoboda massovoy informatsii / Pamyatnaya zapiska Byuro Predstavatelya OBSE po voprosam svobody SMI. — Vena, 2015. URL: <http://www.osce.org/ru/fom/219726> (data obrashcheniya: 23.11.2016).
10. Murakhovskiy V. Pautina lzhi. URL: <http://www.5-tv.ru/glavnoe/broadcasts/508990/332/> (data obrashcheniya: 02.04.2016).
11. Pocheptsov G. G. Informatsionnaya voyna: opredeleniya i bazovye ponyatiya. URL: osvita.mediasapiens.ua/ethics/manipulation/informatsionnaya_voyna_opredeleniya_i_bazovye_ponyatiya (data obrashcheniya: 02.04.2015).
12. Pushkin A. S. Soch. V 3 t. T. 2. Poemy. Evgeniy Onegin. Dramaticheskie proizvedeniya. — M. : Khudozh. lit., 1986. — 527 s.
13. Russkaya narodnaya liniya: informatsionno-analiticheskaya sluzhba. Vsyakoe pereimenovanie oznachaet obretenie, vosstanovlenie ili smenu identichnosti. URL: http://ruskline.ru/news_r/2014/08/21/vsyakoe_pereimenovanie_oznachaet_obretenie_vosstanovlenie_ili_smenu_identichnosti/ (data obrashcheniya: 22.11.2016).

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.

Е. В. Горина
Екатеринбург, Россия

**АНАЛИЗ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ.
К ВОПРОСУ О КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНОМ ПОДХОДЕ**

АННОТАЦИЯ. В статье описывается методика анализа национальной идентичности, подразумевающая комплексное изучение дискурсивных и когнитивных особенностей формирования идентичности. Анализ идентичности должен проводиться с опорой на личность автора идентичности. Когнитивные процессы оказывают большое влияние на формирование любого вида идентичности. Автор строит текст, выбирает те или иные идентификации объекта, основываясь на собственных личностных особенностях (образовании, жизненном опыте, профессиональной деятельности и т. д.). Поэтому когнитивный анализ важен для понимания формирования и интерпретации проблемы идентичности. Однако и дискурс, в рамках которого автор создает свой текст, оказывает свое воздействие на формирование идентификационных смыслов. Описываемая в статье методика ориентирована на анализ текстов, представленных в медиадискурсе в сети Интернет. Методика анализа национальной идентичности предполагает анализ четырех важных параметров: окружающего высказывание дискурса, параллельно актуализированных дискурсов, особенностей говорящего и оснований для идентификаций объекта. Список параметров, актуальных для данной методики, представлен не полностью, но в объеме, удовлетворяющем цели данной статьи.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: дискурс; национальная идентичность; когнитивно-дискурсивный подход; дискурс-анализ; формирование идентичности.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Горина Евгения Владимировна, доктор филологических наук, кафедра русского языка и стилистики, факультет журналистики, Уральский федеральный университет; 620051, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, 51; e-mail: Gorina9@yandex.ru.

Проблема идентичности для современных гуманитарных исследований является одной из самых актуальных. Поскольку язык — средство не только отражения идентичности, но и ее создания, и идентичность является одной из важнейших функций языка, лингвистика сформировала несколько подходов к анализу идентичности: коммуникативно-функциональный, когнитивный и дискурсивный. В рамках коммуникативно-функционального подхода рассматриваются модели языковой личности, используемые для конструирования идентичности в процессе коммуникации. С позиции коммуникативно-функционального подхода идентичность — это самоопределение, отождествление говорящего с чем-то или кем-то, проявляющееся в процессе коммуникации. Формирование идентичности достигается при взаимодействии говорящих в социуме [Писаренко 2005]. Когнитивный подход постулирует понимание идентичности как когнитивного, психологического свойства личности, как результат работы индивидуального сознания, структурируемого когнитивными элементами (концептами, стереотипами и т. д.). Когнитивный подход представлен наиболее широко, в его рамках рассматриваются лингвистические, социокультурные особенности речевого портрета, анализируется взаимосвязь языка и ментальности, исследуется языковая картина мира. С позиции когнитивного подхода идентичность понимается как ментально репрезентированная совокупность ряда фрагментов культурно детерминированной картины мира [Матузкова 2012]. Дискурсивный подход определяет идентичность как дискурсивный феномен. Ряд авторов, придерживающихся дискурсивного подхода, опира-

ются на философские и литературоведческие исследования М. Фуко, Э. Бенвениста и понимают идентичность не как психологическое свойство личностного или коллективного сознания, не как результат деятельности сознания индивида, а как функцию дискурса: «Человек, когда говорит, идентифицирует себя с тем или иным типом идентичности, предлагаемым дискурсом в готовом виде» [Енина 2010]. В рамках этого подхода в некоторых исследованиях происходит уравнивание понятий «идентичность» и «идентификация». В других работах идентичность рассматривается как родовая функция дискурса, а идентификации как множество конкретных реализаций идентичности, как дискурсивный процесс установления тождества или различия с чем/кем-либо, выражающийся и формирующийся набором дискурсивных практик. Дискурсивная практика идентификации понимается как способ создания и передачи смыслов. То есть идентичность может быть рассмотрена как глобальное намерение, а идентификация как конкретная форма реализации идентичности [Енина 2016].

Дискурсивный подход подразумевает, что человеку самим дискурсом предлагается определенный тип идентичности. Это постулирование обусловлено пониманием социальной природы идентичности, тем, что идентичность во многом складывается благодаря историческим и социальным процессам, формирующим общество [Бергер, Лукман 1995; Чепкина, Енина 2012]. Такой подход, несомненно, интересен и актуален. В рамках проекта «Национально-гражданская идентичность россиян в дискурсе СМИ: концепт „информационная война“ как мобили-

зационный фактор идентификации» (руководитель — Л. В. Енина) предлагается методика анализа национальной идентичности, включающая анализ тематических направлений идентификации (этническая, экономическая, политическая, историческая и др.), оценки идентификации с позиции говорящего (позитивная, негативная, не определяется) и позиции говорящего по отношению к идентификации (включает себя, отказывается, не определяется) [Ильина, Халуторных — в печати].

Цель данной статьи — расширить рамки указанной выше методики анализа идентичности, что позволит применять ее не только для выявления параметров какой-либо идентичности, сформированной в текстах, но и для описания, например, манипулятивных приемов, использованных автором для влияния на сознание и эмоции адресата. Анализ, на наш взгляд, должен вестись не только в рамках дискурсивного подхода, но и с учетом наработок, сделанных в когнитивной лингвистике. Совмещение научных парадигм позволит охарактеризовать идентичность не только как дискурсивный, но и как когнитивный феномен. Анализ идентичности формируется через описание дискурсивной деятельности говорящего, через характеристику конкретных дискурсивных стратегий, используемых в определенных коммуникативных условиях. Объединение когнитивного и дискурсивного подходов в изучении идентичности оправдывается объективным влиянием сознания говорящего на формирование дискурса и одновременным воздействием дискурса на сознание и речевую деятельность говорящего. То есть когнитивные процессы, основанные на работе сложного семиотического механизма (использование представлений, концептов, стереотипов, мифологических образов и т. д.), влияют на становление дискурса, но и дискурс, как феномен, характеризующийся повторяемостью, оказывает влияние на речь человека. Думается, комплексный подход позволит использовать одновременно лингвистический анализ средств языка, выработанные когнитивистикой методики и дискурсивный анализ для характеристики структуры идентичности и описания специфики вербализованной идентичности в условиях различных дискурсов.

Предлагаемая методика вырабатывалась на основе анализа текстов массмедиа, представленных в сети Интернет, следовательно, предложенные в данной методике параметры, которые необходимо учитывать при анализе текстов, содержащих признаки национальной идентичности, сформулированы относительно массмедийных интернет-

сообщений. Методика анализа национальной идентичности должна включать в себя последовательный учет нескольких важных параметров.

Во-первых, важен параметр окружающего дискурса. Необходимо учитывать, в рамках какого дискурса формулируется идентичность, какие требования диктует говорящему дискурс, в котором говорящий создает идентичность и раскрывающие ее идентификации. Например, если идентичность предлагается в рамках научного дискурса, то автор должен соблюдать его требования: строгость, точность, формализованность, объективность и т. д. То есть необходимо учитывать, что сформулированная идентичность создается под влиянием того дискурса, в который включен автор. Например, при повышенном внимании к политическим вопросам (острое обсуждение санкций, объявленных России, сложных взаимоотношений Украины и России, трудностей верификации информации в условиях информационной войны и т. д.), т. е. в рамках политического дискурса, выбор журналистом идентификации объекта для формирования национальной идентичности будет обусловлен идеологией, основанием для идентификации послужит политика (например: *«Россия — слабая страна, с нашей разваленной экономикой вообще нельзя выступать против Америки»*). Но тот же журналист, предлагая национальную идентичность в условиях спортивного дискурса, активизировавшегося во время Олимпиады, будет строить идентификацию объекта, ориентируясь на успехи или провалы наших спортсменов (*«Россия великая, сильная, мощная, наши спортсмены доказывают это каждый день»*). Такое перемещение идентификаций чего(кого)-либо, на наш взгляд, нельзя считать противоречием. Сочетание множества идентификаций по разным основаниям — это, с одной стороны, доказательство того, что дискурс оказывает влияние на выбор основания идентификации, с другой — указание на тот факт, что важно учитывать особенности личности говорящего, способного совершить определенную мыслительную работу и сменить основание идентификации объекта. В любом случае наличие противоположных идентификаций, их пересечение, одновременное использование одним и тем же или разными говорящими — это не трансформация идентичности объекта, не изменение ее в результате внешних раздражителей, а ее внутреннее свойство, которое нуждается в описании и структуризации.

Во-вторых, необходимо учитывать пара-

метр актуализированного дискурса (дискурсов). При анализе национальной идентичности в массмедийных текстах важно обращать внимание на дискурсы, которые параллельно оказывают влияние на процессы порождения и восприятия идентичности. Под актуализированными дискурсами мы понимаем те дискурсы, которые наиболее актуальны для общества или личности в тот период, когда создается национальная идентичность. Например, в России для формирования и восприятия национальной идентичности сегодня являются актуализированными политический и экономический дискурсы. Журналистские публикации (и комментарии к ним), в которых указывается национальная идентичность, часто содержат сигналы, говорящие о влиянии политического и экономического дискурсов на предложенную автором идентификацию или на интерпретацию этой идентификации читателем. Речь человека не формируется только одним дискурсом, она включает в себя множество факторов, не всегда имеющих отношение к тому дискурсу, в котором функционирует говорящий в определенный момент. Речь человека обуславливается и внутренними, личностными характеристиками: повышенной/пониженной эмоциональностью, принадлежностью к определенной религии, особенностями характера и типа поведения, типом мышления, настроением и т. д. Следует принять в расчет то, что идентификация может проводиться под влиянием не только окружающего дискурса, но и, например, актуальных для автора религиозных воззрений. Когнитивный анализ (осмысление особенностей речи говорящего, культурных кодов, учет русских культурно-языковых моделей, стереотипов, концептов и т. д.) необходим, чтобы правильно истолковать тот или иной речевой поступок, суть заложенной в нем идентификации или точнее понять предложенную в комментариях интерпретацию идентичности.

В-третьих, необходимо учитывать параметр основания идентификации объекта, формирующей национальную идентичность [Енина 2016; Ильина, Халуторных — в печати; Лаппо 2009]. Основанием для идентификации чего(кого)-либо может служить культура, история, мораль и нравственность, религия, политика, государственность, экономика, этнос, патриотизм, семья и т. д. При этом надо иметь в виду, что автор часто остается в рамках какого-то определенного направления идентификации. Например, в журналистских текстах указывается, как именно русские люди идентифицируют себя в области политики, или в области культуры, или

относительно истории своей страны. А вот комментирующие материал читатели, поняв предложенные журналистом оценки, могут подключать другие основания формирования идентификации, предлагать различные точки зрения на причины возникновения и формирования национальной идентичности.

В-четвертых, существенную роль играет параметр говорящего, формирующего идентичность. Характеристика речевых идентификаций не может носить надындивидуальный характер. Авторство не должно утрачивать своей значимости при характеристике идентичности. По-разному воспринимается и классифицируется одинаково сформулированная национальная идентичность, озвученная, например, известным политиком или неизвестным комментатором журналистского материала в Интернете. Учет личности говорящего необходим для понимания специфики выбора тех или иных идентификаций объекта. Текст строится говорящим, который сам формулирует идентичность, сам выбирает, что и как выразить в формулировке идентификации объекта. Идентификации чего(кого)-либо не существуют сами по себе, а создаются человеком, следовательно, фактор автора является важным параметром для описания проблемы идентичности вообще и в условиях медиадискурса в Интернете в частности. Кроме того, необходимо проанализировать, какое место для себя в формулируемой национальной идентичности определяет говорящий. Занимает ли он место стороннего наблюдателя, включает (полностью или частично) или подчеркнута не включает себя в названную идентичность.

Используя предложенную методику когнитивно-дискурсивного анализа, проанализируем особенность национальной идентичности, созданной в рамках медиадискурса в условиях Интернета. Рассмотрим в качестве примера текст обозревателя «Комсомольской правды» Николая Варсегова «Русские не любят Россию, а потому несчастны» [Варсегов 2016]. Данный материал мы выбрали для примера, во-первых, потому что в рамках одного текста представлены различные основания идентификации русских людей. Во-вторых, потому что текст получил большой резонанс (это проявилось в неоднократных перепостах текста в соцсетях) и в результате был обильно прокомментирован читателями «Комсомолки». Следовательно, анализ национальной идентичности в данном тексте позволит увидеть мнение разных типов говорящих. Именно активность читателей и предложенные ими идентификации русского человека (сформулированные по иным основаниям, нежели авторский вариант) делают текст еще

более привлекательным для исследования. Тот факт, что читательская аудитория оказалась разнообразной по многим признакам (гендерному, возрастному, по виду деятельности, в том числе по территориальному признаку — комментировали люди из разных городов страны и даже зарубежья), позволяет говорить о тенденциях формирования национальной идентичности. Важно и то, что комментарии содержат различное отношение к предложенному журналистом варианту национальной идентификации.

Итак, анализируя журналистскую публикацию, учтем указанные в предложенной методике параметры окружающего дискурса, актуализированных дискурсов, оснований идентификации и параметр говорящего. В начале определим, какое влияние на формирование идентичности оказывает окружающий медиадискурс. Медиадискурс характеризуется открытостью системы взаимодействия, наличием непрерывной (интерактивной) связи между автором и адресатом, возможностью воздействия на разные группы адресатов одновременно, гибкостью системы взаимодействия, заведомой оценочностью информации, созданием противоположного суждения для формирования дискуссии. То есть медиадискурс требует от автора формулирования оценочного мнения, актуальности описываемой проблемы, доступности и ориентированности на массового читателя. Автор следует правилу поведения в рамках медиадискурса и предлагает не только фактическую, но и оценочную информацию. Однако при этом построение текста публикации не только отвечает требованиям дискурса, но и является результатом работы сознания индивида, его когнитивной деятельности. Качество оценки, выразительность формы, смысловая структура текста, аргументы, содержание публикации формируются благодаря особенностям речи, сознания автора (текст включает в себя жизненный и профессиональный опыт, образование, социальный статус говорящего, особенности принятых им культурных норм, религии, вида идеологии, умение работать в определенных жанрах и т. д.).

При анализе конкретных высказываний автора следует определить, как именно он формулирует национальную идентичность, как характеризует русских людей, на каких основаниях строит свои идентификации. Национальная идентичность, представленная Н. Варсеговым в анализируемом тексте, заключается в следующем: русские люди не любят свою Родину. Основанием для идентификации является морально-нравственное отношение к Родине. Русские люди иденти-

фицируются как люди, не любящие Россию. Эта идентификация обосновывается журналистом через характеристику культуры поведения россиян: *«Наши люди привыкли превращать в свалку любой парк или придорожный лес», «Наши люди действительно не любят страну, а потому гадят и гадят везде и всюду»*. Русские люди в результате идентифицируются как некультурные, что выражается в равнодушии к окружающей среде, в замусоривании окружающего пространства. Автор так развивает национальную идентичность: *«Люди не могут счастливо жить в стране, которую сами так загаживают»*. Дана еще одна идентификация оценочного свойства: русские люди несчастливы в своей стране. То есть национальная идентичность в тексте Н. Варсегова формируется за счет морально-нравственного и культурного направлений идентификации: русские не любят свою страну, поэтому не соблюдают правила культурного поведения, в результате чего русские несчастны. Идентификации оформлены в виде цепочки причинно-следственных связей, что позволяет читателю лучше понимать идею автора, его мнение и формулировать согласие или несогласие с ним.

Как видно, авторский вариант идентификаций русских людей отражает требования медиадискурса. Во-первых, в тексте подчеркнута актуальность темы: в качестве иллюстрации в смысловой структуре приводится цитата японского академика и философа Яничи Яёи-сан, высказавшегося о грязи в общественном туалете г. Шаля Свердловской области еще в 2002 г. Актуальность усиливается и тем, что высказывание японца выносится в заголовок материала (*«Русские не любят Россию, а потому несчастны»*). Во-вторых, в материале есть четко выраженная оценка — негативная, сформированная с помощью оценочного слова: *«не любят»* (отрицание положительной оценки), просторечного *«гадят»*, с помощью смыслового контраста: лес, парк / свалка. Оценка содержится в описании ситуации, когда японец сформулировал свое мнение: *«изречение, переданное мне покрасневшей переводчицей Наташей, философ создал прямо там за дощатой дверью сортира, куда нога уборщицы уж давно не ступала»*. Оценочны указание на поведение переводчицы (*покрасневшая*) и трансформация фразеологизма (*нога уборщицы не ступала*). Все это акцентирует требуемую медиадискурсом провокационность мнения и дает возможность высказать и согласие с автором, и противоположные точки зрения.

Рассмотрим реакции читателей и осно-

вания идентификации русского человека в рамках предложенной национальной идентичности. Анализ более 600 комментариев, данных читателями «Комсомольской правды» к рассматриваемому выступлению, показал, что почти 80 % читателей выразили согласие с идентификациями, предложенными Н. Варсеговым. Развитие морально-нравственной идентификации «русские не любят свою страну» наиболее часто комментаторы формулировали по следующим основаниям: история России, экономика, политика и государство, культура. Приведенные комментаторами идентификации объясняли причины морально-нравственной идентификации «русские не любят свою страну». Например, «русские не любят свою страну», потому что «*русские нищие*» (основание идентификации — экономика), «*русских обманывает их же правительство*», «*русские не соблюдают законы*», «*Россией правят воры, а простые люди ощущают себя рабами*» (политико-государственное основание), потому что «*русским не за что любить свою страну, в ней нет справедливости*» (ценностное направление), потому что русские характеризуются «*свинством, бытовым хамством и пофигизмом*» (культура), «*русские травмированы перестройкой люди, потерявшие ощущение „дома“*» (история), «*русские — единственная нация, о которой можно говорить гадости*» (национально-ментальное основание идентификации), «*русские исторически нечистоплотны*» (история) и т. п. Идентификации развиваются через приведение различных типов аргументации: объяснение причин и следствий, приведение примеров, проведение аналогий, апелляция к авторитету («*русские невоспитанные, давайте не мелочно про мусор, разруха — она в головах*», — упоминание фразы профессора Преображенского из «Собачьего сердца» М. Булгакова).

Обратимся к анализу актуализированных дискурсов, которые могли оказать влияние на выбор оснований идентификации. На выбор активно используемого политического основания идентификации оказывает влияние актуализация политического дискурса, характерная к моменту выхода публикации (13 июля 2016 г.). Обилие информации относительно влияния Америки и Европы на Россию приводит к тому, что почти 60 % комментаторов идентифицируют русских по политическому основанию: через сравнение России с Европой, Америкой, через критику российской власти, не умеющей справиться с наложенными на страну санкциями, через апелляцию к теории заговора. Вот, напри-

мер, отрывок, в котором очевидно влияние актуализированного политического дискурса: «*Да любят, любят русские Россию, просто у них любовь не такая, как у других народов! Главное у русских — это не отдать врагу ни пяди русской земли, а еще лучше — прирезать от соседей (Приднестровье, Чечня, Южная Осетия и Абхазия, Крым, ЛДНР) — причем за это русские готовы жизнь отдать. А вот навести порядок, улучшить жизнь на уже захваченных в прошлом территориях — вот тут любви русских и НЕТ!*» Еще один пример, содержащий сигнал актуализированного политического дискурса: «*У одних русские во всем виноваты, у других — Госдеп и Обама. И только с себя начать дураки не желают...*» Данные примеры дают основание полагать, что при понимании и интерпретации авторской идентификации некультурного поведения россиян относительно окружающей среды читатели ориентировались на актуализированный политический дискурс.

Однако комментаторы не только соглашались с идентичностью, предложенной автором, но и высказывали и противоположное мнение: «Русские любят свою Родину», в доказательство приводились такие идентификации: «*Русские любят свою страну, как и другие нации*», «*русские любят свою страну и гадят не больше других. В Америке тоже хватает разбросанных окурков. В Германии тоже чисто стало только после введения жутких штрафов*» (основание идентификации — сравнение с другими нациями), «*русские не не любят Россию, они не являются хозяевами своей страны*», «*русские любят Россию, но не любят ее власть*» (политико-государственное основание), «*русские проявляют нечистоплотность только в пожилом возрасте*», «*из всех русских гадят только те, кто рос при СССР*» (возраст, история).

Обратим внимание на то, что и автор, и комментаторы по-разному указывают свое положение в идентификации. Анализ материала показал, что говорящие могут полностью исключать себя из негативно оценочной идентификации: «*я хорошо помню своё детство и такого безобразия я не видела. Мы с братом ходили в лес, и нам всегда внушали, что нельзя в лесу оставлять за собой грязь. Нам с братом это просто „вбили“ в голову. Мы и теперь не можем гадить*». Или могут занимать положение наблюдателя, как автор материала Н. Варсегов: «*я то и дело вспоминаю мудреца Яничи, когда, например, подъезжаю поездом к какому-то российскому городу, включая Москву, и вижу всюду горы бытового мусора*». При анализе

было замечено, что говорящие ни разу не согласились с негативной идентичностью по отношению лично к себе. Признание справедливости негативной идентичности происходит при употреблении обобщенного «мы», «у нас», «наши люди»: «Согласна с автором, наши люди не умеют и не хотят жить в красоте и чистоте, окурки летят с балконов, плевки, банки везде».

Анализ публикации Н. Варсегова показал, что национальная идентичность может быть сформирована с помощью нескольких идентификаций, приведенных в первую очередь по политическим, экономическим, культурным основаниям. На наш взгляд, идентичность как когнитивно-дискурсивный феномен характеризуется множественностью идентификаций, когнитивностью и зависимостью от окружающего и актуализированных дискурсов. Именно поэтому для анализа этого сложного феномена необходим комплексный когнитивно-дискурсивный подход. При анализе формирования национальной идентичности в тексте автора «Комсомольской правды» мы в качестве опорных параметров, оказывающих влияние на формирование идентичности, оценивали окружающий высказывание дискурс, параллельно актуализированные дискурсы, особенности говорящего и основания для идентификаций. Следует заметить, что указанные четыре параметра не являются единственными. Список параметров намного больше, часто он определяется типом личности говорящего, например, для характеристики идентичности в журналистском тексте актуальным будет параметр «позиция автора». Поскольку единицей анализа для предлагаемой методики становится текст, то важно обращать внимание на параметры, связанные с коммуникативно-речевой ситуацией. Необходимо учитывать, кто и как создает высказывание в тексте, в какой части текста размещается высказывание, не меняется ли приписанное высказыванию значение в тексте (например, автор может использовать иронию, сарказм, что определенно отразится на значении слова, оформившего идентич-

ность). Нельзя обойти стороной параметры сильных сторон текста и средств выразительности разных уровней. Крайне важным оказывается параметр наличия в тексте других кодовых систем, способных усилить вербализацию идентичности (иллюстрации, схемы, подчеркивания и т. д.). Итак, использование методики, включающей учет важных параметров при анализе текста, указывающего на какую-либо идентичность, позволит комплексно охарактеризовать средства и способы создания идентичности, описать ее структуру, увидеть ее специфику в определенном дискурсе, кроме того, позволит выявить и охарактеризовать манипулятивные приемы, использованные автором для внедрения определенного типа идентификации в сознание адресата.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. — М.: МЕДИУМ, 1995. 323 с.
2. Варсегов Н. «Русские не любят Россию, а потому несчастны» // Комсомольская правда. Уфа. 2016. 13 июля. URL: <http://www.ufa.kp.ru/daily/26555.4/3570885/> (дата обращения: 7.11.2016).
3. Енина Л. В. Идентификация политического субъекта в медиадискурсе // Изв. Урал. фед. ун-та. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. 2010. Т. 84. № 5. С. 32—39.
4. Енина Л. В. Идентичность как дискурсивный концепт и механизмы дискурсивной идентификации // Политическая лингвистика. 2016. № 6. С. 158—166.
5. Ильина О. В., Халуторных Е. А. Дискурсивные практики региональной идентификации россиян в медиатекстах (на примере газеты «Искра» Кунгурского района) // Изв. Урал. фед. ун-та. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. 2016—2017. (в печати).
6. Лаппо М. А. Когнитивно-дискурсивная сущность самоидентификации // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2009. № 4 (8). URL: <http://puma/article/n/kognitivno-diskursivnyayuschnost-samoidentifikatsii> (дата обращения: 29.11.2016).
7. Матузкова Е. П. Междисциплинарные научные подходы к изучению идентичности // Мова і культура : науковий журн. — Київ : Видавничий дім Д. Бурого, 2012. Вип. 15. Т. 1 (155). С. 79—86.
8. Чепкина Э. В., Енина Л. В. Дискурсивные практики журналистики: метод анализа // Стилистика завтрашнего дня : сб. статей к 80-летию проф. Григория Яковлевича Солганика. — М.: МедиаМир, 2012. С. 291—308.
9. Писаренко Н. В. Идентичность в аспекте коммуникации: теоретические подходы // Вестн. Том. гос. ун-та. 2005. № 286. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/identichnost-v-aspekte-kommunikatsii-teoreticheskie-podhody> (дата обращения: 11.11.2016).

E. V. Gorina
Ekaterinburg, Russia

ANALYSIS OF FORMATION OF NATIONAL IDENTITY. TO THE QUESTION OF COGNITIVE-DISCURSIVE APPROACH

ABSTRACT. *The article describes the methods of analysis of national identity, including a comprehensive study of the discursive and cognitive characteristics of identity formation. We believe that the analysis of identity should be based on the identity of the author. Cognitive processes have a great influence on the formation of any identity. While writing a text, the author chooses certain identification of the object based on their own personal characteristics (education, experience, professional activities, etc.). Therefore, cognitive analysis is important for understanding the formation and interpretation of identity issues. However, the discourse in which the author creates his text exerts its influence on the formation of identity of meanings. The proposed methodology is focused on the analysis of texts presented in the media discourse on the Internet. The method of analysis of national identity involves the analysis of four important parameters surrounding the utterance of the discourse, simultaneously actualized discourses, characteristics of the speaker and grounds to identify the object. A list of parameters relevant to this technique, are presented not completely, but in the amount that satisfies the purpose of this article.*

KEYWORDS: *discourse; national identity; cognitive discursive approach; discourse analysis; identity formation.*

ABOUT THE AUTHOR: *Gorina Yevguenia Vladimirovna, Doctor of Philology, Associate Professor, Department of Russian and Stylistics, Department of Journalism, Ural Federation University named after B. N. Yeltzin, Ekaterinburg, Russia.*

REFERENCES

1. Berger P., Lukman T. *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti: traktat po sotsiologii znaniya*. — M. : MEDIUM, 1995. 323 s.
2. Varsegov N. «Russkie ne lybyat Rossiyu, a potomu neschastny» // *Komsomol'skaya pravda*. Ufa. 2016. 13 iyulya. URL: <http://www.ufa.kp.ru/daily/26555.4/3570885/> (data obrashcheniya: 7.11.2016).
3. Enina L. V. Identifikatsiya politicheskogo sub"ekta v mediadiskurse // *Izv. Ural. fed. un-ta. Ser. 1, Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury*. 2010. T. 84. № 5. S. 32—39.
4. Enina L. V. Identichnost' kak diskursivnyy kontsept i mekhanizmy diskursivnoy identifikatsii // *Politicheskaya lingvistika*. 2016. № 6. S. 158—166.
5. Il'ina O. V., Khalutornykh E. A. Diskursivnye praktiki regional'noy identifikatsii rossiyan v mediatekstakh (na primere gazety «Iskra» Kungurskogo rayona) // *Izv. Ural. fed. un-ta. Ser. 1, Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury*. 2016—2017. (v pechati).
6. Lappo M. A. Kognitivno-diskursivnaya sushchnost' samoidentifikatsii // *Vestn. Tom. gos. un-ta. Filologiya*. 2009. № 4 (8). URL: <http://puma/article/n/kognitivno-diskursivnaya-suschnost-samoidentifikatsii> (data obrashcheniya: 29.11.2016).
7. Matuzkova E. P. *Mezhdistsiplinarnye nauchnye podkhody k izucheniyu identichnosti* // *Mova i kul'tura : naukoviy zhurn.* — Kiiiv : Vidavnichiy dim D. Burago, 2012. Vip. 15. T. 1 (155). S. 79—86.
8. Chepkina E. V., Enina L. V. Diskursivnye praktiki zhurnalistiki: metod analiza // *Stilistika zavtrashnego dnya : sb. statey k 80-letiyu prof. Grigoriya Yakovlevicha Solganika*. — M. : MediaMir, 2012. S. 291—308.
9. Pisarenko N. V. Identichnost' v aspekte kommunikatsii: teoreticheskie podkhody // *Vestn. Tom. gos. un-ta*. 2005. № 286. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/identichnost-v-aspekte-kommunikatsii-teoreticheskie-podhody> (data obrashcheniya: 11.11.2016).

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. М. Б. Ворошилова.

Т. А. Гридина, Н. А. Коновалова
Екатеринбург, Россия

ЭТНИЧЕСКАЯ САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются проблемы этноидентичности в свете особенностей современной социокультурной ситуации, в которой этническая самоидентификация становится одним из определяющих факторов позиционирования личности в поликультурном диалоге с представителями других национальностей. Характеризуются такие этнотенденции, как этнодоминантность, этноконформизм, этноцентризм и этнорелятивизм.

Экспериментальным путем определяется возможность выявления этнотенденций, связанных с отношением личности и групп социума к представителям различных национальных и этнических групп. Фиксируется «подвижность» стереотипных представлений социума в зависимости от изменяющегося общественно-политического дискурса. Разработанная экспериментальная серия включает, кроме процедур социолингвистического опроса, использование психолингвистических методик, обнаруживающих рефлексию монолингвов и инофонов относительно векторов этнической самоидентификации. В сопоставительном плане исследуется динамика использования инофонами русского языка (доминирующего в обследуемом регионе) в период с 2000 по 2016 г. Выявлена тенденция к сокращению общения инофонов на русском языке в неофициальной (естественной) коммуникации. Охарактеризованы факторы выбора значимых для респондентов параметров этнической самоидентификации. Современный социокультурный контекст демонстрирует два разнонаправленных вектора взаимодействия этносов в поликультурном пространстве: с одной стороны, это потребность во взаимопонимании представителей разных контактирующих лингвокультур в многоязычном регионе; с другой стороны, это потребность личности как представителя конкретного этноса в национальной самоидентификации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: : этническая идентичность; этнические стереотипы; социокультурная среда; социолингвистика; этническая самоидентификация; межкультурные коммуникации.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: Гридина Татьяна Александровна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего языкознания и русского языка, Уральский государственный педагогический университет; 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 281; e-mail: tatyana_gridina@mail.ru.

Коновалова Надежда Ильинична, доктор филологических наук, профессор, кафедра общего языкознания и русского языка, Уральский государственный педагогический университет; 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 281; e-mail: sakralist@mail.ru.

В условиях межкультурной коммуникации, когда этническая самоидентификация становится одним из определяющих факторов позиционирования личности в поликультурном диалоге с представителями других национальностей, исследование этнотенденций языкового сознания приобретает особую актуальность. В современном социокультурном пространстве не осталось, по видимому, ни одного региона, где бы существовала эндогlossная языковая ситуация. Активные миграционные процессы приводят к тому, что в одном микросоциуме оказываются представители самых разных лингвокультур.

Этническая самоидентификация во многом определяется стереотипами, содержательно и ценностно маркированными у членов соответствующей социальной общности. Достаточно распространены, например, этноязыковые стереотипы. В частности, в восприятии и описании представителей разных национальностей обязательными атрибутами их характеристики являются типичные для соответствующего этноса особенности поведения и язык (например, утрированный акцент, выдающий национальность говорящего).

В плане наблюдений над этнической самоидентификацией интересны и данные экспериментальных исследований, выявляющие этнотенденции, связанные с отношением личности (и соответствующих групп

социума) к представителям различных национальных и этнических групп. В качестве таких этнотенденций в социолингвистике принято выделять *этноцентризм*, *этнорелятивизм*, *этнодоминантность* и *этноконформизм*.

Так, в эксперименте, поставленном С. Д. Гуриевой и Т. А. Кинунен, респондентам (мигрантам-финнам) предлагалось нарисовать «планету» в виде круга и «расселить» на ней восемь национальностей, включая собственную. Каждой из этнотенденций была поставлена в соответствие определенная модель «расселения»: «А. Если в центре изображения планеты располагаются представители национальности респондента, это свидетельствует об этноцентризме (стратегия восприятия норм, ценностей собственной группы как образца, эталона, относительно которого оцениваются другие культуры).

Б. Если все национальности распределены равномерно, планета поделена на равные сектора, это свидетельствует об этнорелятивизме (осознании того, что все культуры равны).

В. Если в верхней части планеты располагается национальность, к которой респондент относит себя, а остальные национальности располагаются ниже, это свидетельствует об <...> этнодоминантности (тенденции к подчинению, подавлению представителей других культур).

Г. Если национальность респондента расположена в нижней части планеты, это свидетельствует о тенденции к этноконформизму (готовности подчиниться большинству, принять нормы другой культуры)» [Гуриева, Кинунен 2006: 98].

В 2010 году (см.: [Гридина Коновалова 2010: 43—47]) нами был проведен аналогичный эксперимент в Екатеринбурге среди студентов, школьников и преподавателей вуза (всего опрошено 119 человек), представителей разных национальностей (в том числе 27 билингвов). Обработка результатов эксперимента подтвердила наличие всех четырех этнотенденций в обследованной группе респондентов. При этом можно отметить, что примерно в равных соотношениях были представлены три этнотенденции: этноцентризм, этнодоминантность и этнорелятивизм. Результаты подобного эксперимента, проведенного в 2016 году, выявили явное преобладание по всем выборкам респондентов тенденции к этнодоминантности, что, по видимому, косвенно отражает реалии современной геополитики.

Полученные данные представляют также несомненный интерес и для обнаружения этностереотипов как фактора социальной самоидентификации личности.

В этом плане показателен уже сам выбор респондентами национальностей из числа возможных (никаких ограничений в эксперименте на этот счет не вводилось). Среди самых популярных восьми национальностей (по степени убывания частоты их выбора) оказались следующие: русские (75); немцы (41); французы (40); англичане (39); китайцы (38); татары (37); украинцы (30); японцы (30); итальянцы (28); испанцы (23); башкиры (22); белорусы (13); евреи (11); удмурты (10); узбеки (9); азербайджанцы (7); коми /коми-пермяки (7); турки (7); армяне (6); марийцы (6); поляки (6); финны (6); греки (5); индийцы/индусы (5); таджики (5); бразильцы (4); цыгане (4); голландцы (3); грузины (3); казахи (3); корейцы (3); монголы (3); чукчи (3); якуты (3); арабы (2); африканцы (2); буряты (2); литовцы (2); португальцы (2); румыны (2); словенцы (2); чехи (2); чувашаи (2); единичные фиксации — вьетнамцы; дагестанцы, ирландцы, коряки, мексиканцы, молдаване, мордвина, норвежцы, словаки, ханты-манси, шведы, эфиопы.

Предпочтения в выборе этих национальностей объясняются, на наш взгляд, следующими факторами:

1) подавляющую часть испытуемых составили русские (а по условиям эксперимента представитель той или иной национальности должен был сначала обозначить себя);

2) языковой фактор (выбираются нации, титульный язык которых используется как наиболее популярное средство межнационального общения — английский, немецкий, французский);

3) распространенность языка того или иного автохтонного этноса в обследуемом регионе: например, татарский, башкирский и др. языки для Уральского региона;

4) знание о контактирующих этносах, населяющих регион. Например, коми-пермяки, марийцы, мордва, чувашаи и т. п. на территории Урала;

5) численность наций и их активность в современном геополитическом пространстве (например, китайцы, японцы);

6) социокультурные и геополитические реалии современности, в частности, наличие такого явления, как миграция населения из южных республик на территорию Урала (таджики, армяне, узбеки, азербайджанцы, грузины, дагестанцы и др.).

Заметим, что в целом ряде случаев вместо названия этноса указывается обозначение людей по месту их проживания: американцы (16); жители Великобритании (1) — наряду с англичанами; египтяне (2); канадцы (2); афро-американцы и негры; зимбабвийцы; кубинцы (1); марокканцы; филиппинцы; финно-угорцы (= финно-угры) — как национальность воспринимается название народов, принадлежащих к единой языковой группе; чилийцы; швейцарцы (= швейцарцы). В одном случае в качестве национальности приводится даже название общности по вероисповеданию (мусульмане).

С целью снижения исследовательской субъективности в интерпретации результатов и большей репрезентативности полученных наблюдений над этностереотипами в плане их влияния на социальную самоидентификацию личности на втором этапе эксперимента мы попросили респондентов после «заселения планеты» написать небольшие объяснительные комментарии. Предлагалось ответить на несколько вопросов, позволяющих выявить рефлексию респондентов над собственными ответами:

1. Почему были выбраны соответствующие этносы?

2. Каким образом происходил отбор восьми этносов из множества возможных?

3. Почему именно таким образом расположены этносы относительно друг друга?

4. По какому принципу вами «заселялась планета»?

Такого рода комментарии, на наш взгляд, дают возможность эксплицировать скрытые от непосредственного наблюдения представления о межэтнических отноше-

ях, формируемые современным политическим дискурсом.

Отметим (с учетом представленных респондентами комментариев) некоторые ассоциативные связки в выборе и последовательности ранжирования национальностей: как «парные» (комплексные) часто приводятся следующие названия наций, национальностей, народов (*испанцы + итальянцы; татары + башкиры; китайцы + японцы; русские + украинцы + белорусы* и некоторые др.: *буряты + удмурты; ханты + манси*, ср., в частности, полученное в эксперименте наименование национальности сложным словом *ханты-манси*).

Изменившийся с 2010 года политический дискурс нашел конкретное отражение как в составе «расселенных» на планете этносов, так и в комментариях по поводу оснований отбора национальностей и принципов заселения планеты. Так, если в 2010 году украинцев назвало меньше половины испытуемых (38,4 %), то в 2016 году — 94 % (ср. комментарии такого рода: *сейчас все говорят об Украине // друзья (родственники) живут на Украине // восточные славяне // братские народы // на Украине война, надо помочь // жалко украинцев* и т. п.). На 13 % увеличилось число респондентов, включивших в свою модель заселения белорусов (*люблю белорусов // там Батяка правильный // свои славяне* и т. п.). На 27 % увеличилось количество участников эксперимента,

включивших в свою модель заселения планеты немцев. Показательны в плане отражения в них современного политического дискурса комментарии такого рода: *немцы — доноры Евросоюза; все мигранты стремятся в Германию; немцы самые влиятельные (богатые) в Европе* и т. п.

Несомненное подтверждение нашла моделируемая (чаще имплицитно) современными российскими СМИ идея активизации отношений с восточными «соседями», например, с Китаем: количество респондентов, «поселивших» на «своей» планете китайцев, увеличилось с 48,7 % до 69,3 %. Ср. соответствующие комментарии: *китайцев много, они все могут // на полюсе китайцы, потому что они хоть где получают большой урожай // чайна-тауны по всему миру, поэтому я китайцев написал везде* (на круге изображены точечные расселения китайцев в разных местах); *я был (хочу побывать) в Китае // потому что я учу китайский // я хочу работать в российско-китайской фирме // китайцы — это перспективно* и т. п.

См. сопоставительные данные по выбору этносов в таблице 1 (в таблице приведены перечни этносов (первые одиннадцать самых «популярных» этнонимов), выбранных испытуемыми «для заселения своей планеты», ранжированных по убыванию индекса частотности):

Таблица 1. Частотность этнонимов

Данные опроса 2010 г.	Данные опроса 2016 г.
Русские	Русские
Немцы	Китайцы
Французы	Немцы
Англичане	Украинцы
Китайцы	Американцы
Татары	Татары
Украинцы	Таджики
Японцы	Англичане
Башкиры	Азербайджанцы
Американцы	Казахи
Белорусы	Киргизы

Этническая идентичность, соотносимая с делением на «своих и чужих» по национальной принадлежности, часто, но далеко не всегда коррелирует с реальными установками личности в выборе соответствующих конкретной этнокультуре приоритетов. В частности, отмечается, что «этническая идентичность, в отличие от этничности, активно конструируется индивидом на основе аскриптивной, предписываемой обществом этничности, но не сводится (к ней) и может не совпадать с ней» [Сте-

фаненко 1999].

Справедливость этого тезиса можно проиллюстрировать примером выбора языка общения билингвами. Он осуществляется с учетом ряда факторов (социальных, психологических, культурных и т. п.). К ним можно отнести:

а) приоритетность одного из языков, которыми владеет говорящий, как родного или неродного; при этом далеко не всегда совпадают понятия «родной» и «материнский» языки (материнским в социолингвистике

называется язык, освоенный ребенком в первые два-три года жизни);

б) престижность языка в той социальной среде (макро- и микросоциуме), где он используется;

в) уместность использования одного из языков в конкретных коммуникативных ситуациях (среди «своих» или среди «чужих»; в официальной и неофициальной обстановке; в повседневном бытовом общении или профессиональной сфере и т. д.);

г) численность представителей конкретной диаспоры (сейчас это принято называть национально-культурными автономиями) в

обследуемом регионе и соответственно наличие / отсутствие условий для сохранения (культивирования) национальных традиций (например, наличие как минимум воскресных школ с преподаванием на языках национальных меньшинств).

В сопоставительном плане показательны данные проведенного нами в 2010-м и в 2016-м годах социолингвистического опроса билингвов — учащихся средних образовательных учреждений, детей мигрантов, переселившихся из бывших республик СССР в г. Екатеринбург.

Приведем некоторые примеры (см. табл. 2).

Таблица 2. Ответы билингвов (2010 и 2016 гг.), %

Вопрос и ответы	Год	
	2010	2016
На каком языке вы разговариваете со своими близкими дома?		
– на своем родном языке	34	68
– на русском	19	14
– на родном и русском	44	18
...со сверстниками своей национальности?		
– на родном языке	25	62
– на русском	25	14
– на родном и русском	50	24

Таким образом, можно говорить о наметившейся тенденции к сокращению (ограничению) общения в естественных ситуациях (вне школы: в быту, в неофициальной коммуникации) на русском языке и стремлению шире использовать родной язык в случаях, когда выбор языка общения ничем не регламентируется. Возможно, это связано с увеличившимися новыми миграционными потоками, когда целые семьи нового поколения мигрантов не владеют языком принимающей страны. Это принципиально отличает коммуникативную ситуацию от той, которая складывалась во время предыдущей миграционной волны на постсоветском пространстве, когда инофоны приезжали в страну,

где уже в течение продолжительного времени жили мигранты старшего поколения, освоившие русский язык (или знавшие его, так как во всех республиках СССР велось обучение на двух языках). Существование основательных национальных диаспор (национально-культурных автономий) в регионах способствовало более успешному овладению вновь прибывшими инофонами русским языком и (как следствие) их более комфортной социокультурной адаптации. См., например, данные, приведенные для сравнения, в диаграмме, сформированной на основе статистики Управления образования по г. Екатеринбургу и Свердловской области (рис.).

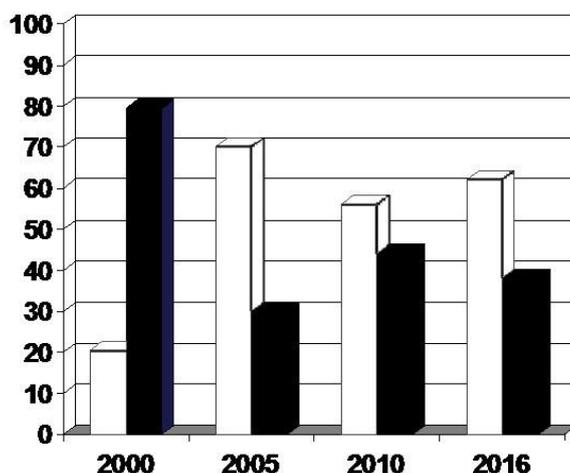

Рис. Тенденция к сокращению (ограничению) общения в неофициальной коммуникации на русском языке (□ — инофоны школьного возраста, не владеющие русским языком; ■ — инофоны, удовлетворительно владеющие русским языком)

владеющие русским языком)

Анализ факторов, определяющих выбор значимых для респондентов лингвокультур и восприятия норм, ценностей собственного этноса как образца, эталона, относительно которого оцениваются другие культуры, показал, что если, согласно опросу 2010 г., к таким факторам в основном относилось контактирование этносов и их генетическая близость (родство) или генетическая удаленность, то, согласно опросу 2016 г., произошло выдвигание на первый план других показателей. К ним относятся:

а) ориентация на развитие отношений (изучение языка, межкультурные контакты, в том числе — перспективы профессионального плана); это касается, прежде всего, студентов-инофонов из Китая, обучающихся русскому языку для получения престижной профессии как в России, так и у себя на родине;

б) в последние годы увеличилось число мигрантов из трансграничных регионов, расматривающих Урал и Россию в целом как временное место проживания и работы, что снижает их мотивацию к использованию русского языка в разных видах речевой деятельности и сферах общения (это касается в основном детей мигрантов из республик Средней Азии, которые лишь на время погружаются в иноязычную / инокультурную среду, не успевая за короткие сроки овладеть даже необходимым для обучения на русском языке лексическим и грамматическим минимумом); язык доминирующего (принимающего) этноса расценивается как чужой, «необязательный», исключенный из личностной сферы инофона;

в) количественная представленность этноса;

г) авторитетность этноса (и шире — народа, жителей государства), которая чаще оценивается как его доминирование на международной арене.

Современный социокультурный контекст демонстрирует две разнонаправленные тенденции взаимодействия этносов в поликультурном пространстве: с одной стороны, это потребность во взаимопонимании представителей разных контактирующих лингвокультур в многоязычном регионе; с другой стороны, это потребность личности как

представителя конкретного этноса в национальной самоидентификации. Таким образом, динамика этнической самоидентификации — своего рода «индикатор», обнаруживающий основные векторы развития геополитических процессов в современном мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акулова М. Е., Матвеева Г. Г. Особенности речевого поведения носителей молодежного мультиэтнолекта Kiezdeutsch (прагмалингвистический аспект) // Политическая лингвистика. 2016. № 1 (55). С. 136—143.
2. Алпатов В. М. 150 языков и политика. 1917—2000. Социоллингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. — М., 2000.
3. Алферов А. В., Попова Г. Е., Червоный А. М. Языки в политическом пространстве современной Европы и в Европарламенте // Политическая лингвистика. 2016. № 3 (57). С. 10—17.
4. Вахтин Н. Б., Головкин Е. В. Социоллингвистика и социология языка : учеб. пособие. — СПб., 2004.
5. Горшунов Ю. В., Горшунова Е. Ю. Вербальная этноагрессия на стадионах // Политическая лингвистика. 2015. № 1 (51). С. 152—156.
6. Горшунов Ю. В., Горшунова Е. Ю. Этнические ярлыки в речи детей и подростков англоязычного мира // Политическая лингвистика. 2015. № 2 (52). С. 156—161.
7. Гридина Т. А., Коновалова Н. И. Этнические стереотипы в свете социальной самоидентификации личности // Образ России в зарубежном политическом дискурсе: стереотипы, мифы и метафоры : материалы Междунар. науч. конф. (13—17 сент. 2010 г.). — Екатеринбург, 2010. С. 43—47.
8. Гуриева С. Д., Кинунен Т. А. Социально-психологические особенности миграционного поведения // Вопросы психологии. 2006. № 6. С. 97—105.
9. Исакова Е. А., Михайлова О. А. Конструирование образа Другого в медиарепортаже (на примере персонажа «полицейские») // Политическая лингвистика. 2015. № 1 (51). С. 92—97.
10. Карабулатова И. С., Поливарова З. В. Этнопсихоллингвокоррекционный подход к процессу усвоения лексико-грамматических категорий русского языка у татар-билингвов старшего дошкольного возраста, имеющих речевые дисфункции // Специальное образование. 2011. № 4. С. 27—34.
11. Карасик В. И. Язык социального статуса. — М., 2002.
12. Качмазова А. У., Тамерьян Т. Ю. Когнитивные механизмы этностереотипизации «своих» и «чужих» // Политическая лингвистика. 2014. № 4 (50). С. 298—305.
13. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология : курс лекций. — М. : Гнозис, 2002. 284 с.
14. Лихачева Е. В. Билингвизм как условие успешной самореализации личности в современном мире коммуникаций // Педагогическое образование в России. 2014. № 4. С. 155—158.
15. Маклашова Е. Г. Дискурс этничности в правовом поле национального субъекта Федерации (на материале Республики Саха (Якутия)) // Политическая лингвистика. 2014. № 4 (50). С. 153—156.
16. Стефаненко Т. Г. Социальная психология этнической идентичности : дис. ... д-ра психол. наук. — М. : МГУ, 1999.

T. A. Gridina, N. I. Konovalova
Ekaterinburg, Russia

ETHNIC SELF-IDENTIFICATION IN CONTEMPORARY SOCIO-CULTURAL CONTEXT

ABSTRACT. The paper discusses the issues of self-identification in the light of contemporary socio-cultural context, in which ethnic self-identification is one of the key factors of a person's self-presentation in polycultural dialogue with the other nations. Such ethno-tendencies as ethnic dominance, ethnic conformism, ethno-centrism and ethnic relativity are characterized.

The possibility to single out ethnic tendencies connected with the relations between a person or social groups and the members of the other national or ethnic groups is proved experimentally. We found out that the stereotypes that exist in the society are changeable and depend on the socio-political discourse. The experimental series includes socio-linguistic survey and psycholinguistic methods, which help to reveal reflexion of monolinguals and inofon-students (students who have another mother tongue) related to ethnic self-identification. The dynamics of speaking Russian (the dominant language in the region of the experiment) by inofon-students in 2000–2016 is compared. The

experiment revealed the drop of frequency of speaking Russian by inofon-students in unofficial (everyday) communication. The factors that determine the choice of parameters for ethnic self-identification are listed. Contemporary socio-cultural context is characterized by two different vectors of relations between ethnic groups in polycultural environment: on the one hand it is the need for mutual understanding of the members of different linguo-cultures in multilingual region; on the other hand it is the need for self-identification of a person from another ethnic group.

KEYWORDS: ethnic identity; ethnic stereotypes; sociocultural space; sociolinguistics; ethnic self-identification; intercultural communication.

ABOUT THE AUTHOR: Gridina Tatiana Alexandrovna, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of General Linguistics and Russian, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

ABOUT THE AUTHOR: Konovalova Nadezhda Ilinichna, Doctor of Philology, Professor, Department of General Linguistics and Russian, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

REFERENCES

1. Akulova M. E., Matveeva G. G. Osobennosti rechevogo povedeniya nositeley molodezhnogo multietnolekta Kiezdeutsch (pragmalingvisticheskiy aspekt) // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 1 (55). S. 136—143.
2. Alpatov V. M. 150 yazykov i politika. 1917—2000. Sotsiolingvisticheskie problemy SSSR i postsovetskogo prostranstva. — M., 2000.
3. Alferov A. V., Popova G. E., Chervonyy A. M. Yazyki v politicheskom prostranstve sovremennoy Evropy i v Evroparlamente // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 3 (57). S. 10—17.
4. Vakhtin N. B., Golovko E. V. Sotsiolingvistika i sotsiologiya yazyka : ucheb. posobie. — SPb., 2004.
5. Gorshunov Yu. V., Gorshunova E. Yu. Verbal'naya etnoagressiya na stadionakh // Politicheskaya lingvistika. 2015. № 1 (51). S. 152—156.
6. Gorshunov Yu. V., Gorshunova E. Yu. Etnicheskie yarlyki v rechi detey i podrostkov angloyazychnogo mira // Politicheskaya lingvistika. 2015. № 2 (52). S. 156—161.
7. Gridina T. A., Konovalova N. I. Etnicheskie stereotipy v svete sotsial'noy samoidentifikatsii lichnosti // Obraz Rossii v zarubezhnom politicheskom diskurse: stereotipy, mify i metafory : materialy Mezhdunar. nauch. konf. (13—17 sent. 2010 g.). — Ekaterinburg, 2010. S. 43—47.
8. Gurieva S. D., Kinunen T. A. Sotsial'no-psikhologicheskie osobennosti migratsionnogo povedeniya // Voprosy psikhologii. 2006. № 6. S. 97—105.
9. Isakova E. A., Mikhaylova O. A. Konstruirovaniye obraza Drugogo v mediareportazhe (na primere personazha «politseyskie») // Politicheskaya lingvistika. 2015. № 1 (51). S. 92—97.
10. Karabatova I. S., Polivara Z. V. Etnopsikholingvokorreksionnyy podkhod k protsessu usvoeniya leksikogrammaticheskikh kategoriy russkogo yazyka u tatar-bilingvov starshego doskol'nogo vozrasta, imeyushchikh rechevye disfunktsii // Spetsial'noe obrazovanie. 2011. № 4. S. 27—34.
11. Karasik V. I. Yazyk sotsial'nogo statusa. — M., 2002.
12. Kachmazova A. U., Tamer'yan T. Yu. Kognitivnye mekhanizmy etnostereotipizatsii «svoikh» i «chuzhikh» // Politicheskaya lingvistika. 2014. № 4 (50). S. 298—305.
13. Krasnykh V. V. Etnopsikholingvistika i lingvokul'turologiya : kurs lektsiy. — M. : Gnozis, 2002. 284 s.
14. Likhacheva E. V. Bilingvizm kak uslovie uspeshnoy samo-realizatsii lichnosti v sovremennom mire kommunikatsiy // Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii. 2014. № 4. S. 155—158.
15. Maklashova E. G. Diskurs etnichnosti v pravovom pole natsional'nogo sub'ekta Federatsii (na materiale Respubliki Sakha (Yakutii)) // Politicheskaya lingvistika. 2014. № 4 (50). S. 153—156.
16. Stefanenko T. G. Sotsial'naya psikhologiya etnicheskoy identichnosti : dis. ... d-ra psikhol. nauk. — M. : MGU, 1999.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Н. Б. Руженцева.

В. В. Колесов
Санкт-Петербург, Россия

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ПОЛЕ РУССКОГО СОЗНАНИЯ: ПРАВДА ПРАВА И СПРАВЕДЛИВОСТЬ

АННОТАЦИЯ. На основе концептуального анализа текстов автор исследует системные отношения, существующие в русском сознании между концептами «Право», «Правда», «Правильность», «Справедливость», объединенными исходным корнем *ргѡ и концептумом прав на его основе, — связь между индоевропейским корнем, выразившим *первосмысл* 'впереди', и праславянским «зерном первообраза». Показано соотношение концептов в составе концептуального квадрата как воплощения его содержательных форм (*образ, понятие, символ и концептум*). Последовательными редуциями наличного материала от «текста» через конкретные отрезки «дискурса» и аналитически представленные *десигнат* и *денотат* доходим до исходной точки развития концепта — *концептума*. Строятся *семантические константы* — реконструкции определений концептов, подсознательно даваемых авторами в их текстах. Выясняется, что исторически все концепты сосредоточены вокруг исходного синкретичного корня и развивают все его значения в сфере *нравственного*, а славянский вторичный концептум варьируется по линии его специальных представлений в выражающих их словах. Описаны средства пополнения содержательных форм концептов: «образные понятия» (*das Sinnbild*) с символическим содержанием — аналитические конструкции метонимически двух имен (прилагательного и существительного) для выражения понятий оперативного назначения. Представлен процесс воссоздания понятий путем *идентификации* — соединения денотата и сигнификата в единстве логического понятия и его именованья в результате *номинализации*.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: концепты; национальное сознание; дискурс; семантическая константа; концептуальный анализ.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Колесов Владимир Викторович, доктор филологических наук, профессор, кафедра русского языка филологического факультета, Санкт-Петербургский государственный университет; 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 11; e-mail: prof.Kolesov@gmail.com.

В настоящей статье представлено описание основных ментальных составляющих когнитивного *концепта* в четырех его измерениях — как *образ*, как *понятие*, как *символ* и как «*зерно*» *первосмысла*, определяющее динамику концептуальных форм. Описание ведется на основе произвольно избранных текстов, преимущественно философского содержания, из которых, как из *материала*, извлекаются необходимые *факты*, готовые для научного анализа.

1. ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ВВЕДЕНИЕ

Установление семантического треугольника в конце XIX века связало все три состава *реальности*, доступные сознанию человека: субъект *видит* вещь, *слышит* слово и *понимает* их идею. В восточнославянской культуре, на самой ее заре, обнаруживается та замечательная подробность, что все три состава именовались общим термином — заимствованным в XI веке из Восточной Болгарии словом *вещь*, обозначавшим одновременно и предмет *мысли*, и знак *слова*, и *идею* реального действия. Сравните одно из высказываний Даниила Заточника (XII век): «Князь не сам впадает в вещь, но думци (советники) вводят». Здесь все три возможных значения слова слиты, обозначая одно и то же действие со стороны разных субъектов: князь действует в вещи, советники — советуют в идее, а сам автор соединяет все это в общем слове, описывая их обоюдные действия. Синкретизм мышления создавал символически лаконичную речь: всё сказано одним словом. Ориентация же на *вещь* как на совокупность всех трех проявлений, указывает, что в ментальном плане до начала XV в. восточные славяне по своим

философским воззрениям были номиналистами.

Влияние славянского перевода Ареопагитик, сделанного в 1389 г., привело к выделению в качестве самостоятельной *идеи*, которая предстала выражением помысленной сущности вещи и переключила характер мировоззрения на реализм, который и стал философским ядром нарождающейся великорусской народности. Только к началу XVIII в. в общественном сознании сложилось представление и о третьем составе семантического треугольника — *слове*, из которого вообще-то реалисты постоянно исходили, оценивая взаимные силы вещи и идеи, но до поры включенные в общий состав Логоса. «Слово рождено, чтобы всему назначить свое место в системе», — заметил А. А. Потебня, и система сложилась, обозначив новое направление мысли — философский концептуализм. Так постепенно исходный синкретизм слова *вещь* разложился на свои составы. Конечной точкой развития общей мысли в XX веке стало открытие *концепта* — лингвистической формы проявления членов *семантического* треугольника, обогащенной наличием *четвертого* состава. Четвертый состав выявляется при сопоставлении референтов **R** вещи с денотатами **D** предметных значений слова (*идеи* вещи):

	R	-R
D	понятие 2 идеи	1 образ вещи
-D	символ 3 слова	0 «зерно» первосмысла

Концепт обязательно выражает все свои составы в их законченном виде; только в полном виде он *есть концепт* сознания, отличный от частного его проявления в виде

логического *понятия*. Помысленный концептуальный квадрат отличается от статичного семантического треугольника способностью развертывать и сжимать свои составы в действии, «играя» значениями по мере необходимости выражения. Философ С. Н. Булгаков пронизательно заметил, что «четверица — та же троица, но только в движении», А. Ф. Лосев добавил: «Тетрактида есть цельность триады, она порождается Одним», т. е. зерном первосмысла. Именно, движение задано нулевой точкой с отсутствием признака предметности (это «туманное нечто» С. А. Аскольдова) и собственного значения (инвариант *принципиального* значения С. Л. Франка). Это материально и структурно не оформленный состав концепта, «чистая ментальность».

Предпочтителен все же термин *концептум* (лат. *conceptum* 'зерно, зародыш') как однокоренной с выражением *концепта*, первоисточником которого концептум является. Ср. аналогию с физическим миром в других номинациях: «В главном ряду исходным явлением служит абсолютный вакуум, или *ларен*, он есть вещество без структуры и поведения. Парен представляет собой как бы первозданный кисель, служащий источником строительного материала для всех объектов Вселенной. Эта сущность неосознаваема из-за отсутствия структуры, движения и явленных форм» [Вейник 1991: 8, 71]. Латинское причастие *раген* 'дающий, производящий на свет', 'создающий, добывающий' от *рагео*. Именно таков и концептум в ментальном ряду помысленного. Самое время вспомнить пронизательное замечание еще одного русского философа, П. А. Флоренского, который писал: «Нужно обратиться к последнему, четвертому виду объектов, не могущих быть различены никакими методами, помимо мистического восприятия» [Флоренский 2000: 21]. Поиск этого объекта и станет предметом нашего изложения.

Сведем воедино все четыре содержательные формы концепта в общую систему Причинности, то есть совокупности «четырёх причин» Аристотеля: *основания* («всё имеет своё основание» — Лейбниц), *условия*, собственно *причины* и конечной причины — *цели*. Каждый член Причинности объясняет действия соответствующей содержательной формы концепта: 0 — основания (что это такое?), 1 — условия (как проявляется?), 3 — причины (почему действует?), 4 — цели (зачем создается?). Постановка указанных вопросов определяет позицию каждого из выявленных денотатов, выстраивая их каузальную связь в виде *семантической константы* — устойчивой и постоянной структуры смыслов.

Сначала опишем смысл каждой содержательной формы по отдельности, а затем совместим их в общей системе. Последовательность операций такова. На основе представленных текстов выявляются *предикаты*, которые редуцируются до *денотатов*, выражающих объемы понятий в виде предметных значений слов, с последующей редукцией денотатов до *содержательных* форм концепта и выявлением концептума в виде *внутренней* формы слова («зерно первообраза»).

2. ПРАВО

Право — власть, основанная на законе, который в отношении к долгу строго соотносит меру личной свободы с общим благом; определяет степени социальной *справедливости*, *правильности* общественных норм и этическую *праведность* каждого человека.

Осл. от *правъ* 'прямой', 'правильный'; др. рус. круг значений: 'установление, закон' (862), 'обязательство' (1469), 'право суда' (1489), 'присяга' (1497), 'свобода действий, власть' (1679), 'взыскания' (1698). Совр. значения 'официальное разрешение на что-л., допуск', 'возможность действовать'; диал. 'власть'. 'хорошо'; в *правах* 'справедливо'; арг. 'разбор конфликтов на сходке'.

Десигнатные признаки: *великое, естественное, крепостное, неоспоримое, неограниченное, первичное, полное, реальное, собственное, привычное, особое, счастливе*.

Предикаты на основе избранных текстов:

<...> *Право развивается путем обхода законов* (П. Астафьев). — *Плодотворно только то право, которое видит в себе не что иное, как обязанность* (Катков). — *Для того, чтобы сила сделалась правом, надобно, чтобы она получила свои границы от закона, не от закона внешнего, который опять не что иное, как сила... но от закона внутреннего, признанного самим человеком. Этот признанный закон есть признанная им нравственная обязанность. Она, и только она, дает силам человека значение права* (Хомяков). — *Право, будучи переведено в чувство, становится справедливостью. Право не есть идея, которая воплощается между людьми; оно лишь отвлеченное понятие от бытового факта, обусловленного сожителем людей... Право приводит в своем развитии к равенству и относительной свободе в смысле неприкосновенности и полного простора действия* (Кавелин). — *Таково в действительности и есть право; оно не имеет творческой силы, оно не создает, не реформирует человеческих отношений, оно только их санкционирует, признает* (Ткачев). — *Ре-*

альнее воплощения права называется властью... Право есть требование реализации этого минимума, т. е. осуществление определенного минимального добра... Ибо что такое право, как не выражение правды... право есть низший предел или определенный минимум нравственности... Право зависит от нравственности... Реальное воплощение права называется властью... Право есть ограниченная сила (Вл.Соловьев). — Исполнение обязанностей важнее пользования правом...Право без соответствующей ему обязанности — мыльный пузырь. Обязанность — фундамент права (Лесков). — Право имеет целью свободу (Розанов). — Право есть совместное существование свободы под общим законом, в противоположность нравственности, здесь свобода составляет коренное начало. Право есть идеальное требование во имя идеального принципа... Право есть начало формальное, содержание дается ему свободным движением жизни. ...В отличие от нравственности право есть начало принудительное (Чичерин). — Право есть принудительное начало, защищающее и охраняющее человеческую свободу...Право предполагает применение силы для его поддержания, но никакой правовой строй не может держаться только применением силы... Права человека предполагают обязанность уважать эти права... Право вытекает из обязанности (Бердяев). — Право есть принудительное начало, защищающее и охраняющее человеческую свободу... В первичном своем смысле право есть просто должное в человеческих отношениях — то, что в них зависит не от эмпирической человеческой воли, а от высшего, абсолютного веления правды (Франк). — Русский человек действительно не охочь отстаивать свои права. Да он и к понятию этому — „права“ — неприспособлен. Вот справедливость — иное дело (Распутин // АиФ. 2008. 12).

Ср.: В России ни с чем нельзя покончить без некоторой опасности для реформатора: народы, лишённые законных гарантий своих прав, ищут убежища в обычаях. Слепая преданность дедовским обычаям, отстаиваемым бунтом и ядом, — один из столпов русской „конституции“ (де Кюстин). — Право состоит в том, что наличное бытие вообще есть наличное бытие свободной воли. Тем самым право есть вообще свобода как идея... Почвой права является вообще духовное, и его ближайшим

местом и исходной точкой — воля, которая свободна... Веление права по своему основному определению — лишь запрет... Но право и справедливость должны корениться в свободе и воле... человек обладает... обязанностями, поскольку у него есть права (Гегель).

ПРАВА — противопоставленное обязанностям право на свободу поступать согласно личному выбору и желанию, совершать поступки и действия независимо от пожеланий и приказов других.

Новое рус. от др.рус. право (862) ‘закон’; Права свои, священные. Совр. ‘документ на право вождения транспорта’.

Предикаты: Сохрани меня Бог! Люди кричали много о своих правах, но всегда умалчивали о своих обязанностях (В. Соллогуб). — Исполнение обязанностей важнее пользования правом: второе без первого невозможно... Право без соответственной ему обязанности — мыльный пузырь. Обязанность — фундамент права, и для истинно развитого и честного человека потому только и дороги его личные права, что с ними сопряжены обязанности: таким образом, и самое право есть для него обязанность; иначе он не дорожил бы им, иначе он приобретал бы право, как милость, как счастье, даром (Лесков). — Русский человек не чувствует неразрывной связи между правами и обязанностями, у него затемнено и сознание прав, и сознание обязанностей, он утопает в безответственном коллективизме, в претензии за всех (Бердяев).

На основе предложенных предикатов представим систему денотатов:

1. **Основания:** власть на законе, начало формальное, принудительное, правда справедливости, отвлеченное понятие, выражение правды, идеальное требование во имя идеального принципа.

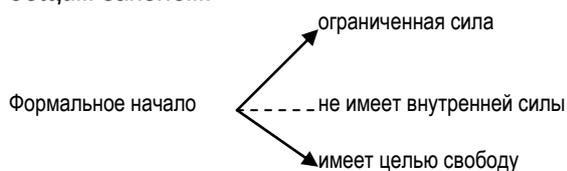
2. **Условия:** как обязанность, сила внутреннего закона, ограниченная сила, нравственная обязанность, минимум нравственных определений, должное в человеческих отношениях.

3. **Причины:** развивает, обходя закон, не имеет творческой силы, только признает, становится справедливостью, приводит к равенству.

4. **Цели:** власть как воплощение права, осуществление минимального добра, имеет целью свободу, совместное существование свободы под общим законом.

Читается: Право — это *идеальное требование должного в человеческих отношениях, которое приводит к равенству ради совместного существования в свободе под общим законом.*

Читается: Право — это *формальное принудительное начало с ограниченной силой (воздействия) и при отсутствии внутренней силы имеет целью свободу.*

Читается: Право — это *отвлеченное понятие нравственной обязанности, признающее власть как свое воплощение.*

Читается: Право — это *выражение правды как обязанности, которая становится справедливостью, осуществляя минимум добра.*

Возможные перестановки составов не меняют общего смысла сконструированных выражений, они каждый раз определяются избранными основаниями, которые *синонимичны* по существу. Вариации в условиях, причинах и целях определяются словесным выражением («ложь слов», по суждению В. И. Вернадского), но концептуальное зерно всех их имеют в своих составах *силу — власть, правду — справедливость, обязанность — добро* и в конечном смысле «право зависит от нравственности» [Соловьев 1988: 108].

Западное понимание концепта Право покажем по текстам Гегеля:

- 1) свобода как идея;
- 2) духовная почва, коренится в свободе;

3) исходная точка — воля, веление права — запрет;

4) единство прав и обязанностей.

Семантическая константа читается: *Право есть свобода как идея, которая коренится в свободе воли ради (установления) единства прав и обязанностей.*

Рационалистическое определение.

3. ПРАВДА

Правда — основная категория славянской этики, идеально «божья правда» — бытие, а не быт, — мечта, представленная всегда в законченном виде. Цельное и целостное проявление идеала; дается благодатью и совершается любовью; основная форма выражения справедливости.

Осл. от *правъ* при ст.сл. *правьда* = греч. *δικαιοσύνη* 'справедливость'; в др. рус. разветвленная сеть знач.: 'правило, свод законов' (1016), 'праведные деяния' (1057), 'истина' (1076), 'справедливость' (1076), 'правдивые речи' (1076), 'обет, обещание' (1096), 'правдивость, честность' (1159), 'правота, отсутствие вины' (1177), 'условия договора' (1199), 'повеление, заповедь' (XII в.), 'судебное испытание' (XII), 'право; права' (1229), 'пошлина за призыв свидетеля' (1375), 'право суда' (1492), 'оправдание' (1511), 'свидетель' (1589). — Совр. 'частица, выражающая уверенное подтверждение'.

Десигнатных признаков множество, как у всякого коренного русского слова-символа:

- типичные — божия, господня, истинная, сущая, чистая;
- глубинные — великая, высшая, глубокая, голая, грубая, жестокая, полная, светлая, страшная, суровая, ужасная, ясная;
- интенсивные — абсолютная, беспощадная, беспристрастная, бесценная, всечеловеческая, единственная, живучая, житейская, идеальная, неискоренимая, немеркнущая, народная, небесная, неотразимая, нетленная, огромная, очевидная, подлинная, реальная;
- длительный — вечная.

Предикаты устанавливаем по следующим текстам:

Абсолютной же правды нет (Л. Толстой). — *Истинная правда заключается только в настоящем и предыдущего у нее нет* (Шелгунов). — *В строе жизни, повинующейся законам природы, несомненна и особенно пленительна та правда (не справедливость), которую освещена в ней самая ничтожнейшая жизненная подробность* (Г. Успенский). — *Я никогда не мог поверить, чтобы нельзя было найти такую точку зрения, с которой правда-истина и правда-справедливость являлись бы рука*

об руку, одна другую пополняя (Н. Михайловский). — „Оправдание Добра“ — показать добро как правду... Слово есть орудие разума для выражения того, что есть, что может и что должно быть, т. е. правды реальной, формальной и идеальной... Сами эти нормы... развиваются логически из понятия должного, или правды (в широком смысле)... Русский народ хочет правды, т. е. согласия между действительною жизнью и тою истиной, в которую он верит (Вл. Соловьев). — Правда состоит именно в том, чтобы воздавать каждому должное, прилагая ко всем одинаковую мерку... Правда в отношении к самому себе есть добродетель, устанавливающая внутренний распорядок человеческой души сообразно с требованиями внутреннего закона (Б. Чичерин). — Та двуединая правда, о которой так душевно говорит г. Михайловский, есть ли, вместе с тем, и правда-мощь, все побеждающая и преодолевающая? (С. Булгаков). — Правда-истина живет в мире и согласии с правдой-справедливостью, иначе говоря, существует нравственный миропорядок, вполне соответствующий человеческим понятиям о должном и недолжном, желательном и нежелательном (Л. Шестов). — Как **Правда**, которая улетает на небо, и **Кривда**, которая пошла по всей земле... суть олицетворения нравственных понятий (Ф. Буслаев).

Правда не на стороне метафизики понятий, не на стороне онтологии, имеющей дело с бытием, правда на стороне духовного познания, имеющего дело с конкретной духовной жизнью и выражающего себя символами, а не понятиями... Правда всегда объективна, субъективно лишь то сознание людей, которое составляет различную степень приближения к вечной правде... Существует Суцая Правда, она не исходит на мир и на все, что в мире. Но она должна открываться и вочеловечиваться... Русский человек не очень ищет истины, он ищет правды, которую мыслит то религиозно, то морально, то социально, ищет спасения. В этом есть что-то характерно русское, есть своя настоящая русская правда (Бердяев). — Сама по себе истина есть «правда» — свет, сам себя озаряющий (С. Франк).

Мудрость простого русского слова **правда** — в двуедином смысле «правда — истина» и «правда — справедливость» (или «правомерность») — свидетельствует о том, что истина в этом смысле есть то, чему служит каждый шаг нашей жизни... Ибо то, чего мы в конечном счете ищем в жизни, есть именно эта живая правда — ценное в

себе, которое было бы подлинным, «правильным», «истинным» бытием. Таким образом, постигая последнее основание как правду, мы имеем в нем истинную, глубочайшую первооснову всего сущего ... как то неизъяснимое высшее начало, которое русский язык обозначает непереводаемым и неисчерпаемым до конца словом «правда»... Правда есть высшее благо, совершенство, полнота удовлетворенности... Правда и подлинное Бытие есть одно и то же. Правда не только просто есть; и она есть не только правда. Она есть вместе с тем то, что мы называем в последнем, глубочайшем смысле жизнью, бытием; она есть наша абсолютно твердая и единственная почва ... Сама по себе истина есть **правда** — свет, сам себя озаряющий (Франк). — Мы не должны забывать о «чистой» правде, потому что она — самое драгоценное достояние наше, самый яркий огонь нашего сознания; бытие этой правды свидетельствует о высоте моральных требований, предъявляемых человеком к самому себе (Горький). — Первый критерий правды есть непосредственность интуиции ценности (Вышеславцев). — Правда — в тайне своего Я... Если бы не было правды на свете, то как бы понять жизнь русского человека: как будто ничего и не было у нас, и вдруг сделалось из ничего, так много. Нет, конечно, из ничего ничего бы и не вышло. И мы догадываемся, что была у нас правда и мы не знали о ней... Истинная правда не лежит, а летит... Может ли быть красота в правде? Едва ли... правда — это общая совесть людей... Камень-правда. Среди поля камень лежит большой, как стол, и нет от этого камня пользы никому, и все на камень этот смотрят и не знают, как взять его, куда деть... так вот и правда эта (Пришвин). — Правду можно определить как соответствие мысли, знаний «внутри нас», с мыслями, знаниями, высказываемыми «наружу», то есть для других (Курашов). — А что такое правда, люди не знают. Это невыразимо. ... Правда это субъективное и невыразимое чувство: чувство гармонии, соразмерности (Галковский).

Правда приходит к нам редко, в час тишины, когда ты можешь быть сам в себе (Ухтомский). — Мы живем по правде, а там, где цивилизация утвердилась давно, там живут по закону (В. Распутин // АиФ. 2008. 12). — У людей много **правд**; у каждого своя, и каждая такая „своя правда“ может быть только относительной, абсолютная же — единая для всех — недостижима. Она — одна (Аннинский). — **Правда** возникает лишь на особо большой глубине

человеческих отношений возникает редко и существует, как правило, короткий срок. Потому-то так ценная всякая правда, даже самая малая, т. е. касающаяся как бы малых дел (Свиридов). — Правда сложна, правда трудна, правда в вечном движении (Шульгин). — Истинность — это правильность или **правда**, а „правда“, согласно значению древнего своего корня, — это **справедливость** (Касьянова). — К людям любовь — это правда. А меры для правды нет (О. Берггольц). — А ведь правда выше закона (Иртенева). — Человек, говорящий правду, умирает не от болезни (Гаврилин).

Правда — это отраженная истина, истина в зеркале жизни, преломившаяся в бесчисленных его гранях... Правда стала мыслиться как некий идеал праведности и совершенства. Как всякий идеал, правда была отнесена в план будущего. Правда превратилась в цель. Это отдалило ее от представлений о благодати. Понятие правды-оправдания видоизменяется. Правда-цель оправдывает жертвы как средства ... Правда постоянно соседствует со справедливостью... **Правда** — одно из ключевых понятий русской культуры, и оно в высшей степени противоречиво ... Правда связывает истину и этику, речевую деятельность и дела. Концепт правды синтетичен, ... аксиологически противоречив и семантически двойственен (Н. Арутюнова). — Правда — это в высшей степени сложное понятие, у него нет аналогов в европейских языках. Правда включает в себя и духовное, и социальное, и правовое измерения. Впоследствии в русской науке возникла концепция — если на Западе строят государство права (правовое государство), то у нас государство правды. И оно качественно выше правового. Т. е. русским было свойственно искать совершенную социальную жизнь. Пусть это далеко не всегда было удачно, но это наше наследие (Известия 2009.131).

Система **денотатов**, выявленная из текстовых предикатов:

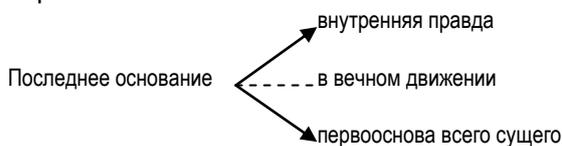
1. **Основания** — ключевое понятие русской культуры, „подлинное Бытие, высшее Благо, совершенство, высшее начало, проявление идеала, невыразимое, последнее основание, понятие должного, символ, а не понятие, идеал праведности, отраженная истина,“.

2. **Условия** — общая совесть людей, ценность в себе, тайна своего Я, своя правда, всегда объективна, бытие, а не быт, мечта, свет, сам себя озаряющий, добро как правда, камень-правда, форма выражения справедливости, высшая справедливость, , соразмерность, яркий огонь сознания, совесть, внутренняя внутренний закон.

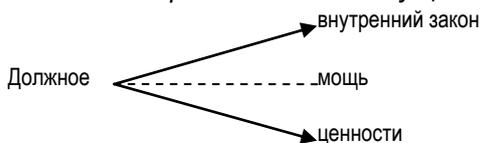
3. **Причины** — непосредственная интуиция ценностей, абсолютной правды нет, существует только в настоящем, воздавать каждому должное, освященная жизненная потребность, внутренний распорядок души в себе, соответствие мысли внутренней внешнему, не лежит, а летит, в вечном движении, формулируется в области права и веры, включает в себя духовные, социальные и правовые измерения, правда-мощь, двуединство истины и справедливости..

4. **Цели** — любовь к людям, согласие между жизнью и истиной, русский человек ищет правду, первооснова всего сущего, жизнь — бытие — почва, мы живем по правде, русская земля, чувство гармонии, ценности..

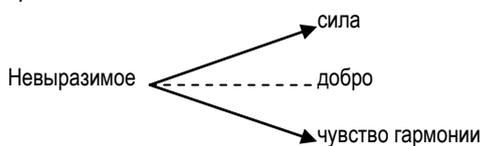
Семантические константы в следующих вариантах:

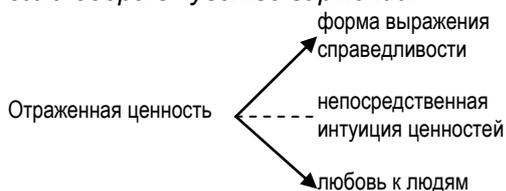
Читается: Правда — это *последнее основание внутренней правды в вечном движении как первооснова всего сущего.*

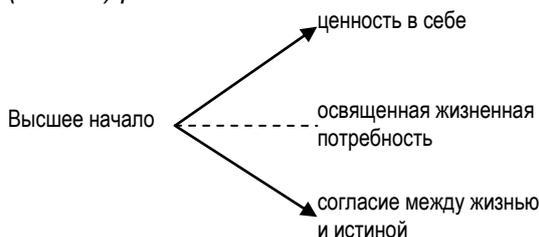
Читается: Правда — это *должный внутренний закон как мощь (нравственных) ценностей.*

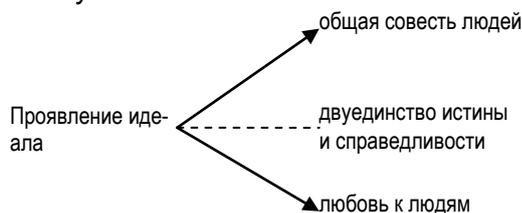
Читается: Правда — это *невыразимая сила добра в чувстве гармонии.*

Читается: Правда — это *отраженная ценность выражения справедливости, в непосредственной интуиции ценностей (данная) ради любви к людям.*

Читается: Правда — это *высшее начало ценности в себе как освященная жизненная потребность ради (достижения) согласия между жизнью и истиной.*

Читается: Правда — это *проявление идеала общей совести людей как двуединство истины и справедливости ради любви к людям.*

Положение то же самое, что и в случае с толкованиями Права: все основания по существу синонимичны (ибо отражают исходный первосмысл концепта, его *концептум*), а следования условий-причин-целей только развивают варианты выражения общего смысла.

Различные формы дискурса, представленные в высказываниях самых разных авторов, положения не меняют, потому что в основе этих дискурсов лежит общий *Текст*, также направленный движением смысла исходного концептума. Многообразие форм выражения указывает на индивидуальный подход к уяснению смысла. Общий же смысл концепта таков: *Правда отождествляется со Справедливостью, и это — Истина.*

Таким образом, по русским представлениям, Правда обретается «в мире вечной нравственности» (И. Киреевский), это «интуиция ценности», у «каждого своя», но одновременно Правда — это «общая совесть», хотя «абсолютной правды нет» (Л. Толстой). Правда четко противопоставляется кривде, лжи и греху — только этим трем, но зато последовательно и постоянно.

4. ПРАВИЛЬНОСТЬ

Правильность — полное соответствие основанному на чувстве, вере (*верный*) и разуме (*точный*) образцу (правилу), что является свойством любого объекта, поддающегося качественной оценке. Представление о П.-и как положительном свойстве основано на древнейшем противопоставлении «прямой (*правый*) — кривой», «истинный — ложный» и в нравственно-этической сфере проявляется как справедливость, а в служении Богу — как праведность.

Новое слово. (1731) от *правильный* (XII в.) из *правило* (ст.сл. калька с греч. *канон*).

Десигнатные признаки немногочисленны в этом новом слове понятийноно содержащая: . *грамматическая, строгая, чопорная.*

Предикаты по следующим текстам:

Языку нашему надобно воли дать более (разумеется сообразно с духом его). И мне ваша свобода более по сердцу, чем чопорная ваша правильность (Пушкин). — Таким образом, между тремя свойствами знания: правильностью, истинностью и соответствием предмету — существует такая зависимость, что первое обуславливает второе, а второе — третье, но не наоборот (Розанов).

Начнем с концепта «правильности». Правила и прескрипции нужны, чтобы регулировать людей по дорогам жизни. Экстенционал этого понятия образован областью действий — ментальных и реальных, оцениваемых по их отношению к норме... Верные мысли направлены в глубину бытия, ср. **глубоко верная мысль**. Правильная мысль не имеет глубины (? **глубоко правильная мысль**). Это естественно: правила не бывают глубокими, а для веры и истины это самое важное измерение. ...Поэтому **правильный путь** ведет к непосредственной и близкой цели, а **верный** — к пункту назначения... Интересно отметить, что правильность попадает в ассоциативное поле **истины**, а не **правды** (Н. Арутюнова). — *Это правильно, но неверно (А. Платонов).*

ПРАВИЛО — основной принцип для руководства в мысли, слове или деле, а также основополагающее положение, выражающее известную закономерность в соотношении явлений внешнего мира.

Старославянское слово, калька с греч. *κανών* 'отвес, правило', в др.рус. (XI в.) в значении 'руль, кормило', с XIV в. в знач. 'устав', с XVII в. 'система закономерностей' (1681).

Десигнатные признаки все вторичные: главное, золотое, жизненное, непреложное, нравственное, общее, принудительное; во мн. числе двойные, строгие, хорошие. Совр. значение 'обыкновение, привычка', 'норма поведения'; арго *правило* 'воровская судебная сходка', 'наказание предателя'.

Предикатные признаки:

Разница между правилами и законами та, что правила предписываются, а законы сознаются (Л. Толстой). — Закон, логически изложенный, называется правилом... Но правило... есть только логическая форма закона (Георгиевский). — Люди „с правилами поведения“ всегда были мне противны: как деланные, как неумные и в которых вообще нечего рассматривать (Розанов). — „Добрые правила“ рекомендовали в человеке известную способность почтительно относиться к законам нравственности; «образованность» ручалась за то, что нравственность, начертанная в сердце этого

человека, светла и имеет идеал возвышенный (Лесков). — Нам врождены не правила, не мысли о нравственной деятельности, но самые влечения и стремления к ней (Юркевич). — ...в правовой норме наша интеллигенция видит не правовое убеждение, а лишь правило, получившее внешнее выражение... Нашей интеллигенции чужды те правовые убеждения, которые дисциплинировали бы ее внутренне. Мы нуждаемся в дисциплине внешней именно потому, что у нас нет внутренней дисциплины. Тут опять мы воспринимаем право не как правовое убеждение, а как принудительное правило (Кистяковский).

Правильность как Правило предстает в следующих денотатных признаках:

1. Основания — основополагающее положение, соответствие правилу, принудительное право.

2. Условия — логическая форма закона, получило внешнее выражение, противоположно свободе.

3. Причины — обуславливает истинность, в поле истины, приписывается.

4. Цели — проявляется как справедливость, основной признак руководства.

Таким образом, Правильность — это *принудительное правило, противопоставленное свободе, которое обуславливает истинность и проявляется как справедливость.*

5. СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Справедливость — решение или действие, принимаемые согласно праву по чувству долга; «долг и право» в отношениях между людьми, «правда-истина» в связях человека с обществом — все это неразрешимо слито в двоичных единствах.

Семиотически С — это *совместное* (приставка с-) *право*, устремленное к правде в достижении *праведности* — цепь производных, отражающих становление категории в общественном бессознательном.

Старорус. (1537) от *справедливый* 'сделанный по правде, по правоте, по совести' (1438) при наличии синонима *справедливство* (1504). В XVIII в. термин стал результатом переосмысления латинского, заменяя исконное русское сочетание «долг и право» (*правда*), что отчасти скрыло за формулой *взаимные* соотношения между долгом (*обязанность*) и правом (*справедливость*). — Совр. 'соответствие житейской практики общим законам, обычаям и нормам'; диал. 'верность, искренность', *справедливый* 'честный', 'правильный', 'настоящий', 'здоровый'.

Десигнатные признаки: *глубинные* — *должная, полная, интенсивные* — без-

условная, божественная, грустная, гуманитарная, гуманная, нарушенная, общественная, отвлеченная, социальная.

Предикатные признаки на основе следующих текстов:

*Когда они стали злы, то начали говорить о братстве и гуманности и поняли эти идеи. Когда они стали преступны, то изобрели справедливость (Достоевский). — У царей выше всех прочих совершенств — справедливость (Л. Леонов). — Только те люди живут по справедливости, кои в основании своей жизни полагают правило: „Мне кусок и тебе — кусок, и прочим всем — по куску“ (Салтыков-Щедрин). — Справедливость и мужество суть главные опоры нравственного порядка вещей (Никитенко). — Справедливость отвлекается от личностей, она междулична... Справедливость — изящное уравнивание страстей и жертв (Герцен). — Справедливость составляет нераздельное начало человеческого достоинства, необходимую и единственную прочную связь между людьми... Вне личности нет ни блага, ни справедливости (Лавров). — Справедливость только в том и заключается, чтобы уметь понимать ближнего своего и судить его по его совести... Справедливость и заставляет думать (Н. Шелгунов). — Что такое справедливость, как не та же истина, только созерцаемая не в теории, а в сфере практических отношений людей?... Словами **любовь** и **справедливость** означаются известные психические состояния человека, состояние его чувств, характера его деятельности (Ткачев).*

*Мысль о справедливости, понимаемая вначале как возмездие, связана... с наблюдениями над животными... мы имеем здесь **всеобщий мировой закон органической эволюции**, вследствие чего чувства Взаимопомощи, Справедливости и Нравственности глубоко заложены в человеке со всею силою прирожденных инстинктов (Кропоткин). — Он свое стремление к удовольствию ограничивает нравственной идеей справедливости: он не хочет доставлять удовольствие себе, оскорбляя права другого (Юркевич). — Наконец, сама справедливость, эта будущая мать равенства, единожды перенесенная религиозной фантазией в небесные дали и превращенная в божественную справедливость, тут же возвращается на землю в теологической форме благодати... Мы говорим о справедливости, основывающейся единственно на сознании людей, на справедливости, которую вы найдете у каждого человека... и суть которой передается одним словом: **равенство***

(Бакунин). — *Право, которое, будучи переведено в чувство, становится справедливостью* (К. Кавелин). — **Справедливым** считается то, что одинаково прилагается ко всем... это не более как смутное чувство, которым прикрываются чисто голословные утверждения (Б. Чичерин). — Ошибаются в самом определении понятия справедливости как **только уравнивающей**... вводят в заблуждение, выставляя вопрос о правоспособности как вопрос справедливости, а не целесообразности, каков он в действительности есть... Из трех основных „заповедей справедливости“... Вторая — *suum cuique tridue* („всякому воздай должное“)... третья же — *immo omnes quantum potes iuva* („помогай всякому, сколько можешь“) ... едва ли не допускается лишь в качестве уступки разуму чувству (П. Астафьев). — Справедливость есть истина во внешнем действии (Вл. Соловьев). — Справедливость есть знание того, что законно по отношению к людям (С. Трубецкой). — Справедливость — доблесть избранных натур... Даже само слово **право** было у нас неизвестно в западном его смысле, но означало только справедливость, правду (В. Ключевский).. — Справедливый человек имеет не только обязанности, но и права... Горе тому, кто вздумал бы на земле осуществлять идеал справедливости! (Шестов). — Справедливость есть свойство безличное и безразличное; между тем все отношения — личные (Г. Шпет). — Свобода есть что-то гораздо более изначальное, чем справедливость... Без свободы не может быть никакой справедливости Это будет отвлеченная справедливость, не имеющая отношения к конкретным людям. Справедливость требует свободы для всех людей (Бердяев). — Принцип справедливости как онтологический закон гармонических соотношений частей и единого целого... и инстинкт самосохранения имеет свое место в норме справедливости (С. Аскольдов). — Сущность справедливости состоит именно в неодинаковом обхождении с неодинаковыми людьми... В результате оказывается, „справедливостей“ столько, сколько недовольных людей, и единой, настоящей Справедливости найти невозможно. А ведь, строго говоря, только о ней и стоит говорить... Итак, справедливость совсем не требует равенства. Она требует предметно-обоснованного неравенства... Поэтому справедливость есть искусство неравенства... Есть особый дар справедливости, который присущ далеко не всем людям (И. Ильин). — Русские полагают власть как право, понимая под правом

справедливость (Меньшиков). — *Издохла совесть. Чувство справедливости направлено на дело распределения материальных благ* (М. Горький). — Сквозь все достоинства и недостатки русского народа сплошной, непрерывной красной нитью проходит **тяга к справедливости**. Не к какой-то абстрактной, потусторонней справедливости, а к простой, земной, человеческой, **государственной** справедливости (И. Солоневич). — Справедливость обычно есть не что иное, как установившийся минимум нравственного напряжения, являющийся регулятивным началом (Ухтомский). — Истинность — это правильность, или **правда**, а „правда“, согласно значению древнего своего корня, — это **справедливость** (Касьянова). — Обществом социальной справедливости называется такое общество, в котором в качестве всеобщих значимых приняты и утверждены законодательно... социальные гарантии и права граждан. (А. Зиновьев). — Справедливость — это соответствие с нравственным правом прежде, чем с юридическим (Солженицын). — Справедливость в российском менталитете — это форма нравственного признания, которого многие достойны, но получают не все... Формальная справедливость не примиряет, а разделяет (Б. Марков). — Справедливость — основной принцип нравственности, лежит в основе комфортных представлений соответствующей культуры... С. — идеал гармоничного мира (Ахизер).

Истинная справедливость — это гармония неравенства. Справедливость — в милосердии к бедным, но не в потакании их капризам (АН. 2008. 6). — Русский человек не согласен воевать за собственность и парламентаризм. Ему подавай всемирную справедливость, за которой крылась бессознательно ощущаемая народом... христианская правда (С.-петерб. вед. 2010. 155). — В теперешних обстоятельствах национальная идея — это прежде всего справедливость (В. Распутин).

Ср. западные представления об этом концепте:

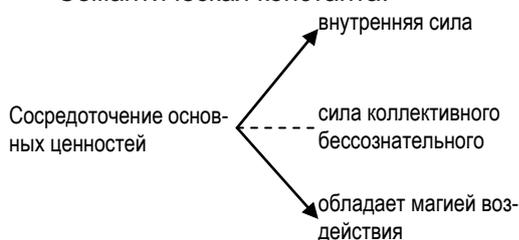
Основное понятие нравственной жизни (древних) греков — справедливость (Эйкен). — Понятие справедливости связано с представлением о государстве, так как право, служащее мерилom справедливости, является регулирующей нормой политического общения (Аристотель). — Под справедливостью люди разумеют нечто уже установленное...Благорасположение или ненависть меняют даже самое понятие справедливости! (Б. Паскаль). — Справедливость и собственность начинаются с основания госу-

дарства (Т. Гоббс). — *Быть справедливым — значит быть милосердным, но так, чтобы это согласовывалось с мудростью* (Лейбниц). — *Право и справедливость должны корениться в свободе и воле* (Гегель). — *Справедливость есть... воздаяние и обмен при условии приблизительного равенства сил* (Ницше). — *(У Прудона) в центре стоит идея человеческого достоинства, что и есть справедливость* (Бердяев). — *Справедливость — это и порядок, и связь одновременно* (Мунье). — *Справедливость есть позитивная ценность; заметить ее и оценить — это одно и то же* (Ортега-и-Гассет). — *Я хочу говорить и об истине моральной, по отношению к которой то, что зовется справедливостью, есть только один из видов* (Пуанкаре).

Специально авторское определение (Н. Д. Арутюновой) включает в свой состав все четыре формы Причинности.

Русская ментальность не формальна. В ней поверх триады *истина — закон — право (правило)* расположена другая триада: *правда — совесть — справедливость*, [1] сосредоточившая в себе основные ценности. Она представляет не внешнюю по отношению к человеку, а [2] внутреннюю силу. Может быть, это [3] сила коллективного бессознательного. Именно к этой силе апеллируют лозунги и призывы. Не случайно все три слова [4] обладают магией воздействия.

Семантическая константа:

Читается: Справедливость — это *сосредоточение основных ценностей внутренней силы коллективного бессознательно-го, которое обладает магией воздействия*.

Денотатные признаки по всем предикатам:

1. *Основания* — нравственная идея, глубокий инстинкт, форма нравственного сознания, идеал нравственности, основная ценность, основание принципа нравственности, главная опора нравственного порядка, идеал гармонии и мира, безличное свойство, смутное чувство, известное психическое состояние, гармония неравенства, выше всех совершенств.

2. *Условия* — практическая истина, чувственное проявление права, доблесть избранных натур, свобода, начало человеческого достоинства, правоспособность,

3. *Причины* — нравственное напряжение

во внешнем действии, регулятивное начало, в сопоставлении с обязанностями, уравновешение страстей и жертв, равенство, закон, заставляет думать, соединение прав с обязанностями, нравственная напряженность, не вреди, воздавай должное, живой поток индивидуальных отступлений, распределение материальных благ.

4. *Цели* — магия воздействия, понимать другого и судить его, возмездие, знание законности по отношению к людям, закон гармонии частей и целого, социальные гарантии и права граждан, равенство, совершенство, святость.

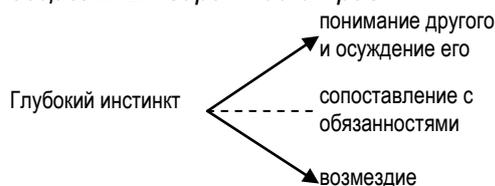
Возможные семантические константы:

Читается: Справедливость — это *нравственная идея практической истины в регулятивном напряжении действия с целью сохранения гармонии частей и целого*.

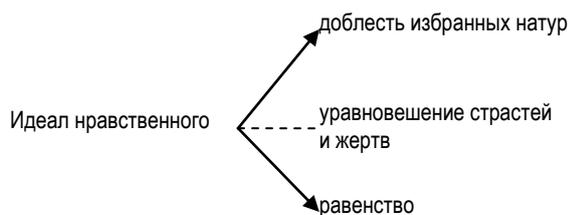
Читается: Справедливость — это *форма нравственного признания чувственных проявлений права как регулятивное начало социальных гарантий и прав*.

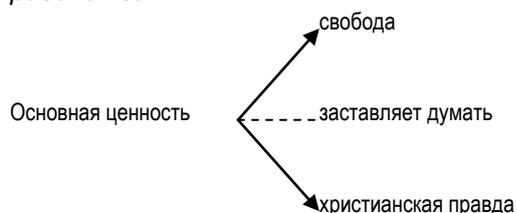
Читается: Справедливость — это *глубокий инстинкт понимания другого и осуждение его за исполнение обязанностей ради (возможного) возмездия*.

Читается: Справедливость — это *главная опора нравственного порядка, истина во внешнем действии с живым потоком индивидуальных отклонений в силу знания законности по отношению к людям*.

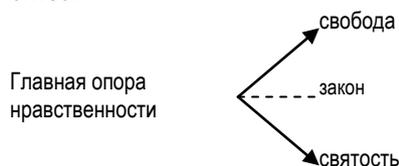
Читается: Справедливость — это *идеал нравственной доблести избранных натур в уравновешении страстей и жертв ради равенства*.

Читается: Справедливость — это *основная ценность свободы, которая заставляет думать о христианской правде*.

Читается: Справедливость — это *основной принцип нравственности как начало человеческого достоинства: воздавай должное и не вреди ради своего совершенства*.

Читается: Справедливость — это *главная опора нравственности: свобода в святости закона*.

И здесь также Основания представляют собой синонимический ряд совпадающих положений, тогда как составы Причинности варьируют несмотря на прямую зависимость от общности Основания — *нравственной категории*. Это объясняется тем, что Основание как проявление концептума постоянно и неизменно, тогда как вытекающие из него следствия могут варьировать в широких пределах.

Для контраста укажем западное понимание концепта Справедливость, также на основе большого числа текстов. Для английских, французских и немецких граждан понятие «справедливость» есть *нечто уже установленное, порядок и связь, позитивная ценность, государство, воздаяние и обмен* и только в последнюю очередь *человеческое достоинство* в общении между людьми. В центре внимания находится почитание государства и права: «Справедливость и собственность начинаются с основания государства» (Т. Гоббс). В сущности, все это признаки *реальные*, они выражают *рациональные* понятия западного человека; идеальное для него находится на другом полюсе отношений, не связанных с нуждами практической деятельности. На этом фоне русское представление о том же концепте выделяется *двоением на реальное и идеальное* — яркая примета русского сознания, исповедующего философский реализм.

Западное представление:

1. *Основания* — основное понятие нравственной жизни, позитивная ценность, идея человеческого достоинства.
2. *Условия* — право как мерило, мудрость в милосердии.
3. *Причины* — существует в государстве, корень в свободе и воле, воздаяние и обмен при равенстве сил.
4. *Цель* — порядок и связь одновременно.

Таким образом, Справедливость — *основное понятие нравственной жизни с правом как мерилом и свободой в её осуществлении ради порядка и связи в их единстве*.

6. СОПОСТАВЛЕНИЕ СОСТАВОВ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО КВАДРАТА

Теперь мы получаем возможность разместить в концептуальном квадрате все рассмотренные концепты в соответствии с внутренним их содержанием. Именно, Право — концептум **0**, Правда — образ **1**, Правильность — понятие **2**, Справедливость — символ **3**. Представим эти составы в обобщенном виде, редуцируя их до инвариантов (см. след. стр).

<p>2 правильность Принудительное правило, противопоставленное свободе, обуславливает истинность и проявляется как <i>справедливость</i>.</p>	<p>1 правда Невыразимое основание вечного начала внутреннего закона <i>справедливости</i> (как) освященной жизненной потребности (ради) согласия между жизнью и истиной.</p>
<p>3. справедливость Нравственная идея как общая ценность Практическая истина свободы Регулятивное начало напряженности действия Социальная гармония законности и равенства</p>	<p>0 право формально-идеальное начало должной нравственной обязанности приводит к <i>справедливости</i> в равенстве властью свободы как минимумом добра.</p>

0, 1 и 2 в своих составах одинаково представляют *справедливость*, но в разном качестве: в образе как условие, в понятии как цель, а в концептуме как причина. Это соответствует *функциям* составов, а именно: концептум как начало, образ как условие, причина как конечный момент развертывания содержательных форм концепта. Пользуясь логическими законами *противопоставления* (по вертикали), *противоречия* (по горизонтали) и *противоположности* (по диагонали), отметим соотношение составов по повторяющимся терминам. Таким образом, 0 и 3 (концептум и символ как помысленные категории) представляют *идею, равенство и свободу* как противоречащие друг другу в их составах. 1 и 3 как *начала* находятся в противоположности друг другу, но наличие *начала* в 0 снимает эту противоположность противоречием с 3 и противопоставлением к 1. *Истина* представлена в 1, 2, 3 и, естественно, отсутствует в концептуме 0, а *ценность* имеется только в символе, что также вполне оправдано (замещает отсутствующую *справедливость* как воплощение *ценности*).

Историческое следование содержательных форм представлено таким образом: нравственная *идея* (conceptum) — преобразованный образ права — принудительное правило (*понятие*) — «символ, а не понятие», или (что то же) «понятие» (как *понимание*) — *начало* (проявления в образе) — *положение* (в понятии) — *ценность* (в символе).

7. «ЗЕРНО ПЕРВОСМЫСЛА» — КОНЦЕПТУМ

Все четыре концепта содержат в себе древнейший именной корень *rǫ с долгим ђ, на славянской почве давшем рефлекс а: *пра* 'вперед(и)' (*прародина, праязык, праформа*); ему соответствует приставочная частица *rǫ- с кратким о (*пророк*). В дальнейшем происходило приращение консонантных распространителей (позже — суффиксов), которые методом *включения* и создали совре-

менные слова *право, правда, правильность, справедливость*, выражающие уже определенные уточняющие концепты. Здесь необходимо проявить осторожность и не пытаться признавать концептумом древнейшую морфему в составе слов (*пра*): это индоевропейское *основание* славянских концептумов, исходным концептумом является определено славянская форма *прав(о)* — первый признак (*первообраз*), отчуждавшийся «от нерасчлененного имени в виде прилагательного или отвлеченного непредметного существительного» в причастном значении «приближения» [Демидов 2011: 107]. Значение распространителя *включалось* в общее значение слова, создавая общий смысл всего сочетания *rǫ-a-v-o. Перед нами сочетание первосмысла исходного корня *пра и первообраза исходного слова *прав-*. Этимологически корень слова *прав-* восходит к *rǫǫ-vǫ 'передний (в бою)'. Суффикс *-ьд(а)* в слове *правьда* носил уже собирательное значение и представлял *право* как действие, а *правило* — как результат действия [Там же: 93, 103]. Первое упоминание слова *справедливость* дошло до нас от 1537 г., но встречается в «Польских делах», так что вполне может быть записанным старопольским словом *sprawiedliwos'c'*, как и встреченное в тех же «делах» слово *справедливство* (1504). Слово *справедливость* как собственно русское отмечено только в 1695, а слово *справедливство* в 1646 г. К этому же времени относится и производящая основа термина — *справедливый* (1614). Отрицать польское влияние трудно, но характер слов показывает, что имени существительному предшествовало прилагательное, как всегда и происходит со словами на *-ость*, с самого начала получающими *понятийное* значение. Особенность русского сознания состоит в том, что всякое заимствованное понятие предстает как символ высокого звучания, что и отразилось на истории слова *справедливость*. Как *символ*, Справедливость есть достояние всего народа, именно поэтому

«к столкновению индивидуальностей не применяется категория справедливости», она статична, а не динамична [Бердяев 1918: 194—195] и потому «принимается в четырех различных смыслах» [Соловьев 1988: 188], что также присуще символу.

Таким образом, постоянное *включение* все новых значений в производные слова привело к развитию специализации исходного корня *prō, согласно показаниям древнегреческого и латинского языков выступавшего в синкретизме значений 'вперед', 'в пользу', 'вместо', 'в качестве', 'по сравнению', 'по отношению', 'сообразно'. Все эти значения, по отдельности и попарно, распределились между исследованными здесь славянскими словами, причем последовательно и в соответствии с алгоритмом «вызревания» концепта, вплоть до приобретения им необходимой полноты состава в виде понятия.

8. «ОБРАЗНОЕ ПОНЯТИЕ»: ИДЕНТИФИКАЦИЯ

Вернемся к указанным в изложении текстов десигнатным признакам — признакам различения, выявляющим *содержание* концепта и явленные в содержании понятия («мы познаем только признаки» — А. А. Потебня).

Интенсивные признаки находятся на крайнем полюсе системы, судя по структуре прилагательных, среди которых много конфликтных типа *беспристрастная, бесценная*, — все они позднего сложения и связаны с *образным* представлением концептума в постоянно возникающих требованиях момента. Коренные признаки качества — *типичные* признаки — от прочих отличаются тем, что способны образовывать именные синонимы, ср. *божия правда, истинная правда* — *правда Бога, правда истины* и пр. Все остальные определения подобной замены лишены или изменяют смысл целого сочетания: **правда огромности, *правда ужаса, *правда всечеловечества* и пр. Типичные от *глубинных* отличаются тем, что типичный признак исходит из самой предметности (*правда истинна*), тогда как *глубинный* привносится извне (*правда огром-*

на), хотя оба признака роднит их *постоянство* при определяемом слове («постоянный эпитет»).

В конечном счете, перебирая отмеченные в употреблении эпитеты, мы очерчивали пределы десигната, причем в роли понятия (*образного* понятия) выступает все сочетание в целом, поскольку *истинная правда* отличается и от *нетленной правды*, и от *полной правды*. Образное понятие раскрывает символическое значение слова *правда*, уточняя каждый раз оттенок и грань его бесконечного проявления. С помощью эпитета-определения мы *конструируем* понятие, годное для *понимания* только данного конкретного случая; тем самым смысл символа контекстно дешифруется в оперативном понятии, схвачен мыслью в конкретной ситуации.

В современном сознании удачное определение всех трех проявлений содержательных форм концепта на примере Правды находим у В. С. Соловьева, который заметил: «Существует другой мир, где правда живет... Слово есть орудие разума для выражения того, что есть, что может и должно быть, т. е. правды реальной, формальной и идеальной» [Соловьев 1988: 196]. Реально в понятии, формально в образе, идеально в символе. В сущности, то же утверждал и Н. А. Бердяев: «Русский человек не очень ищет истины, он ищет правды, которую мыслит то религиозно, то морально, то социально, ищет спасения. В этом есть что-то характерно русское, есть своя настоящая русская правда» [Бердяев 1918: 83—84], при этом указывая сферу действия тех же признаков: человек мыслит религиозно в символе, морально в образе и социально в понятии.

Таким образом, воплощенное в слове концептуальное содержание может быть представлено в трех ипостасях: *в объективной реальности понятия, в субъективной идеальности символа и в конструктивной формальности образа*. На уровне *понятия* совмещение признаков десигната с признаками денотата (в логическом исчислении — содержания и объема понятия), представленных аналитически, организует следующие связи:

Признак	содержат. форма	правда	сфера действия
Типичный	символ	идеальная	«религиозная»
Глубинный	понятие	реальная	социальная
Интенсивный	образ	формальная	моральная

Следующим действием является *идентификация*, т. е. совпадение десигната-содержания и денотата-объема воссоздаваемого понятия. Поскольку в результате образуется *слово-понятие*, иногда этот процесс называют *номинализацией*. На Руси этот процесс начинался в XVII веке, а в начале следующего века появился и термин «понятие». В нашем случае соединение слов-признаков *божия, правда, жизнь, согласие* дают символические значения *божия правда, божия жизнь, божье согласие* — соединение типичного признака с идеальным. Соединение признаков десигната и денотата создает также образные понятия *чистая совесть, огромная ценность* и т. д. — соединение глубинного признака с реальным. Аналогично образуется, например, соединение интенсивных признаков с формальными, создающими образные понятия типа *великая сила* или *нетленная цель*. Это соединение интенсивных и формальных признаков, т. е. служащих составлению образных понятий только по форме. Суть в том, что *понятие рождается в понимании предмета*, а на первых порах замещением понятий и служит «образное понятие», аналитически представляющее логическое понятие более позднего времени. Всё Средневековье пользовалось такими понятиями, выработав специальное средство его выражения — местоименное имя прилагательное. Строго говоря, каждое аналитически представленное *образное понятие есть символ*, но символ разного содержания. Идя сверху вниз (по таблице) первый ряд образует символы *отождествления* (*свет светлый, Божья правда: «Бог есть Высшая правда...»*), второй ряд — символ *угодобления* (понятию: *чистая совесть*), третий ряд — символ *замещения* (*великая сила* — сила олицетворяется, например, в армии).

Таким образом, цельность концепта организуется всей суммой содержательных форм — образом, понятием и символом, — так что и данная операция является всего лишь подступом к установлению самого концепта, данного пока еще только в его различительных признаках.

9. ЗАКЛЮЧЕНИЕ: СОПОСТАВЛЕНИЕ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Сложнее всего представить соотношения составов Причинности у концептов, выраженных отвлеченными именами. Например, С. Г. Воркачев концепт Справедливость представляет в виде трех типов Справедливости: «воздаятельной» («равное за равное»), «распределительной» («каждому по вкладу») и «процессуальной», связанной с

судебным испытанием («Божья правда»). Русское сознание признаёт преимущественно воздаятельную Справедливость, основанную на трех принципах: «по справедливости: всем поровну, каждому по заслугам и всем по их правам» [Воркачев 2009]. Первое пришло из мифологических времен, второе развилось в эпоху Средневековья, третье — порождение Нового времени.

Основание как «зерно первосмысла» определяет последовательность манифестаций «зонтиковой категории» (так автор называет универсалии) Справедливости, выступающей в качестве реальной основы ментального следования:

Ср.: «Правда — это общая совесть людей» (М. Пришвин); «Правда в памяти. У кого нет памяти, у того нет жизни» (В. Распутин).

Распределение составов демонстрирует взаимозаменяемость близкозначных концептов: в Древней Руси место Справедливости занимала Правда (*Правда русская*), основанная на Праве.

С. Г. Воркачев предпочитает строить формулу на основе двандва, с метонимическим усилением качества:

Последнее удвоение носит искусственный характер (повторяет основание), его можно было бы заменить парой *правда-мощь*, предложенной Михаилом Пришвиным. Кстати сказать, и Правда в русском сознании — образное понятие, то есть символ; не оттого ли автор и заменил термин «концепт» нейтральным термином «идея» — ведь всякий символ идеален. Ср.: «Правда не на стороне метафизики понятий... (а) на стороне духовного познания..., выражающего себя символом, а не понятием» (Н. А. Бердяев). Вряд ли интуиция обманула русского философа.

С. Г. Воркачев останавливается на исходном первообразе, но ничего не говорит

об исходном «зерне первосмысла», выраженном корнем *prǫ в усилительном значении выражения высшей степени качества и действия, что и стало родовым признаком концептума как *нравственное*. Именно это «зерно» (conceptum) определяет последовательность членов Причинности, выступающих в качестве реальной основы ментального следования, представленного мною.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Истина и судьба // Понятие судьбы в контексте разных культур. — М. : Наука, 1994. С. 302—316.
2. Арутюнова Н. Д. Предикаты квазиистинной оценки в русском языке // Категория сказуемого в славянских языках: модальность и актуализация : акты Междунар. конф. (Certosa di Pontignano, Siena, 26—29.3.1992). — München : Verl. Otto Sagner, 1993. С. 1—13.

V. V. Kolesov
St. Petersburg, Russia

CONCEPTUAL FIELD OF THE RUSSIAN MIND: THE TRUTH OF LAW AND JUSTICE

ABSTRACT. *Based on the conceptual analysis of texts, the author examines the system of relations existing in the Russian mind between the concepts of Law, Truth, Correctness, Justice, having the same source root *prǫ and conceptum of rights based on it — the link between the Indo-European root denoting 'ahead' and proto-Slavic "grain model (pervoobraz)". The relations between the concepts in the conceptual part of the square as the realization of its substantial forms (image, notion, symbol, and conceptum) are shown. Successive reductions of the analyzed material from the "text" through the specific segments of "discourse" and the analytical representation of designatum and denotatum we reach the starting point of the development of the concept — conceptum. The semantic constants are built, which is the reconstruction of concepts definitions unconsciously used by the authors in their texts. It turns out that historically all concepts are centered around the original syncretic roots and develop their meanings in the sphere of moral, while the Slavic secondary conceptum varies along the line of its special representations in the words expressing it. The means of enrichment of the substantial forms of concepts are described: "descriptive notions" (das Sinnbild) with symbolic content — analytical models of two names joined metonymically (adjective and noun) to express notions in operational use. The paper describes the process of reconstruction of concepts by means of identification — connection of denotatum and significatum in the unity of logical notions and naming as a result of nominalization.*

KEYWORDS: *concepts; national consciousness; discourse; semantic constant; conceptual analysis.*

ABOUT THE AUTHOR: *Kolesov Vladimir Viktorovich, Doctor of Philology, Professor, Department of the Russian Language, Faculty of Philology, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.*

REFERENCES

1. Arutyunova N. D. Istina i sud'ba // Ponyatie sud'by v kontekste raznykh kul'tur. — M. : Nauka, 1994. S. 302—316.
2. Arutyunova N. D. Predikaty kvaziistinnoy otsenki v russkom yazyke // Kategoriya skazuemogo v slavyanskikh yazykakh: modal'nost' i aktualizatsiya : акты Mezhdunar. konf. (Certosa di Pontignano, Siena, 26—29.3.1992). — München : Verl. Otto Sagner, 1993. S. 1—13.
3. Arutyunova N. D. Yazyk i mir cheloveka. 2-e izd., ispr. — M. : Yazyki russkoy kul'tury, 1999. 896 s. ISBN 5-7859-0027-0.
4. Berdyayev N. A. Sud'ba Rossii. — M., 1918.
5. Veinik A. I. Termodinamika real'nykh protsessov. — Minsk : Navuka i tekhnika, 1991.
6. Vorkachev S. G. Pravdy ishchi: ideya spravedlivosti v russkoy lingvokul'ture. — Volgograd : Paradigma, 2009.
7. Demidov D. G. Svyazannye i svobodnye funktsii mestoimennykh osnov v istorii russkogo yazyka. — SPb. : SPbGU, 2011.
8. Losev A. F. Dialektika mifa. — M. : Mysl', 2001.
9. Losev A. F. Ocherki antichnogo simvolizma i mifologii. — M. : Mysl', 1993.
10. Potebnya A. A. Slovo i mif. — M. : Pravda, 1989.
11. Potebnya A. A. Estetika i poetika. — M. : Iskusstvo, 1976. 616 s.
12. Solov'ev V. S. Sochineniya. T. 1. — M. : Mysl', 1988.
13. Fasmer M. Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka : v 4 t. Izd. 2-e, ster. — M. : Progress, 1986—1987.
14. Florenskiy P. A. Voprosy religioznogo samopoznaniya. — Khar'kov : Folio, 2000.
15. Chernykh P. Ya. Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennoy russkogo yazyka. 3-e izd., ster. — M. : Russkiy yazyk, 1999.

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. М. Б. Ворошилова.

Е. Г. Малышева, А. Ю. Жигунов
Омск, Россия

**НОВАЯ «ХОЛОДНАЯ» ВОЙНА:
МИЛИТАРНАЯ МЕТАФОРА КАК БАЗОВАЯ КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ
РЕПРЕЗЕНТАЦИИ МЕДИАКОНЦЕПТА 'АРКТИКА'**

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена исследованию особенностей репрезентации медиаконцепта «Арктика» в текстах печатных и электронных СМИ. Констатируется, что базовым средством интерпретации содержания медиаконцепта «Арктика» является конфликтная метафора вообще и метафора войны в частности. Анализируется фреймо-слововая структура метафорической модели «Конфликты в Арктике — это война» и делаются выводы об особенностях реконструкции фрагмента медийной картины мира, связанного с когнитивным феноменом «Арктика». Милитарная метафора описывает конфликт России с другими странами относительно права владения всеми богатствами арктического региона прежде всего в терминах «холодной войны/новой холодной войны», а также «борьбы», «битвы» и даже «драки». При этом в СМИ имплицитно подчеркивается необходимость ведения такого рода «боевых действий», поскольку в содержательной структуре медиаконцепта «Арктика» частотно актуализируются концептуальные признаки «богатый регион», «необходимый для развития экономики России регион», «регион, определяющий мировое господство». С одной стороны, в медиатекстах по-прежнему эксплицируются представления о том, что завоевание Арктики — это война прежде всего с суровыми климатическими условиями, это необходимый и благородный путь преодоления человеком препятствий, которые ставит на его пути природа, ради процветания России. С другой стороны, Арктика — это место, в битве за которое Россия обязательно потерпит поражение из-за преступного отношения к богатствам региона, из-за того, что наше вмешательство приносит в Арктику экологические проблемы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: милитарные метафоры; метафорические модели; медиаконцепты; фреймы; медиатексты; политическая метафорология; политический дискурс; холодная война.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Малышева Елена Григорьевна, доктор филологических наук, доцент; заведующий кафедрой журналистики и медиалингвистики, факультет филологии и медиакommunikаций, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского; 644077, Россия, г. Омск, пр-т Мира, д. 55-а; e-mail: malysheva_eg@mail.ru.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Жигунов Антон Юрьевич, магистрант, кафедра журналистики и медиалингвистики, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского; пресс-секретарь; 644077, Россия, г. Омск, пр-т Мира, д. 55-а; e-mail: zhigunowanton94@mail.ru..

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Арктика — это регион конфликтов, причины и последствия которых продиктованы необходимостью захвата и удержания полезных ископаемых, многочисленных природных богатств этого края. Учитывая концентрацию политической напряженности в регионе, можно констатировать полную уместность использования метафоры конфликта (войны, игры и спорта) в текстах медиа.

Определенного рода лексические номинации: *война за Арктику, борьба за Арктику, гонка за Арктику, драка за Арктику* и т. п. — отсылают к историческому периоду колониальных войн за другой, не менее богатый регион — Африку, к разделу этой территории в связи с сырьевыми и территориальными претензиями западных держав. Отсюда — англоязычный аналог *Scramble for Africa — Scramble for Arctic (англ.)*, регулярно используемый зарубежными СМИ. Сказанное во многом объясняет использование метафорических моделей с семантикой конфликта с целью демонстрации путей достижения ресурсного благополучия той или иной страны за счет аннексии Арктического региона и территориальных претензий по поводу Арктики.

Заметим, что в выявленных нами метафорических моделях, объективированных в

текстах СМИ, означаемым выступает частный концепт 'Конфликт в Арктике', который осмысливается посредством милитарной, игровой и спортивной метафор, или — шире — конфликтной метафоры.

Целью данной статьи является исследование специфики милитарной метафоры, с помощью языковой реализации которой в медиатекстах репрезентируется содержательная структура медиаконцепта 'Арктика'.

Материалом для данного исследования стали тексты печатных и электронных СМИ преимущественно информационных жанров, опубликованные в 2013—2016 гг., а также расшифрованный текст документального фильма «Ледниковый параграф» (телеканал «ТВ-Центр»). Кроме того, в ходе анализа для сравнения привлекались тексты об Арктике газет «Правда» и «Известия» советского периода (30—40-е гг.).

**«КОНФЛИКТ В АРКТИКЕ — ЭТО ВОЙНА»:
МИЛИТАРНАЯ МЕТАФОРА**

Особая роль милитарной метафоры в русской языковой картине мира подчеркнута в исследованиях политического (А. П. Чудинов [Чудинов 2001], А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов [Баранов, Караулов 1994]), спортивного (Е. Г. Малышева [Малышева 2011]), экономического (А. Ю. Кланцакова [Кланцакова 2003]), религиозного (О. Н. Кондратьева

[Кондратьева 2015]) и других дискурсов. По мнению А. П. Чудинова, концептуальная метафора — это не что иное, как «отражающее национальное самосознание средство постижения, рубрикации, представления и оценки какого-то фрагмента действительности при помощи относящихся к совершенно иной понятийной области сценариев, фреймов и слотов» [Чудинов 2001: 105], и милитарная метафора — одно из самых частотных средств такого рода.

Рассмотрим фреймо-слотовую структуру метафорической модели 'Конфликты в Арктике — это война' и особенности ее вербализации в текстах СМИ.

1.1. ФРЕЙМ 'ВОЙНА И ЕЕ РАЗНОВИДНОСТИ'

«Война за Арктику» — частотная тема, регулярно актуализируемая в медиа. Объективный смысл этого процесса — попытка посредством преимущественно невоенных действий (дипломатии, политики, экономики и т. д.) завладеть регионом. Вполне очевидно, что прямых военных действий на территории региона и за него не ведется. Однако осуществляется всесторонняя подготовка к ним: совершенствуется военная техника, наращивается военное присутствие в регионе, происходит подготовка вооруженных сил к ведению продолжительного конфликта в суровых арктических условиях.

Тем не менее заметим: действия России и других стран в борьбе за арктические богатства описываются СМИ в терминах войны, разумеется, метафорически. Наиболее частотным лексическим репрезентантом, характеризующим «разновидность» военных действий в Арктике, является прецедентное для политического дискурса словосочетание «холодная война». Примечательно, что журналисты в своих текстах подчеркивают семантическое наложение в значении этого словосочетания метафорического и метонимического значения прилагательного «холодный»: «холодная война» — отсутствие прямых военных действий и «холодная война» — борьба за северный регион, за территорию, где холодно.

Как правило, это словосочетание используется в заголовках статей как в сильных позициях текста, а сам текст конкретизирует и детализирует семантику напряженной борьбы за регион, охарактеризованной как «холодная война»:

– заголовок: *Холодная война в Арктике* (Независимая газета. 07.08.2015);

– подзаголовок: *Россия готова к холодной войне за Арктику* (Коммерсантъ. 23.09.2013);

– заголовок: *Постпред РФ при НАТО при-*

звал не начинать из-за Арктики конфликт в духе „холодной войны“ (Интерфакс. 26.12.2014);

– заголовок: *Холодная война в ледяном доме* (Аргументы недели. 20.08.2015).

Прокомментируем последний пример, где атрибутивы, характеризующие войну и Арктику, являются синонимами и детерминируют как специфику конфликта, так и сам регион лексемами одного семантического поля: «холодная война» (конфликт) — «ледяной дом» (Арктика). Использование контекстных синонимов «холодный» — «ледяной» создает смысловое напряжение и, на наш взгляд, усиливает суггестивный эффект текста.

Отметим также, что к Арктике было приковано внимание стран-антагонистов в период реальной холодной войны. Таким образом, использование этой политической идиомы в текстах современных СМИ далеко не случайно и вызвано концептуализацией характерных для региона военно-политических проблем.

Приарктическим странам в условиях роста международной конкуренции за ресурсы Арктики следует действовать „на основе принципов предсказуемости и стабильности“, и Россия как важный игрок должна помочь разрешить мирными средствами возникающие споры по этому региону, считают авторы доклада „Политика России в Арктике: как избежать новой холодной войны“ (ТАСС. 22.10.2014).

Итак, феномен скрытого военного противостояния охарактеризован метафорой 'холодная война'. На лексико-семантическом уровне эта метафора представлена словосочетаниями *борьба за Арктику* и *драка за Арктику*.

Борьба может рассматриваться как «стремление осилить в единоборстве», как «сражение или состязание со стремлением победить», а также как вид спорта — «единоборство» [Ожегов 1989: 61—62]. В исследуемом нами корпусе медиатекстов словосочетание *борьба за Арктику* носит метафорический смысл и обозначает «столкновение интересов». Подчеркнем, что посредством этой метафоры описывается отношение к региону, геополитическая конфликтная ситуация.

С точки зрения организации этой борьбы можно выделить следующие компоненты, объективированные в текстах СМИ:

• причины и поводы борьбы (политические решения):

В российском МИДе уверены, что, против норвежский арктический архипелаг

Шпицберген, вице-премьер Дмитрий Рогозин не нарушал международного права. Норвегия ранее выразила протест против поездки чиновника, который входит в санкционный список ЕС. Дипломатический инцидент обнажает новый виток борьбы за Арктику, которая в ближайшее время будет только обостряться (Газета.Ру. 20.04.2015);

- активизация борьбы (проведение учений в регионе, усиление военного присутствия, политические интриги и т. п.):

- Потенциальной угрозы вооруженного конфликта в Арктике нет, пока в дело идут различные способы давления, считает Сергей Гриняев: „Конкуренция и борьба за Арктику идет и будет идти. Другое дело, что сегодня она ведется не методами прямого противостояния, не путем милитаризации региона, а путем использования более хитрых, скрытых и коварных схем экономического, политического и дипломатического давления“. ...Запрет Евросоюза и США поставлять в Россию высокотехнологичное оборудование для разработки глубоководного шельфа — один из примеров битвы за Арктику. Эксперты говорят — это только начало (РИА «Новости». 08.08.2014);

- заголовок: *FinancialTimes: в борьбе за Арктику США уступают России. По мнению ряда аналитиков, США слишком долго не уделяли внимания развитию своих арктических территорий. В результате другие страны региона успели сделать значительный шаг вперед, пишет Financial Times* (РИА «Новости». 09.03.2015);

- *Борьбу за Арктику Россия начала с того, что установила на дне титановый российский флаг и развернула на арктических островах три арктические бригады* (Газета.Ру. 20.04.2015);

- возможный результат, победа (региональная ресурсная и транспортная монополия):

- *Борьба за арктические ресурсы обостряется. При этом самые крупные и перспективные месторождения углеводородов находятся как раз в российском секторе* (Русский Север // Лента.ру).

Заметим, что доминантная роль в вышеуказанных контекстах отводится в первую очередь геополитической и экономической деятельности (добыча ресурсов), что подтверждается лексемами и идиомами соответствующей направленности: *дипломатический инцидент, экономическое, политическое и дипломатическое давление, запрет, разработка шельфа, развертывание*

арктической бригады и т. п.

В СМИ частотно описываются «фазы» развития этой борьбы посредством использования глагольных форм будущего и настоящего времени и атрибутивов, характеризующих степень развития борьбы. Если в публикациях 2014 г. и начала 2015 г. борьба за Арктику воспринимается как прогнозируемое будущее, то в конце 2015 г. она уже начинается, а в 2016-м вступает в активную фазу:

- *Возможность того, что посредством приобретения миллиардерами земли в Арктике Китай стремится усилить свои позиции в будущей борьбе за Арктику, действительно существует, полагают эксперты. Причем Китаю данный регион может быть интересен как в экономическом, так и в политическом контексте* (Газета.ру. 18.05.2014);

- Действительно, арктический континент является средоточием большого количества природных богатств. ...В связи с этим в ближайшее время России предстоит борьба с другими арктическими странами за расширение внешних границ своего континентального шельфа за пределами 200 морских миль, на которые раньше распространялся суверенитет страны (Газета.ру. 20.04.2015);

- подзаголовок: *Борьба за Арктику. Схватка за Арктику только начинается. Ее раздел так или иначе неизбежен, но все будет зависеть от того, какой потенциал за спиной у участников процесса* (РИА «Новости». 01.09.2015);

- *Эксперты отмечают, что тема Арктики в будущем будет одной из основных в повестке дня. Несмотря на все сложности, с которыми сталкивается процесс освоения этого региона, ни одна страна не откажется закрепиться здесь и продвигаться дальше. Не стоит исключать, что уже в ближайшие 100 лет мир столкнется с простым выводом: кто владеет Арктикой — тот владеет миром* (интервью российского общественного деятеля Александра Гусева // РИА «Новости». 13.07.2015).

Неотъемлемой частью борьбы является наличие явного или потенциального соперника. В этом контексте российские СМИ называют государства, имеющие претензии на регион: США, Норвегия, Канада, Дания, Китай и пр.

В отличие от борьбы, драка имеет большую степень ожесточенности. С. И. Ожегов выделяет в качестве дифференциальных сем значения слова *драка* такие, как 'побой', 'соры', 'скандалы' [Ожегов 1989: 182]. Так

или иначе, эти действия вызваны не подготовленными заранее стратегическими решениями, а скорее спонтанными эмоциональными порывами и реализуются в форме случайных, спонтанных ситуаций (*ввязаться в драку* и т. п.). Кроме того, драка менее продолжительна с временной точки зрения, чем, например, борьба. Заметим, что метафорическая конструкция *драться/драка за Арктику* достаточно частотна в текстах СМИ и традиционно сопровождается наименованиями средств драки (оружия) и ее последствий. Кроме того, подразумевается, что драка — это начальное столкновение, кратковременный силовой конфликт, который неизбежно перерастет в серьезное (военное, полномасштабное) противостояние:

– заголовок: **Канада будет с оружием в руках драться с Россией за Арктику. Власти Канады заявили, что просто так не отдадут России Арктику. Если понадобится, то Оттава будет с оружием в руках отстаивать свои интересы в этом регионе** (Петербургский дневник. 26.08.2014);

– Президент Академии геополитических проблем генерал-полковник Леонид Ивашов считает, что арктическое направление сегодня становится **наиболее опасным для России**. <...> „Они считают, что Северный морской путь и ряд территорий, которые Россия объявляет своей собственностью, являются международными водами. Поэтому **драка за Арктику, за биологические ресурсы может вылиться в жесткое силовое противостояние**“, — прогнозирует эксперт (РИА «Новости». 13.08.2014).

Очевидно, что в данных контекстах актуализируется не только метафорическое представление о борьбе за Арктику, но и прогнозируется, что эта борьба может перерасти в реальные военные действия. Метонимический характер модель 'Конфликт в Арктике — это война' приобретает и при реализации в контекстах, где подчеркивается, что драка за Арктику — не простая драка, это борьба за выживание в чрезвычайно враждебной человеку среде. Как следствие, конфликт в Арктике требует особой подготовки:

Это, конечно, полигон, конечно, учения, только вот войска настоящие. И драться учатся по-настоящему, драться за Арктику. Место, где полярная ночь длится полгода, зимой температура опускается до минус сорока пяти, а ясных дней всего два десятка за год, вдруг оказалась нужной половине земного шара, да так, что армию пришлось тренировать («Ледниковый

параграф»).

Конечно, встречаются в текстах СМИ вербализованные сомнения относительно разрастания конфликта вокруг Арктики. Впрочем, такие тексты единичны и в корпусе примеров за 2015—2016 гг. они практически не встречаются, что подтверждает устойчивость представлений медиа по поводу неизбежности «арктического конфликта»:

Я все же надеюсь, что драки по этому поводу (по поводу Арктики. — Е. М.) **не будет. Если, представим гипотетически, признают одинаковыми притязания России и Канады по хребту Ломоносова, то на дипломатическом уровне мы будем думать, где проводить линию: по медиане, или по секторам, или как-то еще. Это уже будут решать дипломаты, и я думаю, что это вполне решаемый вопрос** (Росбалт. 08.01.2014).

1.2. ФРЕЙМ 'ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ И ЦЕЛИ'

Покорение и завоевание Арктики — традиционная метафорическая модель как для советского медиатекста, так и для современного.

Для советского человека, несомненного лидера в освоении мирового арктического пространства, идея «завоевания» Арктики — возможность открыть и освоить регион. Противником при этом выступают суровые климатические условия, требующие преодоления и сверхчеловеческих нагрузок. Стилистически тексты советских СМИ отличались естественным, присущим советской журналистике пафосом, выраженным в том числе и в использовании лексем с соответствующим значением:

Советские социалистические люди, штурмующие стратосферу, покоряющие Арктику, завоевывающие полюс, делающие невиданные беспосадочные перелеты, раскрывающие тайну материи в институтах и лабораториях, изменяющие географический облик страны... (Известия. 21.01.1938).

Однако при анализе текстов советского периода и современности все же наблюдается некоторая корреляция. Так, под *завоеванием* Арктики, в отличие от *драки* или *борьбы* за нее, понимается в основном экономическая, бизнес-деятельность в регионе, развитие транспортной инфраструктуры, позволяющей иметь беспрепятственный доступ к любому, самому отдаленному уголку арктической территории и транспортировать большие объемы груза, т. е. активно задействовать морские коммуникации с позиций экономики. Таким образом, милитарная ме-

тафора, выраженная в лексеме *завоевание*, переходит в иную семантическую плоскость, когда «военные действия» отождествляются с активным экономическим *освоением* территории, *расширением присутствия, инвестициями* в регион. Проиллюстрируем сказанное анализом фрагмента статьи, опубликованной на портале «Газета.ру» под заголовком **Севморпуть: как Россия завоеует Арктику**:

...Без Севморпути развитие приарктических регионов России стоит под вопросом. Именно поэтому так важно обеспечить надежное круглогодичное транспортное функционирование этого маршрута, заявил глава делового совета Госкомиссии по вопросам развития Арктики Сергей Шишкарев в ходе первого заседания 18 сентября. Шишкарев подчеркнул, что очень важно повысить инвестиционную привлекательность Арктического региона для бизнеса. Это позволит привлечь частные инвестиции в Арктику и объединить усилия государства и бизнеса для развития этого региона. Но без развитой транспортной инфраструктуры сделать это будет проблематично.

Предприниматели российских северных регионов заинтересованы в развитии Северного морского пути.

...Более половины участников опроса уверены, что в ближайшие годы в развитии Арктики будут достигнуты большие успехи.

...В планах российских властей — увеличение грузопотока через Севморпуть до 80 млн т к 2030 году.

Интерес к северному маршруту, способному составить конкуренцию Суэцкому каналу, уже проявили Китай, Япония и Южная Корея.

...Задача по освоению Севморпути имеет важнейшее стратегическое значение для государства. „Организация транспортной магистрали в Арктике не только позволит освоить новый международный транспортный маршрут между Европой и Азиатско-Тихоокеанским регионом, но и будет способствовать укреплению связей между Дальним Востоком России и ее европейской частью, — считает Пегин. — А это даст дополнительный импульс для развития регионом Арктической зоны, обеспечит российское присутствие в Арктике и откроет доступ к ее ресурсному потенциалу“ (Газета.ру. 20.09.2015).

Приведенный текст несомненно характеризует *завоевание* Арктики с позиции ее освоения и развития. Для России освоить

Арктику — значит развить в регионе бизнес- и экономическую инфраструктуру, адаптировать регион к началу активной добычи полезных ископаемых, что невозможно без гибкой транспортной коммуникации.

Особого внимания заслуживает, на наш взгляд, и атрибуция роли создания такой транспортной артерии. Автор регулярно использует атрибутивы превосходной степени, характеризуя роль Северного морского пути в развитии региона: *кратчайший, важнейший* и под., представляющие его как единственно верное средство решения сложившихся проблем.

По контрасту упоминаются проблематичность освоения региона, и негативное состояние северных экономик без Севморпути, и успехи по продвижению на север, и экономическое благополучие при его наличии.

Наконец, имплицитно выражается конкурентоспособность северной экономики в российском пространстве через регулярные оппозиции Северного морского пути и его потенциала иным маршрутам и регионам: *Севморпуть — Суэцкий канал, туризм в России — туризм в Европе, ресурсы Севера — ресурсы остальной части России.*

1.3. ФРЕЙМ 'МЕСТО ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ / ТЕРРИТОРИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА'

Специфическим при реализации метафоры войны является обозначение Арктики не только как желаемого результата имплицитного военного конфликта между странами, но и как территории этого военного конфликта. Арктика — своеобразный «театр военных действий», арена реализации военного потенциала государств. В то же время Арктика воспринимается и как место консолидации международных интересов, сплочения и сотрудничества.

В связи с этим охарактеризуем два противопоставленных в данном аспекте образа Арктики.

1.3.1. Слот 'Арктика — это горячая точка'

Горячая точка — устойчивое словосочетание, используемое в политическом и журналистском дискурсе и традиционно обозначающее место, регион, где происходит вооруженный конфликт, война. Применительно к исследуемой нами области концептуализации номинация *горячая точка* наиболее точно отражает военно-политическую напряженность, характерную для Арктического региона. Политика арктических и приарктических государств в отношении Арктики характеризуется стремлением доказать соб-

ственный потенциал и влияние в регионе, и это реализуется в лексемах соответствующей семантики.

Аксиологический модус номинации *горячая точка* безусловно отрицательный. При этом часто данное словосочетание «сводится» в контексте с метафорическими словосочетаниями и лексемами в переносном значении, усиливающими отрицательную коннотацию: *пессимистический, грозит, скользкие вопросы, холодные отношения, тихая война* и под.:

– *„Пессимистический гид по миру в 2015 году“* — доклад с таким жизнеутверждающим названием опубликовало информационное агентство *Bloomberg*. Опираясь на опрос экспертов по внешней политике, военному делу и экономике, агентство называет места во всем мире, которые могут стать *„горячими точками“*. Три из них — Прибалтика, Азовское побережье Украины и **Арктика** — напрямую связаны с Россией, однако ни одна из них не расположилась в топе (Газета.ру. 23.12.2014);

– *Очередной горячей точкой планеты грозит стать холодная Арктика*. Пока там не гремят выстрелы и не падают бомбы. Но в самом разгаре *тихая война разведок и дипломатов* (Аргументы недели. 20.08.2015);

– заголовок: **Арктика как горячая точка: скользкие вопросы холодных отношений...** (ФБА «Экономика сегодня». 11.04.2016);

– *Учитывая, что Канада и США также усиливают военное присутствие в Арктике, последние трения подчеркивают растущее число потенциальных „горячих точек“ в море и в небе* (ИноСМИ. 01.07.2014).

– *Арктику уже сейчас называют горячей точкой, где соприкасаются интересы многих государств, и нынешний век, пожалуй, может стать сложным этапом во взаимоотношениях государств* (Аргументы и факты. 17.06.2016).

Примечательно, что словосочетание *горячая точка* может использоваться и как имя региональных точек с нестабильной вулканической активностью, излишним загрязнением среды, экологическими проблемами:

В российской Арктической зоне выявлено около 100 горячих точек. Как следует из научных отчетов проекта ЮНЕП/ГЭФ *„Российская Федерация — поддержка Национального плана действий по защите арктической морской среды“* (проект *„НПД-Арктика“, 2005—2010), природоохранные проблемы в Арктической зоне России*

связаны с наличием в регионе так называемых горячих точек, где велась интенсивная хозяйственная деятельность. Из них наиболее опасные загрязнение нефтью и нефтепродуктами, химическое загрязнение тяжелыми металлами, стойкими органическими загрязнителями, твердыми отходами и т. д. (Независимая газета. 24.12.2014).

1.3.2. Слот ‘Арктика — это территория диалога’

Формируемый СМИ медиаконцепт ‘Арктика’ сегодня обладает внутренне противоречивым содержанием. Так, наряду с представлениями об Арктическом регионе как о зоне конфликта, противостояния и даже войны существует экспликация Арктики как места мирного сотрудничества заинтересованных стран и территории согласия. Совпадающие интересы государств принуждают их к диалогу вокруг актуальных проблем Севера:

– *Россия заинтересована в том, чтобы Арктика стала территорией диалога и сотрудничества*, сказал министр (Сергей Лавров. — Е. М.) (ТАСС. 12.04. 2016);

– заголовок: **Арктика как территория международного диалога и наращивания военного присутствия** (Арктик-Инфо. 01.02.2016);

– *Россия рассматривает Арктику как территорию диалога и сотрудничества*, подчеркнул директор департамента международного сотрудничества Минприроды РФ Нуритдин Инамов (РИА «Новости». 26.01.2016);

– *16 сентября, выступая в Архангельске на Международной конференции по обеспечению безопасности в Арктике, Патрушев подчеркнул, что стратегический курс России в Арктике состоит в том, чтобы придать этому региону статус диалога, мира и добрососедства*. „Проводимая нами работа полностью соответствует стратегическому курсу России в отношении Арктики — курсу, нацеленному на придание этому региону статуса территории диалога, мира и добрососедства“, — заявил тогда он (ТАСС. 03.11.2015);

– *Мы поддерживаем позицию президента РФ Владимира Путина, по которой Россия должна иметь все рычаги для защиты своей безопасности и национальных интересов*, — сказал Игорь Чернышенко. — При этом следует еще раз подчеркнуть, что **Арктика должна остаться территорией диалога**, предполагающего, что партнеры прислушиваются друг к другу и уважительно относятся к несовпадающим точкам зрения (Арктик-Инфо. 18.

12.2013).

Показательным является и проведение мероприятий соответствующей миротворческой направленности, номинации которых отсылают к указанной семантике консолидации:

В сентябре в Салехарде пройдет международная конференция „Арктика — территория диалога“, сообщил премьер-министр РФ Дмитрий Медведев на пленарном заседании Стран Баренцева моря и Евроарктического региона (ТАСС. 04.06.2013).

1.4. ФРЕЙМ 'ПРИЧИНЫ И ИТОГИ/РЕЗУЛЬТАТЫ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ'

Результатом войны за Арктику является контроль над полезными ископаемыми, содержащимися в ее недрах. Ресурсный потенциал региона также является объектом метафоризации: **Война за „Эльдорадо“ Арктики набирает обороты** (РЕН-ТВ. 25.02.2016).

В приведенном фрагменте заметки на сайте телеканала «РЕН-ТВ» полезные ископаемые в Арктике отождествляются с «золотым» южноамериканским городом Эльдорадо, богатства которого стремились завоевать европейские страны.

Вообще в текстах об Арктике довольно часто прибегают к использованию прецедентных феноменов с разной целью. В данном случае такая номинация является показательной с точки зрения характеристики причин «войны» за Арктику. Кроме того, причины «военных действий» в этом регионе эксплицируются за счет лексической детализации «разновидностей» войны и желаемых военных «трофеев». Примечательно, что в одном тексте могут описываться причины, действия и результат этой войны:

– заголовок: **Нефтяная война за Арктику. Бурение на Арктическом шельфе остановили всего на неделю раньше запланированного срока** (Национальная служба новостей. 19.09.2014);

– **Вкладываться в оборону необходимо хотя бы для того, чтобы нас не растащили по кускам. Тем более новый тип войн абсолютно непредсказуем. Впереди войны за ресурсы, за Арктику** (интервью с Владимиром Комоедовым, главой комитета ГД по обороне // Эксперт. 14.02.2014);

– **В Арктике уже не первое десятилетие идет война за ресурсы — нефтегазовые залежи шельфа, места рыболовства, маршруты коммерческого судоходства. По мере того, как продолжается глобальное потепление и тает арктический лед, аппетиты государств и корпораций**

обостряются. Апофеозом территориальных притязаний стало триумфальное водружение титанового флага РФ на арктическом дне, на Хребте Ломоносова, дабы застолбить российскую часть континентального шельфа (Forbes (Москва). 03.11.2013).

При описании региональных конфликтов интересен прогноз экспертов относительно их результата и вообще вероятности этой войны. Сомнения на этот счет — характерная черта публикаций 2013 г.:

– **Проведено разграничение морских пространств с Норвегией и США, нет спорных месторождений нефти и газа, на которые наряду с Россией претендовали бы другие страны. Перспективы освоения новых месторождений и создания транспортной магистрали по Северному морскому пути практически равны нулю. Иными словами, войны за ресурсы и контроль над транспортными коммуникациями в Арктике, призрак которых преследует российских генералов и политиков, бессмысленны, поскольку просто нет предмета для противостояния** (ИноСМИ. 15.12.2013);

– **Вот аргументация Сергея Медведева (профессор ВШЭ. — Е. М.), высказанная им в тот же конфликтный вечер: „Проблема в том, что главной проигравшей в этой войне (за ресурсы Арктики. — Корреспондент) окажется сама Россия, независимо от того, сколько арктических вод и дна ей удастся присвоить. Угроза будущему России — не в территориальных претензиях конкурентов, а в экологическом бедствии, которое происходит сейчас в Арктике** (Арктик-Инфо. 14.11.2013).

1.4.1. Слот 'Поражение/проигрыш'

Поскольку итоги войны неизбежно предполагают наличие победителей и проигравших, соответствующие слоты реализуются в текстах СМИ посредством предикатов с подходящей семантикой.

Так, в текстах периода 2013—2014 гг. проигравшей стороной называют именно Россию, поскольку ее поведение в регионе оставляет желать лучшего. Опыт безответственного отношения к разработке полезных ископаемых в стране свидетельствует об опасности проведения аналогичной работы в хрупком с экологической точки зрения регионе. В данном контексте действия России традиционно осуждаются, а тексты имеют явно пейоративный характер:

– **По мнению Сергея Медведева, Россия проиграет войну за Арктику из-за последствий экологического бедствия, которое там уже „происходит“ и может пре-**

вернуться в „катастрофу“. Он отмечает, что **нефтедобыча — „самая грязная отрасль в России“**, а в случае аварии последствия будут хуже, чем в Мексиканском заливе: *технологически в водах Арктики можно будет собрать не более 10 % разлившейся нефти* (Ведомости. 04.10.2013).

Однако с точки зрения военного потенциала и развития региона в других сферах приоритет России неоспорим. Признание России победителем учитывает и количество потраченных на регион сил, и военный потенциал в регионе, и российскую территориальную часть:

– заголовок: **США проиграли России войну за Арктику, даже не начав ее. Речь о войне за Арктику не идет, но США уже проигрывают ее России, пишет американское издание We Are The Mighty, специализирующееся на военной тематике** (РИА «Новости». 17.07.2015).

1.4.2. Слот ‘Победа/выигрыш’

Развитие Арктики предполагает огромное количество потраченных на это сил и разносторонние действия в регионе. Чем активнее арктическая держава работает над собственным представительством в регионе, тем более эффективно оценивается эта работа в медиа. Так, например, в отечественном медиадискурсе старания России в Арктике представлены как безусловно масштабные и даже беспрецедентные, они оцениваются как перспективные и успешные. Возможно, именно поэтому русскоязычные медиа зачастую прогнозируют «арктическую победу» именно России:

– *России надо быстрее восстанавливать в этом регионе полярные станции, начинать геологические работы, развивать прилегающие к арктической зоне российские регионы, считают эксперты. „Битву за Арктику выиграет тот, кто обеспечит наилучшие условия для деятельности там человека“, — добавляют они* (Российская газета. 20.11.2014);

– *Нам нужно защищать не только Арктику, но и — на случай военного давления в арктической зоне — продумать, как угрожать в ответ территории США. Другими словами, нам сначала нужно выиграть битву за Арктику в головах тех, кто ее планирует* (Эксперт. 11.12.2013).

Интересно, что журналисты подчеркивают реальность настоящего, а не метафорического «сражения» за Арктику с главным оппонентом России — США, переходя в одном контексте от употребления лексем, входящих в семантическое поле «Война», в прямом значении к метафорическим словоупотреблениям (*защищать, военное дав-*

ление, угрожать — выиграть битву).

ВЫВОДЫ

Итак, можно сделать некоторые предварительные выводы относительно содержательной специфики медиаконцепта ‘Арктика’, репрезентированной посредством военной метафоры.

Военная метафора описывает конфликт России с другими странами относительно права владения всеми богатствами Арктического региона прежде всего в терминах *холодной войны / новой холодной войны*, а также *борьбы, битвы* и даже *драки*. При этом в СМИ имплицитно подчеркивается необходимость ведения такого рода «боевых действий», поскольку в содержательной структуре медиаконцепта ‘Арктика’ частотно актуализируются концептуальные признаки ‘богатый регион’, ‘необходимый для развития экономики России регион’, ‘регион, определяющий мировое господство’ и под.: *Кто владеет Арктикой — тот владеет миром*. Отметим, что конструирование медиаконцепта ‘Арктика’ сквозь призму такого рода репрезентаций, несомненно, накладывает отпечаток на восприятие региона не только как проблемного, полного разногласий, но и как региона, который нуждается в защите, как региона с огромным ресурсным потенциалом.

Вообще созданный современными СМИ медиаконцепт обладает внутренне противоречивым содержанием. С одной стороны, в медиатекстах по-прежнему эксплицируются представления о том, что завоевание Арктики — это война прежде всего с суровыми климатическими условиями, это необходимый и благородный путь преодоления человеком препятствий, которые ставит на его пути природа, ради процветания России. С другой стороны, Арктика — это место, в битве за которое Россия обязательно потерпит поражение из-за преступного отношения к богатствам региона, из-за того, что наше вмешательство приносит в Арктику экологические проблемы. Наконец, Арктика позиционируется в СМИ как регион, который неизбежно приведет развитые державы к реальной войне за ее недра, за право владеть ее ресурсами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Словарь русских политических метафор. — М.: Помовский и партнеры, 1994. 330 с.
2. Бачурин В. Д. Манипулятивные технологии, применяемые СМИ в современном военно-политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2014. № 4 (50). С. 99—104.
3. Будаев Э. В., Тихонов В. В. Зооморфные метафоры как инструмент концептуализации сирийского конфликта в СМИ России и США // Политическая лингвистика. 2016. № 2 (56). С. 43—49.
4. Васильев А. Д. Фразеологизм холодная война в современной политической риторике // Политическая лингвистика.

2016. № 4 (58). С. 22—26.

5. Васильев А. Д., Подсохин Ф. Е. Информационная война: лингвистический аспект // Политическая лингвистика. 2016. № 2 (56). С. 10—16.

6. Иванова С. В. Лингвистическая ресурсная база информационной войны: создание эффекта демонизации // Политическая лингвистика. 2016. № 5 (59). С. 28—37.

7. Кланшчакова А. Ю. Метафора в структуре экономического дискурса: опыт комплексного исследования: на материале английского языка : дис. ... канд. филол. наук. — Иркутск, 2003. 181 с.

8. Кондратьева О. Н. Метафорика религиозного дискурса // Вестн. Челяб. гос. ун-та. — 2015. — № 10. — С. 101—106.

9. Красовская О. В. Информационная война как коммуникативный феномен // Политическая лингвистика. 2016. № 4 (58). С. 53—59.

10. Малышева Е. Г. Русский спортивный дискурс: теория и методология лингвокогнитивного исследования : дис. ... д-ра филол. наук. — Омск, 2011. 405 с.

11. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. — М. : Русский язык, 1989. 924 с.

12. Погорелко А. М., Герасина Т. Н. Смысловые маркеры дискурса холодной войны // Политическая лингвистика. 2016. № 2 (56). С. 93—101.

13. Сипко Й. Лингвокультурология антироссийских санкций в словацких СМИ, или Украинский кризис продолжается // Политическая лингвистика. 2014. № 4 (50). С. 93—98.

14. Тагильцева Ю. Р. «Брат ты мне или не брат?», или Информационно-психологическая война в контексте российско-белорусских отношений // Политическая лингвистика. 2014. № 4 (50). С. 180—186.

15. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры. — Екатеринбург : УрГПУ, 2001. 238 с.

E. G. Malysheva, A. Yu. Zhigunov
Omsk, Russia

NEW “COLD WAR”: MILITARY METAPHOR AS THE BASIC CONCEPTUAL MODEL OF MEDIA-CONCEPT “ARCTIC” REPRESENTATION

ABSTRACT. *The paper studies the peculiarities of representation of the media-concept “Arctic” in the texts of printed and electronic media. It is argued that the basic means of interpretation of the concept “Arctic” is a conflict metaphor, military metaphor in particular. Frame and slots structure of the metaphoric model “Conflicts in Arctic is war” is analyzed; the conclusions are made about the peculiarities of reconstruction of the fragment of the media worldview, connected with the cognitive phenomenon of “Arctic”. In terms of “Cold war/new Cold war”, “combat”, “battle” and even “fight”, military metaphor describes the conflict of the right of possession of all the riches of the Arctic region between Russia and the other countries. Mass media underline implicitly the necessity of such “fights”, because the media-concept “Arctic” has the following conceptual features as “rich region”, “important for the development of economy of Russia” and “the region that determines world domination”. On the one hand, media texts still express the opinion that conquering Arctic is a war with the severe climate first of all, it is a necessary and honorable way to overcome the hardships by a man for the sake of Russia. On the other hand, Arctic is a region, fighting for which, Russia will be defeated because of the negligence of its riches and harm to ecology.*

KEYWORDS: *military metaphor; metaphoric model; media concepts; frames; media texts; political metaphorology; political discourse; Cold War.*

ABOUT THE AUTHOR: *Malysheva Elena Grigorievna, Doctor of Philology, Associate Professor, Head of Department of Journalism and Medialinguistics, Faculty of Journalism and Medialinguistics, Omsk State University, Omsk, Russia.*

ABOUT THE AUTHOR: *Zhigunov Anton Yurevich, Master’s Degree Student, Department of Journalism and Medialinguistics, Omsk State University, Press-secretary.*

REFERENCES

1. Baranov A. N., Karaulov Yu. N. Slovar’ russkikh politicheskikh metafor. — М. : Pomovskiy i partnery, 1994. 330 s.

2. Bachurin V. D. Manipulyativnye tekhnologii, primenyaemye SMI v sovremennom voenno-politicheskom diskurse // Politicheskaya lingvistika. 2014. № 4 (50). S. 99—104.

3. Budaev E. V., Tikhonov V. V. Zoomorfnye metafory kak instrument kontseptualizatsii siriyskogo konflikta v SMI Rossii i SShA // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 2 (56). S. 43—49.

4. Vasil’ev A. D. Frazeologizm kholodnaya voyna v sovremennoy politicheskoy ritorike // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 4 (58). S. 22—26.

5. Vasil’ev A. D., Podsokhin F. E. Informatsionnaya voyna: lingvisticheskiy aspekt // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 2 (56). S. 10—16.

6. Ivanova S. V. Lingvisticheskaya resursnaya baza informatsionnoy voyny: sozdanie efekta demonizatsii // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 5 (59). S. 28—37.

7. Klanshchakova A. Yu. Metafora v strukture ekonomicheskogo diskursa: opyt kompleksnogo issledovaniya: na materiale angliyskogo yazyka : dis. ... kand. filol. nauk. — Irkutsk, 2003. 181 s.

8. Kondrat’eva O. N. Metaforika religioznogo diskursa // Vestn. Chelyab. gos. un-ta. — 2015. — № 10. — S. 101—106.

9. Krasovskaya O. V. Informatsionnaya voyna kak kommunikativnyy fenomen // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 4 (58). S. 53—59.

10. Malysheva E. G. Russkiy sportivnyy diskurs: teoriya i metodologiya lingvokognitivnogo issledovaniya : dis. ... d-ra filol. nauk. — Омск, 2011. 405 с.

11. Ozhegov S. I. Tolkovyy slovar’ russkogo yazyka. — М. : Russkiy yazyk, 1989. 924 с.

12. Pogorelko A. M., Gerasina T. N. Smyslovye markery diskursa kholodnoy voyny // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 2 (56). S. 93—101.

13. Sipko Y. Lingvokulturologiya antirossiyskikh sanktsiy v slovatskikh SMI, ili Ukrainskiy krizis prodolzhaetsya // Politicheskaya lingvistika. 2014. № 4 (50). S. 93—98.

14. Tagil’tseva Yu. R. «Брат ты мне или не брат?», ili Informatsionno-psikhologicheskaya voyna v kontekste rossiysko-belorusskikh otnosheniy // Politicheskaya lingvistika. 2014. № 4 (50). S. 180—186.

15. Chudinov A. P. Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory. — Ekaterinburg : UrGPU, 2001. 238 с.

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. М. Б. Ворошилова.

О. А. Солопова

Челябинск, Екатеринбург, Россия

**МЕТАФОРЫ, КОТОРЫМИ ДОЛЖНА БЫЛА ЖИТЬ РОССИЯ...
(РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ НА МАТЕРИАЛЕ ПРОГНОСТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ О РОССИИ XIX ВЕКА)**

АННОТАЦИЯ. В настоящей статье представлен фрагмент исследования ретроспективных моделей будущего России, выполненного в рамках лингвополитической прогностики на материале американского политического дискурса XIX века. Ретроспективная модель будущего представляет собой систему концептуальных допущений о положении дел в будущем России с точки зрения прошлого (1855—1881). Модель будущего не только позволяет представить альтернативы развития настоящей ситуации в развернутой форме, но и проникнуть в прошлое и изучить его, поскольку понимание политического дискурса предполагает знание фона, ожиданий автора и аудитории, скрытых мотивов, сюжетных схем и излюбленных логических переходов, бытующих в конкретную эпоху. Автор рассматривает специфику представления будущего, активность метафорических единиц (соотношение метафорической и неметафорической вербализации будущего России), соотношение употребления стертых и авторских образов, количество зафиксированных метафорических моделей, особенности реализации доминантных метафорических моделей «путь», «неживая природа», «болезнь», «животный мир», востребованных при моделировании будущего России в политических дискурсах Российской империи, США и Британской империи ретроспективного среза. Особое внимание уделяется прогностическому потенциалу политической метафоры.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: будущее России; политический дискурс; образ России; политические метафоры; ретроспективный анализ; лингвополитическая прогностика; политическая метафорология; прогностические тексты.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Солопова Ольга Александровна, доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры «Лингвистика и перевод» института лингвистики и международных коммуникаций Южно-Уральского государственного университета (Национального исследовательского университета); 454091, Россия, г. Челябинск, пр-т Ленина, 76, ауд. 223; кафедра риторики, межкультурной коммуникации и русского языка как иностранного Уральского государственного педагогического университета, 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 285; e-mail: solopovaolga@yandex.ru.

Исследование политической метафорологии — одно из интенсивно развивающихся направлений современного языкознания. За последнее десятилетие в рамках Уральской научной школы подготовлено множество исследований, посвященных разностороннему описанию политической метафоры [Будаев 2010, 2012; Будаев, Чудинов 2011; Быкова 2013, 2014а, 2014б; Вершинина, Илюшкина 2015; Ворошилова 2012; Солопова 2014, 2015, 2016; Чудинов 2006, 2008, 2013; Шустрова 2013, 2014, 2015 и др.].

На современном этапе развития лингвистической научной мысли наметилась тенденция перехода от «нежелания когнитологов рассматривать языковые явления в их широкой исторической перспективе» к осознанию «явных преимуществ синхронно-диахронического изучения фактов языка как позволяющего придать всему анализу очевидный объяснительный характер» [Кубрякова 2009: 6].

Одним из этапов диахронического исследования является синхронный анализ, разновидностью которого является ретроспективное исследование, направленное на анализ метафоры, характерной для определенного исторического периода. Когнитологи стремятся проанализировать специфику проявления тенденций к исторической стабильности национальных систем политических метафор и их вариативности в различных синхронных срезах — досоветском [Кондратьева 2014; Солопова 2014, 2015, 2016 и др.], советском [Баранов 1991, 1994, 2003; Будаев 2010, 2011; Быкова 2013, 2014а,

2014б; Чудинов 2001], постсоветском [Баранов, Караулов 1994; Будаев 2007; Чудинов 2001], современном [Будаев, Чудинов 2008; Солопова 2015; Чудинов 2013 и др.].

К числу наиболее характерных черт дискурсивных метафор относятся их изменение, развитие полярных коннотативных смыслов в рамках одной метафоры [Henze 2004: 315] в конкретный момент времени, а также в течение длительного периода времени. Детальная интерпретация дискурсивной метафоры, локализуемой в рамках определенного временного среза, считается верхней временной границей, отправной точкой анализа ее дальнейшей эволюции [Musolff 2004, 2008], которая вскрывает причины ее изменения, влияние разнообразных дискурсивных факторов как на устойчивость отдельной метафоры и системы в целом, так и на ее модификации в течение времени.

А. Кларк отмечает [Clark 1996], что, рассматривая метафору изолированно, в рамках когнитивного подхода, социокультурного или любого другого, исследователь получает достоверные, но разрозненные данные: такой анализ является частичным, неполным и неточным, поскольку именно взаимодействие когнитивных особенностей и дискурсивных факторов, обусловленных историческим моментом развития общества, его культурой, дает полную метафорическую картину. Г. Уайт подчеркивает, что историческое постижение и осмысление возможны только благодаря использованию тропов [White 1973: 94]. По метафоре можно уви-

деть, какие интересы преобладают в народе в ту или иную эпоху, какие идеалы заложены в основу культуры на том или ином этапе ее развития [Пауль 1960: 115]. А. П. Чудинов считает метафору зеркалом, в котором отражается общественное бытие конкретного общества на определенном этапе его развития [Чудинов 2008]. М. М. Маковский указывает, что «метафора является своеобразной „картиной мира“, неодинаковой у носителей различных культур или одной и той же культуры в отдельные исторические периоды» [Маковский 1996: 16].

В статье представлен фрагмент исследования политической метафористики, доминантной для моделирования будущего России в политических дискурсах России, США и Великобритании [Солопова 2016]. Работа выполнена в рамках лингвополитической прогностики, материалом для анализа послужили прогностические политические тексты. Последовательно проведенный синхронный и диахронный анализ систем метафорических моделей, функционирующих в политических дискурсах трех стран, позволил зафиксировать ряд закономерностей в метафорической репрезентации будущего России. К диахроническим межмодельным сходствам национальных систем политических метафор относится доминантность моделей пути, болезни, неживой природы, типичных для политических дискурсов России, США и Великобритании двух анализируемых периодов (1855—1881; 2000—2014). Константность моделей в трех дискурсах свидетельствует о том, что названные сферы-источники являются универсальными для носителей разных языков и культур при моделировании будущего.

Исследовательской задачей в рамках настоящей статьи является ретроспективный анализ особенностей реализации названных доминантных метафорических моделей, востребованных при моделировании будущего России в политических дискурсах трех стран. В качестве параметров, выбранных для сопоставления, выступают соотношение метафорической и неметафорической вербализации будущего России; соотношение употребления стертых и авторских образов; количество зафиксированных метафорических моделей; доминантные для каждого дискурса модели; их наиболее частотные фреймы; смыслы, которые экстраполировались при применении каждого из образов.

Следует отметить, что в проанализированном корпусе текстов в дискурсе трех стран (3000 контекстов в каждом из дискурсов) неметафорическое представление будущего доминирует над образной репрезентацией (см. диаграмму на рис. 1). Процентный показатель метафорических контекстов (Российская империя — 35,2 %, США — 40,1 %, Британская империя — 44,8 %), отобранных для анализа в российском, американском и британском политическом дискурсе, включает все метафорические наименования, как индивидуально-авторские (Российская империя — 16,2 %, США — 24,5 %, Британская империя — 20,1 %), так и стертые метафоры (Российская империя — 19 %, США — 15,6 %, Британская империя — 24,7 %) от общего числа проанализированных метафорических и неметафорических единиц.

Несмотря на тот факт, что история XIX в. насыщена военными кампаниями, в которых Российская империя принимала непосредственное участие, а также острым соперничеством в европейских делах, параметр креативности метафор, т. е. удельный вес индивидуально-авторских употреблений, сравнительно невысок. Данные факты свидетельствуют о периоде «метафорического затишья» (термин А. П. Чудинова), типичного для периодов политической стабильности. В настоящем и в будущем Российской империи метафоры, их частотность и эмотивная нагруженность не прогнозируют кризисов и великих перемен.

Показательно, что наименьший процент метафорических контекстов в целом и ярких, авторских образов в частности, задействованных в создании модели будущего, зафиксирован в отечественном дискурсе, что может говорить о большей уверенности самой России в завтрашнем дне по сравнению с зарубежными странами, о вере в собственный потенциал.

Наиболее метафоричен британский политический дискурс ретроспективного среза, что обусловлено прежде всего историческими причинами: международной политической обстановкой, противостоянием России и Великобритании в Средней Азии, на Востоке, в Тихом океане, военными столкновениями, в которых страны выступали либо как соперницы, либо как союзницы враждующих государств.

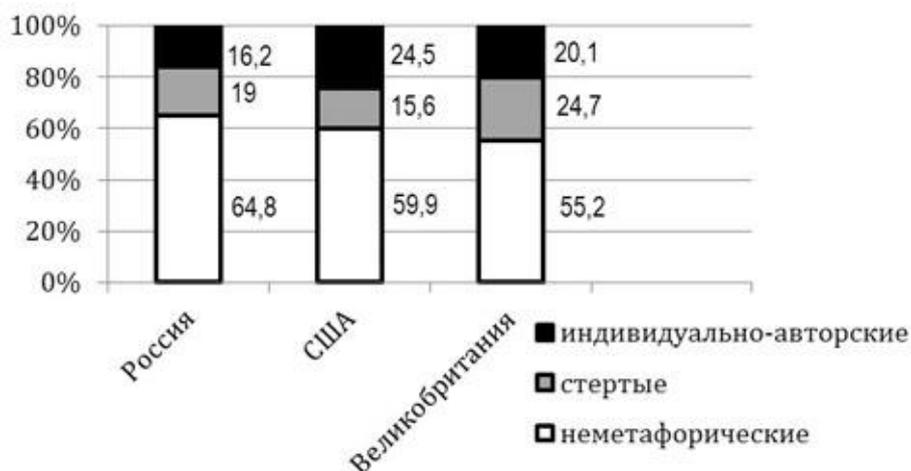

Рис. 1

Сравнительная диаграмма репрезентации образа будущего в политических дискурсах России, США и Великобритании (ретроспективный срез)

Таблица 1

Представленность фреймов метафорической модели «Будущее России — это движение по пути» (ретроспективный срез)

Дискурс	Фрейм			
	Путь, дорога	Способы передвижения	Скорость передвижения	Препятствия
Российская империя (316)	151	13	104	48
Британская империя (223)	89	10	44	80
США (112)	63	—	31	18

Интересно также отметить, что наибольшая доля индивидуально-авторских метафорических контекстов, репрезентирующих будущее Российской империи, характерна не для британского дискурса, а для корпуса текстов США, несмотря на то что общие показатели активности метафорических единиц в американском дискурсе несколько ниже. Однако британцы более склонны использовать «стертые метафоры», американцы — яркие, что свидетельствует о лингвокультурной специфике метафорических моделей политического дискурса двух наций, говорящих на одном языке.

Применительно к метафорам, составляющим образ будущего России в СМИ трех стран анализируемого ретроспективного среза, можно выделить систему метафор (повышенное скопление метафорических единиц, принадлежащих определенным понятийным областям, дающим образы, и нацеленных на одну и ту же область, принимающую образы), представляющих будущее России; комплекс устойчивых и воспроизводимых в политических дискурсах трех стран метафорических моделей.

В анализируемом корпусе британских текстов зафиксировано 1345 контекстов, ак-

тивизирующих 17 моделей, в американских текстах — 1203 метафорических контекста, реализующих 16 метафорических моделей, в российском дискурсе — 1057 единиц и 14 метафорических моделей.

Показательно, что тематика пространства, выбора направления и пути является одним из самых популярных источников образов при моделировании будущего, занимая первое по частотности место в дискурсе России и Великобритании рассматриваемого хронологического среза; четвертое — в американских текстах, что в первую очередь отражает линейное восприятие времени человеком: движение из прошлого через настоящее в будущее (таблица 1).

Особенно активны метафоры пути в отечественном политическом дискурсе. Русскому человеку привычно начинать все сначала, разрушая прежний порядок до основания. Новое направление пути выбирается по мере обнаружения того, что прежнее направление ведет в тупик, а новое, как правило, всегда считается лучше былого: *Крымская война имгла целью повредить России, но только ей и принесла пользу. Веревки, которыми мы были связаны по рукам и ногам — ослабли, перетерлись во*

время войны, испуганный тюремщикъ самъ померъ... И Россія съ тѣхъ поръ идетъ мощно впередъ по широкой дорогѣ, не смотря на всѣ черепки и битыя бутылки, в родѣ Панина, Орлова, Муравьева, оставленныя у ней подъ ногами упрямотою и небрежностью шоссеинаго смотрителя, не смотря на дворянскія комитетскія лужи и бакалдины, ни на ложныя маяки доктринеровъ (Колоколь, май 1859). В российском политическом дискурсе ретроспективного среза наибольший прогностический потенциал эксплицируют метафорические наименования фреймов «Путь, дорога», «Скорость передвижения». Метафоры пути, дороги получают особое значение благодаря тому, что в контексте моделирования будущего они закладывают фундамент понимания направления и связанной с ним целесообразности общественного движения в будущее (*дальнѣйшее движеніе наше впередъ, идти впередъ по пути своего развитія, стоять на непротоптанномъ пути, разставаться съ трудными путями, идти рука въ руку одной дорогой, запнуться на первомъ шагѣ, пролагать болѣе прочный путь, идти путемъ к величію и единству, положить сзади непроходимый рубежъ, не оставить возможности для обратнаго хода, дѣлать послѣдній шагъ по этому пути, передъ нами величайшая дорога и др.*). Метафоры пути моделируют не просто перемещение России во времени и пространстве. Будучи символом изменений, они задают вектор происходящим изменениям: Российская империя движется вперед, в будущее. Метафорические наименования фрейма «Скорость передвижения» акцентируют стремительность движения в будущее, высокие темпы развития государства (*нестись съ быстротою необычайною, нестись стремглавъ, нестись вскачь, двинуться быстрыми шагами, проворно идти с Россіей, мчаться, развитив круто скрученные вожжи и др.*).

В британском политическом дискурсе в процессе когнитивного построения политической реальности будущего Российской империи наиболее активно используется прогностический потенциал фреймов «Путь, дорога», «Препятствия»: **Onward and onward, ever on — to the Far East, until the conqueror signs a Treaty of Peace with the vanquished British — that is due of the fixed objects of the Slavonian mind. Every step in advance may be painful and perilous, but the great prize is not grasped at once; it is approached by a systematic course of stealthy advances** (The Era, 11.01.1857 (GB)). *We know that many countries will support us in re-*

stricting Russia's further and future enroachments in Europe, because their interests are deeply concerned (Derby Mercury, 17.07.1878 (GB)). В политическом дискурсе Великобритании единицы указанных фреймов преимущественно связаны с экспансионистскими устремлениями Российской империи: Российская империя ориентирована на расширение своего территориального пространства в будущем. Отсюда желание притормозить подобное развитие событий в будущем, использование наименований с негативным прагматическим потенциалом, вызывающим в сознании адресата представления о наличии на пути развития страны множества препятствий, затрудняющих ее продвижение вперед (*Russia's historical path being still surrounded and obstructed by many obstacles and many trials, the difficulties cannot be suddenly overleaped, serious difficulties in her path, her main obstacles, one key obstacle, her chief restriction, a significant hindrance, an obstruction, her mid impediment, a barrier, etc.*).

Как и в случае британского дискурса, метафоры «пути» в политическом дискурсе США активны в репрезентации территориального расширения России: **Russia, like the United States, is an improving and expanding Empire. Its track is eastward, while that of the United States is westward. The two nations, therefore, never come into rivalry or conflict. Each carries civilization to the new regions it enters, and each finds itself occasionally resisted by States jealous of its prosperity, or alarmed by its aggrandizement. Russia and the United States may remain good friends until, each having made a circuit of half the globe in opposite directions, they shall meet and greet each other in the region where civilization first began, and where, after so many ages, it has become now lethargic and helpless. It will be your pleasing duty to confirm and strengthen these traditional relations of amity and friendship** (The New York Times, 11.12.1861 (US)). В рамках рассматриваемой модели при концептуализации будущего Российской империи преобладают метафорические наименования фрейма «Путь, дорога» (*to take decisive steps, to make advances, a single step, to work by steps, the last step before the spring, a step forward, a stride forward, her quick and long strides, Russia's path, race, glorious route, wide road, etc.*). Характерной особенностью американского дискурса в осмыслении будущего Российской империи является неизменный позитивный заряд метафор, активизирующих смыслы деятельности, динамики, последовательности, непрерывности внешнего и внутреннего раз-

вития Российской империи, что часто под- держивается выбором видо-временных форм глагола (*Present Continuous, Present Simple* в значениях действия в развитии, настоящего- вневременного соответственно).

Еще одной общей для трех дискурсов доминантной моделью в представлении образа будущего Российской империи является морбиальная метафорика (третья по частотности модель в российском дискурсе, вторая — в американском, четвертая — в британском) (таблица 2).

Частотность метафорических единиц со сферой-источником «болезнь» при моделировании будущего оправданна. Как и в случае с метафорикой пути, где в настоящем страна либо следовала по ложной дороге, либо преодолевала невероятные препятствия, стремясь в будущее, в рамках метафоры болезни при моделировании образа будущего используется как позитивный, так и негативный потенциал морбиальных метафор, резерв отрицательной экспрессивности проявляется при характеристике настоящего положения дел. В зависимости от принадлежности текста дискурсу той или иной страны морбиальная метафора участвует в создании диаметрально противоположных образов будущего.

В трех дискурсах самым востребованным при создании картин будущего является фрейм «Состояние пациента». Показательно, что в американском и российском дискурсах фрейм большей частью представляют метафоры слота «Выздоровление»: **The Russian race is slowly recovering from an oppression** (The New York Times, 13.03.1878 (US)). *Въ органическомъ тѣлѣ, вслѣдствіе извращенія естественныхъ отправленій его, могутъ развиваться уродливыя и болѣзненныя явленія; но если въ этомъ тѣлѣ сила жизни велика, она побѣдитъ болѣзненное разстройство* (Вѣстникъ

Юго-Западной и Западной Россіи, январь — декабрь 1863). Болезненному состоянию общества в настоящем противопоставляется возможное выздоровление, акцентируется внимание на вероятных позитивных преобразованиях в стране, создается модель будущего мира, по своим качественным характеристикам отличного от реального.

При создании образов будущего в британском дискурсе ретроспективного среза метафорические выражения, представляющие слот «Выздоровление», находятся на периферии фрейма. На первый план выдвигается слот «Тяжелое состояние больного», что можно объяснить стремлением геополитического соперника к сгущению красок при описании настоящей ситуации в России и ее потенциального будущего: **We cannot here dwell upon the manifold symptoms of Russia's unhealthiness; but we may repeat that Alexander II owes these interior difficulties, as well as the exterior embarrassment. The organism which has thus been thoroughly far from sound, and all the greater is now the difficulty of placing it in a condition of healthful development. But, however arduous the task, Alexander II may hope to accomplish it** (Pall Mall Gazette, 06.04.1877 (GB)). Содержательные аспекты концепта болезни используются в зависимости от идеологической позиции автора текста и от того, ставит ли он перед собой цель подчеркнуть в образе будущего Российской империи положительные моменты или, наоборот, отрицательные: **The malady of Russia is incurable. It is a political system that places a semi-barbarous population at the feet of one man** (The Times, 30.11.1855 (GB)). *Like a patient who has long been suffering from a painful malady, now that the illness has been removed the country breathes more freely* (The Standard, 27.03.1871 (GB)).

Таблица 2

Представленность фреймов метафорической модели «Будущее России — это болезнь» (ретроспективный срез)

Дискурс	Фрейм				
	Диагноз	Причины и возбудители болезни	Симптомы	Способы лечения	Состояние пациента
США (126)	34	–	7	–	85
Российская империя (110)	29	16	28	7	30
Британская империя (149)	58	16	12	–	63

Представленность фреймов метафорической модели
«Будущее России — это мир неживой природы» (ретроспективный срез)

Дискурс	Фрейм				
	Земля	Вода	Стихийные бедствия	Атмосфера	Небесные тела
США (115)	17	15	9	67	7
Российская империя (69)	16	31	8	14	–

Не меньшим прогностическим потенциалом обладает метафорика, представляющая тенденции настоящего и их вероятное развитие в будущем посредством метафорических единиц исходной понятийной сферы «Диагноз»: *Вся ложь, всь аномалию, всь болъзни в современномъ строе и организаціи обществъ протекають изъ этой аномальной организаціи народнаго труда. В ргъшеніи этихъ вопросовъ заключается ключъ всей будущности русскаго народа* (Вестник Европы, кн. 1, янв. 1870). *We are, all of us, convinced that Russia will eventually recover from the present afflictions and “come back”. There is still a future for Russia* (Indianapolis Indiana State Sentinel, 18.04.1877 (US)). *Russia has taken the malady from her weaker neighbour. And the present Czar may be classed in the category of the “sick man”. There is sickness nigh to destruction through the whole extent of that incongruous empire* (York Herald, 06.06.1863 (GB)). Метафоры рассматриваемого фрейма указывают на нарушение функций политических, экономических, социальных отношений внутри общества, эксплицируя негативные ассоциативные признаки, связанные с неполноценностью проводимой политики в стране, ее отклонениями от нормы, невозможностью полноценного функционирования в будущем. Наиболее полные перечни настоящих и будущих «заболеваний» Российской империи представлены в российском и британском дискурсах: *малокровіе, патологическое явленіе, произвольное изверженіе организма, душевная болъзнь, разладчица нервовъ, нравственная болъзнь, болъзнь воли, болъзнь, требующая леченія, болъзненное разстройство* и др.; *a perilous illness, abominable cancer, Russia being paralysed by a wicked enchanter, a painful malady, an untreatable illness, a generational disease, her own deadly domestic malady*, etc. Оба фрейма («Состояние пациента», «Диагноз») позволяют диагностировать и обозначить тенденции настоящего и спрогнозировать их будущие разнополярные альтернативы.

В российском и в американском дискурсах анализируемого исторического периода

востребованной является метафорическая модель, где будущее страны связывается с миром неживой природы, занимающая пятое и третье по частотности место соответственно (таблица 3).

В политическом дискурсе США ретроспективного среза наиболее востребованы в моделировании будущего Российской империи метафорические единицы, представляющие слот «Атмосфера»: *Russian clouds and mists, brewing, black clouds, a political barometer, a war cloud arisen, the horizon, dark and fiery folds, the long-threatening and slowly-advancing thundercloud, a stormy cloud, a storm-cloud, heavy cloud, a vortex, frigid climate, icy climate*, etc. Прогноз погоды, как обоснованное предположение о будущем состоянии погоды на определенной территории в заданный промежуток времени, метафорически переносится на моделирование возможных внешнеполитических маневров Российской империи. Метафоры данного фрейма проявляют особую активность в концептуализации домена «внешняя политика». Прогнозы предстоящих изменений во внешнеполитической обстановке создаются за счет частотного употребления метафор «туман», «облака», «грозовая туча»: *The European war cloud has again arisen above the horizon, with unpleasant indications that its dark and fiery folds will in the near future envelop Russia and Turkey, and continue to extend until other powers are included in the strife. The general impression seems to be that there is now no means of escape. Russia is aggressive and Turkey is defiant, Austria, whose frontier is exposed, it is thought will be the first of the powers not directly a party to the contest to be drawn into the vortex* (Indianapolis Indiana State Sentinel, 18.04.1877 (US)). Метафоры модели репрезентируют сложившуюся ситуацию как проблемную, изменчивую, плохо прогнозируемую, с вероятными «бурными», опасными последствиями для всех стран — участниц событий, инициатором которых часто является Российская империя.

Интересно отметить, что в политическом дискурсе США для моделирования будущего двух стран (России и Америки) в одном кон-

тексте активно используются метафорические единицы фрейма «Небесные тела»: **As we look into the future, with the past and the present for our guides, we see two great objects looming up conspicuously above all others, Russia and the United States, each one having double the population that is now possessed by all Europe** (New York Advertiser, 15.03.1865 (US)). Единицы рассматриваемого фрейма репрезентируют будущее двух планет-гигантов — Российской империи и США, прогнозируя размах и масштабность будущих преобразований, удаленность двух держав от государств Старого Света.

Идеи масштабности, значительности происходящих и вероятных маневров Российской империи в американском политическом дискурсе передаются также метафорой «ледника»: **There is, indeed, something awe-inspiring in the calm, persistent, passionless advance of the great Northern power. It is like the progress of a glacier, but of a glacier endowed with a purpose** (Sacramento Daily Union, 15.05.1875 (US)). Бескрайние массы льда, спускающиеся с вершин, способные остановить течение крупных и мелких рек, безмолвные, бесстрастные, постоянные в своем движении, наводят на мысль о серьезной опасности, которую могут представлять тем, кто встретится на пути.

Метафорические единицы сферы-источника «неживая природа» в американском политическом дискурсе ретроспективного среза пронизаны векторами масштабности, непредсказуемости, опасности, что позволяет прогнозировать как позитивный исход развития событий в будущем, так и негативные последствия.

В отечественном дискурсе наибольший прогностический потенциал при моделировании будущего страны демонстрирует гидронимная метафорика, актуализирующая модель «Будущее России — это состояние и движение воды»: *славянскіе ручьи, русское моръ, удары внѣшнихъ бурь, взволнованныя стихіи, неистовство вѣшнихъ водъ,*

прорвать плотину, бурный мутный потокъ, морское дно, океанъ широкій и бездонный, прибрежный прибой, поверхность стоячей, гніющей воды, широкое русло совершенно-лѣтней жизни, сорваться в пучину и др. Единицы рассматриваемого фрейма востребованы в моделировании будущего, поскольку общим компонентом гидронимных метафор является позитивное развитие, безостановочное и стремительное движение вперед, изменение, активность, сила потока. С другой стороны, метафоры данной источниковой сферы, как правило, насыщены смыслами стихийного разрушения, невозможности противостоять силам природы: **Да Россія — это океанъ широкій и бездонный. Когда онъ расходится, и прибрежный его прибой — грозень, а въ срединѣ его находили и найдутъ неизбѣжную могилу отважные аргонавты** (Вѣстникъ Юго-Западной и Западной Россіи, март 1863). Гидронимные метафоры символизируют масштабность, бескрайность русского океана, моделируя опасный характер поведения водной стихии, непредсказуемость будущей ситуации. Метафоры указанной понятийной сферы в отечественном дискурсе нацелены не только на моделирование будущего самой России, но и на предостережение тех, кто посягает или собирается посягнуть на ее ширь и мощь: **Гдѣ начнетъ разгромъ — въ потухнушемъ ли французскомъ кратерѣ или на морскомъ днѣ англійской жизни, куда вѣтеръ не доходитъ, гдѣ бури неслышны, куда самый свѣтъ едва проникаетъ?** (Колоколь, №4, 1861). Прогностический потенциал гидронимных метафор обусловлен, с одной стороны, позитивным прагматическим потенциалом рассматриваемых единиц, репрезентирующих будущее как постоянное движение вперед, с другой стороны, возможностью смоделировать непредсказуемый и опасный вариант изменения ситуации в будущем, что позволяет представить разновекторное развитие событий: в «светлую» и «мрачную» стороны.

Таблица 4

Представленность фреймов метафорической модели
«Будущее России — это животный мир» (ретроспективный срез)

Дискурс	Фрейм				
	Состав	Части тела	Действия	Обращение	Места обитания
США (174)	56	45	49	11	13
Британская империя (156)	49	43	47	7	10

Для англоязычных политических дискурсов ретроспективного среза типично использование зоосимволов при моделировании настоящих и будущих отношений Российской империи с другими странами — участницами международной политической жизни: *In twice two hundred years the Bear and the Crescent shall assail, but if the Cock and Bull unite, the Bear shall not prevail. So far, so good. The Bear (Russia) did assail the Crescent (Turkey), but France and England (presented by the Cock and Bull respectively) united with Turkey, and the Bear was foiled* (Ticonderoga Sentinel, 15.06.1877 (US)). *Probably, if we could get to the bottom of Afghan thought, it would be that the Russian bear and the British lion were equally determined to have Afghanistan, and that the only difference is that while the Russian comes with subtle swiftness directly to his victim, the British lion waits until he sees an opportunity to make a sudden spring* (Reynolds's Newspaper, 01.12.1878 (GB)). Животные служат наглядной парадигмой, отношения между элементами которой могут использоваться как определенная модель человеческого общества [Топоров 1994: 440]. Проводимая Российской империей активная политика в рассматриваемый период вовлекает в орбиту ее внешнеполитической деятельности различные страны, каждая из которых представляет собственную, отличную от других модель общества, что актуализирует использование разнообразных метафорических наименований фрейма «Состав животных»: *the Russian Bear, the British Lion, the British Bull, the American Eagle, the French Cock, an ursine type, a tiger, a cat, a wolf, a sheep, a sheep-dog, a gobbler, an insect, a slug, an African locust, etc.*

В большей части метафорических контекстов со сферой экспансии «Состав животных» эксплуатируется «медвежья» метафора, с которой отождествляется Российская империя, что, в свою очередь, обуславливает активное функционирование наименований фрейма «Действия животных» (слот «Агрессивное поведение животных»): *to waddle up, to roar, to howl, to lash one's tail, to gnash one's teeth, to grit one's teeth, to bare one's teeth, to track one's way, to mark for a prey, to prepare for a spring, to grasp, to scratch to bleeding, etc.*

Метафорические смыслы, рождаемые метафорой в англоязычном дискурсе рассматриваемого периода, отражают варварство, неуклюжесть, жадность, жестокость, беспощадность, агрессию России: *As is well known, the bear has a fondness for honey, and will track his way a great distance to where the wild bees have filled some hollow tree. Their sting cannot hurt him, and they*

and their stores are entirely at his mercy (Fort Collins Courier, 27.07.1878 (US)). *This Russian circular to every foreign representative of Russia at foreign courts is faithfully characteristic of Russian impudence; and impudence to Russia is to Russia what the bear's skin is to the bear. To this may be added other faculties and properties of her ursine type. She can climb, and swim, and hug, and slaver* (Lloyd's Weekly Newspaper, 05.10.1856 (GB)). Россия-медведь является воплощением силы, необузданной вспыльчивости, прожорливости и жадности, представляется государством, способным преодолеть различные препятствия, чтобы добыть излюбленное лакомство — новые территории и колонии.

Агрессивное поведение России-медведя, ее мощь, хитрость, вороватость моделируют непредсказуемость будущих ситуаций, вероятность нескольких альтернатив развития событий на международной политической арене, что позволяет оправдать собственные внешнеполитические действия и устремления.

Показательно, что помимо того, что в российском политическом дискурсе зооморфная модель занимает лишь десятое по частотности место, в нем не зафиксировано ни единой «медвежьей» метафоры. Данный факт свидетельствует о том, что в XIX в. Россия не ассоциировала себя с образом медведя, столь востребованным в отечественном дискурсе последующих столетий.

Нельзя пытаться понять метафору дискретно: только через лингвистическую, когнитивную или социально-культурную составляющую. Поскольку язык, мышление и культура неразрывно связаны, дискурсивные метафоры социально и культурно ситуативны, зависимы от контекста, дву- и много-смысленны — предлагают возможности для разнообразных интерпретаций. Они обнаруживают удивительное концептуальное постоянство, представляя укоренившиеся в сознании объекты при непрерывно изменяющемся социально-культурном фоне.

Самой востребованной моделью в политических дискурсах трех стран, единицы которой активны в моделировании будущего России, является метафора пути, что вполне оправданно, учитывая линейное восприятие временной последовательности как движения из прошлого через настоящее в будущее, где настоящее государства «знает» и «помнит» о прошлом и открыто будущему, в которое оно устремлено.

Высокочастотность метафоры болезни, вероятнее всего, обусловлена органической теорией происхождения государства и связана с концептуализацией любой страны как разновидности биологического организма,

эволюция которого приравнивается к эволюции биологической. Проецирование биологических законов на функционирование общественно-политических формаций актуализирует источниковую сферу болезни, значимость которой при моделировании будущего возрастает, поскольку морбиальная метафорика, диагностируя настоящее, предлагает разнополярные варианты его развития в будущее.

Регулярная представленность единиц источниковой сферы «неживая природа» в репрезентации будущего России позволяет смоделировать неопределенность грядущего, изменчивость окружающего мира и непредсказуемость будущего, отражая динамичность и стихийность происходящих процессов. В политических дискурсах исследуемого периода XIX в. востребованность рассматриваемой сферы метафорической экспансии привязана к территориальному фактору: бескрайние пространства России актуализируют концептуальные смыслы масштабности, размаха, всеохватности.

Активность метафорических единиц сферы-источника «животный мир» в концептуализации будущего России связана, во-первых, с традицией зооморфной метафоризации стран, берущей начало в библейских текстах. Во-вторых, употребление зооморфизмов отличает насыщенность негативными прагматическими смыслами «чуждости», «инаковости», направленными на формирование негативного образа политического противника и его вероятного будущего. Следует отметить устойчивые ассоциации России с образом «медведя» в англоязычных дискурсах, что контрастирует с отсутствием данного образа в российском ретроспективном срезе.

Концептуальная метафора, моделирующая образ будущего, воздействует на видение и оценку предполагаемых реалий будущего, структурирует взгляд адресата на мир. Участвуя в создании образа грядущего, метафора указывает на направление развития общества, отражает динамику политических процессов, смену общественных приоритетов, характер социальных событий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора: материалы к словарю. — М.: Ин-т рус. яз. АН СССР, 1991. 193 с.
2. Будаев Э. В. Политическая метафорология: ракурсы сопоставительного анализа // Политическая лингвистика. 2010. № 1 (31). С. 9—23.
3. Будаев Э. В. Сопоставительная политическая метафорология: моногр. — Н. Тагил, 2011.

4. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политической коммуникации: моногр. — М.: Флинта: Наука, 2012. 310 с.
5. Быкова Т. Ю. Подготовка к войне или великая стройка? Метафорический образ Советского Союза в довоенный период (1930—1939 гг.) // Политическая лингвистика. 2011. № 3. С. 69—74.
6. Быкова Т. Ю. Отцы и дети великой страны: метафора родства в советском политическом медиадискурсе 1930—1954 гг. // Политическая лингвистика. 2014а. № 2. С. 114—119.
7. Быкова Т. Ю. Метафорический образ СССР в советском и американском медийных политических дискурсах 1930—1954 гг.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2014б. 23 с.
8. Вершинина Т. С., Илюшкина М. Ю. Влияние медийного дискурса на формирование коллективной модели политического настроения // Политическая лингвистика. 2015. № 2 (52). С. 80—85.
9. Ворошилова М. Б. Креолизованная метафора: первые зарисовки // Политическая лингвистика. 2012. № 4 (42). С. 94—99.
10. Кондратьева О. Н. Динамика метафорической модели в русской лингвокультуре (XI—XX вв.): дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. — Екатеринбург, 2014. 404 с.
11. Кубрякова Е. С. В поисках сущности языка // Вопросы когнитивной лингвистики. 2009. № 1. С. 5—12.
12. Маковский М. М. Историко-этимологический словарь современного английского языка: слово в зеркале человеческой культуры. — М.: Диалог, 1999. 416 с.
13. Солопова О. А. Россия в Европе: будущее в метафорическом зеркале прошлого // Вопросы когнитивной лингвистики. 2014. № 3. С. 126—137.
14. Солопова О. А. Диахроническая сопоставительная метафорология: исследование моделей будущего в политическом дискурсе: моногр. — М.: Флинта: Наука, 2015. 312 с.
15. Солопова О. А. Лингвополитическая прогностика: сопоставительное исследование моделей будущего России в политических дискурсах России, США и Великобритании XIX в. (1885—1881) и XXI в. (2000—2014): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Екатеринбург, 2016. 38 с.
16. Чудинов А. П. Политическая лингвистика: учеб. пособие. — М.: Флинта: Наука, 2006. 256 с.
17. Чудинов А. П. Когнитивно-дискурсивное исследование метафоры в текстах СМИ // Язык средств массовой информации. — М.: Академический проект, 2008. 419 с.
18. Чудинов А. П. Очерки по современной политической метафорологии: моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2013. 176 с.
19. Шустрова Е. В. Архетипические образы старого мудреца в американской политической карикатуре // Языковое образование сегодня — векторы развития: материалы IV междунар. науч.-практ. конф.-форума. — Екатеринбург, 2013. С. 248.
20. Шустрова Е. В. Поступок Эдварда Сноудена и его метафорические последствия в американской графике // Политическая лингвистика. 2014. № 1. С. 114—127.
21. Шустрова Е. В. Зооморфизмы в американской карикатуре времен Великой депрессии // Политическая лингвистика. 2015. № 4. С. 59—63.
22. Clark A. Being there: Putting brain, body, and world together again. — Cambridge, MA: MIT, 1997. 167 p.
23. Henze B. Scientific definition in rhetorical formations: Race as “permanent variety” // *Ethnology. Rhetoric Review* / J. C. Pritchard (ed.). 2004. Vol. 23 (4). P. 311—331.
24. Musolff A. Metaphor and Political Discourse. Analogical Reasoning in Debates about Europe. — New York: Palgrave Macmillan, 2004. 220 p.
25. Musolff A., Frank R. M. [et al. (eds.)]. The embodiment of Europe: How do metaphors evolve? — New York: Palgrave Macmillan, 2008. P. 301—385.
26. White H. V. *Metahistory. The Historical Imagination in Nineteenth Century Europe*. — Baltimore; London: The Johns Hopkins Univ. Pr., 1973. 448 p.

O. A. Solopova

Ekaterinburg, Chelyabinsk, Russia

METAPHORS RUSSIA WAS TO HAVE LIVED BY...

(BASED ON THE MATERIAL OF PROGNOSTICATING POLITICAL TEXTS ABOUT RUSSIA, THE XIXTH CENTURY)

ABSTRACT. *The article presents a piece of the author's approach to studying retrospective models of Russia's future with the help of methods and tools of linguistic political prognostics. The material for the analysis is Russian, American and British political discourses of the XIXth century (1855—1881). Any retrospective model represents a system of conceptual assumptions concerning a hypothetic situation in Russia's future from the standpoint of the past. To interpret this or that political discourse is to know its background, to understand expectations of the author and the audience, their hidden motives, plot schemes and favorite logic transitions typical of a particular historic era. The present article deals with peculiarities of representation of Russia's future, as well as with general activity of metaphorical units (correlation of metaphorical and non-metaphorical verbalization of Russia's future), correlation of "common" and "bright" metaphors, number of metaphorical models fixed in this or that discourse, peculiarities of dominant metaphorical models portraying Russia's future as PATH, DISEASE, INANIMATE NATURE, FAUNA in political discourses of the Russian Empire, the United States and the British Empire in the retrospective period analyzed. The author pays special attention to the predictive potential of political metaphors.*

KEYWORDS: *future of Russia; political discourse; the image of Russia; political metaphor; retrospective analysis; linguo-political prognostics; political metaphorology; prognostic texts.*

ABOUT THE AUTHOR: *Solopova Olga Alexandrovna, Doctore of Philology, Associate Professor; Department of Linguistics and Translation, Institute of Linguistics and Intercultural Communications, Southern Ural State University (National Research University); Department of Rhetoric, Intercultural Communication and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

REFERENCES

1. Baranov A. N., Karaulov Yu. N. Russkaya politicheskaya metafora: materialy k slovaryu. — M.: In-t rus. yaz. AN SSSR, 1991. 193 s.
2. Budaev E. V. Politicheskaya metaforologiya: rakursy sopolstavitel'nogo analiza // Politicheskaya lingvistika. 2010. № 1 (31). S. 9—23.
3. Budaev E. V. Sopolstavitel'naya politicheskaya metaforologiya: monogr. — N. Tagil, 2011.
4. Budaev E. V., Chudinov A. P. Metafora v politicheskoy kommunikatsii: monogr. — M.: Flinta: Nauka, 2012. 310 s.
5. Bykova T. Yu. Podgotovka k voyne ili velikaya stroyka? Metaforicheskiy obraz Sovetskogo Soyuza v dovoennyi period (1930—1939 gg.) // Politicheskaya lingvistika. 2011. № 3. S. 69—74.
6. Bykova T. Yu. Ottsy i deti velikoy strany: metafora rodstva v sovetskom politicheskom mediadiskurse 1930—1954 gg. // Politicheskaya lingvistika. 2014a. № 2. S. 114—119.
7. Bykova T. Yu. Metaforicheskiy obraz SSSR v sovetskom i amerikanskom mediynikh politicheskikh diskursakh 1930—1954 gg.: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Ekaterinburg, 2014b. 23 s.
8. Vershinina T. S., Ilyushkina M. Yu. Vliyanie mediynogo diskursa na formirovanie kollektivnoy modeli politicheskogo nastroya // Politicheskaya lingvistika. 2015. № 2 (52). S. 80—85.
9. Voroshilova M. B. Kreolizovannaya metafora: pervye zarisovki // Politicheskaya lingvistika. 2012. № 4 (42). S. 94—99.
10. Kondrat'eva O. N. Dinamika metaforicheskoy modeli v russkoy lingvokul'ture (XI—XX vv.): dis. ... d-ra filol. nauk: 10.02.01. — Ekaterinburg, 2014. 404 s.
11. Kubryakova E. S. V poiskakh sushchnosti yazyka // Voprosy kognitivnoy lingvistiki. 2009. № 1. S. 5—12.
12. Makovskiy M. M. Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennoy angliyskoy yazyka: slovo v zerkale chelovecheskoy kul'tury. — M.: Dialog, 1999. 416 s.
13. Solopova O. A. Rossiya v Evrope: budushchee v metaforicheskom zerkale proshlogo // Voprosy kognitivnoy lingvistiki. 2014. № 3. S. 126—137.
14. Solopova O. A. Diakhronicheskaya sopolstavitel'naya metaforologiya: issledovanie modeley budushchego v politicheskom diskurse: monogr. — M.: Flinta: Nauka, 2015. 312 s.
15. Solopova O. A. Lingvopoliticheskaya prognostika: sopolstavitel'noe issledovanie modeley budushchego Rossii v politicheskikh diskursakh Rossii, SShA i Velikobritanii KhIKh v. (1885—1881) i KhKhI v. (2000—2014): avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. — Ekaterinburg, 2016. 38 s.
16. Chudinov A. P. Politicheskaya lingvistika: ucheb. posobie. — M.: Flinta: Nauka, 2006. 256 s.
17. Chudinov A. P. Kognitivno-diskursivnoe issledovanie metafor v tekstakh SMI // Yazyk sredstv massovoy informatsii. — M.: Akademicheskii proekt, 2008. 419 s.
18. Chudinov A. P. Ocherki po sovremennoy politicheskoy metaforologii: monogr. / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2013. 176 s.
19. Shustrova E. V. Arkhetipicheskie obrazy starogo mudretsa v amerikanskoj politicheskoy karikature // Yazykovoe obrazovanie segodnya — vektory razvitiya: materialy IV mezhdunar. nauch.-prakt. konf.-forum. — Ekaterinburg, 2013. S. 248.
20. Shustrova E. V. Postupok Edvarda Snoudena i ego metaforicheskie posledstviya v amerikanskoj grafike // Politicheskaya lingvistika. 2014. № 1. S. 114—127.
21. Shustrova E. V. Zoomorfizmy v amerikanskoj karikature vremen Velikoy depressii // Politicheskaya lingvistika. 2015. № 4. S. 59—63.
22. Clark A. Being there: Putting brain, body, and world together again. — Cambridge, MA: MIT, 1997. 167 p.
23. Henze B. Scientific definition in rhetorical formations: Race as "permanent variety" // Ethnology. Rhetoric Review / J. C. Pritchard (ed.). 2004. Vol. 23 (4). P. 311—331.
24. Musolff A. Metaphor and Political Discourse. Analogical Reasoning in Debates about Europe. — New York: Palgrave Macmillan, 2004. 220 p.
25. Musolff A., Frank R. M. [et al. (eds.)]. The embodiment of Europe: How do metaphors evolve? — New York: Palgrave Macmillan, 2008. P. 301—385.
26. White H. V. Metahistory. The Historical Imagination in Nineteenth Century Europe. — Baltimore; London: The Johns Hopkins Univ. Pr., 1973. 448 p.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.

Т. В. Федотова
Краснодар, Россия

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ЭРГОНИМИЧЕСКОМ ПОЛЕ КУБАНИ

АННОТАЦИЯ. В статье анализируется группа эргонимов Краснодара и Краснодарского края с позиции выявления признаков региональной идентичности и осмысления собранного материала в свете аксиологического подхода. Анализ онимов основывается на рассмотрении понятия «идентичность», а именно на взаимосвязи категорий «специфика» и «самосознание» в региональном аспекте. Актуальность исследования обусловлена намерением более тщательного погружения в особенности и специфику культурного фона носителей языка с целью анализа признаков региональной идентификации, входящих в состав эргонимов города Краснодара и Краснодарского края, и осмысления собранного материала в свете аксиологического (ценностного) подхода.

Анализ материала на основе функциональных и коннотативных признаков позволяет классифицировать данные онимы с позиции признака ревитализации традиционных ценностей региона в целом, разделив на пространственные, историко-культурные и символические.

В результате анализа в качестве основных мотивировочных признаков, «работающих» на региональную идентичность, выявлены такие, как расположение объекта в качестве пространственной идентичности; символы историко-культурного наследия в качестве признака ревитализации традиционных ценностей народа.

Изучение региональных эргонимов позволяет сделать вывод, что коммуникативная эффективность как необходимый признак любого онима среди «региональных» урбанонимов в полной мере способствует развитию языковой политики в плане сохранения культурно-исторических символов, престижа своего города, региона среди носителей языка и общества в целом.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: региональная идентичность; эргонимы; культурная коннотация; трансономизация; ономастика; онимы; аксиологический подход; лингвоэкология.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Федотова Татьяна Васильевна, доктор филологических наук, Кубанский государственный аграрный университет; 350044, Россия, г. Краснодар, ул. Калинина, 13; e-mail: Fedotova66@mail.ru.

Ономастическое пространство меняется из года в год, от этноса к этносу за счет появления в нем различных имен для обозначения объектов разных сфер деятельности человека. Проблема языкового выражения национальной и региональной идентичности явилась следствием того, что советский период в истории нашей страны практически полностью нивелировал национальные особенности жителей полинациональной страны во всех сферах жизни и деятельности людей. Сегодня, как бы наверстывая упущенное, проблема национальной идентичности проявляет себя на всех уровнях жизни: в организации быта, истории и языке народа.

Понятие «идентичность» имеет несколько значений, важнейшие из которых — взаимосвязанные категории «специфика» и «самосознание». Соответственно, региональная идентичность — это местные специфика и самосознание. В основе региональной идентификации жителей лежит естественная потребность отдельного человека иметь свое пространство, определенный географический участок. «Ономастический хаос» современного города, приведший к однообразию номинативных процессов, обусловил нивелирование региональных признаков ономастического пространства российских городов. Появление в современном ономастике урбанонимов, а точнее эргонимов, отражающих признак региональной идентичности, говорит о желании жителей чувствовать свое пространство, принадлежность данному пространству.

Региональная идентификация происходит через культурный ландшафт, что влечет

за собой трансформацию различных сторон культурного пространства. Это прежде всего отражается в символике города, в которую можно смело включить онимы с региональной семантикой. На наш взгляд, ономастическая лексика способна воздействовать на осознание носителями языка определенной формы идентичности. Процесс отражения региональной символики находится в фокусе внимания нашей работы. Этим же определяется и актуальность исследования: необходимость в выявлении через анализ эргонимов Краснодара и Краснодарского края, прагматически ориентированных номинативных актов, выражающих региональную идентичность и эстетические представления номинаторов. Это закономерно, так как любая речевая деятельность представляет собой проявление индивидуального опыта и знаний отдельного человека, а не только презентация системы языка [Кубрякова 2008].

Как известно, пространственная идентичность реализуется через географические названия (топонимы), содержащие наиболее ценную и богатую этнолингвистическую и историческую информацию. Исходя из того, что в центре нашего исследования отдельный город и регион, соответственно, в качестве символов региональной идентичности мы посчитали целесообразным использовать эргонимы Краснодара и Краснодарского края.

В настоящее время интерес лингвистов к состоянию и функционированию языка, отражающего социально-экономические, культурные преобразования общества, значительно вырос. Наиболее заметен этот интерес в отношении такого явления в языке, как язык го-

рода. Данное понятие относительно новое для современного языкознания, но тем не менее в социалингвистике сложилась определенная традиция изучения данного феномена.

В исследованиях по ономастике при рассмотрении проблемы «языка города» достаточно детально проанализированы и описаны лингвистические и экстралингвистические факторы его развития. В качестве лингвистического фактора выступает актуализация антропоцентрических исследований в конце XX — начале XXI вв., которая стала причиной фундаментального подхода к изучению языка города. Реализацией данного подхода занимаются целые лингвистические школы: в Москве — Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, П. Н. Розанова, Е. Н. Ширяев, В. Игнаткина, В. В. Колесов, Е. В. Купчик, Н. Ф. Литвачук и др.; в Екатеринбурге — И. Т. Вепрева, Н. А. Купина; в Омске — Н. А. Гайдамак, Е. Н. Гуц и др.

В последних исследованиях данной области языка выделились следующие доминирующие аспекты в изучении языка города: во-первых, внимание лингвистов привлекает устная городская речь с точки зрения ее взаимодействия с литературным языком; во-вторых, исследуется специфика речи горожан, формируется специфический письменный код города, анализируется структурно-смысловая составляющая разговорного дискурса; в-третьих, исследуются названия городского пространства (имена улиц, площадей, переулков, проспектов, бульваров, проездов, фирм, магазинов и т. п.). Урбанонимы анализируются в работах М. В. Горбаневского, Е. М. Поспелова, А. М. Мезенко, Э. М. Мурзаева, В. П. Нерознака, В. А. Никонова, Н. В. Подольской, Т. В. Шмелевой, Т. А. Новожиловой, В. В. Стародубцевой, Б. Я. Шарифуллина и др.

Ономастическое пространство любого региона многослойно не только с позиции отражения культурных концептов, но также и с позиции воплощения региональной идентичности. Любые имена собственные (в данном случае — эргонимы) обладают диахронной многослойностью, основанной на смене культурных представлений, на способности оставлять след ушедшего лингво-восприятия и по-новому отражаться в концептосфере современника [Вепрева 2005].

Актуальность исследования обусловлена намерением более тщательного погружения в особенности и специфику культурного фона носителей языка с целью анализа признаков региональной идентификации, входящих в состав эргонимов города Краснодара и Краснодарского края, и осмысления собранного материала в свете аксиологического (ценностного) подхода.

Конкретный характер исследования, а именно выявление идентификационных признаков онимов, определяет свой круг методов, которые позволят рассмотреть эргонимикон города с заданной целью: противопоставление и сопоставление семасиологии и ономастиологии. Автором статьи было осуществлено системно-структурное описание эргонимического поля Краснодара в аспекте выявления признаков региональной идентификации.

Как показывают результаты исследований такого лингвосоциального феномена, как язык городской среды, эргонимикон представляет собой закрытую лексическую систему, состоящую из взаимосвязанных полусистем [Федотова 2015].

Однако сам термин «эргоним» в исследованиях лингвистов трактуется по-разному. «Словарь русской ономастической терминологии» Н. В. Подольской определяет данный вид онима следующим образом: «Эргоним — разряд онима. Собственное имя делового объединения людей, в том числе союза, организации, учреждения, корпорации, предприятия, общества, заведения, кружка» [Подольская 1988: 166]. Как видим из определения, эргоним — достаточно обобщенное понятие, так как каждый из объектов (научных, учебных, производственных учреждений, коммерческих предприятий, объектов культуры, спортивных заведений, медицинских учреждений, заведений общепита и т. п.) выполняет свои функции и, соответственно, номинация любого из названных объектов должна быть мотивирована в зависимости от цели функционирования конкретного объекта.

На сегодняшний день в лингвистической литературе упоминаются такие виды онимов, как ойкодомонимы — наименования определенных зданий; эргокомоним — названия сельских коммерческих предприятий; эмпоронимы — названия торговых предприятий; НКП (название коммерческих предприятий) — предприятия с негосударственной формой собственности; эргоурбоним — названия городских коммерческих предприятий; рекламный урбаноним — собственное имя рекламного характера, принадлежащее внутригородским объектам, которые объединены функцией реализации товаров и услуг; эрготемонимы — официальные наименования, под которыми предприятие осуществляет свою коммерческую деятельность, совершает кредитно-финансовые операции, осуществляет права и обязанности, выступает в суде; бизнесонимы; АКЭ — эргонимы, находящиеся под социальным (административно органи-

зованным) контролем, государственные промышленные предприятия, учреждения образования и здравоохранения; НКЭ — неконтролируемые эргонимы, которые вышли из-под контроля государства (магазины, кафе, парикмахерские, сервисные службы и др.); торгонимы — названия торгового объекта; фирмонимы — названия фирм; отелонимы — наименования гостиниц и т. д.

Эргонимы — наиболее «открытый» с точки зрения мотивировки класс, что делает его уникальным в отражении лингвокультурологической информации. В отличие от других разновидностей топонимов, эргонимы характеризуются более частой сменяемостью, их система подвижна и относительно быстро реагирует на политические, социальные изменения, отражая тенденции исторического развития [Давлеткулова 2013]. Следовательно, попытка выявления региональной идентификации через анализ эргонимов представляется целесообразной и полностью мотивированной.

Анализ эргонимов впервые был описан А. В. Суперанской в книге «Общая теория имени собственного», где автором представлены две разновидности онимов: реальный, отражающий местоположение компании и характер ее деятельности (Мытищинский машиностроительный завод), и символический, «дающий лишь некоторый намек на характер деятельности» (кинотеатр «Родина») [Суперанская 2007: 197].

Позже эргонимы анализировались с позиций выбора ведущих функций имени, на основании наличия или отсутствия прагматической функции, по степени информативности онима, по степени существенности мотивировочных признаков и др. На наш взгляд, связующим (объединяющим) звеном всех существующих классификаций является прагматический аспект функционирования современных эргонимов, который подразумевает выбор наиболее оптимальных из имеющихся в языке средств для наиболее успешного воздействия на адресата.

Если исходить из традиционного мнения о том, что к основным функциям эргонимов относят номинативную, информативную и рекламную, то следует заметить, что большинство исследователей чаще обращают внимание на степень мотивированности онима, его информативность, семантическую наполненность.

Ключевым понятием в процессе использования прагматических компонентов для создания онима выступают «ономастические коннотации» [Крюкова 2011].

Коннотация — сопутствующее значение языковой единицы, включающее дополни-

тельные, чаще всего стилистические, элементы, имеющие устойчивую связь с основным значением в сознании носителей языка. Выражая эмоциональные или оценочные оттенки слова или высказывания, коннотации отражают культурные связи общества. Иначе говоря, коннотации — это не название самого предмета, а воплощение определенного отношения к нему носителей языка.

Когда говорят о национальной, региональной идентичности, как правило, употребляют понятия «национально-культурных ассоциаций» или «культурных коннотаций».

Г. И. Берестнев определяет культурные ассоциации как случаи, когда реалья репрезентирует некие дополнительные идеи, связываемые с ними в данной культуре: «Некий образ служит средством репрезентации всего комплекса знаний, которые имеются у человека в связи с ним» [Берестнев 2008: 52].

В свою очередь, Е. Л. Березович говорит о наличии дополнительных смыслов в ментальных образах того или иного объекта действительности, высвечивающих новые детали исходного представления, не вытекающих непосредственно из «физических» свойств объектов, и традиционно называющихся культурной коннотацией [Березович 2007].

Таким образом, культурная коннотация — это дополнительные оттенки значения слова, которые обусловлены национально-культурной спецификой сознания носителей языка.

Кроме того, по мнению А. В. Суперанской, «культурологический аспект ономастических исследований определяется прежде всего тем, что имя — „продукт“ определенной эпохи и определенной культуры» [Суперанская, Сталтмане 2007: 229].

В современной лингвистике принято говорить о двух видах факторов, которые участвуют в формировании языкового знака: лингвистические (внутренние) и экстралингвистические (внешние). В современном языкознании поддерживается идея взаимодействия факторов развития языка. В свою очередь, мы поддерживаем идею преобладающего влияния экстралингвистических факторов на становление регионального онимикона. Соответственно, коннотативные и прагматические признаки имени собственного можно отнести к экстралингвистическим факторам.

Обращаясь к последним исследованиям в области эргонимии, можно отметить, что описываемые коннотации, как правило, формируются на основе социальных и психологических факторов и включают эмотивные, экспрессивные и оценочные компоненты. Культурная коннотация как компонент национально-специфического комплекса ана-

лизируется редко. В свою очередь, культурная коннотация выступает «звеном», связывающим знаки языка со знаками национальной культуры. Эргонимы, отражающие региональную идентичность, можно с полной уверенностью отнести к символам национальной культуры.

Анализ собранного материала позволил выделить следующие онимические единицы с признаками региональной идентичности: *Экотекс-Кубань, Ирлайн-Юг, Арцах, Хоста-Промтовары, Югсталь, Казачка, Кавказ, Мир Сочи, Ейск-Климат, Быт Кубани, Приморский, Южный, Казачий брод, Екатеринодар, Казачье подворье, Екатерина Великая, Южные зори, Южная ночь, Екатерининский Сад, Гурман Юг, Казачий Стан, Крайбыткомплект, Акватория, Приморский, Морской, Потемкин, Абрау-Дюрсо, Благодарный Геленджик, Приморье, Кавказский дворик, Морской Бриз, Сочи Бистро, Казачий Курень, Панорама-Юг, Югалмаз, Югкомплектстрой, Юг-Мебель-Строй, Богемия-Юг, Радиус-Юг, Казачий Дом, Виктел-Юг, Бриз Краснодар, Ваш климат — Краснодар, Дачи-Юг, Престиж-Климат-Юг, Восток сервис — Кубань, Техноавиа-Кубань, Тракт-Кубань, Цветы Юга, Юг-флора, Айбир-Юг, Кубанская нива, Кубанский хлеб, Кубань.*

Выборка онимов с региональным признаком составляет незначительный процент от общего числа эргонимов, причем многие из наименований повторяются в разных районах Краснодарского края. Однако даже эта группа онимов содержит богатый материал в плане региональной идентичности.

Прежде чем анализировать культурные коннотации, обратимся к функциональной стороне данных онимов. В лингвистической литературе традиционно выделяют следующие функции, присущие эргонимам: номинативную (основная функция всех имен собственных), информативную (иначе говоря — мотивированность онима), рекламную (создание позитивных ассоциаций для горожанина) и индивидуализирующую (выделение объекта из ряда аналогичных). К дополнительным функциям относят эстетическую (фоносемантический аспект), мемориальную (номинация объекта в память об известном человеке) и др.

Исходя из мотивационной классификации эргонимов, в онимах региональной направленности наиболее ярко выражена информативная функция, которая зачастую совмещается с мемориальной. Информативность в данном случае основана на указании региона, района, где данный объект располагается, либо идет указание на конкретных исторических личностей, оставивших свой куль-

турный «след» в развитии региона.

Итак, в качестве основных мотивировочных признаков, «работающих» на региональную идентичность, можно выделить следующие:

1. Расположение объекта как пространственная идентичность.

Стоит отметить тот факт, что при анализе указанных онимов на предмет региональной идентификации с точки зрения расположения наблюдается многоуровневый, «матрешечный» принцип: идентификация с макрорегионом (*Кавказ, Кавказский дворик* и другие), с регионом (*Ирлайн-Юг, Югсталь, Южный, Южные зори, Южная ночь* и другие), с краем (*Техноавиа-Кубань, Тракт-Кубань, Кубанская нива, Кубанский хлеб, Кубань* и другие), с краевым центром (*Бриз Краснодар, Ваш климат — Краснодар* и другие), с локальными местами расположения тех или иных объектов (*Мир Сочи, Ейск-Климат, Абрау-Дюрсо, Благодарный Геленджик* и другие). Примечательно, что коннотации, создаваемые «пространственными» онимами, различаются по семантической и ассоциативной наполненности. Так, онимы *Кубанская нива, Кубанский хлеб* вызывают ассоциации с качеством, плодородием. В то же время онимы с компонентом «юг» продуцируют разные смыслы (ассоциации) в зависимости от направленности деятельности объекта: *Югсталь* (конкретная деятельность), *Южная ночь* («ночь» ассоциируется с релаксацией, а «южный» — климатический признак, позитивно влияющий на релаксацию).

2. Символы историко-культурного наследия как признак ревитализации традиционных ценностей народа: патриотизма, веротерпимости, уважительного отношения к своим «корням», к истории региона во взаимосвязи с историей России. Так, онимы *Екатеринодар, Екатерина Великая, Екатерининский Сад*, вне всякого сомнения, легко идентифицируются горожанами с историческими личностями. Эргоним «Потемкин» рассчитан на эрудированного реципиента, а названия типа *Арцах* вообще никак не идентифицируются местным населением, хотя данный оним — конкретный символ исторического наследия региона: историческая область в Закавказье.

Если обратиться к истории, то можно отметить, что казаки Кубани всегда ассоциировались с такими положительными качествами, как благодущие, щедрость, гостеприимство, соблюдение традиций, уважение к женщине. Следовательно, онимизация нарицательного имени «казаки» не случайна. Этот факт лишний раз подчеркивает вклад казачества в развитие русской ментальности, в укрепление социально-

культурных традиций региона. Существующие онимы с элементом «казачки» имеют некоторые ассоциативные оттенки. Так, онимы *Казачка, Казачий Брод, Казачье Подворье, Казачий Стан, Казачий Курень* можно связать с позиции ассоциаций с гостеприимством, историей, языковыми обычаями.

Итак, рассматривая функциональную сторону «региональных» онимов, можно констатировать, что, помимо номинативной функции, информативность исследуемых онимов с региональной идентичностью основывается на идентификации объекта по отношению к пространству, к истории Краснодара и Краснодарского края. Иначе говоря, информативность в соединении с мемориально-географическими признаками — основная прагматическая установка онимов данного региона.

Эргонимы являются продуктами вторичной номинации и могут быть образованы как от апеллятивов, так и от других онимов. Переходя из другого разряда с подавлением всех первоначальных оттенков в значении слова, эргоним приобретает семантическую самостоятельность.

Применительно к нашей группе онимов можно отметить, что основными процессами деривации эргонимов региональной идентичности можно считать трансонимизацию и онимизацию апеллятивов. Безусловно, трансонимизация, или переход онима из одного разряда в другой, — наиболее частотный способ. И это не случайно, так как идентичность может происходить либо на уровне города, либо региона, а это всегда названия населенных пунктов, т. е. топонимы. Реже наблюдается процесс онимизации апеллятивов. Это в основном урбанонимы с элементом «юг», «море».

Таким образом, эргонимы данного типа образуются на основе трансонимизации, т. е. перехода из разряда топонимов в разряд урбанонимов, а также онимизации, т. е. перехода из разряда имен нарицательных в разряд имен собственных. Следовательно, можно утверждать, что «региональные» урбанонимы обладают чертами апеллятивно-онимического пограничья [Горяев 2000], так как значительная часть онимов образовалась в процессе трансонимизации из топонимического поля и лишь 10 % всех исследуемых онимов — результат онимизации апеллятивов с региональной семантикой.

Среди лингвистов-ономатологов утвердилось мнение, что урбанонимы, включающие в свой состав названия города, региона, относятся к ядерным. Как считает Т. В. Шмелёва, имя города — системообразующий элемент городского ономастикона [Шмелёва

2013: 108]. Называя имя города его ономастической доминантой, И. Т. Вепрева указывает, что это особенно существенно для городов, переживших переименования [Вепрева 2006: 45].

Если считать, что любой оним в языке города для коммуникативной эффективности должен иметь признаки позитивного восприятия, обладать высокой информативностью, мотивированностью, ориентированностью в городском пространстве, то признак «региональной идентичности» относится лишь к позитивному ассоциативному полю. Однако даже этого признака достаточно, чтобы считать его значимым для лингвоэкологии города в сфере ономастикона. Региональная идентичность — часть социальной идентичности личности. Динамика развития ономастического пространства любого города, региона дает право предполагать, что изменение геополитической ситуации привело к изменению ментальности человека, которая, в свою очередь, влияет на выбор приоритетов при номинации.

Следовательно, коммуникативная эффективность «региональных» онимов заключается уже в том, что данные онимы способствуют развитию языковой политики в плане сохранения культурно-исторических символов, а значит и подъема престижа своего города, региона среди носителей языка и общества в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Березович Е. Л. Язык и традиционная культура: этнолингвистические исследования. — М.: Индрик, 2007.
2. Берестнев Г. И. К философии слова (лингвокультурологический аспект) // Вопросы языкознания. 2008. № 1. С. 37—65.
3. Вепрева И. Т. Проблема переименования города в социолингвистическом освещении // Ономастика в кругу гуманитарных наук. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. С. 34—37.
4. Вепрева И. Т. Человек в коммуникативном пространстве Екатеринбурга. — Томск, 2006. С. 42—51.
5. Горяев С. О. Номинативные интенции субъекта ономастической номинации (на материале русских прагмонимов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2000.
6. Давлеткулова Л. Н. Лингвокультурологический компонент топонимов (на примере урбанонимов Оксфорда) // Вестн. Челябин. гос. ун-та. 2013. № 31 (322). С. 85—87. (Филология. Искусствоведение; вып. 84).
7. Крюкова И. В. Прагматика онима: направления исследований и методика анализа // Изв. ВГПУ. 2011. № 8. С. 139—142.
8. Кубрякова Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности. — М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 160 с.
9. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. — М., 1988. 192 с.
10. Суперанская А. В., Сталтмане В. Э. Теория и методика ономастических исследований. — М.: Изд-во ЛКИ, 2007.
11. Суперанская А. В. Общая теория имени собственн. — М.: Изд-во ЛКИ, 2007.
12. Федотова Т. В. Культурно значимые смыслы эмпоронимов в аспекте теории референции // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — Тамбов: Грамота, 2015. № 9 (51): в 2 ч. Ч. 1. С. 181—183.
13. Шмелёва Т. В. Ономастика: учеб. пособие. — Сла-

T. V. Fedotova
Krasnodar, Russia

REPRESENTATION OF REGIONAL IDENTITY IN ERGONOMIC FIELD OF KUBAN

ABSTRACT. *The article discusses the group of ergonyms of Krasnodar and Krasnodar Krai to find out the signs of regional identity in the framework of axiological approach. The analysis of onyms is based on the study of the concept "identity", namely on the interrelation of the categories "specifics" and "self-consciousness" in regional aspect. The relevance of the research is determined by the intention of more careful study of specific features of a cultural background of native speakers for the purpose of the analysis of the signs of regional identification, which are a part of ergonyms of the city of Krasnodar and Krasnodar Krai, as well as the analysis of the collected data in the light of axiological (valuable) approach.*

The analysis of the material on the basis of functional and connotative features allows to classify these onyms from the point of view of motivation signs, "influencing" regional identity and lingo-ecology of the region in general; it is possible to divide them into spatial, historical-cultural and symbolic.

The analysis revealed the main motivation signs "influencing" regional identity, among which are object arrangement as spatial identity; the symbols of historical and cultural heritage as sign of revitalization of traditional values of the people.

The study of regional ergonyms allows to draw a conclusion that communicative efficiency as a necessary sign of any onym among "regional" urbanonyms, fully promotes development of language policy in respect of preserving cultural and historical symbols, the prestige of the city and the region among native speakers and society in general.

KEYWORDS: *regional identity; ergonym; cultural connotation; tronymization; onomastic research; onym; axiological approach; lingo-ecology.*

ABOUT THE AUTHOR: *Fedotova Tatyana Vasilievna, Doctor of Philology, Kuban State Agrarian University, Krasnodar, Russia.*

REFERENCES

1. Berezovich E. L. Yazyk i traditsionnaya kul'tura: etnolingvisticheskie issledovaniya. — M. : Indrik, 2007.
2. Berestnev G. I. K filosofii slova (lingvokul'turologicheskiy aspekt) // Voprosy yazykoznaviya. 2008. № 1. S. 37—65.
3. Vepreva I. T. Problema pereimenovaniya goroda v sotsiolingvisticheskom osveshchenii // Onomastika v krugu gumanitarnykh nauk. — Ekaterinburg : Izd-vo Ural. un-ta, 2005. S. 34—37.
4. Vepreva I. T. Chelovek v kommunikativnom prostranstve Ekaterinburga. — Tomsk, 2006. S. 42—51.
5. Goryaev S. O. Nominativnye intentsii sub"ekta onomasticheskoy nominatsii (na materiale russkikh pragmonimov) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Ekaterinburg, 2000.
6. Davletkulova L. N. Lingvokul'turologichesiy komponent toponimov (na primere urbanimov Oksforda) // Vestn. Chel-yab. gos. un-ta. 2013. № 31 (322). S. 85—87. (Filologiya. Iskuststvedenie ; vyp. 84).
7. Kryukova I. V. Pragmatika onima: napravleniya issledovaniy i metodika analiza // Izv. VGPU. 2011. № 8. S. 139—142.
8. Kubryakova E. S. Nominativnyy aspekt rechevoy deyatel'nosti. — M. : Izd-vo LKI, 2008. 160 s.
9. Podol'skaya N. V. Slovar' russkoy onomasticheskoy terminologii. — M., 1988. 192 s.
10. Superanskaya A. V., Stal'tmane V. E. Teoriya i metodika onomasticheskikh issledovaniy. — M. : Izd-vo LKI, 2007.
11. Superanskaya A. V. Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo. — M. : Izd-vo LKI, 2007.
12. Fedotova T. V. Kul'turno znachimye smysly emporonimov v aspekte teorii referentsii // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. — Tambov : Gramota, 2015. № 9 (51) : v 2 ch. Ch. 1. C. 181—183.
13. Shmeleva T. V. Onomastika : ucheb. posobie. — Slavyansk-na-Kubani : Izd. tsentr filiala FGBOU VPO «KubGU» v g. Slavyanske-na-Kubani, 2013.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. И. В. Ерофеева.

РАЗДЕЛ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

УДК 811.161.1'42:811.161.1'38
ББК Ш141.12-51+Ш141.12-55

ГСНТИ 16.21.27; 16.21.33

Код ВАК 10.02.19

М. Б. Ворошилова, А. Д. Пашкова
Екатеринбург, Россия

БАБА ЕГЭ: КРЕОЛИЗОВАННАЯ МЕТАФОРА КАК ОРУДИЕ ДИСКРЕДИТАЦИИ

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются невербальные средства манифестации стратегии дискредитации реформы образования и ее деятелей в российских СМИ. Работа выполнена на материале медийных публикаций, посвященных реформе образования и ее основным фигурам за 2012—2015 годы.

Основным орудием дискредитации в представленном материале является креолизованная метафора. В исследовании проведен обзор ключевых сфер-мишеней политических карикатур и иллюстраций, а также выделены частотные метафорические модели, используемые в политических креолизованных текстах с целью дискредитации реформы и министра образования.

Полученные результаты подтверждают гипотезу о значимости исследования политических креолизованных текстов в вопросе реализации стратегии дискредитации в медиадискурсе. Перспективой исследования видятся работы по сопоставлению вербальных и невербальных средств манифестации стратегии дискредитации в отношении реформы образования и ее основных фигур на примере разных стран, языков.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: стратегии дискредитации; креолизованные тексты; реформы образования; медиадискурс; политическая карикатура; средства массовой информации.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: кандидат филологических наук, доцент кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург); 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; e-mail: shinkari@mail.ru.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Пашкова Александра Дмитриевна, аспирант, Уральский государственный педагогический университет; 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; e-mail: Sasha-transaero@mail.ru.

С одной стороны, образование является одним из существенных показателей социального и экономического развития страны, с другой — это тема, близкая каждому человеку: на протяжении всей жизни мы тем или иным образом связаны со школой и вузом.

В XXI в. российская система образования претерпела существенные изменения. Медиадискурс демонстрирует неутраченные споры о своевременности и необходимости, о результатах и последствиях данных преобразований. Традиционно ведущей стратегией дискуссии является дискредитация — дискредитация реформы, представителей власти, учеников и учителей. В рамках настоящего исследования нами были рассмотрены политические карикатуры и иллюстрации, посвященные российской реформе образования. Используя метод тематической выборки, мы выделили 204 работы, представленные в Глобальной сети. Временные рамки исследования ограничены 2012—2015 годами.

Таким образом, основным материалом исследования послужили креолизованные тексты, под которыми мы понимаем «тексты, обладающие сложной формой, то есть основанные на сочетании единиц двух и более различных семиотических систем, которые вступают в отношения взаимосвязи, взаимодополнения, взаимовлияния, что обуславливает комплексное воздействие на адресата» [Ворошилова 2013: 22]. Исследование данного невербального вида коммуникации при-

влекает к себе пристальное внимание многих специалистов, в число которых входят М. Б. Ворошилова [Ворошилова 2012, 2013], А. И. Зверев [Зверев 2014], И. Г. Катенева [Катенева 2010], О. А. Корда [Корда 2013], С. Я. Колтышева [Колтышева 2014], Л. А. Нефедова [Нефедова 2010], Е. В. Середина [Середина 2012], Е. А. Слободенюк [Слободенюк 2016], Д. П. Чигаев [Чигаев 2010], Е. В. Шустрова [Шустрова 2014] и другие. Среди рассматриваемых ими вопросов можно выделить следующие: как взаимодействуют между собой элементы семиотически осложненных текстов, от чего зависит воздействующий потенциал гетерогенных образований, каким образом мы воспринимаем поликодовые сообщения. Ответить на многие из этих вопросов помогает когнитивная лингвистика, изучающая процессы кодирования и трансформирования информации.

Одним из самых востребованных инструментов анализа текста, в том числе креолизованного, семиотически осложненного, неким ключом к интерпретации как вербальной, так и невербальной информации становится метафора, точнее креолизованная метафора, основанная на сочетании, столкновении и, главное, взаимодействии нескольких образов различных знаковых систем. Методика анализа креолизованной метафоры определяется в первую очередь дискурсивным принципом: считаем, что «правильное» прочтение метафоры, особенно в креолизованном тексте, возможно только с

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №16-18-02102).

© Ворошилова М. Б., Пашкова А. Д., 2016

учетом социального контекста коммуникации, характеризующей ее участников, процессы продуцирования и восприятия текста с учетом фоновых знаний.

Основные шаги анализа креолизованной метафоры можно представить следующим образом: 1) определение сферы-мишени и сферы-источника; 2) дискурсивная характеристика метафоры; 3) анализ структуры креолизованной метафоры, соотношение визуальной и вербальной части; 4) анализ частотности метафор; 5) воссоздание метафорических моделей; 6) оценка продуктивности выделенных моделей; 7) описание функциональной направленности и прагматического потенциала.

Проанализировав политические карикатуры и иллюстрации, посвященные реформе образования, появившиеся в Сети в 2012—2015 гг., мы выделили три наиболее частотные сферы-мишени:

1) министр образования (кто это делает?). Данная сфера-мишень является наиболее распространенной в медиадискурсе и наблюдается в 32 % исследуемых креолизованных текстов;

2) ученики (с кем это делают?) — в 16 % текстов;

3) единый государственный экзамен как основной и наиболее дискуссионный результат преобразований (12 %).

Полный анализ спектра сфер-мишеней позволяет нам выделить основные темы, которые обозначают наиболее острые дискуссионные вопросы реформы образования. К их числу относятся деградация учащихся и снижение уровня грамотности населения; коррупция в сфере образования; сокращение учительского и преподавательского состава; падение авторитета учителя; проблема отсутствия единого стандарта учебников; фальсификация исторических событий и многие другие.

Героем большинства текстов стал министр науки и образования РФ. Напомним, что министром образования в изучаемый период являлся Д. В. Ливанов, которого создатели карикатур воспринимают как личность одиозную. Сменив на этом посту А. А. Фурсенко и в целом продолжив его политику, Д. В. Ливанов осуществил ряд резонансных преобразований (реформирование РАН, меры по борьбе с плагиатом, укрупнение и слияние образовательных учреждений и др.), не встретивших массовую поддержку

ни со стороны научно-педагогического общества, ни со стороны граждан.

На первоначальном этапе исследования сферы-мишени «министр образования» мы отметили, что наиболее востребованной она является в политической иллюстрации, а не карикатуре, т. е. чаще к образу министра обращаются в средствах массовой информации, нежели в неформальной коммуникации.

Также мы отметили, что нередко образ Д. В. Ливанова представал в дуэте с образом его предшественника А. А. Фурсенко, так как понятие реформы образования тесно связано в нашем сознании как с первым, так и со вторым министром.

Основным прагматическим потенциалом анализируемых метафор является не только отрицание, но и ярко выраженная агрессия: так, например, действия министра нередко сравниваются с некой провокацией, заговором, направленным на уничтожение русского народа, его полное подчинение марионеткам.

Например, на рисунке 1 представлена метафорическая модель «министр-фашист». Особую убедительность образу придает прецедентное высказывание Адольфа Гитлера. Данный пример иллюстрирует и наиболее востребованную схему построения креолизованной метафоры со сферой-мишенью «министр образования»: визуальный образ министра (чаще фотография), представляющая собой сферу-мишень, сталкивается с вербально представленной сферой-источником.

Метафорические образы учеников также зачастую выполняют дискредитирующую функцию, так как центральной темой становится снижение уровня образования учащихся.

Наиболее востребованными сферами-источниками в данной метафорической области являются «Артефакты» и «Природа». Учащиеся изображаются в образе Буратино (см. рис. 2), бревна или человека-робота, на месте головы у которого находится компьютер (см. рис. 3). Кроме того, частотно использование метафорической области «Природа» — в этом случае вместо учеников школы мы видим сидящих на уроке обезьян либо детей, изображенных в виде героев сказки Джанни Родари «Приключения Чиполлино» с подписью «Мы — овощи». Отметим стереотипность используемых метафорических моделей, что, бесспорно, снижает уровень их прагматического потенциала.

Рис. 1

Рис. 2

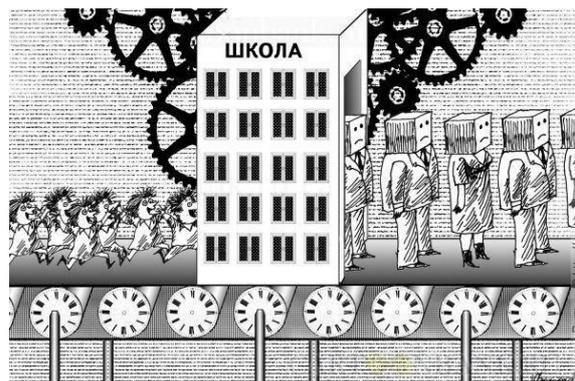

Рис.3

Отличительной чертой данных метафор становится их структурная особенность: зачастую образы этой группы строятся по принципу визуальной метафоры, в которой обе сферы (мишень и источник) представлены на визуальном уровне, что обусловлено двумя причинами: 1) обобщенный характер сферы-мишени (мы же говорим обо всех учениках, а не о конкретных личностях); 2) стереотипность метафоры.

Определенная стереотипность заложена и в метафорах со сферой-мишенью «Единый государственный экзамен». Как правило, ЕГЭ предстает перед нами в метафорическом образе злодея или чудовища, которыми постоянно пугают и детей, и родите-

лей. Так, в представленных ниже карикатурах мы можем видеть «Бабу ЕГЭ», летающую над школой, или Змея Горыныча (рис. 4, 5). Данные персонажи знакомых всем с детства сказок обладают ярким отрицательным воздействующим потенциалом и участвуют в создании общего ассоциативного фона за счет способности усилить негативный эффект карикатур.

В данной метафорической группе преобладают метафоры, в которых сфера-источник представлена на визуальном уровне, через хорошо известные нам образы, а сфера-мишень представлена только надписью, выполняющей скорее функции идентификации, «подсказки».

Рис. 4

Полученные в ходе исследования результаты можно условно разделить на две группы. С одной стороны, анализ политических иллюстраций и карикатур позволяет нам определить общественную оценку происходящих реформ не хуже, а может быть, и точнее социологических опросов. Жестокая и не вполне обоснованная насмешка, яркие гиперболы и метафоры, жесткие обвинения и не всегда справедливые обобщения — все это помогает выделить самые жгучие проблемы продолжающейся реформы образования. Материалы статьи служат еще одним свидетельством того, что общество не устраивает сложившееся положение, что нужно искать новые пути совершенствования российской системы образования.

С другой стороны, анализ структуры креолизованной метафоры позволил выделить ряд существенных особенностей. В политической карикатуре зачастую ведущую прагматическую функцию выполняет визуальный компонент, представляющий сферу-источник метафорической экспансии, но данные визуальные образы стереотипны (то есть имеют закрепленное в национальном сознании значение, как правило, резко негативное). В политической же иллюстрации, напротив, прагматический удар наносит вербальный компонент, в то время как визуальный лишь обозначает сферу-мишень.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимова Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов) : учеб. пособие для студ. фак. иностр. яз. вузов. — М. : Academia, 2003. 128 с.
2. Артемова Е. А. Карикатура как жанр политического дискурса : дис. ... канд. филол. наук. — Волгоград, 2002. 175 с.

Рис. 5

3. Бернацкая А. А. К проблеме «креолизации» текста: история и современное состояние // Речевое общение : специализированный вестн. / Краснояр. гос. ун-т ; под ред. А. П. Сквородникова. 2000. Вып. 3 (11).
4. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политическом интердискурсе : моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. 2-е изд., испр. и доп. — Екатеринбург, 2006. 213 с.
5. Ворошилова М. Б. Креолизованный текст в политическом дискурсе // Политическая лингвистика. — 2007. № 3 (23). С. 73—78.
6. Ворошилова М. Б. Политический креолизованный текст: ключи к прочтению : моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2013. 194 с.
7. Ворошилова М. Б. Креолизованная метафора: первые зарисовки // Политическая лингвистика. 2012. № 4 (42). С. 94—99.
8. Зенкова А. Ю. Визуальная метафора в социально-политическом дискурсе: методологический аспект // Многообразие политического дискурса. — Екатеринбург, 2004. С. 39—54.
9. Зверев А. И. Метафора в креолизованном тексте (на примере герметических трактатов) // Политическая лингвистика. 2014. № 3. С. 193—198.
10. Катенева И. Г. Механизмы и языковые средства манипуляции в текстах СМИ (на примере общественно-политических оппозиционных изданий) : дис. ... канд. филол. наук. — Новосибирск, 2010. 24 с.
11. Кирилов А. Г. Факторы воздействия новостей в политических нарративах на адресата // Обучение иностранным языкам: настоящее и будущее : сб. материалов и тезисов докладов 12-й Междунар. науч.-практ. конф. — Самара, 2006.
12. Колтышева С. Я. Креолизованный текст как сфера функционирования метафор (на примере шоу-дискурсов России и США) // Вестник ЮРГУ. 2014. Вып. № 1/11. С. 91—95.
13. Корда О. А. Креолизованный текст в современных печатных СМИ: структурно-функциональные характеристики : дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2013. 227 с.
14. Лазарева Э. А. Рекламный дискурс: стратегии и тактики // Лингвистика : бюл. Урал. лингв. о-ва. — Екатеринбург, 2003. Т. 9.
15. Магера Т. С. Текст политического плаката: лингвориторическое моделирование (на материале региональных предвыборных плакатов) : дис. ... канд. филол. наук. — Барнаул, 2006.
16. Нефедова Л. А. Когнитивные особенности комикса как креолизованного текста // Вестн. ЮУрГУ. Сер. «Лингвистика». 2010. Вып. 10. № 1 (177). С. 4—10.
17. Полевой М. Н. [и др.]. Популярная художественная энциклопедия : в 2 т. — М. : Советская энциклопедия, 1986.

18. Середина Е. В. Визуальная метафора в политической карикатуре // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2012. № 3. С. 70—72.
19. Слободенюк Е. А. Создание образа британского и немецкого политика в современном медиадискурсе Великобритании в аспекте оппозиции «свой — чужой» : дис. ... канд. филол. наук. — Н. Новгород, 2016. 202 с.
20. Сорокин Ю. А. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция / Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов // Оптимизация речевого воздействия. — М., 1990. 240 с.
21. Чигаев Д. П. Способы креолизации современного рекламного текста : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 2010. 25 с.

M. B. Voroshilova, A. D. Pashkova
Ekaterinburg, Russia

«BABA EGE»: CREOLIZED METAPHOR AS A DISCREDIT INSTRUMENT

ABSTRACT. *The article focuses on the non-verbal means of discredit strategy of educational reform and its main figures in Russian Mass Media. The research is based on the media publications devoted to educational reform and reformers in 2012-2015.*

The paper provides a review of the key target-spheres of political cartoons and illustrations. The authors distinguish metaphorical models used in political creolized texts that aimed to discredit the education reform and the Minister of Education.

The results of the research confirm the hypothesis about the importance of the study of political creolized texts in discredit strategy implementation.

The prospects of this research can be connected with further comparison of verbal and non-verbal means of discredit strategy of educational reform and its main figures in different countries and languages.

KEYWORDS: *discrediting strategies; creolized text; educational reforms; media discourse; political caricature; mass media.*

ABOUT THE AUTHOR: *Voroshilova Maria Borisovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign language, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).*

ABOUT THE AUTHOR: *Pashkova Aleksandra Dmitrievna, Post-graduate Student, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

REFERENCES

- Anisimova E. E. Lingvistika teksta i mezkul'turnaya kommunikatsiya (na materiale kreolizovannykh tekstov) : ucheb. posobie dlya stud. fak. inostr. yaz. vuzov. — M. : Academia, 2003. 128 s.
- Artemova E. A. Karikatura kak zhanr politicheskogo diskursa : dis. ... kand. filol. nauk. — Volgograd, 2002. 175 s.
- Bernatskaya A. A. K probleme «kreolizatsii» teksta: istoriya i sovremennoe sostoyanie // Rechevoe obshchenie : spetsializirovanny vestn. / Krasnoyar. gos. un-t ; pod red. A. P. Skovorodnikova. 2000. Vyp. 3 (11).
- Budaev E. V., Chudinov A. P. Metafora v politicheskom interdiskurse : monogr. / Ural. gos. ped. un-t. 2-e izd., ispr. i dop. — Ekaterinburg, 2006. 213 s.
- Voroshilova M. B. Kreolizovannyi tekst v politicheskom diskurse // Politicheskaya lingvistika. — 2007. № 3 (23). S. 73—78.
- Voroshilova M. B. Politicheskii kreolizovannyi tekst: klyuchi k prochneniyu : monogr. / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2013. 194 s.
- Voroshilova M. B. Kreolizovannaya metafora: pervye zarisovki // Politicheskaya lingvistika. 2012. № 4 (42). S. 94—99.
- Zenkova A. Yu. Vizual'naya metafora v sotsial'no-politicheskom diskurse: metodologicheskii aspekt // Mnogoobrazie politicheskogo diskursa. — Ekaterinburg, 2004. S. 39—54.
- Zverev A. I. Metafora v kreolizovannom tekste (na primere germeticheskikh traktatov) // Politicheskaya lingvistika. 2014. № 3. S. 193—198.
- Kateneva I. G. Mekhanizmy i yazykovye sredstva manipulyatsii v tekstakh SMI (na primere obshchestvenno-politicheskikh oppozitsionnykh izdaniy) : dis. ... kand. filol. nauk. — Novosibirsk, 2010. 24 s.
- Kirilov A. G. Faktory vozdeystviya novostey v politicheskikh narrativakh na adresata // Obuchenie inostrannym yazykam: nastoyashchee i budushchee : sb. materialov i tezisov dokladov 12-y Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. — Samara, 2006.
- Koltysheva S. Ya. Kreolizovannyi tekst kak sfera funktsionirovaniya metafor (na primere shou-diskursov Rossii i SShA) // Vestnik YuRGU. 2014. Vyp. № 1/11. S. 91—95.
- Korda O. A. Kreolizovannyi tekst v sovremennykh pechatnykh SMI: strukturno-funktsional'nye kharakteristiki : dis. ... kand. filol. nauk. — Ekaterinburg, 2013. 227 s.
- Lazareva E. A. Reklamnyy diskurs: strategii i taktiki // Lingvistika : byul. Ural. lingv. o-va. — Ekaterinburg, 2003. T. 9.
- Magera T. S. Tekst politicheskogo plakata: lingvistoricheskoe modelirovanie (na materiale regional'nykh predvybornykh plakatov) : dis. ... kand. filol. nauk. — Barnaul, 2006.
- Nefedova L. A. Kognitivnye osobennosti komiksa kak kreolizovannogo teksta // Vestn. YuUrGU. Ser. «Lingvistika». 2010. Vyp. 10. № 1 (177). S. 4—10.
- Polevoy M. N. [i dr.]. Populyarnaya khudozhestvennaya entsiklopediya : v 2 t. — M. : Sovetskaya entsiklopediya, 1986.
- Seredina E. V. Vizual'naya metafora v politicheskoy karikature // Vestnik KGU im. N. A. Nekrasova. 2012. № 3. S. 70—72.
- Slobodenyuk E. A. Sozdanie obraza britanskogo i nemetskogo politika v sovremennom mediadiskurse Velikobritanii v aspekte oppozitsii «svoe — chuzho» : dis. ... kand. filol. nauk. — N. Novgorod, 2016. 202 s.
- Sorokin Yu. A. Kreolizovannye teksty i ikh kommunikativnaya funktsiya / Yu. A. Sorokin, E. F. Tarasov // Optimizatsiya rechevogo vozdeystviya. — M., 1990. 240 s.
- Chigaev D. P. Sposoby kreolizatsii sovremennogo reklamnogo teksta : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — M., 2010. 25 s.
- Chudakova N. M. Kontseptual'naya oblast' «Nezhivaya priroda» kak istochnik metaforicheskoy ekspansii v diskurse rossiyskikh sredstv massovoy informatsii (2000—2004 gg.) : dis. ... kand. filol. nauk. — Ekaterinburg, 2005.
- Shustrova E. V. Barak Obama i sovremennaya amerikanskaya karikatura : monogr. / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2014. 369 s.
- Shustrova E. V. Metodiki analiza graficheskikh metafor // Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii. 2014. № 6. S. 70—80.
- Bergen B. To Awaken a Sleeping Giant: Cognition and Culture in 23 September 11 Political Cartoons // Language, Culture, and Mind / ed. M. Achard, S. Kemmer. — Stanford, 2004. P. 23—35.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чуудинов.

Н. Дань
Пятигорск, Россия

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ КИТАЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

АННОТАЦИЯ. В последние годы в связи с глобализационными процессами лексика, обозначающая национальные общественные и политические явления, может осознаться и распространяться в других странах в результате межкультурных контактов и переводческой деятельности. В русском и английском языках возникает новая группа общественно-политической лексики, заимствованной из китайского языка. Исследование механизма познания «чужих» понятий требует лингвокогнитивного подхода. Результаты его применения дают возможность для решения лексикографических и научно-методических вопросов в лингвистической области. В предлагаемой работе представлены заимствованные из китайского языка лексемы, вербализующие социальные и политические реалии Культурной революции (1966—1976 гг.) как особенного периода истории китайской политики. Проанализированы пути и методы ассимиляции данных лексических единиц на этимологическом и морфологическом уровнях. На основе рассмотрения их значений в языке-доноре и языках-реципиентах в семантическом и прагматическом аспектах произведено сопоставление специфики функционирования русскоязычной и англоязычной общественно-политической лексики китайского происхождения. Исследуемые единицы отобраны в Национальном корпусе русского языка, корпусах английского языка, различных словарях, а также в интернет-ресурсах и художественной литературе.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: общественно-политическая лексика; взаимодействие языков; лексические единицы; китайский язык; русский язык; английский язык; сопоставительное языкознание; заимствованная лексика; культурная революция.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Дань На, аспирант кафедры языкознания, русской филологии, литературного и журналистского мастерства, Пятигорский государственный университет; 357500, Россия, г. Пятигорск, пр-т Калинина, 7; e-mail: dianachinese@mail.ru.

В последние десятилетия все более актуальными становятся вопросы сравнительно-сопоставительного изучения языков и культур разных народов, не изолированных друг от друга [Витковская 2015: 17]. В связи с глобализационными процессами возникает необходимость изучения процессов межкультурной коммуникации и переводческой деятельности. Национальные понятия, в том числе общественные и политические, могут познаваться и распространяться в других странах. Таким образом, язык как мобильная, исторически развивающаяся система открыт для синтезирования новых явлений, между языками совершается постоянный обмен лексикой [Дубовский, Витковская 2013: 28].

Анализ специфики функционирования общественно-политической лексики (далее — ОПЛ) является существенной частью семантических и прагматических аспектов исследования различных уровней языка и теоретических основ для решения лексикографических и методологических вопросов. Данной проблематике посвящены многочисленные труды ученых.

Изменения в лексической и стилистической системах русского языка после революции 1917 г. рассматривались в работах Г. О. Винокура, С. И. Карцевского, Е. Д. Поливанова, А. М. Селищева, П. Я. Черных, Р. О. Якобсона и др. В 1930—1940-х гг. В. М. Жирмунский, Н. Я. Марр, Л. П. Якубинский и другие анализировали вопросы социальной дифференциации языка. В последние четыре десятилетия предметом изучения лингвистов становится язык политической коммуникации (Ю. А. Бельчиков, В. Г. Костомаров, Д. Э. Розенталь, Г. Я. Со-

лганик и др.). В конце XX в. начинается разрушение советских стереотипов мышления [Бантышева 2007: 14; Шмелькова 2009: 87—88], у исследований ОПЛ появляются новые аспекты, в том числе и соотношение русскоязычной лексики социально-политической сферы с лексикой других языков, например, с персидским (Е. Л. Гладкова), якутским (А. С. Акимова), монгольским и калмыцким (С. Е. Бачаева), кабардино-черкесским (Х. Ч. Жилетежев) и т. д. На Западе ОПЛ обычно рассматривается как языковое средство в политических дискуссиях (М. Huspek, К. Е. Kendall, D. Cameron и пр.).

Однако номинации социальных и политических реалий китайского происхождения в настоящее время еще мало рассмотрены. В последние годы в русский и английский языки проникает новая группа ОПЛ, заимствующаяся из китайского языка, так как Китай относится к экономически интенсивно развивающимся странам, играет важную роль на мировой арене и тем самым привлекает к себе общественное внимание, а также становится объектом научного рассмотрения. Среди прочего проявляется интерес к Культурной революции (1966—1976 гг.), которая представляет собой особенный в китайской истории период, оказавший значительное влияние на международные отношения.

Исследование механизмов и результатов познания, функционирования и вербализации «чужих» понятий требует обращения к лингвокогнитивному подходу, при котором уделяется внимание не только языковым, но и экстралингвистическим аспектам [Кубрякова 2004: 45]: «Когниция органи-

зует в человеке смыслообразование и использование значений в рамках культуры» [Демьянков 1994].

В данной работе для анализа выбраны следующие русскоязычные и англоязычные лексические единицы китайского происхождения, вербализующие общественные и политические реалии Культурной революции: *дацзыбао* / *big-character posters*, *хунвейбин* / *Red Guard*, *четыре пережитка* / *Four Olds*, *цзаофань*. Для сравнения их значений в языке-доноре и языках-реципиентах, для обобщения специфики их функционирования необходимо рассмотреть их этимологию, пути и методы ассимиляции.

«Дацзыбао» можно дословно перевести с китайского как «газета больших иероглифов» («да» — большой, «цзы» — иероглиф, «бао» — газета). В настоящее время так называют рукописные стенгазеты, которые были распространены в 50—70-е гг. XX в. [Комлев 2006]. Для подтверждения того, что дацзыбао как средство критики является не новым изобретением, а продолжением традиций, бывший председатель КНР Мао Цзэдун пытается найти в прошлом корни данного жанра и относит его возникновение к V в. до н. э. [Лю 2003]. Однако использование дацзыбао приобретает политический характер лишь незадолго до и во время Культурной революции [Там же]. Чаще всего информация в дацзыбао подавалась с соблюдением определенного порядка: цитирование Мао Цзэдуна, восхваление обстановки в стране, отрывок произведения «подсудимого» (часто цитировавшийся неточно), сообщение о непреклонном наказании за противодействие Коммунистической партии. Вместе с другими «новыми формами социалистической революции» дацзыбао упоминается в Конституции КНР с 1975 г. [Конституция 1975]. После Культурной революции в 1982 г. это упоминание изъято из Конституции, и дацзыбао официально объявлены нелегальными [Лю 2003]. По прошествии тридцати лет, в эпоху высоких технологий, жанр дацзыбао возрождается и получает популярность в Интернете, что, видимо, требует усовершенствования законодательства для этого сегмента Интернета [Се 2012].

Благодаря тесной политической связи между КНР и СССР слово «дацзыбао» заимствовано русским языком почти сразу после своего возникновения с таким же значением, как и в китайском языке. Оно часто встречается в материалах, посвященных Культурной революции в Китае, например, в одной из песен В. С. Высоцкого :

(1) *А кто не читит цитат — тот
ренегат и гад!*

Тому на задницу наклеим дацзыбао!

В Национальном корпусе русского языка

(далее — НКРЯ [НКРЯ]) по запросу сведений о данной лексеме найдено 13 документов, 23 вхождения, среди которых самое раннее по времени использование относится к 1959 г.:

(2) *Ван-ман взял старую газету, кисточку, тушь и под диктовку Вуана стал писать „дацзыбао“ — широко распространенную в Китае индивидуальную стенгазету* [Драчинский 1959].

Несмотря на короткую историю функционирования существительного «дацзыбао», оно приобретает новый смысл в речевых актах носителей русского языка: «список, перечень, содержание которого непонятно для целевой аудитории». Об этом свидетельствуют интернет-ресурсы, где немало таких фрагментов, в которых «дацзыбао» не имеет никакого отношения к Культурной революции, например:

(3) *На самом деле, есть Указ Президента РФ от 30 ноября 1995 г. № 1203 „Об утверждении перечня сведений, отнесенных к государственной тайне“. Именно на соответствие ему и проверяют статью. Помимо этого, есть еще более детальный подперечень, у нас это — перечень Минпромторга, большая зеленая книжка. Написана она совершенно маразмным языком и понять из нее, что секретно, а что не очень — бывает затруднительно. Есть еще какое-то секретное дацзыбао на эту же тему, я его читал, но не понял ни слова* [Александр 2015].

С учетом главных признаков китайских дацзыбао нетрудно выяснить, что первичное и переносное значения данной лексемы связываются семантическими компонентами «бумажный», «порядок написания», «отрицательный оттенок». По сравнению с языком-донором, слово «дацзыбао» получает «новую жизнь» в русском языке, но его переносное значение до настоящего времени не зафиксировано в фундаментальных словарях (см., например: [Комлев 2006]). Для лексической единицы «дацзыбао», как нам представляется, более полное толкование будет таким:

дацзыба́о нескл. ср. 1. *Рукописные стенгазеты, которые были распространены в Китае в 50—70-е годы XX в.* 2. (перен.) *Список, перечень, содержание которого непонятно для целевой аудитории.*

В отличие от русского, в английском языке существует несколько эквивалентов для соответствующего китайского слова: «dazibao», «ta tzu-pao», «big-character poster» и др. В произведениях художественной литературы найдены следующие примеры:

(4) *These included the authors of the 'Li Yi Zhe'*

document, a 20,000 character **dazibao** which had been posted in Guangzhou on 10 November 1984, some four years before 'Democracy Wall' [Cherrington 1991].

(5) *Around the basketball court and a stage which prisoners had built were bulletin boards posted with **ta tzu-pao** such as you see before any Chinese factory: essays, rhymes, praise and mutual criticism, lists of model workers and their awards* [Snow 1970].

Первая версия, «dazibao», — заимствование из китайского языка, передача слова по правилам транскрипции пиньинь. Второй вариант — результат использования транскрипционной системы Уэйда — Джайлза. В Корпусе современного американско-английского языка (Corpus of Contemporary American English, далее — COCA [COCA]) мы нашли пример использования кальки:

(6) *So you make a **big-character poster** about your Department Head. He has already been denounced by others so you do not feel responsible* [Smith 2005].

Словосочетание «big-character poster» — калька, в которой каждому иероглифу сопоставлено английское слово: «да» — «big» (большой), «цзы» — «character» (иероглиф), «бао» — «poster» (афиша, объявление). Последняя часть «poster» четко указывает на суть дацзыбао — оно в самом деле не является газетой в прямом смысле (периодическим изданием), а играет информационную и пропагандистскую роль.

Разнообразие выражений, обозначающих дацзыбао и функционирующих в английском языке, может быть объяснено плюрализмом переводческих решений. Несмотря на то, что вариант «dazibao» уже зафиксирован в Оксфордском словаре [Oxford English Dictionary], версия «big-character poster» чаще употребляется в реальной коммуникации. В отличие от лексемы «дацзыбао» в русском языке, в английском ни «dazibao», ни «big-character poster» не приобретают других значений и обозначают только определенную политическую реалию.

Другим заимствованием из китайского языка является «хунвейбин» — номинация участника общественных молодежных отрядов в Китае в начале Культурной революции. В языке-доноре первоначальное значение лексической единицы — «красный защитник» («хун» — «красный», «вэй» — «защищать», «бин» — «солдат»). Употребление номинации «хунвейбин» в дацзыбао начинается с конца мая 1966 г. в Пекине и скоро распространяется во всех школах и университетах [Цзян 1994]. Эта номинация относилась к студентам, которые организовывали независимые друг от друга группировки,

имеющие общую цель — полное уничтожение буржуазии и защиту пролетариата в культурной сфере, в частности в учебных заведениях. Теоретической базой хунвейбинов была книга «Цитаты Председателя Мао Цзэдуна». 8 августа «Постановление ЦК КПК о Великой пролетарской культурной революции» подтверждает правильность революционного движения молодежи [Постановление 1966]. 18 августа во время парада на площади Тяньаньмэнь Мао дает согласие повязать на него красную ленточку, которую носил почти каждый хунвейбин [Цзян 1994].

В результате перевода новостей из Китая для наименования данного отсутствующего в русской культуре явления русский язык постепенно заимствует и ассимилирует слово «хунвейбин»: оно включается во многие словари, активно употребляется в произведениях художественной литературы, обрастает дополнительными значениями. В «Новом словаре русского языка» для лексической единицы «хунвэйбин» дается следующее описание:

хунвэйбін 1. *Отряды молодежи, сформированные в Китае в 1966—1968 гг. в период «Культурной революции» и использовавшиеся для расправы с политическими, общественными и культурными деятелями.* 2. *перен. Молодые экстремисты, отличающиеся крайним пренебрежением к культуре и ее традициям, к правам человека и вершащие свой скорый и несправедливый суд* [Ефремова 2000].

Переносное значение данного слова формируется исходя из характера поведения китайских хунвейбинов, которые искоренили все старое: мышление, культуру, привычки и обычаи — все то, что, по их мнению, являлось пережитками буржуазии. Пострадали в том числе и исторические достопримечательности, и религиозные организации. В процессе борьбы хунвейбины нередко проявляли неуважение к «подсудимым», применяли к ним насилие, заходили в чужое жилье без разрешения, незаконно удерживали и избивали «виновных» [Куприянов 2016]. В НКРЯ по запросу «хунвэйбин» находится 20 документов, 39 вхождений, с контекстами, в которых лексема употребляется в разных значениях. Например:

(7) *На одном митинге некий **хунвэйбин** обличал ректора университета в том, что он якобы понаез в Бэйда (Пекинский университет) иностранцев* [Юбилей ученого 2002].

(8) *Выпускники школ и ВУЗов 1920-х гг., да и 1930-х гг. — по типу мышления и действия были, как бы мы сказали теперь, настоящими **хунвэйбинами** — новой советской партийно-хозяйственной организационной эли-*

той, новой интеллигенцией [Копылов 2003].

Высокий уровень ассимиляции данной лексики проявляется также в словоизменительной парадигме, т. е. в образовании разных словоформ путем изменения окончания в зависимости от грамматического значения. Так, в примере 8 слово используется в творительном падеже множественного числа, как требует управляющий глагол прошедшего времени множественного числа «были» в книжном стиле.

Английский эквивалент «Red Guard», в отличие от русского «хунвейбин», образован путем калькирования. Несмотря на эту разницу, судьба двух выражений весьма схожа: «Red Guard» также приобретает расширенное значение, относящееся к организованным экстремистам, обусловленное деструктивным поведением китайских хунвейбинов во время Культурной революции. Об этом свидетельствует словарная статья в Оксфордском словаре:

Red Guard noun. *Any of various radical or socialist groups, in particular a militant youth movement in China (1966—76) that carried out attacks on intellectuals and other disfavored groups as part of Mao Zedong's Cultural Revolution* —

а также 55 вхождений COCA, например:

(9) *He became a **Red Guard**, and before he had even graduated from high school, he wanted to quit school and go on revolutionary tours around the country with his friends, sharing the experience of rebelling against authority with other **Red Guards*** [Bao 2015: 63];

(10) *You hear people call the newspaper the "**Red Guard**" because of its supposed leftward slant* [Howe 2005: 112].

В предложении 9 под «Red Guards» подразумеваются молодежные отряды периода Культурной революции в Китае, а в примере 10 газета названа «Red Guard» в соответствии с левым идеологическим уклоном. В грамматическом аспекте данное словосочетание также имеет сходство со словом «хунвейбин». Как большинство исчисляемых имен существительных, оно образует форму множественного числа с помощью суффикса «-s» (см. пример 9).

Выражение «четыре пережитка» / «Four Olds» — калька китайского слова, обозначающего старое мышление, старую культуру, старые привычки и старые обычаи, с которыми хунвейбины боролись и старались покончить с самого начала Культурной революции. Следует отметить, что структура данного словосочетания в китайском, русском и английском языках отличается. В языке-доноре оборот образован по модели «числительное + прилагательное», дословно

переводится как «четверо старых» (по отношению к «новым», которые хунвейбины стремились установить). Однако в русском языке применяется более привычная конструкция «числительное + существительное». В английском языке выражение сохраняет буквальное значение и грамматическую структуру, но прилагательное «old» (старый) субстантивируется, о чем свидетельствует употребление прописной буквы и прибавление s как окончания множественного числа.

Лексема «цзаофань» заимствована из китайского языка также в период Культурной революции. «Цзао» переводится как «делать, создавать», «фань» — «против, сопротивляться». В языке-доноре данный глагол давно существует для обозначения мятежа или сопротивления по политическим мотивам. Подобные действия совершались на протяжении первых трех лет Культурной революции хунвейбинами, особенно теми, кто принадлежал к одному из «четырех направлений». К концу 1966 г. они составили большинство [Гао 2012: 11]. Главная их особенность заключалась в противодействии не только буржуазному классу, но и местной администрации, в результате чего направление получило название «цзаофань», транскрибированное в русском языке. Несмотря на то, что в языке-реципиенте существует соответствующий глагол «бунтовать» и связанные с ним существительные, которые могли бы использоваться для обозначения охарактеризованного явления, тем не менее для наименования участников описанного движения происходит материальное заимствование, т. е. в русский язык входит лексема «цзаофань», максимально сохраняющая форму (произношение) китайского языка. Однако в процессе заимствования меняется частеречная принадлежность китайского слова: из глагола («бунтовать») оно становится существительным, обозначающим лицо («те, кто бунтует; бунтари»), так как для русской культуры совершенно новым является не само действие сопротивления, а группа людей, кто этим занимается. Слово «цзаофань» уже включено в различные словари и функционирует чаще всего во множественном числе, например:

(11) *Один из бывших **цзаофаней** вспоминал, что в Лхасе все обошлось довольно мирно* [Кузьмин 2010].

На основе данных из словарей [Комлев 2006; Лопатин 2004] мы предлагаем для лексики «цзаофань» следующую дефиницию:

цзаофа́нь, -я м. разновидность хунвейбинов, участник отрядов, создававшихся в 1966—1967 гг. в Китае из наиболее отсталой, политически незрелой части рабо-

чей молодежи.

Таблица. Функционирование общественно-политической лексики, заимствованной во время Культурной революции из китайского языка

Лексические единицы	Параметры сравнения				
	Способ заимств. в русский язык	Способ заимств. в английский язык	Функц. в языке-доноре	Функц. в русском языке	Функц. в английском языке
дацзыбао / dazibao / big-character poster	материальный	материальный, калькирование	полит. (предмет)	1. полит. 2. переносное значение	полит. (предмет)
хунвейбин, хунвэйбин / Red Guard	материальный	калькирование	полит. (лицо)	1. полит. 2. переносное (расширенное) значение	1. полит. 2. переносное (расширенное) значение
четыре пережитка / Four Olds	калькирование	калькирование	полит. (понятие)	полит. (понятие)	полит. (понятие)
цзаофань	материальный	–	полит. (действие)	полит. (лицо)	–

Следует отметить, что в английском языке отсутствует специальная номинация для цзаофаней. Предпочтение отдается описательным конструкциям. Для номинации употребляются родные слова, такие как «rebel group» (мятежная группа), «rebel faction» (мятежная группировка) или просто «rebels» (мятежники, бунтари).

Употребление заимствованных из китайского языка общественно-политических лексем в английском и русском языках в сопоставлении с китайскими этимонами обобщено показано на таблице.

Результаты анализа позволяют сделать следующие выводы:

а) русский язык более склонен к заимствованиям из китайского языка, чаще используется материальный способ заимствования, т. е. вместе с новыми понятиями заимствуется и форма (произношение) слов; английский язык более «устойчив» и предпочитает калькирование, т. е. появление новых значений у существующих слов или образование с их помощью новых словосочетаний;

б) уровень ассимиляции изученных лексем в русском языке выше, чем в английском языке, так как в процессе функционирования в русском чаще происходит расширение или сдвиг значения.

Таким образом, пути ассимиляции заимствованных из китайского языка общественно-политических лексем в русском и английском языках различаются, в связи с чем их функционирование в двух языках также неодинаково, что требует дальнейшего исследования.

ИСТОЧНИКИ

1. Александр. Комментарий на «Возвращение полицейщины» Шулера. В. 2015. 22 окт. URL: <http://trv-science.ru/2015/10/20/vozvrashchenie-policejshchiny/> (дата обращения: 07.09.

2016).
 2. Драчинский Н. На лодке по реке Ли // Огонек. 1959. № 8.
 3. Копылов Г. Образование, придающее силы // Лебедь : интернет-альманах. 2003. 15 июн.
 4. Кузьмин С. Л. Скрытый Тибет. История независимости и оккупации. 2010. 544 с.
 5. Национальный корпус русского языка = НКРЯ. URL: <http://www.ruscorpora.ru/>.
 6. Юбилей ученого // Проблемы Дальнего Востока. 2002.
 7. Bao Shu. What Has Passed Shall in Kinder Light Appear // Fantasy & Science Fiction. 2015. Vol. 128, Iss. 3/4, Mar/Apr. P. 81—143.
 8. Cherrington R. China's Students: the Struggle For Democracy. — London : Routledge, 1991. 256 p.
 9. Corpus of Contemporary American English = COCA. URL: <http://corpus.byu.edu/coca/>.
 10. Howe R. J. Entropy's Girlfriend // Analog Science Fiction & Fact. 2005. Vol. 125, Iss. 10.
 11. Oxford English Dictionary. URL: <https://en.oxforddictionaries.com/>.
 12. Smith G. B. A Few Moral Problems You Might Like to Ponder, in Front of a Winter's Evening, with a Cat on Your Lap // New England Review. 2005. Vol. 26.
 13. Snow. E. Red China Today: The Other Side of the River. — New York : Random House, 1970. 749 p.

ЛИТЕРАТУРА

14. Бантышева Л. Л. Общественно-политическая лексика начала XX века: традиции изучения // Политическая лингвистика. 2007. № 1 (21). С. 13—18.
 15. Витковская Л. В. Об ассимиляции заимствований в русском языке в условиях глобализации // Вестн. Пятигорск. гос. ун-та. 2015. № 4. С. 17—22.
 16. Демьянков В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 17—33.
 17. Дубовский Ю. А., Витковская Л. В. Проблемы ассимиляции заимствований в современных лингвистических теориях // Русский язык и межкультурная коммуникация. 2013. № 1 (12). С. 28—38.
 18. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. — М. : Русский язык, 2000. 1084 с.
 19. Комлев Н. Г. Словарь иностранных слов. — М. : ЭС-КМО, 2006. 672 с.
 20. Конституция Китайской Народной Республики. 1975. 17 янв. URL: <http://maoism.ru/3213> (дата обращения: 26.10.2016).
 21. Кубрякова Е. С. Язык и знание. — М. : Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
 22. Куприянов А. Красные каннибалы. В споре о хунвейбинах-людоедах до сих пор не поставлена точка // Лента. 2016. 18 мая. URL: <https://lenta.ru/articles/2016/05/18/redcannibals/> (дата обращения: 27.09.2016).

23. Лопатин В. В. [и др.]. Русский орфографический словарь. 2-е изд., испр. и доп. — М., 2004. 960 с.

24. Постановление ЦК КПК о Великой пролетарской культурной революции. 1966. 8 авг. URL: <http://library.maoism.ru/kpk8aug.htm> (дата обращения: 28.09.2016).

25. Шмелькова В. В. Общественно-политическая и юридическая лексика в русском языке конца XX века (на материале толковых словарей) // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Лингвистика. 2009. № 1. С. 87—90.

26. 高涛. 造反派. // 档案天地. 2012年第2期. 10—13页. = Гao Tao. Цзаofани // Мир архива (Дан Ан Тянь Ди). 2012. № 2. С. 10—13.

N. Dan

Pyatigorsk, Russia

SOCIO-POLITICAL WORDS OF CHINESE ORIGIN IN RUSSIAN AND ENGLISH

ABSTRACT. Due to globalization processes, the words denoting national social and political realia may be borrowed by the other languages during intercultural contacts and translation process. New groups of socio-political borrowings from the Chinese language appear in Russian and English. The research of the mechanism of learning a new “alien” word is possible with the help of linguo-cognitive approach. The results of such research contribute to lexicography and scientific and methodological area of linguistics. This paper studies Chinese borrowings that denote social and political realia of the Cultural revolution (1966—1976), which is a remarkable period of Chinese history. The ways and methods of assimilation of new words are discussed on etymological and morphological levels. We compare socio-political words of Chinese origin in Russian and English on the basis of the study of their meanings in the source-language and the target language in semantic and pragmatic aspects. The words under analysis are found in the National Corpora of Russian and English, in different dictionaries, Internet resources and fiction.

KEYWORDS: socio-political words; interaction of languages; lexical units; Chinese language; Russian language; English language; comparative linguistics; loan words; cultural revolution.

ABOUT THE AUTHOR: Dan Na, Post-graduate Student, Department of Linguistics, Russian Philology, Literature and Journalism, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia.

REFERENCES

1. Aleksandr. Kommentariy na «Vozvrashchenie politseyskhiny» Shupera. V. 2015. 22 okt. URL: <http://trv-science.ru/2015/10/20/vozvrashchenie-politseyskhiny/> (data obrashcheniya: 07.09.2016).

2. Drachinskiy N. Na lodke po reke Li // Ogonek. 1959. № 8.

3. Kopylov G. Obrazovanie, pridayushcheye sily // Lebed' : internet-al'manakh. 2003. 15 iyun.

4. Kuz'min S. L. Skrytyy Tibet. Istoriya nezavisimosti i okkupatsii. 2010. 544 s.

5. Natsional'nyy korpus russkogo yazyka = NKRYa. URL: <http://www.ruscorpura.ru/>.

6. Yubiley uchenogo // Problemy Dal'nego Vostoka. 2002.

7. Bao Shu. What Has Passed Shall in Kinder Light Appear // Fantasy & Science Fiction. 2015. Vol. 128, Iss. 3/4, Mar/Apr. P. 81—143.

8. Cherrington R. China's Students: the Struggle For Democracy. — London : Routledge, 1991. 256 p.

9. Corpus of Contemporary American English = COCA. URL: <http://corpus.byu.edu/coca/>.

10. Oxford English Dictionary. URL: <https://en.oxforddictionaries.com/>.

11. Howe R. J. Entropy's Girlfriend // Analog Science Fiction & Fact. 2005. Vol. 125, Iss. 10.

12. Smith G. B. A Few Moral Problems You Might Like to Ponder, of a Winter's Evening, in Front of the Fire, with a Cat on Your Lap // New England Review. 2005. Vol. 26.

13. Snow. E. Red China Today: The Other Side of the River. — New York : Random House, 1970. 749 p.

14. Bantysheva L. L. Obshchestvenno-politicheskaya leksika nachala XX veka: traditsii izucheniya // Politicheskaya lingvistika. 2007. № 1 (21). S. 13—18.

15. Vitkovskaya L. V. Ob assimilatsii zaimstvovaniy v russkom yazyke v usloviyakh globalizatsii // Vestn. Pyatigorsk. gos. un-ta. 2015. № 4. S. 17—22.

16. Dem'yankov V. Z. Kognitivnaya lingvistika kak raznovidnost' interpretiruyushchego podkhoda // Voprosy yazykoznaniya. 1994. № 4. S. 17—33.

27. 罗平汉. 大字报的兴衰. // 书摘. 2003年第11期. = Луo Пинхань. Расцвет и падение дацзыбао // Шу Чжай. 2003. № 11.

28. 谢磊. 贺龙之女呼吁彻查网络大字报. // 中国共产党新闻网. 2012年3月10日. = Се Лэй. Призыв от дочери Хэ Луна о полном аннулировании дацзыбао в Интернете // Новости Коммунистической партии Китая. 2012. 10 марта. URL: <http://cpc.people.com.cn/GB/64093/64387/17345590.html> (дата обращения: 24.09.2016).

29. 江旻. 红卫兵运动始末. 党史文汇. 1994年11期. = Цзянь Минь. О движении хунвейбинов // Сборник статей об истории ЦК КПК (Дан Ши Вэн Хуэй). 1994. № 11.

17. Dubovskiy Yu. A., Vitkovskaya L. V. Problemy assimilatsii zaimstvovaniy v sovremennykh lingvisticheskikh teoriyakh // Russkiy yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. 2013. № 1 (12). S. 28—38.

18. Efremova T. F. Novyy slovar' russkogo yazyka. — М. : Russkiy yazyk, 2000. 1084 s.

19. Komlev N. G. Slovar' inostrannykh slov. — М. : ESKMO, 2006. 672 s.

20. Konstitutsiya Kitayskoy Narodnoy Respubliki. 1975. 17 yanv. URL: <http://maoism.ru/3213> (data obrashcheniya: 26.10.2016).

21. Kubryakova E. S. Yazyk i znanie. — М. : Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2004. 560 s.

22. Kupriyanov A. Krasnye kannibaly. V spore o khunveybinakh-lyudoedakh do sikh por ne postavlena tochka // Lenta. 2016. 18 maya. URL: <https://lenta.ru/articles/2016/05/18/redcannibals/> (data obrashcheniya: 27.09.2016).

23. Lopatin V. V. [i dr.]. Russkiy orfograficheskiy slovar'. 2-e izd., ispr. i dop. — М., 2004. 960 s.

24. Postanovlenie TsK КПК о Velikoy proletarskoy kul'turnoy revolyutsii. 1966. 8 avg. URL: <http://library.maoism.ru/kpk8aug.htm> (data obrashcheniya: 28.09.2016).

25. Shmel'kova V. V. Obshchestvenno-politicheskaya i yuridicheskaya leksika v russkom yazyke kontsa XX veka (na materiale tolkovykh slovarey) // Vestn. Ros. un-ta druzhby narodov. Ser.: Lingvistika. 2009. № 1. S. 87—90.

26. Gao Tao. Tszaofani // Mir arkhiva (Дан Ан Тянь Ди). 2012. № 2. S. 10—13.

27. Luo Pinkhan'. Rastsvet i padenie datszybao // Shu Chzhay. 2003. № 11.

28. Се Лей. Призыв от дочери Хэ Луна о полном аннулировании дацзыбао в Интернете // Новости Коммунистической партии Китая. 2012. 10 марта. URL: <http://cpc.people.com.cn/GB/64093/64387/17345590.html> (data obrashcheniya: 24.09.2016).

29. Tszyan Min'. О dvizhenii khunveybinov // Sbornik statey ob istorii TsK КПК (Дан Ши Вен Хуэй). 1994. № 11.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Л. В. Витковская.

Е. П. Дулесов
Ижевск, Россия

МЕТАФОРЫ ГАРМОНИЗАЦИИ В ДИСКУРСЕ РУССКИХ НАЦИОНАЛИСТОВ НАЧАЛА XX В.

АННОТАЦИЯ. Когнитивная метафора, функционирующая в различных интолерантных дискурсах, в последнее время все чаще становится объектом пристального внимания лингвистов, как отечественных, так и зарубежных. Обнаружено, что формы вербального унижения («чужих») схожи: с помощью деструктивных (конфликтных) метафор они изображаются как возбудители болезней, паразиты, стихийные бедствия, сорняки, вражеская армия и т. п. Дискурс русских националистов начала XX в. не является в этом отношении исключением. Но помимо деструктивных метафор русские националисты активно используют и конструктивные, которые являются предметом рассмотрения в данной статье. Самыми частотными сферами-источниками для конструктивных метафор являются понятийные области «Семья» и «Неживая природа». При этом Россия предстает то как одна большая дружная семья, то как океан, готовый вобрать в себя множество рек, то как планетарная система. Удалось установить, что такие метафоры профилируют идею единения, гармоничного развития разных народов в составе Российской империи, поэтому они названы метафорами гармонизации. В условиях усиления сепаратистских стремлений на окраинах русские националисты с помощью метафор гармонизации стремятся снизить градус межнационального напряжения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: когнитивные метафоры; метафорические модели; речевые стратегии; политический дискурс; русский национализм; политическая метафорология.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Дулесов Евгений Павлович, аспирант кафедры русского языка, теоретической и прикладной лингвистики ФБГОУ ВО «Удмуртский государственный университет»; 426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 2; e-mail: evdules@gmail.com.

В последние десятилетия различные интолерантные [Ли 2012: 107; Астафурова, Олянич 2010] (националистические, расистские, ксенофобические и т. п.) дискурсы все чаще становятся объектом лингвистических исследований. Большинство таких работ выполнено в рамках критического дискурса-анализа, целью которого является «разоблачение неравенства и несправедливости, лишение идеологий их естественности, раскрытие отношений доминирования и власти и сообщение об этих отношениях тем, кто страдает от угнетения» [Водак 2011: 287]. В интолерантных дискурсах этнические меньшинства изображаются как «чужие», и для их вербального умаления задействуются различные языковые средства, в том числе метафора.

Специалисты по политической лингвистике отмечают, что «политические экстремисты (как правые, так и левые) более склонны использовать метафорические образы» [Чудинов 2006: 25]. И это не случайно, ведь метафора обладает огромным прагматическим потенциалом: она служит мощным средством, с помощью которого можно преобразовать существующую в сознании адресата политическую картину мира, убедить его в правильности своих взглядов и даже побудить к определенным действиям [Чудинов 2003]. Именно поэтому через призму когнитивной метафоры многие лингвисты пытаются увидеть, как представлены взаимоотношения между разными народами в дискурсе националистически ориентированных политиков и публицистов.

Так, Сильвия Яворска проанализировала метафорические выражения, которые использовались в немецкой радикально-нацио-

налистической пропаганде начала XX в. в отношении польского меньшинства. По ее наблюдениям, метафора «Государство/нация — это тело» является наиболее частотной. Немецкие националисты регулярно применяют лексику *Volkskörper* ('тело народа') в отношении немецкоязычного большинства, при этом тело изображается раненым или больным. Причина болезни — польское меньшинство, которое описывается как *Fremdkörper* ('чужеродное тело'). Согласно этому метафорическому сценарию, для восстановления здоровья необходимо лечение или даже операция — удаление чужеродного тела, т. е. полномасштабное выселение поляков из восточных провинций. Кроме того, в текстах немецких националистов поляки предстают как стихийное бедствие (*polnische Überflutung* 'польское наводнение'), сорняки, разлагающие элементы, вражеская армия [Jaworska 2011].

Многие исследователи (Б. Хокинс, Дж. Чартерис-Блэк, А. Мусолфф, П. Чилтон, Ф. Раш) отмечают, что в антисемитском дискурсе Третьего рейха евреи изображаются как паразиты, вредящие телу — немецкой нации / арийской расе [Musolff 2006].

В современном медиадискурсе разных стран при осмыслении сферы-мишени «Иммиграция» используется метафорическая модель стихийных бедствий [Калыгина 2009; Веснина 2010]. Рассматривая метафорическое представление нелегальных мигрантов из Латинской Америки в публикациях калифорнийской газеты «The Los Angeles Times», американский исследователь Отто Санта Ана обнаружил, что концептуальная метафора «Иммиграция — это опасные водные потоки» является одной из доминантных.

Красноречиво название его монографии — *Brown Tide Rising: Metaphors of Latinos in Contemporary American Public Discourse* («Поднимается коричневая волна: метафоры, представляющие мигрантов из Латинской Америки, в современном американском публичном дискурсе»). Санта Ана отмечает: когда к иммигрантам относятся как к опасным водным потокам, «волнам коричневых лиц» (*surges of brown faces*), стираются их индивидуальность и человеческая природа и проигрывается устрашающий сценарий разрушительного наводнения [Santa Ana 1997: 323]. С точки зрения исследователя, современные журналисты, освещающие проблемы иммиграции, не являются открытыми расистами, но, используя зооморфные, милитарные и морбиальные метафоры, а также метафоры стихийных бедствий в отношении иммигрантов, они формируют расистский дискурс [Santa Ana 1999: 217].

Некоторые исследователи обращаются к метафорике неофашистов, или так называемых скинхедов, которая используется для обозначения вынужденных переселенцев в Германию в 90-е гг. XX в. Они называются *паразитами, прихлебателями*, которые существуют за счет других, а немецкий народ предстает как *«непрерывно бросающий деньги в алчные пасти»* переселенцев. Иностранцы также сравниваются с нашествием, стихийным бедствием, различными болезнями (*«смертельный вирус», «чума», «раковая метастаза»* на здоровом теле немецкого народа) [Чернявская 2006: 90—91].

Как видно из приведенных примеров, националистически настроенные политики и публицисты в разных странах в разные исторические периоды используют сходные метафорические модели, для того чтобы показать опасность, исходящую от этнических меньшинств. Они изображаются как чужеродные тела, паразиты, опасные заболевания, стихийные бедствия, солдаты вражеской армии, преступники, сорняки, животные и т. п. Дискурс русских националистов начала XX в. не является в этом отношении исключением.

В начале XX в. в России обострился национальный вопрос. Многонациональная и поликонфессиональная империя «затрещала по швам»: народы, проживавшие на окраинах (финны, поляки, литовцы, грузины, армяне и др.) все чаще стали выступать против русификаторской, по их мнению, политики государства, бороться за сохранение своих традиций, культуры и языка, требовать автономии и даже создания самостоятельных национальных государств. Пробуждение сепаратистских движений заставило

сплотиться «истинно русских людей» (как они сами себя называли), которые отстаивали господствующее положение русского народа и православной веры и пресекали «все попытки к расчленению России под каким бы то ни было видом» [Черная сотня 2008: 7].

По нашим подсчетам, для концептуализации национального вопроса в Российской империи русские националисты чаще всего обращаются к таким сферам-источникам, как «Болезнь», «Война», «Мир животных», «Организм», «Неживая природа», «Дом», «Семья», «Экономические отношения», «Стихийные бедствия», «Религия».

Отдельные метафорические модели А. Н. Баранов предлагает объединять в более крупные группы, опираясь на такой признак, как общность прагматического потенциала. Совокупность метафорических моделей, сходных по своим метафорическим следствиям, т. е. профилирующих одни и те же смыслы, лингвист называет **конstellляцией метафор** [Баранов 2014: 53]. На наш взгляд, конstellляции метафор целесообразно выделять в связи с речевыми стратегиями и тактиками.

Как отмечает О. С. Иссерс, «политическая жизнь, с ее реальной борьбой за власть, столкновением интересов, манипуляцией фактами и мнениями, дает возможность наблюдать целый спектр речевых стратегий и тактик» [Иссерс 2008: 160]. При этом доминирующими стратегиями политического дискурса исследователи считают стратегию на понижение и стратегию самопрезентации. Они пронизывают все без исключения политические тексты, актуализируя центральную политическую дихотомию «свои» — «чужие» [Чернявская, Логинова 2005: 67; Михалева 2004]. Необходимо подчеркнуть, что, воздействуя на адресата в рамках определенной стратегии и тактики, политик может использовать различные инструменты, в том числе и когнитивную метафору.

С. В. Свирковская называет две основные цели ксенофобического дискурса: 1) защита во что бы то ни стало «своих» в ущерб «другим», 2) защита «своих» с конструктивным предложением для «других», в связи с чем выделяются стратегии деструктивные и конструктивные [Свирковская 2005: 5—6]. На наш взгляд, это положение можно экстраполировать и на дискурс русских националистов начала XX в. и соответственно разделить все метафоры на две большие группы. Метафоры первой группы используются в рамках стратегии на понижение. Эти метафоры можно назвать конфликтными (конфликтогенными) [См., в частности: За-

рипов 2015] или деструктивными. Чтобы представить своих оппонентов (инородцев-сепаратистов) в невыгодном свете, русские националисты используют различные тактики: оскорбляют инородцев, умаляют их значение (тактика оскорбления); представляют их как серьезную опасность для русского народа (тактика запугивания); обвиняют инородцев в том, что они эксплуатируют русских (тактика обвинения). В связи с этим среди конфликтогенных метафор, пользуясь термином А. Н. Баранова, мы выделяем три констелляции: метафоры дискредитации, метафоры агрессии и метафоры эксплуатации. Эти метафоры направлены прежде всего на русского адресата: для привлечения русского избирателя правые политики и публицисты создают отрицательный образ инородцев-сепаратистов, формируя лексико-семантическое поле «чужие». С этой целью русские националисты начала XX в. используют те же метафорические образы, что и другие националистически настроенные политики и публицисты в разных странах и в разные исторические периоды (*паразиты, опасная болезнь, вражеская армия, наводнение, хищники, дьявольская сила* и т. д.).

Однако в исследуемом корпусе текстов мы обнаружили также значительное количество конструктивных метафор, склонность к которым отражает «неконфликтное осмысление опыта» [Баранов 2014: 157], что, на наш взгляд, можно считать отличительной чертой дискурса русских националистов начала XX в. Эти метафоры профилируют идею единения, гармоничного развития разных народов в составе Российской империи, поэтому в нашем исследовании мы относим их к констелляции метафор гармонизации. Такие метафоры служат инструментом, который используется в рамках конструктивной стратегии для создания лексико-семантического поля «свои». В условиях усиления сепаратистских стремлений на окраинах русские националисты с помощью метафор гармонизации стремились снизить градус напряжения, успокоить инородцев, показать, что все народы дружно и счастливо живут в Российской империи под предводительством русского народа. При этом подчеркивается, что только благодаря России многие инородческие окраины достигли высокого уровня развития. Россия интерпретируется как семья, океан, планетарная система, единый организм, растение и т. д. Самыми частотными сферами-источниками метафор гармонизации являются понятийные области «Семья» и «Неживая природа».

Семейная метафора. Наиболее ярким положительным ореолом обладает семей-

ная метафора. В данном случае метафоризация проходит в две стадии: сначала каждый народ, живущий в составе Российской империи, предстает как один человек (метафора персонификации); затем эти народы-люди изображаются родственниками. В результате формируется образ России как большой, дружной, счастливой семьи, в которой все народы — братья.

Если в пределах России оно [братство народов] будет осуществлено раньше, чем где-либо, то это будет воплощением понятия „великая семья русского народа“, в состав коей, как члены, войдут и наши инородцы и иноверцы... (А. С. Вязигин. Россия для русских).

Наиболее часто Россия предстает как мать всех входящих в империю народов.

Велика и необъятна наша матушка-Русь, и много языков и народностей живет на необъятном пространстве Российской империи, и все они не тесно вмещаются на широком лоне одной нашей любящей матери, нашей общей родины... <...> Господа, Россия смотрит на всех своих граждан как на своих родных детей, у ней нет пасынков, нет отщепенцев, но пусть же сами инородцы, населяющие Российскую империю, смотрят на нее как на родную мать... (из выступления епископа Евлогия от 4 декабря 1909 г.).

Правый депутат Государственной думы Н. Е. Марков в речи от 12 мая 1908 г. перечисляет преимущества, которые получила Финляндия после вхождения в Российскую империю (освобождение от воинской повинности, меньшие налоги, присоединение ряда территорий и т. д.), и подкрепляет приведенные факты метафорой: *И поныне Финляндия есть любимая дочь России, а никак не падчерица.* Примечательно, что во многих случаях мелиоративный смысл метафоры акцентируется с помощью антитезы: *мать — мачеха, дочь — падчерица, родные дети — пасынки.*

Признавая все народы, входящие в состав империи, членами одной семьи, русские националисты все же выделяют русский народ как старшего брата, которому должны подчиняться младшие.

России нужно не преобладание, но первенство над инородцами, основанное на семейных отношениях младших к старшему в роде (Н. Н. Жеденов. Бюрократия).

Не пришли мы на Кавказ завоевателями, не пришли мы с мечом и огнем на Кавказ, а пришли мы желанными гостями, и, можно сказать, защитниками меньших наших братьев-христиан... (из выступле-

ния Ф. Ф. Тимошкина от 20 ноября 1907 г.).

...Вы [обращаясь к полякам] должны помнить, что вы сейчас брат меньший, не гражданин второго разряда, но брат меньший по сравнению с тем телом, которое представляет собой Россия (из выступления В. М. Пуришкевича от 17 ноября 1907 г.).

Семейная метафора в данных контекстах позволяет в мягкой форме утвердить господствующее положение русского народа. Для сравнения можно привести более жесткий вариант метафорического представления субординации: русский народ — хозяин, инородцы — всего лишь гости в его доме:

Но пусть только они [иноплеменики] не забывают, что они живут у нас, в нашем доме, и что они не имеют права разорять этот приютивший их дом. Дом этот создали мы, а не они, и хозяином в этом доме может быть только Русский Царь со Своим Русским народом (В. А. Грингмут. Благое ли мы делаем дело?).

Особенно часто правые политики и публицисты обращаются к семейной метафорической модели при осмыслении украинского вопроса, доказывая, что русские и малороссы — это один неделимый народ:

Простые хохлы считают себя такими же русскими, как и москали, такими же православными, подданными одной русской власти, детьми одной матери — русской земли (М. О. Меньшиков. Великоорусская партия I).

Украинские националисты последовательно доказывают, что между русскими и украинцами так много различий (в истории, языке, обычаях, менталитете и т. п.), что их следует признать двумя разными народами. В свою очередь, русские националисты обращают внимание на то, что дети, которые растут и воспитываются в одной семье, очень часто отличаются друг от друга характером, внешностью, привычками, но при этом не перестают быть самыми близкими родственниками:

Особенности характера, сказывающиеся в областях Русской земли, так же не мешают единству, как особенности характера братьев и сестер в семье. Напротив, мы все дополняем друг друга (Л. А. Тихомиров. Сочиненная народность).

Кое-какие отличия, несомненно, есть, как между родными братьями и сестрами, выросшими в одной семье, — но эти несходства разрушают ли кровное родство? (М. О. Меньшиков. Великоорусская партия I).

Метафорическая модель неживой природы. Метафорическая модель неживой

природы является полифункциональной. Так, метафоры, относящиеся к субсфере-источнику «Стихийные бедствия», профилируют идею агрессивности инородцев по отношению к русскому государству. Вместе с тем в составе данной метафорической модели встречаются такие метафоры, которые способствуют гармонизации отношений между разными народами. В этом случае Россия / русский народ предстает как огромное водное пространство, готовое объединить в себе отдельные реки и ручейки — инородцев.

Если семейная метафора высвечивает прежде всего идею дружественности, семейственности, любви, то основной концептуальный вектор водной метафоры — это идея неизбежности и естественности. Как реки неизбежно несут свои воды в океан, так и Россия неизбежно объединяет в себе разные народы.

Рассматриваемая нами водная метафора, скорее всего, восходит к прецедентному тексту — стихотворению А. С. Пушкина «Клеветникам России» (1831 г.), которое было обращено к французским депутатам и журналистам, демонстративно выразившим сочувствие польскому восстанию 1830—1831 гг. и призывавшим к вооруженному вмешательству в русско-польский конфликт. В стихотворении есть следующие строки: *Уже давно между собою // Враждуют эти племена; // Не раз клонилась под грозю // То их, то наша сторона. // Кто устоит в неравном споре: // Кичливый лях, иль верный росс? // Славянские ль ручьи сольются в русском море? // Оно ль иссякнет? вот вопрос.* Русские националисты подхватили образ, созданный великим поэтом, и использовали его в отношении не только поляков, но и других инородцев:

Но можете ли вы сказать [обращаясь к польским депутатам], что до настоящего времени вы искренне, прямо и открыто делали шаги, чтобы слиться вместе с нами и чтобы работа наша была действительной работой всех славянских ручьев, которые слились бы в русском море? (из выступления В. М. Пуришкевича от 17 ноября 1907 г.).

Чего он [еврейский народ] ждет, на что надеется? Ведь нельзя же в самом деле допустить, чтобы стодвадцатимиллионный государственный организм переделал себя на его лад. Остается одно — и это неизбежно, — слиться речке с морем, ассимилироваться (П. А. Крушеван. Что такое Россия?).

Характеризуя межнациональные отношения в Российской империи, русские националисты очень часто говорят о необходи-

мости слияния инородцев с русской культурой, для этого они используют одиночную метафору *слиться*, вошедшую в лексико-семантическую систему языка. Так, в словаре С. А. Кузнецова указано, что первое значение этого глагола — ‘соединиться в один поток’ (*Ручей слился с рекой*), а второе, переносное — ‘соединившись с кем-, чем-либо, составить одно целое’ (*Наши усилия слились воедино*) [Большой толковый словарь русского языка].

Писали латыши, малороссы и поляки. Я рад, что все письма написаны без вражды к русской народности и даже признают необходимость слияния (В. В. Розанов. «Трудности» для инородцев).

С тех пор Малороссия национально, культурно и политически совершенно слилась с коренной Россией, слилась в одно органическое государственное целое (из выступления А. И. Савенко от 1 июля 1913 г.).

Несмотря на то, что метафора *слиться* является языковой, узуальной и высококачественной, нельзя утверждать, что ее прагматический потенциал сведен к нулю. Здесь мы готовы поспорить с И. М. Кобозевой, которая считает, что в плане воздействия на адресата лексикализованные метафоры ничем не отличаются от буквальных номинаций и лишены семантической двойственности [Кобозева 2010]. Скорее можно согласиться с Ш. Балли, выделявшим, помимо «живых» и «мертвых» образов, еще и «ослабленные» образы, которые вызывают лишь смутные представления, но сохраняют свою выразительность и способность активно воздействовать на чувства адресата [Балли 2001: 228]. Примечательно, что нами зафиксирован контекст, в котором публицист-националист вводит своеобразный метаязыковой комментарий, обосновывая свой выбор метафоры *слиться*.

При этой системе поляки проникаются сознанием, что [...] их край не только „соединен“, но нераздельно слит воедино с государством Всероссийским (В. А. Грингмут. Призрак «польского вопроса»).

Подобная фигура (противопоставление внутри синонимической пары) в риторике именуется **парадиастолой** или **дистинкцией** [Хаззагеро 2009: 203]. Хотя глаголы *соединиться* и *слиться* (во втором значении) являются синонимами, они существенно различаются прагматическим потенциалом, что и эксплицировано в высказывании В. А. Грингмута. Языковая метафора *слиться* сохраняет семантическую двойственность, она указывает на сферу-источник «Мир неживой природы» и высвечивает идею естественности и необратимости. То, что соединили, можно отсо-

единить; то, что *нераздельно слито воедино*, отсоединить уже нельзя.

В некоторых контекстах авторы сочетают метафоры со сферами-источниками «Семья» и «Мир неживой природы», чтобы «аккумулировать» гармонирующий эффект:

Полякам предстоит одно из двух: или — чтоб их германизировали немцы и чтоб они совершенно растворились в немецком море, или — слиться с братьями-славянами в дружную семью (П. А. Крушеван. Что такое Россия?).

Кроме фрейма «Водное пространство», русские националисты используют космическую субмодель в составе метафорической модели «Неживая природа». Русская культура в этих случаях сравнивается с солнцем, вокруг которого вращаются отдельные планеты — нерусские народы. Такая метафора является одной из ключевых в статье В. В. Розанова «Центробежные силы в России». Публицист сравнивает сепаратизм инородцев с желанием маленькой планеты оторваться от солнца и полететь одной в даль. Такая планета неизбежно станет темной, маленькой, неживой, замерзшей и в конце концов погаснет. Инородцы, по мнению В. В. Розанова, должны понять, что они способны существовать только в солнечной системе: *Пока — больно, неудобно: но завтра — мы войдем в великое сияние Единого Солнца, в котором не угаснем, а усилимся всею его силою...*

Эту же мысль В. В. Розанов повторяет в статье «Белоруссия, литовцы и Польша в окраинном вопросе России», на этот раз метафорически осмысляя польский вопрос:

Вообще, Польша — маленькая планета в большой, так сказать, „звездной системе“, которую составляет сложная Русь. И интересы Руси в отношении ее ограничиваются тем, чтобы движения этой планеты не мешали ходу всей звездной системы, не расстраивали его, не производили того, что в астрономии зовется „планетными возмущениями“, — оттягивающим действием одной планеты на другую, одного спутника на другой.

Итак, в целях вербального унижения «чужих» русские националисты начала XX в. используют те же метафорические образы, что и националисты других стран и других эпох. Вместе с тем мы увидели, что в дореволюционном дискурсе русских националистов весьма активны метафоры гармонизации, профилирующие идею сотрудничества разных народов в составе Российской империи. Если деструктивные (конфликтные,

конфликтогенные) метафоры направлены на русского адресата и служат для разграничения «своих» и «чужих», то метафоры гармонизации обращены как к русскому, так и к нерусскому адресату, с их помощью формируется лексико-семантическое поле «свои» в рамках конструктивной стратегии. Они показывают, что в Российской империи и так все благополучно и в сепаратизме нет никакого смысла. Более того, общение между титульной нацией и этническими меньшинствами способно принести им взаимную культурную пользу. В. Л. Величко, один из идеологов русского национализма, писал об этом так: «Всякое государство является воспитательным учреждением как естественный путь для выработки общечеловеческих сокровищ духа и притом не отвлеченных, не доктринерских, а действительно жизненных» [Величко 2010: 257].

ЛИТЕРАТУРА

1. Астафурова Т. Н., Олянич А. В. Карнавальные жанры нейтрализации англоязычных предубеждений // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2, Языкознание. 2010. № 1. С. 94—101.
2. Балли Ш. Французская стилистика. — М.: Эдиториал УРСС, 2001. 392 с.
3. Баранов А. Н. Дескрипторная теория метафоры. — М.: Языки славянской культуры, 2014. 632 с.
4. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. URL: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/> (дата обращения: 01.11.2016).
5. Величко В. Л. Русские речи. — М.: Институт русской цивилизации, 2010. 400 с.
6. Веснина Л. Е. Метафорическое моделирование миграции в российских печатных СМИ // Политическая лингвистика. 2010. № 1 (31). С. 84—89.
7. Водак Р. Критическая лингвистика и критический анализ дискурса // Политическая лингвистика. 2011. № 4. С. 286—291.
8. Зарипов Р. И. Когнитивные аспекты метафорического моделирования в политическом дискурсе (на материале французских политических метафор образа России): дис. ... канд. филол. наук. — М., 2015. 262 с.
9. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. — М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 288 с.

10. Калыгина М. Ю. Метафорическая репрезентация миграции в медиадискурсе России, Великобритании и США // Политическая лингвистика. 2009. № 29. С. 109—113.
11. Кобозева И. М. Лексико-семантические заметки о метафоре в политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2010. № 2. С. 41—46.
12. Ли В. С. Дискурсивная практика агрессии как источник коммуникативных конфликтов (на материале лингвистической экспертизы текста) // Язык и социальная динамика. 2012. № 12-1. С. 106—111.
13. Михалева О. Л. Политический дискурс как сфера реализации манипулятивного воздействия: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Кемерово, 2004. 22 с.
14. Свирковская С. В. Ксенофобический дискурс (лингво-прагматический аспект): автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Краснодар, 2005. 25 с.
15. Хазагерев Г. Г. Риторический словарь. — М.: Флинта: Наука, 2009. 432 с.
16. Черная сотня: историческая энцикл. / сост. А. Д. Степанов, А. А. Иванов. — М.: Институт русской цивилизации, 2008. 640 с.
17. Чернявская В. Е. Дискурс власти и власть дискурса. Проблемы речевого воздействия. — М.: Флинта: Наука, 2006. 132 с.
18. Чернявская В. Е., Логинова И. Ю. Программа политической партии как персуазивный текст // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2005. Т. 5, № 11. С. 64—75.
19. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2003. 248 с. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/chudinov-03a.htm> (дата обращения: 01.11.2016).
20. Чудинов А. П. Политическая лингвистика. — М.: Флинта: Наука, 2006. 256 с.
21. Jaworska S. Anti-Slavic imagery in German radical nationalist discourse at the turn of the twentieth century: a prelude to Nazi ideology? // Patterns of Prejudice. 2011. Vol. 45. № 5. URL: http://www.residentztheater.de/sites/default/files/Anti-Slavic_imagery_Patterns_of_Prejudice_Vol_45_Jaworska.pdf (date of access: 01.11.2016).
22. Musolff A. What can Critical Metaphor Analysis Add to the Understanding of Racist Ideology? Recent Studies of Hitler's Anti-Semitic Metaphors // Critical Approaches to Discourse Analysis across Disciplines. 2008. Vol. 2. URL: http://cadaad.net/files/journal/CADAAD2-2-Musolff-2008-Critical_Metaphor_Analysis.pdf (date of access: 01.11.2016).
23. Santa Ana O. "Like an animal I was treated": anti-immigrant metaphor in US public discourse // Discourse & Society. 1999. 10. URL: <http://das.sagepub.com/content/10/2/191> (date of access: 01.11.2016).
24. Santa Ana O. Empirical Analysis of Anti-Immigrant Metaphor in Political Discourse // University of Pennsylvania Working Papers in Linguistics. 1997. Vol. 4. Iss. 1. URL: <http://repository.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1617&context=pwpl> (date of access: 01.11.2016).

E. P. Dulesov
Izhevsk, Russia

METAPHORS OF HARMONIZATION IN THE DISCOURSE OF RUSSIAN NATIONALISTS AT THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY

ABSTRACT. Cognitive metaphor in different intolerant discourses has recently become the object of considerable attention by foreign and Russian linguists. It has been revealed that the forms of verbal humiliation of the ethnic Others are similar: by means of destructive (conflict) metaphors they are portrayed as agents of diseases, parasites, natural disasters, weeds, enemy army, etc. In this regard the discourse of Russian nationalists at the beginning of the 20th century is no exception. However, besides destructive metaphors Russian nationalists actively employ constructive ones, which are dealt with in this article. The most frequently used source domains for constructive metaphors are 'Family' and 'Inanimate nature'. Accordingly, Russia is depicted as a big united family, as an ocean that many rivers flow into and as a planetary system. It is found that these metaphors highlight the idea of unity and harmony between the different peoples of the Russian Empire, and hence they have been named 'metaphors of harmonization'. As separatists tendencies in the so-called 'national outskirts' grew stronger, by using metaphors of harmonization Russian nationalists aimed to alleviate ethnic tension.

KEYWORDS: cognitive metaphors; metaphoric models; communicative strategies; political discourse; Russian nationalism; political metaphorology.

ABOUT THE AUTHOR: Dulesov Evgeniy Pavlovich, Post-graduate Student, Department of Russian Language, Theoretical and Applied Linguistics, Udmurt State University, Izhevsk, Russia.

REFERENCES

1. Astafurova T. N., Olyanich A. V. Karnaval'nye zhanry neytralizatsii angloyazychnykh predubezhdeniy // Vestn. Volgogr. gos. un-ta. Ser. 2, Yazykoznanie. 2010. № 1. S. 94—101.
1. Balli Sh. Frantsuzskaya stilistika. — M. : Editorial URSS, 2001. 392 s.
2. Baranov A. N. Deskriptornaya teoriya metafory. — M. : Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2014. 632 s.
3. Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka / gl. red. S. A. Kuznetsov. URL: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/> (data obrashcheniya: 01.11.2016).
4. Velichko V. L. Russkie rechi. — M. : Institut russkoy tsivilizatsii, 2010. 400 s.
5. Vesnina L. E. Metaforicheskoe modelirovanie migratsii v rossiyskikh pechatnykh SMI // Politicheskaya lingvistika. 2010. № 1 (31). S. 84—89.
6. Vodak R. Kriticheskaya lingvistika i kriticheskii analiz diskursa // Politicheskaya lingvistika. 2011. № 4. S. 286—291.
7. Zaripov R. I. Kognitivnye aspekty metaforicheskogo modelirovaniya v politicheskom diskurse (na materiale frantsuzskikh politicheskikh metafor obraza Rossii) : dis. ... kand. filol. nauk. — M., 2015. 262 s.
8. Issers O. S. Kommunikativnye strategii i taktiki russkoy rechi. — M. : Izd-vo LKI, 2008. 288 s.
9. Kalygina M. Yu. Metaforicheskaya reprezentatsiya migratsii v mediadiskurse Rossii, Velikobritanii i SShA // Politicheskaya lingvistika. 2009. № 29. S. 109—113.
10. Kobozeva I. M. Leksiko-semanticheskie zametki o metafore v politicheskom diskurse // Politicheskaya lingvistika. 2010. № 2. S. 41—46.
11. Li V. S. Diskursivnaya praktika agressii kak istochnik kommunikativnykh konfliktov (na materiale lingvisticheskoy ekspertizy teksta) // Yazyk i sotsial'naya dinamika. 2012. № 12-1. S. 106—111.
12. Mikhaleva O. L. Politicheskii diskurs kak sfera realizatsii manipulyativnogo vozdeystviya : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Kemerovo, 2004. 22 s.
13. Svirkovskaya S. V. Ksenofobicheskiy diskurs (lingvopragmaticheskiy aspekt) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Krasnodar, 2005. 25 s.
14. Khazagerov G. G. Ritoricheskii slovar'. — M. : Flinta : Nauka, 2009. 432 s.
15. Chernaya sotnya : istoricheskaya entsikl. / sost. A. D. Stepanov, A. A. Ivanov. — M. : Institut russkoy tsivilizatsii, 2008. 640 s.
16. Chernyavskaya V. E. Diskurs vlasti i vlast' diskursa. Problemy rechevogo vozdeystviya. — M. : Flinta : Nauka, 2006. 132 s.
17. Chernyavskaya V. E., Loginova I. Yu. Programma politicheskoy partii kak persuazivnyy tekst // Izv. Ros. gos. ped. un-ta im. A. I. Gertsena. 2005. T. 5, № 11. S. 64—75.
18. Chudinov A. P. Metaforicheskaya mozaika v sovremennoy politicheskoy kommunikatsii / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2003. 248 s. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/chudinov-03a.htm> (data obrashcheniya: 01.11.2016).
19. Chudinov A. P. Politicheskaya lingvistika. — M. : Flinta : Nauka, 2006. 256 s.
20. Jaworska S. Anti-Slavic imagery in German radical nationalist discourse at the turn of the twentieth century: a prelude to Nazi ideology? // Patterns of Prejudice. 2011. Vol. 45. № 5. URL: http://www.residenztheater.de/sites/default/files/Anti-Slavic_imagery_Patterns_of_Prejudice_Vol_45_Jaworska.pdf (date of access: 01.11.2016).
21. Musolff A. What can Critical Metaphor Analysis Add to the Understanding of Racist Ideology? Recent Studies of Hitler's Anti-Semitic Metaphors // Critical Approaches to Discourse Analysis across Disciplines. 2008. Vol. 2. URL: http://cadaad.net/files/journal/CADAAD2-2-Musolff-2008-Critical_Metaphor_Analysis.pdf (date of access: 01.11.2016).
22. Santa Ana O. "Like an animal I was treated": anti-immigrant metaphor in US public discourse // Discourse & Society. 1999. 10. URL: <http://das.sagepub.com/content/10/2/191> (date of access: 01.11.2016).
23. Santa Ana O. Empirical Analysis of Anti-Immigrant Metaphor in Political Discourse // University of Pennsylvania Working Papers in Linguistics. 1997. Vol. 4. Iss. 1. URL: <http://repository.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1617&context=pwpl> (date of access: 01.11.2016).

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, доц. М. Г. Милютин.

Т. Н. Зубакина
Екатеринбург, Россия

ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫЙ АСПЕКТ В ИЗУЧЕНИИ МЕТАФОРИЧЕСКОЙ ПЕРСОНИФИКАЦИИ РОССИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТА У. ЧЕРЧИЛЛЯ «THE WORLD CRISIS. 1916—1918»)

АННОТАЦИЯ. Автор статьи обращается к концепции одного из ведущих американских теоретиков герменевтики Ричарда Е. Палмера в попытке интерпретировать образ России, созданный У. Черчиллем в 1927 г. в его работе «The World Crisis. 1916—1918». Интерпретация метафорического текстового фрагмента, представляющего образ государства в конце Первой мировой войны, метафорически осуществляется поэтапно. Процесс интерпретации, по мнению Р. Е. Палмера, изначально является процессом вербализации мысли автора; затем это объяснение/толкование, когда актуализируется контекст вербализованного выражения и, наконец, это перевод на иностранный язык.

Анализ индивидуального метафорического представления образа России в конце Первой мировой войны происходит в статье в соответствии с поступательным алгоритмом процесса интерпретации.

В попытке объяснить персонифицированный метафорический образ автор статьи обращается к практике метафорического моделирования. Для контекстуального анализа метафорической модели «Россия — Человек» в статью включены словарные дефиниции, а также справочная информация из «Encyclopaedia Britannica».

При переводе на русский язык фрагмента авторского текста, метафора персонификации реализуется в соответствии со смысловыми ассоциациями интерпретантов, которые наделяют образ России признаками безысходности и жертвенности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: герменевтика; политическая метафорология; политические метафоры; образ России; метафорическое моделирование; метафорические модели.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Зубакина Татьяна Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации на иностранных языках, Уральский федеральный университет (Екатеринбург); 620002, Россия, г. Екатеринбург, ул. Ленина, 51; e-mail: zoubakina@mail.ru.

В данной статье в попытке интерпретировать авторский метафорический образ России в англоязычном тексте мы обращаемся к одному из ведущих американских экспертов в области герменевтики Ричарду Е. Палмеру. В известной работе «Hermeneutics» автор, давая дефиницию герменевтики, определяет значение термина с позиций понимания семантики английского глагола *to interpret*. «(1) *to express aloud in words, that is "to say"*; (2) *to explain, as in explaining a situation*; (3) *to translate, as in translation of a foreign tongue*» [Palmer 1977: 13]. По мнению Р. Палмера, интерпретация соответствует понятию «вербализация», или словарному выражению мысли (от лат. *verbum*); это и объяснение/толкование, когда актуализируется контекст вербализованного выражения мысли; и, наконец, это перевод, когда возможна вербализация понятого на иностранном языке.

Анализ авторского метафорического представления образа России в англоязычном текстовом фрагменте происходит в соответствии с пониманием поступательного процесса интерпретации.

I. На первом этапе мы репрезентируем фрагмент текста У. Черчилля «The World Crisis. 1916—1918», который является интерпретацией или вербализацией авторской мысли о России конца Первой мировой войны.

Surely to no nation has Fate been more malignant than to Russia. Her ship went down in sight of port. She had actually weathered the storm when all was cast away. Every sacrifice had been made; the toil was achieved. Despair and Treachery usurped command at the very

moment when the task was done [Churchill 1927: 223].

II. На втором этапе, когда необходимо восприятие контекста метафорического выражения, мы обратимся к экстралингвистическому материалу. Революция в России для стран Антанты фактически означала ликвидацию Восточного фронта со всеми вытекающими последствиями, начиная от переброски германских частей на Западный фронт и заканчивая увеличением людских потерь стран Антанты после заключения Брестского мира 3 марта 1918 г. между Россией и Германией. События Февральской революции и Первой мировой войны действительно ослабили страну и понизили престиж России. Справка из «Encyclopaedia Britannica» [Union of Soviet Socialist Republics] подтверждает эту информацию.

Из энциклопедического фрагмента следует, что Первая мировая война ослабила царизм. Унизительные поражения, которые Россия потерпела во время этой войны от Германии, которая выдавила ее из Польши, еще более понизили престиж монархии. Хотя Россия производила продовольствия более чем достаточно, чтобы прокормить себя, плохое экономическое управление и развал системы перевозок привели на третий год войны к резкому повышению цен и нехватке продуктов в городах.

Воспринимая термин *интерпретировать* как *истолковывать*, *объяснять*, мы обращаемся к известной методике анализа когнитивной метафоры, а именно к теории метафорического моделирования [Чудинов 2001]. Для нашей статьи особенно важен

акцент переноса образных схем из одной ментальной сферы (сферы-источника) в другую (сферу-мишень). Это тот случай, когда важно *объяснить*, как антропоморфная понятийная сфера создает персонифицированный метафорический образ России.

Персонифицированная метафора, относимая нами, вслед за авторами теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффом и М. Джонсоном, к разряду онтологических метафор [Lakoff, Johnson 2003: 33], категоризирует абстрактные сущности и одушевляет предметные понятия. Мы признаем, что, если метафорические модели языкового выражения реализуются в комбинациях с метафорической моделью персонификации, даже когда «одна из метафорической проекции оказывается совершенно стертой, „мертвой“ метафорой» [Баранов 2003: 93], метафора персонификации привносит в сферу онтологической сочетаемости что-то свое. Воспринимаемая интерпретация образа с позиции объяснения, важно, как утверждает Н. Д. Арутюнова, что «неопределенность содержательной стороны образа не позволяет ему быть объектом понимания: образы интерпретируются и осмысляются» [Арутюнова 1999: 322]. Осмысление образа происходит в системе событий. По Н. Д. Арутюновой, событие обладает тройкой локализацией: оно локализовано в человеческой среде, определяющей ту систему отношений, в которую оно входит; оно происходит в некоторое время и в некотором реальном пространстве [Арутюнова 1999: 507]. Очевидно, что свойство локализации события в человеческой сфере находит реализацию в антропоморфной метафоризации и прежде всего в персонифицированной метафоре.

Локализация события, на фоне которого персонифицированной метафорой создается образ государства, актуализируется в контексте *интерпретантов* (мы заимствуем термин *interpretant* у М. Осборна и Д. Энингера) [Osborn, Ehninger 1962: 472]. Учитывая, что предметом анализа является не просто метафора в виде фигуры/тропа, а метафора как когнитивная категория, интерпретирующая и раскрывающая авторский смысл события или ситуации, уместность термина очевидна.

Метафора «Страна/Нация — Человек/Персона» репрезентирует авторский образ государства благодаря контексту, создаваемому смысловыми ассоциациями *интерпретантов*:

Fate (1); *Her* (2) ship; *She* (3) had actually *weathered* (4) the storm; Every *sacrifice* (5) had been made; *Despair* (6) *Treachery* (7).

Приведем данные словарных дефиниций толковых словарей английского языка,

выпущенных издательством «Oxford University Press».

• Oxford Dictionary of Current English edited by Catherine Soanes:

Fate — n. 1. The development of events outside a *person's* (здесь и далее курсив наш. — Т. 3.) control, regarded as decided in advance by a supernatural power. 2. the course or unavoidable outcome of a *person's* life. 3 (the Fates) Gk and Rom. Myth. — the three goddesses who control people's lives.

Weather — v. 1. wear away or change in form or appearance by being exposed to the weather for a long time. 2 come safely through.

Sacrifice — n. 1 the killing of an animal or *person* or giving up of a possession as an offering to a god or goddess. 2 an animal, *person*, or object offered in this way. 3 an act of giving up something one values for the sake of something that is more important.

Despair — n. the complete loss or absence of hope.

Treachery — n. behaviour that involves betraying a *person's* trust in one.

Согласно содержанию словарных статей толкового словаря английского языка, персонификация образа очевидна, поскольку подтверждается присутствием в дефинициях слова *person*. Смысловые ассоциации трех *интерпретантов* (1; 5; 7) выстраивают образ государства в антропоморфном понятийном пространстве. Более того, локализация образа в «человеческой среде» поддерживается понятиями, исходя из словарных объяснений, присущими духовному миру человека (1; 5; 6; 7).

Приведем данные словарных статей англо-русского словаря для дальнейшего прояснения избранных нами единиц анализа и последующего перевода англоязычного текстового фрагмента, репрезентирующего персонифицированный образ России.

• Oxford Russian Dictionary edited by Paul Falla:

Fate — n. 1. (*personified destiny*) судьба, рок; 2. (*what is in store for one*) судьба, участь, удел; 3. (*death*) смерть.

Weather — v. 1. (*survive; circumvent*) выдерживать, выдержать; переживать, пережить; 2. (*expose to atmosphere*) подвергать, подвергнуть атмосферным влияниям; (*wear away by exposure*) изнашивать, изнашивать; 3. (*discolour*) обесцвечивать, обесцветить.

Sacrifice — n. (*lit, fig*) жертва; act of relig ~) жертвоприношение.

Despair — n. отчаяние.

Treachery — n. предательство, вероломство.

Согласно содержанию словарных статей англо-русского словаря, персонификация

образа подтверждается и выстраивается смысловыми ассоциациями *интерпретантов*, создающими атмосферу безысходности ситуации.

Surely to no nation has Fate (1) been more malignant than to Russia. Her (2) ship went down in sight of port. She (3) had actually weathered (4) the storm when all was cast away. Every sacrifice (5) had been made; the toil was achieved. Despair (6) and Treachery (7) usurped command at the very moment when the task was done [Churchill: 1927: 223].

III. Местоимения (2) и (3) изначально актуализировали антропоморфную понятийную сферу восприятия образа России. Обращаясь к словарным дефинициям в процессе интерпретации авторской мысли на другом языке, переводчик избирает лексические соответствия, поддерживая персонификацию образа государства. При переводе метафорического англоязычного выражения на русский язык необходимо сохранить перенос авторской структуры образа в соответствии со словарными дефинициями. В качестве интерпретации авторского текста при метафорическом осмыслении образа России в конце Первой мировой войны мы предлагаем следующую версию перевода:

«Ни к одной стране судьба не была так жестока, как к России. Ее корабль пошел ко дну, когда гавань была видна. Она уже пережила шторм, когда все обрушилось. Все жертвы были уже принесены, вся работа завершена. Отчаяние и Измена овладели

властью в тот момент, когда задача была уже выполнена».

Сохраняя индивидуальную образную интерпретацию события, мы переводим фрагмент авторского текста, где персонификация образа России в соответствии со смысловыми ассоциациями *интерпретантов* поддерживается признаками *безысходности*: жестокая судьба/удел/рок, отчаяние, измена; *жертвенности*: напрасные жертвы.

СЛОВАРИ

1. Oxford Dictionary of Current English. Third Edition. — Oxford : Oxford Univ. Pr., 2001. 1083 p.
2. Oxford Russian Dictionary. Fourth Edition. Russian-English, edited by Marcus Wheeler and Boris Unbegaun. English-Russian, edited by Paul Falla. — Oxford : Oxford Univ. Pr., 2007. 1322 p.
3. Union of Soviet Socialist Republics // Encyclopaedia Britannica. URL: <http://www.britannica.com/EBchecked/topic/614785/Union-of-Soviet-Socialist-Republics/42039/The-February-Revolution> (date of access: 10.11.2016).

ЛИТЕРАТУРА

4. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. — М. : Языки русской культуры, 1999. 896, XV с.
5. Баранов А. Н. О типах сочетаемости метафорических моделей // Вопросы языкознания. 2003. № 2. С. 73—94.
6. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000) : моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2001. 238 с.
7. Churchill W. The World Crisis. 1916—1918. Part I. — London : Thornton Butterworth Limited, 1927. 292 p.
8. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. — Chicago : Univ. of Chicago Pr., 2003. 242 p.
9. Osborn M., Ehninger D. The Metaphor in Public Address // Speech Monographs. 1962. Vol. 29. P. 223—234.
10. Palmer R. Hermeneutics. — Evanston : Northwestern Univ. Pr., 1969. 283 p.

T. N. Zubakina
Ekaterinburg, Russia

INTERPRETATIVE ASPECT IN STUDYING METAPHORIC PERSONIFICATION OF RUSSIA (IN W.CHURCHILL'S TEXT "THE WORLD CRISIS. 1916—1918")

ABSTRACT. *To interpret the Russia's image created by Sir Winston Churchill in "The World Crisis. 1916-1918" the author of the article turns to the conception of Richard E. Palmer, who is supposed to be one of the leading American theorists of hermeneutics. Interpretation of the metaphoric part of a text that represents the image of Russia at the end of WW I is done step-by-step. According to R. Palmer, the process of interpretation of a word expression is initially the process of verbalization of the author's thought. Then, the process of interpretation emphasizes the aspect of explanation, and finally, comes a special form of the basic interpretative process — translation into a foreign language.*

The analysis of individual metaphoric presentation of the image of Russia at the end of WW I is implemented in the article in accordance with the consistent process of interpretation.

Making an attempt to explain the personified metaphoric image the author of the article refers to the practice of metaphoric modeling.

The article provides some dictionary definitions and reference information from "Encyclopedia Britannica" to introduce the contextual analysis of the metaphoric model "Russia is A Person".

While translating the author's original text into Russian the metaphor of personification is realized in accordance with the associations of interpreters, who make the image of Russia to be a Person with the characteristics of despair and sacrifice.

KEYWORDS: *hermeneutics; political metaphorology; political metaphors; the image of Russia; metaphoric modeling; metaphoric models.*

ABOUT THE AUTHOR: *Zubakina Tatyana Nickolaevna, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Linguistics and Professional Communication in Foreign Languages, Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia.*

REFERENCES

1. Arutyunova N. D. Yazyk i mir cheloveka. 2-e izd., ispr. — M. : Yazyki russkoy kul'tury, 1999. 896, XV s.
2. Baranov A. N. O tipakh sochetaemosti metaforicheskikh modeley // Voprosy yazykoznanija. 2003. № 2. S. 73—94.
3. Chudinov A. P. Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory (1991—2000) : monogr. / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2001. 238 s.
4. Oxford Dictionary of Current English. Third Edition. — Oxford : Oxford Univ. Pr., 2001. 1083 p.
5. Oxford Russian Dictionary. Fourth Edition. Russian-English, edited by Marcus Wheeler and Boris Unbegaun. English-Russian, edited by Paul Falla. — Oxford : Oxford Univ. Pr., 2007. 1322 p.
6. Union of Soviet Socialist Republics // Encyclopaedia Britannica. URL: <http://www.britannica.com/EBchecked/topic/614785/Union-of-Soviet-Socialist-Republics/42039/The-February-Revolution> (date of access: 10.11.2016).
7. Churchill W. The World Crisis. 1916—1918. Part I. — London : Thornton Butterworth Limited, 1927. 292 p.
8. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. — Chicago : Univ. of Chicago Pr., 2003. 242 p.
9. Osborn M., Ehninger D. The Metaphor in Public Address // Speech Monographs. 1962. Vol. 29. P. 223—234.
10. Palmer R. Hermeneutics. — Evanston : Northwestern Univ. Pr., 1969. 283 p.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.

В. В. Курейко
Екатеринбург, Россия

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КРИЗИСА НА УКРАИНЕ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ КОММЕНТАРИЯХ НОВОСТНЫХ ПОРТАЛОВ

АННОТАЦИЯ. Кризисные политические периоды порождают импульс к стремительному увеличению метафоричности дискурса. В настоящей статье рассматриваются метафоры, актуализируемые в комментариях новостных порталов при концептуализации кризиса на Украине в период 2013—2015 гг. Материалом исследования послужили комментарии англоязычных новостных порталов, предоставляющие возможность выявить реакцию на происходящие события пользователей новостных ресурсов, а не мнения журналистов, экспертов, политиков. Медиа- и политические дискурсы оказывают значительное влияние на формирование языковой картины мира реципиентов, но возможность несовпадения диктуемой дискурсами картины мира и картины мира обывателей не исключается. Результаты исследования позволяют прийти к выводу, что антропоморфная, игровая, театральная и зооморфная метафора являются основным средством репрезентации кризиса на Украине в англоязычных комментариях новостных порталов. Образы из сфер-источников «Движение», «Строение», «Родственные отношения» и «Механизм» востребованы в меньшей степени. Замечена корреляция между политической позицией комментаторов и выбором той или иной метафорической модели. При этом все метафорические модели, используемые для категоризации кризиса на Украине, вне зависимости от политических взглядов, преимущественно несут в себе пейоративные смыслы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: метафорические модели; кризис; Украина; репрезентация; комментарии англоязычных новостных порталов.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Курейко Вячеслав Владимирович, административный секретарь Генерального консульства Республики Кипр в г. Екатеринбурге; 620075, Россия, г. Екатеринбург, ул. Гоголя, д. 15Ж; e-mail: slavakureiko@gmail.com.

Кризис на Украине, разразившийся в ноябре 2013 г., взбудоражил весь мир. События имели бурное развитие, что не могло не привлечь внимание СМИ, и, несмотря на то что Украина — «родственная» России страна и непосредственно граничит с Российской Федерацией, граждане других стран так же были обеспокоены судьбой Украины, как и россияне. Одним из средств наблюдения за кризисной ситуацией являлись новостные порталы, позволяющие не только получить последнюю информацию, но и поделиться своими соображениями посредством комментариев.

Методология настоящего исследования строится на методах и принципах когнитивной метафорологии, с точки зрения которой метафора — не просто средство украшения речи, а ментальный процесс и его вербализация, инструмент познания и категоризации окружающего мира, обладающий мощнейшим прагматическим эффектом (Р. Водак, Дж. Лакофф, А. Мусолфф, А. Н. Баранов, Э. В. Будаев, А. П. Чудинов и др.). Учитывая тот факт, что «концептуальная система человека структурирована и определена с помощью метафор» [Лакофф, Джонсон 2004: 27], мы не могли не обратить внимание на метафоричность комментариев новостных порталов. В дополнение к этому, как отмечает А. П. Чудинов, кризисные и конфликтные ситуации порождают «метафорические бури» [Чудинов 2013: 108], характеризующиеся всплесками частотности метафор.

Работа Х. Де Ландсхеер [De Landtsheer 1991] по исследованию корреляции метафор и периодов политических кризисов является одной из первых в данном направлении. Проанализировав голландский политический

кризис, исследователь показал взаимосвязь между политическими и экономическими кризисами и значительным ростом количества метафор в эти периоды. Дальнейшие исследования Х. Де Ландсхеер подтвердили правильность выводов и проиллюстрировали их новым материалом, например, при сопоставлении метафор предвыборного периода и метафор периода между выборами в Бельгии. Данное исследование позволило Х. Де Ландсхеер и Д. Вертессену выявить рост количества метафор в предвыборный период, что отражалось в средствах массовой информации [Vertessen, De Landtsheer 2008]. Подобные исследования показывают значимость метафоры как орудия убеждения и воздействия в политическом дискурсе.

Труды Дж. Лакоффа, основоположника теории концептуальной метафоры, по исследованию метафоры военных конфликтов внесли значительный вклад в изучение метафор кризисных периодов. Одной из работ ученого является публикация о метафорическом оправдании первой войны в Персидском заливе [Lakoff 1991].

Взаимозависимость показателя метафорического индекса и кризисных периодов на российском материале была исследована А. Н. Барановым [Баранов 2000], А. П. Чудиновым [Чудинов 2001], Е. А. Чурашовой [Чурашова 2013] и другими отечественными учеными. Не обошли исследователи вниманием и кризис на Украине [Егорова 2014; Ковалева 2015].

Исследования метафоры кризисных периодов отражают активизацию метафорических моделей, инициирующих появление театральных, милитарных, криминальных и зооморфных образов (М. Василаки, Э. В. Бу-

даев, А. П. Чудинов и др.). К примеру, З. И. Резанова и К. С. Шиляев [Резанова, Шиляев 2015], исследуя концептуальные метафоры конфликта на Украине в российских СМИ, сделали вывод, что апелляция к сферам-источникам «болезнь/безумие», «торговля», «театр», «игра», «криминал» происходит с целью создания отрицательного образа российской или украинской стороны конфликта. Необходимо отметить, что зачастую исследователи фокусируют внимание на институциональных дискурсах, при этом оставляя в стороне дискурсы неинституциональные, в рамках которых возможно получить другие результаты. К примеру, комментарии к новостным порталам, рассматриваемые в нашем исследовании, могут установить точку зрения не только эксперта — аналитика, журналиста или политика, но и простого обывателя, пользователя новостного портала, интересующегося событиями, происходящими на Украине. По этой причине исследование комментариев новостных порталов является актуальной задачей политической метафорологии.

В настоящей статье наше внимание обращено на метафорическую репрезентацию кризиса на Украине в англоязычных комментариях новостных порталов.

Цель данной статьи — дать характеристику доминантных метафорических моделей, репрезентирующих кризис на Украине в период 2013—2015 гг. в англоязычных комментариях новостных порталов, выделить

дискурсивные и лингвокультурные особенности метафор, а также проследить корреляцию политической позиции комментатора и апелляции к метафорическим моделям.

В ходе исследования было выявлено 630 метафорических единиц в комментариях 30 англоязычных новостных порталов по тематике «Украинский кризис».

Выделенные метафорические единицы (далее МЕ) позволили выявить 9 метафорических моделей: «Украинский кризис — человеческий организм» (211 МЕ, т. е. 33,5 %), «Украинский кризис — спорт и игра» (161 МЕ, 25,6 %), «Украинский кризис — театр/цирк» (92 МЕ, 14,6 %), «Украинский кризис — мир животных» (80 МЕ, 12,7 %), «Украинский кризис — движение» (24 МЕ, 3,8 %), «Украинский кризис — строение» (22 МЕ, 3,5 %), «Украинский кризис — родственные отношения» (19 МЕ, 3 %), «Украинский кризис — болезнь» (12 МЕ, 1,9 %) и «Украинский кризис — механизм» (9 МЕ, 1,4 %).

Как видно из диаграммы на рис. 1, антропоморфная метафора служит основным средством описания событий кризиса на Украине и восприятия данной информации. Метафора человеческого организма «укоренилась в человеческом сознании задолго до формирования многих наций и в различных вариантах актуализировалась политиками, писателями, философами на протяжении всей истории человечества» [Будаев 2006: 112].

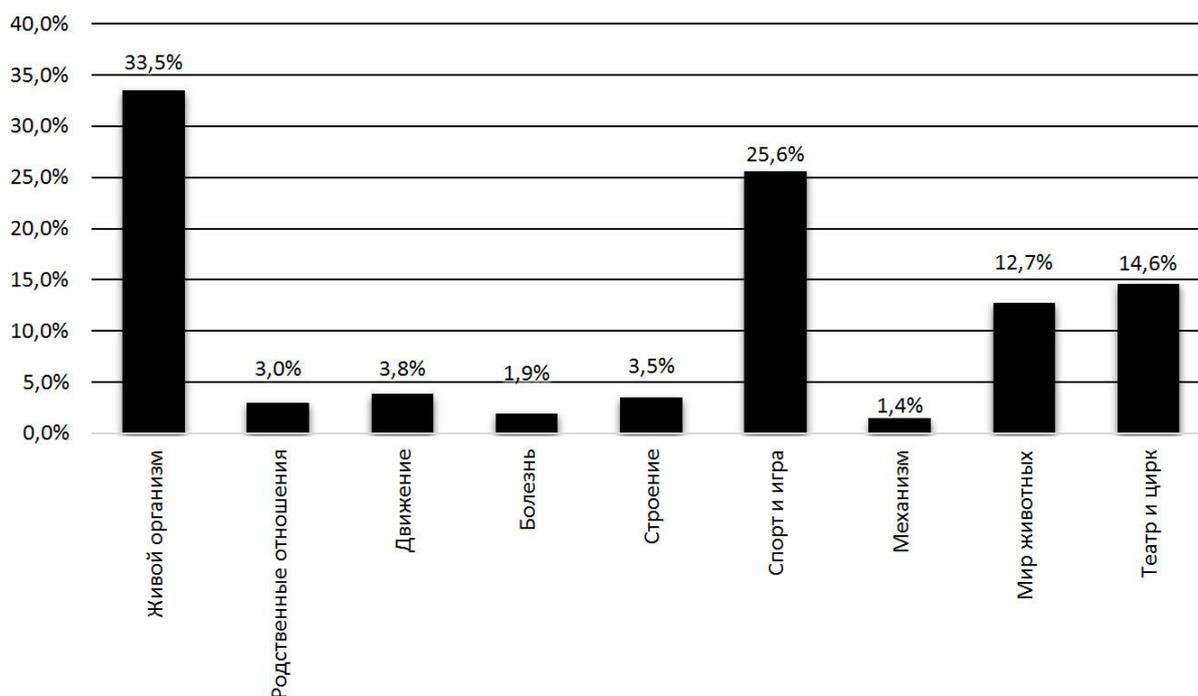

Рис. 1. Процентное соотношение употребления метафорических моделей, репрезентирующих кризис на Украине, в англоязычных комментариях новостных порталов

Метафоры, связанные с органами головы, несут в себе смысл управления и влияние на сознание: органы перцепции являются средством сбора и обработки информации, за исключением метафоры носа, которая указывает на вмешательство в чьи-либо дела. Лицо говорит о двойственной сущности описываемых субъектов, в то время как метафоры рук раскрывают тип правления, принадлежность. Англоязычные метафоры ног в комментариях новостных порталов не связаны с первоначальной функцией — передвижением, а указывают на необдуманность действий характеризаемых субъектов. В англоязычных комментариях органы пищеварения и тестикулы — показатели храбрости.

Англоязычные комментаторы не прибегают к метафоре рождения для репрезентации кризиса на Украине, а говорят лишь о смерти. Мы считаем, что употребление данных метафор — отражение подсознательного желания «смерти» кризиса на Украине.

Communism is dead, in the former Soviet Union as well as China. People are sick of you paranoid Communist... [Heintz, Karmanau 2013]. / **Коммунизм мертво, как в бывшем Советском Союзе, так и в Китае. Люди устали от тебя, параноидальный коммунист...**

В основном метафорическая «пища» англоязычных комментариев новостных порталов — это страны, соседствующие с Россией, которыми намеревается полакомиться злой «медведь».

Georgia, Crimea and Ukraine, he is right about one thing we are trying to put a chain around the bear before they eat up the other boarder countries to the USSR... I mean Russia! [Putin claims U.S., Europe sanctions... 2014]. / **Грузия, Крым и Украина, он прав в одном: мы пытаемся надеть цепь на медведя до того, как он сожрет другие соседние страны и превратит их в СССР... Я имею в виду Россию!**

Метафорическая модель «Украинский кризис — театр/цирк» в англоязычных комментариях новостных порталов раскрывает перед нами двери театра, в котором мы можем лицезреть безупречно поставленный спектакль, но он проходит в кукольном театре, а для некоторых комментаторов постановка кажется комичной и смешной. Внимание комментаторов привлекают «кукловоды» и их «марионетки».

...Anglo-America have no commitment to Democracy, and they demand that everyone be their Puppets... [Blair 2014]. / **...Англо-Америка не привержена демократии, и они требуют, чтобы все были их марионет-**

ками...

Действующие лица кризиса на Украине и их действия кажутся комментаторам англоязычных новостных порталов смешными, что заставляет их прибегать к образу клоуна для описания субъектов.

Does anyone still believe anything this little clown has to say? [Putin: Russia Ready to Work with US 2015]. / **Кто-нибудь все еще верит словам этого маленького клоуна?** (о В. В. Путине).

Англоязычные комментарии новостных порталов наполнены зооморфными метафорами. Основным зооморфным образом темы кризиса на Украине является медведь, олицетворяющий Россию. Несмотря на то, что данный образ говорит о размере страны и ее силе, в связи с темой кризиса на Украине он олицетворяет опасность и враждебность страны и ее лидера.

The lesson is that the weak Russia of the 90's is gone and the bear well and truly has grown back sharp claws [Harding, Walker 2014]. / **Урок заключается в том, что слабая Россия 90-х ушла, и медведь действительно отрастил острые когти.**

Кризис на Украине в англоязычных комментариях новостных порталов — это своеобразная игра, где на площадке — Украине — происходит противостояние двух игроков — России и Америки, причем игроки соревнуются в различных видах азартных, спортивных, настольных игр.

Guess, Russia doesn't want to improve relationships with EU and USA. Ukraine is a table for poker between players. Ukraine is better place for them in Eurasia. Every player makes a lot of mistakes, this is law, no matter poker or economy [Putin Denies Russia is Behaving More Aggressively 2015]. / **Думаю, Россия не хочет налаживать отношения с ЕС и США. Украина — стол для покера между игроками. Украина более подходящее место для них в Евразии. Каждый игрок делает много ошибок, это закон, не важно, покера или экономики.**

Метафоры движения показывают стремление субъектов к поставленной цели, причем на этом пути субъекты могут сталкиваться с такими препятствиями, как проведенная граница. Подобные границы — барьеры, которые субъекты выстраивают для того, чтобы препятствовать действиям друга.

...NATO needs to draw the line in the sand with Putin... [Ukraine, Rebels Hold New Peace Talks... 2015]. / **...НАТО необходимо провести границу на песке от Путина...**

Англоязычные комментаторы новостных порталов прибегают к метафоре родства

для обозначения всего мира как единой семьи. В рамках кризиса на Украине ЕС выступает в роли отца России, который воспитывает свое дитя наказаниями — санкциями.

Russia was a reliable partner for many years in international affairs. Despite the events in Crimea and Ukraine, the world family of nations should find a way to bring Russia back into the fold. Besides, a family is where they have to take you back in... [G-7 to Focus on Mideast, Ukraine Crises 2015]. / Россия была надежным партнером на протяжении многих лет в международных интрижках. Несмотря на события в Крыму и на Украине, мировая семья всех наций должна найти способ принять Россию обратно в свои ряды. Кроме того, семья — это то место, где тебя обязаны принять назад...

Морбиальные метафоры англоязычных комментариев новостных порталов репрезентируют в основном психологические заболевания в связи с кризисом на Украине. В таких метафорах прослеживается мысль о том, что комментаторы не видят здравого смысла в действиях субъектов кризиса.

Sounds as if once more Lunatics are running the Asylum. When will people grow up and realise nuclear war = mass extermination in which there are no winners or losers? [Withnall 2015]. / Звучит так, будто психи управляют сумасшедшим домом. Когда люди вырастут и поймут, что ядерная война = массовое уничтожение, в котором нет победителей и проигравших?

Метафоры строительства отражают стремление к развитию и продвижению субъектов к поставленным целям, а разрушения, наоборот, фиаско и неудачу на пути к достижению целей, в то время как при апелляции к метафорам механизма в англоязычных комментариях новостных порталов происходит репрезентация эффективности и результативности субъектов кризиса.

В целом в рамках дискурса можно прийти к выводу, что англоязычные комментаторы выделяют две противоборствующие силы кризиса на Украине: Россию и США. Конфронтация двух этих актеров направлена на установление главенства над страной, в которой происходит конфликт.

Ukraine is sitting at a dining table with a big Bear and a big Eagle. Have the two big carnivores eaten and waiting for U to eat so that they can eat you? Ukraine can run or it can stay

put... but it can't do both. [Milne 2014]. / Украина сидит за обеденным столом с большим Медведем и большим Орлом. Поели ли два хищника и ждут тебя, чтобы ты поел, чтобы они смогли съесть тебя? Украина может бежать или может остаться... но сделать и то и то не получится.

Несмотря на то, что борьба ведется между двумя сторонами, зачастую вина за конфликт возлагается на Россию, поскольку «московский рак» поразил Украину и «руки в крови» именно у В. В. Путина.

Посредством метафор дается характеристика лидеров США и России. Комментаторы отмечают бесхребетность и слабохарактерность Б. Обамы, в то время как президенту России приписываются такие характеристики, как смелость и решительность, что также отражается и на характеристике внешней политики России, в которой каждый следующий шаг может стать последним, словно при игре в «русскую рулетку». Метафоры азартных игр свойственны англоязычной культуре, которой присущи риск и дух соревнований, а метафоры спорта показывают, что субъекты комментариев настроены лишь на победу в любых состязаниях.

Англоязычные комментаторы новостных порталов используют укоренившиеся образы для номинации стран: так, США — *Uncle Sam* (Дядя Сэм), Россия — *Ivan* (Иван) и *Mother Russia* (Мать-Россия). Также в ходе анализа материала нами было отмечено, что англоязычные комментаторы прибегают к паронимической аттракции в отношении В. В. Путина. К примеру, *Putler* (слияние *Putin* и *Hitler*), *Pootin*, *Pootie* (англ. *po* — фекалии) — эти прозвища демонстрируют негативное, пренебрежительное отношение комментаторов к российскому лидеру. В отношении лидера США был обнаружен пример паронимической аттракции *Obamaniac*, приписывающий президенту такую характеристику, как маниакальность.

Стоит отметить, что при выборе метафоры немаловажную роль играет политическая позиция комментатора. Для того чтобы проследить корреляцию между политическими взглядами авторов комментариев и частотностью выбора того или иного метафорического образа, мы взяли за основу отношение комментаторов к политическим действиям В. В. Путина в рамках кризиса на Украине.

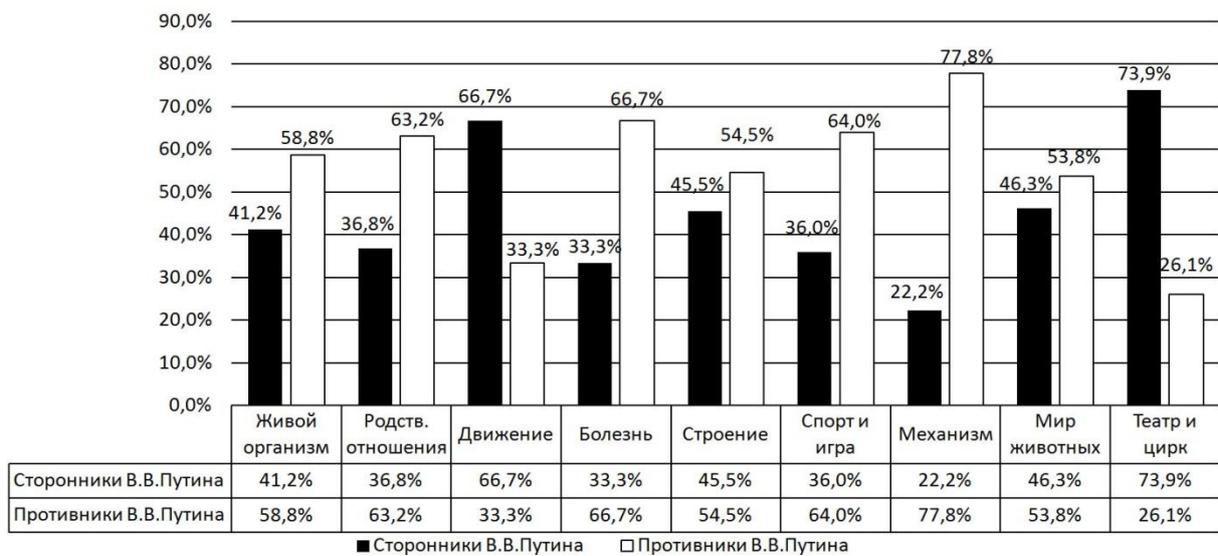

Рис. 2. Процентное соотношение частотности апелляции англоязычных комментаторов к метафорическим моделям в зависимости от политической позиции

Основываясь на данных, представленных на диаграмме (см. рис. 2), мы можем прийти к выводу, что наибольшие различия в частотности апелляции к метафорическим моделям в зависимости от политической позиции комментатора проявляются при использовании метафорических моделей «Украинский кризис — театр/цирк» и «Украинский кризис — механизм». Практически идентична частотность применения зооморфных образов и образов метафорической модели «Украинский кризис — строение». Образы остальных метафорических моделей чаще употребляются комментаторами, негативно настроенными по отношению к действиям лидера Российской Федерации в рамках кризиса на Украине. Необходимо отметить тот факт, что образы, выбранные англоязычными комментаторами для репрезентации украинского кризиса, преимущественно несут в себе пейоративные смыслы.

Таким образом, основными средствами репрезентации кризиса на Украине в англоязычных комментариях новостных порталов являются антропоморфная, игровая, театральная и зооморфная метафоры. В меньшей степени востребованы образы из сферисточников «Движение», «Строение», «Родственные отношения» и «Механизм». Большая часть комментаторов англоязычных новостных порталов негативно настроена по отношению к действиям президента России в рамках кризиса на Украине. В значительной степени именно негативно настроенные комментаторы прибегают к образам доминантных метафорических моделей, в то время как сторонники В. В. Путина более частотно апеллируют к метафорам менее востребованных моделей. Вне зависимости

от политической позиции авторов комментариев, употребляемые образы имеют негативный характер. Все метафорические модели привносят пейоративные смыслы в категоризацию кризиса на Украине.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А. Н. Метафоры в политическом дискурсе: языковые маркеры кризисности политической ситуации // *Linguistic Change in Europe 1990—2000* / ed. by L. Zybatow. — Wien, 2000. С. 35—42.
2. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политической коммуникации : моногр. — М. : Флинта, 2008. 248 с.
3. Будаев Э. В. Метафорическое моделирование постсоветской действительности в российском и британском политическом дискурсе : дис. ... канд. филол. наук / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2006.
4. Водак Р. Критическая лингвистика и критический анализ дискурса // *Политическая лингвистика*. 2011. № 4.
5. Егорова Е. В. Украинский кризис: образ России в англоязычных электронных СМИ // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2014. Вып. 11-1 (41). С. 60—65.
6. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем : пер. с англ. / под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. — М. : Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
7. Ковалева А. К. Метафорическая репрезентация политического конфликта на Украине в выступлениях Юлии Тимошенко // *Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления* : материалы Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 27.11.2015). — Екатеринбург, 2015. С. 129—134.
8. Резанова З. И., Шилиев К. С. Украина и Россия в условиях социального конфликта: метафорическое моделирование образа в российском медиадискурсе // *Русин*. 2015. № 4 (42). С. 217—234.
9. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000). — Екатеринбург, 2001. 238 с.
10. Чудинов А. П. Очерки по современной политической метафорологии : моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2013. 176 с.
11. Чурашова Е. А. Обвинительный дискурс в постэлекторальной коммуникации // *Вестн. Перм. ун-та. Политология*. 2013. № 1. С. 45—51.
12. Blair D. Ukraine's Maidan protesters: 'The revolution is not finished yet' // *The Telegraph*. 2014. 23 Apr. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/europe/ukraine/10783403/>

Ukraines-Maidan-protesters-The-revolution-is-not-finished-yet.html#disqus_thread (date of access: 25.07.2014).

13. De Landtsheer Ch. Function and the Language of Politics. A Linguistics Uses and Gratification Approach // Communication and Cognition. 1991. Vol. 24 (3/4). P. 299—342.

14. G-7 to Focus on Mideast, Ukraine Crises // VOA. 2015. 5 June. URL: <http://www.voanews.com/a/ukraine-and-mideast-crises-likely-in-g-7-lens/2808861.html#hash=relatedInfoContainer> (date of access: 06.06.2015).

15. Harding L., Walker S. Crimea applies to be part of Russian Federation after vote to leave Ukraine // The Guardian. 2014. 17 March. URL: <https://www.theguardian.com/world/2014/mar/17/ukraine-crimea-russia-referendum-complain-result#comments> (date of access: 25.06.2014).

16. Heintz J., Karmanau Y. Ukraine's protests are nation's largest since 2004 // USA Today. 2013. 8 Dec. URL: <http://www.usatoday.com/story/news/world/2013/12/08/ukraine-protests/3908495/> (date of access: 25.01.2016).

17. Lakoff G. Metaphor and War. The Metaphor System Used to Justify War in the Gulf. 1991. URL: metaphor.uoregon.edu/lakoff-1.htm.

18. Musolff A. Metaphor and Political Discourse. Analogical Reasoning in Debates about Europe. — Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2004.

19. Vassilaki M. This Revolutionary Situation Has Been Brewing for a Long Time: Metaphors in the Political Speeches about the Ukrainian Crisis. 2015. URL: https://www.academia.edu/16515493/This_revolutionary_situation_has_been_brewing_for_a_long_time_Metaphors_in_the_political_speeches_about_the_Ukrainian_crisis.

20. Milne S. It's not Russia that's pushed Ukraine to the brink of war // The Guardian. 2014. 30 Apr. URL: <https://www.the>

guardian.com/commentisfree/2014/apr/30/russia-ukraine-war-kyiv-conflict#comments (date of access: 05.05.2014).

21. Putin claims U.S., Europe sanctions 'declaim' Russia, infringe on sovereignty: 'They will always try to put him on a chain' // Daily News. 2014. 18 Dec. URL: <http://www.nydailynews.com/news/world/putin-claims-u-s-europe-sanctions-declaim-russia-article-1.2049510> (date of access: 16.03.2015).

22. Putin Denies Russia is Behaving More Aggressively // VOA. 2015. 19 June. URL: <http://www.voanews.com/a/putin-denies-russia-behaving-more-aggressively/2829629.html#hash=relatedInfoContainer> (date of access: 20.06.2015).

23. Putin: Russia Ready to Work with US // VOA. 2015. 18 Apr. URL: <http://www.voanews.com/a/reu-russian-putin-says-ready-to-work-with-united-states/2724933.html#hash=relatedInfoContainer> (date of access: 20.05.2015).

24. Ukraine, Rebels Hold New Peace Talks Amid Deadly Fighting // VOA. 2015. 31 Jan. URL: <http://www.voanews.com/a/new-clashes-in-ukraine-leave-12-dead/2620374.html?page=2#relatedInfoContainer> (date of access: 10.01.2016).

25. Vertessen D., Landtsheer Ch. De. A Metaphorical Election Style: Use of Metaphor at Election Time // Political Language and Metaphor: Interpreting and Changing the World / ed. by T. Carver, J. Pikalo. — London : Routledge, 2008. P. 271—285.

26. Withnall A. Russia declares right to deploy nuclear weapons to Crimea — and may already have done so // Independent. 2015. 11 March. URL: <http://www.independent.co.uk/news/world/europe/russia-declares-the-right-to-deploy-nuclear-weapons-to-crimea-10100241.html?origin=internalSearch> (date of access: 12.03.2015).

V. V. Kureyko

Ekaterinburg, Russia

METAPHORICAL REPRESENTATION OF THE CRISIS IN UKRAINE IN THE NEWS-PORTALS COMMENTS IN ENGLISH

ABSTRACT. *Periods of crisis create momentum for the rapid increment of metaphors volume of a discourse. The article displays the metaphors that were used in the news-portals comments in consideration of the conceptualization of the Ukrainian crisis of the period of 2013-2015. The author of the article used comments of the English news-portals as a data for study that allow to find out the reaction of users of the news sources to the events of the crisis as opposed to the opinions of journalists, experts, politicians. Media and political discourses affect the linguistic view of the world of recipients, but there is a chance that the recipients' view of the world is different from the suggested one. The results of the study show that the main means of representation of the Ukrainian crisis in English comments to the news portals are anthropomorphic, gamble, theatrical, and zoomorphic metaphors. Metaphors of the following source-domains: "Movement", "Construction", "Mechanism", "Relationship" and "World of plants" are used less often. It was noticed that there is a correlations between the political positions of a commentators and their choices of metaphors. It should be mentioned that all metaphorical models, regardless of the political positions, describe the Ukrainian crisis mostly in a pejorative way.*

KEYWORDS: *metaphorical models; crisis; the Ukraine; representation; English language comments to the news-portals.*

ABOUT THE AUTHOR: *Kureyko Vyacheslav, Administrative officer of the Consulate General of the Republic of Cyprus in Ekaterinburg, Russia.*

REFERENCES

1. Baranov A. N. Metafory v politicheskom diskurse: yazykovye markery krizisnosti politicheskoy situatsii // Linguistic Change in Europe 1990—2000 / ed. by L. Zybatow. — Wien, 2000. S. 35—42.

2. Budaev E. V., Chudinov A. P. Metafora v politicheskoy komunikatsii : monogr. — M. : Flinta : Nauka, 2008. 248 s.

3. Budaev E. V. Metaforicheskoe modelirovanie postsovetckoy deystvitel'nosti v rossiyskom i britanskom politicheskom diskurse : dis. ... kand. filol. nauk / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2006.

4. Vodak R. Kriticheskaya lingvistika i kriticheskiy analiz diskursa // Politicheskaya lingvistika. 2011. № 4.

5. Egorova E. V. Ukrainskiy krizis: obraz Rossii v angloyazychnykh elektronnykh SMI // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2014. Vyp. 11-1 (41). S. 60—65.

6. Lakoff Dzh., Dzhonson M. Metafory, kotorymi my zhivem : per. s angl. / pod red. i s predisl. A. N. Baranova. — M. : Editorial URSS, 2004. 256 s.

7. Kovaleva A. K. Metaforicheskaya reprezentatsiya politicheskogo konflikta na Ukraine v vystupleniyakh Yulii Timoshenko // Politicheskaya lingvistika: problematika, metodologiya, aspekty issledovaniya i perspektivy razvitiya nauchnogo napravleniya :

materialy Mezhdunar. nauch. konf. (Ekaterinburg, 27.11.2015). — Ekaterinburg, 2015. S. 129—134.

8. Rezanova Z. I., Shilyaev K. S. Ukraina i Rossiya v usloviyakh sotsial'nogo konflikta: metaforicheskoe modelirovanie obraza v rossiyskom mediadiskurse // Rusin. 2015. № 4 (42). S. 217—234.

9. Chudinov A. P. Rossiya v metaforicheskome zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory (1991—2000). — Ekaterinburg, 2001. 238 s.

10. Chudinov A. P. Ocherki po sovremennoy politicheskoy metaforologii : monogr. / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2013. 176 s.

11. Churashova E. A. Obvinitel'nyy diskurs v postelektoral'noy komunikatsii // Vestn. Perm. un-ta. Politologiya. 2013. № 1. S. 45—51.

12. Blair D. Ukraine's Maidan protesters: 'The revolution is not finished yet' // The Telegraph. 2014. 23 Apr. URL: http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/europe/ukraine/10783403/Ukraines-Maidan-protesters-The-revolution-is-not-finished-yet.html#disqus_thread (date of access: 25.07.2014).

13. De Landtsheer Ch. Function and the Language of Politics. A Linguistics Uses and Gratification Approach // Communication and Cognition. 1991. Vol. 24 (3/4). P. 299—342.

14. G-7 to Focus on Mideast, Ukraine Crises // VOA. 2015. 5 June. URL: <http://www.voanews.com/a/ukraine-and-mideast-crises-likely-in-g-7-lens/2808861.html#hash=relatedInfoContainer> (date of access: 06.06.2015).
15. Harding L., Walker S. Crimea applies to be part of Russian Federation after vote to leave Ukraine // The Guardian. 2014. 17 March. URL: <https://www.theguardian.com/world/2014/mar/17/ukraine-crimea-russia-referendum-complain-result#comments> (date of access: 25.06.2014).
16. Heintz J., Karmanau Y. Ukraine's protests are nation's largest since 2004 // USA Today. 2013. 8 Dec. URL: <http://www.usatoday.com/story/news/world/2013/12/08/ukraine-protests/3908495/> (date of access: 25.01.2016).
17. Lakoff G. Metaphor and War. The Metaphor System Used to Justify War in the Gulf. 1991. URL: metaphor.uoregon.edu/lakoff-1.htm.
18. Musolff A. Metaphor and Political Discourse. Analogical Reasoning in Debates about Europe. — Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2004.
19. Vassilaki M. This Revolutionary Situation Has Been Brewing for a Long Time: Metaphors in the Political Speeches about the Ukrainian Crisis. 2015. URL: https://www.academia.edu/16515493/_This_revolutionary_situation_has_been_brewing_for_a_long_time_Metaphors_in_the_political_speeches_about_the_Ukrainian_crisis.
20. Milne S. It's not Russia that's pushed Ukraine to the brink of war // The Guardian. 2014. 30 Apr. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2014/apr/30/russia-ukraine-war-kyiv-conflict#comments> (date of access: 05.05.2014).
21. Putin claims U.S., Europe sanctions 'declaim' Russia, infringe on sovereignty: 'They will always try to put him on a chain' // Daily News. 2014. 18 Dec. URL: <http://www.nydailynews.com/news/world/putin-claims-u-s-europe-sanctions-declaim-russia-article-1.2049510> (date of access: 16.03.2015).
22. Putin Denies Russia is Behaving More Aggressively // VOA. 2015. 19 June. URL: <http://www.voanews.com/a/putin-denies-russia-behaving-more-aggressively/2829629.html#hash=relatedInfoContainer> (date of access: 20.06.2015).
23. Putin: Russia Ready to Work with US // VOA. 2015. 18 Apr. URL: <http://www.voanews.com/a/reu-russian-putin-says-ready-to-work-with-united-states/2724933.html#hash=relatedInfoContainer> (date of access: 20.05.2015).
24. Ukraine, Rebels Hold New Peace Talks Amid Deadly Fighting // VOA. 2015. 31 Jan. URL: <http://www.voanews.com/a/new-clashes-in-ukraine-leave-12-dead/2620374.html?page=2#relatedInfoContainer> (date of access: 10.01.2016).
25. Vertessen D., Landtsheer Ch. De. A Metaphorical Election Style: Use of Metaphor at Election Time // Political Language and Metaphor: Interpreting and Changing the World / ed. by T. Carver, J. Pikalo. — London : Routledge, 2008. P. 271—285.
26. Withnall A. Russia declares right to deploy nuclear weapons to Crimea — and may already have done so // Independent. 2015. 11 March. URL: <http://www.independent.co.uk/news/world/europe/russia-declares-the-right-to-deploy-nuclear-weapons-to-crimea-10100241.html?origin=internalSearch> (date of access: 12.03.2015).

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.

Д. С. Мухортов, А. В. Краснова
Москва, Россия

**ДИСКУРСИВНЫЕ МАРКЕРЫ МАНИПУЛЯЦИИ КАК РЕАЛИЗАЦИЯ
СУБЪЕКТИВНО-ОЦЕНОЧНОГО АКТА ГОВОРЯЩЕГО**

АННОТАЦИЯ. Данная статья посвящена проблеме распознавания манипуляции с точки зрения использования говорящим синтаксических, лексико-семантических и риторико-стилистических приемов. Они рассматриваются как методы субъективной подачи информации с целью оказания влияния на массовое сознание. К разряду языковых средств манипуляции можно отнести категории синтаксических (выбор нужной модальности, корректировка залога, нанизывание параллельных конструкций, использование повторов, парцелляции), лексико-семантических (окказионализмы, омонимы, полисеманты, дисфемизмы, эфемизмы, конверсивы, гиперонимы и аффеكتивы, а также использование оценочной, агонимичной, жаргонной и коннотированной лексики и модальных конструкций) и риторико-стилистических приемов. Особое внимание уделяется широкому спектру риторических приемов манипулирования, которые разбиваются на подгруппы в зависимости от коммуникативно-прагматических установок говорящего (логические уловки, или семантические приемы манипуляции: импликация, в том числе пресуппозиция, псевдоаргументация — нарушение правила однозначности и тождества тезиса, логические противоречия в аргументах, преподнесение единичного факта под видом закономерности; психологические уловки: аргументы к «публике», «страху»; риторические вопросы, воздействующие, в отличие от логических, не на мышление, а на чувства). Поднимается вопрос о методах эмоционального воздействия, наиболее значимыми из которых являются пропаганда и агитация. В работе подтверждается вывод о том, что формирование дискурсивных практик в политическом дискурсе находится в прямой зависимости от выбора говорящим манипулятивных стратегий и тактик, и это требует неперестанного изучения со стороны лингвистов и дискурсологов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: манипулятивные стратегии; манипулятивные тактики; речевая деятельность; речевые акты; лексическая семантика; политическая риторика; массовое сознание; речевое воздействие; политический дискурс.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Мухортов Денис Сергеевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языкознания филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова; 119234, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, д. 1, стр. 51, к. 1045/46; e-mail: dennismoukhortov@mail.ru.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Краснова Анна Владимировна, магистрант 2 года обучения филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, 119234, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, д. 1, стр. 51, к. 1045/46; e-mail: anika12@yandex.ru.

При всем многообразии и тщательности проработки исследований по персуазивности изучение приемов речевой манипуляции относится к «наиболее актуальным и наименее изученным проблемам современной культуры речевого общения» [Быкова 1999], поскольку двери к пониманию принципов управления массовым сознанием открываются исследованием постепенно. Вслед за Е. Л. Доценко манипуляция рассматривается нами как воздействие, влекущее «скрытое возбуждение у другого человека намерений, не совпадающих с его актуально существующими желаниями» [Доценко 1997: 60].

Среди действенных способов классификации средств речевого манипулирования отдельного внимания заслуживает метод разграничения приемов речевого воздействия, предложенный В. Е. Чернявской [Чернявская 2006: 23], а также выдвинутый П. Б. Паршиным [Паршин 2000] в статье «Речевое воздействие». Авторы рассматривают построение манипулятивного сообщения как выбор лингвистических языковых средств на различных уровнях языка.

К разряду языковых средств манипуляции можно отнести категории синтаксических, лексико-семантических и риторико-стилистических приемов.

Синтаксические трансформации высказывания представляют богатый набор возможностей манипулятивного воздействия. В основе их лежит выбор нужной мо-

дальности, корректировка залога, нанизывание параллельных конструкций, использование повторов, парцелляции и многие другие синтаксические ухищрения, диктуемые прагматикой говорящего. Изменение синтаксических конструкций предложения позволяет помещать в фокус внимания аудитории или исключать из него участников различных ситуаций (с помощью номинализации, пассивизации, употребления неопределенно- и обобщенно-личных предложений), а также менять степень активности участников и своеобразную «дистанцию» между субъектом и событием (при помощи неопределенности агенса — активного участника ситуации, производящего действие, варьирования агентивности и пассивизации), добиваться различной степени эмоциональности (посредством модальных указателей), концентрировать внимание аудитории на смыслах, которые необходимо выделить (с помощью повторов, параллельных конструкций, перестановки и инициализации). Опускание в предложении агенса или экспериенцера — опускание упоминания участника коммуникационной ситуации, на чье внутреннее состояние оказывается воздействие, — помогает автору информации различными способами «снять с себя ответственность за высказанное утверждение или суждение» [Боллинджер 1987].

Даже посредством введения или удаления из конструкции предложения информа-

ции различного характера (например, о времени и участниках события) отношение к предмету речи может быть подвергнуто трансформации (к примеру, перенос или снятие ответственности за действие; оправдание или обвинение участников, сокрытие различных сведений), поэтому этот способ манипулирования получил чрезвычайно широкое распространение как в средствах массовой информации, так и в политическом дискурсе.

К группе **лексико-семантических средств** речевого манипулятивного воздействия относятся окказионализмы, омонимы, полисеманты, дисфемизмы, эвфемизмы, конверсивы, гиперонимы и аффективы, а также использование оценочной, агнонимичной, жаргонной и коннотированной лексики и модальных конструкций. Поскольку семантика слова и возможности лексических замен чрезвычайно богаты, выбор употребляемых слов остается одним из наиболее популярных и универсальных приемов манипулирования. Как пишет В. Е. Чернявская, «всякий выбор слова, выбор номинации — это уже субъективно-оценочный акт. Выбор слова — не нейтрален по отношению к субъекту речи» [Чернявская 2006: 11]. Воздействие на воспринимающего информацию индивидуума осуществляется в этом случае посредством присутствия «слов-манипуляторов», наделённых экспрессивными, оценочными, коннотированными или ассоциативными значениями, направляющими мысли адресата и создающими необходимый фундамент для «правильной» интерпретации сообщения.

Как на особый лексико-семантический прием воздействия следует указать на использование *словообразовательных и морфолого-семантических средств* (например, суффиксов субъективных оценок, диминутивизации, оценочном словообразовании, символических обозначениях сокращений, умышленном аграмматизме и трансформированном написании слов). Эти приемы применяются для формирования или видоизменения представлений о предмете речи. Более того, посредством использования этих приемов создаются эмоционально и оценочно окрашенные неологизмы, часто употребляемые в качестве маркеров различных социальных групп.

Совершенно отдельной и важной категорией в этой группе должна считаться *имплицитная подача информации* [Гурочкина 2003]. Посредством такой подачи информации передаваемый высказыванием смысл становится значительно шире того, который диктуют использованные языковые средства,

т. е. объемнее своего «прямого», эксплицитного значения. Эксплицитное, лежащее на поверхности значение составляет лишь часть содержательного посыла такого манипулятивного высказывания и тесно взаимодействует с другой своей частью, имплицитной. В качестве примера исследовательница приводит в своей статье слоган из рекламы химчистки: «We'll dye for you». Очевидно, что авторами здесь обыгрывались значения омофонов «dye» и «die». Словарное значение первого глагола будет звучать как «to add a colour to or change the colour of (something) by soaking it in a solution impregnated with a dye», а второго — «(informal) be very eager for something».

Отсюда мы получаем подспудное значение, вытекающее из созвучности слов. Одновременно адресатом воспринимается посыл «Мы изменим цвет ваших вещей» и «Мы за вас до последнего» (в значении того, что готовы чрезвычайно усердно трудиться на благо интересов потребителя). Даже если человек и не поверит в искренность имплицитного посыла слогана, с высокой долей вероятности запомнит его.

В работе «Политический дискурс: специфика манипулятивного воздействия» О. Л. Михалёва выделяет несколько наиболее часто употребляемых **риторических приемов** манипуляции, среди которых называются анафора, антитеза, гипербола, инверсия и градация [Михалёва 2009: 69]. Кроме того, в ее работе отмечаются также и такие риторические приемы манипулирования, как использование эпитетов, риторических вопросов и синтаксического параллелизма [Михалёва 2009: 70].

Весь спектр наличествующих риторических приемов манипулирования также представляется возможным разбить на некоторые подгруппы. К *логическим уловкам* и одновременно *семантическим приемам манипуляции* относятся имплицатуры (в том числе речевые имплицатуры и конвенциональные имплицатуры, называемые иначе пресуппозициями) [Михалёва 2009: 112].

Речевыми имплицатурами называются идеи, не присутствующие в тексте явно, но выводимые из него «на основе общих законов речевого общения» [Михалёва 2009: 117]. Этот прием речевого воздействия зиждется на том, что внушаемый тезис не содержится в самом высказывании, но вытекает из имеющихся в нем высказываний как имплицитная информация. Адресат автоматически считывает имплицитную информацию, что дает манипулятору полный контроль над сделанными первым выводами. Из-за шаблонов мышления информация, не

высказанная в тексте открыто, но подразумеваемая имплицитными связями, достигает слушателя или читателя, подталкивая к ложным умозаключениям.

Еще один действенный тип логической уловки — это псевдоаргументация [Сентенберг, Карасик 1993: 30—38]. Как правило, она подразделяется на уловки, связанные с тремя уровнями доказательства:

- с нарушением правила однозначности и тождества тезиса (когда тезис неточно определен и предполагает ряд возможных трактовок или был впоследствии подменен манипулятором),
- с наличием логических противоречий в аргументах,
- с некорректным приведением оных (например, преподнесение единичного факта под видом закономерности).

Разнообразные *психологические уловки* (аргументы к «публике», «страху», «личности»; риторические вопросы) направлены, в отличие от логических, на воздействие на уровне человеческих чувств, а не мышления. При этом широко используется иррациональная аргументация, направленная на психоэмоциональную сферу и служащая инструментом снижения критичности отношения к происходящему (юмор, использование трюизмов — выражений, рассказывающих о чем-то общеизвестном, банальном и избитом, апелляция к авторитету). Иррациональная аргументация используется для дискредитации противника в споре, обладает способностью быстро заражать аудиторию эмоционально.

Часто языковое воздействие оказывается посредством *фигур речи, связанных с когнитивными операциями*. В данном случае воздействие направлено на образ действительности в сознании человека, и для этих целей используются аналогии, метафоры, метонимии, генерализации, экземплификации. В частности, В. Е. Черняевская выделяет следующие ораторские манипуляционные приемы: аллегоризация, генерализация, антонимизация, деконкретизация и обобщения [Черняевская 2006: 27].

Речевые приемы манипулятивного воздействия достаточно тесно переплетены с психологическими и, как правило, используются с ними параллельно. Существует в ораторском манипулятивном искусстве также группа методов, основанных на использовании внушения, где цель манипулятора — ввести аудиторию в суггестивное состояние, когда она готова принять всю транслируемую информацию на веру, не требуя фактических доказательств и логических обоснований. Суггестия (иначе говоря, внушение) — это

такой вид речевого манипулятивного воздействия, который является «сознательным неаргументированным воздействием на человека или группу людей, имеющим своей целью изменение их состояния, отношения к чему-либо и создания предрасположенности к определенным действиям» [Сидоренко 2002: 256].

Для достижения суггестивного состояния манипуляторы прибегают к использованию авторитетов, групп влияния, лидеров общественного мнения, экспертов [Кара-Мурза 2002: 293]. Манипуляторам необходимо не критичное отношение к транслируемой информации, что и обеспечивается, если она исходит от авторитетного источника. Для необходимого эффекта авторитетный источник должен обладать одним или несколькими следующими качествами: вызывать доверие у целевой группы, быть известным, быть успешным в своей профессиональной сфере или общественной деятельности (например, волонтеры или благотворители), занимать высокий официальный пост (в настоящий момент или в прошлом), быть близким целевой аудитории (скажем, «свой парень из глубинки», достигший высот власти; гений-миллиардер, который в прошлом был обычным чудаковатым студентом) [Ольшанский 2002].

Также к категории ораторских методов внушения относятся утвердительные заявления [Дзялошинский 2006: 30] — данный метод заключается в самой манере подачи информации. Во вполне логичный и доказательный материал может быть включено — как само собой разумеющееся — какое-либо спорное или даже ложное утверждение. Манипуляторы рассчитывают на то, что массовая аудитория, внимание которой будет сосредоточено на общей нити рассуждения, на оригинальной гипотезе или шокирующем новостном поводе, воспримет утвердительное заявление как нечто доказанное и объясненное.

Заметное место в манипулятивных техниках занимают, безусловно, **эмоциональные средства воздействия** [Тиранов 2005: 19—20]. Одним из главных способов воздействия на чувства массовой аудитории является использование «ценностных маркеров» — эмоционально интенсивных слов, относящихся к ценностному смысловому полю; апелляции к патриотизму, желанию счастья, семье и детям, религии, справедливости, прогрессу, стабильности и миру [Берлова, Захаров, Колесникова, Кочинева 2003].

Перенос неодобрения и негативного образа основывается на проекции негативных качеств отдельной личности или же соци-

альной группы или общности на какой-либо объект, явление, точку зрения [Мандель 2013: 253]. Для этого манипуляторы предоставляют маргинальным, порицаемым или опасным для общества субъектам возможность высказать свое одобрение объекту, который необходимо дискредитировать.

Одним из важнейших и эффективнейших методов манипулирования, возможно, доминирующим в современном информационном поле, является запугивание [Кара-Мурза 2000]. Оно естественным образом вырастает из соединения других методов — переноса негативного образа, упрощения, навешивания ярлыков.

Также можно выделить метод переноса положительного образа. Данный метод заключается соответственно в проецировании положительных качеств конкретного человека на другую личность, организацию, политику, идеологию, позицию.

Действенным способом манипуляции является внушение на фоне общей невротизации; это достигается при помощи постоянной демонстрации сцен насилия, последствий войн или катастроф, нагнетания тревожной атмосферы. Испуганная воображаемым злом, массовая аудитория не склонна критически оценивать предлагаемую ей информацию [Салемгареева].

С потребностью человека в положительной самоидентификации также связан метод «победившей стороны» [Дзялошинский 2006: 28] — этот тип воздействия заключается в эксплуатации стремления среднего человека оказаться на стороне сильного, правого, победителя, «нормального большинства»; могут использоваться утверждения наподобие следующих: «Наше государство/альянс одержит победу», «Наши ценности выше, честней, благородней», «Победа на нашей стороне».

Наиболее явным из эмоциональных методов воздействия является принуждающая пропаганда, внушение массовой аудитории определенных установок [Войтасик 1981]. Принуждающая пропаганда состоит в использовании императивных конструкций наподобие следующих: «Вступай в армию», «Сражайся за свободу», «Ты нужен своей стране».

Наряду с эмоциональными методами воздействия широко используются уже упомянутые методы манипуляции, основанные на логических уловках. Остановимся на них подробнее.

Основными логическими уловками, используемыми для манипуляции, являются нарушение причинно-следственных связей, перенос частного факта в сферу общего,

ложная аналогия. На основании того, что одно из событий произошло после другого, манипулятор делает вывод, что оно произошло вследствие него. А опираясь на один или несколько инцидентов, манипулятор настаивает на существовании определенной тенденции; моральную ответственность за действия одного представителя группы или лидера распространяет на всю группу, общность или социальный институт [Кара-Мурза 2000].

Как можно видеть, зачастую сложно провести четкую границу между эмоциональными и логическими методами манипуляции.

Огромное значение в манипуляции имеет использование ложной и тенденциозной информации, например слухов и домыслов, в неясной политической или социальной ситуации [Назаретян 2003]. К этой же категории методов следует отнести использование негативных намеков, основанное на активизации существующих в массовом сознании стереотипов и подозрений; часто негативные намеки формулируются в виде провокационных риторических конструкций: «Ну вы понимаете...», «Все разумные люди знают...», «А теперь зададимся вопросом...» [Дзялошинский 2006: 22].

Существуют определенные приемы и методы манипулирования, которые сложно выделить в отдельной речи, но которые можно проследить, если анализировать весь дискурс человека в течение некоторого времени: метод наименьшего зла [Кара-Мурза 2000: 33—36], метод упрощения [Мельник 1996], заострение внимания манипуляторами только на наиболее уязвимом пункте или на главном недостатке какого-либо объекта, наклеивание ярлыков, по технике использования схожее с переносами образов [Мельник 1996].

Информационный шум мешает людям искать логическую связь между событиями, отделять факты от домыслов, заставляет обращаться к готовым решениям, предлагаемым манипуляторами. Информационный шум идеален для отвлечения внимания массовой аудитории от действительно значимых событий и фактов.

В заключение следует подчеркнуть, что манипулирование общественным сознанием зачастую происходит исключительно за счет трех основных групп средств речевого манипуляционного воздействия: охватывающие лексико-грамматические, синтаксические и пунктуационные аспекты языка и речи; семантические, включающие все способы, основанные на игре значений слов, и, наконец, риторико-стилистические, которые могут включать в себя игры с семантическими и логико-понятийными связями.

Манипулятивность является неотъемлемой характеристикой любого языка, ведь «всякий выбор слова <...> — это уже субъективно-оценочный акт» [Чернявская 2006: 11], однако далеко не всякий выбор слова является безобидным. Прямым доказательством тому являются речи и действия политиков и бизнесменов. Их дискурсивные практики следует изучать самым пристальным образом, чтобы можно было в нужный момент предупредить кризисы и гуманитарные катастрофы, в которых доверчивое человечество в последнее десятилетие оказывалось уже несчетное количество раз.

ЛИТЕРАТУРА

1. Берлова О. А., Захаров В. П., Колесникова В. Б., Кочинева А. Л. Игра на информационном поле. — М.: МСоЭС, 2003.
2. Болинджер Д. Истина — проблема лингвистическая. — 1987. URL: http://genhis.philol.msu.ru/article_85.shtml.
3. Быкова О. Н. Языковое манипулирование: материалы к энциклопедическому словарю «Культура русской речи» // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: вестн. Рос. риторической ассоциации. 1999. Вып. 1 (8). URL: http://library.krasu.ru/ft/ft_articles/0070503.pdf.
4. Быкова О. Н. Опыт классификации приемов речевого манипулирования в текстах СМИ // Речевое общение: вестн. Рос. рит. ассоц. 2000. №1.
5. Войтасик Л. Психология политической пропаганды. — М.: Прогресс, 1981.
6. Гурочкина А. Г. Манипулирование в лингвистике // Изв. РГПУ им. А. И. Герцена. 2003. № 5. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/manipulirovanie-v-lingvistike>.
7. Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. — М., 1997.
8. Дзялошинский И. М. Манипулятивные технологии СМИ. — М., 2006.
9. Дзялошинский И. М. Манипулятивные технологии в СМИ: учеб.-метод. пособие. — М., 2006. С. 5. URL: <http://www.dzyalosh.ru/04-master/metod/manipulyativnye-tehnologii.doc>.

D. S. Mukhortov, A. V. Krasnova
Moscow, Russia

MANIPULATION DISCOURSE MARKERS WITHIN THE FRAMEWORK OF SUBJECTIVE EVALUATION

ABSTRACT. *The article discusses the problem of revealing manipulation on the basis of the analysis of syntactic, lexico-semantic and rhetoric-stylistic devices used by the speaker. They are treated as the methods of subjective news presentation to manipulate mass consciousness. The verbal means of manipulation are the categories of syntactic means (modality, voice, parallel constructions, repetition, parcellation), lexico-semantic means (occasionalisms, homonyms, polysemantic words, dysphemisms, euphemisms, converse terms, hyperonyms, affectives, evaluative words, jargonisms, connotative words and modal constructions), and rhetoric-stylistic means. Special attention is paid to the wide variety of rhetoric means of manipulation, which are divided into sub-groups according to communicative-pragmatic position of the speaker (logic ploys or semantic means of manipulation: implicatures, including presupposition, pseudo-argumentation – violation of the norms of monosemy and equivalence of a statement, logic contradictions of arguments, presentation of a single fact as a regular pattern; psychological tricks: arguments appealing to the “public”, “fear”, “person”; rhetoric questions, as different from logic questions, have manipulative function, appeal to the feelings rather than logic). The methods of emotional manipulation, the most important of which are propaganda and agitation, are discussed. The article proves that formation of discursive practices in political discourse depends on the choice of manipulative strategies and tactics, which should be constantly studied by the linguists and discourse experts.*

KEYWORDS: *manipulative strategies; manipulative tactics; speaking; speech acts; lexical semantics; political rhetoric; mass consciousness; verbal influence; political discourse.*

ABOUT THE AUTHOR: *Mukhortov Denis Sergeevich, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of English Philology, Faculty of Philology, Moscow State University, Moscow, Russia.*

ABOUT THE AUTHOR: *Krasnova Anna Vladimirovna, Master's Degree Student, Faculty of Philology, Moscow State University, Moscow, Russia.*

10. Дзялошинский И. Проблема эффективности пропагандистской деятельности, осуществляемой с помощью СМИ. Манипуляция посредством управления информационными потоками и рациональными аргументами (рационально-интеллектуальное манипулирование). URL: <http://dzyalosh.ru/01-comm/statii/dzyalosh-01/racion-manipul.html>.

11. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. — Алгоритм, 2000.

12. Кара-Мурза С. Г. Идеология и мать ее наука. — Алгоритм, 2002. 293 с.

13. Мандель Б. Политическая психология. — Флинта, 2013.

14. Мельник Г. С. Mass-Media: психологические процессы и эффекты. — СПб., 1996. URL: <http://avkrasn.ru/article-1672.html>.

15. Михалёва О. Л. Политический дискурс: специфика манипулятивного воздействия. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.

16. Назаретян А. П. Агрессивная толпа, массовая паника, слухи: лекции по социальной и политической психологии. — СПб., 2003.

17. Ольшанский Д. В. Психология масс. — СПб.: Питер, 2002.

18. Паршин П. Б. Речевое воздействие: основные сферы и разновидности // Рекламный текст: семиотика и лингвистика / Ю. К. Пирогова, П. Б. Паршин. — М., 2000.

19. Салемгареева Л. С. СМИ и общественное сознание: влияние, проблемы, технологии манипулирования // Вестн. электронных и печатных СМИ. № 2. URL: <http://www.ipk.ru/index.php?id=1537>.

20. Сентенберг И. В., Карасик В. И. Псевдоаргументация: некоторые виды речевых манипуляций // Речевое общение и аргументация. — СПб., 1993. Вып. 1.

21. Сидоренко Е. В. Тренинг влияния и противостояния влиянию. — СПб.: Речь, 2002.

22. Тиранов А. Использование эмоциональных средств в материалах информационно-психологического воздействия // Зарубежное военное обозрение. 2005. № 5.

23. Хазагеров Т., Ширина Л. Беседы о риторике. Доводы, приемы, уловки // RELGA. 2001. № 9 (63). URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=760&level1=main&level2=articles>.

24. Чернявская В. Е. Дискурс власти. — М., 2006.

REFERENCES

1. Berlova O. A., Zakharov V. P., Kolesnikova V. B., Kochineva A. L. Igra na informatsionnom pole. — M. : MSoES, 2003.
2. Bolindzher D. Istina — problema lingvisticheskaya. — 1987. URL: http://genhis.philol.msu.ru/article_85.shtml.
3. Bykova O. N. Yazykovoe manipulirovanie: materialy k entsiklopedicheskomu slovaryu «Kul'tura russkoy rechi» // Teoreticheskie i prikladnye aspekty rechevogo obshcheniya: vestn. Ros. ritoricheskoy assotsiatsii. 1999. Vyp. 1 (8). URL: http://library.krasu.ru/ft/_articles/0070503.pdf.
4. Bykova O. N. Opyt klassifikatsii priemov rechevogo manipulirovaniya v tekstakh SMI // Rechevoe obshchenie: vestn. Ros. rit. assots. 2000. №1.
5. Voytasik L. Psikhologiya politicheskoy propagandy. — M. : Progress, 1981.
6. Gurochkina A. G. Manipulirovanie v lingvistike // Izv. RGPU im. A. I. Gertsena. 2003. № 5. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/manipulirovanie-v-lingvistike>.
7. Dotsenko E. L. Psikhologiya manipulyatsii: fenomeny, mekhanizmy i zashchita. — M., 1997.
8. Dzyaloshinskiy I. M. Manipulyativnye tekhnologii SMI. — M., 2006.
9. Dzyaloshinskiy I. M. Manipulyativnye tekhnologii v SMI : ucheb.-metod. posobie. — M., 2006. С. 5. URL: <http://www.dzyalosh.ru/04-master/metod/manipulyativnye-tehnologii.doc>.
10. Dzyaloshinskiy I. Problema effektivnosti propagandistskoy deyatel'nosti, osushchestvlyаемой s pomoshch'yu SMI. Manipulyatsiya posredstvom upravleniya informatsionnymi potokami i ratsional'nymi argumentami (ratsional'no-intellektual'noe manipulirovanie). URL: <http://dzyalosh.ru/01-comm/statii/dzyalosh-01/racion-manipul.html>.
11. Kara-Murza S. G. Manipulyatsiya soznaniem. — Algoritm, 2000.
12. Kara-Murza S. G. Ideologiya i mat' ee nauka. — Algoritm, 2002. 293 s.
13. Mandel' B. Politicheskaya psikhologiya. — Flinta, 2013.
14. Mel'nik G. S. Mass-Media: psikhologicheskie protsessy i efekty. — SPb., 1996. URL: <http://avkrasn.ru/article-1672.html>.
15. Mikhaleva O. L. Politicheskii diskurs: spetsifika manipulyativnogo vozdeystviya. — M. : Knizhnyy dom «LIBROKOM», 2009.
16. Nazaretyan A. P. Agressivnaya tolpa, massovaya panika, slukhi : lektsii po sotsial'noy i politicheskoy psikhologii. — SPb., 2003.
17. Ol'shanskiy D. V. Psikhologiya mass. — SPb. : Piter, 2002.
18. Parshin P. B. Rechevoe vozdeystvie: osnovnye sfery i raznovidnosti // Reklamnyy tekst: semiotika i lingvistika / Yu. K. Pirogova, P. B. Parshin. — M., 2000.
19. Salemgareeva L. S. SMI i obshchestvennoe soznanie: vliyanie, problemy, tekhnologii manipulirovaniya // Vestn. elektronnykh i pechatnykh SMI. № 2. URL: <http://www.ipk.ru/index.php?id=1537>.
20. Sentenberg I. V., Karasik V. I. Psevdoargumentatsiya: nekotorye vidy rechevykh manipulyatsiy // Rechevoe obshchenie i argumentatsiya. — SPb., 1993. Vyp. 1.
21. Sidorenko E. V. Trening vliyaniya i protivostoyaniya vliyaniyu. — SPb. : Rech', 2002.
22. Tiranov A. Ispol'zovanie emotsional'nykh sredstv v materialakh informatsionno-psikhologicheskogo vozdeystviya // Zarubezhnoe voennoe obozrenie. 2005. № 5.
23. Khazagerov T., Shirina L. Besedy o ritorike. Dovody, priemy, ulovki // RELGA. 2001. № 9 (63). URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=760&level1=main&level2=articles>.
24. Chernyavskaya V. E. Diskurs vlasti. — M., 2006.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Е. А. Нахимова.

И. П. Рябкова

Ижевск, Россия

**КОГНИТИВНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ «ТРАЕКТОРИЯ ДВИЖЕНИЯ»
В РАМКАХ КОНЦЕПТА «ПУТЬ» В РЕЧАХ РОССИЙСКИХ И АМЕРИКАНСКИХ ЛИДЕРОВ:
СОПОСТАВИТЕЛЬНО-ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена анализу одной из значимых когнитивных составляющих (КС) концепта «Путь» — «траектории движения». Автор предлагает собственную методику анализа когнитивных составляющих концепта «Путь», которая может применяться для анализа и описания других сложных по структуре концептов. В статье выделяются основные вербализаторы исследуемой КС в речах российских и американских политических лидеров, приводится их сравнительное описание. В качестве отличительных особенностей КС в речах на русском языке автор отмечает представление о «трассе» как разделенном на отрезки пути, который имеет начало и конец, содержащий объекты, представляющие угрозу движению. В речах американских политиков трасса не делится на этапы и предстает как непрерывное целое, в меньшей степени характеризуется наличием препятствий, чаще представляет собой «правильный путь». Далее в статье с позиций когнитивно-концептологического подхода представлены проблемы перевода текстовых фрагментов, актуализирующих исследуемую КС. По мнению автора, проблемы, возникающие при переводе фрагментов политических речей, в которых реализуется когнитивная составляющая «траектория движения», обычно бывают связаны с передачей на другом языке окказиональных репрезентантов данной составляющей, а также с необходимостью конкретизировать тип «трассы» при переводе с русского языка на английский. Сталкиваясь с необходимостью выбора соответствия из синонимического ряда слов, переводчики нередко демонстрируют вариативность в понимании текста, обусловленную как субъективными представлениями о действительности, так и общими фоновыми знаниями.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: когнитивная лингвистика; когнитивное переводоведение; концепты; концептология; когнитивные составляющие; политические деятели; политические речи; политический дискурс; президентский дискурс; политические коммуникации; перевод.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Рябкова Ирина Павловна, кандидат филологических наук, доцент кафедры перевода и прикладной лингвистики (английский и немецкий языки), Удмуртский государственный университет; 426000, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 2, к. 309; e-mail: irina-ryabkova@bk.ru.

Обзор существующих подходов к понятию «концепт» показал, что в современной концептологии, разрабатываемой главным образом в трудах российских ученых, отчетливо прослеживаются два ведущих направления — лингвокультурологическое и когнитивное. Несмотря на то, что представители разных направлений исходят из различной типологии концептов, используют разные методики моделирования концептов, общим для всех авторов, работающих в русле концептологии, является стремление рассматривать многие проблемы функционирования языка под новым углом, с позиции антропоцентрической парадигмы, господствующей на сегодняшний день в лингвистике. В настоящем исследовании концепт рассматривается в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы, методической основой которой являются труды Н. Н. Болдырева, В. З. Демьянкова, Е. С. Кубряковой, а также исследования представителей воронежской школы когнитивистики З. Д. Поповой и И. А. Стернина.

Говоря о вербализации концепта, многие исследователи признают, что концепт может быть номинирован в языке или не иметь однословного языкового выражения. Отсутствие универсальной номинации, однако, не свидетельствует об отсутствии концепта в конкретной лингвокультуре. В то же время для лингвиста существует принципиальное различие между вербализованными и невербализованными концептами, поскольку лишь вербализованные концепты могут быть структурированы в процессе

концептуального анализа. Данное исследование выполняется с позиции ономастического подхода, поскольку нас интересует вся гамма средств реализации изучаемого концепта, актуализируемых, однако, не в языке или лингвокультуре в целом, а лишь в конкретном типе дискурса, а именно в политическом дискурсе [Чудинов 2003; Чудинов 2006; Чудинов 2012].

Материалом для исследования послужил русский и американский политический дискурс, а именно выступления российских (М. С. Горбачева, Б. Н. Ельцина, В. В. Путина) и американских (Р. Рейгана, Дж. Буша-старшего, У. Клинтона, Дж. Буша-младшего) глав государств, относящиеся к периоду 1985—2008 г.г., в оригинале и в переводе.

Поскольку концепт «Путь» представляет собой весьма многомерное ментальное образование, для его более детального описания в исследовании выделяются *когнитивные составляющие*, которые понимаются нами как конкретные компоненты структуры концепта «Путь» как когнитивного комплекса [Рябкова 2014: 88—89].

Проиллюстрируем, каким образом осуществлялся анализ когнитивных составляющих концепта «Путь» на материале отрывка из Послания к Федеральному собранию Президента РФ Б. Н. Ельцина (1998 г.):

Пройденный путь сделал невозможным возврат к старому, определил, какой Россия уже не будет. Какой ей быть — зависит от того, как именно мы пройдем начальный период роста.

В данном случае обращение к концепту «Путь» используется политиком для описания развития российского государства. Жирным шрифтом в примере выделены вербализаторы исследуемого концепта: «путь», «возврат», «пройдем», входящие в его номинативное поле. Составляющие концепта «Путь», реализованные в данном фрагменте, включают:

- траекторию (трассу), по которой осуществляется перемещение (*путь*), при этом можно выделить ее конкретные отрезки (*от начала и до настоящей точки; начальный период роста; некий неопределенный участок после него, который должен привести к конечной точке пути*), а точка, в которой сейчас находится субъект, осмысливается в качестве некоего рубежа;
- расстояние, которое, однако, не подлежит объективному измерению, а измеряется субъективно в виде результата (*пройденный путь*);
- обратное направление движения (*возврат*);
- исходная точка (начало) движения (*старое*);
- конечная точка движения, или итог пути (*новый измененный образ России*);
- субъект движения (*мы*);
- характер движения (*самостоятельное пешее целенаправленное перемещение*).

Рассмотрим еще один пример из последнего обращения Р. Рейгана в качестве Президента США к американскому народу (1989 г.), в котором также реализуется когнитивная модель «жизнь страны — это путь»:

*Ours was the first revolution in the history of mankind that truly **reversed the course** of government, and with three little words: “We the People.” “We the People” tell the government what to do; it doesn’t tell us. “We the People” are the **driver**; the government is the **car**. And we decide where it should **go**, and by what **route**, and **how fast** (Р. Рейган).*

Аналогично жирным шрифтом в данном примере выделены вербализаторы исследуемого концепта: *reverse, course, driver, car*, входящие в его номинативное поле на английском языке. Анализ текстового фрагмента позволяет выделить следующие когнитивные составляющие исследуемого концепта, актуализированные в приведенном выше фрагменте:

- субъект движения, которым в начале отрывка является правительство (*government*), однако уже в конце фрагмента — народ США (*We the People*);
- направление движения (*course*), которое оказывается кардинально измененным (*truly reversed*), но которое тем не менее не определяется как заданное объективным набором координат;

– движущая сила, повлиявшая на такое изменение направления движения (*the first revolution in the history of mankind*);

– средство передвижения (транспорт) (*car*);

– характер движения (*перемещение на автомобиле в роли водителя*), который определяется не самим глагольным вербализатором концепта («go»), как в случае с фрагментом выступления на русском языке («пройдем»), а становится понятным за счет более широкого контекста;

– траектория (трасса), которую субъект движения может выбирать (*we decide by what route the car should go*);

– скорость, которую движущийся субъект также в состоянии регулировать самостоятельно (*we decide how fast the car should go*).

Интересно отметить, что в данном случае лексическая единица *driver* может одновременно и в равной степени быть соотносена с несколькими составляющими концепта: субъектом движения, характеризуя тем самым его особую роль, заключающуюся в свободе выбора направления и скорости, характером движения и транспортом, будучи неотъемлемой частью представлений о поездке на автомобиле.

Как видно из приведенных примеров, количество вербализаторов концепта не обязательно совпадает с количеством актуализированных в текстовом фрагменте когнитивных составляющих концепта «Путь». Более того, если между некоторыми вербализаторами и когнитивными составляющими легко можно установить прямую очевидную связь, например: средство передвижения — «car», траектория движения — «путь», «route» и т. д., то в некоторых случаях выявить составляющие концепта «Путь» и их особенности можно только с помощью анализа более широкого контекста.

Например, определить характер движения в примере, взятом из выступления Р. Рейгана, опираясь исключительно на семантику глагола «to go», было бы невозможно. Аналогичным образом вербализаторы концепта, взятые по отдельности, не дают никакой информации об особенностях движущегося субъекта в том же примере или особенностях траектории движения в примере из выступления Б. Н. Ельцина.

Проанализировав, следуя той же логике, весь отобранный в рамках исследования лингвистический материал (около 2000 примеров), мы выделили ряд составляющих концепта «Путь», актуальных для изучаемых политических речей: субъект движения, конечная цель движения (локус), направление движения, траектория движения (трасса),

начало движения, характер движения, динамика движения, движимый объект, движущая сила, багаж, расстояние, средство передвижения (транспорт). Наибольшее значение и для русской, и для американской политической речи имеют первые четыре составляющие концепта «Путь», они актуализируются в тексте наиболее часто. Так, указание на трассу, по которой осуществляется перемещение в пространстве, содержит примерно каждый четвертый текстовый фрагмент, вербализующий концепт «Путь».

В речах российских политиков доминирующим репрезентантом когнитивной составляющей «трасса» является лексема «путь»: *Мы взяли курс на финансовую стабилизацию. И достигли на этом пути ощутимых положительных результатов* (Б. Н. Ельцин).

Кроме того, «трасса» часто была объективирована лексемой «подход», например: *Это правильный подход* (В. В. Путин).

Окказиональные репрезентанты включают лексемы «дорога», «обочина», «траектория», «зеленая улица», «наклонная плоскость», «русло» и др.:

Словом, понимание необходимости мирного периода пробивает себе дорогу и становится господствующей тенденцией (М. С. Горбачев).

Экономика, пережившая длительный спад и совсем недавно победившая инфляцию, не может сразу выйти на траекторию эффективного роста (Б. Н. Ельцин).

Отличительной особенностью политической речи на русском языке является то, что иногда в результате когнитивного механизма перекатегоризации в качестве трассы могут выступать объекты, напрямую не связанные с перемещением в пространстве: *«пройтись по повестке дня», «дальше продвигаться по сокращению ядерных арсеналов»*. Необходимо отметить, что в анализируемых нами речах американских политиков примеров подобной перекатегоризации нами выявлено не было.

В речах российских политиков «трасса» предстает в виде разделенного на отрезки пути, который имеет начало, конец и состоит из этапов (иногда — переходов, стадий или фаз):

...конечно, мы находимся в начале пути построения демократического общества и рыночной экономики (В. В. Путин).

Но есть еще много стран, где промышленность недостаточно развита, а некоторые еще не вышли из доиндустриальной стадии (М. С. Горбачев).

В новый этап мы вступаем с грузом множества нерешенных проблем (Б. Н. Ельцин).

В зависимости от направления движения «траектория движения» может представлять в качестве «поворота» или «подъема»:

Только тогда мы сможем, не ограничиваясь сухой статистикой, уверенно сказать: „Страна на подъеме!“ (Б. Н. Ельцин).

И если даже они совершают такой поворот, то очевидно, что с приходом новых поколений возможностей будет еще больше (М. С. Горбачев).

Траектория движения может быть основной или представлять собой обходной путь:

Не сделаем этого — уйдем в сторону от магистрального пути, способного вывести Россию на уровень развитых стран мира (Б. Н. Ельцин).

На трассе могут находиться те или иные объекты, которые:

а) подтверждают правильность выбранного пути (ориентир, веха): *Я специально повторяю эту формулу, которая годами служила у нас ориентиром* (М. С. Горбачев);

б) создают препятствие или угрозу движению (препятствие, барьер, преграда, проблемы, задачи, сопротивление, кризис и др.): *Предстоит определить способы мобилизации источников роста, снять или существенно снизить барьеры, стоящие на его пути* (Б. Н. Ельцин); *Еще много опасностей и угроз подстерегают Россию...* (В. В. Путин);

в) представляют собой рукотворные объекты (чаще всего — мост): *Мы застряли на середине моста: инфляционное прошлое действительно осталось позади, а вот к инвестиционному будущему приблизиться не удается* (Б. Н. Ельцин).

Необходимо отметить, что подавляющее большинство объектов на трассе в проанализированных нами политических речах на русском языке — это объекты, создающие препятствие и угрозу движению. Данные результаты согласуются с результатами других лингвистических исследований по соответствующей проблематике (см., например: [Ипполитов 2003]). Поэтому, думается, наличие препятствий можно считать отличительной особенностью когнитивной составляющей «трасса» концепта «Путь» в русской языковой картине мира в целом и политической речи на русском языке в частности.

В анализируемых речах американских президентов доминирующим репрезентантом когнитивной составляющей «трасса» была лексема «way»: *Some of them [American volunteers] have gone out of their way to return to the fight* (Дж. Буш-младший).

Достаточно часто «трасса» может быть вербализована посредством таких лексем,

как «road», «path», «approach»: *If we seize the opportunities on the **road** before us, there'll be praise enough for all* (Дж. Буш-старший); *We have to end welfare as a way of life and make it a **path** to independence and dignity* (У. Клинтон); *My dream has always been that once we've started down this **road**, we can look forward to a day — you can look forward to a day — when there will be no more nuclear weapons in the world at all* (Р. Рейган).

Окказиональные репрезентанты включают лексемы «track» и «avenue»: *I propose almost \$2.2 billion for the National Science Foundation to promote basic research and keep us on **track** to double its budget by 1993* (Дж. Буш-старший); *I took this action only after reaching the conclusion that every other **avenue** was closed and the lives of American citizens were in grave danger* (Дж. Буш-старший).

Трасса также имеет начало и конец, однако начало движения по пути акцентируется в американской политической речи реже, чем в русской. В отличие от речей российских политиков, в анализируемых нами речах американских политиков трасса не делится на этапы и предстает как непрерывное целое.

На трассе также могут находиться объекты, которые:

а) подтверждают правильность выбранного пути (signpost, beacon), отмечают расстояние (milestone): *And as we look to the future, the calendar offers up a convenient **milestone**, a **signpost**, by which to measure our progress as a community of nations* (Дж. Буш-старший); *And she's still a **beacon**, still a magnet for all who must have freedom, for all the pilgrims from all the lost places who are hurtling through the darkness, toward home* (Р. Рейган);

б) создают препятствие или угрозу движению: *We have faced **danger and trial**, and there is more ahead* (Дж. Буш-младший); *On this journey, as on all others of true consequence, there will be **rough spots** in the road and **honest disagreements** about how we should proceed...* (У. Клинтон);

в) представляют собой рукотворные объекты (чаще всего это мост и дверь): *We must do more to bring the spark of private enterprise to every corner of America, to build a **bridge** from Wall Street to Appalachia to the Mississippi Delta to our Native American communities* (У. Клинтон).

Отметим, что номинативная плотность [Иная ментальность 2005: 109] и частотность единиц, называющих препятствия и угрозу движения, гораздо выше в политических речах российских президентов, чем в политических речах американских президентов,

в то время как номинативная плотность и частотность единиц, подтверждающих правильность выбранного пути, выше в американских политических речах.

Когнитивные исследования сегодня оказывают значительное влияние на переводоведение. В современных работах перевод рассматривается как сложный речемыслительный процесс, в ходе которого осуществляется переход от одной семиотической системы к другой. Соответственно, внимание ученых привлекает изучение когнитивных процессов, связанных с осуществлением переводческой деятельности, делаются попытки вычленивать единицы смысла, которыми оперирует переводчик в ходе профессиональной деятельности. Предпринимаются шаги по разработке новой когнитивной модели перевода, учитывающей взаимодействие переводчика (со своими индивидуальными когнитивными особенностями) и переводимого текста, раскрывающей проблему понимания смысловых кодов исходного текста и их вербализации средствами языка перевода. Кроме того, переводоведы все чаще опираются на результаты исследований в области концептологии, используя концепт как единицу пред- и постпереводческого анализа.

Обратимся к анализу переводческих трудностей, связанных с различиями в репрезентации когнитивной составляющей «траектория движения (трасса)». В большинстве случаев возникающие проблемы являются следствием асимметрии на уровне вербализаторов концепта, о которой говорилось в предыдущем разделе. Наибольшие трудности при переводе вызывают именно те фрагменты политических речей, в которых составляющая «трасса» вербализуется через окказиональные репрезентанты.

Рассмотрим пример:

Оригинал: *Пусть невзгоды обойдут стороной нас и Россию* (Б. Н. Ельцин).

Перевод: *...let all adversities pass aside us and Russia in the coming year* (перевод размещен на сайте «Мегасториз»).

В цитируемом фрагменте посредством идиоматического выражения объективируется представление о существовании обходного пути. Предлагаемый перевод представляется нам не вполне удачным, поскольку он нарушает языковую норму ПЯ: в словарях не зафиксировано использование глагола «pass» в сочетании с послелогом «aside» в качестве фразового глагола. Анализ словарных соответствий для идиомы «обойти стороной» («pass by», «avoid like the plague», «give a wide berth», «keep one's distance» и др.) показал, что все они не вполне точно передают

смысл исходного высказывания. Последние три имеют значение, более близкое к значению русской идиомы «обходить за версту», т. е. «держаться подалеже». Первое из перечисленных соответствие («pass by») определяется следующим образом: «to go past a person, place, vehicle etc» [Longman Dictionary of Contemporary English] («пройти мимо человека, места, транспортного средства и т. д.»).

Несмотря на то, что фразовый глагол «pass by» не предполагает существования второго (обходного) пути, он представляется более удачным контекстуальным соответствием по сравнению с тем, которое было выбрано переводчиком. Снятие образности (например, за счет использования устойчивых выражений «keep / stay out of trouble», «face adversity» и т. п.) также не представляется оптимальным переводческим решением. Полагаем, что при переводе можно опереться на синоним лексики *road* — *back / side street*. *May bad luck walk down a side street past us and Russia*.

При переводе с русского языка на английский часто возникает необходимость конкретизировать тип трассы и выбрать соответствие из синонимического ряда «way» — «road» — «path». На наш взгляд, в имеющихся переводах ярко выражена вариативность переводческих решений, связанная с вариативностью понимания текста, в основе которой лежат различия в индивидуальных фоновых знаниях и субъективных представлениях переводчика. Рассмотрим пример:

Оригинал: *Путь к свободному обществу не был простым и легким...* (В. В. Путин).

Перевод 1: *The road to a free society has been neither smooth nor simple* (перевод опубликован на официальном сайте Президента России).

Перевод 2: *The movement towards a free society has not been easy* (перевод опубликован на сайте Би-би-си).

Перевод 3: *The road to free society was not simple or easy* (перевод опубликован на сайте «Tickets of Russia»).

Перевод 4: *The path towards a free society has not been simple* (перевод опубликован на сайте «Free Republic»).

Интересно отметить, что вариативность понимания текста в данном случае проявляется в том, что некоторые переводчики воспринимают такие характеристики пути, как «простой» и «легкий», в качестве близких синонимов и используют только одно соответствие — «easy» или «simple», а иногда пытаются подобрать два разных соответствия. Для переводчика официального сайта Президента РФ «простой» путь — это «гладкий» путь («smooth»). Переводчик речи для

сайта Би-би-си воспринимает в данном контексте путь не как трассу, а как процесс перемещения в пространстве («movement»).

Итак, проблемы, возникающие при переводе фрагментов политических речей, в которых реализуется когнитивная составляющая «траектория движения (трасса)», обычно бывают связаны с передачей на другом языке окказиональных репрезентантов данной составляющей, а также с необходимостью конкретизировать тип «трассы» при переводе с русского языка на английский. Сталкиваясь с необходимостью выбора соответствия из синонимического ряда слов, переводчики нередко демонстрируют разницу в понимании текста, обусловленную как субъективными представлениями, так и общими фоновыми знаниями.

В целом знание особенностей репрезентации концепта «Путь» в американских и русских политических речах позволяет провести более глубокий предпереводческий анализ текста оригинала. В результате такого анализа вероятность неверного истолкования текста оригинала минимизируется. Следовательно, данные сопоставительного исследования концепта «Путь» позволяют повысить качество переводов, так как позволяют, с одной стороны, избежать смысловых и языковых ошибок, с другой стороны, помогают переводчикам подобрать наиболее удачное соответствие с точки зрения узуса языка перевода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болдырев Н. Н. Принципы и методы когнитивных исследований языка // Принципы и методы когнитивных исследований языка / ТГУ им. Г. Р. Державина. — Тамбов, 2008. С. 11—29.
2. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика : курс лекций по англ. филологии. 3-е изд. — Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2002. 123 с.
3. Демьянков В. З. «Концепт» в философии языка и в когнитивной лингвистике // Когнитивные исследования языка : сб. науч. тр. / гл. ред. Е. С. Кубрякова. — М. : Тамбов, 2009. Вып. 1 : Концептуальный анализ языка. С. 29—34.
4. Демьянков В. З. Понятие и концепт в художественной литературе и научном языке // Вопросы филологии. 2001. № 1 (7). — С. 35—46.
5. Инаугурационные речи президентов США от Джорджа Вашингтона до Джорджа Буша (1789—2001 г.) с ист. коммент. / общ. ред. и коммент. Э. И. Иваняна. — М. : Стратегия, 2001. 526 с.
6. Ипполитов О. О. Объективация концепта «дорога» в лексико-фразеологической системе языка : дис. ... канд. филол. наук. — Воронеж, 2003. 183 с.
7. Иная ментальность / В. И. Карасик, О. Г. Прохвачева, Я. В. Зубкова [и др.]. — М. : Гнозис, 2005. 352 с.
8. Кубрякова Е. С. Концепт // Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац [и др.]; под общ. ред. Е. С. Кубряковой. — М., 1996. С. 90—93.
9. Кубрякова Е. С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 6—17.
10. Кубрякова Е. С. Основные направления концептуального анализа: вместо введения // Когнитивные исследования

языка : сб. науч. тр. / гл. ред. Е. С. Кубрякова. — М. ; Тамбов, 2009. Вып. 1 : Концептуальный анализ языка. С. 11—21.

11. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. — М. : АСТ : Восток — Запад, 2007. 314, [6] с.

12. Рябкова И. П. Репрезентация концепта «Путь» в речах российских и американских президентов конца XX — начала XXI в.: сопоставительно-переводческий аспект : дис. ... канд. филол. наук. — Ижевск, 2014. 204 с.

I. P. Ryabkova
Izhevsk, Russia

THE “PATHWAY” COGNITIVE COMPONENT OF THE CONCEPT OF “WAY” IN STATEMENTS MADE BY RUSSIAN AND AMERICAN POLITICAL LEADERS: COMPARATIVE AND TRANSLATION ASPECT

ABSTRACT. *The paper presents one of the key cognitive components of the concept of “Way”, namely “the pathway”. The author suggests an analysis technique to deal with cognitive components of the concept of “Way”, which can be used to analyze other complex concepts. The paper identifies the most common verbalizers of the “pathway” component in statements made by Russian and American political leaders and gives their comparative description. According to the author, the distinguishing features of the “pathway” component in the Russian statements under study include presenting it as something which is divided into parts, has the beginning and the end, and contains objects which represent a threat to further movement. In American political speech, the “pathway” is usually not divided into stages, it appears as a continuous whole, it is characterized, to a lesser extent, by the presence of obstacles, and is more often viewed as the “right” one. The second part of the article deals with the issues of translation of relevant text fragments by developing the cognitive approach to concepts. According to the author, the key translation problems in this context include conveying occasional verbalizers of the “pathway” component by means of the target language (English or Russian) and the need to specify the type of the “pathway” when translating from Russian into English. Having to choose among synonyms in the target language, translators often exhibit variability in understanding the text, which results from the translator’s subjective perception of the reality and general background knowledge.*

KEYWORDS: *cognitive linguistics; cognitive translation studies; concepts; concept studies; cognitive components; political leaders; political speech; political discourse; presidential discourse; political communication; translation.*

ABOUT THE AUTHOR: *Ryabkova Irina Pavlovna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Translation and Applied Linguistics (English and German languages), Udmurt State University, Izhevsk, Russia.*

REFERENCES

1. Boldyrev N. N. Printsipy i metody kognitivnykh issledovaniy yazyka // Printsipy i metody kognitivnykh issledovaniy yazyka / TGU im. G. R. Derzhavina. — Тамбов, 2008. С. 11—29.

2. Boldyrev N. N. Kognitivnaya semantika : kurs lektsiy po angl. filologii. 3-e izd. — Тамбов : Izd-vo TGU im. G. R. Derzhavina, 2002. 123 s.

3. Dem'yankov V. Z. «Kontsept» v filosofii yazyka i v kognitivnoy lingvistike // Kognitivnye issledovaniya yazyka : sb. nauch. tr. / gl. red. E. S. Kubryakova. — М. ; Тамбов, 2009. Вып. 1 : Kontseptual'nyy analiz yazyka. S. 29—34.

4. Dem'yankov V. Z. Ponyatie i kontsept v khudozhestvennoy literature i nauchnom yazyke // Voprosy filologii. 2001. № 1 (7). — S. 35—46.

5. Inauguratsionnye rechi prezidentov SShA ot Dzhordzha Vashingtona do Dzhordzha Busha (1789—2001 g.) s ist. komment. / obsch. red. i komment. E. I. Ivanyana. — М. : Strategiya, 2001. 526 s.

6. Ippolitov O. O. Ob'ektivnaya kontseptsiya «doroga» v leksiko-frazeologicheskoy sisteme yazyka : dis. ... kand. filol. nauk. — Voronezh, 2003. 183 s.

7. Inaya mental'nost' / V. I. Karasik, O. G. Prokhvacheva, Ya. V. Zubkova [i dr.]. — М. : Gnozis, 2005. 352 s.

8. Kubryakova E. S. Kontsept // Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov / E. S. Kubryakova, V. Z. Dem'yankov, Yu. G. Pankrats

13. Чудинов А. П. Дискурсивные характеристики политической коммуникации // Политическая лингвистика. 2012. № 2 (40). С. 53—59.

14. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. — Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2003. 248 с.

15. Чудинов А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособие. — М. : Флинта : Наука, 2006. 254 с.

16. Longman Dictionary of Contemporary English. URL: <http://www.ldoceonline.com> (date of access: 22.11.2016).

[i dr.]; pod obsch. red. E. S. Kubryakovoy. — М., 1996. S. 90—93.

9. Kubryakova E. S. Ob ustanovkakh kognitivnoy nauki i aktual'nykh problemakh kognitivnoy lingvistiki // Voprosy kognitivnoy lingvistiki. 2004. № 1. S. 6—17.

10. Kubryakova E. S. Osnovnye napravleniya kontseptual'nogo analiza: vmesto vvedeniya // Kognitivnye issledovaniya yazyka : sb. nauch. tr. / gl. red. E. S. Kubryakova. — М. ; Тамбов, 2009. Вып. 1 : Kontseptual'nyy analiz yazyka. S. 11—21.

11. Popova Z. D., Sternin I. A. Kognitivnaya lingvistika. — М. : AST : Vostok — Zapad, 2007. 314, [6] s.

12. Ryabkova I. P. Rerezentatsiya kontsepta «Put'» v rechakh rossiyskikh i amerikanskikh prezidentov kontsa XX — nachala XXI v.: sopostavitel'no-perevodcheskiy aspekt : dis. ... kand. filol. nauk. — Ижевск, 2014. 204 с.

13. Chudinov A. P. Diskursivnye kharakteristiki politicheskoy kommunikatsii // Politicheskaya lingvistika. 2012. № 2 (40). С. 53—59.

14. Chudinov A. P. Metaforicheskaya mozaika v sovremennoy politicheskoy kommunikatsii. — Ekaterinburg : Ural. gos. ped. un-t, 2003. 248 s.

15. Chudinov A. P. Politicheskaya lingvistika : ucheb. posobie. — М. : Flinta : Nauka, 2006. 254 s.

16. Longman Dictionary of Contemporary English. URL: <http://www.ldoceonline.com> (date of access: 22.11.2016).

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Е. В. Шустрова.

А. Г.-Б. Салахова, К. Л. Грачева
Челябинск, Россия

**ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ МАНИПУЛЯТИВНЫХ СРЕДСТВ ВОЗДЕЙСТВИЯ СМИ
В ПЕРИОД ИНФОРМАЦИОННЫХ ВОЙН (НА МАТЕРИАЛЕ ПРЕССЫ ГЕРМАНИИ)**

АННОТАЦИЯ. В статье представлен анализ средств речевого воздействия на немецкоязычного читателя средствами массовой коммуникации Германии. Особенностью современной медиакоммуникации является манипулятивное воздействие на адресата с целью формирования у него определенного отношения к объектам, событиям, людям. В ходе лингвистического анализа немецких средств массовой информации выявлено, что в процессе открытой информационной войны, развернутой европейскими и мировыми СМИ против Российского государства, средства массовой коммуникации Германии нацелены на формирование образа врага. Образ России как врага является основной мифологемой современного европейского медиапространства. Данный образ формируется посредством создания негативного образа президента Российской Федерации, Российского государства, русского народа, а также при формировании образа российской оппозиции как жертвы государственного строя. Для этого используются такие методы манипулятивного воздействия, как принцип контраста, манипулятивное комментирование, показная проблематика, недоступность информации, ложные аналогии и неожиданное цитирование. Средствами выражения манипулятивных методов воздействия на немецкоязычного читателя выступают лексические единицы с негативнооценочной коннотацией, усилительные частицы, прецедентные имена собственные, формирующие в сознании реципиента негативный образ и апеллирующие к пафосу.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: информационные войны; медиатексты; медиадискурс; речевое воздействие; манипуляция сознанием; средства массовой информации; манипулятивное воздействие; образ врага.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Салахова Аделина Гюль-Балаевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры романо-германских языков и межкультурной коммуникации факультета лингвистики и перевода, Челябинский государственный университет; 454001, Россия, г. Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129; e-mail: adelina-salakhova@yandex.ru.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Грачева Ксения Леонидовна, переводчик, отдел международного сотрудничества, Челябинский государственный университет; 454001, Россия, г. Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129; e-mail: gracheva.k.l@mail.ru.

Современная геополитическая ситуация определяется тем, что любая страна мира нуждается в создании эффективной системы противодействия формированию ее негативного имиджа на мировой арене. Именно поэтому в последнее время говорят о проведении крупномасштабной информационной войны как эффективном инструменте реализации внешней политики государств, влияющих на состояние внешнеполитического равновесия. Вовлечение России в ряд международных информационных конфликтов определяет ее стратегию информационного поведения и противостояния главным нашим противникам, которыми «являются (или, во всяком случае, имплицитно преподносятся в таком статусе большинством российских средств массовой информации) так называемые „страны Запада“» [Васильев 2016: 12]. А. Д. Васильев и Ф. Е. Подсохин отмечают, что при этом используются не только собственные СМИ и специальные организации данных стран, но и спонсируемые ими силы внутри России («несистемная оппозиция», русофобские СМИ), а также антироссийски настроенные элиты и СМИ некоторых соседних с Россией стран [Там же]. Как указывает Г. Г. Почепцов, информационная война представляет собой «всеобъемлющую, целостную стратегию, призванную отдать должное значимости и ценности информации в вопросах командования, управления и выполнения приказов вооруженными силами и реализации национальной политики» [Почепцов 2000: 3].

Следует заметить, что информационная война имеет целью использование всех возможностей и факторов уязвимости от информации, а также использование информации в конфликтных ситуациях. Как правило, сам факт и последствия ведения информационной войны не являются очевидными для того, против кого она ведется. Однако в последнее время все чаще российские и зарубежные СМИ открыто говорят о проведении информационной войны.

Несмотря на то, что «технология информационной войны была хорошо отработана на Западе еще в годы так называемой „холодной войны“ как форма разрушения государственности своего основного геополитического противника — СССР» [Чумичкин 2012: 35], в современной политической ситуации она приобретает новые акценты и средства реализации основной цели.

Особую роль при этом играют средства массовой коммуникации, которые призваны «осуществлять социально-информационное регулирование жизнедеятельности общества» [Юдина 2006: 85]. Именно этим определяется возросший интерес к исследованию медиапространства со стороны политологов, PR-технологов, психологов и филологов [Алещанова 2005; Лучинский 2012; Леготина 2016]. Как справедливо замечает С. С. Борисова, «сегодня наиболее актуальной темой выступает изучение информаци-

онного аспекта освещения событий, процесса трансляции информации через медиатекст, одновременно с изучением способов медийного давления и того, как это давление производится» [Борисова 2015: 103]. Медийное давление осуществляется вербальными или невербальными способами воздействия на реципиента. Так, Е. В. Шелестюк считает, что речевое воздействие может предполагать перестройку целых концептуальных структур реципиента — его мироощущения, мировосприятия, мировоззрения. Кроме того, речевое воздействие влияет на эмоции реципиента, внушает определенные образы и мысли, преодолевая психологическое сопротивление реципиента [Шелестюк 2008: 166]. Цели речевого воздействия могут носить как манипулятивный, так и неманипулятивный характер, т. е. могут учитывать или не учитывать интересы адресата. Кроме того, речевое воздействие может осуществляться при помощи корректных и некорректных приемов и инструментов [Там же].

В процессе ведения информационной войны для идеологической обработки психического сознания масс активно используются методики манипулятивного воздействия. Е. Л. Доценко под манипуляцией понимает «вид психологического воздействия, искусное исполнение которого ведет к скрытому возбуждению у другого человека намерений, не совпадающих с его актуально существующими желаниями» [Доценко 2000: 109]. Автор выделяет следующие существенные признаки манипулятивного воздействия: 1) психологическое воздействие; 2) отношение к объектам манипулирования как средству достижения собственных целей; 3) стремление получить односторонний выигрыш; 4) скрытый характер воздействия; 5) использование (психологической) силы, игра на слабостях (использование психологической уязвимости); 6) мастерство и сноровка осуществления манипулятивных действий. Манипуляция в отношении к политике и идеологии часто понимается как процесс и результат формирования мифа или особым образом мифологизированной картины мира. Данное определение основывается на мифологической модели Р. Барта, определяющего миф как основу массовой культуры и идеологии [см.: Барт 1989].

Основной мифологемой, используемой в период информационной войны, является «образ врага», создаваемый различными манипулятивными методами. Далее в статье мы рассмотрим основные методы манипулятивного воздействия, применяемые в СМИ Германии. В качестве материала исследо-

вания нами были выбраны статьи немецких онлайн-изданий «Frankfurter Allgemeine Zeitung» и «Deutsche Welle».

В качестве методов манипулятивного воздействия для создания образа врага, как отмечает С. А. Зелинский, СМИ применяют следующие: принцип первоочередности, использование «очевидцев» событий и «лидеров мнений», одобрение мнимого большинства, смещение акцентов, переориентацию внимания, эмоциональное заражение и экспрессивный удар, показную проблематику, недоступность информации и односторонность освещения событий, удар на опережение, принцип контраста и др. [Зелинский 2008].

В ходе проведенного исследования было выявлено, что образ врага немецкими СМИ формируется посредством создания негативного образа президента РФ, образа Российского государства, образа русского народа и позитивного образа страдающей оппозиции; российские СМИ, в свою очередь, нацелены на корректировку формируемых образов и на создание негативного образа немецких СМИ. Рассмотрим более детально формируемые образы и лингвистические средства воздействия на адресата.

Немецкие СМИ при создании образа президента Российской Федерации очень категоричны и стремятся показать его не как человека, а как машину, которая не способна на сострадание, а может только разрушать жизни людей. Вся деятельность российского президента — это игра, в которой он демонстрирует свое превосходство.

Одним из ярких примеров тому является статья А. Кайзера «Putins Muskelspiel», где немецкий публицист создает негативный образ президента Российской Федерации при помощи большого количества образных средств.

Wladimir Putin lässt sich gerne die Muskeln spielen, auch in der weltpolitischen Bühne [Kaiser 2015]. — *Владимир Путин позволяет себе охотно играть мышцами также на мировой политической арене.*

Политика президента России для автора — это игра мышцами (*die Muskeln spielen*). Более того, Владимир Путин делает это охотно (*gerne*) на мировой политической арене (*weltpolitische Bühne*). Данным высказыванием журналист хочет сформировать мнение реципиентов о президенте России как амбициозном человеке, желающем показать всему миру свою силу и готовность к решительным действиям. Согласно автору статьи, политика для В. Путина — это только игра на политической арене. Всеми своими действиями он стремится показать решительный настрой и военный потенциал, что

демонстрирует следующий пример:

In Russland mischt sich die Körperkultur seit einigen Jahren in die politische Kultur [Kaiser 2015]. — В России понятие „физическая культура“ смешивается с политикой на протяжении нескольких лет.

Под физической культурой в данном примере понимается военный потенциал государства, но автор намеренно использует эвфемизм, чтобы скрыть явную речевую агрессию.

Немецкие СМИ стараются сформировать образ В. Путина не как президента, а как царя, у которого есть свой замок. Так, продолжая создавать образ могущественного и сильного политика, А. Кайзер отмечает:

Putin trainiert im prächtigen Trohnsaal des Kremls sein persönliches geostrategisches Gleichgewicht [Kaiser 2015]. — Путин тренируется в великолепном зале Кремля выстраивать свое личное геостратегическое равновесие.

По словам автора, Кремль — это не место работы президента, а его тронный зал. И президент России действует не в соответствии с интересами страны, а согласно своим личным представлениям о расстановке сил в мире. Здесь А. Кайзер сравнивает президента России с царем посредством употребления существительного «Trohnsaal», что может свидетельствовать об отсутствии демократии в России, поскольку царь правит безраздельно, не учитывая мнение и желания народа.

Путем искусственного создания угрозы в лице президента России немецкие СМИ формируют основную мифологему информационной войны — образ врага. Для формирования и закрепления такого образа используются методы манипуляции: принцип контраста, манипулятивное комментирование и использование лидеров мнений. Как показал лингвистический анализ текстов, в немецких СМИ президент России — жестокий лидер, подопечный которого — диктатор (Башар Ассад), он руководит пропагандой, не учитывает мнение народа, устраняет критиков своей власти. Немецкие СМИ формируют образ президента России посредством логического выстраивания и описания нескольких метафорических образов: Путин — спортсмен, Путин — царь, Путин — диктатор. Немецкие СМИ для создания образа российского президента используют эмоционально окрашенные лексические единицы с негативнооценочной коннотацией, отрицательные частицы, а также метафоры и эвфемизмы.

В немецких СМИ Россия изображается как авторитарное государство. Для доказа-

тельства авторитарных порядков в России президента сравнивают с царем, судебную систему — с жестокими порядками периода правления И. Сталина. При создании образа авторитарного государства немецкие СМИ поддерживают отрицание существования демократии в России, осуждают российскую систему правосудия, указывая на несоответствие требованиям Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, которую Россия ратифицировала 30 марта 1998 г., за исключением 3 протоколов. При этом в качестве доказательства агрессивной политики государства выступает Российско-украинский конфликт, в котором жертвой выступает суверенная Украина, а «захватчиком» — Россия. Украинцы позиционируются как жертвы, в связи с чем указывается на деспотизм российских властей:

Poroschenko sprach über „Absurdität und Brutalität“, die von einer Rückkehr der russischen Justiz zu Stalin-Zeiten zeuge [Goncharenko 2016]. — Порошенко говорит о „нелепости и жестокости“, которые свидетельствуют о возвращении российской судебной системы в сталинские времена.

В данном примере президент Украины П. Порошенко выступает как лидер мнения, человек, который в курсе ситуации и, соответственно, может оценивать происходящее. Автор статьи приводит цитату Порошенко для описания состояния российской судебной системы — «нелепость и жестокость» (Absurdität und Brutalität). Кроме того, автор использует такой метод, как ссылка на авторитеты (в данном случае прецедентное имя) и оперирует образом Сталина в своих интересах, стремясь указать на несправедливость судебной системы — «возвращение российской судебной системы в сталинские времена» (von einer Rückkehr der russischen Justiz zu Stalin-Zeiten). В некоторых случаях в СМИ могут одновременно сочетаться такие методы манипуляции, как использование лидеров мнений и манипулятивное комментирование.

В противостоянии России и Украины создается образ Украины как борца за справедливость. Соответственно противоположный образ должен быть сформирован для России. Россия не отстаивает свои права, не защищает своих граждан, Россия ведет пропаганду и стремится показать всем свою силу. Это иллюстрируют следующие примеры:

Russische Medien und Politiker betrieben Hetze [Johann 2016]. — Российские СМИ и полумуку устроили травлю; Für die ukrainische Seite ist es sehr wichtig, direkt danach konkrete Schritte für die Freilassung von Sawtschenko zu unternehmen [Goncharenko 2016]. —

Для украинской стороны очень важно то, что сразу после этого будут предприняты меры по освобождению Савченко.

Для создания образа врага используется негативнооценочное образное устойчивое выражение «устраивать травлю» (betrieben Hetze). Автор пытается использовать такой метод манипуляции, как принцип контраста. Положительная информация преподносится на фоне большого количества негативной. Создается четкое представление о том, что украинская сторона олицетворяет борцов за справедливость, которые уже готовы сразу же (direkt danach) дать отпор и предпринять конкретные меры (konkrete Schritte für die Freilassung zu unternehmen).

Как показал лингвистический анализ, немецкие СМИ создают негативный образ Российской Федерации, сравнивая ее с авторитарным государством. Россия представлена как страна-агрессор. Судебная система в России нелепая и жестокая, действует без соблюдения международных прав и Гаагской конвенции. Для создания негативного образа государства используются образные устойчивые выражения и лексические единицы с негативной оценкой. При создании образа государства используются следующие методы манипуляции: эффект правдоподобия, ложная аналогия, манипулятивное комментирование, лидер мнения, односторонность освещения событий, принцип контраста. Одновременное использование нескольких методов манипуляции в одной статье подготавливает почву для воздействия таких методов манипуляции, как информационный штурм и эмоциональное заражение.

Одной из целей воздействия медиатекста на аудиторию является формирование образа народа. Немецкие СМИ формируют негативный и противоречивый образ русского народа. Россия ими представлена как большая страна, в которой не учитывается мнение народа, а власти только отвлекают внимание населения от существующих проблем. СМИ Германии формируют образ легкоуправляемого народа, который не заинтересован в переменах к лучшему.

Russland ist eine Zivilisation des kosmisch großen, infolge sterbender Dörfer immer leerer werdenden Raumes [Holm 2016]. — *Россия представляет собой цивилизацию с достигающим космических размеров свободным пространством вследствие вымирания деревень.*

Автор подчеркивает размеры России при помощи эпитета «космические» (kosmisch großen). При этом свободные площади никак не заняты (infolge sterbender Dörfer im-

mer leerer werdenden Raumes). В данном случае используется такой метод манипуляции, как показная проблематика.

Вместо того чтобы решать социальные и экономические проблемы, русские только впадают в депрессию и ностальгируют:

Neujahrsgrußkarten im Retrodesign des neunzehnten Jahrhunderts, sowjetisches Traditionskonfekt, eine neue App, mittels deren man Smartphoneporträtfotos die Züge von Stalin verleihen kann, zeugen von einer wahllos allesfressenden Nostalgie [Holm 2016]. — *Новогодние ретрооткрытки в духе девятнадцатого века, кондитерские в советских традициях, новое приложение, при помощи которого можно на фотографию наложить черты Сталина, — все это свидетельствует о бездумной всепоглощающей ностальгии.*

Дизайн в стиле ретро (Retrodesign), кондитерские в советских традициях (sowjetisches Traditionskonfekt) и прецедентное имя *Сталин*, усиливающее создаваемый автором негативный образ, в очередной раз подчеркивают ностальгию, которая становится беспорядочной (wahllos) и всепоглощающей (allesfressend). Пример показывает, что русские не развиваются, живут только своей историей и все время оглядываются на прошлое, как принято считать на Западе. Данная информация не противоречит укрепившимся ранее представлениям о русских, которые все еще живут в Советском Союзе. Поэтому понять противоречивый характер такой информации становится сложно. Приведенный пример демонстрирует употребление такого метода манипуляции, как принцип первоочередности. На сформированное ранее мнение накладываются новые факты, и информация принимается на веру, так как не противоречит уже сложившемуся мнению.

Итак, при создании образа русского народа немецкие СМИ стремятся показать его как пассивную массу, находящуюся в депрессии и ностальгирующую по временам СССР. Роль народа в государстве принижается, и в огромной стране живут одни алкоголики. Для создания негативного образа народа используются следующие методы манипуляции: принцип контраста, показная проблематика, принцип первоочередности, недоступность информации.

Для формирования образа России как врага немецкие СМИ также активно используют российскую оппозицию, которая критикует власть и систему правосудия. Как правило, российские оппозиционеры представлены как жертвы авторитарной системы, а также, что весьма примечательно, как жертвы В. Путина. Так, наиболее часто ис-

пользуемые представители оппозиции — это журналистка Жанна Немцова и артистка и политическая активистка Надежда Толоконникова. Следует заметить, что Жанна Немцова в настоящий момент работает редактором в «Deutsche Welle». Надежда Толоконникова же выпустила на немецком языке книгу «Руководство к революции», которую можно было приобрести на Кельнской книжной ярмарке.

Жанна Немцова стала популярным комментатором и критиком российской власти после убийства ее отца и активно высказывает свое мнение в зарубежных СМИ.

Nemzows Tochter Zhanna Nemzowa griff aus Anlass des Jahrestages des Mordes den russischen Präsidenten scharf an: "Putin mache ich politisch für das Attentat verantwortlich", sagte die 31-Jährige Redakteurin der Deutschen Welle, der "Neuen Osnabrücker Zeitung" [Tausende erinnern... 2016]. — По случаю годовщины убийства Немцова его дочь Жанна Немцова жестко критикует российского президента: „Я возлагаю политическую ответственность за убийство на Путина“, — заявила газете „Hohe Osnabrücker Zeitung“ 31-летний редактор „Немецкой волны“.

Этот пример демонстрирует применение таких методов манипуляции, как использование лидеров мнений и манипулятивное комментирование. Жанна Немцова возлагает «политическую» ответственность за убийство своего отца на В. Путина (Putin mache ich politisch für das Attentat verantwortlich). В данном случае Ж. Немцова рассматривается как лидер мнения, непосредственно знающий ситуацию и дающий официальное интервью немецкой региональной газете. Так как Ж. Немцова является пострадавшим лицом, то ее комментарий, безусловно, носит эмоциональный характер.

Надежда Толоконникова в немецких СМИ представлена как жертва политики В. Путина. Она способна рассказать о проблемах в России, так как она — представитель оппозиции, и ее мнение для немецких СМИ приравнивается к мнению эксперта.

Gleichzeitig zeichnete Tolokonnikowa ein Bild von Russland als autoritärer Staat, in dem Putin nach Belieben schaltet und waltet [6*]. — В то же время Толоконникова описывает Россию как авторитарное государство, в котором Путин царит и властвует по своему усмотрению.

В данном примере Россия — это авторитарное государство, руководитель которого царствует. Для создания образа используется устойчивое выражение «schalten und walten», которое означает «действовать по своему усмотрению». При этом сама Н. Толо-

конникова представлена в статье не как оппозиционер или политический активист, она — участница группы (Bandmitglied), деятель искусства (Aktionskünstlerin), артистка (Künstlerin). При этом изображение Н. Толоконниковой в Кельне как артистки, деятеля искусства — это использование метода манипуляции «взгляд изнутри», за счет которого создается эффект правдоподобия, несмотря на то, что Толоконникова основывается только на личном опыте и события освещаются односторонне.

Таким образом, оппозиционеры российской власти представляются в СМИ как жертвы системы, страдающие за высказывание своего мнения. Для подтверждения этого авторы используют такие методы манипуляции, как манипулятивное комментирование, одностороннее освещение событий, ложная аналогия.

Итак, развернутая западными СМИ информационная война против России имеет целью создание образа врага в лице Российского государства. Речевое взаимодействие в рамках такого геополитического информационного противостояния, по справедливому замечанию О. В. Красовской, представляет собой «высокоинтенсивную коммуникацию, к участию в которой привлекаются самые разные слои населения, которая стремится к расширению своего пространства, преодолению монологизма, использованию невербального компонента для усиления вербального» [Красовская 2006: 57—58]. В проанализированных нами текстах статей отмечены следующие признаки образа России как врага, выделенные Д. А. Денисовым [Денисов 2009: 121]: выделение оппозиции «мы» — «они», акцентирование отличий посредством дегуманизации врага, выражение тревоги по поводу угрозы, деструктивное начало, символическая принадлежность злу, возложение вины за негативные последствия, ложность идеологии, целей, верований, наличие жертвы деятельности врага, сюжет предательства, персонализированный образ агентов врага, сила, могущество, потенциал врага, негативные эмоции (страх, ненависть, гнев), что ведет к угрозе в будущем и последующей деструктивной деятельности врага. Создание такого образа достигается применением различных методов манипуляции сознанием реципиентов.

К средствам информационной войны относятся способы передачи ложной или искаженной информации, информационно-психологическое пропагандистское воздействие. Именно с их помощью осуществляется коммуникативное воздействие и, как следствие, происходит изменение картины

мира реципиентов.

В лице В. Путина немецкие СМИ создают образ врага. Немецкие СМИ при создании образа президента Российской Федерации очень категоричны. Они стремятся показать В. Путина не как человека, а как машину, которая не способна на сострадание, а может только разрушать жизни людей. Вся деятельность российского президента — это игра, в которой он демонстрирует свое превосходство. Согласно немецким СМИ, Путин — царь, спортсмен, реальная опасность.

Немецкие СМИ для создания образа президента Российской Федерации используют следующие методы манипуляции: образ врага, принцип контраста, манипулятивное комментирование и использование лидеров мнений. Согласно информации в немецких СМИ, В. Путин — не человек, а машина, которая способна только разрушать жизни людей. При этом президент России правит, не учитывая мнение народа, и устраняет конкурентов.

Немецкие СМИ формируют негативный и противоречивый образ русского народа в своих статьях. Как показал анализ, немецкие СМИ для создания негативного образа России используют следующие методы манипуляции: принцип контраста, показную проблематику, принцип первоочередности, недоступность информации, формирование образа врага.

Россия в немецких СМИ изображена как тоталитарное государство, которым правит царь, а судебная система сравнима с периодом тоталитарного режима И. Сталина. При создании образа России как государства немецкими СМИ используются следующие методы манипуляции: эффект правдоподобия, ложная аналогия, образ врага, манипулятивное комментирование, лидер мнения, односторонность освещения событий, принцип контраста.

Популярными методами манипуляции у немецких СМИ являются следующие: образ врага, принцип контраста, манипулятивное комментирование. Кроме того, немецкие СМИ используют показную проблематику, недоступность информации, ложные аналогии, неожиданное цитирование. Комплексное использование нескольких методов манипуляции позволяет использовать более сложные методы, такие как ложный накал страстей, эмоциональное заражение, экспрессивный удар.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алещанова И. В. Предпосылки нарративных манипуляций в массово-информационном дискурсе // Науч. вестн. Воронеж. гос. арх.-строит. ун-та. Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2006. Вып. 6. С. 84—89.
2. Барт Р. Избранные работы: семиотика. Поэтика / пер. с фр., сост., общ. ред. и вступ. Г. К. Косикова. — М.: Прогресс, 1989. 616 с.
3. Борисова С. С. Реализация персуазивных стратегий в аналитическом жанре «передовая статья» (Leitartikel) как ресурс информационного доминирования // Науч. вестн. Воронеж. гос. арх.-строит. ун-та. Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2015. Вып. 1 (25). С. 102—114.
4. Васильев А. Д., Подсохин Ф. Е. Информационная война: лингвистический аспект // Политическая лингвистика. 2016. — Вып. 2 (56). С. 10—16.
5. Денисов Д. А. Идентификация образа врага в политической коммуникации // Вестн. РГГУ. Сер.: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2009. № 1. С. 113—126.
6. Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. — М.: ЧеРо, 2000. 342 с.
7. Зелинский С. А. Информационно-психологическое воздействие на массовое сознание. — СПб.: Скифия, 2008. 404 с.
8. Красовская О. В. Информационная война как коммуникативный феномен // Политическая лингвистика. 2016. Вып. 4 (58). С. 53—59.
9. Леготина Е. В., Саяхова Д. К. К определению понятий «медиапространство» и «медиапространство» // Актуальные проблемы русской и сопоставительной филологии: теория и практика. — Уфа: БашГУ, 2016. С. 302—306.
10. Лучинский Ю. В. Теория политических псевдомифов и современное медиапространство // Медийные стратегии современного мира. — Сочи, 2012. С. 3—8.
11. Почепцов Г. Г. Информационные войны. — М.: Рефлбук; Киев: Ваклер, 2000. 523 с.
12. Чумичкин А. А. Современные вызовы развитию информационных технологий в условиях использования сетевых сообществ в реализации стратегий информационных войн // Угрозы и безопасность. 2012. № 9. С. 33—41.
13. Шелестюк Е. В. Комплексная методика исследования речевого воздействия произведения письменной речи // Вестн. Челябин. гос. ун-та. 2008. № 20. С. 166—176.
14. Юдина Е. Н. Медиапространство как культурная и социальная система: моногр. Сер.: Научные труды / М-во образования и науки Рос. Федерации, Моск. пед. гос. ун-т. — М.: Прометей, 2005. 160 с.
15. Goncharenko R. Trauer und Trost nach Sawtschenko-Urteil // Deutsche Welle. URL: <http://www.dw.com/de/trauer-und-trost-nach-sawtschenko-urteil/a-19134676> (date of access: 28.10.2016).
16. Holm K. Russlands Umgang mit der Krise: Vodka heilt jede Krankheit // Frankfurter Allgemeine Zeitung. URL: <http://www.faz.net/aktuell/feuilleton/debatten/russlands-umgang-mit-der-krise-14031886.html> (date of access: 28.10.2016).
17. Johann B. Kommentar: Unrecht im Namen des Kreml // Deutsche Welle. URL: <http://www.dw.com/de/kommentar-unrecht-im-namen-des-kreml/a-19134053> (date of access: 28.10.2016).
18. Kaiser A. Putins Muskelspiel // Frankfurter Allgemeine Zeitung. URL: <http://www.faz.net/aktuell/stil/mode-design/lagerfelds-karikaturen/karl-lagerfeld-warnt-vor-putins-machtspielen-13847921.html> (date of access: 28.10.2016).
19. „Pussy Riot“: Nicht alle Russen sind für Putin // Deutsche Welle. URL: <http://www.dw.com/de/pussy-riot-nicht-alle-russen-sind-f%C3%BCr-putin/a-19114623> (date of access: 28.10.2016).
20. Tausende erinnern in Moskau an Putin-Kritiker Nemzow // Deutsche Welle. URL: <http://www.dw.com/de/tausende-erinnern-in-moskau-an-putin-kritiker-nemzow/a-19079574> (date of access: 28.10.2016).

A. G.-B. Salakhova, K. L. Gracheva
Chelyabinsk, Russia

LINGUISTIC ANALYSIS OF MANIPULATIVE MEANS OF MASS MEDIA INFLUENCE
IN THE TIME OF INFORMATION WARFARE (ON THE MATERIAL OF GERMAN MASS MEDIA)

ABSTRACT. *The article deals with the analysis of the means of verbal influence on the German-speaking reader in mass media communication in Germany. The peculiarity of modern media communication has been identified, which is the manipulative influence on the recipient to form their attitude to objects, events, or people. The linguistic analysis of German media texts has revealed that in the process of an open information warfare the mass media communication is aimed at the formation of the image of enemy. The image of Russia as an enemy is a key myth of modern European media space. This image is built by forming a negative image of the President of the Russian Federation, the Russian state, the Russian people and the image of the Russian oppositionists as the victims of the political system. The authors use such manipulative techniques as contrast, manipulative commenting, ostensible problems, unavailability of information, false analogies and unexpected quoting. The means of expression of manipulative techniques that influence the German reader are words with negative connotation, emphatic particles, precedent proper names, which form negative image in the minds of the readers.*

KEYWORDS: *information warfare; media texts; media discourse; verbal communication; manipulation of consciousness; mass media; manipulative influence; the image of enemy.*

ABOUT THE AUTHOR: *Salakhova Adelina Gyul-Balayevna, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of German Language, Faculty of Linguistics and Translation, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia.*

ABOUT THE AUTHOR: *Gracheva Ksenia Leonidovna, Translator, International Department, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia.*

REFERENCES

1. Aleshchanova I. V. Predposylki narrativnykh manipulatsiy v massovo-informatsionnom diskurse // Nauch. vestn. Voronezh. gos. arkh.-stroit. un-ta. Sovremennye lingvisticheskie i metodiko-didakticheskie issledovaniya. 2006. Vyp. 6. S. 84—89.
2. Bart R. Izbrannye raboty: semiotika. Poetika / per. s fr., sost., obshch. red. i vstup. G. K. Kosikova. — M. : Progress, 1989. 616 s.
3. Borisova S. S. Realizatsiya persuazivnykh strategiy v analiticheskom zhanre «peredovaya stat'ya» (Leitartikel) kak resurs informatsionnogo dominirovaniya // Nauch. vestn. Voronezh. gos. arkh.-stroit. un-ta. Sovremennye lingvisticheskie i metodiko-didakticheskie issledovaniya. 2015. Vyp. 1 (25). S. 102—114.
4. Vasil'ev A. D., Podsokhin F. E. Informatsionnaya voyna: lingvisticheskiy aspekt // Politicheskaya lingvistika. 2016. — Vyp. 2 (56). S. 10—16.
5. Denisov D. A. Identifikatsiya obraza vraga v politicheskoy kommunikatsii // Vestn. RGGU. Ser.: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya. Zarubezhnoe regionovedenie. Vostokovedenie. 2009. № 1. S. 113—126.
6. Dotsenko E. L. Psikhologiya manipulatsii: fenomeny, mekhanizmy i zashchita. — M. : CheRo, 2000. 342 s.
7. Zelinskiy S. A. Informatsionno-psikhologicheskoe vozdeystvie na massovoe soznanie. — SPb. : Skifiya, 2008. 404 s.
8. Krasovskaya O. V. Informatsionnaya voyna kak kommunikativnyy fenomen // Politicheskaya lingvistika. 2016. Vyp. 4 (58). S. 53—59.
9. Legotina E. V., Sayakhova D. K. K opredeleniyu ponyatiy «mediaprostranstvo» i «mediatekst» // Aktual'nye problemy russkoy i sopolstavitel'noy filologii: teoriya i praktika. — Ufa : BashGU, 2016. S. 302—306.
10. Luchinskiy Yu. V. Teoriya politicheskikh psevdonimov i sovremennoe mediaprostranstvo // Mediyne strategii sovremennogo mira. — Sochi, 2012. S. 3—8.
11. Pocheptsov G. G. Informatsionnye voyny. — M. : Refl-buk ; Kiev : Vakler, 2000. 523 s.
12. Chumichkin A. A. Sovremennye vyzovy razvitiyu informatsionnykh tekhnologiy v usloviyakh ispol'zovaniya setevykh soobshchestv v realizatsii strategiy informatsionnykh voyn // Ugrozy i bezopasnost'. 2012. № 9. S. 33—41.
13. Shelestyuk E. V. Kompleksnaya metodika issledovaniya rechevogo vozdeystviya proizvedeniya pis'mennoy rechi // Vestn. Chelyab. gos. un-ta. 2008. № 20. S. 166—176.
14. Yudina E. N. Mediaprostranstvo kak kul'turnaya i sotsial'naya sistema : monogr. Ser.: Nauchnye trudy / M-vo obrazovaniya i nauki Ros. Federatsii, Mosk. ped. gos. un-t. — M. : Prometey, 2005. 160 s.
15. Goncharenko R. Trauer und Trost nach Sawtschenko-Urteil // Deutsche Welle. URL: <http://www.dw.com/de/trauer-und-trost-nach-sawtschenko-urteil/a-19134676> (date of access: 28.10.2016).
16. Holm K. Russlands Umgang mit der Krise: Vodka heilt jede Krankheit // Frankfurter Allgemeine Zeitung. URL: <http://www.faz.net/aktuell/feuilleton/debatten/russlands-umgang-mit-der-krise-14031886.html> (date of access: 28.10.2016).
17. Johann B. Kommentar: Unrecht im Namen des Kreml // Deutsche Welle. URL: <http://www.dw.com/de/kommentar-unrecht-im-namen-des-kreml/a-19134053> (date of access: 28.10.2016).
18. Kaiser A. Putins Muskelspiel // Frankfurter Allgemeine Zeitung. URL: <http://www.faz.net/aktuell/stil/mode-design/lagerfelds-karikaturen/karl-lagerfeld-warnt-vor-putins-machtspielen-13847921.html> (date of access: 28.10.2016).
19. „Pussy Riot“: Nicht alle Russen sind für Putin // Deutsche Welle. URL: <http://www.dw.com/de/pussy-riot-nicht-alle-russen-sind-f%C3%BCr-putin/a-19114623> (date of access: 28.10.2016).
20. Tausende erinnern in Moskau an Putin-Kritiker Nemzow // Deutsche Welle. URL: <http://www.dw.com/de/tausende-erinnern-in-moskau-an-putin-kritiker-nemzow/a-19079574> (date of access: 28.10.2016).

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Л. А. Нефедова.

М. А. Фокина
Нижний Новгород, Россия

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ В ИНТОЛЕРАНТНЫХ ТАКТИКАХ РОССИЙСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ БЛОГОВ ПОЛИТИКОВ)

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена проблеме значимости прецедентных феноменов в реализации интолерантных коммуникативных тактик в блогах российских политиков. Объектом исследования выступили прецедентные феномены, употребленные в записях электронных дневников Владимира Жириновского, Эдуарда Лимонова, Сергея Миронова и Бориса Немцова на платформе «Livejournal» за 2014—2015 годы. В качестве предмета исследования были выбраны особенности функционирования прецедентных феноменов в составе интолерантных тактик. В ходе исследования установлена востребованность прецедентных феноменов в реализации речевой стратегии дискредитации через эксплуатацию коммуникативных тактик оскорбления, издевки и обвинения и составляющих их коммуникативных ходов. Помимо основополагающих тактик, актуальными в аспекте интолерантности и эксплуатации прецедентных феноменов являются тактики угрозы, побуждения к интолерантности, легитимации интолерантности, интолерантности против интолерантности. Анализ реализации интолерантных тактик в дискурсе блогов российских политиков позволил выделить характерные функции прецедентных феноменов (негативно-оценочная, экспрессивная, функции мифологизации и демифологизации), а также две метафорические модели, задействующие интолерантный когнитивный потенциал прецедентных феноменов: «ЖИЗНЬ АЛЕКСЕЯ НАВАЛЬНОГО — СКАЗКА» и «СОВРЕМЕННАЯ УКРАИНА — ФАШИСТСКАЯ ГЕРМАНИЯ». Обоснован вывод об использовании прецедентных феноменов во взаимодействии с когнитивными метафорами и традиционными языковыми приемами с целью намеренного достижения такого качества дискурса, как интолерантность.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс; блоги; политические деятели; агональность; прецедентные феномены.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Фокина Маргарита Андреевна, преподаватель департамента прикладной лингвистики и иностранных языков, национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; 603155, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Большая Печерская, д. 25/12; e-mail: mfokina@hse.ru.

В связи с основополагающей функцией политического дискурса как инструмента политической власти (борьбы за власть, овладения властью, ее сохранения, осуществления, стабилизации или перераспределения) [Шейгал 2000: 48] закономерно рассмотрение блогов политиков как площадки агональной коммуникации. Термин «агональная коммуникация» включает компонент, восходящий к греческому слову со значением «борьба, состязание», и указывает на свойство дискурса выражать дух соперничества. В современной публичной коммуникации интолерантность выступает значимой характеристикой политического дискурса, позволяющей определить степень его агональности.

Популярность прецедентных феноменов в качестве средства выразительности в речи политиков связана с разнообразием аспектов функционирования данных единиц. По мнению Е. А. Нахимовой, обращение к прецедентным феноменам, являясь традиционной чертой отечественной политической коммуникации, позволяет ярче представить политическую позицию автора, привлечь внимание к историческим основам современных социальных теорий, усилить прагматическое воздействие текста [Нахимова 2007: 120]. Данное исследование посвящено анализу функционирования прецедентных феноменов, задействованных в блогах политиков, в их связи с обеспечением интолерантности политического дискурса. Материалом исследования послужили образцы записей блогов Владимира Жириновского, Эдуарда Лимонова, Сергея Миронова и Бо-

риса Немцова за 2014—2015 годы на платформе *Livejournal*.

В обеспечении интолерантности определяющую роль играет речевая стратегия дискредитации, нацеленная на подрыв доверия к объекту через оскорбление, издевку, осмеяние и др., что полностью противоречит принципам толерантности. При реализации стратегии дискредитации в политическом дискурсе высока продуктивность прецедентных феноменов, отсылка к которым, по мнению О. С. Иссерс, «создает предпосылки для возникновения многообразных ассоциаций, служит средством выражения оценки и создания комического эффекта» [Иссерс 1999: 172]. Данное высказывание релевантно и для блогов политиков, где прецедентные феномены связаны с ключевыми тактиками рассматриваемой стратегии.

Тактика оскорбления

Яркий пример реализации тактики оскорбления представлен в отрывке записи Бориса Немцова о взаимоотношениях предпринимателей и власти: *Как бы вы себя не вели — лояльно, как Ефтушенков, или нелояльно, как Ходорковский, власть вас арестовывает и грабит. Все как в анекдоте: „Дочь приходит к маме перед свадьбой и спрашивает, как себя вести в первую брачную ночь? Как хочешь веди себя, доченька, все равно лишат девственности“. Так может вести себя достойно?*

У власти алчные шакалы и мародеры.

В отрывке использован коммуникативный ход прямого оскорбления, подразуме-

вающий непосредственную отрицательную характеристику объекта (представителей власти), осуществляемую через приписывание объекту оскорбления агрессивных действий (*арестовывает, грабит*) и оскорбительную лексику — зооморфизм (*шакалы*) и обозначение лиц, совершающих морально осуждаемые действия (*мародеры*). Оскорбление усилено параллелью с ситуацией прецедентного текста — грубого анекдота.

Наряду с прямым оскорблением, в реализации рассматриваемой тактики участвует коммуникативный ход косвенного оскорбления — наделения объекта отрицательным качеством не непосредственно, а через отношение к другому носителю данного качества. При использовании данного коммуникативного хода авторами блогов широко задействован метафорический потенциал прецедентных имен. Владимир Жириновский активно использует прецедентные имена с интегральным компонентом «диктатор» для осмысления современных событий на Украине: *Им надо подготовить народ Украины к диктатору, к украинскому Пиночету; Тягнибок, Ярош — это внуки тех украинских националистов, которые под флагом Бендеры, этого украинского Гитлера, и Шукевича, полностью повторяют фашистскую Германию*. В последнем примере происходит многоступенчатая отсылка к прецедентной ситуации фашистской Германии, через призму которую политические деятели современной Украины предстают наследниками фашистского режима. Для Бориса Немцова, чей взгляд более сфокусирован на внутренней политике России и ее отдельных регионов, в косвенном оскорблении и сфера-источник, и сфера-мишень, как правило, представляют собой современный российский политический процесс: *Здорово получается. В Ярославле есть свой Сердюков и своя Васильева. Это соответственно Ястребов и Сенин. И судьба у них, сдается мне, будет схожей*. В данном примере губернатору Ярославской области и его заместителю через параллель с национально-прецедентными именами *Сердюков* и *Васильева* приписывается признак «представитель власти, совершивший крупное хищение, и его пособник». Метафорическое употребление прецедентных имен в приведенных примерах подчеркивается использованием при них несвойственных именам собственным прилагательных (*украинский, свой*).

Коммуникативный ход развенчания притязаний заключается в утверждении необоснованности претензий лица на обладание статусом или определенными качествами, выраженными, как правило, через отноше-

ние к прецедентному имени. Рассмотрим пример из записи блога Эдуарда Лимонова: *Он наверное чувствует себя Иисусом Христом, Ходорковский. Или римским Папой. Однако он не Христос и не Папа*. В данном отрывке развенчание притязаний Михаила Ходорковского на роль миротворца происходит эксплицитно, в дальнейшем усиливаясь за счет насмешки (*смешна*) и иронии (разговорная конструкция не *хухры-мухры*): *Вообще мессианская задача помирить Украину с Россией, несколько смешна в исполнении этого человека. Ну да, десять лет за решёткой это вам не хухры-мухры, можно и Христом себе показаться*. Ирония в качестве средства развенчания представлений используется и в другой записи блога: *Тимошенко Юлия, принимая себя за великую Клеопатру обронила в Германии, мол никогда Украина не смирится с потерей Крыма*. Коммуникативный ход развенчания представлений в приведенном примере имеет следствием нивелирование значения слов Юлии Тимошенко.

В контексте оскорбления особо следует выделить тактику оскорбления по национальному признаку, являющуюся специфической для электронного дневника Эдуарда Лимонова и занимающую в этом блоге значительное место. Рассмотрим пример записи блога Эдуарда Лимонова *Про Украину, Америку и Лимонова*.

Кэйтлин Хейден какая-то задрипаная, представляющая Совет Национальной безопасности Соединённых Штатов требует, заметьте, эта тётка ТРЕБУЕТ вывести спецназ из Киева, а иначе, Соединённые Штаты, рассердившись, введут против Украины санкции. <...>

Америкосы просто скоты, отерпительные ханжи, прикрывающиеся демократией, всякий раз когда сами совершают преступления против человечности или эти преступления совершают их союзники, или всякая дрянь, которая им нравится.

Казалось бы, где Америка, и где Украина, чего вам своё свиное американское рыло совать в Украину ?

Я вот комментирую события на Украине, так я там прожил детство и юность, до 23 лет, я право имею, обо мне у них на Украине даже книжка вышла в серии „Знаменитые украинцы“, а кто такая Кэйтлин Хейден ? Кто она такая, эта тётка ? И что знает чёрный президент Барак об Украине ?

Авторитет мнения Кейтлин Хейден оказывается подорванным за счет просторечных характеристик ее внешности (*тётка, задрипанная*). И она, и Барак Обама противопоставляются автору как носителю авторитетного мнения с помощью риторических

вопросов: *а кто такая Кэйтлин Хейден ? Кто она такая, эта тётка ? И что знает чёрный президент Барак об Украине ?* При этом в последнем примере расовая принадлежность пресуппозитивно оказывается фактором неосведомленности о ситуации на Украине. Открытая интолерантность к Кейтлин Хейден и Барак Обама перерастает в неприятие всех американцев: метафорический потенциал оскорбительной зооморфной лексемы *скоты* реализуется через контаминацию в риторическом вопросе *чего вам своё свиное американское рыло совать в Украину ?* двух прецедентных высказываний — *совать свой нос и со свиным рылом в калашный ряд*.

Оскорбление Барака Обамы по расовому и этническому признаку поддерживается в дискурсе блога Эдуарда Лимонова устойчивой ассоциацией фигуры президента США с прецедентным топонимом *Гарлем*. Данный топоним активизирует в сознании читателя фрейм «образ жизни афроамериканца», включающий слоты, связанные со стереотипными представлениями русских об афроамериканцах: агрессивное поведение по отношению к чужакам (*Отзынь, Украина тебе не Гарлем, там иди, заблудившихся белых туристов пугай!*), грубая, бескультурная манера общения (*прямо бы ему сказал "You wanna rip me off, man ? No way, man, get lost, man!"* (Перевод этой ньюйоркской уличной фразы, - *вверху, вынесен в заголовок [Ты хочешь ободрать меня, мэн, не выйдет, исчезни!]*). Обама поймёт).

Помимо американцев, объектом речевой агрессии Эдуарда Лимонова выступают украинцы:

Хохлы — сказочные люди.

Сказочной наивности, невиданной ненависти к нам, сказочной жестокости.

Нет ? А Одесса, когда вручную добивали обожжённых, прыгавших из окон ? Сплошные „Страшная месть“ и „Вий“ Гоголя, эти хохлы...

Помимо оскорбительной лексемы *хохлы*, приписывания украинцам нелицеприятных характеристик (ненависти и жестокости), автор обыгрывает в тексте разные значения слова *сказочный*, неоднократное повторение которого создает атмосферу ирреального, фантастического, подготавливающую ввод в дискурс названий прецедентных текстов Н. В. Гоголя. Эксплицитное наименование качеств украинцев и шокирующая негативная информация о них (*вручную добивали обожжённых, прыгавших из окон*) направляют интерпретацию читателем данных прецедентных феноменов, делая их маркерами косвенного оскорбления.

Тактика издевки

Данная тактика активно эксплуатируется двумя авторами проанализированных блогов — Борисом Немцовым и Эдуардом Лимоновым. Рассмотрим отрывок из записи Бориса Немцова *ПРАВДА О СОЧИ-2014*.

Вожди нации путаются в показаниях по поводу стоимости Олимпиады. Путин и Козак называют 214 миллиардов рублей. А тут на днях Медведев сообщил, что общие затраты 1,5 триллиона, заявив при этом, что на сами олимпийские объекты все те же 214 миллиардов.

Более 1,5 триллионов — правильная цифра, мы о ней еще в своем докладе „Зимняя Олимпиада в субтропиках“ написали. Молодец Медведев. Расходы на олимпийские объекты в 214 миллиардов — неправильная цифра, попросту говоря вранье.

В данном тексте Борис Немцов выступает в качестве разоблачающего автора, показателем этого служит ключевая лексема *правда* в заголовке. Подводя читателя к выводу, в котором эксплицитно говорится о лжи представителей власти (*Расходы на олимпийские объекты в 214 миллиардов — неправильная цифра, попросту говоря вранье*), автор использует тактику издевки для нивелирования авторитетности их слов. Перифрастическая номинация адресатов издевки *вожди нации* активизирует ассоциативную связь с такими прецедентными именами, как *Сталин* и *Гитлер*, — наиболее известными представителями вождизма. Предикат выражен криминальной метафорой в функции дисфемизации (*путаются в показаниях*). Данная разновидность метафоры принадлежит к социоморфному типу и, наряду с другими метафорами субсферы-источника «Социум» (театральной, военной, спортивной и игровой), по наблюдениям А. П. Чудинова, является характерным элементом политического дискурса: «Базисная метафора СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ — это ПРЕСТУПНОЕ СООБЩЕСТВО стала одной из доминантных моделей политической речи последнего десятилетия» [Чудинов 2001]. Издевка, таким образом, создается столкновением противоположных статусов — статуса тирана, деспотичного правителя, моделируемого автором за счет отсылки к прецедентным именам, и роли преступника, угодившего в ловушку. В контексте криминальной метафоры эксплицитное одобрение, высказанное автором Дмитрию Медведеву (*Молодец Медведев*), усиливает издевку: именно премьер-министр, по мнению автора, оказывается преступником, проговорившимся первым.

В другом примере из блога Бориса Немцова издевка высказывается автором в

сильной позиции текста — заголовке: *КАДЫРОВ ЗАЯВИЛ, ЧТО В ДОНЕЦКЕ НЕ ЕГО КАДЫРОВЦЫ*. Издевка обеспечивается алогизмом, связанным с нарушением лексических пресуппозиций: деривационная природа новообразования *кадыровцы* указывает на связь с носителем имени *Кадыров*, — таким образом автор не только открыто ставит под сомнение правдивость слов Р. Кадырова, но и делает объектом насмешки его неумение убедительно лгать, раскрывая данную мысль в тексте записи блога: *Кадыров заявил, что кадыровцы не участвуют в боевых действиях в Донецке. И это после неопровержимых свидетельств самих боевиков! Версия Кадырова, что чеченцы там находятся по собственной инициативе, и он их туда не посылал. Верите?? В Чечне муха не пролетит без разрешения Кадырова. А уж отправка отряда головорезов в Донецк без ведома Рамзана — так это даже предположить невозможно*. Очевидная абсурдность слов Р. Кадырова подчеркивается автором с помощью прецедентного высказывания в функции литоты: *В Чечне муха не пролетит без разрешения Кадырова*. Преследуемая автором интенция разоблачения лжи и последующего развенчания авторитета лжеца позволяют говорить об использовании прецедентных феноменов в функции демифологизации.

Особую роль в контексте тактики издевки в дискурсе Эдуарда Лимонова играют прецедентные имена из сферы-источника «Современная российская политика». Интересный пример находим в записи *Американская Статуя Свободы самая уродливая*, являющейся ответом на опубликованный CNN рейтинг самых уродливых памятников мира, в который вошел монумент «Мужество» комплекса «Брестская крепость».

Хочу обратить внимание журналистов CNN, что самый уродливый памятник на планете, располагается у них под носом, — это американская Статуя Свободы.

(Конечно же Статуя Свободы — памятник, — давно погибшей американской свободе).

Соперничать с этой тёткой с рогами, закутанной в саван, могла бы только скульптура Валерии Ильиничны Новодворской, если бы такая существовала.

Тактика издевки реализуется через последовательное принижение статуса американского монумента: происходит «перекодирование» символического смысла Статуи Свободы (*памятник, — давно погибшей американской свободе*) и нивелирование ее эстетической ценности (*этой тёткой с рогами, закутанной в саван*). Уродство монумента возводится автором в абсолют: единственный возможный соперник статуи Свободы в данном аспекте имеет нулевую референцию — *скульптура Валерии Ильиничны Новодворской, если бы такая существовала*. При эксплуатации прецедентного имени *Новодворская* автором актуализируется такая часть инварианта восприятия, как внешние атрибуты; сопоставление статуи Свободы и В. И. Новодворской делает издевку двунаправленной. Помимо этого, издевке подвергаются и авторы рейтинга, которых автор нарочито упрекает в невнимательности: *самый уродливый памятник на планете, располагается у них под носом*.

Примечательным является неоднократное использование в дискурсе Эдуарда Лимонова прецедентных имен политиков в функции дисфемизации, направленной и на объект издевки, и на носителя имени: *Зачем такая дамочка нужна, когда вот есть уже дамочка Оксана Дмитриева в „Справедливой России“, скушная как смерть и правильная как Явлинский?* Таким образом, можно говорить об излюбленном коммуникативном ходе двунаправленной издевки.

Говоря об использовании Эдуардом Лимоновым потенциала прецедентных текстов, следует отметить, что устойчивую сферу-источник прецедентности в контексте издевки составляют сказки.

Говоря об использовании Эдуардом Лимоновым потенциала прецедентных текстов, следует отметить, что устойчивую сферу-источник прецедентности в контексте издевки составляют сказки.

Читаешь Грани.ру, слушаешь Эхо Москвы, — а они обвиняют пророссийски настроенных харьковчан в нападении на Правый сектор, на бедных несчастных гадких утят спрятавшихся в здании на Рымарской улице. Правда утята с автоматами, с бутылкам и с зажигательной смесью и убили, стреляя из здания двоих харьковчан и пятерых ранили.

В данном тексте метафора *гадкие утята*, восходящая к прецедентному тексту сказки, реализует два прагматических смысла. Первый, представленный как точка зрения антиреферентной группы — либеральных СМИ, близок к трактовке данного образа в тексте-источнике, в нем актуализируется сема 'беззащитность' (*бедных, несчастных, спрятавшихся*). Однако подобное видение ситуации откровенно высмеивается автором, когда актуализируется второй прагматический смысл метафоры, связанный с узальным значением слова «гадкий»: *утята с автоматами, с бутылкам и с зажигательной смесью и убили, стреляя из здания двоих харьковчан и пятерых ранили*. Автором изобличается жестокость и вероломство «Правого сектора», беззащитность оборачивается агрессией. Таким образом, в данном

отрывке происходит создание и развенчание своеобразного мифа о невиновности и беззащитности «Правого сектора», прецедентный текст используется в функции мифологизации и демифологизации.

В дискурсе Эдуарда Лимонова интерес вызывает устойчивое использование сферы-источника «сказка» для метафоризации сферы-мишени «политическая деятельность Алексея Навального»: *В этой сказке про Навального, содержится „намёк, добрым молодцам урок“, никогда не принимайте подарков от Дьявола, не заключайте с ним союз; Алексей Навальный, в сопровождении ещё одного лица, якобы „агировал в метро“. Типа приключение Фунтика в подземке; Приключения Лёши Навального в прокурорском Зазеркалье продолжаются.* С помощью прецедентных феноменов соответствующего происхождения Эдуардом Лимоновым эксплуатируется метафорическая модель «ЖИЗНЬ АЛЕКСЕЯ НАВАЛЬНОГО — СКАЗКА», концептуальный вектор которой направлен на нивелирование значимости Алексея Навального как оппозиционного лидера и борца с режимом в рамках тактики издевки. Примечательно, что несерьезность и неподлинность деятельности Навального, ее подконтрольность действующей власти подчеркивается Эдуардом Лимоновым с помощью другого детского прецедентного текста — колыбельной:

Какая из кремлёвских башен его охраняет ?

<...> Она же его и вытащила из полиции и отвезла домой... баю-баюшки-баю, не ложися на краю...

А то серенький наш ФСИН, твой укусит мокасин...

Тактика обвинения

В отличие от оскорбления, обвинение требует обоснований и доказательств. Борис Немцов использует данную тактику в записи о кризисе:

Правительство пытается залить кризис деньгами, выделяя сотни миллиардов придворным госкомпаниям (из 1.4 триллионов антикризисных рублей 550 млрд уже дали ВТБ, ВЭБу и Газпромбанку и печатает деньги для поддержки „Роснефти“. К борьбе с кризисом все эти ужимки и прыжки никакого отношения не имеют. Это лечение пневмонии аспирином. Для граждан путинская борьба с кризисом обернется ростом цен, безработицей и деградацией здравоохранения и образования.

Основное обвинение, адресованное власти, — в беспомощности в борьбе с кризисом — дополняется обвинением в кумов-

стве (*выделяя сотни миллиардов придворным госкомпаниям*) и усиливается морбидальной метафорой (*лечение пневмонии аспирином*) и зооморфной метафорой, восходящей к прецедентному тексту басни (*ужимки и прыжки*) и намекающей на возможные причины отсутствия эффективных антикризисных мер.

Типичный вариант развертывания тактики обвинения, содержащийся в предыдущем примере, представляет собой схему «обоснование обвинения — суть обвинения — анализ причин». Менее традиционный вариант данной тактики представлен в записи Эдуарда Лимонова *Точечная правозащита*.

Алёхина и Толоконникова задиристо общили, что будут защищать права заключённых в РФ.

Сколько защитников прав, отлично !

<...>

А права Мохнаткина, который в пику ультра-либералам вышел 31 декабря 2013 года на Триумфальную, и был там арестован и отправлен уже в тюрьму на два месяца ? Отношение к нему ультра-либералов после этого ареста круто изменилось, некоторые наглецы из их числа даже позволили себе поместить в Интернет мутные фотографии намекающие на то, что может-таки не бывает дыма без огня, и это Мохнаткин, может быть, напал на бедных полицейских... Видите в этом ракурсе, где его рука ?

Отношение изменилось потому, что Мохнаткин был задержан не там где следовало, рядом с неприкасаемыми лимонцами.

Так чего, храбрые девахы, защитите Мохнаткина ? Мужичка с Триумфальной ?

Кое-кто уже умудрился обвинить меня и даже отшедшую от дел Алексееву, что вот Мохнаткин второй раз сел, а Лимонов, который эту кашу заварил с 31-й статьёй, не схвачен, и не пошёл по уголовке.

Железобетонная логика, сродни той, что если бы не партизаны, то гитлеровцы бы мирных советских граждан не расстреливали, пощадили бы, не беспокоили бы, партизаны во всём виноваты.

<...> 8 января, в среду, в ещё нерабочий, ещё праздничный день, состоится открытое собрание партии „Другая Россия“, в котором и вы сможете участвовать. Выдвинуть предложения, задать вопросы, по-discутировать. В том числе и о высказанных мною выше сомнениях, в том числе и о необходимости пересмотра итогов приватизации, о том что делать после поражения оппозиционных сил. Кто виноват, мы уже знаем.

Схему тактики в данном примере можно описать как «опровержение обвинения — контробвинение». Мнение ультралибералов о виновности Мохнаткина и самого автора передается Эдуардом Лимоновым с помощью прецедентных высказываний (*не бывает дыма без огня; эту кашу заварил*) и новообразования от имени (*неприкасаемыми лимоновцами*). Прецедентные феномены с отрицательной оценкой, вербализуя мнение, тем самым и развенчивают его, обеспечивая тем самым коммуникативный ход опровержения обвинений. В его реализации участвует и прием доведения до абсурда, в котором автор использует аналогию в прецедентной ситуации Великой Отечественной войны: *если бы не партизаны, то гитлеровцы бы мирных советских граждан не расстреливали, пощадили бы, не беспокоили бы, партизаны во всём виноваты*. Параллельно автором выдвигается контробвинение, его суть состоит в предвзятости ультралибералов (*отношение изменилось потому, что Мохнаткин был задержан не там где следовало, точечная правозащита*), их несостоятельности в качестве оппозиционной силы, что позволяет Эдуарду Лимонову противопоставить им себя и пригласить читателей на собрание партии. В сильной позиции текста вина ультралибералов обозначается дополнительно, в функции усиления выступает трансформированное прецедентное высказывание, содержащее импликацию (*о том что делать после поражения оппозиционных сил. Кто виноват, мы уже знаем*). Читателю предоставляется самому сделать вывод, к которому автор тщательно подводил его в течение всего текста.

Помимо основополагающих тактик стратегии дискредитации — оскорбления, издевки и обвинения — в текстах записей блогов политиков были выделены и описаны менее популярные, но не менее значимые в контексте интолерантности тактики.

Тактика угрозы

Угроза в косвенном виде содержится в отрывке записи Сергея Миронова о продлении санкций Запада:

Нельзя разговаривать с Россией, пряча за спиной камень. Во-первых, видно. А во-вторых, нельзя к нам приходиться с камнем. Те, кто приходили с мечом, хорошо это знают.

Конкретный адресат угрозы не называется в данном отрывке, в качестве обобщенного адресата предстает всякий, кто вынашивает недобрые планы против России (*пряча камень за пазухой*). Современная

версия прецедентного высказывания *держу камень за пазухой*, использованная для обозначения круга возможных адресатов угрозы, сопрягается с трансформированным вариантом другого прецедентного высказывания: *Те, кто приходили с мечом, хорошо это знают*. Высказывание представлено в усеченном виде, именно в отсутствующей части, активизирующейся в сознании реципиента, имплицитно заложена угроза: *Кто к нам с мечом придет, тот от меча и погибнет!*

Тактика побуждения к интолерантности

Побуждение адресата к интолерантному отношению, чаще всего предполагающему применение силы, популярно в блоге Владимира Жириновского. Рассмотрим отрывок из записи Янукович, о чем вы думаете?

На Украине продолжается политическое противостояние. Накануне произошли самые крупные кровавые беспорядки за все „оранжевое“ время, не только в Киеве, но и в других городах.

Опять на улицах открыто убивают русских, опять мафия, махновщина, бандитизм. До каких пор? Хочется воскликнуть словами поэта: „Не смеют, что ли, командиры чужие изорвать мундиры о русские штывы?“

Исходя из заголовка записи, можно сделать вывод о ее адресованности Виктору Януковичу, о чем свидетельствует соответствующее обращение. В тексте звучит косвенный призыв к насильственным действиям, выраженный через прецедентное высказывание из стихотворения М. Ю. Лермонтова: *Не смеют, что ли, командиры чужие изорвать мундиры о русские штывы?* Несмотря на логичность вывода о том, что призыв адресован В. Януковичу, истинным адресатом выступает российская власть: именно она, а не В. Янукович, уполномочена направлять «русские штывы», т. е. армию, неслучайно в тексте упоминаются и убийства русских, свидетельствующие о необходимости их защиты. Примечательно, что уже через несколько записей Владимир Жириновский открыто говорит об этой необходимости: *Если Янукович сдаст власть, надо будет вводить войска на территорию Украины для защиты нашего населения.*

Тактика легитимации интолерантности

Призывы к интолерантности становятся более обоснованными и оправданными с легитимацией подобного отношения автором, в связи с чем в дискурсе блогов политиков частотна контаминация указанных тактик. Рассмотрим пример из записи Сергея Миронова *Фашизм не пройдет*.

То, что произошло в Одессе, — это преступление против человечества, это фашизм. ...Мы не должны позволить, чтобы людей расстреливали, давили танками, сжигали. Если у Европы и США нет политической воли остановить своих марионеток, тогда это должны делать здравые силы. Сегодня самая здравая сила — это Россия. **Наше дело правое, и победа будет за нами.**

В качестве основного аргумента легитимации военного вмешательства выступает его неизбежность, обусловленная, в свою очередь, необходимостью остановить преступления украинской власти. Аргумент усилен проекцией на события на Украине прецедентной ситуации фашистской Германии — частотным приемом в блогах политиков. Данная сфера-источник актуализирована двумя прецедентными высказываниями — лозунгами, одновременно служащими и призывом к применению силы: **Фашизм не пройдет и Наше дело правое, и победа будет за нами.** Последний лозунг используется в «смягченном», усеченном варианте: наиболее агрессивная его часть — «враг будет разбит» — опускается автором, но актуализируется в сознании читателей. Метафорическое сопоставление двух ситуаций имеет концептуальный вектор переосмысления военного вмешательства в терминах противостояния, что делает его более приемлемым для реципиента.

Тактика интолерантности против интолерантности

Данная тактика является частотной для дискурса блогов политиков контаминацией констатации интолерантности оппонента и любой интолерантной тактики, направленной на него в связи с этим, — таким образом, происходит борьба против «чужой» группы ее же оружием.

Тактика интолерантности против интолерантности находит воплощение и в блоге Эдуарда Лимонова, где ее реализация связана с реакцией автора на теракт против *Charlie Hebdo*, обнаживший остроту проблемы нетерпимости к нетерпимости.

Разнузданные колонизаторы

У французов так и не исчезла колониальная заносчивость и гонор белого человека.

Они уже столько десятилетий притворяются терпимыми, являясь в то же самое время абсолютно нетерпимыми.

<...>

И вот история с Charlie Hebdo. Не должно французское правительство позволять существовать на своей территории

таким убудочным изданиям как Charlie. Чем они лучше Ку-клукс-клана, позвольте узнать? Вместо того чтобы запретить подонков, президент Олланд выперся вместе с толпами на улицы Парижа, под ручку с убийцей Порошенко.

В Нигере за последние сутки сожгли в ответ семь христианских церквей, первый десяток человек уже убиты. Вы все Charlie, о, разнузданные колонизаторы привыкшие высмеивать верования туземцев! О, самая культурная нация в мире, так и не научившаяся уважать чужие верования!

<...>

Я не Charlie, я трезвый русский мужик, умеющий думать, и я говорю Вам, если вы не хотите огромной гражданской войны внутри Европы, такой какой ещё не было, то остановитесь в своём затянувшемся колониализме.

Автор обвиняет в интолерантном отношении весь французский народ (притворяются терпимыми, являясь в то же самое время абсолютно нетерпимыми; привыкшие высмеивать верования туземцев; самая культурная нация в мире, так и не научившаяся уважать чужие верования) и журналистов *Charlie Hebdo* в частности. Последние не только сопоставляются автором по степени нетерпимости с представителями Ку-клукс-клана, но и достаиваются со стороны Эдуарда Лимонова крайней интолерантности, выраженной через оскорбительные лексемы (*убудочное издание, подонки*). Автор использует переосмысленное прецедентное высказывание — лозунг «Я Шарли», созданный для поддержки пострадавших от теракта, для размежевания с «чужой» группой по признаку терпимости к чужим верованиям (**Вы все Charlie — Я не Charlie**). При этом в конце текста Эдуард Лимонов предстает в характерной для себя роли вразумляющего автора, призывая французский народ одуматься и устранить причину интолерантности: *я говорю Вам, если вы не хотите огромной гражданской войны внутри Европы, такой какой ещё не было, то остановитесь в своём затянувшемся колониализме.* Таким образом, интолерантность самого автора оказывается оправдана интенцией водворения толерантности — так в электронном дневнике политика толерантность обнаруживает свою двойственную, парадоксальную природу.

Итак, прецедентные феномены активно участвуют в реализации интолерантных тактик и отдельных коммуникативных ходов, взаимодействуя с когнитивными метафорами и традиционными языковыми приемами.

Стратегия дискредитации в блогах политиков представлена основополагающими интолерантными тактиками оскорбления, издевки и обвинения. Помимо них, актуальными в аспекте интолерантности и эксплуатации прецедентных феноменов являются следующие тактики: угроза, побуждение к интолерантности, легитимация интолерантности, интолерантность против интолерантности. Анализ реализации интолерантных тактик в дискурсе блогов российских политиков позволил выделить характерные функции прецедентных феноменов (негативно-оценочная, экспрессивная, функции мифологизации и демифологизации), а также две метафорические модели, задействующие интолерантный когнитивный потенциал прецедентных феноменов. Частотность данных моделей позволяет говорить об их типичности для дискурса конкретного автора (модель «ЖИЗНЬ АЛЕКСЕЯ НАВАЛЬНОГО — СКАЗКА») и блогов политиков в целом (модель «СОВРЕМЕННАЯ УКРАИНА — ФАШИСТСКАЯ ГЕРМАНИЯ»).

ЛИТЕРАТУРА

1. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. — М., 2008.
2. Нахимова Е. А. Прецедентные имена в массовой коммуникации. — Екатеринбург, 2007.
3. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000). — Екатеринбург, 2001.

M. A. Fokina

Nizhny Novgorod, Russia

PRECEDENT PHENOMENA IN INTOLERANT TACTICS OF RUSSIAN POLITICAL DISCOURSE (AS EXEMPLIFIED IN BLOGS OF POLITICIANS)

ABSTRACT. *The article is devoted to the problem of the significance of precedent phenomena in the realization of intolerant tactics in blogs of Russian politicians. The precedent phenomena used in the blogs of Vladimir Zhirinovskiy, Sergey Mironov, Eduard Limonov and Boris Nemtsov on the Livejournal platform in the period 2014 to 2015 constitute the object of research. The functional peculiarities of the precedent phenomena as part of intolerant tactics have been chosen as the subject of research. In the course of research it was observed that precedent phenomena are highly popular in the speech strategy of discredit, which is based on the exploitation of the communicative tactics of humiliation, mockery and accusation and communicative acts that constitute these tactics. Apart from these basic tactics, the other intolerant tactics like intimidation, encouraging intolerance, legitimization of intolerance, intolerance towards intolerance prove to be essential in terms of exploitation of precedent phenomena. The analysis of the use of intolerant tactics revealed the common functions of precedent phenomena (negative qualification, expression, mythologisation and demythologisation). It has also been observed that there are two metaphoric models involving the cognitive potential of precedent phenomena: LIFE OF ALEKSEY NAVALNY — A FAIRYTALE and MODERN UKRAINE — FASCIST GERMANY. It is concluded that intolerance as a discourse characteristic of blogs of politicians can be gained through the use of precedent phenomena in combination with cognitive metaphors and stylistic devices.*

KEYWORDS: *political discourse; blog; political leaders; agonal; precedent phenomena.*

ABOUT THE AUTHOR: *Fokina Margarita Andreevna, Assistant Lecturer of the Department of Applied Linguistics and Foreign Languages, National Research University "Higher School of Economics", Nizhny Novgorod, Russia.*

REFERENCES

1. Issers O. S. Kommunikativnye strategii i taktiki russkoy rechi. — М., 2008.
2. Nakhimova E. A. Pretsedentnye imena v massovoy kommunikatsii. — Екатеринбург, 2007.
3. Chudinov A. P. Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory (1991—2000). — Екатеринбург, 2001.
4. Sheygal E. I. Semiotika politicheskogo diskursa. — Volgograd, 2000.
5. Nakhimova E. A. Pretsedentnye imena v prezidentskom diskurse // Politicheskaya lingvistika. 2007. Vyp. 2 (22). S. 44—48.

4. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. — Волгоград, 2000.

5. Нахимова Е. А. Прецедентные имена в президентском дискурсе // Политическая лингвистика. 2007. Вып. 2 (22). С. 44—48.

6. Нахимова Е. А. Использование корпусной методологии при сопоставительном изучении прецедентных имен // Политическая лингвистика. 2013. № 3. С. 48—56.

7. Шейгал Е. И. Язык СМИ и политика в семиотическом аспекте // Язык СМИ и политика. — М.: Изд-во МГУ, 2012. С. 121—162.

8. Анисимова С. А. Роль прецедентных феноменов в формировании национального ментального пространства (по материалам сопоставительного анализа дискурсов президентов В. В. Путина и Б. Обамы) // Политическая лингвистика. 2016. № 3 (57). С. 77—83.

9. Ворошилова М. Б. Алексей Леонидович! Нашупали дно?: Прецедентное имя в политической карикатуре о мировом // Политическая лингвистика. 2010. № 3 (33). С. 61—63.

10. Ворошилова М. Б. У разбитого корыта: культурный прецедентный текст в политической карикатуре о мировом кризисе // Политическая лингвистика. 2011. № 1 (35). С. 90—95.

11. Гудков Д. Б. Прецедентные феномены в текстах политического дискурса // Язык средств массовой информации. — М.: Академический проект, 2008. С. 394—401.

12. Орехова Е. Н. Трансформации прецедентных феноменов в политических текстах российских и американских СМИ // Политическая лингвистика. 2010. № 4 (34). С. 146—149.

13. Садуов, Р. Т. Прецедентные вербальные, визуальные и вербально-визуальные феномены в креолизованном тексте (на материале современного российского политического комикса) // Политическая лингвистика. 2013. № 4 (46). С. 221—229.

14. Тихонова С. А. Барак Обама как мишень прецедентности в политической карикатуре // Политическая лингвистика. 2013. № 1 (43). С. 107—115.

15. Фокина М. А. Прецедентные феномены в контексте толерантности политического дискурса (на материале блогов политиков) // Коммуникативные исследования. 2015. № 2 (4). С. 104—114.

6. Nakhimova E. A. Ispol'zovanie korpusnoy metodologii pri sopostavitel'nom izuchenii pretsedentnykh imen // Politicheskaya lingvistika. 2013. № 3. S. 48—56.

7. Sheygal E. I. Yazyk SMI i politika v semioticheskom aspekte // Yazyk SMI i politika. — М.: Изд-во МГУ, 2012. С. 121—162.

8. Anisimova S. A. Rol' pretsedentnykh fenomenov v formirovani natsional'nogo mental'nogo prostranstva (po materialam sopostavitel'nogo analiza diskursov prezidentov V. V. Putina i B. Obamy) // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 3 (57). S. 77—83.

9. Voroshilova M. B. Aleksey Leonidovich! Nashchupali dno?: Pretsedentnoe imya v politicheskoy karikature o mirovom // Politicheskaya lingvistika. 2010. № 3 (33). S. 61—63.

10. Voroshilova M. B. U razbitogo koryta: kul'turnyy pretsedentnyy tekst v politicheskoy karikature o mirovom krizise // Politicheskaya lingvistika. 2011. № 1 (35). S. 90—95.
11. Gudkov D. B. Pretsedentnye fenomeny v tekstakh politicheskogo diskursa // Yazyk sredstv massovoy informatsii. — M. : Akademicheskiy proekt, 2008. S. 394—401.
12. Orekhova E. N. Transformatsii pretsedentnykh fenomenov v politicheskikh tekstakh rossiyskikh i amerikanskikh SMI // Politicheskaya lingvistika. 2010. № 4 (34). S. 146—149.
13. Saduov, R. T. Pretsedentnye verbal'nye, vizual'nye i verbal'no-vizual'nye fenomeny v kreolizovannom tekste (na materiale sovremennogo rossiyskogo politicheskogo komiksa) // Politicheskaya lingvistika. 2013. № 4 (46). S. 221—229.
14. Tikhonova S. A. Barak Obama kak mishen' pretsedentnosti v politicheskoy karikature // Politicheskaya lingvistika. 2013. № 1 (43). S. 107—115.
15. Fokina M. A. Pretsedentnye fenomeny v kontekste tolerantnosti po-liticheskogo diskursa (na materiale blogov politikov) // Kommunikativnye issledovaniya. 2015. № 2 (4). S. 104—114.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.

РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫК — ПОЛИТИКА — КУЛЬТУРА

УДК 811.111'42:811.111'27:34
ББК Ш143.21-51+Ш143.21-006.21+Х0

ГСНТИ 16.21.47

Код ВАК 10.02.04

Н. А. Гатауллина
Санкт-Петербург, Россия

КОЛИЧЕСТВЕННАЯ ОЦЕНКА ПОЛИТИЗАЦИИ НАУЧНОГО ДИСКУРСА АНГЛОЯЗЫЧНОГО КОНТРАКТНОГО ПРАВА

АННОТАЦИЯ. Политизация правового дискурса — одна из актуальных тем в когнитивной лингвистике, обусловленная нарастающей политизацией общества. Правовой дискурс считается одним из самых политизированных. Уровень его политизации по разным оценкам варьируется от априори политизированного до просто политизированного. Однако вопросы уровня политизации научного дискурса контрактного права и определения уровня политизированности научного текста остаются открытыми. Рассматривая политизацию научного дискурса англоязычного контрактного права, автор ставит своей целью прояснить отдельные термины, используемые для описания политического фреймирования текста, вводит дополнительные рабочие термины, разграничивающие аксиологический и политический уровни рассматриваемого сценария. В статье также предлагается к обсуждению методика количественной оценки уровня политизации текста и политизации дискурса в целом, критерии демаркации между действительно политизированной частью дискурса и простым пересечением политического дискурса с правовым. Кроме того, в работе предложена методика выявления политизированного ядра исследуемой области правового дискурса и его количественной оценки. В качестве рабочих инструментов использован анализ политического фреймирования сценариев, описываемых авторами текстов дискурса, с привлечением модели нейрологических уровней Бейтсона — Дилтса и SEO-анализа семантического ядра.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс; политическое фреймирование; правовой дискурс; научный дискурс; контрактное право.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Гатауллина Наталья Анатольевна, старший преподаватель департамента иностранных языков национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург, Россия); 190008, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, д. 16; e-mail: natalya.gataullina@gmail.com.

1. Введение

Проблематика политизации общества и создаваемого им дискурса как никогда актуальна. В настоящее время политизирован может быть любой факт, предмет, событие, процесс, чья-то способность или неспособность совершить действие, ценность, хотя «ничто не является политическим или неполитическим само по себе, производство политических событий есть фреймирование событий как политических» [Вахштайн 2013: 24]. Параллельно с политизацией идет встречный процесс — деполитизация [Данилов 2009: 2], и с точки зрения лингвистики это также концептуализация в терминах политики, а значит, политизация дискурса, в котором идет обсуждение конкретной темы: борец с политизацией вынужден выйти на ее концептуальное поле и сражаться принятым на этом поле концептуальным оружием, т. е. политизировать продуцируемый текст. На политизацию научного дискурса указывает много исследователей, и уровень политизации правового дискурса в оценках варьируется от просто политизированного до значительно политизированного или априори политизированного. Однако данные оценки не опираются на четкие критерии. Более того, рассматривая проблематику отношений политического и иного дискурсов, авторы научных текстов — политологи и социологи — чаще говорят о политизации, тогда как лингвисты преимущественно рассматривают пересечение различных дискурсов (правово-

го, экономического, философского, религиозного) с политическим.

Двумя главными целями нашего исследования являются: 1) уточнение методики количественной оценки уровня политизации дискурса для того, чтобы иметь инструмент различия между «политизацией правового дискурса» и «пересечением правового и политического дискурса»; 2) проведение общей количественной оценки политизированности научного дискурса англоязычного контрактного права (далее НДАКП) на материале корпуса *Scopus*, а также оценки его политизированного ядра. Статья также затрагивает вопросы определения эксплицитных семантических маркеров политизации НДАКП, доступных считыванию. Первая часть статьи посвящена взглядам на политизацию дискурса, вторая часть описывает методику исследования, в третьей мы обсудим результаты проекта, последняя посвящена выводам.

2. Политизация. Теоретические основы

Рассматривая любое событие или процесс, наблюдатель-исследователь квалифицирует и номинирует его в соответствии с задачами создаваемого им текста. «Наблюдаемые атрибуты события играют роль считываемых маркеров — они дают наблюдателю ответ на вопрос „Что здесь происходит?“. Наблюдатель с необходимостью фреймирует любое событие, так как нет событий без наблюдений и нет наблюдений без систем фреймов, причем событие

фреймируется дважды: в процессе наблюдения и в процессе описания» [Вахштайн 2013: 18—19]. Фреймирование — это процесс концептуализации объекта исследования в предмет, и, описывая объект сквозь призму своих задач, исследователь использует различные языковые фокусы, придавая ему определенный смысл, коннотируя или нейтрализуя его.

Понятие фрейма было впервые введено Г. Бейтсоном [Бейтсон 1972], им же впервые предложена идея пирамиды нейрологических уровней, которая была впоследствии развита Р. Дилтсом [Dilts 1994: 146—151]. В нашем исследовании представляется весьма продуктивным использование данной модели, так как она позволяет выстроить иерархию выявленных маркеров политизации (далее МП) в соответствии с логическими уровнями взаимодействия автора текста с реальностью, проанализировать взаимодействие между этими уровнями, выявить семантические связи, по которым можно с большой достоверностью судить об уровне политизации текста. Модель нейрологических уровней использована в когнитивно-семантическом исследовании содержательного ядра ключевого кластера англоязычного контрактного права [Гатауллина 2015] по методу С. В. Киселевой [Киселева 2009: 76—89], основу которого составляют работы из научного наследия Е. С. Кубряковой и М. В. Никитина. В соответствии с этими представлениями, любая языковая система имеет содержательное ядро, в котором в концентрированном виде представлена концептуализация системы. Аналогичные приемы использованы в выявлении политизированного ядра НДАКП.

Сценарий контракта-процесса, как правило, четко очерчен актерами, их действиями в рамках коммуникативной ситуации по отношению друг к другу и объектами ситуации. Если рассмотреть сценарий контракта с точки зрения системы логических уровней, становится очевидно, что он распадается на два вида сценария: нейтральный (сенсорно-очевидный) и дискурсно фреймированный (не сенсорно-очевидный). Например, человек может иметь документ, в соответствии с которым, если он заболел, он может прийти по конкретному адресу и поговорить с другим человеком, врачом (нейтральный сценарий). В этом случае его можно назвать клиентом медицинской компании (коммерческое фреймирование). Одновременно с этим он, человек, является гражданином своей страны (политическое фреймирование). Если он испытывает сложности в получении услуги по лечению, это можно назвать нарушением

его фундаментального права на здоровье (политическое фреймирование). Если в тексте элементы нейтрального сценария имеют фреймованные аналоги или частично заменены ими, можно говорить о маркированности сценария. В зависимости от принадлежности маркеров определенному дискурсу (коммерческому, политическому, юридическому) мы можем говорить о принадлежности текста дискурсу или о пересечении дискурсов.

С лингвистической точки зрения научный дискурс контрактного права является двойственным объектом: для теоретиков-лингвистов он существует в виде системы концептов, компактной и хорошо описанной концептуальной сферы [Nolfi 2009: 142—151]; с другой стороны, на уровне дискурса он равномерно распределен по всей сфере права, являясь одной из главных концептуальных подложек в правовых процессах, буквально пронизывая эти процессы. В особенности это очевидно в концептуализации сферы экономического и коммерческого взаимодействия, чему есть простое объяснение: основу современной коммерции составляют не договорные отношения, а бизнес, в свою очередь, является основой экономики. Так как система договорных отношений предполагает наличие законов, а законодательство является функцией государства, правовой дискурс с очевидностью имеет пересечение с политическим, а следовательно, дискурс НДАКП также имеет с ним общие области.

Что касается сферы социального взаимодействия отдельных индивидов и групп индивидов с государством и его структурами, то эти отношения также регулируются одним из видов договора, **общественным договором (social contract)**, которому, как общеизвестно, посвящены теоретические работы Д. Локка, Т. Гобса, Ж. Ж. Руссо и других философов и мыслителей. Этот договор с точки зрения лингвистики представляет собой взаимодействие тех же концептов, но с большим эксплицитно выраженным ценностным уровнем. Участие же государства как ключевого актора выводит этот вид договора на пересечение правового и политического дискурсов.

Причина возможной политизации любой части научного дискурса также очевидна: финансирование современной науки в значительной степени происходит на грантовой основе, и, следовательно, эта часть науки занимается проблематикой, которая находится в повестке дня государства, его политической конъюнктуры. С другой стороны, ученый, поднимая острые вопросы и исследуя

дую правовую проблематику, ставя себе целью не просто глубокое понимание изучаемой области, но изменение к лучшему, более эффективному его устройству и/или использованию, тем самым намеренно или ненамеренно апеллирует к тем, кто может изменить положение дел в правовой сфере, то есть к системе государственных органов. Следовательно, научные тексты по правовой проблематике с большой вероятностью могут содержать политические маркеры. В связи с этим встает вопрос о демаркации простого перекрытия правового и политического дискурса и собственно политизации, т. е. ангажированности темы с целью решения политических вопросов. Для начала обратимся к определению политизации, к ее характеристикам.

Словарь «Власть. Политика. Государственная служба» определяет политизацию как «процесс и результат а) приобщения к активной политической жизни широких слоев населения, возникающий в условиях демократизации жизни; б) пропитывания, пронизывания всех сколько-нибудь значительных вопросов общественной жизни политическим звучанием, попытка видеть и выводить политический смысл из сколько-нибудь заметного шага человека, организации», «энергичное вовлечение людей в политику» может «перерасти в острую политическую борьбу, в политиканство, сведение политических счетов, политическую конфронтацию и поляризацию сил» [Халипов 1996: 84].

М. В. Данилов в своей работе, посвященной политизации современного общества, дает следующие оценки и характеристики политике и политизации разными специалистами: «Политизация представляет собой процесс перевода социальных отношений из режима подчиненности традициям в режим подчиненности властным интересам»; «Теоретик сегодня мыслит политическое в основном как интерпретатор, идеолог настаивает на ценностном уровне понимания политического (традиция, идущая от М. Вебера, К. Манхейма, Э. Дюркгейма), для современного политика — это, по сути, лишь игра манифестациями политического в целях расширения своего влияния» (Д. В. Лукьянов), «Политика... это социальная корпорация, производящая политические продукты и оказывающая политические услуги остальной части общества, занятой другим делом. ...Задача политики, по мнению этого автора, заключается в производстве некоего политического продукта — безопасности, развития, порядка. В таком контексте сам процесс производства этих видов политического продукта превращается в по-

литический процесс, в ходе которого „политизируются“ изначально неполитические объекты — теории, территории, этносы, города, товары первой необходимости» (А. А. Калмыков) [Данилов 2009: 2—5].

Следует заметить, что исследователями — социологами, лингвистами, политологами — выделены следующие характеристики политизированного текста:

- политизированный текст может содержать «отражение в нем деятельности партий, других общественных организаций, органов государственной власти, общественных и государственных лидеров и активистов, направленного развития (в широком смысле) социальной и экономической структуры общества» [Чудинов 2009: 27];

- в политизированном тексте наблюдается процесс и/или результат фреймирования, т. е. преобразования «неполитических практик в политические» [Данилов 2009: 2]. Так как «политическое — это эффект некоторой сети отношений между событиями» [Вахштайн 2013: 41], то следует ожидать политического фреймирования не только номинаций, но и причинно-следственных связей;

- в политизированном тексте должны присутствовать маркеры онтологического статуса политического [Вахштайн 2013: 16], привязывая «квалификацию „политического“... к самим характеристикам события, как чего-то свершающегося в пространстве и времени» [Вахштайн 2013: 21];

- политизация текста проявляется в различении друга и врага [Шмитт 2007], жертвы и злодея [Лакофф 2014], а следовательно, в тексте следует ожидать выступления автора на стороне жертвы, эксплицитно высказанную позицию автора по отношению к политически фреймированным актерам, процессам и результатам, последствиям для больших социальных групп.

Таким образом, в политизированном тексте важны маркеры авторства текста, его адресность, политический нарратив и стратегии и тактики в политической коммуникации [Чудинов 2008: 73—80].

3. Методика

В начале разговора о методике исследования следует сказать о нескольких установках, которых мы будем придерживаться в ходе исследования.

1. Мы используем только данные портала *Scopus*, исследуем НДАКП, сформированные текстами портала. Мы считаем, что онтологически НДАКП портала *SCOPUS* является проекцией общего НДАКП, так как данный портал является платформой представления результатов исследований всего гло-

бального сообщества (239 стран) и известен как один из самых авторитетных порталов с серьезной системой проверки и оценки качества публикуемых работ. По тенденциям и статистическим данным, собранным на основе материалов этого портала, можно судить о специфике и тенденциях всего дискурса.

2. Мы вводим несколько определений:

– **маркером политизации** (МП) мы будем считать лексическую единицу (слово или словосочетание), определяющую реалию нейтрального сценария (предмета, субъекта, свойства, ситуации, действия) уровня окружения и уровня действия (сенсорно-распознаваемых уровней) в политических и аксиологических терминах;

– **явными или прямыми МП** мы будем называть МП, семантически связанные с институтом государства (организациями, деятелями и группами деятелей, индивидуумами как акторами государственного поля), политическими деятелями, группами (партиями, движениями, членами партий, сторонниками и активистами движений), законодательными документами наивысшего государственного уровня (Конституция, юридические документы, регулирующие международные отношения), политическими институтами, теориями и доктринами, тематикой, по которой проходит демаркация между политическими партиями, движениями, а также связанные с действиям этих институтов, организаций, групп, деятелей;

– **неявными, или косвенными МП** мы будем считать МП, имеющие отношение к общечеловеческим правам и свободам, равенству и неравенству, морали и нравственности, справедливости, терпимости, толерантности и агрессии, этике взаимоотношений акторов, т. е. ценностные лексические единицы, которые лежат на пересечении политического, правового, философского, религиозного, социологического и культурологического дискурсов;

– **политизированным ядром дискурса** мы будем считать то количество отдельных текстов, в котором большая часть акторов, объектов и действий на низких логических уровнях (нейтральный, сенсорно-очевидный сценарий) фреймировано МП на высоких логических уровнях Бейтсона — Дилтса и, кроме того, связано с неявными МП. Такое фреймирование придает онтологический статус происходящему, максимально активирует смещение фокуса внимания читателя в сторону политики, накладывая плотный политический трафарет на семантику текста, и, таким образом, «сама механика различения, именованная и квалификации предпола-

гает, что наблюдатель „вырезает“ событие, придает ему определенность, пользуясь некоторым лекалом смысла» [Вахштайн 2013: 19], в нашем исследовании — смысла политического. Также мы считаем, что наличие политически маркированного сценария «жертва — злодей» и/или сценария «друг — враг» является неотъемлемой частью политизированного ядра;

– **высокими уровнями пирамиды Бейтсона — Дилтса** мы будем называть уровень ценностей и убеждений, уровень идентификации и уровень миссии. Низкими уровнями мы будем называть уровень окружения, действия и способностей.

С учетом вышеперечисленных установок выделяются следующие логические уровни явных и неявных МП.

Уровень окружения. Упоминание правительства или правительственных органов, административных органов, государства, документов, которые могут иметь не только юридический, но и политический смысл, например, конституции государств, международных договоров, договоров в области, традиционно контролируемых государством, например, добычи полезных ископаемых и в особенности энергоносителей, производства и хранения оружие, военного производства, производства и продажи медикаментов, имеющих наркотическое действие, и др.

Уровень действия. Упоминание действия отдельного государства или международных властных структур по проведению реформ, проектов, их результатов и последствий, рассмотрение процессов с участием политических групп, властных структур, политических лидеров, активистов политических движений, отдельных граждан и групп граждан, упоминание политических решений субъектов власти, политики вышеупомянутых властных субъектов в отношении общества, политических моделей поведения, их результатов или последствий, упоминание действий, нарушающих суверенитет, разрушающих государство и государственность, интервенции в особом смысле, затрагивающей не только интересы бизнеса, экономические интересы, но и интересы общества и государства в целом.

Уровень способностей и возможностей. Упоминание способности или неспособности акторов уровня окружения, возможностей или ограничений, которые являются следствием действий акторов, упоминание возможного влияния происходящих событий, фактов на политические процессы.

Уровень ценностей и убеждений. Использование генерализаций, входящих в политическую концептосферу, например: ло-

литика, политический, демократия, демократический, республиканский, либеральный, либерально-демократический; ценностей, которые могут свидетельствовать о возможной политизации: права человека, их защита, нарушение прав человека; указание на вину власти, политиков, политических групп и течений в появлении проблемы, ее развитии, последствиях проблемы, констатация фактов нарушения государственности, суверенности и суверенитета, государственной целостности или призыв к их сохранению, признание необходимости изменения в политической сфере, использование ценностей и ценностных характеристик (правá и свободы).

Уровень идентификации. Идентификация акторов в политических терминах, например: *либерал, демократ, политик*; открытое утверждение исследователем своей идентификации, принадлежности к политической организации, движению, вклада в дело борьбы за права человека.

Уровень миссии (позиционирование рассматриваемой системы как части чего-то большего). Эксплицитно выраженное стремление автора участвовать в политической борьбе, глобальность, рассмотрение ситуации с точки зрения разных аспектов общественной жизни или влияния рассматриваемой реалии на широкий круг явлений, борьба за улучшение мира и/или предложения по изменению порядка мира, в особенности сопровождаемые эмотивной лексикой.

3. Следует отметить, что мы рассматриваем только эксплицитированные маркеры и эксплицитированные отношения, не считая политизированность НДАКП априорной.

Таким образом, в данном исследовании мы проводим сравнительный семантический анализ двух эксплицитно представленных сценариев контракта — нейтрального сценария и политически-маркированного сценария — в текстах НДАКП. В соответствии с этим, данное исследование предполагает следующие семь этапов: 1. Выделение ключевых слов поиска по НДАКП с последующей полной выборкой статей; 2. Исследование МП в названии статьи, ее аннотации, ключевых словах, списке литературы, выборка статей из области пересечения дискурсов НДАКП и политического дискурса для детального исследования; 3. Анализ полноты представленности элементов сценария контракта на низких уровнях (нейтральный) в сравнении с явно или неявно маркированной концептуализацией на высоких уровнях Бейтсона-Дилтса; 4. Когнитивно-семантический анализ полноты политизации рассматриваемого сценария; 5. Определение семантиче-

ского ядра текста при помощи SEO-анализа и полноты присутствия в нем явных и неявных МП, сбор и анализ дополнительной статистики; принятие решения о политизации текста; 6. Статистическая обработка полученных результатов за 2016 год; 7. Статистическая обработка данных (статьи и обзоры) за период 2011 — 2016 годы (последние 5 лет).

Статьи и обзоры выделены как фокус-группа исследования основываясь на принципе актуальности, так как эти виды текстового представления результатов обладают более коротким циклом, а значит, отражают самые актуальные тенденции.

4. Результаты

В этой работе мы представляем только ключевые результаты исследования, давая общую картину политизации НДАКП.

Исследование проводилось на корпусе статей, выпадающих по ключевым словам *contract, contract law, contract law and government policy, contract and government policy, contract law and politisation, contract and politisation, contract law and politics, contract and politics, contract and human rights, contract law and human rights, contract and liberal values, contract law and liberal values, contract and liberalism, contract law and liberalism, contract and democracy, contract law and democracy, contract law and republican values, contract law and republicanism, contract law and conservative values, contract law and conservatism*.

Пальму первенства по количеству текстов НДАКП держат авторы из США, опубликовавшие в среднем около 30 % всего контента. В тройку лидеров, кроме США, по разным ключевым словам входят Великобритания (около 15 %) и Германия (до 10 %). В вопросах государственной политики и различных аспектов контрактного права позиции входят в пятерку лидеров могут Китай и Австралия. Франция входит в пятерку лидеров в вопросах отношения контрактного права и либерализма. В текстах авторов из стран тройки лидеров аксиология текстов фреймирована взглядами демократических партий и республиканских партий, причем по частотности концептуализации демократические и либерально-демократические взгляды преобладают.

НДАКП имеет существенные пересечения с экономическим, коммерческим, социологическим, политическим, психологическим, философским, религиозным дискурсами (дискурсы перечислены в порядке от наибольшего пересечения с НДАКП к наименьшему в соответствии со статистикой исследования). Фактически основной кон-

тент англоязычного научного дискурса контрактного права фреймирован экономическими и коммерческими проблемами. Наиболее богата политическими маркерами сфера международного права, однако, несмотря на то, что в описании процессов авторы используют прямые МП, например, названия государственных учреждений, международных институтов, фокус их рассмотрения в основном сосредоточен на процедурах взаимодействия организаций, компаний, индивидов, и уровень присутствия МП незначителен. Авторы явно не связывают рассматриваемые процессы с политическими процессами и ценностями, а значит, данные МП можно считать необходимой частью дискуссии по проблеме. В данном случае мы относим их к области пересечения дискурсов.

Количество самых актуальных статей и обзоров за 2016 г., имеющих отношение к контрактному праву, составляет 185, из них 150 — это статьи (данные на сентябрь 2016 г.). Маркеры политизации на высоких логических уровнях найдены в 25 текстах. При анализе первичной презентации текста в *Scopus* (издательства, названия текстов, аннотации, ключевые слова и списки литературы) выявлено, что только 9 текстов можно назвать

политизированными, остальные 16 можно отнести к области перекрытия политического дискурса и дискурса контрактного права. Соответственно, политизация самой актуальной части НДАКП не превышает 4 %.

Практически аналогичные результаты получены при анализе НДАКП за период 2011—2016 гг.: не более 4 % НДАКП за последние пять лет можно считать политизированными. Политизированное ядро составляет менее 1 % с незначительной тенденцией к увеличению (около 0,2 %). Только в 1 % текстов авторы явно высказали свою политическую позицию, идентифицировали себя активистами политических или общественных движений (**уровень идентификации**), классифицировали описываемые события как нарушение прав и свобод граждан (**уровень ценностей и убеждений**), обвиняли политические течения, партии и их действия в существующем, происходящем, призывали не просто к принятию мер, изменению правового поля, определенных законов или процедур, но к изменению политической составляющей (**уровень миссии, намерение автора**). Именно этот 1 % можно считать **политизированным ядром дискурса** (см. диаграмму).

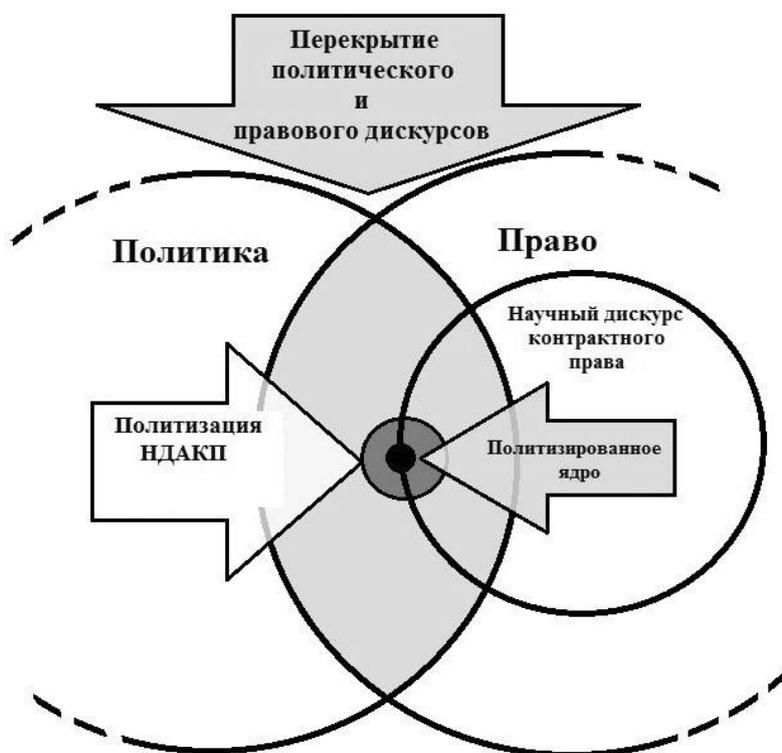

Диаграмма. Политизированное ядро НДАКП

Политизированное ядро находится на периферии области НДАКП, в центре области пересечения правовой и политической сферы. Эта область пересечения по сути представлена текстами по международному праву, текстами из области судебного дискурса и текстами, в которых фокус внимания захватывает проблематику общественного договора. Последняя неминуемо выводит на обсуждение морально-нравственных, морально-этических аспектов ситуаций, их философское фреймирование, что ведет к пересечению НДАКП с философским дискурсом.

Применение SEO-анализа семантического ядра текстов как статистического инструмента для количественной конкретизации фреймирования выявило следующее: если сценарий, описываемый на низких логических уровнях, фреймирован на высоких логических уровнях, практически все ключевые явные и неявные МП входят в семантическое SEO-ядро текста, причем на уровне не ниже коэффициента частотности 0,1 (этот уровень соответствует трети наиболее употребительных лексических единиц). Данная корреляция позволяет заявить, что SEO-анализ семантического ядра текста сервиса ADVEGO можно использовать как эффективный инструмент для оценки уровня политизации текста и отбора текстов для последующего когнитивно-семантического анализа.

Здесь уместно привести пример яркой политизации, которой является статья автора Cesar Ernesto Abadia-Barrero «Neoliberal Justice and the Transformation of the Moral: The Privatization of the right to Health Care in Columbia» [Abadia-Barrero 2016]. В своей статье автор детально рассматривает процесс имплементации государственных социальных контрактов (state social contracts) на рынке медицинского страхования, администрируемого транснациональным финансовым капиталом. Ключевыми словами автором выделены *neoliberalism, morality, justice, health care reform, health as a human right*.

Объем статьи — 57 831 слово, семантическое ядро статьи составляют 1278 слов, словосочетаний и кластеров слов. Высокий процент частотности употребления (значение процентного коэффициента частотности SEO выше 0,1) составляет 141 лексическая единица и кластеры лексических единиц, из которых 114 являются МП. Эти МП можно назвать **политизированным центром семантического ядра**. В среднем явных и неявных МП употреблено 16 на страницу, из них явных МП — 7 на страницу. Ниже приведены основные МП семантического ядра текста с их коэффициентами частотности SEO:

– **явные МП:** *privatization right* (0,23), *political* (0,18), *neoliberal* (0,15), *citizen* (0,23), *neoliberal justice* (0,15), *social contract* (0,13), *privatization* (0,11), *neoliberal transformation* (0,11), *ideology* (0,10), *market ideology* (0,10);

– **неявные МП:** *right* (0,74), *right for health care* (1,15), *right for health* (0,82), *moral* (0,49), *justice* (0,28), *moral hazard* (0,18), *constitutional* (0,13), *constitutional court* (0,15), *morality* (0,11), *human right* (0,10).

Менее частотные лексические единицы составляют дополнительную концептосферу МП семантического ядра:

– **для явных МП:** *politics, political economy, political process, politics and life, political transformation, neoliberalism, neoliberal justice, neoliberal ideology, neoliberal reforms, neoliberal morality, ideological, ideological domination;*

– **для неявных МП:** *moral basis, moral contracts, moral definitions, moral economies, moral experience, moral issues, moral values, morally, moral transformation, fundamental right, rights for life, citizens' rights, constitutional rights, justice transformation.*

В этой статье показательна связь нейтрального и коммерческого сценария **уровней окружения и действий** и его политизированным сценарием **уровня ценностей и убеждений**. Ситуация в сфере предоставления услуг в здравоохранении названа *гегемонией рынка* (market hegemony), судебное предписание, приказ (writ) на предоставление услуг автор оценивает как действие, служащее только интересам корпораций, входящих в систему предоставления услуг. Автор анализирует несколько декретов 2010 г. (**уровень окружения**), которые лежат в основе страхового контракта на предоставление данных услуг и которые автор называет *идеологией моральной опасности, морального риска* (moral hazard ideology), *прямой угрозой благополучию клиента* (direct threats to individual property and savings), которая устанавливает *доминанту идеологической риторики маркетинговой поддержки бизнеса в ущерб интересам клиента* (establishes a powerful rhetorical technology that benefits market ideology) — **уровень убеждений и ценностей**. Законы названы технологией *идеологического доминирования* (technology of ideological domination). В обзоре литературы по критике реформы в сфере здравоохранения автор приводит следующие комплексные эквиваленты этой реформы: *реформа (уровень действия)* — *это моральная угроза и идеологический акт* (moral hazard and ideological work), *превращающая стра-*

хование здоровья из общественного героя (a social hero) в общественного злодея, негодяя, преступника (a social villain) (**уровень ценностей и убеждений**), она же превращает систему общественной безопасности из системы против опасности в саму опасность (It transforms the social safety net from a mode of security against danger to the very danger itself) — **уровень действия и его фреймирование маркерами опасности на уровне ценностей**. Действия клиента, которому необходима услуга данной системы, названы *хождением по лабиринту (уровень действий)*, отношение к клиенту в компании, которая его обслуживает (**уровень ценностей и убеждений**), автор называет отношением к служащему компании, работающему неполный рабочий день (the “changing position of the customer to one of part-time employee rather than a consumer of services) — **уровень идентификации актора, снижение его статуса**. Сам автор называет процесс получения услуги *бременем (burden)* для клиента, и следствие такого предоставления услуг названы *эмоциональным, экономическим и физическим истощением и неравным конфликтом между безденежными и изможденными гражданами и институтами власти (caretakers’ emotional, economic, and physical exhaustion and to the uneven conflict between broke and burned out citizens and powerful institutions)* — **уровень действия фреймирован в терминах жертвы**.

Автор акцентирует внимание на том, что акторы предоставления услуги действуют на основе «*финансовой солидарности*» (financial solidarity), ставя бюрократические препоны клиентам, заставляя их платить за то, что должно быть бесплатным по праву. Кроме того, разделение на тех, кто платит, и тех, кто не платит, автор считает неравенством в обществе (**уровень действия, фреймированный МП на уровне убеждения**). Введение в систему имплементации контракта государственного органа, принимающего решение о том, должен ли клиент платить за услугу или нет (**уровень действия**) автор называет *юридизацией (judicialization)*, которая ведет к конфликту между «the idea of health as an individual right и the need to protect the solvency of the system» (**уровень убеждений и ценностей**), причем этот конфликт рассматривается не как отношение клиента и системы предоставления услуги, т.е. на уровне окружения и действия, а как «a structured negotiation between the needs of individuals and the social conception of citizenship» (**уровень ценностей и убеждений**). Конституционный суд (**уровень**

окружения, актор) назван *последним прибежищем (the court of last resort for matters regarding the moral basis of citizens’ rights)* — **уровень ценностей и убеждений**.

Приведенные выше примеры показывают очевидность политизации нейтрального и коммерческого сценария контракта: все элементы сценария, акторы и их действия в рамках контрактных отношений обобщаются на уровне ценностей и убеждений в политических терминах и маркируются явными и неявными МП.

Кроме того, уровни ценностей и убеждений фреймированы сценарием борьбы *жертвы и негодяя*. Действия компании «Esperanza» названы *борьбой (struggle)*, за плечами которой стоит главный враг — неолиберализм, который пришел на рынок предоставления услуг по социальному контракту Колумбии с целью завоевать правосудие в сфере здравоохранения (*neoliberalism transforms the dynamics of seeking and winning health care justice in Colombia and the moral compass through which the right to health care is demanded, contested, and won*). Усилия компании «Эсперанса», ее действия, судебные постановления и изменения в правовой сфере (**уровень действий**) автор называет трансформацией морального компаса, причем трансформирует компас не система, предоставляющая услуги в экономическо-правовом поле, а сам неолиберализм (*Altogether, Esperanza’s struggle, the judicial rulings, and changes in legislation illustrate how neoliberalism transforms the dynamics of seeking and winning health care justice in Colombia and the moral compass through which the right to health care is demanded, contested, and won*). Интересна метафора компаса, простого прибора, который служит естественному ориентированию в пространстве, на местности. Моральный компас в этом контексте позволяет его хозяину получить услугу, на которую он имеет естественное право. Однако неолиберализм и его реформа трансформирует этот прибор, чтобы пустить владельца компаса по ложному пути, изменить динамику востребования услуги во благо сохранения высоких прибылей системы — поставщика услуги.

За процессами, происходящими в сфере законодательства, автор видит идеологические процессы, изменения в политике, которые приводят к изменению в морали. Он также указывает на использование акторами манипулятивных языковых техник, «techniques of language», воздействия на общественное сознание. Эти технологии рефрейминга формируют новый фокус различения себя и другого или других в терминах «за-

служиваю я этих прав или нет» (*these techniques of language are used to begin shifting people's ideas of rights and entitlements and create new distinctions of self and other in terms of deservedness*). Целью применения этих технологий и *безнравственной практики страховых компаний* (*corrupt practices of insurance companies*) автор называет увеличение *сверхприбыли* (*immense profits*). Кроме того, очевидны два последствия политики неолиберализма — главного врага: в экономике такое *обострение ситуации с ценообразованием* (*escalating costs*) ведет к нестабильности рынка вследствие растущего недовольства системой и трансформации моральных ценностей общества.

Таким образом, гражданин, экономика, рынок и общество в целом становятся жертвами главного врага — неолиберализма и его неолиберальной реформы.

На *уровне идентификации* автор позиционирует себя как активного члена организации NGO, называемой «Salud al Derecho» («Здоровье закону») в Колумбии, активиста, который борется за эффективную охрану здоровья как права человека (*fight for the effective provision of health as a human right*), участвуя в политических процессах. Кроме того, клиентов системы (*customers*) автор преимущественно идентифицирует как *граждан* (*citizens*), что переводит фокус внимания с экономического на государственный уровень. Как очевидно из описания, плотное фреймирование сценария МП на высоких логических уровнях придает онтологический статус происходящему именно в фреймах политического: именно политическое разворачивается во времени и в пространстве.

5. Выводы

Результаты исследования позволяют прийти к нескольким важным выводам.

1. В соответствии с результатами уровень политизации НДАКП можно назвать слабым, незначительным, так как политизированные статьи составляют всего 4 %, а собственно политизированное ядро — 1 % дискурса. Достоверными сигналами о том, что текст политизирован, являются:

- повторяющиеся кластеры явных МП или комбинация явных и неявных МП;
- детали сценария, рассматриваемого на низких логических уровнях фреймирования явными и неявными МП на высоких логических уровнях; здесь мы предлагаем принять 50 % маркированности сценария МП за точку демаркации;
- очевидный сценарий «жертва — негодяй», «друг — враг», фреймированный

явными и неявными МП; фреймирование только неявными МП может быть свидетельством не только политической ангажированности текста, но и правовой, социокультурной, философской ангажированности; мы предлагаем считать 50 % маркирования сценария МП высокого уровня за точку демаркации;

- если при SEO-анализе более 50 % явных и неявных политизированных маркеров входит в семантическое ядро текста на уровне коэффициентов частотности выше, чем 0,1 %, можно с уверенностью говорить о политизации текста. Эти данные полностью совпадают с тем, что сценарий, рассматриваемый на низких логических уровнях, имеет ценностные эквиваленты на высоких, и с тем, что явные и неявные МП семантически связаны тканью текста.

2. Политизированное ядро научного дискурса англоязычного контрактного права составляют тексты, семантика которых удовлетворяет следующим критериям: 1) высокий логический уровень политизирующих маркеров; 2) вхождение прямых и косвенных политизирующих маркеров в семантическое SEO-ядро текста; 3) политизированность рассматриваемого сценария (то есть семантические связи номинации каждого элемента сценария на низком логическом уровне с его аналогом на высоком логическом уровне); 4) политическая идентификация автора.

Анализ семантического ядра системы SEO с помощью сервиса *ADVEGO* может быть использован для предварительной оценки уровня политизированности дискурса, в том числе на более ранних этапах исследования. Если прямые и не прямые МП входят в семантическое SEO-ядро на уровне частотности употребления с коэффициентом выше чем 0,1, можно с высокой степенью уверенности констатировать политизацию. Кроме того, система SEO не только выявляет семантическое ядро текста, но и дает каждой лексической единице (слову, словосочетанию и кластеру) частотный индекс, показывающий процентное отношение частоты употребления лексической единицы к общему числу лексических единиц ядра.

По результатам данного исследования представляется интересным дополнительно и более глубоко рассмотреть процессы метафоризации, метонимии и полисемии, их связь с МП и способами воздействия автора на читателя.

ИСТОЧНИКИ

1. Abadía-Barrero César Ernesto. Neoliberal Justice and the Transformation of the Moral: The Privatization of the Right to Health Care in Colombia // *Medical Anthropology Quarterly*.

ЛИТЕРАТУРА

2. Вахштайн В. С. Фрейм-анализ как политическая теория // Социология власти. 2013. № 4.
 3. Гатауллина Н. А., Киселева С. В. Анализ слова consideration с использованием когнитивно-семантического подхода и нейробиологических уровней Бейтсона — Дилтса // Актуальные проблемы филологии : сб. материалов всерос. научн. конф. (Курган. гос. ун-т) / отв. ред. Е. Р. Ратушная. — Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та, 2015.
 4. Данилов М. В. Политизация в современном обществе как объект политических исследований // Пятый Всерос. конгр. политологов : сб. материалов (Москва, 20—22 нояб. 2009 г). URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Danilov_RAPN.pdf.
 5. Каменева В. А. Интернет-комментарий к англоязычным статьям политической и культурной тематики. Коммуникативные цели // Политическая лингвистика. 2016. № 1 (55). С. 15—19.
 6. Киселева С. В. Сущность многозначного слова в английском языке. — СПб. : Астерон, 2009.

N. A. Gataullina
 St. Petersburg, Russia

QUANTITATIVE EVALUATION OF THE ENGLISH CONTRACT LAW SCIENTIFIC DISCOURSE POLITICIZATION

ABSTRACT. *Politicization of legal discourse is one of the topical issues in cognitive linguistics, determined by politicization of the society. Legal discourse is one of the most politicized. The degree of its politicization varies from a priori politicized to simply politicized. But the problem of the level of contract law scientific discourse politicization is still not solved. Studying politicization of the English contract law scientific discourse, the author of this paper aims at defining some terms used to describe political framing of a text, she also introduces new terms to differentiate between axiological and political levels of the analyzed scenario. The paper discusses the methodology of quantitative evaluation of the level of politicization of the text and discourse in general, the criteria for differentiating between politicized part of discourse and overlap of political and legal discourse. Besides the paper offers the methodology of revealing politicized nucleus of the legal discourse and the methods for its quantitative evaluation. Political framing of the scenarios used by the authors of the texts belonging to the analyzed discourse, the model of logical levels of Bateson – Dilts and SEO – analysis of the semantic nucleus are the tools for research.*

KEYWORDS: *political discourse; political framing; legal discourse; scientific discourse; contract law.*

ABOUT THE AUTHOR: *Gataullina Natalia Anatolievna, Senior Lecturer, Department of Foreign Languages, National research University Higher School of Economics, St. Petersburg, Russia.*

REFERENCES

1. Abadía-Barrero César Ernesto. Neoliberal Justice and the Transformation of the Moral: The Privatization of the Right to Health Care in Colombia // Medical Anthropology Quarterly. 2016. Vol. 30 (1).
 2. Vakhshayn V. S. Freym-analiz kak politicheskaya teoriya // Sotsiologiya vlasti. 2013. № 4.
 3. Gataullina N. A., Kiseleva S. V. Analiz slova consideration s ispol'zovaniem kognitivno-semanticheskogo podkhoda i neyroligicheskikh urovney Beytsona — Diltsa // Aktual'nye problemy filologii : sb. materialov vseros. nauchn. konf. (Kurgan. gos. un-t) / отв. ред. Е. Р. Ратушная. — Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та, 2015.
 4. Danilov M. V. Politizatsiya v sovremennom obshchestve kak ob'ekt politicheskikh issledovaniy // Pyatyy Vseros. kongr. politologov : sb. materialov (Moskva, 20—22 noyab. 2009 g). URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Danilov_RAPN.pdf.
 5. Kameneva V. A. Internet-kommentariy k angloyazychnym stat'yam politicheskoy i kul'turnoy tematiki. Kommunikativnye tseli // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 1 (55). S. 15—19.
 6. Kiseleva S. V. Sushchnost' mnogoznachnogo slova v angliyskom yazyke. — SPb. : Asteron, 2009.

7. Лакофф Дж. Фрейминг демократов / пер. с англ. С. И. Крассы, Е. А. Калиновской // Политическая лингвистика. 2014. № 4 (50). С. 313—318.
 8. Лыкова Н. Н. Терминология правосудия в старофранцузском и древнерусском языках: сопоставительный аспект // Политическая лингвистика. 2016. № 5 (59). С. 142—149.
 9. Современная политическая коммуникация : учеб. пособие / отв. ред. А. П. Чудинов / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2009.
 10. Халипов В. Ф., Халипова Е. В. Власть. Политика. Государственная служба : словарь. — М. : Луч, 1996.
 11. Шмитт К. Теория партизана. — М. : Праксис, 2007.
 12. Эдельман М. Категоризация и политика // Политическая лингвистика. 2016. № 4 (58). С. 244—250.
 13. Bateson G. Steps to an ecology of mind: collected essays in anthropology, psychiatry, evolution, and epistemology. — San Francisco : Chandler Publ. Co, 1972.
 14. Dilts Robert B. Strategies of Genius. Vol. 2. Albert Einstein.— Capitola, California : Meta Publications, 1994.
 15. Nolfi Edward A. Legal Terminology Explained. — New York, USA : McGraw-Hill Higher Education, 2009.

7. Lakoff Dzh. Freyming demokratov / per. s angl. S. I. Kras-sy, E. A. Kalinovskoy // Politicheskaya lingvistika. 2014. № 4 (50). S. 313—318.
 8. Lykova N. N. Terminologiya pravosudiya v starofran-tsuzskom i drevnerusskom yazykakh: sopostavitel'nyy aspekt // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 5 (59). S. 142—149.
 9. Sovremennaya politicheskaya kommunikatsiya : ucheb. posobie / отв. ред. А. П. Чудинов / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2009.
 10. Khalipov V. F., Khalipova E. V. Vlast'. Politika. Gosudar-stvennaya sluzhba : slovar'. — M. : Luch, 1996.
 11. Shmitt K. Teoriya partizana. — M. : Praksis, 2007.
 12. Edel'man M. Kategorizatsiya i politika // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 4 (58). S. 244—250.
 13. Bateson G. Steps to an ecology of mind: collected essays in anthropology, psychiatry, evolution, and epistemology. — San Francisco : Chandler Publ. Co, 1972.
 14. Dilts Robert B. Strategies of Genius. Vol. 2. Albert Ein-stein.— Capitola, California : Meta Publications, 1994.
 15. Nolfi Edward A. Legal Terminology Explained. — New York, USA : McGraw-Hill Higher Education, 2009.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. С. В. Киселёва.

Л. В. Енина
Екатеринбург, Россия

ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ДИСКУРСИВНЫЙ КОНЦЕПТ И МЕХАНИЗМЫ ДИСКУРСИВНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ

АННОТАЦИЯ. Статья начинается обзором традиций исследования идентичности и соответствующих направлений отечественной лингвистики. Автор придерживается мягкой концепции идентичности, опираясь на труды М. Фуко и Э. Лакло и Ш. Муффа, и, продолжая разработывать теорию дискурсивной идентичности, разграничивает понятия «идентичность» и «идентификация». В статье ставится вопрос не о репрезентации идентичности в дискурсе, а о том, как идентичность структурируется в дискурсе. Впервые предлагается рассмотреть идентичность (индивида или группы) как комплекс идентификаций, организованных в дискурсе по сетевому принципу. Семантика идентификаций может быть сходной, взаимодополняющей или взаимоисключающей, но все идентификации, разнородные структурно и семантически, связаны с одним и тем же дискурсивным концептом. Дискурсивная идентичность конструируется идентификациями разных тематических направлений, поэтому определяющими свойствами дискурсивной идентичности являются динамичность, множественность, ситуативность. Анализ идентичности может касаться как исследования сетевой структуры концепта в рамках определенного дискурса, так и рассмотрения дискурсивных практик ее конструирования. Также в статье рассмотрены лингвистические способы идентификации и сформулированы механизмы дискурсивной идентификации: признаковый, нарративный и структурный.

Предлагаемый подход к исследованию идентичности позволяет показать динамический, «плавающий» характер идентичности в дискурсе. Идентичность как дискурсивный концепт образует единство не благодаря смысловой согласованности высказываний, а благодаря одновременному воспроизведению нескольких ценностных практик идентификации, вступающих в конкурентную дискурсивную борьбу за «истинное» определение идентичности. Теоретические положения раскрываются на материале российских СМИ.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: дискурсивные практики; дискурсивная идентичность; концепты; медиадискурс; средства массовой информации; язык СМИ.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Енина Лидия Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и стилистики Департамента журналистики Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; 620051, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, 51; e-mail: enina.lidia@gmail.com.

В гуманитарных науках можно выделить две основные традиции понимания идентичности (в данном случае неважно, чьей идентичности — индивида или группы), эти традиции, говоря словами Роджерса Брубейкера, представляют собой «жесткую и мягкую концепции идентичности» [Брубейкер 2012: 84]. Упрощенно представляя эти концепции, можно сказать, что жесткая концепция фиксируется на поиске устойчивости, целостности, однородности идентичности. А мягкая концепция делает акцент на изменчивости, фрагментарности, множественности идентичности.

В отечественной лингвистике жесткая концепция идентичности является одной из наиболее распространенных. С этих позиций идентичность рассматривается как психологический процесс отождествления себя (другого) с какой-либо общностью, на этот процесс влияет жизненный опыт и социальное окружение. Язык занимает «срединное» положение между сознанием и действительностью, соответственно, с помощью языковых единиц проявляется результат психологического процесса отождествления.

В рамках жесткой концепции идентичности одним из лингвистических способов постичь национальную/этническую идентичность является изучение языковой картины мира [Попова, Стернин 2010], национальных русских концептов [Шмелев 2002, см. также: Логический анализ языка. Истина и истин-

ность в культуре и языке 1995 и др.]. В ряду изучения концептов активно описываются лингвокультурные типажи как идентификационные ориентиры для представителей определенной культуры: «русский интеллигент», «русский дворянин», «калмыцкий кочевник», «английский бизнесмен», «американский супермен», «пижон», «менеджер», «начальник» [Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажи 2005].

Проблематика идентичности в лингвистических исследованиях присутствует при обращении к понятию «речевой портрет», коррелирующему с понятием «языковая личность» [Караулов 1989]. Этот термин употребляется в социолингвистических исследованиях при описании индивидуального или типового речевого поведения представителей социальной группы: маргинальная языковая личность [Николаева 1991]; современный русский интеллигент [Крысин 2001]; современные российские политики [Китайгородская, Розанова 1999] и др.

Проблематику идентичности находим в исследованиях коммуникативного поведения. Речевое поведение человека обнаруживает зависимость от целенаправленной ориентации на свое/чужое социокультурное пространство [Прохоров, Стернин 2006; Язык русского зарубежья 2001]. Прагмалингвистический подход к речевому поведению обращается к феномену идентичности с точки зрения самопрезентации личности (по-

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 16-04-00460 «Национально-гражданская идентичность россиян в дискурсе СМИ: концепт „информационная война“ как мобилизационный фактор идентификации».

© Енина Л. В., 2016

дробнее о соотношении идентичности и самопрезентации см.: [Лаппо 2013: 32—42]: изучаются коммуникативные стратегии и тактики, позволяющие определенным образом влиять на адресата, намеренно оказывать на него воздействие благодаря демонстрируемым качествам личности [Борисова 2005; Иссерс 1999; Громова 2007 и др.].

Жесткая концепция идентичности помогает обнаружить коммуникативные и лингвистические маркеры, репрезентирующие уже сформулированную исследователем идентичность, таксономически описать лингвокультурные типажи, концепты, стереотипы, бытующие в коллективном когнитивном пространстве представителей определенного культурного сообщества, но не проблематизирует понятие идентичности и оставляет за скобками вопрос о ее изменчивости. Говоря словами Е. В. Леоновой: «То есть носитель идентичности в представленных дискурсивных условиях, по сути, отвечает на вопрос „Какие качества своей личности стоит проявить в данной ситуации, чтобы произвести положительное / нужное впечатление?“ вместо „Кто я и какой я есть на самом деле?“» [Леонова 2010: 71].

Мягкая концепция идентичности обязана своим происхождением социальному конструктивизму и предлагает смотреть на идентичность прежде всего как на социальную переменную, имеющую исключительно символическое — дискурсивное — измерение. Мы опираемся на понимание дискурса в русле идей М. Фуко — как относительно устойчивое поле смыслов и знаков, упорядочиваемых группами дискурсивных практик [Фуко 1996; Чепкина 2000]. «Как идеологическая конструкция идентичность складывается в языке и ни в какой другой форме, кроме форм языка, не существует. Неверно говорить, что идентичность отражается в языке, выражается через язык или опосредуется при помощи языка. Это позволило бы заключить, что идентичность существует как самостоятельная сущность где-то вне и независимо от языка. Идентичность дискурсивна, то есть лингвистична» [Сандомирская 2001: 45]. С нашей точки зрения, следует говорить не столько о лингвистической, сколько о дискурсивной природе идентичности, как это делает, например, О. Г. Ревзина, вводя понятие лингвистики дискурса: «...лингвистику дискурса не занимает вопрос о связном, завершённом тексте, о принципах его устройства; ее измерение — это проникновение сквозь разные тексты. Нужно выйти к той форме бытования языка, которая дана не на уровне конструктов (порождение, понимание — то, что происходит в сознании

субъекта, и то, что непосредственно недоступно наблюдению), а на уровне материальной телесности. Этим уровнем является реально высказанное, произнесенное, закреплённое „на белизне бумаги“, так что единицей дискурса является высказывание» [Ревзина 1999: 27; см. также: Батлер 2000; Лаппо 2013; Савкина 2001; Слободяник 2007]. Иными словами, говорящий в процессе речи всегда конструирует свою или чужую идентичность и пользуется для этого доступными ему дискурсивными смыслами, которые он принимает за нормативные в конкретной ситуации общения.

Такое положение противоречит здравому смыслу относительно того, что идентичность скрывается во внутреннем мире говорящего и в его речи она только *проявляется* или не проявляется, в зависимости от прагматических условий коммуникации. Однако научное знание необязательно должно согласовываться со здравым смыслом: то, что Земля вращается вокруг Солнца, тоже противоречит здравому смыслу, однако как научный факт не оспаривается, по крайней мере, в современной науке. М. А. Лаппо находит для говорящего примирение со здравым смыслом, когда пишет, что «вероятно, говорящий *конструирует* идентичность, имея уверенность в том, что он ее *выражает* (репрезентирует)» [Лаппо 2013: 30].

Лингвист, который придерживается мягкой концепции идентичности, может поставить вопрос не о репрезентации идентичности средствами языка, а о том, как идентичность структурируется в дискурсе.

Дискурсивная идентичность задается набором дискурсивных знаков, которые не обладают однозначностью интерпретации, поэтому ее определяющими свойствами являются динамичность, множественность, ситуативность. Динамичность указывает на способность идентичности к трансформации в текущей коммуникации, множественность подчеркивает ее семантическую неоднородность, ситуативность связана с закономерностями организации конкретного дискурса. При таком понимании идентичности и ее свойств она есть всегда промежуточный результат условных социальных, в том числе дискурсивных процессов. Говоря «промежуточный», мы подчеркиваем невозможность завершения процесса идентичности. Дискурсивная идентичность подобна течению реки, которое нельзя остановить, но можно сфотографировать. Принимая во внимание эту специфику дискурсивной идентичности, необходимо при ее выявлении учитывать временные и иные границы исследуемого

дискурса.

Признание свойства «множественности» дискурсивной идентичности может вызывать опасения в том, что в этом случае само понятие идентичности как отождествления с чем-то устойчивым распадается, и тогда возможно ли вообще говорить о структуре дискурсивной идентичности? Мы считаем, что для того чтобы вести речь о структуре дискурсивной идентичности, необходима другая **категория анализа**: мы должны сместить свой взгляд с понятия идентичности на понятие идентификации как отдельного дискурсивного акта установления тождества или различия с чем-/кем-нибудь. «Идентификация лишена „овеществляющих“ коннотаций идентичности» [Брубейкер 2012: 89; см. также: Филлипс, Йоргенсен 2008].

С собственно лингвистической точки зрения идентификация может быть осуществлена с помощью слова (*преподаватель, журналист, добрый, красивый*), словосочетания (*председатель правительства, заведующий кафедрой, русский патриот*), клишированного выражения (*все бабы дуры*), законченного смыслового фрагмента (например, слова Сергея Доренко о долге журналиста: *если на любую радиостанцию, в любое средство массовой информации звонит человек и говорит: я с места аварии, то твой долг его выслушать*) или текста (например, мемуары или личный дневник). Семантическое наполнение выделенных единиц определяется только исходя из конкретной коммуникативной ситуации и дискурса в целом. Разумеется, семантика идентификаций может быть сходной, взаимодополняющей или взаимоисключающей, но все идентификации, разнородные структурно и семантически, связаны с одним и тем же дискурсивным знаком.

Таким образом, после введения понятия «идентификация» мы можем предложить следующее определение дискурсивной идентичности. Дискурсивная идентичность — это дискурсивный концепт, организованный по сетевому принципу (мы опираемся на понимание дискурсивного концепта, предложенное Э. В. Чепкиной: «В связи с анализом определенного дискурса рассматриваются только такие концепты, которые принадлежат этому дискурсу и не могут отождествляться с ментальными структурами реальных коммуникантов, действующих в данном дискурсивном пространстве» [Чепкина 2000: 10]), т. е. это нецентрированный комплекс идентификаций, он связан тематически, может иметь разные смысловые конфигурации на основе отношений подобия, различия, смежности и других и способен

трансформироваться за счет добавления новых идентификаций и изменения смысловых отношений между ними.

Анализ идентичности может касаться как исследования структуры концепта в рамках определенного дискурса, так и рассмотрения дискурсивных практик ее конструирования. Под дискурсивными практиками понимаются закономерности передачи и развертывания смыслов [Чепкина, Енина, 2012; см. также: Майданова, Чепкина 2011; Иссерс 2014]. «Концептуальный анализ не может сводиться к исчислению контекстов употребления. Более реалистичным представляется путь гипотетического реконструирования символических практик, т. е. семантических, прагматических и культурно-идеологических „ходов“ создания и воспроизведения дискурса, реконструирование логики диалога между разными символическими образованиями» [Сандомирская 2001: 27].

В отечественной лингвистике традиционно рассматривают структуру концепта как фреймовую структуру [Карасик, Дмитриева 2005; Попова, Стернин 2010 и др.]. Мы считаем важным подчеркнуть, что дискурсивный концепт организован иначе, чем экспликация в языке фрейма-концепта, соотносимого с ментальными структурами. Дискурсивный концепт не рассматривается отдельно от дискурса, его сетевая структура присутствует в отдельном тексте, но не исчерпывается им, а находит продолжение в других текстах. Имя дискурсивного концепта имеет более или менее устойчивый смысл, но допускает возможность его семантических изменений в результате конкуренции дискурсивных практик, его структурирующих. «В качестве организующего средства сети обладают неоспоримыми преимуществами благодаря свойственным им гибкости и адаптируемости» [Кастельс 2004: 13].

По словам Л. Филлипс и М. Йоргенсен, «все подходы к дискурсу-анализу... построены на идеях Фуко об истине. Он понимает ее как нечто, что создается дискурсивно» [Филлипс, Йоргенсен 2008: 35]. Однако в силу специфики организации дискурса СМИ нам ближе концепция дискурса Муфф и Лакло, которые делают акцент на том, что в каждом историческом периоде сосуществуют различные дискурсы, борющиеся за право определять истину и присваивать ее дискурсивному знаку, в том числе концепту [Laclau, Mouff 1985].

Применив этот тезис к дискурсу СМИ, мы видим, что СМИ порождают такое дискурсивное пространство, в котором одновременно циркулируют разные, в том числе взаимоисключающие, мнения и транслиру-

ются, явным или скрытым способом, разные ценностно-нормативные, политические, профессиональные ориентиры. Это не разрушает дискурс СМИ, который, как и всякий дискурс, структурируется правилами формирования объектов и концептов, правилами формирования субъектных позиций дискурса, подчиняющихся процедурам включения и исключения [см: Фуко 1996; Енина, Чепкина 2012 и др.]. Но в дискурсе СМИ ценностные практики (доктринальные — в терминологии М. Фуко) имеют принципиальную разнородность. Ценностные (доктринальные) дискурсивные практики — это вербализованная ценностная позиция говорящего в дискурсе СМИ: «...последовательное отстаивание каких-либо социальных и политических теорий прослеживается в политической ориентации органов СМИ» [Чепкина 2000: 71]. Ценностная позиция — доктрина — способна дать основание групповой идентичности, она объединяет говорящих в определенные, в том числе и виртуальные, группы.

Для иллюстрации того, как возможно исследовать дискурсивную идентичность в СМИ, приведем в пример относительно недавнее событие в сфере российского искусства: фильм «Левиафан» Андрея Звягинцева имел большой успех на международных кинофестивалях и получил широкое обсуждение в российском обществе. В российских СМИ цитировались и порицатели, и почитатели этого режиссера. В связи с этим можно говорить о конструировании идентичности Андрея Звягинцева в дискурсе СМИ.

Покажем это на примере подборки мнений экспертов о режиссере и его картине в тексте «„Левиафан“ — красавец или чудовище?» газеты «Известия» [«Левиафан» — красавец или чудовище? 2015]. Конечно, дискурсивная идентичность не исчерпывается идентификациями, взятыми из отдельного текста, но в каждом тексте присутствует набор знаков и тематические направления идентификации концепта, которые входят в общую сеть дискурсивного концепта «Андрей Звягинцев».

Охарактеризуем журналистский текст. С позиции норм качественной журналистики, подборка проведена корректно и представлено 11 мнений. В качестве экспертов выбраны деятели киноиндустрии, занимающие высокие должности и в основном известные широкой публике: президент фестиваля «Артдокфест» и национальной премии в области неигрового кино «Лавровая ветвь», режиссер-документалист Виталий Манский; президент международного кинофорума «Золотой витязь», народный артист РФ Николай Бурляев; режиссер, народный артист

РФ Владимир Хотиненко; режиссер Юрий Быков; председатель Киносоюза, режиссер Андрей Прошкин; председатель комитета по культуре Госдумы, народный артист РФ, режиссер Станислав Говорухин; гендиректор «Ленфильма» Эдуард Пичугин; член Американской киноакадемии, режиссер Сергей Бодров; режиссер Алексей Герман-младший; киновед, программный директор Московского кинофестиваля Кирилл Разлогов; гендиректор Госфильмофонда Николай Бородачев (эксперты перечислены в порядке очередности представления их мнения в тексте). Если отрешиться от персоналистического взгляда на экспертов, можно увидеть, что практики отбора экспертов прежде всего ориентированы на их высокий институциональный статус.

Дискурсивный концепт — это сеть множественных идентификаций, поскольку мы обращаемся только к одному тексту, то, естественным образом, ряд идентификаций отсутствует, так, (авто)биографические практики в конструировании концепта «Андрей Звягинцев» здесь не представлены, но могут быть добавлены за счет других медиатекстов. Концепт «Андрей Звягинцев» в анализируемом тексте представлен базовой идентификацией, базовой, т. е. не подвергающейся смысловым изменениям. Это идентификация по принадлежности к профессиональной группе: «Андрей Звягинцев — режиссер». Базовая идентификация выступает дискурсивным знаком с неизменным значением в данном тексте. Однако дискурсивная борьба разворачивается за присвоение оценочного смысла этой базовой идентификации. Далее мы задаем вопрос: какие тематические направления актуализированы в обсуждении режиссера и его картины? Смысловое развитие этой базовой идентификации движется в нескольких направлениях. Сеть концепта задают идентификации пяти тематических направлений: (1) высокая эстетическая оценка работы режиссера; (2) идейное содержание фильма, заложенное режиссером; (3) влияние фильма Звягинцева на авторитет России; (4) влияние фильма Звягинцева на РПЦ; (5) соблюдение законодательства при выходе фильма.

В каждом высказывании экспертов перечисленные тематические направления имеют разную сочетаемость. Для цитирования мы выбираем законченный смысловой фрагмент высказывания, связанный с одним из тематических направлений.

Тематические направления, представленные единичными идентификациями в анализируемом тексте, свидетельствуют о потенциальности их развития в дискурсе СМИ: это

влияние фильма на РПЦ (*фильм сильно бьет по РПЦ* (Николай Бурляев)) и соблюдение законодательства при выходе фильма: *Я за этим фильмом слежу уже давно, он вышел с нарушением законодательства: обязательный экземпляр не был вовремя сдан в Госфильмофонд РФ. Сейчас он у нас уже имеется* (Николай Бородачев). Эти идентификации сосуществуют с другими идентификациями, но не пресекаются с ними.

Достаточно широко представлено тематическое направление, которое формируется идентификациями, содержащими положительную эстетическую оценку картины Звягинцева: *Мне кажется, Звягинцев снял хорошее кино* (Станислав Говорухин); *Звягинцев снял серьезную и убедительную картину, понятную западному зрителю* (Сергей Бодров); *Звягинцев — художник, а не конъюнктурщик. Мнение, что „Левиафан“ получил призы только за конъюнктуру, — это чушь на постном масле. Всё гораздо проще: замечательный режиссер снял достойную работу* (Андрей Прошкин). В последнем примере показательно, что в идентификации присутствует противопоставление *художник, а не конъюнктурщик*. Дискурсивный знак «конъюнктура», реализующий смысл «выгода на данный момент», повторяется в 9 высказываниях экспертов из 11. Эксперты могут отрицать влияние конъюнктуры, объяснять ею успех режиссера на Западе или указывать на «особый случай», как, например: *За рубежом социально-критические фильмы из России вызывают большой интерес. Я сознаю, что в случае с „Дураком“ (фильм Быкова завоевал на престижном фестивале в Локарно приз за лучшую мужскую роль. — „Известия“) решающую роль сыграл именно этот момент. И здесь нет ничего удивительного. Но с „Левиафаном“ ситуация несколько иная* (Юрий Быков).

Вне зависимости от приписывания конъюнктурных соображений режиссеру или их отрицания, само присутствие этого дискурсивного знака говорит о том, что в тематическом направлении «идейное содержание фильма, заложенное режиссером» знак «конъюнктура» вносит дополнительный смысл к базовой идентификации «Андрей Звягинцев — режиссер».

Также во всех высказываниях экспертов повторяются еще два дискурсивных знака — «Россия» и «Запад» (встречаются 11 раз из 11). Дискурсивный знак «Запад» выступает не только географическим понятием, включающим Европу и США, но и оценочно нагруженным — смыслы враждебности по отношению к России повторяются 9 раз из 11.

Благодаря дискурсивному знаку «Россия» в тексте формируются две ведущие цепочки идентификаций, в оценочном отношении противоположных: (1) «Андрей Звягинцев» повышает авторитет России: *надо гордиться тем, что наша страна представлена в ведущих мировых конкурсах* (Эдуард Пичугин). (2) Андрей Звягинцев уменьшает авторитет России: *Мне очень жаль, что Андрей пошел таким путем, ведь он очень одаренный человек, который в прошлом снимал прекрасные фильмы. Я не знаю, диктуют ему продюсеры или западные спонсоры, но он выполняет заказ по дискредитации нашей страны* (Николай Бурляев). Мы считаем, что выбор идентификаций в пользу «повышения авторитета» или в пользу «умаления авторитета» есть реализация ценностных дискурсивных практик государственнического дискурса, суть которого в том, что защита государственных интересов важнее частных, профессиональных интересов или интересов гражданского общества в целом.

Говорящий, оценивая режиссера и его произведение с точки зрения влияния на авторитет государства, воспроизводит практики этого дискурса. Следование государственническому дискурсу может воплощаться и в смыслах, незначимых для текста в целом. Так, слова А. Германа-младшего мимоходом воспроизводят государственнический дискурс в сравнении России и Исландии, и хотя следующей фразой он снижает этот пафос, нам важно подчеркнуть, что при конструировании идентичности «Андрей Звягинцев — режиссер» этот дискурс актуализируется: *Наверное, к „Левиафану“ выше внимание, чем к какому-нибудь фильму, скажем, из Исландии. Но разговоры о том, что Звягинцеву дают награды только из-за ситуации в отношениях между Россией и Америкой, — преувеличение. Голливуд и американский кинематограф живут своей жизнью, и, конечно, премия вручается потому, что картина просто понравилась*.

В нашем понимании государственнический дискурс перекликается с дискурсом о Родине, дискурсивные практики которого описаны И. Сандомирской [Сандомирская 2001]. Перекликается в том, что в дискурсе российских СМИ редуцировалась коммунистическая идеология, но сохранились смыслы преданности Родине как государственному образованию. «Сознательное отношение к Родине — это отношение убежденного коммуниста и свободного гражданина, добровольно отдающего свой труд на благо общества» [Сандомирская 2001: 74]. След дискурсивных практик сознательного отношения

к труду на благо Родины обнаруживается в словах другого эксперта: *Может быть, какие-то художественные достоинства у этого фильма есть, но мне совершенно не близка сама подача. Ту же историю можно было бы показать в другом качестве, более интеллектуально и дипломатично. В советский период соревновались, кто в СССР хуже напишет про США, а в США — про СССР. Поэтому как российского режиссера Звягинцева я не очень понимаю* (Николай Бородачев). Признание эксперта в непонимании *российского режиссера Звягинцева* и припоминание советских норм для творческих профессий маркирует идентификацию Звягинцева как нарушающего в своем творчестве неписанные правила проявления сознательности по отношению к Родине (России): плохо о чужих и хорошо о своих.

Сделаем вывод. Для концепта «Андрей Звягинцев» в данном тексте базовой идентификацией является идентификация по принадлежности к профессиональной группе: «Андрей Звягинцев — режиссер». Сеть идентификаций образуют пять тематических направлений. В тематических направлениях мы можем выделить две неустойчивые дискурсивные зоны, в которых заметна дискурсивная борьба за право определить «истинный» смысл идентификации.

Во-первых, конкурируют идентификации из профессионального дискурса: (а) высокая эстетическая оценка работы режиссера и (б) режиссер выбирает конъюнктурные темы.

Во-вторых, конкурируют практики идентификации из государственнического дискурса: (а) идентификации с положительной оценкой режиссера, потому что он повышает авторитет России, и (б) идентификации с отрицательной оценкой режиссера, потому что он умаляет авторитет России.

Концепт в данном тексте образует дискурсивное единство не благодаря смысловой согласованности высказываний, а благодаря одновременному воспроизведению нескольких ценностных практик, вступающих в конкурентную дискурсивную борьбу относительно концепта «Андрей Звягинцев — режиссер».

Журналистский текст, в котором можно обнаружить численное превосходство определенных ценностных практик наряду с единичными идентификациями, порождает ситуацию выбора читателем из множества идентификаций такой идентификации, с которой он солидарен.

Применительно к дискурсивной идентичности возможно снять оппозицию идентификаций по основанию индивидуальной или коллективной принадлежности. Вслед за фран-

цузскими философами Э. Лакло и Ш. Муфф считаем, что четкие различия между этими типами идентификаций отсутствуют потому, что оба типа организованы с помощью одних и тех же дискурсивных процессов и по одним и тем же принципам [Laclau, Mouff 1985: 113]. Групповая идентичность предполагает сокращение репертуара идентификаций по сравнению с индивидуальной. «Люди конституируют группы благодаря процессу, в котором определенные возможности идентификации, как наиболее релевантные, выходят на первый план, а другие игнорируются» [Филлипс, Йоргенсен 2008: 85]. Это означает, что в дискурсе СМИ при установлении идентичности одного режиссера или всей профессиональной группы выделенные идентификации могут иметь иную конфигурацию, могут быть расширены или сокращены.

Однако множественность идентификаций дискурсивной идентичности состоит не только в количественных и качественных различиях. Идентификация может быть осуществлена с помощью разных дискурсивных механизмов, что открывает еще одно направление исследования дискурсивной идентичности.

Первый идентификационный механизм обозначим как «признаковый» и воспользуемся определением, предложенным С. Жижекком. Идентификация — «это тот значимый признак, который, согласно лакановскому определению означающего, „репрезентирует субъекта другому означающему“. Этот признак получает конкретную, узнаваемую форму в соответствии с именем или мандатом, принимаемым субъектом и/или налагаемым на него» [Жижек 1999: 109]. Например: *Фильм Звягинцева — безусловно, великое искусство* (Кирилл Разлогов).

Признаковая идентификация может быть присвоена через отрицание признака. Это соотносится с понятием негативной идентификации, понимаемой в работах Льва Гудкова как «самоконституция от противного, от другого значимого предмета или представления, но выраженная в форме отрицания каких-либо качеств или ценностей у их носителей — в виде чужого, отвратительного, пугающего, угрожающего, персонифицирующего все, что неприемлемо для членов группы или сообщества, короче, в качестве антипода» [Гудков 2004: 271]. Например: *В фильме Звягинцева нет огульной критики России, как иногда утверждается, а есть критика любого бюрократического общества. ... Это не антироссийский фильм по своей сути...* (Кирилл Разлогов).

Негативная идентификация в дискурсе СМИ часто воспроизводится как знак чужого

мнения для того, чтобы отказаться от него. В следующем фрагменте негативный признак присваивается *России* со ссылкой: *Запад хочет видеть нашу страну именно такой, какой показал ее Звягинцев — маргинальной, пьяной и непотребной* (Николай Бурляев). С одной стороны, отрицательно-оценочная идентификация *России* с точки зрения *Запада* одновременно отрицательно-оценочно идентифицирует и *Запад*, что, скорее всего, и является целью говорящего. Но с другой стороны, хотя далее контекст подсказывает несогласие Н. Бурляева с этой точкой зрения, мы считаем достойным исследовательского внимания сам факт воспроизведения негативной идентификации.

Второй идентификационный механизм — нарратив, история, повествование. Вообще понятие нарративной (повествовательной) идентификации связано с именем Поля Рикера, объединившего в исследованиях идеи личной и групповой идентичности со способом рассказывания жизненной истории [Рикер 1995; Рикер 2008]. В этом случае идентификация представляет собой рассказанную историю или отдельный сюжетный ход с ожидаемой (предсказуемой) завязкой и развязкой. Связная история требует от рассказчика ретроспективно усматривать некую направленность жизненных событий, увязывать их в значимую последовательность, постфактум придавать некоторым событиям значимость или лишать их ее. В анализируемом тексте нарративный механизм представлен скупой, только привычной метафорой *пути* и хронологической оппозицией *прошлое — настоящее Звягинцева: Мне очень жаль, что Андрей пошел таким путем, ведь он очень одаренный человек, который в прошлом снимал прекрасные фильмы. Я не знаю, диктуют ему продюсеры или западные спонсоры, но он выполняет заказ по дискредитации нашей страны* (Николай Бурляев).

В «признаковом» и нарративном типе идентификации скрывается еще один тип идентификации, но, так скажем, на другом уровне — это структурная идентификация. Этот тип идентификации заставляет исследователя задать вопрос: откуда надо смотреть, чтобы увидеть этот значимый признак? Или иначе: с какого местоположения в каком дискурсе эта идентификация видится нормативной? Словами Жижика, «это всегда идентификация с оглядкой на Другого» [Жижик 1999: 111]. Выделение структурной идентификации согласуется с выделением субъектной позиции в дискурсе (понятие субъектной позиции восходит к идеям М. Фуко, рассматривающего всякого говорящего как

находящегося внутри дискурсивной структуры и (вос)производящего совокупность определенных дискурсивных практик, которые и конституируют субъектную позицию [Фуко 1996]. См. также: [Савкина 2001; Филлипс, Йоргенсен 2008; Чепкина, Енина 2012]). Субъектная позиция относительно стабильна и представляет собой нормативную позицию дискурса с ожидаемыми речевыми действиями для говорящего в конкретной коммуникативной ситуации. Правда, норма в этом случае, говоря словами Дж. Батлера, «не обладает независимым онтологическим статусом, хотя свести ее только к конкретизациям довольно нелегко; она сама воспроизводится через собственные воплощения — посредством ориентированных на нее поведенческих актов» [Батлер 2011: 20]. Так, выше мы уже обозначили субъектную позицию дискурса защиты интересов государства (государственности), которая воспроизводится, несмотря на различие экспертных мнений об Андрее Звягинцеве. Кроме того, журналист, предваряя мнение экспертов, пишет: *Социальная драма „Левиафан“ Андрея Звягинцева завоевала американскую кинопремию „Золотой глобус“ в номинации „Лучший фильм на иностранном языке“. Это первая подобная награда в истории нового российского кино и вторая — для всего отечественного кинематографа (в 1969 году „Золотой глобус“ Советскому Союзу принесла „Война и мир“ Сергея Бондарчука)*. В последней фразе наблюдаем пересечение практик профессионального дискурса *награда в истории нового российского кино, отечественного кинематографа* и практик государственнического дискурса — труд на благо страны: *„Золотой глобус“ Советскому Союзу принесла „Война и мир“ Сергея Бондарчука*.

Подводя итог, скажем, что направления исследований дискурсивной идентичности стремятся выявить закономерности организации множественных идентификаций, связанных тематически с исследуемым концептом дискурса, и определить дискурсивные практики идентификации, конкурирующие за его «истинное» смысловое наполнение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типы : сб. науч. тр. / под ред. В. И. Карасика, Г. Г. Слышкина. — Волгоград : Перемена, 2005. — 310 с.
2. Батлер Дж. Гендерное беспокойство // Антология гендерной теории : сб. пер. / сост. и комментарии Е. И. Гапоновой, А. Р. Усмановой. — Минск, 2000. С. 297—346.
3. Батлер Дж. Гендерное регулирование // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. 2011. № 2 (76). С. 11—29.
4. Борисова И. Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика. — М. : КомКнига, 2005. 320 с.

5. Брубейкер Р. Этничность без групп. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 408 с.
6. Громова В. М. Конструирование идентичности в интернет-дискурсе персональных объявлений: автореф. ... канд. филол. наук / Удмурт. гос. ун-т. — Ижевск, 2007.
7. Гудков Л. Негативная идентичность. Статьи 1997—2002 годов. — М.: Новое литературное обозрение, 2004. 816 с.
8. Жижек С. Возвышенный объект идеологии. — М.: Художественный журнал, 1999. 236 с.
9. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. — Омск: Изд-во ОмГУ, 1999. 285 с.
10. Иссерс О. С. Дискурсивная практика: к определению понятия // Современная речевая коммуникация: новые дискурсивные практики: моногр. / отв. ред. О. С. Иссерс. — Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2011. С. 37—61.
11. Карасик В. И., Дмитриева О. А. Лингвокультурный типаж: к определению понятия // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажы: сб. науч. тр. / под ред. В. И. Карасика, Г. Г. Слышкина. — Волгоград: Перемена, 2005. С. 5—24.
12. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. — М.: Наука, 1989. 264 с.
13. Кастельс М. Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе. — Екатеринбург: У-Фактория: при участии изд-ва Гуманитарного ун-та, 2004. 328 с.
14. Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Речь москвичей: коммуникативно-культурологический аспект. — М.: Русские словари, 1999. 396 с.
15. «Левиафан» — красавец или чудовище? // Известия: газ. 2015. 12 янв. URL: <http://izvestia.ru/news/581701> (дата обращения: 5.11.2016).
16. Крысин Л. П. Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1. С. 90—106.
17. Лаппо М. А. Самоидентификация: семантика, прагматика, языковые ресурсы. — Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2013. 180 с.
18. Леонова Е. В. К вопросу о дискурсивном пространстве формирования и вербализации идентичности // Языковые и культурные контакты: сб. науч. трудов. — Саратов: СГУ, 2010. С. 68—73.
19. Логический анализ языка. Истина и истинность в культуре и языке. — М.: Наука, 1995. 202 с.
20. Майданова Л. М., Чепкина Э. В. Медиатекст в идеологическом контексте. — Екатеринбург: Гуманитарный ун-т, 2011. 304 с.
21. Николаева Т. М. «Социолингвистический портрет» и методы его описания // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики: докл. Всесоюз. науч. конф. (Москва, 20—23 мая 1991 г.). — М.: Ин-т русского языка АН СССР, 1991. Ч. 2. С. 69—74.
22. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. — М.: АСТ: Восток — Запад, 2010. 314 с.
23. Прохоров Ю. Е., Стернин И. А. Русские: коммуникативное поведение. — М.: Флинта: Наука, 2006. 238 с.
24. Ревзина О. Г. Язык и дискурс // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9, Филология. 1999. № 1. С. 25—33.
25. Рикер П. Повествовательная идентичность // Герменевтика. Этика. Политика (московские лекции и интервью) / П. Рикер. — М.: КАМІ, 1995. 159 с.
26. Рикер П. Я-сам как другой: пер. с франц. — М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2008. 416 с. (Французская филология XX века).
27. Савкина И. «Пишу себя...». Автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века. — University of Tampere, 2001. 360 с.
28. Сандомирская И. Книга о родине. Опыт анализа дискурсивных практик // Wiener Slawistischer Almanach. 2002. Sonderband 50. 281 S.
29. Слободяник Н. Б. Конструирование идентичности в политическом дискурсе: к вопросу о роли социального антагонизма (о концепции политического дискурса Лаклау и Муффа) // Политическая лингвистика. 2007. Вып. 2 (22). С. 60—67.
30. Филлипс Л. Дж., Йоргенсен М. В. Дискурс-анализ: теория и метод. — Харьков: Гуманитарный центр, 2008. 352 с.
31. Фуко М. Порядок дискурса // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности: работы разных лет / М. Фуко. — М.: Касталь, 1996. С. 47—97.
32. Чепкина Э. В. Русский журналистский дискурс: текстопорождающие практики и коды (1995—2000). — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. 279 с.
33. Чепкина Э. В., Енина Л. В. Дискурсивные практики журналистики: метод анализа // Стилистика завтрашнего дня: сборник статей к 80-летию профессора Григория Яковлевича Солганика. — М.: МедиаМир, 2012. С. 291—308.
34. Шмелев А. Д. Русский язык и внеязыковая действительность. — М.: Языки славянской культуры, 2002. 496 с.
35. Язык русского зарубежья: общие процессы и речевые портреты: коллектив. моногр. / отв. ред. Е. А. Земская. — М.: Языки славянской культуры; Вена: Венский славистический альманах, 2001. 496 с.
36. Laclau E., Mouff C. Hegemony and Socialist Strategy. Towards a Radical Democratic Politics. — London: Verso, 1985. 197 p.

L. V. Enina

Ekaterinburg, Russia

IDENTITY AS A DISCURSIVE CONCEPT AND DISCURSIVE IDENTIFICATION MECHANISMS

ABSTRACT. *The article begins with an overview of identity research traditions in the national linguistics. Following the soft concept of identity, based on the works of Michel Foucault and Laclau/Mouffe, the author continues to develop discursive identity theory and defines the concepts of “identity” and “identification”. The article raises not the question of identity representation in the discourse, but how identity is structured in the discourse. For the first time it is suggested that identity (individual or group) should be treated as a set of identifications, organized in a discourse on the network principle. Semantics of identifications can be similar, complementary or mutually exclusive, but all identifications, that are structurally and semantically diverse, relate to the same discursive concept. Discourse identity is constructed by identifications of different subject areas, so discursive identity defining properties are dynamism, multiplicity, situationality. Identity analysis may relate both to research of network structure concept within a specific discourse and to consideration of its discursive practices constructing. Linguistic methods of identification are also discussed in the article; indicative, narrative and structural discursive identification mechanisms are listed. The suggested approach to the study of identity allows us to show its dynamic, “floating” nature, and, in particular, fixes the discursive struggle for identity semantic content. Identity as a discursive concept forms a unity not because of the semantic consistency of the statements, but of the simultaneous playback of identification practices of multiple values, entering into discursive competition for the “true” definition of identity. Theoretical propositions are based on the material of Russian media.*

KEYWORDS: *discursive practices; discursive identity; concept; media discourse; mass media; mass media language.*

ABOUT THE AUTHOR: *Enina Lidia Vladimirovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Russian and Stylistics, Faculty of Journalism, Institute of Humanities and Arts, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.*

REFERENCES

1. Aksiologicheskaya lingvistika: lingvokul'turnye tipazhi : sb. nauch. tr. / pod red. V. I. Karasika, G. G. Slyshkina. — Volgograd : Peremena, 2005. — 310 s.
2. Batler Dzh. Gendernoe bespokoystvo // Antologiya gendernoy teorii : sb. per. / sost. i kommentarii E. I. Gaponovoy, A. R. Usmanovoy. — Minsk, 2000. S. 297—346.
3. Batler Dzh. Gendernoe regulirovanie // Neprikosnovenny zapas: debaty o politike i kul'ture. 2011. № 2 (76). S. 11—29.
4. Borisova I. N. Russkiy razgovornyy dialog: struktura i dinamika. — M. : KomKniga, 2005. 320 s.
5. Brubeyker R. Etnichnost' bez grupp. — M. : Izd. dom Vyshey shkoly ekonomiki, 2012. 408 s.
6. Gromova V. M. Konstruirovaniye identichnosti v internet-diskurse personal'nykh ob"yavleniy : avtoref. ... kand. filol. nauk / Udmurt. gos. un-t. — Izhevsk, 2007.
7. Gudkov L. Negativnaya identichnost'. Stat'i 1997—2002 godov. — M. : Novoe literaturnoe obozrenie, 2004. 816 s.
8. Zhizhek S. Vozvyshenny ob"ekt ideologii. — M. : Khudozhestvennyy zhurnal, 1999. 236 s.
9. Issers O. S. Kommunikativnye strategii i taktiki russkoy rechi. — Omsk : Izd-vo OmGU, 1999. 285 s.
10. Issers O. S. Diskursivnaya praktika: k opredeleniyu ponyatiya // Sovremennaya rechevaya kommunikatsiya: novye diskursivnye praktiki : monogr. / otv. red. O. S. Issers. — Omsk : Izd-vo Om. gos. un-ta, 2011. S. 37—61.
11. Karasik V. I., Dmitrieva O. A. Lingvokul'turnyy tipazh: k opredeleniyu ponyatiya // Aksiologicheskaya lingvistika: lingvokul'turnye tipazhi : sb. nauch. tr. / pod red. V. I. Karasika, G. G. Slyshkina. — Volgograd : Peremena, 2005. S. 5—24.
12. Karaulov Yu. N. Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'. — M. : Nauka, 1989. 264 s.
13. Kastel's M. Galaktika Internet: razmyshleniya ob Internetе, biznese i obshchestve. — Ekaterinburg : U-Faktoriya : pri uchastii izd-va Gumanitarnogo un-ta, 2004. 328 s.
14. Kitaygorodskaya M. V., Rozanova N. N. Rech' moskvicey: kommunikativno-kul'turologicheskyy aspekt. — M. : Russkie slovari, 1999. 396 s.
15. «Leviafan» — krasavets ili chudovishche? // Izvestiya : gaz. 2015. 12 yanv. URL: <http://izvestia.ru/news/581701> (data obrashcheniya: 5.11.2016).
16. Krysin L. P. Sovremennyy russkiy intelligent: popytka rechevogo portreta // Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii. 2001. № 1. S. 90—106.
17. Lappo M. A. Samoidentifikatsiya: semantika, pragmatika, yazykovye resursy. — Novosibirsk : Izd-vo NGPU, 2013. 180 s.
18. Leonova E. V. K voprosu o diskursivnom prostranstve formirovaniya i verbalizatsii identichnosti // Yazykovye i kul'turnye kontakty : sb. nauch. trudov. — Saratov : SGU, 2010. S. 68—73.
19. Logicheskyy analiz yazyka. Istina i istinnost' v kul'ture i yazyke. — M. : Nauka, 1995. 202 s.
20. Maydanova L. M., Chepkina E. V. Mediatekst v ideologicheskom kontekste. — Ekaterinburg : Gumanitarnyy un-t, 2011. 304 s.
21. Nikolaeva T. M. «Sotsiolingvisticheskiy portret» i metody ego opisaniya // Russkiy yazyk i sovremennost'. Problemy i perspektivy razvitiya rusistiki : dokl. Vsesoyuz. nauch. konf. (Moskva, 20—23 maya 1991 g.). — M. : In-t russkogo yazyka AN SSSR, 1991. Ch. 2. S. 69—74.
22. Popova Z. D., Sternin I. A. Kognitivnaya lingvistika. — M. : AST : Vostok — Zapad, 2010. 314 s.
23. Prokhorov Yu. E., Sternin I. A. Russkie: kommunikativnoe povedenie. — M. : Flinta : Nauka, 2006. 238 s.
24. Revzina O. G. Yazyk i diskurs // Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 9, Filologiya. 1999. № 1. S. 25—33.
25. Riker P. Povestvovatel'naya identichnost' // Germenevtika. Etika. Politika (moskovskie lektzii i interv'yu) / P. Riker. — M. : KAMI, 1995. 159 s.
26. Riker P. Ya-sam kak drugoy : per. s frants. — M. : Izd-vo gumanitarnoy literatury, 2008. 416 s. (Frantsuzskaya filosofiya KhKh veka).
27. Savkina I. «Pishu sebya...». Avtodokumental'nye zhenskije teksty v russkoy literature pervoy poloviny KhIKh veka. — University of Tampere, 2001. 360 s.
28. Sandomirskaya I. Kniga o rodine. Opyt analiza diskursivnykh praktik // Wiener Slawistischer Almanach. 2002. Sonderband 50. 281 S.
29. Slobodyanik N. B. Konstruirovaniye identichnosti v politicheskom diskurse: k voprosu o roli sotsial'nogo antagonizma (o kontseptsii politicheskogo diskursa Laklau i Muff) // Politicheskaya lingvistika. 2007. Vyp. 2 (22). S. 60—67.
30. Fillips L. Dzh., Yorgensen M. V. Diskurs-analiz: teoriya i metod. — Khar'kov : Gumanitarnyy tsentr, 2008. 352 s.
31. Fuko M. Poryadok diskursa // Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti : raboty raznykh let / M. Fuko. — M. : Kastal', 1996. S. 47—97.
32. Chepkina E. V. Russkiy zhurnalistskiy diskurs: tekstoporozhdayushchie praktiki i kody (1995—2000). — Ekaterinburg : Izd-vo Ural. un-ta, 2000. 279 s.
33. Chepkina E. V., Enina L. V. Diskursivnye praktiki zhurnalistiki: metod analiza // Stilistika zavtrashnego dnya : sbornik statey k 80-letiyu professora Grigoriya Yakovlevicha Solganika. — M. : MediaMir, 2012. S. 291—308.
34. Shmelev A. D. Russkiy yazyk i vneyazykovaya deyствitel'nost'. — M. : Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2002. 496 s.
35. Yazyk russkogo zarubezh'ya: obshchie protsessy i rechevye portrety : kollektiv. monogr. / otv. red. E. A. Zemskaya. — M. : Yazyki slavyanskoy kul'tury ; Vena : Venskiy slavisticheskiy al'manakh, 2001. 496 s.
36. Laclau E., Mouff C. Hegemony and Socialist Strategy. Towards a Radical Democratic Politics. — London : Verso, 1985. 197 p.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук Э. В. Чепкина.

А. И. Золотайко
Екатеринбург, Россия

РАСОВОЕ СТЕРЕОТИПИРОВАНИЕ И ВОЙНА С ПОЛИЦИЕЙ

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются проблемы расового стереотипирования (расового профилирования — разыскными действиями, опирающимися на расовые, этнические или национальные признаки, считающиеся характерными для определенного вида преступлений) преступников в США в массмедийном дискурсе и анализируются причины возникновения устойчивых связей между афроамериканцами и преступностью. Автор исследует склонность правоохранительных органов подозревать в совершении правонарушений в первую очередь представителей афроамериканских общин, ожидать от них проявления неадекватного и жестокого поведения, что в дальнейшем способствовало формированию официального движения «Black lives matter» — дословно «Жизни чернокожих тоже имеют значение». Приводится исследование источников формирования подобных образов, а также оценивается их влияние на внутреннее состояние и порядок в стране. Также автор обращается к различного рода исследованиям, проведенным с конца 80-х годов, что позволяет определить то, каким образом оказывается воздействие на общественность. Установленные концептуальные связи рассматриваются посредством широкого подхода к выбору материала исследования, что позволяет охватить значительный и разнообразный объем информации. Уделяется внимание сложившемуся на данной почве противостоянию правоохранительных органов США и гражданского населения страны, анализируются метафорические средства выражения данного конфликта.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: медиадискурс; медиатексты; расовые отношения; этнические стереотипы; межнациональные отношения; преступность; правоохранительные органы; война с полицией.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Золотайко Анастасия Игоревна, преподаватель кафедры иностранных языков, Уральский юридический институт МВД России; аспирант второго курса обучения, Уральский государственный педагогический университет; 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; e-mail: Liani@list.ru.

Расовое стереотипирование является одной из неотъемлемых и наиболее трудно искоренимых черт американской культуры. Связь между преступностью и афроамериканцами укрепилась настолько, что в обществе выражение «criminal predator» — «хищный преступник» используется в качестве эвфемизма для «молодого афроамериканца» [Sagepub: Journal of Contemporary Criminal Justice/Black Criminal Stereotypes and Racial Profiling 2007]. Данный распространенный стереотип фигурирует также и в области уголовного правосудия в качестве своеобразного основания для составления уголовных дел против чернокожих американцев и проводимой в стране «неофициальной политики».

В большинстве случаев при упоминании слова «преступность» американцы апеллируют к образу молодого афроамериканца. Подобному представлению сопутствуют следующие определения: жестокий, априори опасный головорез. Такого рода типизация настолько распространена и повсеместна, что в сознании общества нет необходимости даже упоминать расовую принадлежность какого-либо преступника, поскольку «talking about crime is talking about race» — «говорить о преступности значит говорить о расе» [Stravynski 2007].

За последние несколько десятилетий наблюдается возникновение противоречивой склонности правоохранительных органов к «расовому профилированию» — проводимым полицией разыскными действиями, опирающимися в первую очередь на расовые, этнические или национальные признаки, которые считаются характерными для опреде-

ленного вида преступлений, а не на особенности поведения или на другую информацию, которая могла бы вывести полицию на предполагаемого преступника [Ramirez, McDcivitt, Farrell 2000]. Такая практика исходит из доминирующих стереотипов о расовой принадлежности преступников. Некоторые из предположений, на которых основывают свои расследования практикующие юристы в сфере уголовного права, следуют из неравенства преступной вовлеченности между афроамериканцами и представителями других рас. Тем не менее большинство факторов, способствующих продвижению расового профилирования, связаны с подачей неточной и дискриминирующей информации. Вероятно, что главным из них при формировании связи между афроамериканцами и преступностью в глазах общества является огромное количество чернокожих, фигурирующих в статистике и системе уголовного правосудия.

Первые шаги к пониманию столь устойчивой стереотипизации преступлений были приняты с конца 80-х гг. прошлого века. Как оказалось, несмотря на то, что согласно статистике [Gallup Daily; The Huffington post] большая часть преступлений совершается белым населением страны, воспринимаются они так, как если бы виновными в них были афроамериканцы. Связь между ними прослеживается в ряде исследований. Одно из них демонстрирует, что чаще, чем какая-либо иная этническая группа, афроамериканцы характеризуются в сравнении с белым населением как жестокие, склонные к употреблению наркотиков и вовлечению в преступную деятельность люди [Sigelman, Tuch

1996]. Исследование, проведенное в Канаде, предполагает, что «преступность по расовому признаку» напрямую влияет на само правосудие в отношении афроамериканцев в этой стране [Henry, Hastings, Freer 1996]. В этой научной работе представлен опрос произвольно выбранной группы канадцев, в результате которого была выявлена склонность опрашиваемых неразрывно связывать преступность с чернокожим населением страны. Практически половина респондентов убеждена, что существует связь между расой и преступностью, 65 % опрошенных считают, что афроамериканцами совершено большее количество преступлений, чем какой-либо этнической группой. Схожее исследование этой предполагаемой связи выявило, что стереотипирование расы и преступности наблюдается и в других странах, а подобная типизация основана на предубеждениях о причинах совершаемых правонарушений и домыслах о том, кто мог бы стать потенциальным преступником [Hawkins 1987].

Помимо непосредственной вовлеченности черного населения в криминальную деятельность и предвзятости системы уголовного правосудия, другими источниками формирования образа молодых афроамериканцев в качестве преступников являются разнообразные средства массовой информации (СМИ). Их представителями обеспечиваются доступные широким кругам наглядные изображения преступности, способствующие формированию представлений о ней и о последующих практиках осуществления правосудия.

Исследования, нацеленные на изучение расовой составляющей телевизионных информационных выпусков в Чикаго, выявили, что в таких передачах в основном запечатлены чернокожие преступники, чьи угрюмые лица взирают с экранов в рубриках «Разыскивается» (так называемые «mug shots»), держа в руках табличку с регистрационным номером, или в видеосюжетах, на которых они идут в наручниках и сопровождении белых офицеров полиции. В действительности, общеизвестно, что в СМИ освещено несоразмерное количество событий, посвященных жестоким преступлениям, ответственность за совершение которых лежит с большей долей вероятности на мужчинах-афроамериканцах [Chiricos, Eschholz 2004]. Так постоянно закрепляется образ молодого чернокожего злоумышленника.

В подтверждение этого в своем исследовании Джордж Гербнер, знаменитый американский психолог, доктор наук, профессор, политолог и теоретик медиакультуры, выдвигает гипотезу культивации — социологи-

ческую концепцию, направленную на исследование долгосрочного воздействия телевидения на зрителя. Основным постулатом гипотезы культивации является следующее: чем больше времени люди проводят, «живя» в мире телевидения, тем скорее их образ социальной реальности будет соответствовать тому, который транслируется телевидением. Так, он утверждает, что афроамериканцев «демонизируют», отображая их лица в сводках криминальных новостей [Gerbner 2003]. Существование подобной связи было поддержано американским психологом Джоном Робертом Андерсеном, утверждавшим, что новости в городах Америки запечатлели практически бесконечное множество чернокожих мужчин под арестом, во время судебных разбирательств или ведомых под тюремное заключение, и, соответственно, едва ли потребовалось много времени, чтобы создать автоматическую, едва осознанную связь между афроамериканцами и преступностью, ставшую неотъемлемой частью современной городской жизни [Anderson 2000]. Эти образы настолько распространены, и потому неудивительно, что большая часть американского общества подсознательно приняла образ афроамериканцев-преступников.

Но не только телевидение ответственно за распространение подобного рода концепта: в связи с событиями последних лет США захлестнула волна взаимной критики со стороны правоохранительных органов и общественности на просторах печатных изданий, веб-блогов и интернет-журналов. Толчком, точкой отсчета массовых митингов является громкий скандал, который связан с убийством 18-летнего подростка Майкла Брауна из Фергюсона полицейским в начале августа 2014 г. «Он застрелил молодого человека, после того как тот отказался подчиниться требованиям остановиться и вступил со стражем порядка в рукопашную схватку. Полицейский Даррен Уилсон считает, что погибший подросток пытался отобрать у него оружие. Судебная медицинская экспертиза доказала, что погибший был в момент смерти под воздействием наркотиков. Свидетели данного преступления указали на тот факт, что безоружный Майкл, в знак своего повиновения, поднял руки вверх. Однако Уилсон выстрелил в подростка, спровоцировав тем самым возмущение в обществе. Американцы считают, что на такое решение полицейского подтолкнула расовая принадлежность подростка.

Позже присяжные суда города Фергюсон признали полицейского невиновным. Это вызвало шквал непонимания и возмущения со стороны общественности. После этого в

городе начались очередные беспорядки. Сразу после оглашения решения суда в Фергюсоне вспыхнули протесты, на которые полиция ответила дымовыми шашками, а очевидцы также сообщают о распылении слезоточивого газа. Протестующие били витрины, кидали камни, грабили и поджигали магазины. По данным полиции, всего в результате беспорядков были задержаны 29 человек» [Полицейские в США часто нарушают... 2014].

Уполномоченный МИД России по вопросам прав человека, демократии и верховенства права Константин Долгов считает, что последствия данного вопиющего события демонстрируют нестабильность общества в США, и эту проблему невозможно решить силовыми методами. По его мнению, произошедшее в Фергюсоне является очередным и тревожным сигналом американским властям о том, что им необходимо сфокусироваться на масштабных внутренних проблемах в области обеспечения прав человека, учитывая соответствующие рекомендации международных правозащитных структур на этот счет [Забродина 2014].

Очевидно, что проблема расовых противостояний возникла не в день убийства подростка, а ранее, складываясь годами. И на данной этической почве возникает деление людей, условно говоря, на два «лагеря»: поддерживающих афроамериканцев и им противостоящих.

После трагедии, связанной с убийством Майкла Брауна, в США не прекращаются акции протеста против отношения полиции к темнокожему населению. Согласно подсчетам американской газеты «The Washington Post», в результате этого в стране погибли 385 человек менее чем за полгода, т. е. по два человека в день. Однако число погибших от рук американской полиции в несколько раз выше официальных данных. Афроамериканцы занимают высокое место в данной статистике, основанной на данных, предоставляемых правоохранительными органами федеральным властям. Однако подобная информация исключает неоправданные убийства.

По существующим федеральным законам полиции разрешается применять огнестрельное оружие в случае возникновения угрозы для жизни полицейских или граждан. Однако в стране до сих пор отсутствует надежный метод регистрации подобных инцидентов, что вызывает негодование у населения. Помимо этого, согласно представленному в ООН документу о состоянии дел в США, отсутствие моратория на смертную казнь, до сих пор не закрытая тюрьма в

Гуантанамо, отказ Вашингтона присоединиться к Конвенции по защите прав детей, плохое обращение с заключенными и мигрантами придает проблеме глобальный характер. Но прежде всего граждане возмущены непропорциональным применением силы со стороны полиции, проявлением расовой дискриминации и увеличением количества преступлений на расовой почве и на почве ненависти. Ряд стран напрямую предложили США рассмотреть и устранить коренные причины, которые привели к трагическим смертям в Фергюсоне и Балтиморе [Богданов 2015].

Трагедии в Фергюсоне, Балтиморе, Оклахоме и других частях США являются лишь малой частью, рассматриваемой СМИ. Конституционное право американцев владеть огнестрельным оружием влечет за собой готовность сотрудников правоохраны немедленно применять его при малейшем возникновении угрозы, на их взгляд. Так, зачастую вместо пострадавших под защитой оказываются именно полицейские. Поэтому граждане ощущают острую необходимость реформирования настоящей системы правосудия и прекращения превышения должностных полномочий сотрудниками полиции.

Противостояние между двумя указанными сторонами носит настолько острый характер, что «слова» обретают физическую форму и в буквальном смысле влияют на ситуацию как в стране в целом, так и на улицах американских городов. Постепенное формирование образа «преступников-афроамериканцев» привело к тому, что чернокожее население страны сочло подобное отношение расизмом. Склонность правоохранительных органов подозревать в совершении правонарушений в первую очередь представителей афроамериканских общин, ожидать от них проявления неадекватного и жестокого поведения способствовала формированию официального движения «Black lives matter» — дословно «Жизни чернокожих тоже имеют значение». Представители данного движения обрушили шквал критики на офицеров полиции, не стесняясь в образности своих выражений.

Необходимо отметить, что при отборе материалов для исследования в политической лингвистике существует два полярных подхода — узкий и широкий. В первом случае в качестве источников исследования используются только тексты, непосредственно созданные политиками и использованные в политической коммуникации. При широком подходе к отбору источников для исследования политической коммуникации используются не только тексты, созданные

собственно политиками, но и иные тексты, посвященные политическим проблемам. Еще одну часть источников составляют тексты, созданные «рядовыми гражданами». Это могут быть разного рода письма и обращения, адресованные политикам или государственным учреждениям, письма в СМИ, разного рода надписи (в том числе на стенах), анекдоты, бытовые разговоры, связанные с политическими проблемами, и др. Подобные тексты находятся в сфере пересечения политического и бытового дискурсов [Чудинов 2006]. В данном исследовании соответственно был применен широкий подход, благодаря которому выяснилось, что большая часть метафорических «ударов» осуществляется в неограниченном политическом дискурсе. На просторах интернет-блогов встречаются статьи, написанные непосредственно сотрудниками правоохранительных органов США, отражающие их взгляд на происходящие события. Великое множество метафор обнаруживается не только в заголовках газет и других периодических изданий, но и в публичных выступлениях возмущенных масс народа. Так, основным слоганом на демонстрациях стал **«Making bacon; pigs in a blanket»** [Martinelli Ron 2015] — «Делаем бекон; сосиски в тесте». Семантика такого метафорического выражения подразумевает отношение полицейских к афроамериканцам как к еде, примитивному образу мыслей, необоснованной жестокости. Другим примером переноса, связанным с едой, являются призывы **«sort the bad apples in law enforcement»** [Police: The Law Enforcement Magazine 2015] — «отобрать гнилые яблоки в правоохране» и др. Однако Рон Мартинелли, автор статьи в защиту сотрудников правоохраны, видит в данном слогане и непосредственную угрозу для офицеров полиции, поскольку все чаще в СМИ звучат обвинения: **«the police are systemically a bunch of racist rogues»** [American Police Beat 2015] — «полицейские в системе — сборище бандитов-расистов». Официальная структура управления уподобляется неорганизованной группе преступников. Метафорический перенос основан на противоречии между идеальным и реальным образами полиции. Вслед за официальным движением, вскоре появилось и «неофициальное», целью которого является подорвать авторитет сотрудников полиции и заставить их «заплатить» за несправедливость правосудия в отношении афроамериканцев. И в связи с этим **«the blood of police officers and sheriff's deputies is running in the streets»** [Police: The Law Enforcement Magazine 2015] — «по улицам потекла кровь

офицеров полиции и помощников шерифа». Сотрудники правоохранительных органов на территории США подвергаются ежедневному риску нападения и всерьез опасаются за собственную безопасность ввиду беспрецедентного роста провокаций и правонарушений со стороны протестующих. Полицейские, выходя на смену, как замечает веб-журнал «Uniform Stories» [PoliceOne: Uniform stories 2015], буквально **«ride the incident roller coaster»** — «катаются на американских горках несчастных случаев». Примечательно яркий образ, источником метафорического переноса в котором служит одно из наиболее опасных и захватывающих развлечений западного мира. К подобного рода метафорам, подчеркивающим масштабность, опасность и неожиданность событий, происходящих ежедневно, относятся и те, что встречаются в заголовках печатных изданий: **«the law enforcement profession has felt some pretty strong earthquakes over the last year»** — «профессия в сфере правоохраны пережила несколько весьма ощутимых потрясений (досл. «землетрясений») за последний год» [American Police Beat 2015], **«The War on Police»** — «Война с полицией» [Police: The Law Enforcement Magazine 2015], **«ticking time bombs»** — «часовые бомбы» [Police: The Law Enforcement Magazine 2015]. Связь в представленных выражениях восходит к военным терминам и понятиям, что подчеркивает остроту вопроса, его злободневность. В штате Луизиана властями было предложено контрдвижение «Blue lives matter» [American Police Beat 2015], чье название вторит практически одноименному «Black lives matter». Однако «blue» в данном случае подразумевает полицейских, носящих темно-синюю униформу, и соответственно указывает, что жертвами становятся уже отнюдь не афроамериканцы, а обычные офицеры. Предполагаемый ответный удар продолжает распространяться по всей стране. Еще пять штатов его поддержали, однако каких-либо результатов и отклика в обществе акция не получила. В действительности в 2015—2016 гг. погибло или получило серьезные ранения больше полицейских, чем солдат, отправленных на так называемую «Войну с терроризмом» в другие страны. Все чаще на просторах интернет-изданий встречаются статьи с призывом **«work to strengthen the bridges of unity between police and the public by supporting law enforcement»** — «работать над укреплением „мостов связи“ между полицией и обществом, оказывая всеобъемлющую поддержку правоохранительным органам» [Police: The Law Enforcement Magazine 2015], ведь велика вероятность, что столь серьез-

ный конфликт превратит страну в «The United States of Crazy» — «Соединенные Штаты Безумия» [American Police Beat 2015].

ЛИТЕРАТУРА

1. Богданов Ю. Полицейские США убивают по одному афроамериканцу в день // Взгляд. 2015. 31 мая. URL: <http://vz.ru/world/2015/5/31/748312.html>.
2. Забродина Е. Беспорядки в Фергюсоне — сигнал о внутренних проблемах в США // Российская Газета. 2014. 25 нояб. URL: <http://rg.ru/2014/11/25/dolgov-site-anons.html>.
3. Полицейские в США часто нарушают конституционные права // РИА «Новости». 2014. 25 нояб. URL: <http://ria.ru/world/20141125/1035109182.html>.
4. Чудинов А. П. Политическая лингвистика. — М.: Флинта : Наука, 2006. 256 с.
5. 5 stresses cops deal with that non-cops should know about // PoliceOne.com: Uniform stories. 2016. 2 Sep. URL: <http://www.policemag.com/blog/patrol-tactics/story/2015/08/four-stresses-non-cops-deal-with-that-non-cops-should-know-about.aspx>.
6. Anderson D. C. Crime and the politics of hysteria. — New York : Random House, 1995.
7. Anderson J. R., Schunn C. D. Implications of the ACT-R learning theory: No magic bullets // Advances in instructional psychology: Educational design and cognitive science / R. Glaser (ed.). 2000. Vol. 5. P. 1—34.
8. Austin J., Irwin J. It's about time: America's imprisonment binge. 3rd ed. — Toronto, Ontario, Canada : Wadsworth/Thomson, 2001.
9. Barlow M. H. Race and the problem of crime in Time and Newsweek cover stories, 1946 to 1995 // Social Justice. 1998. № 25. P. 149—183.
10. Bryant Jennings, Zillmann Dolf (eds.). Media effects: Advances in theory and research. 2nd ed. — Mahwah, NJ, US : Lawrence Erlbaum Ass. Publ., 2002. X, 634 p.
11. Chiricos T., Welch K., Gertz M. The racial typification of crime and support for punitive measures // Criminology. 2004. № 42. 358—390.
12. Cognitive Psychology and Its Implications John R. Anderson (Carnegie Mellon University) ISBN-10: 1-4641-4891-0; ISBN-13: 978-1-4641-4891-0; Format: Cloth Text, 500 page.
13. Gabbidon H. T. Greene, Young V. D. (eds.). African American classics in criminology and criminal justice. P. 349—376.
14. Gallup Daily. URL: <http://www.gallup.com/>.
15. Gerbner G. Television violence: At a time of turmoil and terror // Gender, race, and class in media / G. Dines, J. M. Humez (eds.). 2nd ed. — Thousand Oaks, CA : Sage, 2003. P. 339—348.
16. Gerbner G., Gross L., Morgan M., Signorielli N., Shanahan J., Hawkins D. F. (1995). Ethnicity, race, and crime: A review of selected studies // Ethnicity, race, and crime: Perspectives across time and place / D. Hawkins (ed.). — Albany : State Univ. of New York Pr., 1995. P. 11—45.
17. Henry F., Hastings P., Freer B. Perceptions of race and crime in Ontario: Empirical evidence from Toronto and Durham region // Canadian Journ. of Criminology. 1996. № 38. P. 469—476.
18. Journal of Contemporary Criminal Justice. 2007. № 23. 276 p. DOI: 10.1177/1043986207306870.
19. Martinelli R. America's Turning Point — The War on Police // The Law Enforcement Magazine. 2015. 1 Sept. URL: <http://www.policemag.com/blog/patrol-tactics/story/2015/09/america-s-turning-point-the-war-on-police.aspx>.
20. Mauer M. Race to incarcerate. — New York : New Press, 1999.
21. Newsome J., Hassan C. 'Blue lives matter' bill set for Louisiana governor's signature // CNN. 2016. 20 May. URL: <http://edition.cnn.com/2016/05/20/us/louisiana-blue-lives-matter-legislation/>.
22. Ramirez D., McDevitt J., Farrell A., United States. A resource guide on racial profiling data collection systems: Promising practices and lessons learned. — Washington, DC (950 Pennsylvania Ave., NW, Washington 20530) : U.S. Dept. of Justice, 2000.
23. Russell K. K. The racial hoax as crime: The law as affirmation // Indiana law journ. 1996. Vol. 71, Iss. 3. P. 594—621.
24. Sigelman S. L., Tuch, S. A. Metastereotypes: Blacks' perceptions of Whites' stereotypes of Blacks // Public Opinion Quarterly. 1996. № 61. P. 87—101.
25. Stravynski A. Fearing Others: The Nature and Treatment of Social Phobia. — Cambridge Univ. Pr., 2007. ISBN 1139462326, 9781139462327.
26. Sutton R. Call Them "Terrorists" // Police: The Law Enforcement Magazine. 2015. 24 Sept. URL: <http://www.policemag.com/blog/patrol-tactics/story/2015/09/call-them-terrorists.aspx>.
27. The Huffington post. URL: <http://www.huffingtonpost.com/>.
28. The United States of Crazy // American Police Beat. 2015. 6 May. URL: <https://apbweb.com/texas-operation-jade-helm-15/>.
29. Top Cop Pow-Wow // American Police Beat. 2015. 17 Oct. URL: <https://apbweb.com/top-cop-pow-wow/>.
30. Uniform Stories. URL: <http://uniformstories.com/articles/opinion-category/4-stresses-cops-deal-with-that-non-cops-should-know-about>.
31. Welch K. Black Criminal Stereotypes and Racial Profiling // Journ. of Contemporary Criminal Justice. 2007. Vol. 23, No. 3, Aug. P. 276—288. URL: <http://ccj.sagepub.com/content/23/3/276.short?rss=1&ssource=mfr>. Doi: 10.1177/1043986207306870.

A. I. Zolotaiko
Ekaterinburg, Russia

RACIAL CRIME STEREOTYPING AND WAR ON POLICE

ABSTRACT. *The article deals with the problem of racial stereotyping (racial profiling – search activities based on racial, ethnic and national features, which are considered typical for certain crimes) of criminals in the United States in the mass media discourse and analyzes the causes of such sustainable relationships between blacks and crime. The paper focuses on the tendency of police to suspect Afro-Americans in committing crimes, to expect black to be inadequate and violent, which led to the appearance of the movement «Black lives matter». In addition, there is a study of sources of formation of such images, as well as assessing their impact on the internal state and order in the country presented. The author takes into account different researches held since 1980-s, which help to make conclusions on the ways of manipulation of the society. The revealed conceptual communication is addressed through a broad approach to the selection of study material that enables the author to cover considerable and varied amount of information. Attention is paid to the established opposition between the US law enforcement authorities and the civilian population, and there is analysis of the metaphorical means of expression of the conflict.*

KEYWORDS: *media discourse; media texts; race relations; ethnic stereotypes; international relations; crime; law-enforcement bodies; war on police.*

ABOUT THE AUTHOR: *Zolotaiko Anastasia Igorevna, Teacher of the Department of Foreign Languages, Ural Law Institute of the Internal Affairs of the Russian Federation, Post-graduate Student, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

REFERENCES

1. Bogdanov Yu. Politseyskie SSHA ubivayut po odnomu afroamerikantsu v den' // Vzglyad. 2015. 31 maya. URL: <http://vz.ru/world/2015/5/31/748312.html>.
2. Zbrodina E. Besporyadki v Fergysone — signal o vnutrennikh problemakh v SSHA // Rossiyskaya Gazeta. 2014. 25 noyab. URL: <http://rg.ru/2014/11/25/dolgov-site-anons.html>.
3. Politseyskie v SSHA chasto narushayut konstitutsionnye prava // Ria «Novosti». 2014. 25 noyab. URL: <http://ria.ru/world/20141125/1035109182.html>.
4. Chudinov A. P. Politicheskaya lingvistika. — M. : Flinta : Nauka, 2006. 256 s.
5. 5 stresses cops deal with that non-cops should know about // PoliceOne.com: Uniform stories. 2016. 2 Sep. URL: <http://www.policemag.com/blog/patrol-tactics/story/2015/08/four-stresses-non-cops-deal-with-that-non-cops-should-know-about.aspx>.
6. Anderson D. C. Crime and the politics of hysteria. — New York : Random House, 1995.
7. Anderson J. R., Schunn C. D. Implications of the ACT-R learning theory: No magic bullets // Advances in instructional psychology: Educational design and cognitive science / R. Glaser (ed.). 2000. Vol. 5. P. 1—34.
8. Austin J., Irwin J. It's about time: America's imprisonment binge. 3rd ed. — Toronto, Ontario, Canada : Wadsworth/ Thomson, 2001.
9. Barlow M. H. Race and the problem of crime in Time and Newsweek cover stories, 1946 to 1995 // Social Justice. 1998. № 25. P. 149—183.
10. Bryant Jennings, Zillmann Dolf (eds.). Media effects: Advances in theory and research. 2nd ed. — Mahwah, NJ, US : Lawrence Erlbaum Ass. Publ., 2002. X, 634 p.
11. Chiricos T., Welch K., Gertz M. The racial typification of crime and support for punitive measures // Criminology. 2004. № 42. 358—390.
12. Cognitive Psychology and Its Implications John R. Anderson (Carnegie Mellon University) ISBN-10: 1-4641-4891-0; ISBN-13: 978-1-4641-4891-0; Format: Cloth Text, 500 page.
13. Gabbidon H. T. Greene, Young V. D. (eds.). African American classics in criminology and criminal justice. P. 349—376.
14. Gallup Daily. URL: <http://www.gallup.com/>.
15. Gerbner G. Television violence: At a time of turmoil and terror // Gender, race, and class in media / G. Dines, J. M. Humez (eds.). 2nd ed. — Thousand Oaks, CA : Sage, 2003. P. 339—348.
16. Gerbner G., Gross L., Morgan M., Signorielli N., Shanahan J., Hawkins D. F. (1995). Ethnicity, race, and crime: A review of selected studies // Ethnicity, race, and crime: Perspectives across time and place / D. Hawkins (ed.). — Albany : State Univ. of New York Pr., 1995. P. 11—45.
17. Henry F., Hastings P., Freer B. Perceptions of race and crime in Ontario: Empirical evidence from Toronto and Durham region // Canadian Journ. of Criminology. 1996. № 38. P. 469—476.
18. Journal of Contemporary Criminal Justice. 2007. № 23. 276 p. DOI: 10.1177/1043986207306870.
19. Martinelli R. America's Turning Point — The War on Police Police// The Law Enforcement Magazine. 2015. 1 Sept. URL: <http://www.policemag.com/blog/patrol-tactics/story/2015/09/america-s-turning-point-the-war-on-police.aspx>.
20. Mauer M. Race to incarcerate. — New York : New Press, 1999.
21. Newsome J., Hassan C. 'Blue lives matter' bill set for Louisiana governor's signature // CNN. 2016. 20 May. URL: <http://edition.cnn.com/2016/05/20/us/louisiana-blue-lives-matter-legislation/>.
22. Ramirez D., McDevitt J., Farrell A., United States. A resource guide on racial profiling data collection systems: Promising practices and lessons learned. — Washington, DC (950 Pennsylvania Ave., NW, Washington 20530) : U.S. Dept. of Justice, 2000.
23. Russell K. K. The racial hoax as crime: The law as affirmation // Indiana law journ. 1996. Vol. 71, Iss. 3. P. 594—621.
24. Sigelman S. L., Tuch, S. A. Metastereotypes: Blacks' perceptions of Whites' stereotypes of Blacks // Public Opinion Quarterly. 1996. № 61. P. 87—101.
25. Stravynski A. Fearing Others: The Nature and Treatment of Social Phobia. — Cambridge Univ. Pr., 2007. ISBN 1139462326, 9781139462327.
26. Sutton R. Call Them "Terrorists"// Police: The Law Enforcement Magazine. 2015. 24 Sept. URL: <http://www.policemag.com/blog/patrol-tactics/story/2015/09/call-them-terrorists.aspx>.
27. The Huffington post. URL: <http://www.huffingtonpost.com/>.
28. The United States of Crazy // American Police Beat. 2015. 6 May. URL: <https://apbweb.com/texas-operation-jade-helm-15/>.
29. Top Cop Pow-Wow // American Police Beat. 2015. 17 Oct. URL: <https://apbweb.com/top-cop-pow-wow/>.
30. Uniform Stories. URL: <http://uniformstories.com/articles/opinion-category/4-stresses-cops-deal-with-that-non-cops-should-know-about>.
31. Welch K. Black Criminal Stereotypes and Racial Profiling// Journ. of Contemporary Criminal Justice. 2007. Vol. 23, No. 3, Aug. P. 276—288. URL: <http://ccj.sagepub.com/content/23/3/276.short?rss=1&ssource=mfr>. Doi: 10.1177/1043986207306870.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.

Е. В. Калинова
Архангельск, Россия

**СРЕДСТВА АКТУАЛИЗАЦИИ КАТЕГОРИЙ СУБЪЕКТНОСТИ И СУБЪЕКТИВНОСТИ
В ИСТОРИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ МОНОГРАФИИ БОБО ЛО
«RUSSIAN FOREIGN POLICY IN THE POST-SOVIET ERA — REALITY, ILLUSION AND MYTHMAKING»)**

АННОТАЦИЯ. Плюрализм гуманитарного знания в целом и исторической науки в частности ведет к возникновению дискуссий об их научности и объективности. Несмотря на существование критериев научности текста, сложно говорить об абсолютной объективности представленной в нем информации. Это обусловлено тем, что в основе создания научного исторического текста лежит метод анализа и интерпретации исторических источников исследователем в связи с невозможностью непосредственного наблюдения событий прошедшей социальной реальности, что означает, что конечным продуктом деятельности историка является текст, имеющий автора и, как следствие, характеризующийся некоей степенью субъективности. Следует также учитывать, что для осуществления успешной коммуникации между автором научного текста и читателем используется система средств адресации, ориентированная на успешное декодирование читателем авторской интенции. Данная статья рассматривает две лингвистические категории — субъектности и субъективности — участвующие в репрезентации системы средств адресации. На материале англоязычной исторической монографии производится анализ средств актуализации этих категорий в историческом научном тексте с целью доказательства присутствия этих категорий в тексте, а также определения основных тактик и приемов, реализуемых автором текста с помощью категорий субъектности и субъективности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: научные тексты; критерии научности; исторические тексты; исторические источники; лингвистические категории; субъектность; субъективность.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Калинова Елена Викторовна, аспирант 3 года обучения, кафедра английской филологии и лингводидактики Высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова; 163000, Россия, г. Архангельск, набережная Северной Двины, 17; e-mail: e.kalinova@narfu.ru.

Для гуманитарного знания в целом и исторической науки в частности, некоторым лингвистическим особенностям которой посвящена настоящая работа, характерен особый тип научности, отличный от естественных и технических наук. В XX в. происходит переход гуманитарного знания с эмпирического на теоретический уровень, что подтверждает повышение статуса научности гуманитарного знания, но не ставит его в один ряд с другими сферами науки в виду ряда его особенностей: к примеру, роль субъекта в процессе познания, в определении методологии исследования и оценки его результатов гораздо более заметна в гуманитарном знании. Помимо этого, гуманитарное знание всегда является ценностно-соотнесенным: гуманитарное научное познание характеризуется субъективностью и оценочностью (см.: [Чернявская, Молодыхенко 2014: 147—148]). Наличие этих черт предполагает вариативность интерпретаций одного и того же эмпирического явления и, как следствие, плюрализм точек зрения исследователей на изучаемую проблему. Во-первых, это предполагает возможность обмена точками зрения между исследователями, что может привести к повышению уровня знаний, так как в таком случае «научные соперники не только оспаривают и опровергают, но и взаимно обогащают друг друга» [Согрин 2005: 29]. Во-вторых, таким образом становится проще определить объективную или интерсубъективную составляющую гуманитарного знания: к ней будут относиться наиболее общие черты, встречающиеся ин-

вариантно в подходах различных исследователей.

В отношении исторического знания принципиальный плюрализм означает естественное сосуществование нескольких объяснительных теорий. К примеру, часто выделяется общепринятая, традиционная версия исторической науки, для которой нехарактерна предположительность и неокончателность суждений, и история, осмысляемая «здесь и сейчас», что предполагает наряду с историческим описанием присутствие дискуссионного компонента, оценочных суждений и осмысления событий прошедшей социальной реальности. Такое историческое описание потенциально эвристично: существует большая вероятность его выхода за границы известного, традиционного знания, расширения объективных представлений о действительности. При этом для разграничения альтернативной исторической интерпретации прошедших событий и фальсификации истории необходимо проводить соотнесение фактов и оценок, полученных в ходе такого исторического анализа, с существующими, традиционными фактами и оценками, закрепившимися в исторической науке. Иными словами, научность исторического описания определяется его диалогичностью и плюралистичностью, нашедшими отражение в тексте «не вместо, но вместе с иным взглядом». Реципиент исторического текста должен иметь возможность отграничивать факты от их описания, события прошедшей реальности от их оценки. В случаях, когда границы стираются и

отграничение одного от другого невозможно, возникает манипулятивный эффект.

В ходе языкового манипулирования в сознание индивида под видом объективных сведений неявно внедряется информация, являющаяся желательной для определенных социальных групп, для формирования у реципиента на основе данного содержания мнения, представления о действительности или отношения к ней, максимально близкого к требуемому. Язык в таких случаях используется как инструмент социальной власти, так как он умеет гримировать свои функции, умеет выдать одно за другое, умеет внушать, воздействовать, лжесвидетельствовать (см.: [Гронская 2003: 221]).

Наибольшая опасность лингвистического конструирования прошлого заключается в отсутствии альтернативного представления рассматриваемых событий для широкой общественности, не обладающей специальными знаниями в области истории и, как следствие, выступающей в качестве адресата политического воздействия. Лингвистический анализ дает возможность выявления использования манипулятивных стратегий в процессе исторического описания и противостояния фальсификации истории.

Основной целью научной коммуникации является трансляция новой и актуальной информации о действительности наибольшему количеству заинтересованных читателей, а также доказательство достоверности этой информации. Для реализации этой цели наиболее часто используется письменный научный текст, представляющий собой вербализованное научное знание и обладающий следующими характеристиками: объективностью, некатегоричностью, обобщенностью, подчеркнутой логичностью, доказательностью, точностью и ясностью [Чернявская 2007: 22].

Настоящая работа выполнена на материале научного исторического текста, который мы понимаем как текст, аккумулирующий и репрезентирующий информацию о прошедшей социальной реальности и выступающей носителем исторической памяти [Лахвицкий 2013: 7], а также соответствующий критериям научности, обозначенным выше.

Тем не менее невозможно добиться абсолютной объективности представляемого научного знания. Принципиальное отличие истории от других наук заключается в том, что объектом изучения историка являются прошедшие события, «прошлая социальная реальность, т. е. человеческие действия и их результаты» [Савельева, Полетаев 2007: 216], которые он не может наблюдать непосредственно, поэтому ему приходится иметь

дело не с действительностью, а с ее репрезентацией в исторических источниках. Следует, однако, учитывать, что тексты являются не единственным источником, с которым имеет дело историк: он также работает с сохранившимися предметами материальной культуры. Объектом гуманитарных исследований является *эмпирическая реальность человеческого мира*, подчеркивающей, таким образом, осмысление истории с точки зрения философии науки.

По мнению О. М. Медушевой, «именно человеческое сознание создает новую структуру эмпирической реальности и, в свою очередь, возникает возможность изучать это сознание опосредованно — через созданные им материальные образы, и история может развиваться как эмпирическая наука. Человеческое сознание („психика в широком смысле“) создает реализованный продукт, который историк изучает как источник своей информации. Его исследовательский путь логичен: он движется от материального образа к интерпретации содержания (методология источниковедения) и далее конструирует историческую реальность, проявившую себя возникновением культурного феномена» (цит. по.: [Румянцева 2009: 20]).

Поэтому мы не утверждаем, что *цель* исторических исследований сводится исключительно к изучению текстов. Однако следует отметить, что *результатом* исторических исследований является анализ и интерпретация историком полученной информации и вербализация проведенного анализа — создание исторического текста, в котором происходит репрезентация исторических событий, т. е. «замещение реального объекта моделью, а именно языковой структурой, текстом, которые выступают в качестве посредника между исследователем и самим объектом познания» [Чернявская, Молодыхенко 2014: 146]. Это еще раз подчеркивает индивидуальный, субъективный характер исторического знания и важность личности историка в процессе исторического познания.

Из сказанного выше становится ясно, что добиться абсолютной объективности научного исторического текста невозможно, так как, с одной стороны, исследователь представляет собственную интерпретацию исторических фактов, подвергшихся анализу, а с другой стороны, он вступает в опосредованную коммуникацию с читателем, используя при этом систему средств адресации, ориентированную на читателя, обладающего способностью декодировать их в тексте [Чернявская 2007: 100].

В данной работе мы рассматриваем две категории — субъектности и субъективности, —

репрезентирующие в текстах обозначенные средства адресации. Для доказательства присутствия этих категорий в историческом научном тексте, а также анализа способов и средств, используемых для их актуализации, было проанализировано 100 страниц монографии Бобо Ло «Russian Foreign Policy in the Post-Soviet Era — Reality, Illusion and Mythmaking» и отобрано 177 контекстов, репрезентирующих указанные категории.

Субъектность, или авторизация, представляет собой категоризацию образа личности, субъекта познания и речи в тексте [Грушевская, Гассий 2013] и представлена, как правило, в метакоммуникативных конструкциях, «в которых автор комментирует и объясняет процесс собственного текстотворчества и последовательность анализа» [Чернявская 2007: 102]. Г. А. Золотова уделила значительное внимание данной категории в ходе исследования вопросов функционального и коммуникативного синтаксиса. Ее суть заключается в том, что «в предложении, содержащее ту или иную информацию об объективной действительности, вводится второй структурно-семантический план, указывающий на субъект, „автора“ восприятия, констатации или оценки явлений действительности, а иногда и на характер восприятия» [Золотова 2007: 263], т. е. рассматриваемая категория находит свое отражение в «полисубъектном осложнении конструкции предложения указанием на „автора“ оценки, восприятия, речи-мысли» [Золотова 2001: 430]. На этом основании можно выделить объективный и субъективированный способы подачи информации, последний характеризуется эксплицитным указанием на субъект речи.

В большинстве случаев категория субъектности актуализирует оппозицию «свой/чужой», в качестве субъекта выступает автор, квалифицирующий информацию, стремящийся выразить свою точку зрения на описываемое явление, событие посредством использования различных лексических маркеров (см.: [Латфулина 2014: 29]).

Среди лингвистов, тем не менее, на данном этапе нет единого мнения относительно статуса категории субъектности: она может рассматриваться как семантическая категория (А. Г. Етко), модусная категория (Г. А. Золотова, Т. В. Шмелева); некоторые исследователи не выделяют ее в качестве отдельной категории, но рассматривают в качестве характеристики модуса (Т. И. Краснова), аспекта предикативности (М. В. Всеволодова), однако признается значимость этого явления в текстообразовании и его прагматический характер.

Следует также учитывать, что изначально категория субъектности рассматривалась в качестве категории, реализуемой в текстах на уровне предложения. Однако текстовый подход к ее изучению позволяет понимать ее более широко в связи с тем, что модусные категории могут изучаться также на уровне фразы или на уровне текста (см.: [Гричин 2010: 5]).

Г. А. Золотова выделяет три основные содержательные разновидности рассматриваемой категории:

1) категория субъектности вводит квалифицирующий субъект, оформляет модели, содержащие оценку, квалификацию предметов, явлений, понятий, событий. Маркерами данной категории выступают аксиологические предикаты (*считать, казаться, think, guess, believe* и т. п.), а также их свернутые аналоги — вводные слова и конструкции типа «по его мнению», «to my mind»;

2) субъектность, создающая модели, оформляющие статические значения наличия предмета/явления, проявления действий или состояний;

3) а также субъектность обнаружения, фокусирующаяся на признаке предмета, обнаруживаемом субъектом (цит. по.: [Сыроватская 2009: 251—252]).

В рамках данной работы особый интерес представляет первая из обозначенных разновидностей, которая актуализируется в рассматриваемом научном тексте, главным образом посредством использования личных местоимений первого лица как единственного числа, так и множественного. Использование местоимения *I* является непосредственной репрезентацией исследователя, в то время как использование местоимения *we* может быть маркером различных смыслов и служить для:

1) расширенного обозначения отправителя речи, так называемого «мы авторской скромности», традиционно считавшегося наиболее приемлемым способом обозначения субъекта в соответствии с требованием объективности и надличностного изложения [Чернявская 2007: 101];

2) представления информации, мнения или суждения как более объективного, принимаемого как истинное значительной группой исследователей и, как следствие, элиминации личной ответственности автора;

3) обозначения отправителя речи в случаях, когда исследование осуществлялось группой ученых, что является наиболее логичным способом обозначения субъекта в таких работах;

4) обобщенного обозначения отправителя речи вместе с читателем с целью подчерк-

нуть близость их взглядов, точек зрения, ценностей и убеждений.

Для актуализации категории субъектности могут быть также использованы притяжательные местоимения первого лица **my**, **our**, служащие для реализации тех же целей, что и личные местоимения, а также безличное местоимение **one**, служащее для выражения обобщенного, стереотипизированного субъекта с целью обоснования представляемой точки зрения на уровне стереотипного представления, т. е. знания, не нуждающегося в доказательстве.

В результате проведенного текстового анализа было выявлено, что категория субъектности реализована в 12 отобранных контекстах посредством:

- личного местоимения **I** (4 контекста, 33,3%), например: *I will therefore examine ideas in their own right, identifying five ideological currents: (1) the liberal agenda; (2) the 'imperial syndrome'; (3) 'great power' ideology and the nationalist impulse; (4) the notion of an 'independent' foreign policy; and (5) ideas of foreign policy retrenchment* [Lo 2002: 42];

- личного местоимения **we** в значении обобщенного обозначения отправителя речи (4 контекста, 33,3%), например: *As we saw in the previous chapter, this was motivated by rational and emotional considerations: on the one hand, a sense that Russia was overdependent on good relations with the West, on the other, a yearning to reaffirm Russian identity and derzhavnost* [Lo 2002: 94];

- притяжательным местоимением **my** (2 контекста, 16,7%), например: *It is my hope that this book will avoid the worst of these problems by finding an appropriate balance between academic and non-academic material, written and oral* [Lo 2002: 11];

- безличным местоимением **one** (2 контекста, 16,7%), например: *One emerges with the impression of an artful intellectual game, based not on relevant experience but on the selective use and interpretation of data to fit predetermined patterns and theses — clever in its own fashion, but offering little insight into the way things actually operate* [Lo 2002: 9].

Таким образом, на основании проведенного анализа можно сделать вывод о том, что категория субъектности является слабо выраженной в научном историческом тексте, а личные местоимения первого лица как единственного, так и множественного числа являются преобладающей формой ее актуализации.

Что касается категории субъективности, то в лингвистике она может пониматься широко как «любое указание на присутствие говорящего или сам акт речи» [Краснова

2002: 17], однако под такое толкование может попасть любое высказывание, так как даже если в речи не происходит эксплицитная актуализация субъекта речи с помощью одного из способов реализации категории субъектности, субъект речи присутствует в высказывании имплицитно. Для проведения лингвистического анализа мы рассматриваем категорию субъективности узко, понимая ее как выражение в речи личностного отношения автора к описываемому факту, событию или явлению.

Интерпретация — один из основных методов исторической науки. Особенность этого метода заключается в том, что, с одной стороны, она опирается на когнитивные механизмы, носящие коллективный характер, а с другой — напрямую связана с индивидуальностью человека и его видением мира. Интерпретация — это «процесс и результаты субъективной репрезентации мира, основанной, с одной стороны, на существующих общечеловеческих представлениях о мире и, с другой стороны, на его личном опыте взаимодействия с ним» [Болдырев 2011: 11]. При этом субъективная репрезентация мира историком не является произвольной — она опирается на «культурный дискурс и социальную жизнь, в рамках которых и для которых создается исторический нарратив, в рамках которых любой исторический нарратив оказывает влияние на практические ориентиры жизни общества» [Ruesen 1996] (здесь и далее перевод наш. — Е. К.). Это означает, что когда мы ведем речь о субъективной стороне интерпретации истории, мы имеем в виду интерсубъективную истину, которая позволяет определить, какой вариант интерпретации исторических событий следует принять, а какой отвергнуть. Й. Рюзен видит в плюрализме подходов к интерпретации исторических событий не отказ от объективности в исторической науке, а ее реализацию, так как «историческая интерпретация либо рассматривается сквозь призму различных взглядов, соотносимых с различными идентичностями» [Репина 2008: 17], либо включает их как взаимно дополняющие друг друга.

При этом объектом анализа настоящего исследования выступает научный исторический текст, которому свойственны основные черты научного текста, в том числе и «некатегоричность, т. е. взвешенность и соразмерность оценок» [Чернявская 2007: 23]. Этим утверждением мы хотим подчеркнуть, что не следует полностью отрицать наличие оценки в научном дискурсе в общем и в научном историческом дискурсе в частности, так как дискурс участвует в формировании

гражданской идентичности личности и ценностей реципиента текста, однако, как уже было обозначено выше, оценка, выражаемая в научном дискурсе, не должна быть чрезмерной.

В XX в. академическое сообщество признает, что различные точки зрения, оценка и идеология являются неотъемлемыми составляющими исторического дискурса. М. Фуко считал, что «вербализация или „перевод“ реальности в слова, связана с оценкой; любое слово, любое наименование объекта, любое высказывание оценочно» (цит. по: [Потапова 2015: 155]). Любая номинация выделяет отдельные признаки объекта по отношению к другим, наделяет значение дополнительными коннотациями: «назвать пролив La Manche или назвать English Channel — и мы уже смотрим на воду с разных сторон границы» [Потапова 2015: 141]. В своих работах историкам постоянно приходится выбирать точки зрения.

К. Поппер считал, что любая интерпретация мира является оценочной, уже выбор того, какой лексемой обозначить произошедшее событие, означает его определенную оценку [Потапова 2015: 70]. Таким образом, любая мысль, оформленная вербально, содержит в себе оценочный компонент. Это можно подтвердить идеей выделения в лингвистике «диктума», или объективной части значения, и «модуса», т. е. субъективной оценки говорящего, обусловленной его отношением к сообщаемому, его точкой зрения.

В результате проведенного анализа было выявлено 165 контекстов, в которых происходит актуализация категории субъективности. Следует отметить, что, если маркерами категории субъективности служат отдельные слова, а именно местоимения, то маркеры категории субъективности представлены на различных уровнях: слова, фразы, предложения или части текста. В этой связи средства актуализации этой категории также весьма разнообразны. К ним относятся:

- **авторские комментарии (25 контекстов из 165).** Данное средство представлено на уровне отдельного предложения или части текста (к примеру, абзаца) и представляется собой выражение авторской позиции относительно суждения, факта или события на метатекстовом уровне. В данном случае автор формулирует оценочное суждение относительно события прошедшей социальной реальности посредством использования личных местоимений, определенных синтаксических структур (сложноподчиненные предложения), вводных слов, лексических маркеров: *It was hardly coinci-*

dental that Yeltsin's [1994c, p. 1] warning of a 'cold peace' in Europe should come at the end of a year dominated by acute disagreements with the West over the handling of the Bosnian crisis and NATO enlargement, or that the Kosovo conflict should provoke Ivanov [1999a, p. 2] into claiming that the alliance's military operation against Yugoslavia posed a threat to world order [Lo 2002: 25]. В приведенном контексте авторский комментарий, выражающий оценочное отношение к описываемым событиям прошлого, заключен в главном предложении предложения со сложноподчиненной структурой, являющегося, в соответствии с синтаксическими особенностями английского предложения, темой, в то время как придаточное изъяснительное, детально описывающее фактологическую информацию, является ремой предложения. В языке одной из функций предложения, в том числе и в составе сложного, является передача сообщения, некоторого количества информации адресату, а темо-рематическая организация предложения позволяет расставлять акценты таким образом, как это необходимо автору — «в начале предложения идет та часть, которую говорящий решил выдвинуть на первый план» [Halliday 2014: 89]. Таким образом, основной акцент предложения приходится на авторский комментарий, ядро которого составляет предикативная группа, состоящая из глагола-связки *be*, а также адъективной группы, состоящей из премодификатора *hardly* — наречия-усилителя с характерной персуазивной модальностью и прилагательного *coincidental*, убеждающая читателя в том, что описанное событие произошло не случайно, а, напротив, было тщательно спланировано властями;

- **семантически сильные лексические элементы (89 контекстов из 165).** Данное средство актуализации категории субъективности представлено на уровне слова. Использование неожиданно семантически сильных лексических элементов в научном тексте способствует созданию эффекта иррадиации. В отобранных контекстах, характеризующихся наличием оценочной модальности, она заключается в высказывании в целом, а не в его отдельных элементах. В них семантически сильные лексические элементы характеризуются наличием общего семантического элемента «создание»: *to create, vision, illusion, fashion, etc.* Автор использует их для разграничения исторических фактов и вымысла, реальности и иллюзии, как заявлено в названии его работы: *All governments to a greater or lesser extent indulge in **creative mythmaking and illusions**, and in Russia this was raised almost to an **art form** during the*

Soviet era [Lo 2002: 5] — в данном примере, наряду с обозначенными лексическими единицами, используется местоимение *all* для генерализации и стереотипизации поведения правительственных органов, а также противопоставление российского правительства всем остальным для его демонизации. Такая стратегия позволяет автору добиться признания своей точки зрения как истинной, не прибегая при этом к научной аргументации, но оперируя лишь доступными ему лингвистическими средствами;

- **наречия (46 контекстов из 165)**. Данное средство также представлено на уровне отдельного слова и служит для эмфатизации приводимого суждения: *In this climate, policy-making became **overwhelmingly** reactive and vulnerable to dealmaking* [Lo 2002: 6]. *The last section focuses on three aspects of this dimension: the relations of conflict and cooperation between institutional actors; the **disproportionately** large role of personal factors and relationships in shaping policy; and the mechanics and structures of foreign policy coordination* [Lo 2002: 13]. Такие наречия являются модальными и делают высказывание оценочным, в приведенных примерах выделенные наречия относятся к типу «комментарий» (см. [Halliday 2014: 420]), т. е. служат для выражения авторского отношения к описываемым событиям, фактам, явлениям, и это подтверждает тезис о том, что они являются средством актуализации категории субъективности;

- **устойчивые выражения (14 контекстов из 165)**. Будем считать данное средство маркером, представленным на уровне слова или сложного слова, так как семантически фразеологизм представляет собой неделимое целое, хотя план выражения такого языкового знака соответствует фразе или целому предложению. Использование фразеологизмов в научном тексте в связи с их семантическими особенностями, а также принципами построения научного текста говорит об актуализации категории субъективности и выражении автором собственного отношения, за исключением, пожалуй, цитат, в которых авторское отношение находит отражение лишь косвенно. В отобранных контекстах фразеологизмы используются автором исключительно для выражения отрицательного отношения к описываемым событиям прошедшей социальной реальности: *Similarly, during the Kosovo crisis, Moscow pursued a consistently Americacentric line in the conviction that Washington — not London, Paris or Bonn — **called the shots*** [Lo 2002: 24] — сам по себе фразеологизм *to call the shots* не несет в себе негативной оценки,

однако в данном контексте он является таковым, представляя видение Вашингтона Москвой, демонизируя США и оправдывая действия российской стороны. В примере *On the other hand, his personal style had many negatives, the most serious of which arose from his **divide-and-rule** approach to power* [Lo 2002: 35] использован фразеологизм *to divide and rule*, выражающий отрицательную оценку, так как такое поведение предполагает провокацию конфликтов среди своих оппонентов, их ослабление не в открытом противостоянии, а иными путями, порицаемыми в обществе;

- **генерализация/стереотипизация (15 контекстов из 165)**. Данное средство можно пронаблюдать на уровне предложения или части текста. Рассматриваемый прием обобщения используется в качестве ненаучной аргументации: автор использует стереотипные представления, а не аргументированные доказательства для представления своей точки зрения как истинной: ***One of the most common official clichés** of the Yeltsin period was the notion that Russian foreign policy was 'presidential'* [Lo 2002: 36]; ***Of all the post-Soviet ideological trends**, it was the most popular and influential, and formed the basis of what many commentators have described as the consensus that emerged from 1993* [Lo 2002: 57]. Для реализации генерализации в тексте обычно используются такие средства, как местоимение *all*, прилагательные *common*, *typical*, *widespread*, конструкция *one of*. Использование этих средств позволяет провести четкую границу между типичным и нетипичным, нормальным и ненормальным, приемлемым и неприемлемым, основываясь не на логических доказательствах и доводах, а на стереотипных представлениях, укоренившихся в сознании представителей определенной культуры или социальной группы. Использование такого приема является полезным в ходе применения манипулятивных стратегий, так как затрагивает ценности, понятия и установки, разделяемые читателем, апеллирует к его бытовому сознанию, а не критическому мышлению, поскольку имеет формальные сходства с достаточно аргументированным тезисом;

- **антитеза (11 контекстов из 165)**. Данное средство также реализуется как на уровне предложения, так и на уровне части текста. Использование антитезы позволяет расставить акценты, противопоставляя хорошее и плохое, правильное и неправильное во внешней политике постсоветской России. Данный прием также может опираться на использование закрепленных в обществе

стереотипов или предлагать новые оценки и ценности: *It was, for example, hardly coincidental that Primakov replaced Kozyrev six months before the 1996 Presidential elections. In the circumstances of the forthcoming struggle between the forces of democratic 'light' and Communist 'darkness', the Yeltsin administration was anxious to remove one potentially significant variable by 'depoliticizing' foreign policy* [Lo 2002: 28]. В данном примере проводится традиционное противопоставление света и тьмы, которое является репрезентацией фундаментального конфликта добра и зла. Демократия позиционируется как «свет», «добро», а коммунизм — как «тьма», «зло» соответственно, однако не приводятся аргументы, позволяющие провести такую четкую и однозначную границу. В данном случае, как и в случае обобщения и обращения к стереотипным представлениям, автору текста не обязательно приводить доводы, полноценно аргументирующие его позицию, достаточно лишь доступных ему лингвистических средств для апелляции к бытовому сознанию, сложившимся представлениям и установкам читателя, но не к критическому мышлению и анализу;

• **графические средства (88 контекстов из 165)**. Данное средство представлено в тексте посредством использования кавычек и курсива. Выделенными являются отдельные слова или целые фразы. Целью использования графических средств является выражение пренебрежительного и отрицательного отношения к описываемому явлению, указание на то, что в реальности мы могли наблюдать нечто, прямо противоположное описанному. Также автор использует прием графического выделения с помощью кавычек для включения цитат и авторских терминов в прямом значении в текст работы. Такие примеры не вошли в число отобранных нами контекстов: *Driven by a kto kogo ('who wins over whom') mentality in which for every winner there must be a loser, zero-sum equations were crucial in shaping Moscow's approach towards a whole range of issues: NATO enlargement, Iraq, Kosovo, strategic missile defence. If zero-sum was the 'soul' of geopolitics, then balance-of-power notions supplied its flesh and bones* [Lo 2002: 99]. Использование курсива в данном случае (в публикации заменен полужирным начертанием) сочетается с транслитерацией русского выражения, сопровождающейся переводом на английский язык. Благодаря использованию данных средств автор акцентирует внимание на некоторых стереотипных особенностях русской ментальности (упрямство, неготовность к поиску и принятию компромисса, сила,

агрессивность и даже враждебность), что в контексте анализа внешней политики России выражает отрицательное отношение автора к используемым российским правительством стратегиям, тактикам и приемам.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что маркеры категории субъективности являются более частотными, чем маркеры категории субъектности, в научном историческом тексте, а также более вариативными. Было установлено, что некоторые средства актуализации категории субъективности участвуют в обеспечении когерентности текста (к примеру, антитеза). Тем не менее сложно с уверенностью сказать, какое из рассмотренных нами средств является наиболее частотным, так как в значительной части из рассмотренных 165 контекстов присутствуют одновременно два и более средства актуализации рассматриваемой категории.

Проведенный лингвистический анализ научного исторического текста показал, что категории субъектности и субъективности представлены в тексте, однако частотность маркеров этих категорий в тексте не является чрезмерной, т. е. можно говорить о принадлежности данного текста к научному дискурсу, а также о его объективности в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болдырев Н. Н. Роль интерпретирующей функции в формировании языковых категорий // Вестн. ТГУ. Сер.: Гуманитарные науки. 2011. Вып. 1 (93). С. 9—16.
2. Гричин С. В. Текстостроительная функция авторизации // Вестник Томского государственного университета. — 2010. — № 4 (12). — С. 5—14.
3. Гронская Н. Э. Языковые механизмы манипулирования массовым политическим сознанием // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. Сер.: Международные отношения, политология, регионоведение. 2003. № 1. С. 220—231.
4. Грушевская Т. М., Гассий Т. И. Политический газетный текст через призму маркеров субъектности // Вестн. Адыгейск. гос. ун-та. Сер. 2: Филология и искусствоведение. 2013. № 3 (126). С. 38—41.
5. Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. — М.: КомКнига, 2007. 350 с.
6. Золотова Г. А. Синтаксический словарь: репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. — М.: Эдиториал УРСС, 2001. 435 с.
7. Краснова Т. И. Субъективность — Модальность (материалы активной грамматики). — СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2002. 189 с.
8. Лахвицкий А. Н. Исторический текст как социальный феномен: автореф. дис. ... канд. филос. наук. — Саратов, 2013. 17 с.
9. Латфулина З. Р. Модусные показатели диалектного высказывания: авторизация и персуазивность // Вестн. Том. гос. ун-та. 2014. № 380. С. 29—33.
10. Потапова Н. Д. Лингвистический поворот в историографии: учеб. пособие. — СПб.: Изд-во Европейск. ун-та в Санкт-Петербурге, 2015. 380 с.
11. Репина Л. П. «Вызов и ответ»: перспективы исторической науки в начале нового тысячелетия // Ейдос: альманах теорії та історії історичної науки. — Київ: Інститут історії України НАН України. 2008. Вип. 3. С. 11—26.
12. Румянцева М. Ф. Феноменологическая концепция источниковедения в интерпретации Ольги Михайловны Медушевской // Вестн. РГГУ. Сер.: История. Филология. Культур-

рология. Востоковедение. 2009. № 4. С. 12—22.

13. Савельева И. М., Поletaев А. В. Теория исторического знания : учеб. пособие. — СПб. : Алетей. Историческая книга, 2007. 523 с.

14. Согрин В. В. 1985—2005 гг.: перипетии историографического плюрализма // Общественные науки и современность. 2005. № 1. С. 20—34.

15. Сыроватская Н. С. Авторизация: проблемы определения и научного описания на уровне предложения и текста // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2009. № 89. С. 250—256.

16. Чернявская В. Е. Интерпретация научного текста : учеб. пособие. Изд. 4-е. — М. : Изд-во ЛКИ, 2007. 128 с.

17. Чернявская В. Е., Молодыхенко Е. Н. История в дискурсе политики: лингвистический образ «своих» и чужих». —

М. : ЛЕНАНД, 2014. 200 с.

18. Чернявская В. Е. Прошлое как текстовая реальность: методологические возможности лингвистического анализа исторического нарратива // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2016. Вып. 3 (41). С. 76—87.

19. Lo B. Russian foreign policy in the post-Soviet era: reality, illusion and mythmaking. — New York : Palgrave Macmillan, 2002. 223 p.

20. Halliday M. A. K. Introduction to Functional Grammar. Fourth ed. — Oxon : Routledge, 2014. 786 p.

21. Ruesen J. Narrativity and Objectivity in Historical Studies // Symposium: History and the Limits of Interpretation (Rice Univ. (USA), March 15—17, 1996). URL: http://cohesion.rice.edu/humanities/csc/conferences.cfm?doc_id=369 (date of access: 23.06.2016).

E. V. Kalinova

Arkhangelsk, Russia

CATEGORIES OF SUBJECT AND SUBJECTIVITY ACTUALIZATION MEANS IN HISTORICAL TEXT (FOUND IN THE MONOGRAPH BY BOBO LO “RUSSIAN FOREIGN POLICY IN THE POST-SOVIET ERA – REALITY, ILLUSION AND MYTHMAKING”)

ABSTRACT. *Both human sciences and, in particular, history pluralism lead to discussions upon their scientific status and objectivity. Though there exist criteria proving that the text belongs to the scientific style, it is still hard to speak about absolute objectivity of such texts. This idea is based on the fact that while writing a scientific historical text, an author analyses and interprets the information obtained from historical sources because it is impossible to observe the past directly. It means that the result of such work is a text which has an author and, consequently, can be described as subjective to a certain extent. It also should be noted that the author uses an addressing means system to establish successful communication between the author and the reader. This article is focused on two linguistic categories — the categories of subject and subjectivity — which represent the addressing means system. The historical monograph analysis allows to enlist the markers by means of which these categories are actualized in the scientific historical text to prove that these categories can be found in such texts and to define main tactics and techniques included by the author into the text with the help of these categories.*

KEYWORDS: *scientific texts; scientificity criteria; historical texts; historical sources; linguistic categories; subjectivity.*

ABOUT THE AUTHOR: *Kalinova Elena Viktorovna, Post-graduate Student, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia.*

REFERENCES

1. Boldyrev N. N. Rol' interpretiruyushchey funktsii v formirovaniyazykovykh kategoriy // Vestn. TGU. Ser.: Gumanitarnye nauki. 2011. Vyp. 1 (93). S. 9—16.

2. Grichin S. V. Tekstostroitelnaya funktsiya avtorizatsii // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. — 2010. — № 4 (12). — S. 5—14.

3. Gronskaya N. E. Yazykovye mekhanizmy manipulirovaniya massovym politicheskim soznaniem // Vestn. Nizhegorod. un-ta im. N. I. Lobachevskogo. Ser.: Mezhdunarodnye otnosheniya, politologiya, regionovedenie. 2003. № 1. S. 220—231.

4. Grushevskaya T. M., Gassiy T. I. Politicheskii gazetnyy tekst cherez prizmu markerov sub"ektivnosti // Vestn. Adygeysk. gos. un-ta. Ser. 2: Filologiya i iskusstvovedenie. 2013. № 3 (126). S. 38—41.

5. Zolotova G. A. Ocherk funktsional'nogo sintaksisa russkogo yazyka. — М. : KomKniga, 2007. 350 s.

6. Zolotova G. A. Sintaksicheskii slovar': repertuar elementarnykh edinits russkogo sintaksisa. — М. : Editorial URSS, 2001. 435 s.

7. Krasnova T. I. Sub"ektivnost' — Modal'nost' (materialy aktivnoy grammatiki). — SPb. : Izd-vo SPbGUEF, 2002. 189 s.

8. Lakhvitskiy A. N. Istoricheskii tekst kak sotsial'nyy fenomen : avtoref. dis. ... kand. filos. nauk. — Saratov, 2013. 17 s.

9. Latfulina Z. R. Modusnye pokazateli dialektного vyskazyvaniya: avtorizatsiya i persuazivnost' // Vestn. Tom. gos. un-ta. 2014. № 380. S. 29—33.

10. Potapova N. D. Lingvisticheskii povорот v istoriografii : ucheb. posobie. — SPb. : Izd-vo Evropeysk. un-ta v Sankt-Peterburge, 2015. 380 s.

11. Repina L. P. «Vyzov i otvet»: perspektivy istoricheskoy nauki v nachale novogo tysyacheletiya // Eydos : al'manakh teorii ta istorii istorichnoy nauki. — Kiiv : Institut istorii Ukraini NAN Ukraini. 2008. Vip. 3. S. 11—26.

12. Rumyantseva M. F. Fenomenologicheskaya kontseptsiya istochnikovedeniya v interpretatsii Ol'gi Mikhaylovny Medushevskoy // Vestn. RGGU. Ser.: Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie. 2009. № 4. S. 12—22.

13. Savel'eva I. M., Poletaev A. V. Teoriya istoricheskogo znaniya : ucheb. posobie. — SPb. : Aleteya. Istoricheskaya kniga, 2007. 523 s.

14. Согрин В. В. 1985—2005 гг.: перипетии историографического плюрализма // Общественные науки и современность. 2005. № 1. С. 20—34.

15. Сыроватская Н. С. Авторизация: проблемы определения и научного описания на уровне предложения и текста // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2009. № 89. С. 250—256.

16. Чернявская В. Е. Интерпретация научного текста : учеб. пособие. Изд. 4-е. — М. : Изд-во ЛКИ, 2007. 128 с.

17. Чернявская В. Е., Молодыхенко Е. Н. История в дискурсе политики: лингвистический образ «своих» и чужих». — М. : ЛЕНАНД, 2014. 200 с.

18. Чернявская В. Е. Прошлое как текстовая реальность: методологические возможности лингвистического анализа исторического нарратива // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2016. Вып. 3 (41). С. 76—87.

19. Lo B. Russian foreign policy in the post-Soviet era: reality, illusion and mythmaking. — New York : Palgrave Macmillan, 2002. 223 p.

20. Halliday M. A. K. Introduction to Functional Grammar. Fourth ed. — Oxon : Routledge, 2014. 786 p.

21. Ruesen J. Narrativity and Objectivity in Historical Studies // Symposium: History and the Limits of Interpretation (Rice Univ. (USA), March 15—17, 1996). URL: http://cohesion.rice.edu/humanities/csc/conferences.cfm?doc_id=369 (date of access: 23.06.2016).

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, доц. Л. Ю. Щипицина.

Ли Вэньду
Екатеринбург, Россия

МОЛЧАНИЕ В РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ КАРТИНАХ МИРА

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена семантическому анализу феномена «молчание», представленного в русской и китайской фразеологии. Цель исследования — провести сопоставительный функционально-семантический анализ фразеологизмов русского и китайского языков, описывающих феномен «молчание». Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью лингвокультурологического осмысления национальных фразеологических картин мира. Материалом для исследования послужили русские и китайские фразеологизмы, извлеченные методом сплошной выборки из фразеологических словарей. В исследовании были использованы методы семантического и лингвокультурологического анализа, сравнительно-сопоставительный метод. Выделены и описаны основные функции молчания: добродетели и вежливости, проявления мудрости, стратегии общения, внутренней силы и др. Фразеологические единицы со значением молчания содержат в себе прескрипции коммуникативного поведения двух народов. Через феномен молчания фразеологизмы передают культурные ценности, свойственные мировосприятию и национальной традиции двух этносов. В китайской фразеологической картине мира молчание имеет только мелиоративную оценку, тогда как в русской фразеологической картине мира молчание амбивалентно.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: коммуникативное поведение; фразеология; функция; национально-культурное значение; лексическая семантика.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Ли Вэньду, аспирант, кафедра риторики и стилистики русского языка, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; 620078, г. Екатеринбург, ул. Малышева, 144; e-mail: 564531768@qq.com.

Молчание вездесуще, оно постоянно присутствует в любой форме общения, и нет таких членов общества, которые бы не молчали, а потому «в известном смысле молчание доминирует над словом» [Богданов 1997: 4]. Человек не может говорить постоянно, его речь прерывается паузами разной длины, иногда он молчит, и молчание может быть красноречивее слов.

В области лингвистики, главным объектом изучения которой является звуковой язык, была признана важная роль молчания: его место в общении, в нашей обыденной жизни никак не уступает другим средствам коммуникации. «Под молчанием понимается функциональная коммуникативная единица, выступающая в определенных условиях как стратегия общения» [Корнилова 2002: 215—216]. Молчание — это сложная коммуникативная единица, которая обладает признаками знака и речевого акта, имеет коммуникативно-прагматическую структуру речевого акта [Крестинский 1998: 74—79].

Н. Д. Арутюнова указывает, что молчание — это значимый нулевой речевой акт, знак определенного содержания, которое слито с молчанием как означаемое с нулевым означателем [Арутюнова 1994: 14—15]. В доказательство исследователь приводит окончание драмы А. С. Пушкина «Борис Годунов»: *Народ безмолвствует*, — которое скрывает в себе множество разного рода отношений людей к произошедшему событию.

В самом деле, глагол «промолчать» в русском языке нередко означает «отсутствием высказывания выразить свое мнение, отношение, оценку события». Однако трудно говорить о едином акте молчания, «посколь-

ку за этим действием (бездействием) скрыты самые разные интенциональные и эмоциональные значения» [Формановская 1998: 158], а также собственно коммуникативные причины. Существуют такие ситуации, когда молчание означает отсутствие способностей к общению с другими людьми или неумение, нежелание высказать свои мысли и суждения. Молчание как компонент коммуникативного поведения может быть причиной непонимания, испуга, отсутствия интереса коммуниканта к разговору и др. Феномен молчания достаточно сложен и не всегда может быть интерпретирован как речевой акт. Вместе с тем значимое молчание целесообразно считать одним из невербальных способов выражения интенционального значения, тесно связанного с конкретной ситуацией общения [Формановская 1998: 158—160].

Невербальное поведение человека отражает мыслительную работу и психическое состояние лица, а молчание представляет собой его важный компонент. Поэтому акт молчания, как и большинство речевых актов, нередко сопровождается знаками невербальных кодов (например, мимикой, жестами), включает многообразие значений и смыслов.

Известно, что создаваемая человеком картина мира изначально антропоцентрична, и акт молчания участвует в реализации представления о человеке как о центре мира. Фразеологические единицы (далее — ФЕ) представляют собой своеобразные микромиры, содержащие в себе «и нравственный закон, и здравый смысл, выраженные в кратком изречении, которые завещали предки в руководство потомкам» [Буслаев 1959:

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант 15-04-00239 а «Национальные базовые ценности и их отражение в коммуникативном пространстве провинциального города: традиции и динамика».

37]. Во внутренней форме большинства ФЕ содержатся такие смыслы, которые придают им национально-культурный колорит. Ярким проявлением ментальности народа являются ФЕ, описывающие молчание.

Цель нашего исследования — провести сопоставительный функционально-семантический анализ фразеологизмов русского и китайского языков, описывающих феномен «молчание». Вслед за В. Н. Телия мы понимаем фразеологию широко и включаем во фразеологическую систему собственно фразеологизмы разных типов, устойчивые сочетания и паремии [Телия 1996]. Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью сопоставительного изучения ФЕ с точки зрения лингвокультурологии для понимания различий в мировосприятии разных народов.

Некоторые аспекты феномена молчания в диалоге или в коммуникативных ситуациях становились предметом изучения русских и китайских лингвистов [Арутюнова 1994; Богданов 1997; Корнилова 2002; Александрова 2005; Крестинский 1998; Прохоров, Стернин 2002; Сун Ли 1998; Ян Пин 1996 и др.]. Однако нам не встретились сопоставительные исследования по фразеологии, в которых анализируется национально-культурная специфика семантики «молчания».

Материалом для исследования послужили ФЕ, в значении которых характеризуются разные аспекты молчания. Материал извлечен методом сплошной выборки из фразеологических словарей русского и китайского языков [Даль 1984; Мокиенко 2003; Ли Ихуа, Люй Дэшэнь 1985; Чжоу Цзинци 2006; Конфуций 2001].

По данным русской лексикографии, *молчание* — многозначное слово: «1. Не произносить ничего, не издавать никаких звуков. 2. Соблюдать что-н. в тайне, не рассказывать о чем-н., не высказываться» [Ожегов 2014: 300]. Анализируя ФЕ, мы обнаружили, что многие русские ФЕ сохраняют системную семантику лексемы *молчание*.

Совпадающие в системе языка и во фразеологии смыслы представляют функции молчания, значимые для коммуникативного поведения.

Молчание в русской коммуникации прежде всего оценивается как **добродетель** и является сигналом **вежливости**. Во фразеологии русского языка молчание как добродетель считается одним из важнейших качеств личности, необходимых для гармоничного общения: *Твое молчание приятнее музыки; Больше слушай — поменьше говори, не зря у тебя два уха и один только язык; Умей сказать, умей и смолчать; Мол-*

чанкой никого не обидишь; Собака лает, соловей молчит; И за молчание гостинцы дают и т. п.

В сознании носителей русского языка молчание часто предстает как **проявление мудрости**. Считается, что в тяжелых или трудных ситуациях молчание — это нередко лучший и самый умный ответ, ср.: *Доброе молчание чем не ответ?; Кто молчит, тот двух научит; Умный молчит, когда дурак говорит; Не хвастайся осведомленностью, гордись молчанием; Молчание лучше слов; Не стыдно молчать, когда нечего сказать; Кто родится — кричит; кто умирает — молчит* и т. п. В молчании проявляются достоинства личности: умение размышлять, скромность, уважение к собеседнику.

Бывают ситуации, когда молчание выступает как **знак согласия**, т. е. в диалоге замечает слово «да». Человек своим молчанием информирует коммуникативного партнера о своем отношении к сказанному: *Молчание — знак согласия; Кто молчит, тот соглашается*.

Как средство передачи информации акт молчания не уступает высказыванию в вербальной форме, и порой через молчание коммуникант способен выразить больше, чем словами: *Кстати промолчать, что большое слово сказать; Слово — серебро, молчание — золото*.

Аналогичное образное выражение есть и в китайском языке — 沉默是金, *досл.* «Молчание — золото», т. е. и с точки зрения китайской культуры молчание иногда более действенно, чем речь.

Молчание в китайской коммуникации выполняет также этикетную функцию. В Китае при общении очень ценится вежливость, так как здесь следуют заветам Конфуция, жизненная философия которого состоит в следующем: 予欲无言, 终身为善 — *досл.* «Я хочу ничего не говорить и всю жизнь быть добрым». Поэтому частое использование акта молчания отражает представления китайцев о нравственных ценностях.

Конфуцианство оказывает чрезвычайно значимое и глубокое влияние на нормы поведения людей, и молчание в сознании китайского народа — это скромное поведение, проявление «принципа вежливости». Китайская культура одобрительно оценивает молчание, у китайцев принято больше молчать в межличностной коммуникации. В повседневных беседах, во время деловых встреч и даже в учебных аудиториях Китая часто возникает ситуация молчания, и оно длится дольше, чем в аналогичных ситуациях в России. Китайцы трактуют продолжительное

молчание как разновидность добродетели, подобной искренности, как проявление высшей степени вежливости.

Молчание во взаимоотношениях участников речевого общения является показателем уважения к участникам коммуникативного акта, почтения к окружающим и тактичного поведения. Подобная функция молчания отразилась во многих китайских ФЕ: 切尽在不言中 — *досл.* «Всё заключается в молчании»; 一切邪恶皆出口 — *досл.* «Все беды от языка»; 言多必失 — *досл.* «Чем больше говоришь, тем больше теряешь» и т. п.

Говорящим по-китайски известно древнее изречение, которым восхищаются и теперь: 桃李不言, 下自成蹊 — *досл.* «Персиковые и сливовые деревья безмолвны, однако под ними всегда образуется тропа от тянущихся к ним людей». Смысл этого афоризма заключается в следующем: несмотря на то что деревья не могут говорить, не зазывают к себе, люди приходят к ним, наслаждаются их красотой, собирают прекрасные фрукты. Так и люди, которые мало говорят и больше молчат, привлекают к себе других людей, вызывают их уважение. Это изречение доказывает, что молчание в процессе коммуникации издавна высоко ценится в китайской культуре.

Молчание сопровождает разные коммуникативные ситуации, оно как знак невербального общения выполняет разные функции: «...для общества молчание функционально равнозначно другим формам общения» [Богданов 1997: 4—12]. Н. Д. Арутюнова определяет молчание как отрицательный феномен, поскольку значение глагола «молчать» трактуется как противоположность наиболее общего и неспецифицированного по коммуникативной цели предиката речи — глагола «говорить». По мнению исследователя, в значение глагола «молчать» и его производных входит отрицание [Арутюнова 1994: 106—107]. В русской фразеологии это положение находит подтверждение, например: *Не молчи, когда нужно говорить*. Во многих выражениях сравнения, характеризующие молчащего человека, передают негативную или ироническую оценку: *Молчать как камень; Как пень; Как немой; Как убитый; Как сфинкс; Замолчал, как воды в рот набрал; Замолчал, как рыба в пироге* и т. д. Ср. подобное устойчивое выражение в китайском языке: 沉默的像个石头 — *досл.* «Молчать как камень».

Русское молчание часто таит в себе опасность: *Не бойся собаки брехливой, а бойся молчаливой; Не та собака кусает,*

что лает, а та, что молчит да хвостом виляет. И такое молчание тоже получает во фразеологии пейоративную оценку.

Однако, анализируя ФЕ со значением молчания, мы обнаружили, что большинство из них имеют положительную коннотацию.

Во фразеологии обоих языков у *молчания* гораздо больше сем, чем у соответствующей лексемы. Перечислим выявленные дополнительные смыслы, отсутствующие у лексемы и представляющие различные функции молчания.

Основная коммуникативная функция молчания — использование его как **стратегии общения**. Молчание человека воспринимается как осознанное поведение, проявление невербальной стратегии и тактика общения для достижения определенных коммуникативных намерений и целей. При такой трактовке *молчать* означает «не говорить много, не говорить пустое, ерунду и т. п.». По мнению О. С. Иссерс, молчание является одним из важнейших приемов эффективной речевой коммуникации [Иссерс 2002]. В русской фразеологии прослеживается традиция высокой оценки стратегии молчания как коммуникативной нормы: *Не все ворчать, надо и помолчать; Доброе молчание лучше худого ворчания; Всякое молчание лучше ворчания; Не все ворчать, надо и помолчать; Лучше отмолчаться, чем огрызаться* и т. д.

В русской культуре молчание необходимо в определенных ситуациях: *В добрый час молвить, а в худой — промолчать; Доброе смолчится, а худое смолвится; Лучше помолчать, если нечего сказать; На некоторые вопросы следует отвечать молчанием* и др.

Аналогичное выражение есть и в китайском языке: 此时无声胜有声 — *досл.* «В такие моменты лучше молчать, чем говорить». Китайский философ Конфуций осторожно обращался со словами и высоко ценил молчание в коммуникации, о чем свидетельствуют следующие цитаты из него: 慎言 — *досл.* «Быть осторожным в высказываниях», 寡言 — *досл.* «Меньше слов», 戒言 — *досл.* «Ничего не говори». Главное правило общения, по мнению философа, — 君子欲讷于言, 而敏于行 — *досл.* «Быть медлительным в речи, а быстрым в действии». Тех, кто любит болтать, воспринимают как поверхностных неискренних людей, а чрезмерное красноречие часто считается излишним и даже свидетельством ненадежности.

И сегодня в межличностной коммуникации китайцы соблюдают те принципы поведения, которые сформулировал Конфуций

тысячи лет назад: 君子要少说多做, 而后近于仁者 — *досл.* «Достойный человек должен меньше говорить, но обязательно быть ближе к гуманности и справедливости». Молчание в понимании народа Китая есть отражение культуры человека. Молчание осмысливается как норма, принятая в национальной культуре.

В китайской фразеологии отражена важная для нации функция молчания как свидетельства **внутренней силы**, т. е. во внешнем покое молчания скрывается мощная внутренняя энергия: 静水深流 — *досл.* «Тихие воды текут глубоко»; 于无声中听雷 — *досл.* «При молчании раздается гром» и т. п.

Таким образом, фразеология двух языков — русского и китайского — зафиксировала роль молчания как сложной коммуникативной единицы, значимого и неотъемлемого компонента общения. Молчание выполняет функцию способа коммуникации, дополнительного к основному, вербальному. Как часть коммуникации, молчание многозначно и многофункционально, оно ничуть не уступает вербальной форме общения, так как способно передавать разнообразную информацию в определенной ситуации общения. Кроме того, молчание относится к этикетным нормам коммуникации и помогает эффективному общению. Выделенные функции молчания позволяют реконструировать концепт *молчание* в обоих языках, семантика которого шире лексического значения соответствующего слова.

В двух культурах проявляется разное отношение к молчанию. В китайской фразеологической картине мира молчание имеет только мелиоративную оценку, тогда как в русской фразеологической картине мира молчание амбивалентно.

ФЕ, описывающие молчание, содержат в себе прескрипции коммуникативного поведения; через феномен молчания ФЕ пере-

дают культурные ценности, отражающие мировосприятие и национальные традиции каждого этноса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александрова И. Б. Слово о молчании // Русская речь. 2005. № 4. С. 70—75.
2. Арутюнова Н. Д. Молчание: контексты употребления // Логический анализ языка: язык речевых действий. — М.: Языки русской культуры, 1994. С. 14—113.
3. Богданов К. А. Очерки по антропологии молчания, Ното Тасенс. — СПб.: РХГИ, 1997. 352 с.
4. Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка. — М.: Учпедгиз, 1959. 623 с.
5. Даль В. И. Пословицы русского народа : в 2 т. — М.: Худож. лит., 1984.
6. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. — М.: УРСС, 2002. 284 с.
7. Конфуций. Лунь Юй (Беседы и Суждение). — М.: Восточная литература, 2001.
8. Корнилова Н. Б. Молчание в культурной коммуникации: гендерный аспект // Гендер: язык, культура, коммуникация. — М.: Рудомино, 2002. С. 215—216.
9. Крестинский С. В. Молчание в системе невербальных средств коммуникации // Тверской лингвистический меридиан : теоретический сборник / под ред. И. П. Сусова. — Тверь : Тверск. гос. ун-т, 1998. Вып. 1. С. 74—79.
10. Мокиенко В. М. Словарь сравнений русского языка. — М.: Норинт, 2003. 604 с.
11. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / под ред. проф. Л. И. Скворцова. — М.: АСТ, 2014. 736 с.
12. Прохоров Ю. Е., Стернин И. А. Русское коммуникативное поведение. — М., 2002. 277 с.
13. Телия В. Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. — М.: Языки русской культуры, 1996. 288 с.
14. Формановская Н. И. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения. — М.: ИКАР, 1998. С. 150—160.
15. 李一华, 吕德申. 汉语成语词典 : 四川辞书出版社, 1985. = 李伊胡, Люй Дэшэнь. Фразеологический словарь китайского языка. — Сычуань : Словарь, 1985.
16. 宋丽. 沉默中的不同声音 // 外语学刊 (黑龙江大学学报). 1998. 第1期. 56—59页. = 孙 莉. 不同的沉默 // 外语学刊 / 黑龙江大学学报. 1998. 第1期. 56—59页.
17. 周津琦. 汉语谚语词典: 北京教育出版社. 2006. 1060页. = 赵 津. 汉语谚语词典. — Пекин, 2006. 1060 с.
18. 杨平. 沉默的语用功能和文化内涵 // 山东外语教学. 1996. 第2期. 79—81页. = 杨 平. 沉默的语用功能和文化内涵 // 山东外语教学. 1996. 第2期. 79—81页.

Li Wenlu
Ekaterinburg, Russia

SILENCE IN THE RUSSIAN AND CHINESE PHRASEOLOGICAL PICTURES OF THE WORLD

ABSTRACT. The article is devoted to the semantic analysis of the phenomenon «silence» that represents in the Russian and Chinese phraseology. The objective of research is to perform comparative functional-semantic analysis of phraseological units of Russian and Chinese languages, describing the phenomenon «silence». The relevance of this research is due to the need for linguistic and cultural understanding of national phraseological picture of the world. Material for the research is based on Russian and Chinese phraseological units extracted by the method of continuous sampling from phraseological dictionaries. The study used the methods of semantic, linguistic and cultural analysis, comparative method. The identified and described main functions of silence: virtue and politeness, expression of wisdom, communication strategy, internal energy, etc. Phraseological units with the meaning of silence contain recommendations of communicative behavior of the two peoples. Through the phenomenon «silence» in phraseology transmit cultural values, that have characteristic of the worldview and national traditions of the two ethnic groups. In Chinese phraseological picture of the world, silence has only positive assessment, while in Russian phraseological picture of the world silence is ambivalent.

KEYWORDS: communicative behavior; phraseology; function; national and cultural meaning; lexical semantics.

ABOUT THE AUTHOR: Li Wenlu, postgraduate student, Department of rhetoric and stylistics of Russian language, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.

REFERENCES

1. Aleksandrova I. B. Slovo o molchanii // Russkaya rech'. 2005. № 4. S. 70—75.
2. Arutyunova N. D. Molchanie: konteksty upotrebleniya // Logicheskiy analiz yazyka: yazyk rechevykh deystviy. — M. : Yazyki russkoy kul'tury, 1994. S. 14—113.
3. Bogdanov K. A. Ocherki po antropologii molchaniya, Homo Tacens. — SPb. : RKhGI, 1997. 352 s.
4. Buslaev F. I. Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka. — M. : Uchpedgiz, 1959. 623 s.
5. Dal' V. I. Poslovitsy russkogo naroda : v 2 t. — M. : Khudozh. lit., 1984.
6. Issers O. S. Kommunikativnye strategii i taktiki russkoy rechi. — M. : URSS, 2002. 284 s.
7. Konfutsiy. Lun' Yuy (Besedy i Suzhdenie). — M. : Vostochnaya literatura, 2001.
8. Kornilova N. B. Molchanie v kul'turnoy kommunikatsii: gendernyy aspekt // Gender: yazyk, kul'tura, kommunikatsiya. — M. : Rudomino, 2002. С. 215—216.
9. Krestinskiy S. V. Molchanie v sisteme neverbal'nykh sredstv kommunikatsii // Tverskoy lingvisticheskiy meridian : teoreticheskiy sbornik / pod red. I. P. Susova. — Tver' : Tversk. gos. un-t, 1998. Vyp. 1. С.74—79.
10. Mokienko V. M. Slovar' sravneniy russkogo yazyka. — M. : Norint, 2003. 604 s.
11. Ozhegov S. I. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka / pod red. prof. L. I. Skvortsova. — M. : AST, 2014. 736 s.
12. Prokhorov Yu. E., Sternin I. A. Russkoe kommunikativnoe povedenie. — M., 2002. 277 s.
13. Teliya V. N. Russkaya frazeologiya: semanticheskiy, pragmaticheskiy i lingvokul'turologicheskiy aspekty. — M. : Yazyki russkoy kul'tury, 1996. 288 s.
14. Formanovskaya N. I. Kommunikativno-pragmaticheskie aspekty edinits obshcheniya. — M. : IKAR, 1998. С. 150—160.
15. Li Ikhuа, Lyuy Deshen'. Frazeologicheskiy slovar' kitayskogo yazyka. — Sychuan' : Slovar', 1985.
16. Cun Li. Raznye smysly molchaniya // Zhurnal inostrannykh yazykov / Kheyluntszyanskiy un-t, 1998. № 1. С. 56—59.
17. Chzhou Tszintsi. Slovar' kitayskikh poslovits. — Pekin, 2006. 1060 с.
18. Yan Pin. Pragmaticheskie funktsii i kul'turnye smysly molchaniya // Shan'dunskoe inostrannoe obuchenie. — Shan'dun, 1996. №2. S. 79—81.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. О. А. Михайлова.

А. В. Ложкова
Екатеринбург, Россия

ТРАДИЦИИ РИМСКОЙ ОБЛИЧИТЕЛЬНОЙ САТИРЫ В ПОЭТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ ДЕКАБРИСТОВ

АННОТАЦИЯ. Предметом статьи являются преемственные связи между стилевыми поисками русских поэтов-декабристов и их античных предшественников в области обличительной сатирической поэзии. Автор статьи, опираясь на исследование специалистов, дает краткую характеристику основных стилевых модификаций стихотворной сатиры, представленных в творчестве наиболее значительных представителей древней римской литературы, акцентируя внимание на их обусловленности особенностями общественно-политической ситуации, а также ролью, которую сатира была призвана сыграть в социальной и политической борьбе в ту или иную эпоху римской истории. Главной целью работы является выяснение причин, побудивших поэтов-декабристов обратиться к опыту римской сатирической поэзии. Одной из главных причин, по мнению автора статьи, является явственно обнаружившаяся в русской литературе к началу XIX века тенденция сужения жанрового поля стихотворной сатиры и, как следствие, утрата ею роли трибуны обличения социальных и политических пороков. «Воскрешая» полузабытые к началу XIX века имена Персия, Луцилия, используя разработанные ими приемы ораторской, проповеднической стилистики, поэты-декабристы К. Ф. Рылеев, А. А. Бестужев, вслед за предвосхитившим их стилевые эксперименты М. В. Милоновым, с одной стороны, возвращают сатиру в поле активной общественно-политической полемики, а с другой — создают новый тип жанровой структуры, сближающийся с гражданской одой.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: сатира; жанр; античная литература; поэзия декабристов; Луцилий; Персий; Гораций; Ювенал; М. В. Милонов; К. Ф. Рылеев; А. А. Бестужев.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Ложкова Анастасия Валерьевна, аспирант, Институт филологии, культурологии и межкультурной коммуникации, Уральский государственный педагогический университет; 6120017, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; e-mail: lozhkova@eka-net.ru.

Стихотворная сатира — жанр, широко представленный в мировой литературной традиции. Практически все специалисты согласны в том, что зарождается он в недрах древней римской литературы. Так, Михаэль фон Альбрехт называет сатиру «специфически римским литературным жанром» [Альбрехт 2002: 277]. Римские авторы и сами это хорошо понимали. В. С. Дуров напоминает о высказывании римского теоретика ораторского искусства и знатока греческой и римской литературы Марка Фабия Квинтилиана «*Satura quidem tota nostra est*» («Сатира — целиком наша») [Дуров 1987: 4—5].

По мнению Г. Ф. В. Гегеля, сатира была рождена специфической духовной ситуацией, сложившейся в Риме, как форма, позволяющая излить «дух добродетельной досады на окружающий мир», воссоздать образ действительности, разрушающейся изнутри вследствие своей порочности, показать его в свете абстрактного идеала [Гегель 1968: 226]. Мы полагаем, что Гегелю удалось уловить и сформулировать как суть сатирического типа отношения к действительности, так и архетипическую основу, определяющую специфическую природу сатирических жанров: «Для сатиры требуются твердые принципы, с которыми современность находится в противоречии, мудрость, остающаяся абстрактной, добродетель, которая с упрямой энергией следует лишь самой себе и которая, хотя и может вступить в разлад с действительностью, не в состоянии, однако, осуществить ни подлинно поэтического разрешения ложного и отвратительного, ни подлинного примирения в истине» [Гегель 1968: 227]. Развивая мысль Гегеля, В. С. Ду-

ров уточняет, что сатира стала формой искусства, которая отразила возникший антагонизм между внутренним миром индивида и внешней реальностью [Дуров 1987: 6].

Возникновение термина «сатира», как правило, связывают с именем Квинта Энния (239—169 г. до н. э.), создателя сборника мелких стихотворений на разные темы под названием «Сатуры» (*saturae*) — «Смесь». Судя по дошедшим до нас фрагментам, сатуры Энния сочетали дидактичность, занимательность и некоторую личную заостренность. Название указывало на широкие содержательные границы новой формы: «Сатира была тем жанром, который, помимо прочего, позволял поэту в непринужденной форме дружеской беседы, письма, раздумья потолковать на самые разные темы политики, философии, искусства, практической морали, рассказать о самом себе, дать полезный совет другу, посплетничать и посудачить на злобу дня» [Дуров 1987: 7]. Изначально закладывалась и возможность использования разнообразных композиционных форм: сатира могла строиться как диалог, послание, повествование («рассказ»), наставление, путевая зарисовка и т. п. Композиционной свободе соответствовала свобода метрики. В стихотворениях, вошедших в сборник Энния, обличительный пафос еще не был доминирующим. Главной целью, по видимому, было поучение в развлекательной форме.

Начальное оформление стихотворной сатиры как обличительного жанра происходит в творчестве Гая Луцилия, который традиционно считается первым истинным римским сатириком, поскольку осознанно пре-

вращает литературное творчество в орудие политической борьбы, причем обличает конкретных лиц, выводя их в произведениях под собственными именами [Тронский 1988: 312; Альбрехт 2002: 279]. По-видимому, именно благодаря Луцилию термин «сатура» получил жанровое значение: «Луцилий... внес существенно новое в содержание и форму стихотворений, объединяемых заглавием „Сатуры“, придав им острый обличительно-высмеивающий характер, который стал определяющим признаком сатуры как жанра. После Луцилия слово „сатура“ стало восприниматься римлянами уже не как заглавие сборника смешанных стихотворений, а как название обличительно-высмеивающего жанра, сохранившего, правда, некоторые остатки первоначального вида (смешанное содержание)» [Дератани 1954: 101—102] (разрядка авт. — А. Л.).

Характерная особенность луцилиевых сатур — выведение обличаемых под своими собственными, конкретными именами, что позже получит обозначение «сатира на лица». Активная авторская позиция заявлялась с помощью гротеска, пародирования, карикатуры. Родовая природа жанра была усложнена за счет внесения элементов драматизма: «Образы сталкивались не в действии, а в диалогах, в разговорах. Для разговорного стиля таких сатур было характерно противопоставление рассуждений самого Луцилия взглядам его фиктивного противника. Луцилий ввел в сатиры образ воображаемого собеседника, доводы которого он опровергал» [Дератани 1954: 105]. Конкретика живых образов при этом сопровождалась философскими или этическими обобщениями. Таким образом, в творчестве Луцилия стихотворная сатира заявила о себе как жанр, дававший возможность художественного освоения самых широких аспектов действительности. Единственное ограничение: тематика и проблематика должны были быть актуальными, связанными с насущными проблемами общественной жизни, политическими, нравственно-этическими, эстетическими. Луцилий — создатель «воинственной» сатиры, отличающейся открытым характером обличения, наступательностью авторской позиции, акцентированной экспрессивностью стиля.

Новый этап в развитии жанра связан с творческой деятельностью Квинта Горация Флакка, выпустившего примерно в 34—30 гг. до н. э. два сборника сатур (всего 18 стихотворений). Гораций сузил тематику, сосредоточившись на вопросах частного поведения: высмеивались носители ложных ценностных установок, носители таких пороков,

как погоня за мнимыми благами, корыстолюбие, тщеславие, зависть. В. С. Дуров склонен объяснять сужение тематики стремлением античного автора придать сатире как специфической жанровой форме более цельный характер [Дуров 1987: 67]. Во-вторых, был смягчен пафос: Гораций предпочел издевке иронию, обличению — насмешку: «Горацию больше нравится умеренная шутка, чем резкое осмеяние, составлявшее отличительную особенность луцилиевской сатиры. Это — шутка светского человека, который любит выражать свои настроения не прямо, не так, как он чувствует, а завуалированно, в форме тонкой иронии» [Дератани 1954: 260]. По сравнению с сатирами Луцилия, произведения Горация отличаются большей степенью обобщенности объекта, на который направлено осмеяние: отрицаются не столько носители порока, сколько сам порок, персонажи оказываются лишь частными его проявлениями. При этом не утрачивается образная конкретика, которая призвана сыграть роль иллюстрации к его рассуждениям. В целом легкость, непринужденность стиля стала причиной того, что сатиры Горация некоторые исследователи определяют как «смеющиеся» [Тронский 1988: 438]. Таким образом, Гораций создает специфическую стилевую модификацию интересующего нас жанра, несколько отличную от «воинственной» сатиры Луцилия.

Однако, по мнению А. З. Цисыка, в отношении степени открытости авторской позиции Гораций идет гораздо дальше Луцилия, предлагая читателю не отдельные положения собственной поэтической и политической программы, но создавая в своих произведениях единый образ поэтической личности: «Гораций — единственный античный поэт, который, как нам известно, в полном смысле слова создает биографию своей поэтической деятельности» [Цисык 1992: 66].

Смех Горация заметно тоньше, чем у Луцилия. Поэт избегает гротесковых, условных форм образности, предпочитая художественное жизнеподобие, разрабатывает более мягкие приемы, призванные не только высмеять, но и повеселить, позабавить читателя, доставить ему эстетическое удовольствие: иронию, забавную шутку, мнимую серьезность, остроумные сравнения, каламбур, литературные аллюзии:

Общий порок у певцов, что в приятельской доброй
беседе,
Сколько ни просят их петь, ни за что не поют;
а не просят —
Пению нет и конца! — Таков был сардинец Тигеллий.
Цезарь, который бы мог и принудить, если бы даже
Стал и просить, заклиная и дружбой отца и своею,

Таким образом, у Персия сатира становится оружием не только поэта-«обличителя», но и поэта-«пропагандиста».

Последним следует назвать Децима Юния Ювенала — автора 16 сатир (середина I в. — после 127 г. н. э.). Первая носит программный характер, в ней Ювенал обосновывает свой выбор: сатира в современной ситуации — единственный жанр, позволяющий высказаться честно:

Но почему я избрал состязанье на поприще, где уж
Правил конями великий питомец Аврунки — Луцилий,
Я объясню, коль досуг у вас есть и терпенье
к резонам.
Трудно сатир не писать, когда женится
евнух раскисший,
Мевия тусского вепря разит и копьём потрясает,
Грудь обнажив; когда вызов бросает патрициям тот,
кто
Звонко мне — юноше — брил мою бороду,
ставшую жесткой.
[Ювенал 1994: 19—20]

Таким образом, Ювенал возвращается к утраченной Персием открытой актуальности и социально-политической злободневности жанровой проблематики. В позиции поэта обнаруживается очень важный нюанс: его негодование столь велико, что становится непосредственной причиной пробуждения творческого дара: «...как тут не писать? / Кто настолько терпим к извращениям Рима?» [Ювенал 1994: 20]. Именно в первой сатире звучат слова, ставшие крылатыми: «Коль дарования нет, порождается стих возмущеньем» [Ювенал 1994: 21]. Упомянув имя Луцилия, Ювенал сразу дает понять, что ему ближе обличительная, «воинственная» разновидность сатиры. Ювеналу не чужды прямые политические выпады, однако главной целью поэта стало страстное обличение моральной деградации современного римского общества. Тип «негодующей» [Тронский 1988: 438] сатиры, созданный Ювеналом, по характеру и тону обличения оказывается близок «воинствующей» сатире Луцилия, а по предмету обличения — «смеющейся» сатире Горация. Таково общее положение жанра в древней римской литературе. Именами Луцилия, Горация, Персия и Ювенала традиционно обозначают основные линии развития римской обличительной стихотворной сатиры [Альбрехт 2002: 278].

Русская стихотворная сатира испытала на себе заметное влияние римской традиции. Но в течение долгого времени влияние это было опосредованным, поскольку отечественные авторы ориентировались на интерпретацию жанрового канона, предложенную в известном трактате Никола Буало. Ав-

тор «Поэтического искусства» с почтением отзывался обо всех римских сатириках. Однако заметно, что его симпатии — на стороне Горация. Персий «неясен», хоть и «богат мыслями». Ювенал слишком необуздан, неумеренность его поэтики искупается лишь «блеском» и яркостью «картин». Гораций же — образец гармоничности, умения решить художественную задачу, «не нарушая правил» (уместно вспомнить, что «Поэтическое искусство» было создано Буало под сильным влиянием «Послания к Пизонам» Горация) [Буало 1957: 72—74]. Установка Буало оказалась в высшей степени актуальной для зачинателя русской стихотворной сатиры А. Д. Кантемира [Стенник: 1985: 59]. Далее русская сатира развивалась на протяжении XVIII в. по крайней мере двумя параллельными путями.

Первый подробно прослежен Г. В. Москвичевой. Его можно было бы определить как постепенное смещение сатиры в сторону лирических жанров. Начинается данный процесс в творчестве А. П. Сумарокова: «Поставив целью обличение „невежества и плутней“ (сатира „Пиит и друг его“), Сумароков тяготеет к лирическому развертыванию сатирических тем, к прямому выражению своего отношения к осмеиваемым явлениям общественной жизни. Давая волю своим чувствам: негодованию, возмущению, презрению, он заключает их в формулы ораторской речи, соединяет патетику с иронией. В центре его сатиры стоит, как правило, не сатирический персонаж, а сам поэт с его взглядом на мир, с его отношением к русской жизни, ее отрицательным сторонам» [Москвичева 1978: 86]. Отсюда предпочтительная композиционная форма монолога, насыщенного открытыми авторскими оценками, развернутые размышления. Главное для поэта — обличить, высмеять, но не изобразить порок. Отсюда — повышенная эмоциональность повествования: «У Сумарокова нет стихотворений, написанных в спокойно-повествовательной интонации: за образом лирического „я“, через восприятие и отношение которого рисуются болезни эпохи, просматривается личность самого поэта с его нетерпимостью ко всякого рода „злонравью“» [Москвичева 1978: 89].

Другая магистральная линия развития русской стихотворной сатиры обозначена Ю. В. Стенником. У ее истоков он также ставит произведения Сумарокова, но обращает внимание на другую их особенность, лишь упомянутую Г. В. Москвичевой, а именно полемичность по отношению к литературным противникам, сближавшую сатиру с памфлетом. Тем самым намечается тенденция к су-

жению жанрового предмета [Стенник 1985: 94]. Сумароков широко вводит в сатиру элемент пародии как средство борьбы с литературными противниками. Именно в данном пункте и намечается своеобразный резонанс размышлений Ю. В. Стенника и Г. В. Москвичевой: оба исследователя придают большое значение такой особенности творческой индивидуальности Сумарокова, как ярко выраженная жажда самоутверждения автора прежде всего как поэта, художника. Таким образом, сатиры Сумарокова стали своеобразной точкой бифуркации, дававшей импульс для разных векторов в развитии жанра.

Усиление лирического пафоса обнаруживается в стихотворных сатирах Г. Р. Державина. По мнению Г. В. Москвичевой, результатом данного процесса становятся серьезные жанровые смещения: «Соединив в рамках одного произведения противоположные начала — отрицание и утверждение, Державин сломал тем самым привычное для классицизма деление жизненных явлений на „вышешенные“ и „низменные“. Он создал необычные для классицизма „оды-сатиры“ и „сатиры-оды“. В пределах одного произведения он отражает как героические события, так и бытовую сторону жизни своей эпохи» [Москвичева 1978: 89]. Отсюда — усиление гражданской насыщенности жанровой проблематики и повышение эмоциональной напряженности в державинских сатирах: «Предпочтением пользуется у него монолог лирического „я“; построен он по типу ораторской речи с использованием характерных для нее стилистических приемов: гиперболического описания чувств, риторических восклицаний и „вопрошений“» [Москвичева 1978: 90].

С другой стороны, в русских сатирах второй половины XVIII в. все более активно дает о себе знать памфлетность, что приводит к дроблению жанрового предмета, его детализации. Такова, например, «Сатира на петиметра и кокеток» И. П. Елагина (1753): «Написанная легким и изящным для своего времени стилем, сатира едко высмеивала некоего галломанствующего щеголя, помешанного на подражании французской моде» [Стенник 1985: 94]. Тенденция к детализации объектов сатирического обличения, по мнению Ю. В. Стенника, ярко проявляется в том, что предмет обличения начинает четко обозначаться в заглавиях («Кривой толк» (1759), «О худых рифмотворцах» (1774) А. П. Сумарокова и др.). Тем самым жанровый образ мира распадается на отдельные относительно автономные сегменты. В результате сужаются функции жанра: «В обстановке активизации журнальной прозаической сати-

ры на рубеже 1760-х гг. стихотворная сатира утрачивает свою роль поэтической трибуны обличения общественных зол, как это было во времена Кантемира и как это в широкомасштабном плане пытался осуществлять Сумароков» [Стенник 1985: 120]. Жанровая форма обнаруживает тенденцию к застыванию, своеобразному «окаменению», в то время как жанровое содержание мельчит, дробится, утрачивает общественную значимость [Стенник 1985: 123—126]. В итоге сатира смещается в сферу пограничную между литературой и бытом, становится «домашней», утрачивает изначальную жанровую установку на «исправление пороков» [Орлов 1931: XXVI]. Такая локализация была чревата опасностью окончательной утраты роли сатиры в общественно-политической жизни. Эту опасность понимали отдельные писатели, которые предпринимали попытки вывести сатиру за пределы узколитературной тематики, чтобы придать ей прежнее общественно-политическое значение. Именно в этом контексте, полагаем, следует рассматривать сатирическое творчество поэтов, оказавших непосредственное влияние на будущих декабристов, например, М. В. Милонова. Речь идет о его известном произведении «К Рубеллию. Сатира Персиева» (1810).

Стихотворение Милонова не обойдено вниманием исследователей, как правило, о нем обязательно упоминают в связи с анализом знаменитой сатиры К. Ф. Рылеева «К временщику» (1820), для которой оно послужило первоисточником. Общим местом при этом является указание на мистификаторский характер стихотворения: у Персия такой сатиры нет. Наконец, и милоновское, и рылеевское произведения вызывают активный интерес у комментаторов, стремящихся обозначить затекстовый историко-культурный и социально-политический фон. Вспомним о попытках как современников обоих поэтов, так и более поздних интерпретаторов «разгадать», кто именно является «героем» обличения (то ли О. П. Козодавлев, то ли Н. П. Румянцев, то ли всеильный А. А. Аракчеев). Вызывает интерес и имя Рубеллия, замаскированное Милоновым из восьмой сатиры Ювенала [Ювенал 1994: 85—93]: в произведении римского автора упоминается некий Гай Рубеллий Бланд, человек сам по себе малоизвестный. Более известен, благодаря «Анналам» Тацита, Рубеллий Плавт, современник Персия, убитый подозрительным Нероном [Готовцева, Киянская 2011: 11—36].

Нам представляется более важным другой вопрос: если в своем творчестве Милонов в какой-то степени использовал в качестве источника произведение Ювенала, то

почему ему, а потом и Рылееву, понадобилось мистифицировать читателя, выдавая свою сатиру за перевод из Персия? Мы видим определенный резон в рассуждениях специалистов-декабристоведов о том, что Рылееву данный прием позволял в какой-то мере обезопасить себя: «Ссылка на Персия сделана была, чтобы сам герой сатиры Аракчеев не сразу узнал себя, — Аракчееву не стоило показывать, что между ним и рылеевским портретом временщика существует прямое сходство, иначе цензура, защищавшая интересы Аракчеева, могла не допустить стихотворения к печати» [Базанов 1950: 13]. Однако, с другой стороны, если читатель легко угадывал того, кто скрывался за маской «временщика», то странно думать, что этого не понимала политическая цензура. И в любом случае данная версия не объясняет выбора имени римского автора: с таким же успехом можно было выдать стихотворение за вольный перевод восьмой сатиры Ювенала.

Мы полагаем, что ключ к пониманию замысла Милонова скрыт именно в имени Персия. Как упоминалось выше, на протяжении предшествующей литературной эпохи Ювенал наряду с Горацием являл собой своего рода образцовый ориентир для русских поэтов-сатириков, согласно установкам, сформулированным Буало. Ювенал с его повышенной экспрессивностью, патетикой и риторикой воспринимался в качестве наиболее полной реализации представления об идеальном сатирике, на что справедливо указывает В. С. Дуров: «Ни один из римских сатириков, даже Гораций, не оказал на сатирическую литературу Европы такого влияния, как Ювенал, имя которого стало нарицательным для обозначения сатирика как такового» [Дуров 1989: 29]. Именно в таком качестве имя Ювенала использует в своих стихах, воспевающих античных смельчаков, бросавших своим творчеством вызов испорченному миру, еще один будущий декабрист, убежденный в том, что слово может оказывать непосредственное воздействие на социально-политическую действительность, меняя ее к лучшему:

...В руке суровой Ювенала
Злодеям грозный бич свистит
И краску гонит с их ланит,
И власть тиранов задрожала.

[Кюхельбекер 1967: 131]

Казалось бы, эмоциональная, декламационная, «негодующая» сатира Ювенала была близка вступающим в русскую литературу поэтам-романтикам с их подчеркнuto субъективным типом мироотношения. Нако-

нец, частная, но важная деталь: восьмая сатира Ювенала в 1803 г. была переведена на русский язык учителем, начальником и покровителем Милонова поэтом И. И. Дмитриевым. Да и сам Милонов продемонстрировал читателю свое знакомство с творчеством как Ювенала, так и восхищавшегося им Буало в своем стихотворении «На женитьбу в большом свете (подражание Ювеналу и Боало; сатира пятая) [Поэты-сатирики конца XVIII — начала XIX в. 1959: 494—499]. Так почему же интересующая нас сатира вдруг была приписана Персию?

Мы предлагаем свой вариант трактовки сложившейся вокруг милоновской сатиры ситуации. Возвращение из фактического литературного небытия имени к тому времени полузабытого Персия напоминало о существовании жанровых канонов, не санкционированных авторитетными поэтическими трактатами, и, следовательно, уже самим фактом своего «воскрешения» расширяло привычные границы «дозволенного», освобождало от застывших, клишированных форм. Милонов возвращал сатиру к ее аутентичным первоисточникам, оживляя жанровую форму за счет актуализации изначально заложенного в ней общественно-политического содержания. В связи с этим считаем уместным упомянуть о том, что перу Милонова принадлежит другое произведение, в названии которого упоминается имя второго римского автора, так же мало известного русскому читателю: «Отрывок из Луцилиевой сатиры против его века». Нам думается, что сами имена Луцилия и Персия вызывали у читателя ощущение античной подлинности, первозданной свежести и коррелировали с идейным пафосом стихотворений:

Какие времена! Какое ослепленье!
За злато плебеи вступают в знатный сан,
Берут достоинств мзду и кроют преступленье!
Весь Рим — софистов сонм! Нет истинных граждан!
[Вольная русская поэзия XVIII—XIX веков
1988: 187]

Персий с его сосредоточенностью на обличении типовых общечеловеческих пороков и проповедническим пафосом оказывался как нельзя более уместным в ситуации, когда требовалось всколыхнуть общественное сознание, напомнить читателям о том, что они прежде всего граждане. Однако Милонов вовсе не выдвигает сатирическое творчество Персия в качестве образца. Стилистическое подражание Персию у него отсутствует. Как помним, повествовательная манера Персия отличалась нарочитой усложненностью. Для Милонова же характерна

четкая структурированность поэтической мысли: отдельно взятый стих, как правило, представляет собой грамматически оформленное и завершенное высказывание:

Что твой минутный блеск? что сан твой горделивой?
Стыд смертным — и укор судьбе несправедливой!
Стать лучше на ряду последних плебеян,
Чем виситься на смех, позор своих граждан...

[Вольная русская поэзия XVIII—XIX веков
1988: 188]

Милонов активно использует лексику, семантика которой пронизана духом иной национально-исторической окрашенности: «царь», «вельможа». В его сатире отсутствуют отсылки к римской истории, географии, обращения к античным богам, которыми изобилуют сатиры Персия. Лишь в финальных строках звучат характерные имена Альбия, Арзеляя, Рубеллия и Персия.

Милоновым движет стремление предложить иной тип отношения к действительности, предполагающий остро личное переживание общественно-политических коллизий. Но, как помним, именно Персий резко изменил жанровый баланс между обличением, отрицанием и утверждением в пользу последнего. Он свел к минимуму «описание», «зарисовки», жизненную конкретику, характерную для его предшественников, сосредоточившись на «проповеди» должного. Вот это и оказалось близко будущим гражданским романтикам, стремившимся воспитывать в читателях «высокие» чувства через художественное воплощение должного, образцового отношения к миру, погрязшему в пороках:

Царя коварный льстец, вельможа напыщенный,
В сердечной глубине таящий злобы яд,
Не доблестями души, пронырством вознесенный,
Ты мещешь на меня с презрением твой взгляд!
Почту ль внимание твое ко мне хвалою?
Унижуся ли тем, что унижен тобою?
Одно достоинство и счастье для меня,
Что чувствами души с тобой не равен я!

[Вольная русская поэзия XVIII—XIX веков
1988: 188]

На значительно более высоком качественном уровне задача художественного воплощения должной жизненной позиции была решена К. Ф. Рылеевым. Превратив, вслед за Милоновым, сатиру в страстный лирический монолог-проповедь, Рылеев не стремится к конкретизации образа обличаемого временщика. Его сатира насквозь оценочна, представляет собой развернутую ораторскую речь охваченного высокими чувствами гражданина:

Надменный временщик, и подлый и коварный,
Монарха хитрый льстец и друг неблагодарный,

Неистовый тиран родной страны своей,
Взнесенный в важный сан пронырствами злодей!
Ты на меня взирать с презрением дерзаешь
И в грозном взоре мне свой ярый гнев являешь!
Твоим вниманием не дорожу, подлец;
Из уст твоих хула — достойных хвал венец!
Смеюсь мне сделанным тобой уничиженьем!
Могу ль унизиться твоим пренебреженьем,
Коль сам с презрением я на тебя гляжу
И горд, что чувств твоих в себе не нахожу?

[Рылеев 1971: 57]

Перед нами образцовый пример гражданского романтического стиля, емкую характеристику которого находим у Г. А. Гуковского: «Сама по себе прямая, открыто заявленная, резкая в своей исступленности, доведенная до пределов выражения оценка объекта была в ту эпоху фактом мужества и свободы. <...> Когда поэт говорил об одном: презренный, мрачный, уродливый, а о другом — святой, карающий, бессмертный, — он именно брал на себя роль судии-гражданина, решающего судьбы идей свободно и тем более смело, что он выступал как носитель субъективного суда. <...> Он стоял за стихами как свободный дух (именно дух, а не объективно обусловленный человек, рвущий запреты и бурно выражающий свое суждение о жизни)» [Гуковский 1965: 216]. Но в этом страстном ораторском монологе незаметно теряется собственно жанровая задача — обличение социального порока. Мощь чувств, кипящих в душе лирического героя, такова, что его образ обретает черты, близкие титаническим, а сатира смещается в сторону лирической исповеди.

Отмеченное смещение, на наш взгляд, носит принципиальный характер, подтверждение чему мы находим в стихотворной сатире А. А. Бестужева (Марлинского) «Подражание первой сатире Буало», написанной годом ранее сатиры Рылеева (1819).

Выбранное Бестужевым в качестве первоисточника произведение являет собой один из характерных для французского автора образцов стихотворной сатиры. Это довольно обширный текст повествовательного характера, в котором последовательно излагается история злосчастий некоего Дамона, находящегося в довольно остром конфликте со «злым временем»:

Damon, ce grand Auteur dont la Muse fertile
Amusa si long-temps et la Cour et la Ville,
Mais qui, n'estant vêtu que de simple bureau,
Passe l'été sans linge et l'hiver sans manteau,
Et de qui le corps sec et la mine affamée
N'en sont pas mieuxe faits pour tant de renommée;
Las de perdre en rimant et sa peine et son bien,
D'emprunter en tous lieux et de ne gagner rien,

Sans habit, sans argent, ne sçachant plus que faire,
Vient de s'enfuir chargé de sa seule misère.

[Les satires du sieur Nicolas Boileau
Despréaux... 1868: 28]

Дамон, великий автор, чья муза плодородна
Столь долго забавляла и двор и город,
Но который одет не лучше простого конторщика,
Проводит лето без белья и зиму без пальто,
И чье тело худо, а выражение лица голодно,
Нет превзошедших его славу;
Устал терять свои рифмы и свой труд,
и свое достояние,
Занимать во всех местах и ничего не получать,
Без одежды, без денег, не зная, что еще сделать,
Отправился в бегство лишь со своей бедностью.
(подстрочный перевод наш. — А. Л.)

Персонаж — бедный стихотворец, демонстративно покидающий Париж, где добродетель угнетена неправедными судьями, мародерствующими во времена войн и лихолетий солдатами, разного уровня ворами и мздоимцами и т. п. Композиционным центром сатиры является обширный монолог Дамона, в котором он обрушивается на нравы, царящие во французском королевстве. Сопоставляя текст французского оригинала и стихотворение Бестужева, мы сразу видим значительные различия. Бестужев отбрасывает экспозицию, процитированную нами выше, оставляя от всей сатиры Буало лишь монолог Дамона:

Бегу от вас, бегу, петропольские стены,
Сокроюсь в мрак лесов, в пещеры отдаленны,
Куда бы не достиг коварства дикий взор
Или судей, писцов и сыщиков собор.
Куда бы ни хвостун, ни лжец не приближался,
Где б слух ни ябедой, ни лестью не терзался.
Бегу! Я вольности обрел златую нить.

[Декабристы 1975: 196]

Поначалу читатель даже не осознает связи между субъектом повествования в стихотворении Бестужева и героем сатиры Буало. Французский колорит у Бестужева полностью отсутствует: его герой находится в конфликте с русским обществом и покидает Петрополь — роскошную столицу на Неве. Бестужев сохраняет некоторые содержательные элементы французской сатиры: его Дамон обрушивается с резкими обличениями на развращенных современников, обозначенных условными именами Клита, Нарциса, Лаисы, Понта, Грея и т. п. Однако обличаемые персонажи помещены в чисто российские реалии: один из них сравнивается с известным разбойником Ванькой Каином, другой замечен в чрезмерной любви к «российским рублям». Использование условных имен-масок лишает сатиру Бесту-

жева социально-политической конкретики, поскольку главной задачей поэтического высказывания является не обличение социального неурядища в Российской империи, но выражение должного отношения к нему. Поэтому центральным, кульминационным моментом становится страстное, достигающее проповеднического накала изложение героем своей собственной нравственной и социальной позиции. Обращает на себя внимание подчеркнуто декламационная интонация: Бестужев активно использует риторические фигуры (восклицания, вопрошения, обращения), акцентирует эмоционально насыщенные отрицательные конструкции, вынесенные в анафору («Нет!», «Не...», «Не...»). Сатира превращается в ораторскую речь, а изобилие архаизированной, книжной лексики придает ей высокий, торжественный тон. Согласившись с воображаемыми собеседниками в том, что безнравственность стала общепринятой социальной нормой, герой сатиры противопоставляет себя мирящемуся с таким положением большинству и демонстративно покидает столицу, внешне обозначив свой глубокий внутренний конфликт с дурно устроенным миром. Подчеркнутая исключительность данного поведенческого акта выделяет его из охваченной низменными страстями «толпы», а страстный накал интонаций позволяет активно воздействовать на читателя, не столько убеждая его ясной логикой рассуждений, сколько подчиняя его экспрессивной магии эмоций.

Таким образом, и сатира Бестужева оказывается ориентированной не столько на обличение порока, сколько на утверждение должного отношения к миру. Жанровое задание заметно меняется, сатира превращается в лирический монолог, а образ Дамона максимально сближается с биографическим автором, оказывается фактически его вторым «я». Произведения поэтов-декабристов становятся логическим завершением намеченного еще в античные времена в проповеднической «воинствующей» сатире Персия и в «негодующей» сатире Ювенала, подхваченного в свое время Державиным и продолженного Милоновым жанрового смещения стихотворной сатиры в лирическую плоскость. В творчестве поэтов-декабристов она обращается в чисто лирический монолог и в перспективе уступает место другим жанрам, в частности, высокой гражданской оде.

ЛИТЕРАТУРА

1. Альбрехт М. фон. История Римской литературы. В 3 т. Т. 1. — М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2002. 704 с.
2. Базанов В. Г. Поэты-декабристы. К. Ф. Рылеев. В. К. Кюхельбекер. А. И. Одоевский. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 220 с.

3. Бороухович В. Г. Квинт Гораций Флакк. Поэзия и время. — Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1993. 375 с.
4. Буало Никола Депрео. Поэтическое искусство. — М. : ГИХЛ, 1957. 104 с.
5. Вольная русская поэзия XVIII—XIX веков. В 2 т. Т. 1. — Л. : Сов. писатель, 1988. 671 с.
6. Гегель Г. В. Ф. Эстетика. В 4 т. Т. 3. — М. : Искусство, 1969. 621 с.
7. Готовцева А. Г., Киянская О. И. Сатира К. Ф. Рылеева «К временщику» : опыт историко-литературного комментария // Вестн. РГУ. Сер.: Журналистика. Литературная критика. 2011. № 6 (68). С. 11—36.
8. Гуковский Г. А. Пушкин и русские романтики. — М. : Худож. лит., 1965. 354 с.
9. Декабристы. Антология. В 2 т. Т. 1. Поэзия. — Л. : Худож. лит., 1975. 496 с.
10. Дуров В. С. Жанр сатиры в римской литературе. — Л. : Изд-во ЛГУ, 1987. 160 с.
11. Дуров В. С. «Муза, идущая по земле» // Римская сатира. — М. : Худож. лит., 1989. С. 5—30.
12. История римской литературы / отв. ред. Н. Ф. Дератани. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 1954. 524 с.
13. Квинт Гораций Флакк. Оды. Эподы. Сатиры. Послания. — М. : Худож. лит., 1970. 479 с.
14. Кюхельбекер В. К. Избр. произведения. В 2 т. Т. 1. —

- М. ; Л. : Сов. писатель, 1967. 664 с.
15. Москвичева Г. В. Русский классицизм. — М. : Просвещение, 1978. 128 с.
16. Орлов В. Н. От составителя // Эпиграмма и сатира. Из истории литературной борьбы XIX-го века. В 2 т. Т. 1. 1800—1840. — М. ; Л. : Academia, 1931. С. XXII—XXIX.
17. Поэты-сатирики конца XVIII — начала XIX в. — Л. : Сов. писатель, 1959. 752 с.
18. Римская сатира. — М. : Худож. лит., 1989. 479 с.
19. Рылеев К. Ф. Полное собрание стихотворений. — Л. : Сов. писатель, 1971. 480 с.
20. Стенник Ю. В. Русская сатира XVIII века. — Л. : Наука, 1985. 362 с.
21. Тронский И. М. История античной литературы. — М. : Высш. шк., 1988. 424 с.
22. Цисык А. З. Истоки и пути становления самосознания и самоопределения у Горация (к постановке проблемы) // Horatiana. Philologia classica : межвуз. сб. — СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1992. Вып. 4. С. 61—70.
23. Ювенал. Сатиры. — СПб. : Алетейя, 1994. 220 с.
24. Les satires du sieur Nicolas Boileau Despréaux réimprimées conformément à l'édition de 1701 dite édition favorite introduction et notes par F. de Marescot. — Paris : Académie Des Bibliophiles, 1868. P. 28.

A. V. Lozhkova
Ekaterinburg, Russia

TRADITIONS OF THE ROMAN ACCUSATORY SATIRE IN THE POETIC PRACTICE OF THE DECEMBRISTS

ABSTRACT. *The subject of the article is a successive connection between stylistic searches of the Decembrists and their ancient precursors in the accusatory satirical poetry. The author gives a brief description of the main stylistic modifications of poetic satire based on the research of experts and described in the works of the most significant representatives of the ancient Roman literature, focusing on their conditioning features of the socio-political situation, as well as the role that the satire was intended to play in social and political struggle in a particular era of the Roman history. The main goal of the work is to find out the reasons why the Decembrists refer to experience of the Roman satirical poetry. One of the main reasons, according to the author, is clearly found in Russian literature of the XIX century tendency to narrow the genre field of the poetic satire, and, as a consequence, the loss of its role of a tribune, denouncing the social and political flaws. "Resurrecting" the half-forgotten in the beginning of the XIX century names of Persius, Lucilius, using the techniques they have developed in oratory and preaching stylistics, the Decembrists Kondraty Ryleyev, Alexander Bestuzhev, after Mikhail Milonov, who outstripped their stylistic experiments, on the one hand, return the satire in the field of active social and political debate, and on the other hand, create a new type of genre structure that is moving closer to the civil ode.*

KEYWORDS: *satire; genre; ancient literature; poetry of the Decembrists; Lucilius; Persius; Horace; Juvenal; Mikhail Milonov; Kondraty Ryleyev; Alexander Bestuzhev.*

ABOUT THE AUTHOR: *Lozhkova Anastasia Valerievna, Post-graduate Student ; Institute of Philology, Culturology and Intercultural Communication, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

REFERENCES

1. Al'brekht M. fon. Istoriya Rimskoy literatury. V 3 t. T. 1. — М. : Greko-latinskii kabinet Yu. A. Shichalina, 2002. 704 с.
2. Bazanov V. G. Poety-dekabristy. K. F. Ryleev. V. K. Kyukhel'beker. A. I. Odovskiy. — М. ; Л. : Изд-во AN SSSR, 1950. 220 с.
3. Borkhovich V. G. Kvint Goratsiy Flakk. Poeziya i vremya. — Saratov : Izd-vo Sarat. un-ta, 1993. 375 с.
4. Bualo Nikola Depreo. Poeticheskoe iskusstvo. — М. : GIKhL, 1957. 104 с.
5. Vol'naya russkaya poeziya XVIII—XIX vekov. V 2 t. T. 1. — Л. : Sov. pisatel', 1988. 671 с.
6. Gegel' G. V. F. Estetika. V 4 t. T. 3. — М. : Iskusstvo, 1969. 621 с.
7. Gotovtseva A. G., Kiyanskaya O. I. Satira K. F. Ryleeva «K vremenshchiku» : opyt istoriko-literaturnogo kommentariya // Vestn. RGGU. Ser.: Zhurnalistika. Literaturnaya kritika. 2011. № 6 (68). S. 11—36.
8. Gukovskiy G. A. Pushkin i russkie romantiki. — М. : Khudozh. lit., 1965. 354 с.
9. Dekabristy. Antologiya. V 2 t. T. 1. Poeziya. — Л. : Khudozh. lit., 1975. 496 с.
10. Durov V. S. Zhanr satiry v rimskoy literature. — Л. : Izd-vo LGU, 1987. 160 с.
11. Durov V. S. «Muza, idushchaya po zemle» // Rimskaya satira. — М. : Khudozh. lit., 1989. S. 5—30.
12. Istoriya rimskoy literatury / otv. red. N. F. Deratani. — М. : Izd-vo Mosk. un-ta, 1954. 524 с.

13. Kvint Goratsiy Flakk. Ody. Epody. Satiry. Poslaniya. — М. : Khudozh. lit., 1970. 479 с.
14. Kyukhel'beker V. K. Izbr. proizvedeniya. V 2 t. T. 1. — М. ; Л. : Sov. pisatel', 1967. 664 с.
15. Moskviceva G. V. Russkiy klassitsizm. — М. : Prosveshchenie, 1978. 128 с.
16. Orlov V. N. Ot sostavitelya // Epigramma i satira. Iz istorii literaturnoy bor'by XIX-go veka. V 2 t. T. 1. 1800—1840. — М. ; Л. : Academia, 1931. С. XXII—XXIX.
17. Poety-satiriki kontsa XVIII — nachala XIX v. — Л. : Sov. pisatel', 1959. 752 с.
18. Rimskaya satira. — М. : Khudozh. lit., 1989. 479 с.
19. Ryleev K. F. Polnoe sobranie stikhotvoreny. — Л. : Sov. pisatel', 1971. 480 с.
20. Stennik Yu. V. Russkaya satira XVIII veka. — Л. : Nauka, 1985. 362 с.
21. Tronskiy I. M. Istoriya antichnoy literatury. — М. : Vyssh. shk., 1988. 424 с.
22. Tsisyk A. Z. Istoki i puti stanovleniya samosoznaniya i samoopredeleniya u Goratsiya (k postanovke problemy) // Horatiana. Philologia classica : mezhvuz. sb. — SPb. : Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 1992. Vyp. 4. S. 61—70.
23. Yuvenal. Satiry. — SPb. : Aleteyya, 1994. 220 с.
24. Les satires du sieur Nicolas Boileau Despréaux réimprimées conformément à l'édition de 1701 dite édition favorite introduction et notes par F. de Marescot. — Paris : Académie Des Bibliophiles, 1868. P. 28.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. С. И. Ермоленко.

Е. В. Орлатых, Т. И. Ерофеева
Пермь, Россия

**ЛЕКСЕМА ПОЛИТИК/POLITICIAN В НАИВНОМ ПРЕДСТАВЛЕНИИ РУССКИХ И АНГЛИЧАН
(ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)**

АННОТАЦИЯ. Темой исследования является изучение лексики политической сферы в наивном представлении русских и англичан. Предмет исследования — понимание лексемы *политик/politician* носителями русской и английской культуры. Целью описанного эксперимента является выявление фрагмента политической картины мира, представленной в лексеме *политик/politician*, на материале, полученном от 80 информантов. Для получения материала был проведен цепной ассоциативный эксперимент, построенный на интроспекции. Эксперимент проводился в 2009 и 2013 гг. Русским информантам было предложено заполнить анкеты открытого типа, дав по 2—3 ассоциации на слово *политик*. Для английских респондентов анкета была составлена на английском языке и предлагала дать ассоциации на то же слово с учетом его эквивалентного перевода — *politician*. В результате эксперимента от испытуемых было получено 418 ассоциатов. При обработке материала мы пользовались методом контент-анализа. Обработка материала велась по трем семантическим компонентам значения лексемы: понятийному, предметно-образному и оценочному. В результате исследования показаны общие и специфичные с точки зрения лингвокультуры компоненты значения слова *политик/politician*. Выявлено, что представление значения лексемы различается в сознании информантов. Практическая значимость исследования заключается в возможности применения результатов исследования в теоретических и практических курсах русской и английской лексикологии, на занятиях по практике языка, в теории перевода.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политическая лексика; лексемы; политические деятели; этносоциология; значение слов; экспериментальные исследования; языковая картина мира.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Орлатых Евгения Владимировна, магистр филологических наук, соискатель научной степени кандидата филологических наук в Пермском государственном национальном исследовательском университете; музей Фаберже, г. Санкт-Петербург; 614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15; e-mail: evgeniya.orlatykh@gmail.com.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Ерофеева Тамара Ивановна, доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания, Пермский государственный национальный исследовательский университет; 614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15; e-mail: erofkf@rambler.ru.

В связи с возросшей ролью исследований закономерностей коммуникативной деятельности в настоящее время возрастает внимание к изучению политической лексики. Как известно, лексический ярус является наиболее чувствительным к изменениям в языке. При этом процесс трансформации лексического пространства почти непрерывен, в чем и заключается связь языковой системы с другими сферами общественной жизни (политической, социально-экономической). Политическая лексика является одной из основных областей максимальной концентрации национально-окрашенной лексики, отражающей особенности жизни народа [Протченко 1967: 93].

Для каждой страны характерны свои особенности в способах восприятия и языкового представления политической действительности, что объясняется национальной ментальностью и историческими условиями формирования политической культуры. Знания об особенностях концептуализации политической сферы у представителей разных наций становятся необходимым условием для межнационального взаимопонимания. В данном исследовании нас интересует то, как представлен фрагмент политической картины мира в наивном представлении русских и англичан.

Современное понимание наивной картины мира сформулировал В. Б. Касевич: «Наивная картина мира — реальные представления о мире и человеке, свойственные

членам данного культурно-исторического сообщества на определенном этапе его развития» [Касевич 1996: 78]. По сути, наивная картина мира служит неким архивом, содержащим в себе все собранные предыдущими поколениями знания о мире. Для лексикографов семантика языкового знака отражает наивное понятие о вещи, свойстве, действии, процессе, событии и т. п. Сущность, называемая (лексическим) значением слова, — это не научное, а «наивное» понятие о соответствующей вещи, иногда отягощенное смысловыми и эмоциональными ассоциациями.

Ведущим семантическим признаком политической лексики является наличие семантического компонента «политический» в структуре значения лексической единицы, который определяется с помощью словарных дефиниций. Корпус языкового материала нашего исследования лексемы ПОЛИТИК/POLITICIAN составили данные лексикографических источников (двуязычных, толковых, фразеологических словарей) и результаты экспериментов, проведенных в 2009 и 2013 гг. с 80 информантами английской и русской нации. Опрашиваемые объединены на основе социобиологических характеристик: 40 информантов являются гражданами Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии в возрасте 25—50 лет. Все они родились и выросли в Великобритании, проживают на территории Англии, английский — их родной язык. Аналогичные критерии были соблюде-

ны при опросе русских информантов. Для получения материала было проведено два цепных ассоциативных эксперимента в 2009 и 2013 гг. Русским информантам предлагалось написать 2—3 ассоциации на слово ПОЛИТИК, английским информантам — на слово POLITITIAN. При рассмотрении лексем мы в первую очередь обращались к лексическому значению слова, данному в словарях, после чего переходили к анализу ассоциативных реакций. В результате собран материал — 418 реакций.

При обработке материала мы пользовались методом контент-анализа. Суть его заключается в переводе изучаемой информации в количественные показатели и ее статистической обработке. Данным методом полученный материал распределялся по тематическим группам. В дальнейшем эти тематические группы мы будем именовать семантическими.

Реакции представляют собой фрагмент общенационального ассоциативного поля слова ПОЛИТИК/POLITITIAN, потому для описания и анализа значения данных лексем в сознании информантов мы использовали полевой принцип. Описание лексического значения слова как полевой структуры предполагает выделение, описание и систематизацию компонентов, образующих значение слова. Под семантическим компонентом понимается выделяемая часть лексического значения, меньшая, чем все значение. Семантические компоненты могут быть подразделены на макрокомпоненты и микрокомпоненты. Макрокомпоненты отражают структуризацию значения по типам передаваемой информации [Стернин 1985: 53].

В работе «Лексическое значение слова как структура» И. А. Стернин выделяет три

макрокомпонента значения слова. Денотативный макрокомпонент, основной для большинства слов, представляет собой предметно-понятийную или чисто понятийную информацию, связанную с отражением внеязыковой действительности, объективной или субъективной.

Коннотативный макрокомпонент выражает отношение говорящего к предмету номинации в форме эмоции и оценки денотата. Существует и факультативный макрокомпонент — эмпирический, обобщенное предметно-наглядное представление о предмете [Стернин 1985: 72].

Опираясь на предложенную И. А. Стерниним структуру значения слова, а также на собственные наблюдения над семантикой изучаемой лексемы, мы предлагаем выделить понятийный, оценочный и предметно-образный компонент описания значения лексем. Понятийный компонент включает в себя признаки, напрямую связанные с определениями, данными в словарях. Предметно-образный компонент предполагает описание лексем через свойственные ей внешние образы, определенные атрибуты и реалии. Оценочный компонент формируется на основе социально и индивидуально обусловленных ценностей носителей английской и русской культуры, предполагает представление лексемы через призму субъективных, часто эмоциональных реакций.

Интерпретация полученных данных заключается в распределении реакций по семантическим группам, которые представляют собой различные тематические области ассоциативного поля слова ПОЛИТИК/POLITITIAN в сознании информантов. Распределение реакций по группам осуществляется по тематическому принципу.

Таблица

Семантические группы реакций на слово ПОЛИТИК/ POLITICIAN в группе русских и английских информантов в эксперименте 2009 и 2013 гг.

Семантическая группа	Реакции русских информантов, 2009	Реакции русских информантов, 2013	Реакции английских информантов, 2009	Реакции английских информантов, 2013	Общее кол-во реакций
1. Моральный облик	Ложь — 7 Лицемер — 5 Обман — 5 Актер — 4 Игрок — 2 Пустые слова Плохой Жажда власти Ограниченность Зажравшаяся свинья Неугомонный болтун	Бюрократ — 6 Лжец — 4 Ложь — 3 Вор — 3 Коррупция — 3 Дума-дура Глупец Позер Жулик Болтун Беспредел Безнаказанность Клоун	Corruption (коррупция) — 8 Dishonest (нечестный) — 5 Untrustworthy (не заслуживающий доверия) — 4 Self — interest (эгоизм) — 2 Sleazy (скользкий) Cheesy charm (лживое очарование) Plonker (болван)	Corruption (коррупция) — 6 Liar (лжец) — 6 Self-interest (эгоизм) — 5 Lying (лживый) — 4 Thief (вор) — 3 Aggressive (агрессивный) — 2 Troublemaker (скандалист) — 2	147

Семантическая группа	Реакции русских информантов, 2009	Реакции русских информантов, 2013	Реакции английских информантов, 2009	Реакции английских информантов, 2013	Общее кол-во реакций
1. Моральный облик	Марионетка Грязь Выгода	Обманщик Коррупционист Двойной стандарт Беспринципность Лицемерие Подлость Предательство Жадность Свои цели Неподкупность Ответственность Уверенность Мудрый Спокойный Следует моральным ценностям Заложник положения	Numskull (болван) Idiot (идиот) Not very good at their jobs, just for money (плохо выполняют свое дело, только ради денег) Away (долгой) Boring (скучно) Sly (хитрый) Distrustful (подозрительный) Blindly respected (слепо уважаемый) Bad luck (невезение) Unfortunate (неудачник) Just talks, no action (много слов, мало дела) Authoritarian (авторитетный)	Slimy (скользкий) — 2 Stupid (тупой) Sappy (недалекий) Amateur (непрофессионал) Idiot (идиот) Hypocrite (лицемер) Phoney (обманщик) Lightweight (поверхностный) Angry (злой) Bad-mouth (поливать грязью) Placeman (чиновник, злоупотребляющий положением)	
	Реакций — 32	Реакций — 42	Реакций — 34	Реакций — 39	
2. Атрибуты образа	Костюм — 5 Деньги — 4 Галстук — 3 Портфель — 2 Мигалка — 2 Солидность Значок Особые правила дорожного движения Черный костюм Толстый Машина Дорогая машина Охранники Усы Лысина	Деньги — 7 Костюм — 5 Влияние — 3 Строгий — 2 Жир — 2 Серьезный вид — 2 Ум — 2 Статус Круглолиций Степенный Рукопожатие Белая рубашка Благосостояние Клише Образование Стеклянные глаза Улыбка Табло Реклама Лозунг Журналисты Микрофон	Suit (костюм)- 6 Tie (галстук)- 6 Car (машина)- 4 Expensive suit (дорогой костюм) Hand gestures (жесты) Expensive (дорого) Smile (улыбка) Cool (крутой) Suntan (загар) Wig (парик)	Suit (костюм) — 5 Car (машина) — 4 Money (деньги) — 2 Scandal (скандал) — 3 Expenses scandal — скандал Smart car (крутая машина) Shiny (лоснящийся) White teeth (белые зубы) Ponce (щеголять) Spin doctor (пиарщик)	108
	Реакций — 26	Реакций — 39	Реакций — 23	Реакций — 20	
3. Обобщенное представление	Мужчина — 5 Депутат — 3 Человек — 3 Чиновник — 2 Дипломат — 2 Власть — 2 Представитель народа Важная персона Аналитик Мужчина, хотя может быть и женщина, но женщина-политик — уже мужчина Публичный человек	Мужчина — 6 Человек — 5 Власть — 2 Депутат — 2 Чиновник — 2 Оратор — 2 Партия — 2 Деятель Парламент Собрание людей Сила Образ Император Общественный деятель Менеджер	Man (мужчина) — 3 Man or woman (мужчина или женщина) Policy (политика) Voice of the people (голос народа) Speaker (оратор)	Man (мужчина) — 2 Parliament (парламент) — 2 Parliamentarian — парламентарий Good speaker (хороший оратор)	64
	Реакций — 22	Реакций — 29	Реакций — 7	Реакций — 6	

Семантическая группа	Реакции русских информантов, 2009	Реакции русских информантов, 2013	Реакции английских информантов, 2009	Реакции английских информантов, 2013	Общее кол-во реакций
4. Персоналии	Жириновский — 4 Путин — 3 Буш Горбачев Берлускони Медведев Тони Блэр	Жириновский — 5 Обама — 4 Путин — 3 Оланд	Tony Blair (Тони Блэр) — 6 Margaret Thatcher (Маргарет Тэтчер) — 3 John Major (Джон Мейджор) Edward Heath (Эдвард Хит) Madison (Мэдисон)	Tony Blair (Тони Блэр) — 5 David Cameron (Дэвид Кэмерон) — 4 Margaret Thatcher (Маргарет Тэтчер) — 3 Ruined after Blair (разрушено после Блэра)	48
	Реакций — 12	Реакций — 11	Реакций — 12	Реакций — 13	
5. Профессиональная деятельность	Выборы Дебаты	Дебаты — 3 Выборы — 2 Речь — 2 Заседание Правотворчество Руководство Подвешенный язык Выступление Слова Болтология Обещания Политический ход	Decisions (решения) — 5 Negotiations (переговоры) — 3 Speech (речь) — 3 Decide (принимать решение) — 2 Expenses (затраты) — 2 Reforms (реформы) — 2 Leadership (руководство)	Decisions (решения) — 3 Reforms (реформы) — 2 Debates (дебаты) — 2 Voting (голосование) Pen — pusher (бумагомаратель)	45
	Реакций: 2	Реакций: 16	Реакций: 18	Реакций: 9	
6. Реалии	Кремль — 2	—	Westminster (Вестминстер) — 2 The White House (Белый дом) Downing street 10 (Даунинг-стрит, 10)	Westminster (Вестминстер) —	6
	Реакций — 2	Реакций — 0	Реакций — 3	Реакций — 1	

Семантическое поле представлено шестью группами. На первом месте по количеству реакций стоит семантическая группа «Моральный облик» (147 реакций), где представлены ассоциации, характеризующие образ политика с отрицательной или положительной стороны. Данные реакции содержат наибольшую долю эмоциональности и выражают тем самым отношение информантов к исследуемой лексеме. На втором месте по количеству реакций находится группа «Атрибуты», раскрывающая представление о ПОЛИТИКЕ через его внешний образ, характерные детали имиджа (108 реакций). Группа «Обобщенное представление» содержит эмоционально нейтральные ассоциации, отражающие собирательный

образ ПОЛИТИКА (64 реакции). В группу «Персоналии» входят реакции, где понимание лексемы происходит через конкретный образ — фигуры политических деятелей прошлого и настоящего (48 реакций). Группа «Профессиональная деятельность» включает ассоциации, определяющие основные сферы деятельности, функции и назначение ПОЛИТИКА (45 реакций). Группа «Реалии» — самая малочисленная, включает единичные ассоциации, связанные с конкретным местом, где происходит деятельность ПОЛИТИКА (6 реакций).

Обратимся к итоговым схемам, объединяющим все реакции русских и английских информантов (графики 1 и 2).

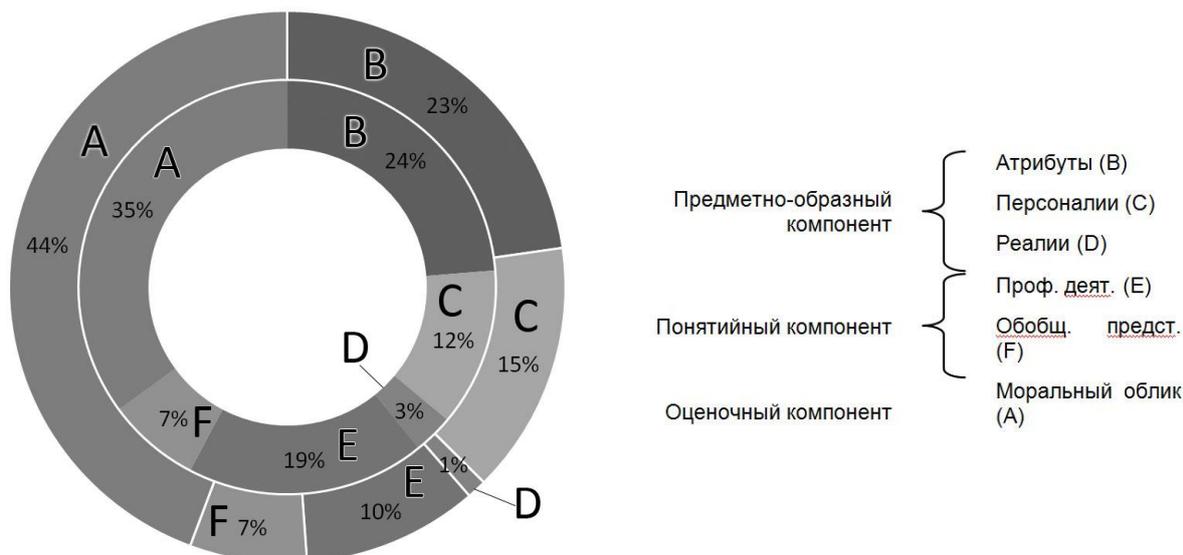

Рис. 1. Представление лексемы *политик* русскими информантами в 2009 и 2013 г. (внутренний круг — 2009 г., внешний круг — 2013 г.)

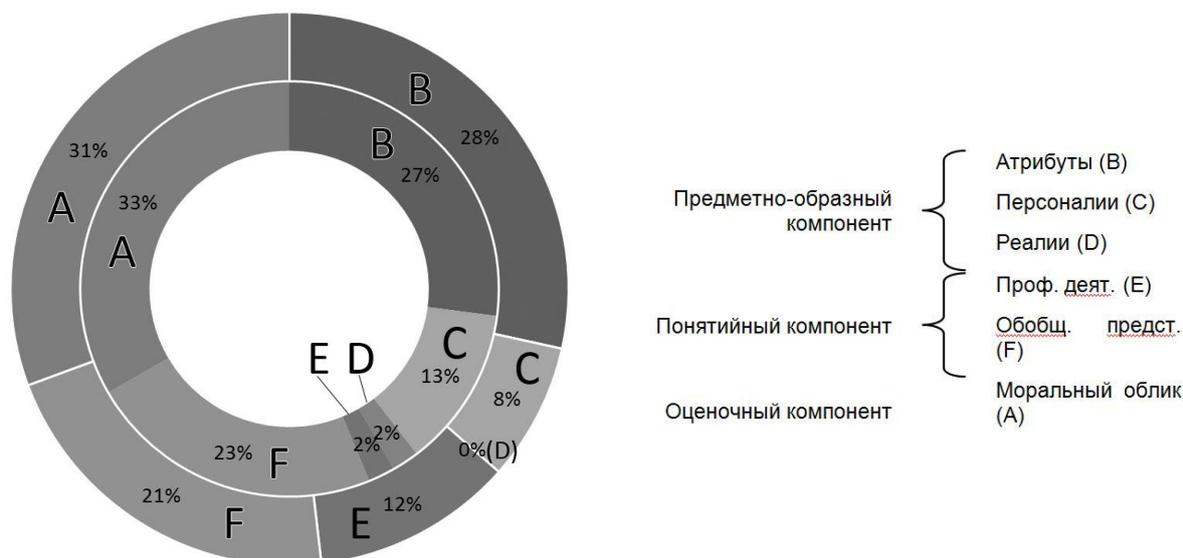

Рис. 2. Представление лексемы *политик* английскими информантами в 2009 и 2013 г. (внутренний круг — 2009 г., внешний круг — 2013 г.)

Обозначенные семантические группы делятся по выделенным макрокомпонентам следующим образом: в понятийный компонент входят группы «Обобщенное представление» и «Профессиональная деятельность». В предметно-образный компонент мы включаем группы «Атрибуты», «Персоналии», «Реалии». В оценочный компонент понимания лексемы входит группа «Моральный облик».

Предметно-образный компонент представления лексемы ПОЛИТИК становится наиболее актуальным для информантов обеих стран и составляет не менее 40 % в экспериментах 2009 и 2013 г. Как русские, так и англичане достаточно активно представляют исследуемую лексему через об-

разные ассоциации, связанные с внешностью, деталями имиджа, реалиями и конкретными политическими деятелями. Однако у русских этот аспект представления лексемы несколько преобладает и составляет 42 % в 2009 г. и 48 % в 2013 г., у англичан — 39 % в 2009 г. и 40 % в 2013 г. Стоит отметить, что внешний образ ПОЛИТИКА у русских и англичан довольно схож. Реакции, встречающиеся в двух экспериментах у информантов обеих наций: *деньги, money, костюм, suit, галстук, tie, машина, car, улыбка, smile*. Картину внешнего образа дополняют прилагательные: *толстый, круглолицый, строгий, стеклянные глаза* — реакции русских информантов; *cool (крутой), shiny (лоснящийся), white teeth (белые зубы)* —

реакции англичан. Среди англичан встречается единичная реакция *spin doctor* (политтехнолог) — человек, занимающийся продвижением того или иного политика, специалист по контактам с прессой, препарирующий информацию в духе, выгодном представляемой им политической структуре, и обеспечивающий ее подачу в средства массовой информации под нужным углом зрения. Аналогичные реакции связанные, с рекламной кампанией, встречаются и у русских: *табло, реклама, лозунг, журналисты*. Такой образ ПОЛИТИКА вполне соотносится с медийной личностью.

Группа «Персоналии» также входит в образный компонент представления лексемы. Прежде всего образ политика соотносится у англичан с образом премьер-министра Великобритании: *Tony Blair* (Тони Блэр), *David Cameron* (Дэвид Кэмерон), *Margaret Thatcher* (Маргарет Тэтчер), *Edward Heath* (Эдвард Хит). У русских, наоборот, фигурируют имена политиков из других стран: *Обама, Буш, Берлускони, Оланд, Тони Блэр*. Однако чаще всего у русских ПОЛИТИК ассоциируется со скандальным образом *Жириновского*.

Дополняют картину образного представления лексемы реалии, называющие место работы политика: Кремль, Westminster (Вестминстер), The White House (Белый дом), Downing street 10 (Даунинг-стрит, 10).

Помимо образного представления лексемы ПОЛИТИК, особенно ярко актуализируется коннотативная составляющая. В эксперименте было представлено немало слов, выражающих отношение информантов к предмету номинации в форме эмоции и оценки денотата. Английские информанты достаточно активно представляют ПОЛИТИКА через его морально-нравственный облик: оценочный компонент в 2009 г. составляет 35 %, в 2013 г. — 44 %. У русских информантов этот компонент выражен чуть меньше: в 2009 г. — 33 %, в 2013 г. — 31 %. Содержательно реакции оценочного компонента схожи по своей негативной окраске: *лжец, лицемер, вор, коррупция, подлость, беспринципность, dishonest* (нечестный), *self-interest* (эгоизм), *untrustworthy* (не заслуживающий доверия), *cheesy charm* (лживое очарование), *thief* (вор), *aggressive* (агрессивный), *sly* (хитрый). У русских активно складывается представление ПОЛИТИКА через реакции, отражающие его нечестную, преступную деятельность: *вор, жулик, обманщик*; у англичан — через качества, ставящие под сомнение компетентность ПОЛИТИКА: *sappy* (недалекий), *amateur* (непрофессионал), *sleazy* (скользкий), *placeman* (чиновник, зло-

употребляющий положением). В случае английских информантов повторяются реакции, являющие современные реалии несправедливой деятельности политиков. Так, ассоциации *expenses* — *затраты*, а также *expenses scandal* отражают ситуацию увеличения британскими политиками своих привилегий, что привело к финансовому скандалу — «expenses scandal», разразившемуся в июле 2009 г. Таким образом, в сознании информантов лексема ПОЛИТИК актуализируется через фактор «недоверие».

Интересно отметить, что помимо отрицательных реакций, в сознании респондентов отражается и образ идеального политика, наделенного такими качествами, как *неподкупность, ответственность, уверенность, мудрость*. Однако такое положительное представление ПОЛИТИКА актуализируется лишь в сознании русских информантов.

Понятийный компонент лексемы ПОЛИТИК представлен наименьшим количеством реакций: у русских респондентов в 2009 г. он составляет 25 % и в 2013 г. — 33 %, у англичан — 26 % в 2009 г. и 17 % в 2013 г. Можно заключить, что информанты в меньшей степени представляют лексему ПОЛИТИК через синонимичные слова, соотносимые со словарными дефинициями. В словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой дается следующее определение лексемы ПОЛИТИК: «...политический деятель, лицо, занимающееся вопросами политики; знаток политики» [Ожегов, Шведова 1996: 215]. В «Oxford Dictionary of English» встречаем следующие дефиниции: «1) a person whose job is concerned with politics; an elected member of parliament (человек, чья работа связана с политикой; избранный член парламента); 2) a person who is good at using different situations in an organization to try to get power or advantage for himself or herself [Soanes, Stevenson 2003: 245] (человек, успешно использующий разные ситуации в организации для получения власти или преимущества).

Из словарных дефиниций как русских, так и английских словарей ясно, что в основе определения лексемы ПОЛИТИК лежат 2 стороны: то, кем является политик по природе (человек), и то, какой деятельностью он занимается, какие функции выполняет (политическая деятельность, решение вопросов). В сознании русских информантов ПОЛИТИК прежде всего ассоциируется со словами *мужчина, депутат, человек, чиновник, дипломат, власть*. В группе английских респондентов группа «Обобщенное представление» выражена достаточно слабо и представлена реакциями *man* (мужчина), *parlia-*

ment (парламент), *speaker* (оратор). В единичном случае встречается представление лексемы через женский образ: реакция *man or woman* (мужчина или женщина) у англичан и *мужчина, хотя может быть и женщина* у русских. Однако русский респондент дополнил эту ассоциацию примечанием: *женщина-политик — уже мужчина*. Таким образом, политическая деятельность воспринимается прежде всего как прерогатива мужчин.

Еще одним важным аспектом понимания лексемы ПОЛИТИК является его деятельность, выполняемые функции. В эксперименте 2009 г. в сознании русских информантов семантическая группа «Профессиональная деятельность» была представлена лишь двумя реакциями: *выборы, дебаты*. Однако в 2013 г. количество реакций увеличилось в 8 раз: *правотворчество, руководство, выступление, заседание* и др. Английские респонденты, наоборот, стали в меньшей степени представлять лексему POLITITIAN через выполняемые задачи и действия: 18 реакций в 2009 г. и 9 реакций в 2013 г. «The Free Dictionary» соотносит со словом POLITITIAN лексему «лидер». Данные экспериментов показали, что этот концептуальный признак не актуализировался в сознании информантов.

В результате описания лексемы ПОЛИТИК по данным свободного ассоциативного эксперимента можно сделать следующие выводы. Образный компонент в реакциях информантов обеих стран составляет 40 % в 2009 г. и 41 % в 2013 г., энциклопедическое или понятийное поле составляет 26 % в 2009 г. и 24 % в 2013 г. Оценочный компонент лексемы равен 34 % в 2009 г. и 35 % в 2013 г. Минимальные изменения этих процентных составляющих дают право утверждать, что данное представление лексемы действительно стабильно.

Исследование показало, что определение лексемы ПОЛИТИК/ POLITITIAN в наивном представлении русских и англичан имеет много схожих черт. Прежде всего исследуемая лексема актуализируется в сознании информантов через предметно-образный и оценочный компонент лексемы, в то время как понятийная составляющая отходит на второй план. В первую очередь респонденты рисуют образный портрет и дают оценку моральному облику и деятельности ПОЛИТИКА, в меньшей степени обращаясь к энциклопедическому содержанию лексемы. Зрительный образ ПОЛИТИКА детально сформирован в сознании информантов и во многом схож: респонденты обеих стран представляют ПОЛИТИКА как мужчину в деловом

дорогом костюме, в галстуке, в дорогой машине. Представляя лексему через конкретную личность, английские информанты называют лишь политиков Великобритании, в то время как русские называют почти всех основных мировых лидеров.

В когнитивном плане негативная акцентуация преобладает над положительной в реакциях информантов обеих стран. Однако у русских в реакциях 2013 г. выявляется компонент положительного образа ПОЛИТИКА.

В понятийном аспекте представления исследуемой лексемы стоит выделить следующее наблюдение. По сравнению с 2009 г. в эксперименте 2013 г. русские информанты значительно активнее стали представлять ПОЛИТИКА через функции, которые он должен выполнять, в то время как у англичан, наоборот, этот показатель снизился. Два эксперимента, проведенные с разницей в 5 лет, позволяют наблюдать, как реальная политическая ситуация в мире отражается в сознании людей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. 2-е изд. М., 1995.
2. Бабушкин А. П. Концепты разных типов в лексике и фразеологии и методика их выявления // Методологические проблемы когнитивной лингвистики / под ред. И. А. Стернина. — Воронеж, 2001.
3. Балашова Е. А. Наивная картина мира русских и словенцев по данным обыденных толкований слов (опыт исследования четырех фрагментов) : учеб. пособие по спецкурсу / Перм. ун-т. — Пермь, 2007.
4. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. — М., 2000.
5. Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. — Воронеж : Истоки, 2001.
6. Попова З. Д., Стернин И. А. Семантико-когнитивный анализ языка. — Воронеж : Истоки, 2007.
7. Протченко И. Ф. К вопросу об изучении ОПЛ // Историко-филологические исследования. — М., 1967.
8. Скляревская Г. Н., Ткачева И. О. Давайте говорить правильно! Политический язык современной России : краткий словарь-справочник. — СПб., 2004.
9. Стернин И. А. Значение в языковом сознании: специфика описания. — Воронеж, 2006.
10. Стернин И. А. Лексическое значение слова как структура // Вопросы психолингвистики. 1985. № 4.
11. Трофимова Ю. В. Концепт «политика» в русской языковой картине мира : дис. ... канд. филол. наук. — Новосибирск, 2004.
12. Уфимцева А. А. Слово в лексико-семантической системе языка. — М., 1968.
13. Чудинов А. П. Политическая лингвистика. — М., 2008.
14. Чудинов А. П. Российская политическая лингвистика: этапы становления и ведущие направления. — Екатеринбург, 2003.
15. Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. — М., 1973.
16. Яценко Н. Е. Толковый словарь обществоведческих терминов. — М., 1999.
17. Dictionary of Politics and Government. — Cambridge, 2004.
18. Free dictionary of English. URL: <http://www.thefreedictionary.com/>.
19. Soanes C., Stevenson A. Oxford Dictionary of English. Revised Ed. — Oxford, 2003.

E. V. Orlatykh, T. I. Erofeeva
Perm, Russia

**THE LEXEME ПОЛИТИК/POLITICIAN IN NAÏVE CONSCIOUSNESS
OF THE RUSSIANS AND THE ENGLISH (EXPERIMENTAL RESEARCH)**

ABSTRACT. *The goal of the research is to analyze the vocabulary of political sphere in naïve consciousness of the Russians and the English. The subject of the research is interpretation of the concept **политик/politician** by the representatives of the Russian and English cultures. The aim of the experiment is to reveal the fragment of political worldview that is included in the lexeme **политик/politician** on the basis of the survey among 80 respondents. To collect the data a chain associative experiment was held, based on introspection. The experiment was held in 2008 and in 2013. The Russian respondents were asked to fill the questionnaires of the "open" type, writing two or three associations for the word **политик**. The English respondents were given a questionnaire in English and they were asked to write associations for the word **politician**. The respondents gave 418 associations; the method of content analysis was used to analyze the results. Three semantic components of the lexeme were taken into account: notional, imagery and evaluative. The research revealed common and culture-bound components in the meaning of the words **политик/politician**. It is proved that the meaning of the lexeme is different in the minds of respondents. Practical value of the research is in the possibility to use its results in teaching theoretical and practical courses of Russian and English lexicology, as well as in practical classes and in theory of translation.*

KEYWORDS: *political vocabulary; political leaders; ethnosociology; meaning of words; experimental research; language worldview.*

ABOUT THE AUTHOR: *Orlatykh Evgeniya Vladimirovna, Master's Degree in Philology, Competitor for a Degree, Perm State National research University, Faberge Museum, St. Petersburg, Russia.*

ABOUT THE AUTHOR: *Erofeeva Tamara Ivanovna, Doctor of Philology, Professor of Department of Theoretical and Applied Linguistics, Perm State National Research University, Perm, Russia*

REFERENCES

1. Apresyan Yu. D. Leksicheskaya semantika. 2-e izd. M., 1995.
2. Babushkin A. P. Kontsepty raznykh tipov v leksike i frazeologii i metodika ikh vyavleniya // Metodologicheskie problemy kognitivnoy lingvistiki / pod red. I. A. Sternina. — Voronezh, 2001.
3. Balashova E. A. Naivnaya kartina mira russkikh i sloventsev po dannym obydennykh tolkovaniy slov (opyt issledovaniya chetyrekh fragmentov) : ucheb. posobie po spetskursu / Perm. unt. — Perm', 2007.
4. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka. — M., 2000.
5. Popova Z. D., Sternin I. A. Ocherki po kognitivnoy lingvistike. — Voronezh : Istoki, 2001.
6. Popova Z. D., Sternin I. A. Semantiko-kognitivnyy analiz yazyka. — Voronezh : Istoki, 2007.
7. Protchenko I. F. K voprosu ob izuchenii OPL // Istoriko-filologicheskie issledovaniya. — M., 1967.
8. Sklyarevskaya G. N., Tkacheva I. O. Davayte govorit' pravil'no! Politicheskiy yazyk sovremennoy Rossii : kratkiy slovar'-spravochnik. — SPb., 2004.
9. Sternin I. A. Znachenie v yazykovom soznanii: spetsifika opisaniya. — Voronezh, 2006.
10. Sternin I. A. Leksicheskoe znachenie slova kak struktura // Voprosy psikholingvistiki. 1985. № 4.
11. Trofimova Yu. V. Kontsept «politika» v russkoy yazykovoy kartine mira : dis. ... kand. filol. nauk. — Novosibirsk, 2004.
12. Ufimtseva A. A. Slovo v leksiko-semanticheskoy sisteme yazyka. — M., 1968.
13. Chudinov A. P. Politicheskaya lingvistika. — M., 2008.
14. Chudinov A. P. Rossiyskaya politicheskaya lingvistika: etapy stanovleniya i vedushchie napravleniya. — Ekaterinburg, 2003.
15. Shmelev D. N. Problemy semanticheskogo analiza leksiki. — M., 1973.
16. Yatsenko N. E. Tolkovyy slovar' obshchestvovedcheskikh terminov. — M., 1999.
17. Dictionary of Politics and Government. — Cambridge, 2004.
18. Free dictionary of English. URL: <http://www.thefreedictionary.com/>.
19. Soanes C., Stevenson A. Oxford Dictionary of English. Revised Ed. — Oxford, 2003.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.

А. А. Строканов

Линдон, США

С. Ю. Жданова, Л. О. Пузырёва

Пермь, Россия

**АНАЛИЗ УЧЕБНИКОВ ИСТОРИИ В РОССИИ И США
С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ В НИХ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

АННОТАЦИЯ. В статье описано выявление эксплицитного знания о Второй мировой войне, представленного в учебниках истории. Данное исследование является частью масштабного изучения образа Второй мировой войны у жителей участвовавших в ней стран (русских и американцев). Анализ и сопоставление российских и американских учебников истории позволили сделать вывод о различиях в представлении материала о Второй мировой войне. Выявлено, что война освещается по-разному в зависимости от страны издания учебника и от того, кому учебник адресован. Американские учебники преимущественно освещают события, происходившие на территории США, уделяют мало внимания истории боевых действий в целом. В большей степени рассматривается история боевых действий против Японии, чем против Германии. Отечественные учебники показывают вклад в победу всех стран-союзников, учебники американских авторов основное внимание уделяют роли США, при этом отношение к участникам войны неоднозначно: некоторые не упоминаются, роли других участников умалчиваются. Сделан вывод о высоком уровне политизации изложения материала. В российских учебниках история Второй мировой войны раскрыта подробнее, представлена более полная картина боевых действий. Решающая роль в разгроме врага отдана Советскому Союзу, однако показан и вклад в победу союзников. Отмечено, что учебники обеих стран не упоминают об ужасах войны, приведены только определенные факты. Это можно определить как некое упущение авторов. Необходимо стремиться к сохранению Второй мировой войны в народной памяти как свидетельства величайшей трагедии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Вторая мировая война; учебники истории; историческая память; национальное сознание; анализ учебников.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: Строканов Александр Алексеевич, профессор истории, заведующий кафедрой социальных наук, директор Института русского языка, истории и культуры, Линдонский государственный колледж; 1001, CollegeRoad, POBox 919, Lyndonville, Vermont, USA 05851; e-mail: Alexandre.Strokanov@lsc.vsc.edu.

Жданова Светлана Юрьевна, доктор психологических наук, доцент, заведующий кафедрой психологии развития, философско-социологический факультет, Пермский государственный национальный исследовательский университет; 614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15; e-mail: svetlanaur@gmail.com.

Пузырёва Любава Олеговна, аспирант, старший преподаватель кафедры психологии развития, философско-социологический факультет, Пермский государственный национальный исследовательский университет; 614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15; e-mail: puzireva.l@gmail.com.

В понимании роли войны в истории страны и жизни людей, ее последствий, формировании объективного взгляда на события той эпохи большую актуальность на сегодняшний день приобретает изучение образа Второй мировой войны в сознании представителей различных культур. Обращение внимания на сопоставление сформировавшихся образов Второй мировой войны в разных странах и культурах позволит избежать субъективных, фальсифицированных оценок войны, а также будет способствовать сохранению исторической памяти.

В настоящее время повсеместно наблюдается учащение войн, которые по своему масштабу близки к мировым, так как затрагивают интересы множества стран, вовлекая их тем самым в военные действия, распространяющиеся на огромные сухопутные, морские и воздушные пространства. В данном контексте необходимым представляется изучение опыта Второй мировой войны. Исследование представлений о войне, ее образа в сознании граждан, их отношения к причинам, поводам, событиям, итогам и последствиям, значению в жизни общества и конкретного человека позволяет углубить

понимание событий, оценить взгляды современников на внешнюю политику государств, обратить внимание на трагичность и ужас последствий войны.

В своем масштабном исследовании, посвященном изучению образа войны в различных семиотических системах у представителей разных культур, мы ставили целью изучение эксплицитного и имплицитного знания о Второй мировой войне. На первом этапе нами было проведено изучение предметной области и ее формализация, создание базы знаний (онтологии спецификации) «Вторая мировая война». На втором этапе исследования осуществлялся анализ учебников истории в России и США с точки зрения репрезентации в них знаний о Второй мировой войне. Этот этап дает нам возможность выявления стереотипов восприятия и представления войны в связи с этнической принадлежностью, специфических характеристик образа войны у русских и американцев.

В качестве метода исследования учебных пособий истории России и США был использован метод контент-анализа, осуществлялся анализ текстовых массивов на основе ключевых слов.

Публикация подготовлена при поддержке гранта № 15-16-59006. The publication was prepared with the support of the grant № 15-16-59006.

© Строканов А. А., Жданова С. Ю., Пузырёва Л. О., 2016

В ходе исследования на основе метода экспертных оценок были определены критерии анализа. В качестве экспертов выступили психологи, имеющие богатый опыт анализа текстов, а также преподаватели истории в вузах и школах России и США. Общее количество экспертов составило 6 человек: из них 3 специалиста в области психологии и 3 специалиста в области исторического знания. Степень согласия экспертов в отношении выделенных критериев анализа составила более 90 %.

На основе процедуры экспертных оценок в качестве критериев анализа были выделены следующие категории:

- насколько полно описано событие;
- всесторонность освещения (причины, последствия и т. д.);
- выпячивается ли роль только одной стороны или показаны все участники военных действий;
- умалчивается ли о какой-либо стороне;
- как представлен образ врага (кто враг?);
- как передается образ врага за счет вербальных и невербальных составляющих;
- есть ли героизация войны (много ли героев, кто именно является героем, выделяются генералы или простые солдаты);
- фронт и тыл;
- иллюстративный материал (есть ли, насколько красочный, что изображено);
- есть ли плакаты (что изображено: тыл, военные действия, призыв всем идти на фронт);
- война, ее последствия — зверство, ужас (присутствует ли это представление?).

Анализ российского учебника. В качестве объекта анализа нами был выбран учебник О. В. Волобуева, В. А. Клокова, М. В. Пономарёва, В. А. Рогожина «История. Россия и мир» за 11 класс (Базовый уровень. Учебник для общеобразовательных учреждений. Рекомендовано Министерством образования и науки Российской Федерации. 12-е издание, Москва (издательство «Дрофа»), 2013 г.) [Волобуев, Клоков, Пономарев, Рогожин 2013]. Данный учебник является базовым, используется в школах России для изучения истории.

Анализ показал, что эксплицитное знание в отношении Второй мировой войны представлено в 5-й главе учебника. Информация о войне раскрыта на 36 страницах [Там же: 147—183]. Глава включает 5 параграфов, названия которых представлены ниже:

§ 22. Агрессия гитлеровской Германии.

§ 23. СССР накануне Великой Отечественной войны.

§ 24. Начало Великой Отечественной войны.

§ 25. Коренной перелом.

§ 26. Победа Антигитлеровской коалиции.

В параграфе 22, обозначенном как «Агрессия гитлеровской Германии», рассматриваются причины и периодизация войны; разгром Польши, обсуждаются вопросы «Странной войны» на Западе; разгром Франции; битва за Англию; военные действия в Африке и на Балканах.

Параграф 23 «СССР накануне Великой Отечественной Войны» включает в себя обсуждение таких вопросов, как подготовка СССР к войне, советско-финляндская война; дальнейшее территориальное расширение СССР.

Параграф 24, названный «Начало Великой Отечественной войны», посвящен вопросам нападения Германии на СССР; мобилизационным усилиям первых месяцев войны. В этом параграфе рассматривается зимнее контрнаступление Красной армии; оборонительные бои Красной армии летом и осенью 1942 г.; военные действия в Северной Африке и на Тихом океане; формирование Антигитлеровской коалиции.

В параграфе 25 «Коренной перелом» рассматриваются победы советских войск под Сталинградом на Курской дуге; сражения в Северной Африке и на Тихом океане; соотношение сил в важнейших сражениях 1942—1943 гг.; советское общество в годы войны, а также такой вопрос, как «советские люди на оккупированных территориях».

В параграфе 26 «Победа Антигитлеровской коалиции» освещаются вопросы наступления Красной армии в 1944 г.; военных действий на западе в 1944 г.; положение в Германии; движение Сопротивления, завершение войны в Европе; завершение войны на Дальнем Востоке; рассматриваются итоги Второй мировой войны; потери во Второй мировой войне.

Анализируя содержание главы, следует заключить, что события Второй мировой войны представлены в главе неполно, что можно объяснить невозможностью изложения в рамках одной главы всей информации относительно истории Второй мировой войны. Однако все основные события описаны, что удовлетворяет требованиям базового уровня.

События описаны коротко, но всесторонне. Рассмотрены причины, итоги, последствия войны. Например, указано положение государств на момент начала войны, основные причины войны, ее ход и окончание. В конце учебника приведены карты боевых действий. Представлены основные театры военных действий Второй мировой войны: Северная Африка, Западный фронт,

Тихоокеанские баталии, Восточный фронт. Указаны основные политические и военные деятели, принимавшие стратегические решения в войне.

Роль СССР во Второй мировой войне показана ярче, чем роли других стран, вместе с тем их вклад в победу показан очевидно, например Англии, США. Данный факт можно объяснить тем, что учебник написан в России и для российских школьников. С другой стороны, не стоит забывать о том, какой вклад СССР внес в победу и какой грандиозный театр военных действий был на Восточном фронте.

В данном учебнике показано, что решающий вклад в разгром фашизма принадлежит Советскому Союзу. Главный участник военных действий — Красная армия, либо указаны отдельные силы некоторых фронтов с указанием командующих: Юго-Западный (Н. Ф. Ватунин), Донской (К. К. Рокоссовский), Сталинградский (А. И. Еременко), Западный (Г. К. Жуков). Показано, что весомый вклад в исход войны внесли партизанские отряды, которые представлены в главе как советские патриоты.

Простой советский народ не упоминается как победитель. О героизме советского народа, армии и солдат не упоминается. Победа над фашизмом описывается как победа Антигитлеровской коалиции: «В результате победы Антигитлеровской коалиции была ликвидирована угроза, нависшая над всем человечеством».

Роль Китая в войне не раскрыта подробно. Указаны лишь потери Китая в войне и операция советских войск в Китае, да и то вкратце. Недостаточно внимания уделено Франции, движению Сопротивления в оккупированных немцами странах. Но учебник и не предполагает полного раскрытия тех событий, кроме того, объем учебника не позволяет уместить всю информацию. В учебнике представлены только значимые события.

Образ врага представляется главным образом Германией, в частности А. Гитлером как главным идеологом войны. В тексте враг обозначен такими выражениями, как «гитлеровская Германия», «гитлеровцы», «гитлеровское командование», «немцы», «гитлеровские войска», «немецкая авиация», «фашисты», «фашистская Германия» [Там же]. Однако союзники Германии в войне всё же упоминаются: страны Центральной и Восточной Европы — Финляндия, Венгрия, Румыния, Словакия и Болгария, Италия и Япония.

Образ врага передается как вербальными, так и невербальными средствами. Невербальные средства: фотографии карика-

турного содержания, фотография затопленного корабля в Перл-Харборе, улицы Лондона после бомбежки немецкой авиации, марш немецких войск по Парижу. Всё это свидетельствует о вероломности и жестокости врага. К вербальным средствам следует отнести сведения о потерях союзников в войне (военнослужащих и мирных жителей), что свидетельствует о жестокости врага, один из параграфов главы так и называется: «Агрессия гитлеровской Германии». Приведем следующие цитаты из учебника: «Гегемония фашистских государств», «вероломное нападение на СССР», «становление движения Сопротивления», «окончательный разгром фашистов, оккупантов», «Гитлер возмнил себя вершителем судьбы Европы»... Мы видим, что в учебнике достаточно четко обозначено, кто является врагом в войне, агрессором, оккупантом (Германия, Италия, Япония), а кто — освободителем всего мира (СССР, Англия, США) [Там же].

В отношении героизации войны можно сказать, что как таковой информации о героях в учебнике нет, но героические ноты всё же присутствуют. Например: «...на уничтожение гарнизонов пограничных застав они отводили 15—20 минут, но многие заставы держались часами, сутками, сковывая живую силу и технику врага...», «с огромным трудом командованию Красной Армии удалось стабилизировать фронт на ближних подступах к столице. Войскам Калининского (командующий — К. К. Рокоссовский), Западного (Г. К. Жуков) и Брянского (А. И. Еременко) фронтов удалось измотать и обескровить наступающие части противника...», «...более половины из тех, на чьих плечах держался тыл сражающейся армии, составляли женщины и подростки...». В главе упоминается как простой народ и солдаты, так и генералы.

Тыл в учебном пособии представлен кратко, больше внимания уделено военным операциям. При описании тыла упомянут труд советских людей, их вклад в победу, труд союзников, например: «...более половины из тех, на чьих плечах держался тыл сражающейся армии, составляли женщины и подростки...», «Советское общество в годы войны подчинено лозунгу „Всё для фронта, всё для победы“». На первый план вышла идея „защиты отечества“ от фашистского порабощения: „Великая Отечественная продемонстрировала небывалый подъем патриотизма, стала коллективным подвигом всего народа“» [Там же].

В учебном пособии присутствует большое количество различных иллюстраций. В 5 главе, посвященной Второй мировой

войне, представлено 23 красочных изображения. Из них 14 — фотографии, 9 — рисованные изображения. Данные иллюстрации передают ход и настроение военных действий, позволяют ощутить атмосферу тех лет, создают определенное смысловое и эмоциональное наполнение главы. Иллюстрации включают:

- картины сражений, битв, последствий войны, демонстрирующие наглядно отвагу советского народа, огромные человеческие потери;

- изображения простых советских людей в тылу и на фронте, партизанские отряды, вооружение советской армии (танки, автоматы);

- фото генерала Г. К. Жукова; ироничное фото из фильмов (Ч. Чаплин в роли А. Гитлера и Дж. Оуки в роли Б. Муссолини в фильме «Великий диктатор» 1940 г.);

- изображения немецких войск и техники, демонстрирующие огромную численность войск и мощь техники;

- картины других участников войны: американцев (высадка десанта на тихоокеанском театре военных действий, американский корабль, потопленный при налете японцев на Перл-Харбор), англичан (танк, предназначенный для отправки советским союзникам), улицы Лондона после налета гитлеровской авиации, английский плакат (объединенные нации борются за свободу);

- картины освобождений (Минска, китайского города Муждене, штурм Берлина);

- таблицы, демонстрирующие соотношение численности армии, вооружения и потерь в войне;

- иллюстрации, отражающие вклад в победу простого советского народа (картинка «Проверка автоматов, перед отправкой на фронт», фото «Самолеты, построенные на средства актеров Малого театра», фото «Актеры Малого театра изучают устройство автомата»).

Анализируя иллюстративный материал главы, посвященной Второй мировой войне, можно сказать, что на 7 фотографиях изображена военная техника и оружие, как советские, так и других государств. На остальных фотографиях изображены как советские, так и немецкие солдаты.

Что касается красочности материала, то в данной главе авторы опубликовали лишь черно-белые изображения. Если для фотографических изображений это вполне актуально (передает дух и настроение времени), то плакаты можно было представить в красочном варианте.

Плакаты и картины иллюстрируют как советские агитационные материалы, так и мировые. В главе присутствуют три плаката. Возможно, это не так уж и много для рас-

смотрения темы Второй мировой войны, поскольку именно в это время плакатное искусство переживало свой золотой век. Два плаката посвящены предвоенной тематике в СССР, тому времени, когда в мире уже были предпосылки к войне. На одном плакате изображено, с одной стороны, величие советского флота, с другой — призыв к защите морских рубежей страны («Защитим морские подступы к СССР»). На другом плакате читается призыв к защите Родины («Если завтра война»), формирование желания служить Родине (пожилой человек с винтовкой в руках, а за ним вся страна). На третьем плакате изображено единение всех наций в борьбе с фашизмом. Плакат создан художниками США, поэтому на первом плане флаг США и Великобритании, а поодаль флаг СССР. Уже в те времена формировалась определенная дистанция между миром западным и СССР.

В целом можно сказать, что иллюстративный материал подобран грамотно и отражает содержание именно *мировой* войны, борьбы всего мира против фашистской Германии.

В учебнике отсутствуют рассказы об ужасах, зверствах войны. Представлены только история и факты. Особо жестокий характер войны передается только в иллюстрациях и таблицах (количество мобилизованных, погибших военнослужащих, раненных в боях, жертв среди населения) по союзникам и противникам. Это определенное упущение со стороны авторов, поскольку фашизм — это прежде всего зверство и издевательство над человеком и его правами.

В целом можно сделать вывод, что данная тема в рамках учебника раскрыта максимально полно, и можно считать, что учебник соответствует требованиям к обучению школьников всемирной истории. Конечно, для тех, кто хочет подробно изучить тему Второй мировой войны, необходимо изучение дополнительной литературы.

Анализ американского учебника. Для анализа эксплицитного знания о Второй мировой войне в учебниках США был использован в качестве объекта анализа учебник «The American Vision. Teacher Wraparound Edition. Joyce Appleby, Alan Brinkley, Albert S. Broussard, James M. McPherson, Donald Ritchie (Glencoe/McGraw Hill, 2003, 1138 pages. ISBN 0078249226-0) [Appleby, Brinkley, Broussard, McPherson, Ritchie 2003].

Второй мировой войне посвящены две главы в учебнике, которые составляют общим объемом 69 страниц [Op. cit.: 706—775]. Это:

Глава 24. Мир в огне, 1931—1941 (стр. 706—733).

Глава 25. Америка и Вторая мировая война, 1941—1945 (стр. 734—775).

Глава 24 начинается с описания прихода к власти Б. Муссолини в Италии, И. Сталина в СССР и А. Гитлера в Германии. Затем описывается установление контроля милитаристов над Японией. После представления этих стран учебник обсуждает Аншлюс Австрии, раздел Чехословакии и Пакт о ненападении между СССР и нацистской Германией. Далее учебник рассказывает о начале войны и нападении Германии на Польшу, падении Франции, чудесном спасении английских солдат при Дюнкерке и битве за Британию. В этой же главе обсуждается нацистская идеология, Нюрнбергские антиеврейские законы, преследование евреев, создание нацистами концентрационных лагерей и лагерей для уничтожения евреев и других неугодных режиму людей. В главе детально обсуждается Акт о нейтралитете, принятый США в 1939 г., и дебаты в отношении американского изоляционизма перед вступлением США в войну. Затем рассказывается о нападении Японии на США и объявлении Германией войны США.

Глава 25 начинается с анализа состояния американской промышленности перед войной и ее перехода на выпуск военной продукции. Затем обсуждается увеличение численности армии США. При этом подчеркивается, что армия США носила сегрегационный характер. Особое внимание уделяется тому, как афроамериканцы проявляли себя в боях. Кроме того, анализируется, что повлияло на решение Г. Трумэна, правда только в 1948 г., полностью интегрировать армию и ликвидировать ее разделение по расовому принципу. Особое внимание уделяется участию женщин в вооруженных силах США. Далее в главе обсуждается захват Японией Филиппин, стратегия Японии в войне против США, сражения в Коралловом море и битва за Мидуэй. После этого учебник переходит к военным действиям в Северной Африке, Битве за Атлантику. Как оборотный пункт в войне обсуждается Сталинградская битва, и это первое упоминание об участии в войне Советского Союза.

Затем обсуждение возвращается к событиям на «домашнем фронте». Рассказывается об участии женщин в работе на оборонных предприятиях, использовании афроамериканских и мексиканских трудовых ресурсов. Отмечаются и проблемы, такие как нехватка жилплощади в районах развивающейся военной промышленности, всплеск расизма и преступности. Особо обсуждается история с интернированием населения с японскими корнями. В главе разбирается

повседневная жизнь американцев в годы войны: контроль за ценами, огороды, бытовая жизнь и т. д.

Далее учебник вновь обращается к военным действиям. Обсуждаются стратегические бомбардировки западными союзниками городов Германии, а также начало военных действий в Италии. Учебник кратко рассказывает о Тегеранской конференции. Заметим, что Ялтинская конференция упоминается только вскользь. Большое внимание в главе уделяется высадке западных союзников во Франции. Затем рассказ переходит к военным действиям против Японии, возвращении Макартура на Филиппины. Далее обсуждение снова возвращается к Европе и рассказывается о продвижении западных союзников на восток, особое внимание уделяется Арденнской операции, называемой в США как битва за Балдж. Очень коротко отмечается завершение войны в Европе, и учебник вновь переходит к войне с Японией. Обсуждаются битвы за Иводзиму, бомбардировки Японии, наступление американских войск на Окинаву, и подробно разбирается атомная бомбардировка Хиросимы и Нагасаки. Завершается глава рассказом о создании ООН и о Нюрнбергском трибунале.

Отметим некоторые интересные детали:

- Учебник приводит таблицу жертв войны, где отмечается, что СССР потерял 11 миллионов военнослужащих и всего 6 700 000 гражданского населения. Российские исследователи называют цифру, превышающую 13 миллионов потерь среди гражданского населения. Примечательно, что учебник называет цифру 8—10 миллионов как число жертв среди крестьянства, сопротивлявшегося коммунистической политике. Таким образом, можно прийти к выводу, что потери гражданского населения в мирные 30-е годы были выше, чем в результате войны с Германией.

- В учебнике приводится фотография встречи американского и советского военнослужащих Вильяма Робертсона и Александра Сильвашко в 1945 г. На подписи под фотографией А. Сильвашко назван как военнослужащий Первой Украинской армии, а не Первого Украинского фронта. Дело здесь не просто в трудности перевода термина «фронт», а скорее всего в желании представить Сильвашко как бойца некой особой Украинской армии, которой на самом деле никогда не существовало.

- Из учебника невозможно понять, кто брал Берлин. В учебнике написано, что советские войска подошли к окраинам Берлина, А. Гитлер застрелился и 7 мая Германия капитулировала. День 8 мая называется Днем Победы в Европе.

Основные имена, приводимые в американском учебнике, принадлежат руководителям стран — участниц войны: А. Гитлер, Б. Муссолини, У. Черчилль, И. Сталин. А вот из других имен приводятся также имена из Германии: М. Борман, адмирал К. Дёниц; из Великобритании: Б. Монтгомери; из Японии — адмирал И. Ямамото. Только СССР не представлен никем, кроме И. Сталина и упомянутого выше А. Сильвашко.

В таблице участников войны названы 7 стран. Три представлены как страны «Оси» — Италия, Германия и Япония. Три как «Союзники» — США, Великобритания и Франция. СССР отмечен между двумя блоками отдельно и определен следующим образом: «...подписал акт о ненападении в 1939, получил помощь от США и впоследствии „eventually“ сражался вместе с союзниками против Германии...» [Op. cit.].

Совершенно понятно и объяснимо, что основное внимание авторы учебника уделили США. Это учебник истории США, и по вполне понятным причинам все внимание уделено именно роли своей страны и конкретным событиям в ходе войны. Тем не менее отношение к «союзникам» однозначно разное. Самое большое внимание и положительные оценки достаются Великобритании. Франция практически не упоминается. А вот СССР представлен и как союзник, и как не совсем союзник, особенно на начальном этапе войны. Ирония заключается в том, что сами США вступили в войну даже позже, чем СССР. В целом можно заключить, что роль СССР представлена не объективно, и его решающий вклад в победу попросту замалчивается.

Учебник абсолютно не упоминает о зверствах нацистов на оккупированных ими территориях или о зверствах японцев в Китае и других оккупированных странах. Эта сторона войны практически не присутствует, за исключением истории холокоста, что отражено достаточно объективно, подробно и на конкретных примерах. Таким образом, авторы подходят выборочно к представлению ужасов войны и ее последствий для народов мира. Возможно, это связано с тем, что эти зверства не затронули США и народ напрямую. Как следствие данного подхода к отражению войны, у учащихся не может формироваться образ врага, беспощадного и заслуживающего серьезной кары. Это просто война, где есть победители и побежденные. Просто одна из ряда многих войн, что случались в прошлом и не могут быть исключены в будущем.

Установка на героизацию войны практически отсутствует. Мы можем прочитать о

генералах, но судьба простого солдата практически не показана, чего нельзя сказать о ситуации в тылу, где явно выступают конкретные люди и их достижения.

Учебник очень подробно описывает историю не столько боевых действий, сколько событий, осуществляемых на территории США. Такой подход заслуживает поддержки и понимания. Более того, в ходе обсуждения «домашних событий внутри США» в ходе войны авторы учебника не избегают «острых» вопросов и достаточно объективно их отражают на страницах учебника. Это относится и к расовому вопросу, и к росту расовых конфликтов и преступности в годы войны, роли женщин в армии и в тылу, а также к такой болезненной теме, как интернирование граждан с японскими корнями в ходе войны и отсутствие официальных извинений перед этими невинными по сути людьми до 1988 г., когда правительство США наконец принесло извинения за свои действия и события тех лет.

Можно однозначно заключить, что учебник фокусирует внимание учащихся не столько на военных действиях, сколько на изменении страны в целом в ходе войны.

Совершенно очевидным является тот факт, что военные действия против Японии привлекают гораздо больше внимания авторов, чем военные действия против Германии. Это, кстати, противоречит мнению военного командования США в годы войны, что основным противником является не Япония, а Германия. Уровень политизации изложенного материала очень высок.

В целом результаты проведенного исследования позволяют сделать следующие выводы:

1. В итоге сопоставления освещения Второй мировой войны в учебниках истории двух стран, России и США, нами были выделены общие тенденции и отличительные особенности. Общие тенденции проявляются в том, что в обоих учебниках из-за особенностей построения повествования, большого объема информации, который необходимо сжать до размера одной главы, события Второй мировой войны освещены неполно.

2. Учебники обеих стран абсолютно не упоминают о зверствах нацистов, ужасах войны, приведены только определенные факты, события истории. Это можно определить как некое упущение авторов, ведь войны и фашизм — это прежде всего трагедия народов. Необходимо стремиться к сохранению Второй мировой войны в народной памяти как свидетельства величайшей трагедии.

3. Специфические различия проявляются в том, что в российском учебнике основные

мировые события представлены в достаточном объеме, в американском учебнике упор повествования сделан на события, происходившие не на мировой арене, а на территории США.

4. Отечественные учебники показывают вклад в победу всех стран-союзников, таких как, например, США или Англия; учебники американских авторов основное внимание уделяют роли США, при этом отношение к участникам Второй мировой войны неоднозначно: некоторые участники не упоминаются, роли других участников умалчиваются.

5. В российских учебниках отмечается решающий вклад Советского Союза в победу над фашизмом, простой народ не упоминается как победитель. Тыл, жизнь людей в этот период российским учебником освещены мало, больше внимания уделяется идее защиты отечества от внешней угрозы. Американский учебник, напротив, рассказывает об участии женщин в работе на оборонных предприятиях, использовании афроамериканских и мексиканских трудовых ресурсов, описывает бытовые проблемы народа.

6. Образ врага со стороны России представлен преимущественно Германией (в лице А. Гитлера в частности), в американском учебнике в качестве врагов предстают Италия, Германия и Япония.

7. В российском учебнике все же отмечается героизм народа, солдат, генералов. Установка на героизацию войны в американском учебнике полностью отсутствует.

Таким образом, представленный материал позволяет говорить о том, что события Второй мировой войны освещаются по-разному в зависимости от того, в какой стране издан учебник и кому он адресован.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жданова С. Ю., Мишланова С. Л. Образ войны в различных семиотических системах // Вестн. ПГГПУ. Сер. № 1, Психологические и педагогические науки. 2015. Вып. 1. С. 11—17.
2. Жданова С. Ю., Печеркина А. В., Полякова С. В. Репрезентация образа войны в фильмах о Великой Отечественной

войне // Science and Practice: new Discoveries : Междунар. науч. конф. (Россия, Москва; Чехия, Карловы Вары, 24—25 окт. 2015 г.). 2015. С. 182—190.

3. Жданова С. Ю., Пузырева Л. О. Психологический анализ текста (на примере анализа песен Великой Отечественной войны) // Science in the modern information society. — North Charleston, USA, 2015. Vol. 7. № 3. P. 62—64.

4. Жданова С. Ю., Пузырева Л. О., Печеркина А. В. Медиа-текст как объект изучения (на примере анализа песен и фильмов о войне) // В мире научных открытий. 2015. № 11.6. С. 2274—2287.

5. Жданова С. Ю., Пузырева Л. О., Печеркина А. В. Психосемантический анализ концепта «ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА» // Вестн. Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-та. Сер. № 1, Психологические и педагогические науки. 2016. С. 11—16.

6. Волобуев О. В., Клоков В. А., Пономарев М. В., Рогожкин В. А. История. Россия и мир. 11-й кл. Базовый уровень : учеб. для общеобразоват. учреждений. 12-е изд. — М. : Дрофа, 2013. 351, [1] с.: ил., карт.; 32 с. цв. вкл.

7. Куприянычева Е. А., Мишланова С. Л. Построение онтологии предметной области «война» на материале лексикографических источников // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики : материалы ежег. междунар. конф. (г. Екатеринбург, 30—31 янв. 2015 г.) / Урал. гос. пед. ин-т. — Екатеринбург, 2015. Ч. 1. С. 153—161.

8. Полякова С. В., Жданова С. Ю., Мишланова С. Л. Ретроспективный образ войны в американском дискурсе (на материале комментариев об атомной бомбардировке Хиросимы и Нагасаки) // В мире научных открытий. 2015. № 9.4 (69). С. 1243—1253.

9. Полякова С. В., Жданова С. Ю., Мишланова С. Л., Пузырева Л. О., Печеркина А. В. Образ советского воина в специальных группах социальной сети «Фейсбук» // В мире научных открытий. 2015. № 11 (2). С. 1106—1115.

10. Полякова С. В., Мишланова С. Л., Жданова С. Ю. Метафорическая репрезентация концепта Второй мировой войны в американском блогговом дискурсе // Проблемы филологии, культурологии и искусствоведения в свете современных исследований : сб. материалов 14-й междунар. науч.-практ. конф. (г. Махачкала, 18 окт. 2015 г.). 2015. С. 67—70.

11. Сенявская Е. С. Противники России в войнах XX в. Эволюция образа врага. — М. : РОССПЭН, 2006. — 288 с.

12. Сенявская Е. С. Психология войны в XX веке — исторический опыт России. URL: <http://www.e-reading.club/book.php?book=1019663>.

13. Сенявская Е. С. Соперники, союзники, враги... Восприятие Великобритании, Франции и США в России в первой половине XX века / Обозреватель-observer. 2010. № 5. С. 86—101.

14. Appleby J., Brinkley A., Broussard A. S., McPherson J. M., Ritchie D. The American Vision (textbook): Teacher Wraparound Edition. — New York : National Geographic Society : Glencoe : McGraw-Hill, 2003. 1138 p. ISBN 0078249226-0.

15. Stokanov A. A., Zhdanova S. U. Russian and American students' images of their future presidents // Psychology in Russia: State of the Art. 2014. № 7 (4). P. 43—50.

A. A. Stokanov
Lyndon, USA
S. U. Zhdanova, L. O. Puzyreva
Perm, Russia

AN ANALYSIS OF THE HISTORY TEXTBOOKS IN RUSSIA AND THE UNITED STATES FROM THE PERSPECTIVE OF THEIR REPRESENTATION OF THE SECOND WORLD WAR

ABSTRACT. *The paper describes the identification of explicit knowledge about the Second World War represented in the textbooks in History. This study is a part of a large-scale research of the image of the Second World War in the minds of the residents of participating countries (the Russians and the Americans). The analysis and comparison of the Russian and American history textbooks led to the conclusion about the differences in the presentation of the material about the Second World War. It was revealed that the war in this case is described in different ways depending on the edition of the textbook, the country it is published in, and the person to whom it is addressed. The American textbooks mainly cover the events that took place on the territory of the United States, they pay little attention to the history of fighting in general. The authors pay more attention to the history of fighting against the Japanese than against Germany. The Russian textbooks show the contribution of the Allied countries to the victory, the books by American authors focus on the role of the United States, while the attitude of the participants of the war is ambiguous: some of them are not mentioned, the role of other participants is not shown. There is a high level of politicization of the presentation of the material. In Russian books the history of World War II is disclosed in detail, they*

show a more detailed picture of the fighting. The decisive role in the defeat of the enemy belongs to the Soviet Union, however, textbooks show the contribution of allies to the victory. It should be noted that in both countries the textbooks do not mention the horrors of war, they use only some of the facts. It can be defined as a kind of omission of the authors. We must strive to keep the Second World War in the national memory as a sign of the greatest tragedy.

KEYWORDS: World War II; textbooks in History; historical memory; national consciousness; textbooks analysis.

ABOUT THE AUTHOR: Strokanov Alexandre Alekseevich, Ph.D., Professor of History, Head of Department of Social Sciences, Director of the Institute of Russian Language, History and Culture, Lyndon State College, Lyndonville, Vermont, USA.

ABOUT THE AUTHOR: Zhdanova Svetlana urievna, Doctor of Psychology, Associate Professor, Head of Department of Developmental Psychology, Faculty of Philosophy and Sociology, Perm State University, Perm, Russia.

ABOUT THE AUTHOR: Puzyreva Liubava Olegovna, Post-graduate Student, Senior Lecturer of the Department of Developmental Psychology, Faculty of Philosophy and Sociology, Perm State University, Perm, Russia.

REFERENCES

1. Zhdanova S. Yu., Mishlanova S. L. Obraz voyny v razlichnykh semioticheskikh sistemakh // Vestn. PGGPU. Ser. № 1, Psikhologicheskie i pedagogicheskie nauki. 2015. Vyp. 1. S. 11—17.
2. Zhdanova S. Yu., Pecherkina A. V., Polyakova S. V. Rerezentatsiya obraza voyny v fil'makh o Velikoy Otechestvennoy voyne // Science and Practice: new Discoveries : Mezhdunar. nauch. konf. (Rossiya, Moskva; Chekhia, Karlovy Vary, 24—25 okt. 2015 g.). 2015. S. 182—190.
3. Zhdanova S. Yu., Puzyreva L. O. Psikhologicheskiy analiz teksta (na primere analiza pesen Velikoy Otechestvennoy voyny) // Science in the modern information society. — North Charleston, USA, 2015. Vol. 7. № 3. P. 62—64.
4. Zhdanova S. Yu., Puzyreva L. O., Pecherkina A. V. Mediatekst kak ob'ekt izucheniya (na primere analiza pesen i fil'mov o voyne) // V mire nauchnykh otkrytiy. 2015. № 11.6. S. 2274—2287.
5. Zhdanova S. Yu., Puzyreva L. O., Pecherkina A. V. Psihosemanticheskiy analiz kontsepta «VTORAYa MIROVAYa VOYNA» // Vestn. Perm. gos. gumanit.-ped. un-ta. Ser. № 1, Psikhologicheskie i pedagogicheskie nauki. 2016. S. 11—16.
6. Volobuev O. V., Klokov V. A., Ponomarev M. V., Rogozhkin V. A. Istoriya. Rossiya i mir. 11-y kl. Bazovyy uroven' : ucheb. dlya obshcheobrazovat. uchrezhdeniy. 12-e izd. — M. : Drofa, 2013. 351, [1] s.: il., kart.; 32 s. tsv. vkl.
7. Kupriyanycheva E. A., Mishlanova S. L. Postroenie ontologii predmetnoy oblasti «voyna» na materiale leksikograficheskikh istochnikov // Aktual'nye problemy germanistiki, romanistiki i rusistiki : materialy ezheg. mezhdunar. konf. (g. Ekaterinburg, 30—31 yanv. 2015 g.) / Ural. gos. ped. in-t. — Ekaterinburg, 2015. Ch. 1. S. 153—161.
8. Polyakova S. V., Zhdanova S. Yu., Mishlanova S. L. Retro-spektivnyy obraz voyny v amerikanskom diskurse (na materiale kommentariy ob atomnoy bombardirovke Khirosimy i Nagasaki) // V mire nauchnykh otkrytiy. 2015. № 9.4 (69). S. 1243—1253.
9. Polyakova S. V., Zhdanova S. Yu., Mishlanova S. L., Puzyreva L. O., Pecherkina A. V. Obraz sovetskogo voyna v spetsial'nykh gruppakh sotsial'noy seti «Feysbuk» // V mire nauchnykh otkrytiy. 2015. № 11 (2). S. 1106—1115.
10. Polyakova S. V., Mishlanova S. L., Zhdanova S. Yu. Metaforicheskaya reprezentatsiya kontsepta Vtoroy mirovoy voyny v amerikanskom blogovom diskurse // Problemy filologii, kul'turologii i iskusstvovedeniya v svete sovremennykh issledovaniy : sb. materialov 14-y mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Makhachkala, 18 okt. 2015 g.). 2015. S. 67—70.
11. Senyavskaya E. S. Protivniki Rossii v voynakh XX v. Evolyutsiya obraza vruga. — M. : ROSSPEN, 2006. — 288 s.
12. Senyavskaya E. S. Psikhologiya voyny v XX veke — istoricheskiy opyt Rossii. URL: <http://www.e-reading.club/book.php?book=1019663>.
13. Senyavskaya E. S. Soperniki, soyuzniki, vragi... Vospriyatiya Velikobritanii, Frantsii i SShA v Rossii v pervoy polovine KhKh veka / Obozrevatel'-observer. 2010. № 5. S. 86—101.
14. Appleby J., Brinkley A., Broussard A. S., McPherson J. M., Ritchie D. The American Vision (textbook): Teacher Wraparound Edition. — New York : National Geographic Society : Glencoe : McGraw-Hill, 2003. 1138 p. ISBN 0078249226-0.
15. Strokanov A. A., Zhdanova S. U. Russian and American students' images of their future presidents // Psychology in Russia: State of the Art. 2014. № 7 (4). P. 43—50.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.

М. В. Терских
Омск, Россия

АПЕЛЛЯЦИЯ К КОНЦЕПТУ ВРЕДА В ДИСКУРСЕ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ

АННОТАЦИЯ. Актуальность исследования обусловлена, во-первых, слабой разработкой затрагиваемой темы — специфики концептуализации базовых для социальной рекламы категорий, во-вторых, возможностью использования выявленных механизмов формирования концепта вред при создании рекламных сообщений. Объект исследования — современная российская социальная реклама, объединяющая тексты печатной, наружной и телевизионной рекламы; предметом же избран концепт вреда как средство воздействия в рекламном тексте. В социологическом аспекте вред представляет собой совокупность явлений и процессов, представляющих опасность для личности и общества в целом. С позиции психологии в концепт вреда можно включить явления, наносящие вред психическому и эмоциональному здоровью человека. Концепт вред в текстах социальной рекламы имеет схожую организацию со структурой данного концепта в обыденном массовом сознании россиян. Так, ядерными компонентами концепта вред, смоделированными в текстах социальной рекламы, являются вполне конкретные представления о вреде: смерть, болезнь, курение, жестокость и т. п., аналогично номинативное поле общеязыкового концепта вред составляют в том числе и более абстрактные компоненты — негатив, ущерб, курение, также представленные в текстах социальной рекламы. Концепт вред в текстах социальной рекламы является гиперконцептом по отношению к концептам ущерб, негатив, курение и часто репрезентируется через лексемы, объективирующие данные концепты.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: социальная реклама; языковое сознание; концепты; негативное воздействия; рекламный дискурс; рекламные тексты; язык рекламы.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Терских Марина Викторовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики факультета филологии и медиакоммуникаций Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского; 644077, Россия, г. Омск, пр-т Мира, 55а; e-mail: terskih@mail.ru.

Влияние рекламы на массовое сознание возрастает с каждым годом, и социальная реклама в настоящее время выступает как один из инструментов формирования мировоззрения человека. Перед индивидуально-коллективным автором текста социальной направленности стоит сложная задача — сформировать у людей негативное отношение к определенным явлениям действительности, от которых можно избавиться, принимая или не принимая определенную модель поведения. Задача социальной рекламы заключается, в частности, в обозначении острой социальной проблемы, а затем — в предложении реципиентам варианта/вариантов решения проблемы, устранения угрозы в виде конкретной модели поведения.

Специалисты по рекламе могут описывать проблемы и угрозы по-разному; в соответствии с этим выделяют «жесткий» и «мягкий» подход в социальной рекламе (см., например: [Дыкин 2009; Бушев, Круглова 2015; Аверкина, Герасимова 2015]). В любом случае в результате у потребителя должно сформироваться понимание, что определенное социально неодобряемое явление вредно.

Негативное отношение к определенным явлениям действительности создается с помощью апелляции в социальной рекламе к концепту вреда, специфике репрезентации которого и будет посвящена настоящая статья.

Актуальность исследования обусловлена, во-первых, слабой разработкой изучаемой

темы. Исследовательский интерес к социальной рекламе растет с каждым годом и в России, и за рубежом: в последние несколько лет был защищен ряд диссертаций (Р. В. Рюмин, «Социальная реклама как речевой жанр» [Рюмин 2012]; А. В. Солодовникова, «Современная социальная реклама: способы воздействия на адресата» [Солодовникова 2013], С. Б. Калмыков [Калмыков 2015] и др.), в которых анализируются проблемы эффективности социальных рекламных кампаний, рассматривается взаимодействие социальной рекламы с политическими и бизнес-технологиями.

Использованию лингвистических методов в процессе анализа дискурса социальной рекламы посвящены работы Хай Бин Ву «Перспективы оценочного анализа дискурса социальной рекламы» [Wu 2013]; Уиньгуинь Цю «Взаимодействие мультимодальной метафоры и метонимии в социальной рекламе: анализ конкретных примеров» [Qiu 2013]; К. Ченг, В. Лэунг «Усиление гендерных стереотипов: критический дискурс-анализ социальной рекламы в сфере здравоохранения в Гонконге» [Cheng K., Leung 2014]; Чен Линьлинь «Обзор китайской социальной рекламы с системной и функциональной точки зрения» [Chen 2015], М. Георгиадис «Мотивация изменения поведения: контент-анализ социальной рекламы в рамках проекта «Let's Move!»» [Georgiadis 2013].

Вместе с тем представляет интерес изучение специфики концептуализации базовых для социальной рекламы категорий.

Категория вреда является объектом

пристального внимания ученых различных областей знания («Категория вреда в трудовом праве России», «Правомерное и неправомерное причинение вреда в сфере медицинской деятельности», «Возмещение экологического вреда, причиненного земельным правонарушением» и др.), однако данный феномен практически не изучался учеными-когнитологами. Во-вторых, актуальность исследования обусловлена возможностью использования выявленных механизмов формирования концепта *вред* при создании рекламных сообщений социальной рекламы. Тексты социальной рекламы в большинстве случаев «загоняют» человека в тупик, акцентируя «вредность» той или иной реалии, но не реализуя зачастую схему «проблема — решение», что делает социальную рекламу непривлекательной для общественности.

Объект нашего исследования — современная российская социальная реклама, объединяющая тексты печатной, наружной и телевизионной рекламы; предметом же избран *концепт вреда* как средство воздействия в рекламном тексте.

Концепт вреда в социологическом и психологическом аспектах

Категория вреда исследуется в рамках многих наук: психологии, социологии, экологии, а также в сфере здравоохранения, но наибольший интерес для нашего исследования представляет рассмотрение категории вреда в аспектах когнитивистики, прагматики и лингвистики. Вместе с тем для более полного представления предмета исследования мы считаем целесообразным рассмотреть категорию *вред* в аспектах всех перечисленных наук.

Рассмотрим концепт *вред* в социологическом аспекте. С точки зрения социологии в концепт вреда могут быть включены следующие понятия: агрессия, так как она выражается в поведении, направленном на нанесение вреда или ущерба другому индивиду как физически, так и морально; асоциальное, девиантное и деструктивное поведение, причиняющие вред как социальным общностям, так и самой личности, и другие.

Социология рассматривает в аспекте вреда такие социальные проблемы, как курение, наркоманию, алкоголизм и другие вредные привычки; безработицу, бедность, уменьшение продолжительности жизни населения, преступность, разрушение социальных связей, сквернословие и т. д.

В социологическом аспекте *вред* представляет собой *совокупность явлений и процессов, представляющих опасность для*

личности и общества в целом.

Психология рассматривает отчасти те же проблемы (агрессивность, вредные привычки, зависимости и др.), что и социология, но более подробно изучает влияние этих явлений на личность.

В последние годы активно изучается влияние телевидения, рекламы и Интернета на человека и особенно на детей. Е. О. Смирнова и Т. В. Лаврентьева в статье «Скрытый вред телевизионного экрана» отмечают, что «эпоха средств массовой информации существенно преобразует психологию человека. СМИ активно вторгаются не только в нашу жизнь, но и в жизнь наших детей. Экран становится главным „воспитателем“ ребенка» [Смирнова, Лаврентьева 2010]. Проблема негативного влияния рекламы и Интернета на психику людей в настоящее время становится все более актуальной. Существуют специальные направления, которые занимаются изучением этой проблемы: психология рекламы, виртуальная психология. При этом важно подчеркнуть, что психология характеризуется междисциплинарностью: она взаимодействует с лингвистикой (психолингвистика), социологией (социальная психология), правом (юридическая психология) и т. д.

С позиции психологии в концепт *вред* можно включить явления, наносящие вред *психическому и эмоциональному здоровью человека.*

Концепт вреда в прагматическом аспекте

Исследование концепта вреда с позиций прагматики и когнитивистики позволит подробно рассмотреть механизмы и средства формирования данного ментального конструкта.

Прагматика является неотъемлемой частью исследования речи, поскольку, помимо прочего, обращает свое внимание на то, какой экстралингвистической ситуацией мотивируется выбор и употребление тех или иных языковых средств. Другими словами, она направляет свое внимание на коммуникативное содержание высказывания в разных условиях общения.

В рамках прагматики важно, в частности, с какой целью концепт вреда используется в рекламных сообщениях. Главная задача социальной рекламы — изменить отношение публики к какой-либо проблеме, а в долгосрочной перспективе — выработать новые социальные ценности. На достижение этой цели направлена определенная стратегия. Реципиент хорошо осознает цель социальной рекламы и понимает, что рекламный текст стремится навязать ему определенное поведение. Это зачастую вызывает негатив-

ное, предвзятое отношение к текстам социальной направленности. Использование концепта вреда в социальной рекламе позволяет сформировать у адресата определенную реакцию, отношение к явлению действительности (стимулировать страх, неприязнь, беспокойство, отторжение, тревогу и т. п.), привлечь внимание к какой-либо проблеме. Часто в социальной рекламе концепт вреда используется, чтобы обозначить «проблемную ситуацию» и затем предложить выход из нее. Данная модель рекламного сообщения является наиболее частотной в настоящее время.

Использование тех или иных тактик, иницирующих необходимые решения или действия адресата, «предполагает некоторую корректировку его модели мира и психологических параметров; суть применения конкретной тактики состоит в том, чтобы изменить конфигурацию этих параметров в нужном направлении: усилить какие-либо желания, изменить оценки, трансформировать образ какой-либо ситуации» [Иссерс 1999: 56]. Таким образом, концепт вреда позволяет корректировать модель мира человека.

Модель мира — это определенным образом организованные представления о мире, которые человек конструирует на основе собственного опыта. Между миром и его моделью есть существенные отличия (специалисты по НЛП любят в связи с этим цитировать классическую фразу Р. Бэндлера и Дж. Гриндера: «Карта — это не территория» [Бэндлер, Гриндер 1995: 148]). Подобный механизм репрезентации связан с тремя типами ограничений восприятия: нейрофизиологическими (способность воспринимать лишь часть спектра физических явлений), индивидуальными (уникальный жизненный опыт каждого человека) и социальными. Наиболее мощный социальный «фильтр» — языковая система. С другой стороны, язык располагает богатым набором выражений, отражающих возможный опыт людей.

Понятие модели мира является ключевым не только для психотерапии — оно также разрабатывается на уровне когнитивной лингвистики и лингвоантропологии. Особое место в модели мира занимают так называемые базовые когнитивные категории, основанные на описанных К. Г. Юнгом «бинарных оппозициях»: свой — чужой, жизнь — смерть, мужское — женское, природа — культура, вред — польза. Такие универсальные альтернативы являются важной чертой мифологического мышления; они особенно актуальны в русскоязычной рекламе, поскольку сознание человека во многом мифологизировано.

Еще один способ коррекции модели ми-

ра — приемы «приватизации знаний» (термин А. Н. Баранова [Баранов 1990: 62]). Внедрение в сознание потребителя желательной для рекламиста информации происходит прежде всего через пресуппозиции — имплицитный компонент высказывания, «мощный речевой паттерн, который позволяет говорящему предопределить то, чего он хочет добиться и что не хочет ставить под сомнение» [Плигин, Герасимов 2000: 34].

Пресуппозиции — весьма эффективное средство так называемого латерального программирования: «Когда человеку убежденно говорят то, что выглядит как само собой разумеющееся, не требующий доказательства факт, он часто теряет способность критически оценивать ситуацию. Главное в латерально сконструированных утверждениях остается всегда как бы сбоку и принимается людьми как нечто очевидное. Существует как бы второй или двойной план в высказываниях, который практически не воспринимается и не осознается, он минует сознание человека», — пишет Р. И. Мокшанцев [Мокшанцев 2000: 95].

«Намеренное расположение спорной или недоказанной информации в пресуппозициональном компоненте высказывания является одним из самых распространенных вариантов манипуляции», — отмечает Е. В. Медведева [Медведева 2003: 57]. С одной стороны, это позволяет постулировать некое утверждение как объективный факт, не требующий доказательств, и в этом качестве внедрить его в сознание адресата. С другой — за счет отказа от аргументации и своеобразной компрессии смысла добиться краткости сообщения. В качестве средства манипулятивного воздействия пресуппозиция часто используется в рекламных текстах, в том числе социальной направленности.

Так как тактика является решением одной задачи в рамках единой стратегической цели, то ее подчинение манипулятивной стратегии в рекламе обуславливает и ее манипулятивность.

Итак, мы можем сделать вывод, что с точки зрения прагматики изучается то, с какой целью в социальном рекламном тексте используется концепт вреда, какие стратегии, тактики и приемы при этом задействованы.

Концепт вреда в лингвистическом и когнитивном аспектах

Если когнитивистика и психология объясняют механизмы формирования концепта вреда, то лингвистика предоставляет для этого инструментарий.

На основе изучения рекламных текстов

можно выделить следующие языковые средства формирования концепта вреда: выбор контекстуальных синонимов (контекстуальными синонимами слова *вред* в дискурсе социальной рекламы выступают «курение», «ущерб», «убыток», «негатив» и др.); коннотативное значение; контекстное окружение; имплицитное введение информации; средства речевой выразительности и др.

В рамках когнитивистики изучаются структуры сознания, стереотипы, ценности, ассоциации. На формирование этих структур направлены в том числе сообщения с апелляцией к концепту вреда. В сознании каждого человека существует определенный набор ассоциаций со словами «вред», «вредный».

По данным ассоциативного словаря Ю. Н. Караулова, наиболее популярны следующие реакции на стимул «вред»: *курение, зло, алкоголь, болезни, боль, война, атака, плохо, пьянство, убыток, ущерб*; на стимул «вредно» — *курить, пить, алкоголь, водка, есть сладкое, жить, нехорошо, никотин, плохо, сигарета, спиртное, табак* [Русский ассоциативный словарь 1994].

Показателем отношения к определенному явлению действительности является и то, какие синонимы употребляются для обозначения этого явления. В словаре русских синонимов и сходных по смыслу выражений Н. Абрамова приводится множество синонимов к слову «вред». Вот некоторые из них: *повреждение, потеря, порча, ухудшение, осложнение, невыгода, подрыв, убыток, утрата, ущерб, изъян, пагуба, авария, крушение, неудача* [Абрамов 2006: 98].

Мы можем сделать вывод о том, что слово «вред» имеет закрепившуюся в языке негативную окраску и в сознании людей связано с чем-то плохим, неприятным.

Социальная реклама воздействует на потребности людей, и, чем ниже уровень потребности (в соответствии с предложенной А. Маслоу пирамидой потребностей), тем сильнее рекламное воздействие. Человек относится более внимательно к сообщению, которое воздействует на потребности низшего уровня. Например, если в социальной рекламе затрагивается тема здоровья или безопасности и актуализируется концепт вреда, то потребитель уделит такому сообщению повышенное внимание, потому что оно затрагивает его базовые потребности.

Остановимся подробнее на структурно-содержательных особенностях концепта вреда в русском языковом сознании, а затем на специфике репрезентации данного концепта в дискурсе социальной рекламы.

Концепт вреда в русском языковом сознании

Вред как культурный концепт давно закрепился в русском национальном сознании, имеет глубокую этимологию и нормативное выражение. В языке данный концепт представлен ключевой лексемой «вред» и производными словообразовательными единицами «вредно», «вредный». Синонимами слова «вред» в русском языке можно назвать лексемы «невыгода», «утрата», «порча», «ущерб» [Абрамов 2006]. Итак, чтобы начать описание концепта, обратимся к толковым словарям русского языка и к их трактовке слова «вред».

В «Толковом словаре русского языка» под редакцией С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, в статье, посвященной слову «вред», находим: *«ущерб, порча. Причинить вред здоровью. Ни вреда, ни пользы от кого-чего-н. (совершенно бесполезен; разг.). Действовать во вред делу»* [Ожегов, Шведова 1997].

В «Толковом словаре» Д. Н. Ушакова *вред* определяется через понятия *порча, ущерб, убыток*. «Причинить вред. Принести вред. Курение для него большой вред. Клониться к чьему-н. вреду. Прогулка будет ему во вред» [Ушаков 2006].

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля слово «вред» трактуется через глагольную форму «вредить», в статье на которую и приводится: *«...повредить, причинять зло, ущерб здоровью, обиду личности, убыток собственности; делать вред; портить; вредить кого, более употребляется с предлогом, ранить, ушибить; беречь, разберечь». Сахарные яства вредят здоровью или здоровью. Развредить рану, развредить, разберечь. Вредить ср. длит. нанесение вреда. Вредительный, вредный, вредоносный или вредотворный, вредящий, наносящий вред, могущий чему вредить. Вредительность, вредность, вредоносность, вредотворность, сила, свойство, качество, мочь вредного, сила делать, чинить вред. Вредовать, делать зло, вредить где постоянно и умышленно. Вред м. вреда, веред ж. влад. последствия всякого повреждения, порчи, убытка, вещественного или нравственного, всякое нарушение прав личности или собственности, законное и незаконное. Откуда вред, туда и нелюбовь. Веред об. человек беспокойный причинный ссорам, смутам, несогласиям; баламут. Вредчик, вредун, вередун м. вредуха, вередуха ж. вередник м. вередница ж. вредитель м. -ница ж. вредный, вредоносный человек. Вредословие ср. вредная, безнравственная беседа, речи или зло-*

словие, злоречие, клевета; вредословить, буе(суе)словить, или злословить, клеветать» [Толковый словарь Даля онлайн 2012].

В юридической практике используется такое определение: «любой вред, ухудшение состояния здоровья или ущерб, включая телесное повреждение, нефизический вред, причиненный личности, имущественный ущерб или другие виды ущерба экономического и неэкономического характера» [Словари онлайн 2012].

Согласно «Юридическому словарю», вред в гражданском праве — умаление, уничтожение субъективного права или блага. В юридической литературе, судебной и арбитражной практике используются понятия «вред», «ущерб», «убытки». Вред и ущерб чаще всего рассматриваются в качестве синонимов. Понятия «вред» и «убытки» не совпадают. Первое понятие более широкое, подразделяется на имущественный и неимущественный вред. Под имущественным вредом понимаются материальные (экономические) последствия правонарушения, имеющие стоимостную форму. Денежную оценку имущественного вреда называют убытками. Синонимами слова «вред» являются слова «изъясн», «невыгода», «повреждение», «убыток», «ущерб» и т. п. [Академик 2010].

Этимология слова «вред», отраженная в «Этимологическом словаре русского языка» Г. А. Крылова, говорит о заимствовании понятия из старославянского. Слово «вред» восходит к общеславянскому «verdb» индоевропейского происхождения. К той же основе восходит глагол «бередить» [Крылов 2005: 81]. Рассмотрим также слово «бередить». Слово «бередить» — собственно русское образование от существительного «вередь» — болячка, рана, нарыв. А бередить, таким образом, причинять боль прикосновениями к ране [Крылов 2005: 34].

В «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера этимология слова вред представлена следующим образом: «вред, вредить заимствовано из цслав., веред „нарыв, гнойник“, др. русское вередь „рана, нарыв“, болг. вреда „вред“. Родственно лтш. *ar-virde* „нарыв“. Из цслав. заимствовано русское вред» [Санников 2012].

Производное от слова «вред» — «вредный» — имеет два толкования [Ожегов 1997]:

1. Причиняющий вред, опасный.
2. Недоброжелательный, неприязненно настроенный.

В толковом словаре под редакцией Д. Н. Ушакова зафиксировано следующее значение слова «вредный»: «Причиняющий, способный причинить вред. Вредный воздух.

Вредное лекарство. Лесть гнусна, вредна. Крылов. Опасный для здоровья, портящий здоровье. Вредный цех. Вредное производство. Опасный, склонный к разрушению каких-н. устоев (политических, моральных). Вредное учение. Вредное направление ума. Вредный элемент (нов. разг.) — человек, враждебно настроенный к советской власти, чуждый пролетариату» [Ушаков 2001].

Таким образом, на основании анализа словарных дефиниций мы можем сформулировать определение слова *вред*: **вред — это то, что вызывает негативные эмоции, несет за собой разрушение.** Данное определение позволяет нам далее выделить основные компоненты ядра концепта *вред* — ущерб и негатив.

Пословицы и поговорки, отражающие философию каждого народа, могут существенно помочь в описании интерпретационного поля (периферии) концепта *вред*. В большинстве пословиц и поговорок концепт *вред* является синонимом слов *курение* и *алкоголь*, следовательно, в качестве примеров были выбраны пословицы с данными компонентами.

С помощью нижеперечисленных слов формируется концепт *вреда* в пословицах и поговорках.

Гнев. Турецкая пословица: *Где гнев, там и вред*; русская пословица о вреде алкоголя: *Где опьянение, там и преступление.*

Ущерб. *Думай не только о своей пользе, но и о чужом ущербе; Всем добро, да не всякому на пользу.*

Глупость. *Дурак не столько вредит другим, сколько себе; Глупее курящей женщины может быть только курящая лошадь.*

Зависть. *Завистник и свое потеряет готов, лишь бы другому причинить вред; Безмерная хвала чести вредит.*

Зло. *Злая мысль самому навредит; Кто добро делает, себе пользу приносит; кто зло делает, себе вредит; Кто злым прощает, добрым вредит.*

Дьявол. *И семи дьяволам не причинить столько вреда, сколько человек сам себе причиняет; Табак — жвачка дьявола.*

Клевета. *Клевета вреднее яда; Колкие слова — другу вред.*

Болезнь. *Один курит, а весь дом болен; Вино пить да табак курить — здоровье губить.*

Понятие *вред* во многих пословицах и поговорках раскрывается через антонимы *польза* и *добро*:

- *Вред и польза рядом живут.*
- *Одна польза — один вред.*

- Если есть результат — была и причина, если есть польза — был и вред.
- Если рассказать о своем благодеянии, то польза теряется.
- Злобствующий на свой труд пользы от него не получит.
- Добротой можно часто причинить вред, поэтому, когда хочешь сделать добро, тщательно все обдумай (Хун Цзычен).
- Нет худа без добра.
- Улыбка никому не вредит.
- Кто доброе творит, того зло не вредит.

Для более детального рассмотрения концепта «вред» мы также провели анализ афоризмов о вреде [1000 лучших афоризмов человечества 2009]. В результате анализа были выделены следующие периферийные значения понятия «вред»:

Безделье. *Бездельники и взбалмошные головы вредны для народного благосостояния* (Александр Блок).

Принуждение. *Принуждение по самой сущности своей вредно: оно приносит огорчение стесняемому и наказываемому, оно портит его характер, возбуждает в нем досаду на запрещающих и наказывающих, вводя его во враждебные столкновения с ними* (Николай Чернышевский).

Слабость. *Наши слабости нам уже не вредят, когда мы их знаем* (Георг Лихтенберг). *Курить начинают по глупости, а не бросают от слабости духа.*

Злость. *Злой человек вредит другим без всякой для себя выгоды* (Сократ). *Курение не личное дело, а большое общественное зло.*

Убийство. *Курение тушит в женщине священный огонь материнства и зажигает в ней адское пламя медленного самоубийства; Если нацистам нужна была газовая камера, то курильщикам достаточно сигареты,*

чтобы убить человека (Константин Мадей).

На основании приведенных примеров можно сделать вывод о том, что концепт **вред** находится в тесной взаимосвязи с концептами *злость, слабость, гнев, ущерб, глупость, зависть, потеря.*

В «Русском ассоциативном словаре» под редакцией Ю. Н. Караулова [РАС 2002: 114] представлено 225 реакций на слово **вред**. Среди них большую часть занимают реакции, находящиеся в синонимических и гиперо-гипонимических отношениях с ассоциативным полем концепта **вред**: **бред, курение, зло, алкоголь, болезнь, война, демократия, убыток, ущерб, вредитель** и др. Затем следует группа слов, связанная с качественным определением **вреда**: **большой, серьезный, невосполнимый, причиненный, сильный, сокрушительный.**

Для выявления конституирующих признаков концепта **вред**, значимых для современных носителей русского языка, мы провели свободный ассоциативный эксперимент. Метод ассоциативного опроса выбран по причине его простоты, возможности большого охвата аудитории и информативности. Ведь «ассоциации могут сказать нам очень многое о тех неосознаваемых структурах, в которых мы мыслим окружающий нас мир» [Фрумкина 2003: 194].

Респондентам предлагалось назвать ассоциации, которые вызывает у них слово «вред». В онлайн-опросе приняло участие 50 человек: мужчин и женщин в возрасте 18—35 лет, для которых русский язык является родным (опрос проводился в 2015 г.). Выборка основана на стремлении исследовать сознание тех носителей языка, которые в ближайшее время будут определять языковую и культурную среду нашего общества. Результаты исследования (наиболее частотные реакции) представлены в таблице.

Таблица

Реакции на слово-стимул ВРЕД	Кол-во ответов	Реакции на слово-стимул ВРЕД	Кол-во ответов
Курение (сигареты)	22	Загрязнение окружающей среды (технологические, ядерные отходы)	16
Алкоголь (пиво, крепкие спиртные напитки)	12	Негатив	11
Болезнь	10	Опасность	8
Террор	6	Фастфуд	4
Разрушение организма	4	Моральный вред	4
Наркотики	4	Ущерб	3
Несоблюдение мер безопасности (нарушение общественного порядка, правил)	3	Угроза	2
Катастрофы	2	Физический вред	2
Черный цвет	2	Некачественный товар, услуга	2
Злоупотребление	2	Жестокость	1

Окончание таблицы

Реакции на слово-стимул ВРЕД	Кол-во ответов	Реакции на слово-стимул ВРЕД	Кол-во ответов
Вина	1	Равнодушие	1
Боль	1	Хирургическое вмешательство	1
Печаль	1	Красный цвет	1

Рис. Репрезентация концепта *вред* в текстах социальной рекламы

Таким образом, анализ реакций на слово-стимул ВРЕД показал, что для современных носителей русского языка наиболее значимыми являются следующие семантические компоненты исследуемого концепта: **курение, загрязнение окружающей среды, алкоголь, негатив, болезнь, разрушение организма, наркотики, несоблюдение мер безопасности**, что коррелирует с основной проблематикой текстов социальной рекламы.

Концепт *курение* является наиболее частотным при формировании концепта *вред*, следовательно, данный концепт войдет в ядро структуры концепта. Кроме того, анализ ассоциативного тезауруса показал, что концепт *вред* предстает в национальном сознании в неразрывном единстве с другими концептами. Таким образом, становится возможным представить содержание концепта *вред* в виде графической модели, отображающей ядро и периферию (ближнюю и дальнюю) данного концепта.

В результате анализа текстов социальной рекламы (всего 100 текстов) можно сделать вывод о том, что концепт *вред* часто реализуется через концепт *курение*:

- *Вдыхая — убиваешь себя, выдыхая — других*
- *Сигарета душит тебя.*
- *Минздрав предупреждал... Курение = самоубийство.*
- *Легкие курильщика подобны губке, полной канцерогенных смол.*
- *Не прокури свое здоровье!*

Таким образом, концепт *курение* является наиболее частотным при формировании концепта *вред* в социальной рекламе. Кроме того, на основе соотнесения данных ассоциативного эксперимента и исследования текстового материала можно выделить следующие компоненты концепта *вред*.

Смерть (выражается посредством таких лексических единиц, как *путь к смерти, смертельная травма, убивает, умерший, несчастный случай, разобьешься, потерять жизнь, морг, уничтожить* и др.):

- *Пьянство за рулем. Убивает. Рано или поздно. Всегда. Не пей за рулем.*
- *Потеряв терпение, можно потерять жизнь (Не пересекай черту!).*
- *Эти маленькие „чертята“ ежедневно убивают тебя изнутри („чертята“ — сигареты).*

- До дома 60 км/час. До моря 160 км/час.
- Кокаин помогает тебе отрываться в клубе всю ночь. Также он помогает финансировать террористов. Кокаин уничтожает не людей, он уничтожает страны.

Болезнь (репрезентируется лексемами *больной желудок, рак легких, белая горячка* — «белка» и др.):

- Берегись! Либо белка поймает тебя, либо ты поймаешь белку...
- Если бы вы могли заглянуть в себя, то жирному и тяжелому предпочли бы легкое и полезное (визуальный компонент — мусорный бак с надписью „желудок“).

Загрязнение (репрезентанты — *мусор, вырубка леса, слова-паразиты* и др.):

- *Nothing can replace the tree.* (Ничто не может заменить дерево.)
- *Misoburg.* А в каком городе живешь ты?
- *Мусор в голове — мусор в городе!*

Опасность (репрезентанты — *берегись, опасный контент, защитит, курение* и др.):

- *Клубничка...Показать результаты? Поможете защитит детей от опасного контента.*
- *FUMA.* Ya sabes lo que va a pasar. *Курение.* Вы знаете, что будет... (визуальный компонент — мышеловки, вместо сыра — сигарета).

Жестокость (репрезентанты — *насилие, преступление, жертва, злость* и др.):

- *Fashion claims more victims than you think* — *Мода приносит больше жертв, чем ты думаешь* (визуальный компонент — леопард и детеныш леопарда с ярлычками XL и S на спине).
- *Don't treat others the way you don't want to be treated.* — *Не относись к другим так, как не хочешь, чтоб относились к тебе* (визуальный компонент — убитый гарпуном тюлень и лежащий на снегу мертвый ребенок).
- *In Germany 180 000 children are abused every year.* — *В Германии 180 000 детей ежегодно подвергаются насилию.*

Негатив (репрезентанты — *слабость, раб, чрезмерность, безразличие* и др.):

- *Слабый раб алкоголя.*
- *Жить прожить — не статус обновить.* *Чрезмерная онлайн-активность вредит реальной жизни.*
- *Безразличие крадет будущее.* *В России 11 000 000 детей от 11 до 18 лет. Более 50% регулярно употребляют спиртные напитки.*

Структура концепта **вред** в социальной рекламе с учетом всех вышеперечисленных семантических компонентов может быть

представлена следующим образом: вред предстает как гиперконцепт, включающий в качестве ключевых концепты *курение, смерть, болезнь, опасность, жестокость, загрязнение, негатив*.

Цель нашего исследования была заявлена следующим образом: изучить и описать концепт **вред** в текстах социальной рекламы. Мы предположили, что концепт **вред** является частотным, но не всегда эффективным приемом воздействия в социальной рекламе: общественно неодобряемые явления представлены через концептуализацию вреда, но при этом тексты социальной рекламы зачастую не предлагают модель нейтрализации вредного явления, решения проблемы. Результаты, полученные в ходе исследования, подтвердили нашу гипотезу о частотности применения концепта **вред** в текстах социальной рекламы.

Концептуальный анализ текстов социальной рекламы позволил нам прийти к следующим выводам:

1. Концепт **вред** в текстах социальной рекламы имеет схожую организацию со структурой данного концепта в обыденном массовом сознании россиян. Так, ядерными компонентами концепта **вред**, смоделированными в текстах социальной рекламы, являются вполне конкретные представления о вреде: *смерть, болезнь, курение, жестокость* и т. п., аналогично номинативное поле общеязыкового концепта **вред** составляют в том числе и более абстрактные компоненты — *негатив, ущерб, курение*, также представленные в текстах социальной рекламы.

Опираясь на результаты дефиниционного, этимологического и паремиологического анализа концепта **вред**, ассоциативного эксперимента и контент-анализа текстов социальной рекламы, мы построили семантическую модель для общеязыкового концепта **вред** и сопоставили его с репрезентацией в текстах социальной рекламы.

2. Концепт **вред** в текстах социальной рекламы является гиперконцептом по отношению к концептам **ущерб, негатив, курение** и часто репрезентируется через лексемы, объективирующие данные концепты. Так, типичными репрезентантами «негативного» дискурса являются слова *жестокость, злость, террор, угроза, опасность* и др. Концепт **курение** представлен в текстах социальной рекламы лексемами *смерть, болезнь, злоупотребление* и др. Концепт **ущерб** представлен реже и состоит из таких компонентов, как *порча, убыток, невыгода* и др.

Таким образом, можно говорить о сложной структуре концепта **вред** и многоаспектной системе его репрезентации в текстах социальной рекламы.

СЛОВАРИ

1. Абрамов Н. Словарь синонимов и сходных по смыслу выражений. — М., 2006.
2. Даль В. И. Пословицы русского народа : в 2 т. — М. : Худож. лит., 1984.
3. Русский ассоциативный словарь. В 2 т. Т. 1. От стимула к реакции: ок. 7000 стимулов / под ред. Ю. Н. Караулова, Г. А. Черкасовой, Н. В. Уфимцевой, Ю. А. Сорокина, Е. Ф. Тарасова. — М. : АСТ : Астрель, 2002.
4. Толковый словарь русского языка / под ред. С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой. — М., 1997.
5. Толковый словарь Даля онлайн. URL: slovardalja.net.
6. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка. В 3 т. Т. 1. — М., Вече, 2001.
7. Этимологический словарь русского языка / сост. Г. А. Крылов. — СПб. : Victory, 2008.
8. Этимологический словарь современного русского языка. В 2 т. Т. 2 / сост. А. К. Шапошников. — М. : Флинта : Наука, 2010.

ЛИТЕРАТУРА

9. Аверкина Д. С., Герасимова М. С. Приемы создания социальной рекламы (на примере г. Москвы) // Вестн. Моск. гос. ун-та печати. — 2015. — № 2. — С. 77—83.
10. Баранов А. Н. Лингвистическая теория аргументации (когнитивный подход) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — М., 1990.
11. Бушев А. Г., Круглова О. А. Социальная реклама: тематика и стратегии персуазивности // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия. — Ростов н/Д, 2015. Вып. 5. С. 226—240.
12. Бэндлер Р., Гриндер Дж. Рефрейминг: ориентация личности с помощью речевых стратегий. — Воронеж, 1995.
13. Дыкин Р. В. Социальная реклама в системе массовой коммуникации: динамический аспект : дис. ... канд. филол. наук. — Воронеж, 2009.
14. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи : моногр. — Омск, 1999.

M. V. Terskikh
Omsk, Russia

THE APPEAL TO THE HARM CONCEPT IN THE DISCOURSE OF SOCIAL ADVERTISING

ABSTRACT. *The urgency of this research is determined by several factors. First of all it is a lack of research works in this linguistic area, namely, the features of conceptualization of the basic categories of social advertising; secondly, the possibility to use the revealed mechanisms of concept formation when producing an advertising. The object of this research is Russian social advertising, including the texts of printed ads, billboards and TV ads; the subject of this research is the concept of harm as a means of manipulation in advertising text. In sociological aspect harm is a unity of phenomena and processes, which may be dangerous for a person and the society in general. In psychological aspect the concept of harm includes phenomena that harm psyche and emotional stability of a person. The concept harm in the texts of social advertising has the similar structure with this concept in naïve consciousness of the Russians. Thus, the key components of the concept harm in social advertising are: death, illness, smoking, violence etc. The nominative field of the general concept harm consists of the abstract components such as negative, damage, smoking, thus we may see that they coincide with those found in social ads. The concept harm in the texts of social advertising is a hyperconcept to such concepts as negative, damage, smoking, and it is often verbalized via lexemes that name these concepts.*

KEYWORDS: *social advertising; language consciousness; negative impact; advertising discourse; advertisement; language of advertising.*

ABOUT THE AUTHOR: *Terskikh Marina Viktorovna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of General and Applied Linguistics. F. M. Dostoevsky Omsk State University, Faculty of Philology and Media Communication*

REFERENCES

1. Abramov N. Slovar' sinonimov i skhodnykh po smyslu vyrazheniy. — M., 2006.
2. Dal' V. I. Poslovitsy russkogo naroda : v 2 t. — M. : Khudozh. lit., 1984.
3. Russkiy assotsiativnyy slovar'. V 2 t. T. 1. Ot stimula k reaktivii: ok. 7000 stimulov / pod red. Yu. N. Karaulova, G. A. Cherkasovoy, N. V. Ufimtsevoy, Yu. A. Sorokina, E. F. Tarasova. — M. : AST : Astrel', 2002.
4. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka / pod red. S. I. Ozhegova, N. Yu. Shvedovoy. — M., 1997.
5. Tolkovyy slovar' Dalya onlayn. URL: slovardalja.net.
6. Ushakov D. N. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka. V 3 t. T. 1. — M., Vechе, 2001.
7. Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka / sost. G. A. Krylov. — SPb. : Victory, 2008.

15. Калмыков С. Б. Социальная реклама в современном российском обществе: методология социологического анализа и принципы эффективного воздействия : дис. ... д-ра социол. наук. — М., 2015.
16. Медведева Е. В. Рекламная коммуникация. — М., 2003.
17. Мокшанцев Р. И. Психология рекламы. — М., 2000.
18. Плигин А. А., Герасимов А. В. Руководство к курсу НЛП-Практик. — М., 2000.
19. Рюмин Р. В. Социальная реклама как речевой жанр : дис. ... канд. филол. наук. — Томск, 2012.
20. Смирнова Е. О., Лаврентьева Т. В. Скрытый вред телевизионной рекламы // Психологический центр «Адалин», 2010. URL: http://adalin.mospsy.ru/1_03_00/10023.shtml. (дата обращения: 17.08.2016).
21. Солодовникова А. В. Современная социальная реклама: способы воздействия на адресата : дис. ... канд. филол. наук. — Саратов, 2013.
22. Фрумкина Р. М. Психоллингвистика. — М., 2003.
23. 1000 лучших афоризмов человечества. — Харьков, 2009.
24. Chen Linlin. A Survey of Chinese Public Service Advertising From Systemic Functional Perspective // Canadian Social Science. 2015. Vol. 11. № 6. P. 153—157.
25. Cheng K., Leung V. Reinforcing Gender Stereotypes: A Critical Discourse Analysis of Health-Related PSAs in Hong Kong // American International Journal of Social Science. 2014. Vol. 3. № 3.
26. Georgiadis M. Motivating Behavior Change: A Content Analysis of Public Service Announcements From the Let's Move! Campaign // Elon Journal of Undergraduate Research in Communications. 2013. Vol. 4. № 1. P. 10—13.
27. Yingying Qiu. Interaction of Multimodal Metaphor and Metonymy in Public Service Advertising: A Case Study // Theory and Practice in Language Studies. 2013. Vol. 3. № 9. P. 1584—1589.
28. Wu Hai-bin. Appraisal Perspective on Attitudinal Analysis of Public Service Advertising Discourse // English Language and Literature Studies. 2013. Vol. 3. № 1. P. 55—66.

14. Issers O. S. Kommunikativnye strategii i taktiki russkoy rechi : monogr. — Omsk, 1999.
15. Kalmykov S. B. Sotsial'naya reklama v sovremennom rossiyskom obshchestve: metodologiya sotsiologicheskogo analiza i printsipy effektivnogo vozdeystviya : dis. ... d-ra sotsiol. nauk. — M., 2015.
16. Medvedeva E. V. Reklamnaya kommunikatsiya. — M., 2003.
17. Mokshantsev R. I. Psikhologiya reklamy. — M., 2000.
18. Pligin A. A., Gerasimov A. V. Rukovodstvo k kursu NLP-Praktik. — M., 2000.
19. Ryumin R. V. Sotsial'naya reklama kak rechevoy zhanr : dis. ... kand. filol. nauk. — Tomsk, 2012.
20. Smirnova E. O., Lavrent'eva T. V. Skrytyy vred televizionnoy reklamy // Psikhologicheskii tsentr «Adalin», 2010. URL: http://adalin.mospsy.ru/1_03_00/10023.shtml. (data obrashcheniya: 17.08.2016).
21. Solodovnikova A. V. Sovremennaya sotsial'naya reklama: sposoby vozdeystviya na adresata : dis. ... kand. filol. nauk. — Saratov, 2013.
22. Frumkina R. M. Psikholingvistika. — M., 2003.
23. 1000 luchshikh aforizmov chelovechestva. — Khar'kov, 2009.
24. Chen Linlin. A Survey of Chinese Public Service Advertising From Systemic Functional Perspective // Canadian Social Science. 2015. Vol. 11. № 6. P. 153—157.
25. Cheng K., Leung V. Reinforcing Gender Stereotypes: A Critical Discourse Analysis of Health-Related PSAs in Hong Kong // American International Journal of Social Science. 2014. Vol. 3. № 3.
26. Georgiadis M. Motivating Behavior Change: A Content Analysis of Public Service Announcements From the Let's Move! Campaign // Elon Journal of Undergraduate Research in Communications. 2013. Vol. 4. № 1. P. 10—13.
27. Yingying Qiu. Interaction of Multimodal Metaphor and Metonymy in Public Service Advertising: A Case Study // Theory and Practice in Language Studies. 2013. Vol. 3. № 9. P. 1584—1589.
28. Wu Hai-bin. Appraisal Perspective on Attitudinal Analysis of Public Service Advertising Discourse // English Language and Literature Studies. 2013. Vol. 3. № 1. P. 55—66.

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. М. Б. Ворошилова.

РАЗДЕЛ 4. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: ЯЗЫК И ПРАВО

УДК 81'42:34
ББК Ш105.51+Х0

ГСНТИ 16.31.61

Код ВАК 10.02.19, 10.02.01

М. В. Батюшкина
Омск, Россия

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ И ПРАВОВАЯ МОДЕЛИ КЛАССИФИКАЦИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ

АННОТАЦИЯ. Данная статья отражает общие положения теории лингвистических экспертиз. Исследуются понятие и классификация лингвистических экспертиз по различным основаниям. Затрагиваются проблемы определения предметной стороны лингвистической экспертизы в аспекте парадигм теоретической и прикладной лингвистик. В качестве объекта исследования теоретической и прикладной лингвистик выступает речевая коммуникация в ее языковом и речевом аспектах. В зависимости от предмета лингвистической экспертизы — языкового или речевого аспектов — лингвистические экспертизы условно могут быть отнесены к языковедческому или речеведческому. Если в качестве объекта лингвистической экспертизы выступают языковые единицы, то такая экспертиза является языковедческой; если в качестве объекта лингвистической экспертизы выступают письменный, печатный, электронный или устный тексты как речевые знаки, продукты речемыслительной деятельности, то такая экспертиза является речеведческой. Освещены некоторые актуальные вопросы в сфере взаимодействия языка и права. Проводится анализ применения лингвистической экспертизы в аспекте юридического дискурса, а также правотворческого, правоприменительного и судебного субдискурсов. По типу субдискурса выделяются правотворческие, правоприменительные и судебные лингвистические экспертизы. Обозначены их функции и предмет. Акцентируется внимание на том, что успешность проведения лингвистической экспертизы во многом зависит от знаний эксперта в области лингвистики, права и экспертологии. Методологическую базу исследования составляют положения теории дискурса, теории речемыслительного процесса. Выводы и обобщения, сделанные автором, могут быть использованы для проведения дальнейших исследований по данной проблематике.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: лингвистическая экспертиза; язык права; юридический дискурс; дискурс-анализ.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Батюшкина Марина Владимировна, кандидат педагогических наук, старший консультант отдела лингвистической экспертизы и систематизации законодательства правового управления Законодательного собрания Омской области; 644002, г. Омск, ул. Красный Путь, 1; e-mail: soulangeana@mail.ru.

Вводные замечания

Особенности функционирования языка в юридической сфере представляют большой интерес как для лингвистов, так и для правоведов (С. С. Алексеев, К. И. Бринев, Л. О. Бутакова, Е. И. Галяшина, Н. Д. Голев, М. В. Горбаневский, М. А. Осадчий, О. П. Сологуб, А. С. Пиголкин и др.). Язык рассматривается в качестве одного из ключевых факторов становления и совершенствования российской правовой системы, развития правосознания и правовой культуры. Благодаря лингвистическим методам, средствам и приемам достигаются цели правовой коммуникации.

Анализ правотворческого, правоприменительного и судебного аспектов правовой коммуникации показывает востребованность различных видов лингвистического анализа. По аналогии с правовыми, финансово-экономическими, психологическими и другими видами экспертных исследований, лингвистические виды анализа выделяются в особый класс лингвистических экспертиз. При этом далеко не всегда не только правоведы, но и лингвисты хорошо ориентируются в разнообразии видов и аспектов лингвистических экспертиз, осуществляемых для целей правовой коммуникации. В связи с этим нет определенности в выборе методов экспертного лингвистического анализа, не сформировано целостное представление о возможностях применения его результатов.

Настоящая работа выполнена в дискурсивном аспекте. Моделируемые в статье

классификации лингвистических экспертиз сопряжены с авторским пониманием природы юридического дискурса как совокупности лингвокультурных явлений действительности, при помощи которых происходит порождение и восприятие правовых текстов и осуществляется правовая коммуникация.

Постановка вопроса о видах и аспектах лингвистических экспертиз, обусловленных функциональной и прагматической сторонами юридического дискурса, объясняется необходимостью формирования целостного представления, во-первых, о природе лингвистического анализа, осуществляемого для целей правовой коммуникации, во-вторых, об особенностях корреляции лингвистических и правовых знаний при проведении лингвистических экспертиз, в-третьих, о специфике соотношения лингвистической и правовой моделей классификаций лингвистических экспертиз.

Теоретический анализ

Традиционно под экспертизой в общем смысле понимается форма исследования какого-либо одушевленного или неодушевленного объекта, продукта речемыслительной деятельности, продукта жизнедеятельности, явления или состояния с помощью применения специальных знаний. Предметная сторона экспертизы как определенного алгоритма вывода знаний связана с процедурами исследовательских приемов теоретических и прикладных наук.

С одной стороны, в объем и содержание широкого родового понятия экспертизы,

© Батюшкина М. В., 2016

в зависимости от предмета экспертизы и соответствующей методологии экспертной деятельности, входят понятия различных видов экспертиз (правовая экспертиза, психологическая экспертиза, лингвистическая экспертиза и т. д.). С другой стороны, различные типы экспертных исследований могут быть отнесены к общему типу экспертных исследований. Данное положение иллюстрируют лингвистическая и правовая модели классификаций лингвистических экспертиз.

Лингвистическая модель отражает исходный взгляд на лингвистическую экспертизу как специальный метод анализа, основанный на представлениях о теории языка, речи и текста. Данная модель рассматривается нами безотносительно к юридической дискурсивной практике. В основе правовой модели — различные аспекты применения лингвистического анализа в юридическом дискурсе. Правовая модель лингвистических экспертиз является дискурсивно обусловленной, а это значит, что она в большей степени отражает своеобразие и тенденции развития юридического дискурса и имеет более прикладной характер. Рассмотрим данные модели более подробно.

Лингвистическая модель. В качестве объекта исследования теоретической и прикладной лингвистик выступает речевая коммуникация в ее языковом и речевом аспектах. Это кардинальное для лингвистики положение было сформулировано Ф. де Соссюром еще в начале XX в. [Соссюр 1999]. Развивая прикладной аспект данного положения, мы полагаем, что объектом лингвистической экспертизы могут выступать как языковые единицы (слова, словосочетания, предложения), так и речевые (тексты).

В зависимости от предмета лингвистической экспертизы — языкового или речевого аспектов — лингвистические экспертизы условно могут быть отнесены к языковедческим или речеведческим. Если в качестве объекта лингвистической экспертизы выступают языковые единицы, то такая экспертиза является языковедческой; если в качестве объекта лингвистической экспертизы выступают письменный, печатный, электронный или устный тексты как речевые знаки, продукты речемыслительной деятельности, то такая экспертиза является речеведческой.

При проведении языковедческой экспертизы учитываются категории фонетики, грамматики и семасиологии. Фонетический аспект экспертизы предполагает артикуляционный и/или акустический анализ речи, исследование особенностей интонирования, акцентирования и др. Грамматический ас-

пект экспертизы предполагает анализ морфологических и синтаксических категорий: грамматических средств, употребления частей речи, типов связей слов в словосочетаниях, форм и структур синтаксических единиц и проч. Благодаря семасиологическому анализу выявляется однозначность или двусмысленность слов, словосочетаний и предложений, смысловая завершенность высказывания, логическое соответствие высказывания речевой ситуации и проч. Языковедческая экспертиза может быть как одноаспектной (соответственно фонетической, грамматической или семасиологической), так и комплексной, предполагающей взаимосвязь указанных аспектов.

Речь — это процесс использования текстов для выражения и обозначения интеллектуальной деятельности, имеющей социально-культурный характер. При проведении речеведческих экспертиз оцениваются особенности: формы речи (устной, письменной, электронной), типа речи (монолога, диалога, полилога), вида речи (говорения, слушания, чтения, письма), последовательности изложения текста, стилистических средств, используемых в тексте, типа текста (описания, обращения, убеждения, внушения и др.), жанра и проч.

Еще раз подчеркнем, что деление лингвистических экспертиз на языковедческие и речеведческие является условным, поскольку любой лингвистический анализ подразумевает комплексное исследование объекта экспертизы, как с позиции языковых, так и с позиции речевых категорий. Наряду с языковым и речевым аспектами экспертом-лингвистом также принимаются во внимание и экстралингвистические факторы. Это делает лингвистическую экспертизу более полной и аргументированной.

С лингвистической точки зрения комплексный подход обусловлен тем, что речевые категории коррелируют с языковыми, в свою очередь, языковые категории (фонетические, грамматические, семасиологические) — друг с другом. В этой связи следует согласиться с Л. О. Бутаковой, акцентирующей принадлежность лингвистического анализа «к обширному семейству текстологических исследований» и подчеркивающей, что анализ «только конкретных слов или фраз (частей высказывания)» дает неполные или неверные результаты [Бутакова 2008: 251, 256].

Положение о комплексном экспертном подходе может быть проиллюстрировано примером разноаспектного исследования устной и письменной форм речи, которые представляют собой «богатейший источник информации о самых разнообразных признаках, характеризующих говорящего или

пишущего» [Алексеева 2011: 114].

Развивая теорию В. М. Бельдяна о формах речи [Бельдян 2007: 221], отметим, что основными механизмами говорения являются построение мыслительного содержания, планирование изложения и выбор языковых средств. Во время подготовки к говорению идет интенсивная работа над данными механизмами, а в процессе говорения непосредственно излагается мыслительное содержание с помощью привычных для говорящего языковых средств. Чем непринужденнее речевая ситуация, тем искреннее с точки зрения слушающего речь говорящего.

Передача информации в устной речи происходит спонтанно и отражает оценочную точку зрения говорящего на предмет речи, речевую ситуацию и собеседника, знания, умения и речевые навыки говорящего, объем словарного запаса, поведенческие установки и другие специфичные для говорящего признаки.

У говорящего, как правило, нет возможности постоянно следить за организацией устной речи. Поэтому устная речь насыщена оговорками, неожиданными перерывами, возвращением к недоговоренному ранее, умолчанием, не всегда завершена. Для устной речи характерны привычные для говорящего речевые маркеры (например: *ну, вот, и (че) там, короче, вообще, значит, так* и др.), синтаксические конструкции. За счет манеры произношения говорящего, интонации, темпа речи, пауз, жестов, мимики и эмоций устная форма речи, с содержательной точки зрения, более информативна по сравнению с письменной и в большей степени отражает индивидуальность говорящего.

Чтобы сделать устную речь более организованной и убедительной (например, при публичных выступлениях), необходима предварительная подготовка, которая выражается в формировании мыслительного содержания, его планировании, подборе лингвистических средств для построения текста. Если говорящий начинает планировать содержание речи в процессе устной речи, подбирая слова для выражения мысли, следя за интонацией, мимикой и жестами, то его речь становится менее естественной, прерывистой (замедленной) и сложнее воспринимаемой.

Письменная речь вторична по отношению к устной, так как является ее отображением. Печатная форма речи является разновидностью письменной. Для отличия письменной формы речи от печатной используется понятие «рукопись». Рукописный текст всегда отражает индивидуальные осо-

бенности почерка конкретного человека (размер букв, промежутки между буквами и словами, наклон почерка, поднимающееся или опускающееся расположение строк и др.) и используется в целях идентификации личности наряду с другими биометрическими признаками.

Письменная форма речи, независимо от того, какой перед нами текст, рукописный или напечатанный, имеет пространственную природу. На письме буквы, слова и предложения выстраиваются линейно и сохраняются на бумаге. Письменную речь можно продумать, исправить и заново переписать (перепечатать), чего нельзя сделать с устной речью. Поэтому письменная речь более организована, нормирована и в зависимости от целей коммуникации имеет специфическое оформление. Выбор адресантом тех или иных слов, грамматических конструкций зависит от его знаний и умений, речевой ситуации, цели высказывания и иных условий коммуникации.

В результате развития электронных информационных систем появились новые способы кодирования информации и еще одна форма закрепления устной и письменной (печатной) речи — электронная (виртуальная). В зависимости от способа образования данная форма может выступать в качестве вторичной как по отношению к устной, так и по отношению к письменной формам речи. При этом если электронная форма речи представляет собой преобразование устной формы речи, то она сохраняет в себе черты, свойственные устной речи (незавершенность, перерывы, речевые маркеры, индивидуализирующие адресанта). И наоборот, если источником электронной формы речи выступает письменная речь, то в ней преобладают черты, типичные для письменной речи.

Правовая модель. Разнородность лингвистических экспертиз, осуществляемых в рамках современного юридического дискурса, связана с тем, как понимаются объект, предмет и задачи лингвистической экспертизы в юриспруденции. Понять ту позицию, которая сложилась в профессиональной юридической коммуникации по отношению к лингвистической экспертизе, нам поможет высказывание А. В. Нестерова о том, что экспертиза как инструмент познания «возникла» в юриспруденции, а потому «продукт экспертизы всегда имеет потенциальное или действительное юридическое значение» [Нестеров 2013: 162—163].

Юридический дискурс рассматривается нами в родо-видовом соотношении с право-творческим, правоприменительным и судеб-

ным субдискурсами. Задачи и востребованность экспертного исследования в том или ином субдискурсе обуславливают выделение трех классов экспертиз: правотворческих, правоприменительных и судебных. В зависимости от объекта и предмета исследования в указанных классах возможно дальнейшее видовое деление, поскольку цели, роль и условия проведения различных видов экспертиз, несмотря на их дискурсивно обусловленную «близость», не являются одинаковыми. В каждом классе выделяется лингвистическая экспертиза как особый вид исследования, специально предназначенного для задач того или иного субдискурса.

Правотворческая лингвистическая экспертиза осуществляется как на общегосударственном уровне, так и на уровне субъекта Федерации при принятии федеральных или региональных правовых актов. К классу правотворческих экспертиз наряду с лингвистической экспертизой относятся правовая, юридико-техническая, антикоррупционная, педагогическая, экологическая, общественная, экономическая, научная и др. У каждого вида экспертного исследования своя предметная специфика, но в целом всесторонний разнопредметный анализ направлен на устранение дефектов в изложении правовой нормы (Л. Ф. Апт, В. М. Баранов, Н. А. Калинина, Т. В. Кашанина, О. А. Короткова, Д. В. Чухвичев и др.).

Поскольку в процессе правотворчества создаются как тексты законов, так и тексты подзаконных актов (постановлений, указов, распоряжений, приказов и проч.), правотворческая лингвистическая экспертиза условно может быть подразделена на подвиды: лингвистическую экспертизу законопроектов и лингвистическую экспертизу проектов подзаконных актов. В зависимости от того, какой жанровый или субжанровый тип текста анализирует эксперт-лингвист, полагаем целесообразным к подвиду лингвистической экспертизы законопроекта отнести такие типы экспертных исследований, как лингвистическая экспертиза проекта базового закона и лингвистическая экспертиза проекта трансформирующего закона. Базовые и трансформирующие законы различаются по цели, форме и содержанию [Батюшкина 2016]. Соответствующее типовое деление может быть осуществлено и по отношению к подвиду лингвистических экспертиз проектов подзаконных актов.

Правотворческая лингвистическая экспертиза не просто обусловлена потребностью подготовки качественного с лингвистической точки зрения текста, она является одним из инструментов языковой политики,

направленных на исполнение дискурсивного алгоритма государственно-правового строительства.

Дефекты изложения правовой мысли, обусловленные недостаточным уровнем сформированности представлений о правовых понятиях и их взаимосвязях, находят отражение в виде неточных, неясных, противоречивых, дублирующих положений [Белоконь 2015; Крюкова 2003; Хибибулина 1996], и наоборот, лингвистическая точность при оформлении правовых предписаний влияет на оформление правовой нормы, ее юридико-лингвистическую определенность.

Под юридико-лингвистической определенностью мы понимаем достаточный объем информации, необходимый для правильного толкования и применения правовой нормы. Достаточность объема характеризуется требованиями, предъявляемыми к языковым единицам (грамматическая правильность, точность и уместность) и тексту как речевой единице (логичность и содержательность). Чем полнее соблюдены эти требования, тем определеннее правовая норма. При этом определенность не означает простоту и доступность, поскольку речь идет не о понимании значения слов, а о понимании смысла правовых понятий. Юридико-лингвистическая определенность, являясь прагматически обязательной для правовых текстов, маркирует стилистический статус данных текстов. Без юридико-лингвистической определенности правовые понятия утрачивают свое истинностное значение, становятся неполными или избыточными, а правовой текст в целом не понимается в нужном смысле или приобретает не свойственные ему характеристики.

Отметим, что в правотворческой практике лингвистическая экспертиза, как правило, рассматривается в узком смысле — как корректура текста (Н. В. Белоконь, Е. А. Крюкова, А. С. Пиголкин, А. Ю. Тихомиров, А. Д. Шмелев и др.). Другими словами, основное внимание при проведении экспертизы уделяется анализу языковых единиц (слов, словосочетаний и предложений), соблюдению правил правописания и особенностей нормативно-правовой стилистики. Об этом, в частности, свидетельствует положение пункта 7 статьи 121 Регламента Государственной думы, согласно которому лингвистическая экспертиза *заключается в оценке соответствия представленного текста нормам современного русского литературного языка с учетом особенностей языка нормативных правовых актов и даче рекомендаций по устранению грамматических, синтаксических, стилистических, логических, редакционно-*

технических ошибок и ошибок в использовании терминов [Регламент Государственной думы... 2016].

В связи с различными подходами к толкованию и оценке текста (юридическим и лингвистическим) в правотворческой лингвистической экспертизе нормативный аспект преобладает над интерпретационным и тем самым нейтрализуются условия для «конфликта» лингвистической и юридической интерпретаций. Между тем, на наш взгляд, правотворческая лингвистическая экспертиза должна включать как нормативный, так и герменевтический аспекты. Только в этом случае можно говорить о комплексном экспертно-лингвистическом подходе к анализу текста. Использование только одного аспекта — либо нормативного, либо герменевтического — не даст должного результата. В дальнейшем дисбаланс нормативного и герменевтического аспектов правотворческой лингвистической экспертизы неизбежно проявляется в процессах применения права, об этом свидетельствуют задачи и востребованность правоприменительной и судебной лингвистических экспертиз.

Основной задачей правоприменительной лингвистической экспертизы является лингвистико-прагматическое толкование текста действующего нормативного правового акта на предмет выработки у адресата обусловленной поведенческой реакции и соответствия данной реакции стратегическим ожиданиям адресанта-законодателя.

Все кажущееся на первый взгляд многообразие реализации адресатом прав в конкретных действиях и речевых ситуациях может быть сведено к трем основным поведенческим установкам, которые формируются посредством правового текста и реализуются в пространстве правоприменительного субдискурса: исполнение, использование и соблюдение [Алексеев 1981: 245]. При исполнении адресат должен точно совершать те действия, которые предписаны ему правовой нормой, т. е. точно реализовывать программу заданного поведения. При использовании адресат наделяется правом действовать или не действовать по своему усмотрению. При этом, как только адресат воспользуется предоставленной ему возможностью, автоматически меняется его поведенческая установка: с использования — на исполнение. При соблюдении адресат не совершает действия, которые запрещены правовым актом («соблюдает закон»). Соблюдение можно назвать «пассивным исполнением», поскольку адресат исполняет правовой акт, не выполняя определенные действия, т. е. бездействуя.

Проблема толкования правовых текстов

закljučается, безусловно, и в том, что большинство людей, не имеющих отношения к юридическому дискурсу, не видит разнообразных подтекстов (юридического, политического, экономического и др.), не воспринимает правовой акт как правовой феномен, его сущностную основу и цель — построение определенной модели поведения в различных ситуациях юридического дискурса. Поэтому, например, объем информации, воспринимаемой адресатом, не обладающим юридическими знаниями, и объем информации, воспринимаемой специалистом в области права, различны. «Лицо, находящееся за пределами дискурсивного сообщества, не имея общего с субъектом-юристом контекста интерпретации, не может правильно раскрыть содержания» текста [Крапивкина 2016: 139].

В процессе восприятия адресатом правового акта может произойти преломление воспринимаемой информации и трансформация правовой семантики. Адресат, как неюрист, так и юрист, может не только «сузить» содержание текста и пределы применения правовой нормы, но и, наоборот, «расширить» это содержание, привнести новый смысл, которого не было в замысле, но который необходим адресату для создания полноты воспринимаемой правовой информации, завершенности и целостности коммуникативной ситуации в соответствующей сфере общественных отношений.

Следует констатировать, что вопросы правоприменительной лингвистической экспертизы в отечественной науке практически не исследованы. В качестве исключения могут быть названы работы, посвященные лингвистическому толкованию правовых текстов, в частности, на предмет неоднозначности толкования, наличия юридико-лингвистически неопределенных, т. е. «неустоявшихся», двусмысленных, оценочных, терминов и понятий (В. В. Астанин, О. В. Барабаш, Н. В. Белоконов, Н. Ф. Бодров, Е. И. Галяшина, Л. О. Бутакова, П. А. Кабанов, А. Д. Шмелев и др.).

Например, О. В. Барабаш отмечает, что проблема одновременного существования различных смыслов в текстах действующих законов приобретает в настоящее время все большую остроту; неоднозначность в тексте правовых документов нередко становится коммуникативным барьером, причиной правовых коллизий, не только приводит к невозможности реализации прав граждан, но и невозможности их защиты в суде [Барабаш 2015: 240].

В зависимости от объекта правоприменительные лингвистические экспертизы так-

же могут быть разграничены на подвиды: лингвистическую экспертизу действующего закона и лингвистическую экспертизу действующего подзаконного акта (постановления, указа, распоряжения, приказа). В свою очередь, в зависимости от жанрового (субжанрового) типа текста возможно дальнейшее разграничение типов экспертиз: к подвиду лингвистических экспертиз действующих законов могут быть отнесены лингвистическая экспертиза базового действующего закона и лингвистическая экспертиза действующего трансформирующего закона; к подвиду лингвистических экспертиз действующих подзаконных актов — лингвистическая экспертиза базового подзаконного акта и лингвистическая экспертиза трансформирующего подзаконного акта.

Вопросы судебной лингвистической экспертизы, в отличие от правотворческой и правоприменительной лингвистических экспертиз, рассмотрены достаточно подробно и с лингвистической, и с правовой точек зрения в работах М. В. Аблина, А. Н. Баранова, К. И. Бринева, Н. Е. Васильевой, И. В. Баженовой, Е. И. Галяшиной, О. В. Кукушкиной, Г. В. Кусова, В. А. Мишланова, М. А. Осадчего, М. Л. Подкалотиной, Т. Б. Радбиля и мн. др. В настоящее время накоплен значительный исследовательский материал, сделаны теоретические обобщения. Учеными представлены определения понятия, объекта, предмета и задач судебной лингвистической экспертизы, уточнены компетенции эксперта-лингвиста, форма и содержание заключения эксперта-лингвиста и др.

Развивая теорию судебного речеведения, Е. И. Галяшина предлагает под судебной лингвистической экспертизой понимать процессуально регламентированное судебно-экспертное лингвистическое исследование устных и письменных «речевых произведений», которое проводится в целях получения «информации об условиях, структуре, содержании, результатах, участниках и компонентах акта речевой коммуникации на основе комплекса специальных научных познаний» и результатом которого является специальное заключение [Галяшина 2015: 17—21].

Только при соблюдении всех дискурсивно обусловленных факторов лингвистическая экспертиза является доказательством при вынесении судом решения. «Судебная лингвистическая экспертиза выполняет свою процессуальную функцию только в том случае, когда ее конечные результаты содержат юридически значимые выводы, а заключение соответствует принципиальным требованиям к экспертной деятельности» [Галяшина 2015: 19].

В зависимости от предмета спора к судебным лингвистическим экспертизам могут быть отнесены такие экспертные исследования, как экспертиза по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации; экспертиза по делам о защите прав на средства индивидуализации товаров, услуг и их производителей; экспертиза по делам о защите авторских прав; экспертиза по делам об экстремизме; экспертиза по антикоррупционным делам; почерковедческая экспертиза, автороведческая экспертиза, фоноскопическая экспертиза.

В связи с выделением различных видов и аспектов лингвистических экспертиз, обусловленных задачами юридического дискурса, особую значимость приобретает вопрос о профессиональных компетенциях эксперта-лингвиста. Следует согласиться с Е. Б. Лактионовой в том, что «экспертное исследование опирается на уже известные научные факты и измерительные процедуры и представляет собой их непосредственное применение при решении конкретных практических задач», поэтому экспертиза как инструмент познания «предполагает ориентацию, прежде всего, на компетентность и опыт специалиста-эксперта, личность которого и является главным „инструментом“ исследования» [Лактионова 2008: 20—21].

К профессиональным компетенциям эксперта-лингвиста мы относим лингвистическую компетенцию и экспертную компетенцию. Структура лингвистической компетенции отражает современный научный подход к рассмотрению языковой коммуникации в качестве объекта теоретической и прикладной лингвистик, а также к рассмотрению языкового и речевого аспектов языковой коммуникации. В связи с этим лингвистическая компетенция подразделяется нами на языковую и речевую в их теоретическом и практическом аспектах. Структура экспертной компетенции отражает взгляд на объект, предмет, цели и задачи конкретного экспертного исследования. Экспертная компетенция, в свою очередь, подразделяется на теоретическую (совокупность знаний о лингвистической экспертизе) и практическую компетенцию (совокупность умений, приобретенных на основе опыта экспертной деятельности в определенной сфере: правотворческой, правоприменительной или судебной).

Об уровне компетенции эксперта-лингвиста свидетельствуют методы и приемы, которые он использует. В частности, как полагает С. В. Доронина, применение семантических и прагматических приемов дискурсивного анализа позволяет выделить или

уточнить лингвистические признаки, значимые именно для «правовой квалификации речевых преступлений» [Доронина 2015: 245—249].

Исследователи, развивающие гипотезу судебного речеведения (Е. И. Галяшина, М. Л. Подкалитина), подчеркивают приоритет экспертов, обладающих «двойной» компетенцией, т. е. имеющих теоретические и практические знания в области лингвистики и права, по сравнению с экспертами, обладающими знаниями только в одной из областей (либо лингвистической, либо правовой). Так, по мнению М. Л. Подкалителиной, компетенцию эксперта-лингвиста, проводящего лингвистическую экспертизу экстремистских материалов, составляют знания не только в области лингвистики, но и в области судебного речеведения, теории и практики судебной экспертизы, законодательства о противодействии экстремистской деятельности [Подкалитина 2013: 7].

Данной позиции придерживаются и другие исследователи. В частности, А. Э. Карапетян полагает, что экспертизу законопроектов должен проводить лингвист, обладающий необходимыми знаниями в юридической сфере, поскольку «работа над текстом требует не только навыков корректорской правки, но и знаний требований юридической техники» [Карапетян 2014: 247].

В связи с необходимостью совмещения лингвистических и юридических знаний при проведении различных видов исследований некоторыми учеными анализируются аспекты междисциплинарного лингвоюридического (юрислингвистического) экспертного анализа (Л. О. Бутакова, А. Д. Васильев, М. А. Венгранович, Н. Д. Голев, Г. В. Кусов, М. Н. Черкасова, И. В. Юсипова и др.). Социальная потребность в такого рода экспертизе сегодня очевидна, а это актуализирует не только экспертную практику, но и обуславливает перспективы дальнейших научных изысканий в области юрислингвистики.

Заключительные положения

С помощью интеграции знаний лингвистики и права можно проанализировать влияние лингвистических знаний на развитие правотворческого, правоприменительного и судебного субдискурсов, а также влияние правовых знаний и экстралингвистических факторов на формирование представлений о видах и аспектах лингвистической экспертизы. На этой основе формируются взаимосвязанные и взаимодополняющие друг друга междисциплинарные экспертные установки. Наличие указанных установок имеет принципиальное значение для развития методологии экспертной

лингвистической деятельности, осуществляемой в рамках юридического дискурса.

Делая акцент на функционально значимой стороне вышеизложенной информации, отметим, что мы стремились представить проблему определения родо-видовой типологии лингвистических экспертиз, ориентируясь на представителей и лингвистической, и правовой науки, рассматривающих вопросы повышения качества лингвистической экспертизы, а также качества работы экспертов-лингвистов, осуществляющих в правотворческом, правоприменительном и судебном субдискурсах лингвистическую экспертизу и, таким образом, вносящих свой личный вклад в развитие дискурсивной юридической практики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев С. С. Общая теория права. В 2 т. Т. 1. — М.: Юрид. лит., 1981. 360 с.
2. Алексеева Т. А. Криминалистическое учение о речи: историко-содержательный аспект // Вестн. Том. гос. ун-та. 2011. № 343. С. 113—115.
3. Барабаш О. В. Поляризация семантики термина «аукцион» в современном антимонопольном законодательстве // Политическая лингвистика. 2015. № 3. С. 240—244.
4. Батюшкина М. В. К вопросу об определении субжанра текстов законов о внесении изменений // Вестн. Брянск. гос. ун-та. 2016. № 2 (28). С. 118—124.
5. Белоконов Н. В. Лингвистическая экспертиза законопроекта: стратегические направления и перспективы развития // Юридическая техника. 2015. № 9. С. 145—147.
6. Бельдиян В. М., Батюшкина М. В. Введение в языковедение. — Омск: ОГИИ, 2007. 299 с.
7. Бутакова Л. О. Лингвоюридическая экспертиза в пространстве лингвистического анализа речевых произведений, или Что должен знать лингвист, чтобы быть хорошим экспертом // Юрислингвистика. 2008. № 9. С. 251—268.
8. Галяшина Е. И. Судебная лингвистическая экспертиза в гражданском судопроизводстве: востребованность и компетенции // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 10. С. 17—21.
9. Доронина С. В. «Командир! Может, договоримся?»: приемы дискурсивного анализа в лингвистической экспертизе текстов по антикоррупционным делам // Политическая лингвистика. 2015. № 3. С. 245—249.
10. Карапетян А. Э. Сотрудничество законодателя и лингвиста: лингвистическая экспертиза законодательных проектов // Политическая лингвистика. 2014. № 3. С. 246—247.
11. Качество законодательства и проблемы юридической техники: материалы семинара с участием руководителей правовых служб законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации. — М.: Изд. Госдумы, 2016. С. 236—272.
12. Крапивкина О. А. Две грани дискурса — две ипостаси субъекта // Сибирский филологический журнал. 2016. № 1. С. 137—143.
13. Крюкова Е. А. Язык и стиль законодательных актов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2003. 22 с.
14. Лактионова Е. Б. Аналитический обзор основных подходов к психологической экспертизе образовательной среды // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2008. № 68. С. 18—32.
15. Нестеров А. В. Экспертиза в общей теории экспертизы // Теория и практика судебной экспертизы. 2013. № 2 (30). С. 162—168.
16. Подкалитина М. Л. Судебная лингвистическая экспертиза экстремистских материалов: теоретические и методические аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2013. 28 с.

17. Регламент Государственной думы Федерального Собрания Российской Федерации : утв. постановлением от 22 янв. 1998 г. № 2134-II ГД : в ред. постановления от 09.11.2016 г. № 172-7 ГД // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 25.11.2016).

18. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики / ред. Ш. Балли и А. Сеше. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1999. 432 с.

19. Хабибулина Н. И. Язык закона и его постижение в процессе языкового толкования права : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1996. 146 с.

M. V. Batyushkina
Omsk, Russia

CLASSIFICATION OF LINGUISTIC EXPERTISE: LINGUISTIC AND LEGAL MODELS

ABSTRACT. *The paper discusses the main postulates of the theory of linguistic expertise. We give definition to the concept of linguistic expertise and classify it on the basis of several approaches. The problem of identifying the subject matter of linguistic expertise in the aspect of theoretical and applied linguistics is discussed. The use of linguistic expertise in legal discourse is analyzed. Some urgent issues in the sphere of interaction between the language and the law are studied. Attention is paid to the fact that success of linguistic expertise depends on the expert's knowledge in Linguistics, Law and expertology. The methodological bases of the research are the theses of the theory of discourse and the theory of verbal cognition. The author makes conclusions and generalizations, which may be useful for the further study of this problem. The object of theoretical and applied linguistics is verbal communication in its language and speech aspects. Based on the subject of linguistic expertise (language or verbal aspect) we may single out language-focused linguistic expertise or speech-focused linguistic expertise. If the object of linguistic expertise is language units, such expertise is called language-focused; if the object of linguistic expertise is written, printed, electronic or oral text viewed as a speech sign or a product of cognitive activity, such expertise is called speech-focused. Based on the type of sub-discourse we may single out law-making, law-enforcement and forensic expertise. The urgency of law-making expertise is proved by the fact that the flaws in the statements may result in vague, inaccurate, and controversial laws.*

KEYWORDS: *linguistic expertise; language of law; legal discourse; discourse analysis.*

ABOUT THE AUTHOR: *Batyushkina Marina Vladimirovna, Candidate of Pedagogy, Senior Consultant of the Department of Linguistic Expertise and Legislation Systematization of Legal Department of the Legislative Assembly of Omsk Region, Omsk, Russia.*

REFERENCES

1. Alekseev S. S. Obshchaya teoriya prava. V 2 t. T. 1. — М. : Yurid. lit., 1981. 360 s.

2. Alekseeva T. A. Kriminalisticheskoe uchenie o rechii: istoriko-soderzhatel'nyy aspekt // Vestn. Tom. gos. un-ta. 2011. № 343. S. 113—115.

3. Barabash O. V. Polyarizatsiya semantiki termina «auksion» v sovremennom antimonopol'nom zakonodatel'stve // Politicheskaya lingvistika. 2015. № 3. S. 240—244.

4. Batyushkina M. V. K voprosu ob opredelenii subzhanra tekstov zakonov o vnesenii izmeneniy // Vestn. Bryansk. gos. un-ta. 2016. № 2 (28). S. 118—124.

5. Belokon' N. V. Lingvisticheskaya ekspertiza zakonoproekta: strategicheskie napravleniya i perspektivy razvitiya // Yuridicheskaya tekhnika. 2015. № 9. S. 145—147.

6. Bel'diyan V. M., Batyushkina M. V. Vvedenie v yazykovedenie. — Omsk : OTI, 2007. 299 s.

7. Butakova L. O. Lingvouridicheskaya ekspertiza v prostranstve lingvisticheskogo analiza rechevykh proizvedeniy, ili Chto dolzhen znat' lingvist, chtoby byt' khoroshim ekspertom // Yurilingvistika. 2008. № 9. S. 251—268.

8. Galyashina E. I. Sudebnaya lingvisticheskaya ekspertiza v grazhdanskom sudoproizvodstve: vstrebovannost' i kompetentsii // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. 2015. № 10. S. 17—21.

9. Doronina S. V. «Komandir! Mozhet, dogovorimsya?»: priemy diskursivnogo analiza v lingvisticheskoy ekspertize tekstov po antikorrupcionnym delam // Politicheskaya lingvistika. 2015. № 3. S. 245—249.

10. Karapetyan A. E. Sotrudnichestvo zakonodatel'nykh lingvistik: lingvisticheskaya ekspertiza zakonodatel'nykh proektov // Politicheskaya lingvistika. 2014. № 3. S. 246—247.

11. Kachestvo zakonodatel'stva i problemy yuridicheskoy tekhniki: materialy seminarov s uchastiem rukovoditeley pravovykh sluzhb zakonodatel'nykh (predstavitel'nykh) i ispolnitel'nykh organov gosudarstvennoy vlasti sub"ektov Rossiyskoy Federatsii. — М. : Izd. Gosdumy, 2016. S. 236—272.

12. Krapivkina O. A. Dve grani diskursa — dve ipostasi sub"ekta // Sibirskiy filologicheskii zhurnal. 2016. № 1. S. 137—143.

13. Kryukova E. A. Yazyk i stil' zakonodatel'nykh aktov : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — М., 2003. 22 s.

14. Laktionova E. B. Analiticheskiy obzor osnovnykh podkhodov k psikhologicheskoy ekspertize obrazovatel'noy sredy // Izv. Ros. gos. ped. un-ta im. A. I. Gertsena. 2008. № 68. S. 18—32.

15. Nesterov A. V. Ekspertiza v obshchey teorii ekspertizy // Teoriya i praktika sudebnoy ekspertizy. 2013. № 2 (30). S. 162—168.

16. Podkalitina M. L. Sudebnaya lingvisticheskaya ekspertiza ekstremistskikh materialov: teoreticheskie i metodicheskie aspekty : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — М., 2013. 28 s.

17. Reglament Gosudarstvennoy dumy Federal'nogo Sobraniya Rossiyskoy Federatsii : utv. postanovleniem ot 22 yanv. 1998 g. № 2134-II GD : v red. postanovleniya ot 09.11.2016 g. № 172-7 GD // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 25.11.2016).

18. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики / ред. Ш. Балли и А. Сеше. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1999. 432 с.

19. Хабибулина Н. И. Язык закона и его постижение в процессе языкового толкования права : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1996. 146 с.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, доц. Н. Д. Федяева.

А. А. Карапетян, Ю. Р. Тагильцева
Екатеринбург, Россия

**«НЕЗНАНИЕ НЕ СНИМАЕТ ВИНЬ»,
ИЛИ ПРАКТИКА «НЕУДАЧНЫХ» ПРОПАГАНДИСТСКИХ МАТЕРИАЛОВ
ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ**

АННОТАЦИЯ. Исчезновение единой идеологии, связывающей нацию в единый организм, приводит к тому, что неокрепшие умы нового поколения не обладают ни конкретными знаниями в области истории не только своей страны, но и мира в целом, ни устойчивыми нравственными, моральными ценностями, которые служили бы им ориентиром в познании. Все это становится благодатной почвой для появления и длительного существования различных идеологических «брожений», в поле влияния которых вовлекаются невинные, уязвимые сознания. В результате в социальных блогах и в печатной продукции появляется информация, построенная на оксюморном смещении различных идеологических и конфессиональных систем, способствующая не только неоднозначному прочтению информации, заложенной в креолизованном тексте или видеоматериале, но и искажению исторических фактов, формированию неуважения к верующим, исповедующим не только ислам, но и христианство. В статье рассмотрено несколько примеров пропагандистских материалов экстремистской направленности: первый — официальный баннер, посвященный 70-летию Великой Победы, содержащий информацию, оскверняющую символы воинской славы России, — нацистскую символику (изображения свастики, знамен, значков, униформы, использовавшиеся Национал-социалистической партией Германии); второй — видеозапись, размещенная в социальном блоге «YouTube», содержащая информацию, не только способствующую имплицитному возбуждению ненависти к представителям немусульманского мира — «тавдинским мунафикам», но призывающую вести «священный джихад». Все это приводит к формированию ложного представления о конфессиях в сознании мирового сообщества и трансляции информационной агрессии в отношении представителей этих мировых религий, а также к исчезновению так называемой «социальной памяти».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: экстремистские материалы; вермахт; Рабоче-крестьянская Красная армия; знаки отличия; информационно-психологическое воздействие; пропаганда; манипуляция.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: Карапетян Артур Андраникович, Центр по противодействию экстремизму ГУ МВД России по Свердловской области; 620017, Россия, г. Екатеринбург, ул. Жукова, 4а.

Тагильцева Юлия Ринатовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры рекламы и связей с общественностью, Уральский государственный педагогический университет; 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 149; e-mail: jennifer1979@yandex.ru.

Неведение — худшая из всех мыслимых форм
унижения и страдания
Б. Фитцпатрик. Тишина

Неоднократно исследователями отмечалось, что одной из причин роста экстремизма в современном обществе является, как это ни прискорбно осознавать, снижение уровня морального сознания молодежи и ухудшение качества образования. Именно исчезновение единой идеологии, связывающей нацию в единый организм, приводит к тому, что неокрепшие умы нового поколения не обладают ни конкретными знаниями в области истории не только своей страны, но и мира в целом, ни устойчивыми нравственными, моральными ценностями, которые служили бы им ориентиром в познании того, «что хорошо, а что плохо». Все это становится благодатной почвой для появления и длительного существования различных идеологических «брожений», под влиянием которых попадают невинные, уязвимые сознания. В результате «Иван, родства не помнящий» творит свою историю, навязывает другим свои «ценности», не заботясь при этом об обществе, в котором он живет, поскольку не несет перед ним ответственности.

9 мая 2015 г. — «праздник со слезами на глазах», повсеместное чествование ветеранов Великой Отечественной войны, когда в городах размещаются баннеры социального характера, напоминающие о подвигах великого народа, стойко и отважно пережившего этот тяжелый момент для страны.

Один из таких официальных баннеров, посвященных 70-летию Великой Победы, содержал информацию, оскверняющую символы воинской славы России, — нацистскую символику (изображения свастики, знамен, значков, униформы, использовавшиеся Национал-социалистической партией Германии).

Баннер сегодня в наружной рекламе воспринимается как широкоформатное полотно с нанесенной печатной информацией, располагаемое на фасаде зданий, над проезжей частью в виде перетяжек или билбордов. Более того, по замыслу ФЗ № 38 «О рекламе», реклама в зависимости от конкретных ее форм может представлять собой как произведения живописи, скульптуры, графики, дизайна, графические рассказы, комиксы, другие произведения изобразительного ис-

Статья написана в рамках работы по гранту Российского государственного научного фонда (проект № 15-34-01293 «Деструкция и отчужденность — ведущие стратегии экстремистского дискурса»).

© Карапетян А. А., Тагильцева Ю. Р., 2016

кусства, так и аудиовизуальное произведение, а поскольку перечень объектов авторского права, приведенный в п. 1 ст. 1259 Гражданского кодекса РФ, является открытым, то баннер может быть отнесен к «публичным другим» произведениям.

Изобразительным средством официального баннера стала фотография парада сухопутных войск вермахта на площади в Варшаве 5 октября 1939 г. после вторжения Германии на территорию Польши, где военных лично приветствовал Адольф Гитлер (фотография взята из архива сайта «Историческая правда», из статьи «Парад вермахта и РККА в Бресте: как это было» [Парад вермахта и РККА...]). Идентифицирующими компонентами, содержащими нацистскую символику, стали, во-первых, униформа сухопутных войск вермахта, содержащая символ — нагрудного орла, *Hoheitsabzeichen*, расположенного над клапаном правого нагрудного кармана. Эмблема представляет собой орла, распростершего крылья и сжимающего в когтях круг со свастикой. Кроме того, на фотобаннере можно четко рассмотреть и обмундирование сухопутных войск вермахта: китель под маркировкой М36 из голубовато серо-зеленого войлока и воротника темно-синего цвета; стальной шлем М35 с деколью (германский триколор) на правой стороне; характерные погоны пехоты вермахта — черные с белой окантовкой. Стоит отметить, что подобного обмундирования, сходного с немецким, в годы Великой Отечественной войны в РККА не было.

Во-вторых, у одного из солдат (на переднем плане слева) в отверстии второй пуговицы мундира вдет орден — Железный крест 2-го класса — на бело-красной орденской ленте, символизировавшей цвета нового рейха. Железный крест был учрежден как награда за храбрость на поле боя для всех солдат и офицеров немецкой армии и союзников.

В-третьих, на использование нацистской символики указывает и наличие служебного флага Верховного командования сухопутных войск вермахта — флага военного министра и главнокомандующего вермахта (*Flagge des Reichskriegsministers und Oberbefehlshabers der Wehrmacht*). Флаг представляет собой красное полотнище, пересеченное по середине черно-белым крестом, в центре которого располагается круг со свастикой. Причем в правом верхнем и в левом нижнем углу флага располагается орел с приподнятыми крыльями, сжимающий в когтях свастику, а в левом верхнем и правом нижнем — Железный крест.

Завершает изобразительный образ обрамление георгиевской лентой — биколором

из оранжевого и черного цветов, где первый символизирует «пламя», а второй — «дым», что является знаком личной доблести солдата, проявленной им в бою. Георгиевская лента являлась важным атрибутом множества боевых наград сначала в Российской империи, а затем в СССР и Российской Федерации. Впервые георгиевская лента появилась в Императорском военном ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия, учрежденного императрицей Екатериной II в 1769 г. для офицерского состава, отличившегося на поле боя. Затем она украшала колодки ордена Славы (3-х степеней), который являлся военным орденом СССР, учрежденным в 1943 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР, и выдавался за личный подвиг на поле боя, а также медали «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», учрежденной указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 мая 1945 г. и присуждаемой военнослужащим, принимавшим непосредственное участие в сражениях на фронтах войны. Сегодня георгиевская лента является частью ордена Святого Георгия — высшей военной награды Российской Федерации, которой удостоиваются старшие и высшие офицеры за проведение боевых операций при нападении внешнего противника. Таким образом, данный атрибут является олицетворением подвига прежде всего русского солдата, офицера на полях сражения, а также выражением уважения к ветеранам Великой Отечественной войны.

Такое оксюморонное смешение различных идеологических систем способствует не только неоднозначному прочтению информации, заложенной в данном креолизованном тексте, но и искажению исторических фактов.

Согласно российскому законодательству, одним из составляющих экстремистской деятельности является «пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения (свастика)» [О противодействии экстремистской деятельности, поправка от 29 апр. 2008 г.]. Конечно, с одной стороны, данное деяние подпадало под формулировку «экстремистская деятельность», поскольку явно прослеживались «пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения (свастика)» [Там же], с другой — его можно воспринимать как публичное оскорбление памяти

павших во время Великой Отечественной войны советских солдат. На самом деле не было ни того ни другого, произошедшее стало простым свидетельством незнания истории России и отсутствия социальной памяти.

«После исчезновения идеологии коммунистического интернационализма и соответствующей национальной политики, которые хоть как-то согласовывали интересы отдельных этносов в бывшем СССР» [Садиков, Ханбабаев] общество оказалось без того регулятора, которое на протяжении многих десятилетий сдерживало проявления интолерантного отношения в многонациональном и многоконфессиональном государстве. В результате последовавшего за этим этнического и религиозного «ренессанса» в российском обществе и вообще на территории бывшего СССР можно наблюдать нежелание понимать и принимать «другого» с его взглядами, ценностями и традициями.

В августе 2016 г. в социальном блоге «YouTube» появилась видеозапись: двое молодых людей (один, как выяснилось, был главврачом детской больницы, другой — бывший сотрудник правоохранительных органов) решили «разыграть» сценку «схода» исламистских экстремистов, в которой иронично (даже цинично) пояснялось, почему на территории г. Тавды необходимо осуществить «джихад».

В ходе исследования было выявлено, что в видеоматериале содержится информация, способствующая не только имплицитному возбуждению ненависти к представителям немусульманского мира — «тавдинским мунафикам», но и призывающая вести «священный джихад». Данный эффект репрезентируется через следующие манипулятивные языковые приемы.

Во-первых, использование языковой демагогии — коммуникативный принцип деления мира на «своих» и «чужих», что дает возможность создавать фантомный социум, к которому относится говорящий (манипулятор), — группу «истинно» верующих мусульман, сражающихся во имя Аллаха. Подобный эффект создается за счет использования личных и указательных местоимений «мы» и «эти», а также существительного «мунафики» и прилагательного «неверные»:

*Короче, вот **мы** всем этим мунафикам, вот этим тавдинским, короче, **мы**, настоящие тюменские, короче, **мы** объявляем священный православный джихад.*

*Мы, короче, будем вести священный этот газават до последнего конца, короче, до победного, короче, пока **эти** тавдинские мунафики, неверные, не будут истреблены.*

В результате создается фантомный биполярный образ мира, за счет которого упрощается его восприятие и дается односторонняя интерпретация происходящих событий.

Во-вторых, формированию негативного образа «тавдинцев» способствует прием «навешивание ярлыков», заключающийся в выборе оскорбительных названий, эпитетов, вызывающих эмоционально негативное отношение к данной группе, что способствует созданию у аудитории не только эмоционально негативного отношения, но и выстраиванию ассоциаций с низкими поступками — лицемерием в убеждениях, что считается большим проступком, чем неверие в Аллаха.

В-третьих, агрессивный посыл исследуемого послания реализуется в существительных «джихад», «газават», глаголе «вести (бой)» и кратком причастии «истреблены», которое вместе с глаголом-связкой «быть» участвует в образовании формы будущего сложного времени: *Мы, короче, будем вести священный этот газават до последнего конца, короче, до победного, короче, пока эти тавдинские мунафики, неверные, не будут истреблены.*

Дефиниции выделенных выражений представлены ниже. Стоит отметить, что говорящий в своем высказывании использует прилагательное «священный» как определение к существительному «газават», что свидетельствует о незнании традиций лексической сочетаемости мусульманской риторики.

Приведем толкование слова «священный» [Большой толковый словарь]:

«СВЯЩЕННЫЙ, -ая, -ое; -щен и -щенен, -щенна, -щенно; священнее; священнейший.

1. Религ. Обладающий святостью, признаваемый божественным; священный. *С-ое животное. С. алтарь. // Священный с религиозным культом и выполнением церковных обрядов; духовный. С. сан. С-ые книги. С-ое омовение ног. С-ое писание (Библия). С-ая история (библейская история; предмет преподавания по ее изучению). С-ые войны (религиозные).*

2. Почтительный, благоговейный. *С. страх, трепет, восторг.*

3. = Святой (5—6 зн.). *С-ое право. С. долг. С. бой, с-ая война (освободительная, справедливая).*

4. Неприкосновенный. *С-ые рубежи нашей Родины».*

Прилагательное «священный», реализуемое в своем первом значении, исходя из контекста, допустимо употреблять в сочетании с существительным «джихад», ибо последнее обозначает именно «священную

войну», воспринимаемую как приложение усилий в служении Аллаху, демонстрация истинности веры, интроспекция (т. е. взгляд внутрь себя и выявление собственных недостатков) и стремление исправить все свои ошибки, чтобы стать совершенным. В связи со сложившейся в мире ситуацией исследуемое слово приобрело негативную окраску — «война против неверных», что способствует распространению агрессии, порожденной стремлением к власти радикально настроенных религиозно-экстремистских группировок, ненавистью ко всему миру и стремлением в какой-то степени уничтожить ислам, дискредитировав его как учение. Существительное же «газават» содержит иные семы — это «военный поход» против врагов, что уже не является религиозной обязанностью по распространению ислама как учения.

Репрезентация угрозы в данном предложении происходит через глагол «вести» и форму краткого причастия «истреблены».

Приведем толкования данных слов.

«**ВЕСТИ**, веду, ведёшь; вёл, вела, -ло; ведущий; ведший; ведомый; -дом, -а, -о; ведя; нсв.

1. (св. привести). кого. Идя вместе, направлять движение, помогать или заставлять идти с собой; сопровождать. *В сына за руку.*

2. кого-что. Идти во главе, предводительствуя; возглавлять кого-, что-л.; руководить чем-л. *В караван. В войска в бой.*

3. что. Управлять движением транспортного средства. *В железнодорожный состав.*

4. (св. провести). чем по чему. Двигать чем-л. в каком-л. направлении. *В указкой по карте. В смычком по струне.*

5. (св. провести). что. Прокладывать в определенном направлении. *В теплотрассу. В линию электропередачи.*

6. (св. привести). Служить путем куда-л., иметь то или иное направление. *Дорога ведет в лес.*

7. (св. привести). к чему. Разг. Говоря или делая, преследовать какую-л. цель (цели). *Не пойму, куда (к чему) вы ведете?*

8. (св. привести). к чему. Иметь своим следствием, результатом; влечь за собой. *Алкоголизм ведет к деградации личности.*

9. что. Заниматься какой-л. деятельностью, выполнять какие-л. обязанности; производить, осуществлять. *В хозяйство, научную работу. В войну, борьбу с кем-л.*

10. Спорт. Опережать по результатам игры (игр) какого-л. спортсмена или команду. *Вести в счете* [Большой толковый словарь].

Исходя из контекста, глагол «вести» реализуется в своем девятом значении, по-

скольку есть непосредственный объект — «тавдинские мунафики», в отношении которых необходимо провести карательные действия, о чем свидетельствует краткое причастие «истреблены», образуемое от глагола «истребить».

«**ИСТРЕБИТЬ**, -блю, -бишь; истреблённый; -лён, -лена, -лено; св. кого-что. Полностью уничтожить. *И крыс. И друг друга. И дивизию противника. // Искоренить. И народ, нацию. // Разг. Съесть, выпить что-л. в большом количестве. И все запасы провизии и спиртного*» [Большой толковый словарь].

Как видно, краткое причастие «истреблены» изначально не содержит положительную коннотацию и реализуется в своем прямом значении.

Будущее время вспомогательного глагола с инфинитивом «быть» и краткое причастие описывают ситуацию как такую, которая будет иметь место после момента речи.

Исход намеченных действий репрезентируется через перефразирование устойчивого оборота «до победного конца».

По данным фразеологического словаря русского языка под редакцией И. В. Федосова, А. Н. Лапицкого [Конец], у этого выражения отмечается следующее значение:

«**ДО ПОБЕДНОГО КОНЦА** — до полного, окончательного успеха».

Устойчивое выражение встречается и в других словарях:

«**ПОБЕДНЫЙ**, -ая, -ое.

1. к Победа. П. год (принесший победу, исполненный побед). *П. кубок. Борьба до победного конца (до победы).*

2. = Победоносный. *П-ая война. П-ое наступление. П. взгляд. П. клыч. П. марш.* < Победно, нареч. П. улыбнуться. Победность, -и; ж. До победного, в зн. нареч. До полной, окончательной победы. Идти до победного» [Большой толковый словарь].

В данном контексте прилагательное «победный» реализуется в своем первом значении, поскольку есть указание не только на объект агрессии — «тавдинские мунафики», но и на цель этих действий — доказать, что «мы <...> **настоящие** тюменские».

Приведем дефиницию выделенного прилагательного:

«**НАСТОЯЩИЙ**, -ая, -ее.

1. Такой, который имеет место, протекает сейчас, в данное время. Сравнить прошлую жизнь и настоящую. *В настоящее время, в настоящую минуту (сейчас). С настоящего момента (с этого).*

2. Книжн. Этот, данный. *Н-ая статья требует доработки.*

3. Подлинный, истинный; натуральный. *Н. кофе. Н-ее золото. // Соответствующий*

определенным требованиям, представляющий собой лучший образец, идеал кого-, чего-л. *Н. солдат, художник, поэт. Н. человек.*

4. Представляющий собой полное подобие кого-, чего-л. *Н-ая русалка (о девушке, женщине с длинными волосами). Н-ая ведьма (о некрасивой или злобной женщине). Н. кащей (о худом, изможденном человеке).*

5. Разг. Полностью соответствующий качеству чего-л. (о цене, стоимости). *Предложить настоящую цену* [Большой толковый словарь].

Исходя из контекста, прилагательное «настоящий» реализуется в своем третьем значении, поскольку есть объект сравнения — «тавдинские мунафики».

Как было показано выше, использование военной лексики является примером явного призыва к активным действиям.

В-четвертых, использование вводного слова (или «слова-паразита») «короче», как отмечают специалисты в области психологии, является показателем того, что говорящий спешит, в его намерение не входит вдаваться в детали дела, говорящий находится в нервном состоянии и проявляет элементы агрессии. Цитируем еще раз соответствующий отрывок: *Мы, короче, будем вести священный этот газават до последнего конца, короче, до победного, короче, пока эти тавдинские мунафики, неверные, не будут истреблены.*

Вводное слово «короче» первоначально входило в состав вводного выражения «короче говоря»:

«**КОРОТКИЙ**, -ая, -ое; короток и (устар.) короток, коротка, коротко, коротко и (устар.) коротко, коротки, коротки и (устар.) коротки; короче.

Коротко говоря, в зн. вводн. словосоч. Вкратце, не вдаваясь в подробности. **Короче говоря**, в зн. вводн. словосоч. Подводя итог, заключая сказанное» [Большой толковый словарь].

В-пятых, стоит еще раз отметить, что говорящий не в полной мере имеет представление о специфике речевых формул мусульманской риторики и религиозной лексики, о чем свидетельствует словосочетание «священный православный джихад»: *Короче, вот мы всем этим мунафикам, вот этим тавдинским, короче, мы, настоящие тюменские, короче, мы объявляем священный православный джихад.*

Такое оксюморонное смешение религиозной лексики различных конфессий — православного христианства и ислама — способствует не только неоднозначному прочтению информации, но и созданию иронического эффекта по отношению к ним. Таким

образом, данное изречение содержит компоненты явного неуважения к верующим, исповедующим не только ислам, но и христианство.

В результате говорящий посредством различных приемов информационно-психологического воздействия создает не только негативный оценочный образ представителей немусульманского мира — «тавдинских мунафиков», но и способствует разжиганию ненависти к ним и, как следствие, призывает к определенным экстремистским действиям.

Из вышеизложенного можно сделать неутешительные выводы. Во-первых, распространение подобных проанализированному видеоматериалов, связанных с идеей джихада, используемой в качестве основы идеологии радикально настроенных исламистских движений, направленных против представителей неисламского мира, приводит к формированию ложного представления об исламе в сознании мирового сообщества и трансляции информационной агрессии в отношении мусульман. Более того, потребители информации, прежде всего молодежь, в итоге оказываются в какой-то мере заложниками сформированных настроений масс и экстремистской риторики, а отсутствие культурно-религиозной базы приводит к деформации миропонимания и мировосприятия.

Во-вторых, с сожалением приходится констатировать и тот факт, что современное поколение практически не знает истории своей страны, своего народа, оно медленно превращается в «манкуртов», подчиненных своим потребностям и не помнящих ничего из жизни своего народа. Как отметил А. Филиппенко, «кто забывает историю, рискует ее повторить»; к сожалению, подобных примеров в истории предостаточно, вспомним хотя бы братскую Украину (см. статью Ю. Р. Тагильцевой «„Хто не скаче, той москаль“: информационная агрессия как компонент информационно-психологической войны» [Тагильцева 2014]).

Поэтому на сегодня важной мерой для профилактики экстремизма является проведение просветительской культурно-религиозной работы по воспитанию этноконфессиональной толерантности среди молодежи и, самое главное, изучение истории, культуры своей страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Али-заде А. Исламский энциклопедический словарь. — М.: Ансар, 2007. 400 с.
2. Большой толковый словарь русского языка / ред. С. А. Кузнецов. — СПб.: Норинт, 2000. 1536 с. URL: <http://www.gramota.ru/slovari>.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) : от 30 нояб. 1994 г. : № 51-ФЗ. П. 1 ст. 1259. URL: <http://>

www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142 (дата обращения: 15.12.2016).

4. Историко-культурный проект «Символика стран «ОСИ». URL: <http://country-osi.narod.ru> (дата обращения: 20.12.2016).

5. История Великой Отечественной Войны : сайт. URL: <http://battlefront.ru> (дата обращения: 13—15.12.2016).

6. Конец // Фразеологический словарь / И. В. Федосов. URL: http://getword.ru/ru/slovari.php?topic=КОНЕЦ&table=fraz_fedosov.

7. Липатов П. Uniforma Krasnoy armii i Vermakhta. Znaki razlichiya, obmundirovaniye, snaryazheniye sukhoputnykh voysk Krasnoy Armii i vooruzhennykh sil Germanii. Entsiklopediya tekhniki. — М. : Техника молодежи, 1995. 80 с.

8. О противодействии экстремистской деятельности : Федеральный закон от 25.07.2002 : № 114-ФЗ : (ред. от 29.04.2008) // Российская газета. 2002. № 138—139, 30 июля. URL: <http://www.referent.ru/1/95895/> (дата обращения: 14.12.2016).

9. О рекламе : ФЗ № 38 : от 13.03.2006 : (действующая редакция, 2016). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58968 (дата обращения: 15.12.2016).

10. Парад вермахта и РККА в Бресте: как это было. 2014. 17 сент. URL: <http://www.istpravda.ru/pictures/10657> (дата обращения: 24.12.2016).

11. Рунов В. Вермахт «непобедимый и легендарный». Военное искусство Рейха. — М. : Яуза-Пресс, 2011. 416 с.

12. Тагильцева Ю. Р. «Хто не скаче, той москаль»: информационная агрессия как компонент информационно-психологической войны // Политическая лингвистика. 2014. № 2 (48). С. 185—189.

13. Ханбабаев К. М. Религиозно-политический экстремизм и терроризм в полиэтноконфессиональном обществе. 2007. 5 июня. URL: <http://www.memo.ru/hr/hotpoints/caucas1/msg/2007/06/m93413.htm> (дата обращения: 25.12.2016).

14. Экстремистский текст и деструктивная личность : моногр. / Ю. А. Антонова, Л. Е. Веснина, М. Б. Ворошилова, К. В. Злоказов, Ю. Р. Тагильцева, А. А. Карапетын ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2014. 272 с.

A. A. Karapetyan, Yu. R. Tagiltseva
Ekaterinburg, Russia

“IGNORANCE OF THE LAW IS NO EXCUSE”, OR THE PRACTICE OF “INEFFECTIVE” PROPAGANDA OF EXTREMISM

ABSTRACT. *Disappearance of ideology that might unite the nation leads to the situation that young people have poor knowledge of history of not only Russia, but of the world too; they have no moral standards, which might cause interest in such knowledge. All these cause the appearance and existence of different ideological “agitation”, which constantly involve young, inexperienced, vulnerable people. As a result, social blogs and print materials use oxymoron to mix different ideological and confessional systems, which leads to the wrong perception and ambiguity of the information of creolized texts or videos, it distorts historical facts and causes disrespect to Muslim faith or Christianity. The paper gives several example of propaganda extremist texts. The first is an official banner devoted to the 70-s anniversary of the Victory, which has Nazi symbols (swastika, flag, badges, uniform used by the National Socialist Worker’s Party of Germany) – elements that discredit the symbol of military honour of Russia. The second example is a video published in YouTube, which has information capable of arousing hatred not only to the Muslim world, but also to non-Muslims like Tavda Munafiqun, besides it encourages Jihad. Such information gives wrong ideas about religions and arouses aggression to religious people. It may also cause disappearance so the so-called “social memory”.*

KEYWORDS: *extremist texts; Wehrmacht; Red Army; badges; informational psychological manipulation; propaganda; manipulation.*

ABOUT THE AUTHOR: *Karapetyan Artur Andranikovich, Centre of Counteraction and Prevention of Extremism of the Ministry of Internal Affairs of Russia in Sverdlovsk Region, Ekaterinburg, Russia.*

ABOUT THE AUTHOR: *Tagiltseva Yulia Rinatovna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Advertising and PR, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

REFERENCES

1. Ali-zade A. Islamskiy entsiklopedicheskiy slovar'. — М. : Ansar, 2007. 400 s.

2. Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka / red. S. A. Kuznetsov. — SPb. : Norint, 2000. 1536 s. URL: <http://www.gramota.ru/slovari>.

3. Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii (GK RF) : ot 30 noyab. 1994 g. : № 51-FZ. P. 1 st. 1259. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142 (дата обращения: 15.12.2016).

4. Istoriko-kul'turnyy proekt «Simvolika stran «OSI». URL: <http://country-osi.narod.ru> (дата обращения: 20.12.2016).

5. Istoriya Velikoy Otechestvennoy Voyny : sayt. URL: <http://battlefront.ru> (дата обращения: 13—15.12.2016).

6. Konets // Frazeologicheskiy slovar' / I. V. Fedosov. URL: http://getword.ru/ru/slovari.php?topic=KONETS&table=fraz_fedosov

7. Lipatov P. Uniforma Krasnoy armii i Vermakhta. Znaki razlichiya, obmundirovaniye, snaryazheniye sukhoputnykh voysk Krasnoy Armii i vooruzhennykh sil Germanii. Entsiklopediya tekhniki. — М. : Tekhnika molodezhi, 1995. 80 s.

8. protivodeystviiy ekstremistskoy deyatelnosti : Federal'nyy zakon ot 25.07.2002 : № 114-FZ : (red. ot 29.04.2008) // Ros-

siyskaya gazeta. 2002. № 138—139, 30 iyulya. URL: <http://www.referent.ru/1/95895/> (дата обращения: 14.12.2016).

9. O reklame : FZ № 38 : ot 13.03.2006 : (deystviyushchaya redaktsiya, 2016). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58968 (дата обращения: 15.12.2016).

10. «Parad vermakhta i RKKa v Breste: kak eto bylo». 2014. 17 sent. URL: <http://www.istpravda.ru/pictures/10657> (дата обращения: 24.12.2016).

11. Runov V. Vermakht «nepobedimyy i legendarnyy». Voennoe iskusstvo Reykha. — М. : Yauza-Press, 2011. 416 s.

12. Tagil'tseva Yu. R. «Khto ne skache, toy moskal'»: informatsionnaya agressiya kak komponent informatsionno-psikhologicheskoy voyny // Politicheskaya lingvistika. 2014. № 2 (48). S. 185—189.

13. Khanbabaev K. M. Religiozno-politicheskiy ekstremizm i terrorizm v polietnokonfessional'nom obshchestve. 2007. 5 iyunya. URL: <http://www.memo.ru/hr/hotpoints/caucas1/msg/2007/06/m93413.htm> (дата обращения: 25.12.2016).

14. Ekstremistskiy tekst i destruktivnaya lichnost' : monogr. / Yu. A. Antonova, L. E. Vesnina, M. B. Voroshilova, K. V. Zloказov, Yu. R. Tagil'tseva, A. A. Karapetyan ; Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2014. 272 s.

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. М. Б. Ворошилова.

Т. В. Романова
Нижний Новгород, Россия

МЕТОДЫ ВЫЯВЛЕНИЯ КЛАССИФИКАТОРОВ ТОЛЕРАНТНОСТИ/НЕТОЛЕРАНТНОСТИ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ В ЦЕЛЯХ РЕШЕНИЯ ЛИНГВОЭКСПЕРТНЫХ ЗАДАЧ

АННОТАЦИЯ. Целью проведенного исследования, результаты которого изложены в предлагаемой статье, было определение методов выявления и собственно выявление лингвистических маркеров толерантности/нетолерантности речевого поведения. С этой целью проведен анализ языковых и речевых средств, использованных в качестве инструмента воздействия, самовыражения, оценки. Анализ проводился на материале политического дискурса (материалов СМИ). В качестве методов исследования были выбраны статистический анализ данных (прежде всего касающихся количественной стороны фиксируемых языковых фактов.); контент-анализ (содержательная интерпретация количественных данных); интен-анализ; риторический анализ и собственно лингвистический анализ. В результате анализа выявлены социолингвистические и лингвокультурологические основания квалификации степени толерантности речевого поведения и разработаны критерии квалификации языковой/речевой толерантности. Приведенные данные и полученные результаты служат базой для проведения речеведческих экспертиз. Маркерами интолерантности в тексте могут служить стилистически сниженные лексемы, дискредитирующие личность и формирующие восприятие объекта как подозрительного, нежелательного, вызывающего неприязнь, отвращение, ненависть: коллоквиализмы, вульгаризмы, жаргонизмы, инвективы, неоправданные иностранные заимствования, оценочная лексика. На синтаксическом уровне средством выражения интолерантного отношения автора могут быть эмоциональные конструкции, деформированные относительно нейтрального «ядерного» предложения: повторы, материально избыточные элементы, разрывы, инверсия, транспозиция, расщепляющие конструкции, эллипсис, изолированные элементы. Особое значение приобретают штампы и клише, апеллирующие к определенным стереотипам и феноменам, имеющим в сознании людей значение «своего» или «чужого» (новообразованные клише, апеллирующие к прецедентным именам и прецедентным высказываниям, связанным с недавними политическими событиями; фразеологизмы и просторечные клише и штампы, не имеющие автора и известные всем представителям лингвокультурного сообщества; клише, апеллирующие к прецедентным именам и прецедентным текстам; штампы, имеющие в парадигме значений компонент «свой» или «чужой»).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: толерантность; нетолерантность; лингвистические маркеры; речевое поведение; языковые средства; речевое воздействие.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Романова Татьяна Владимировна, доктор филологических наук, профессор, профессор департамента прикладной лингвистики и иностранных языков, национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; 603155, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Большая Печерская, д. 25/12; e-mail: tromanova@hse.ru.

В условиях решения задач этноконфессиональной безопасности, противодействия ксенофобии и развития толерантности на территории полиэтничного и поликонфессионального Приволжского региона, в частности Нижегородской области, необходимым является осмысление толерантности как культурного, психологического, политического феномена. Ценностные качества публичной коммуникации ранжируются и переосмысливаются различными слоями общества в собственных интересах, однако они во многом определяются состоянием и уровнем развития общей и политической культуры данного общества. Толерантность становится необходимым социальным регулятивом. Ее роль возрастает по мере развития новых коммуникативных технологий и новых регулятивов, одним из которых является возникшая в конце 40-х гг. XX в. тенденция политкорректности.

В философии под толерантностью понимается «качество, характеризующее отношение к другому человеку как к равнодушной личности и выражающееся в сознательном подавлении чувства неприязни, вызванного всем тем, что знаменует в другом иное (внешность, манера речи, вкусы, образ жизни, убеждения и т. п.). Толерантность

предполагает настроенность на понимание и диалог с другим, признание и уважение его права на отличие» [Новая философская энциклопедия 2001: 363]. В социологии толерантность — это «терпимость к чужому образу жизни, поведению, обычаям, чувствам, мнениям, идеям, верованиям» [Толерантность]. В политологии толерантность — «терпимость по отношению к другим людям, отличающимся по их убеждениям, ценностям и поведению <...> Толерантная политическая культура означает уважительное отношение к любым политическим проявлениям, которые не противоречат существующему законодательству. Толерантность в политике можно считать результатом разрешения многих социальных противоречий на всеобщей социальной основе и развития демократии в форме правового государства» [Словарь по политологии 2010: 165].

Если пытаться определить характер отношений между понятиями «толерантность» и «политкорректность», то, как нам представляется, толерантность является содержанием, принципом, основой определенного социального регулятива (толерантность предполагает наличие идеи, взглядов, которым необходимо следовать), а политкорректность — формой, в том числе и речевой,

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-04-00534 «Толерантность как культурная, политическая, лингвистическая проблема (анализ материалов СМИ и политического дискурса)». Руководитель проекта — Т. В. Романова, участники: А. А. Лаврова, К. А. Дружков, Н. Н. Морозова, М. А. Фокина.

его проявления, существования; политкорректность можно считать одной из коммуникативных характеристик неконфликтного речевого поведения, наряду с вежливостью, тактичностью.

Большинство специалистов исследуют толерантность в политико-правовом и социально-экономическом аспектах, хотя в лингвокультурологической и коммуникативной среде также коренятся причины конфликтных проявлений. Являясь многоаспектным социальным феноменом, толерантность во многом имеет речевую «привязку», поскольку объективируется в речевых действиях. Поэтому мы хотим обратиться к лингвистическому аспекту толерантности в региональных и федеральных СМИ (печатные, электронные и другие форматы) и политическом дискурсе в целом. Наш интерес направлен на анализ языковых и речевых средств, использованных в качестве инструмента воздействия, самовыражения, оценки.

Анализ проводился на материале текстов блогов политиков на платформе *LiveJournal*; текстов новостных сайтов Нижегородского региона; печатных СМИ: «Коммерсант», «Коммерсант — Приволжье, Нижний Новгород», «Аргументы и факты», «Аргументы и факты — Нижний Новгород» и др.; федеральных печатных СМИ: «Известия», «Комсомольская правда», «Московский комсомолец», «Новая газета» (2014—2015 гг.).

В качестве методов исследования были выбраны: статистический анализ данных (прежде всего, касающихся количественной стороны фиксируемых языковых фактов); контент-анализ (содержательная интерпретация количественных данных); интен-анализ; риторический анализ и собственно лингвистический анализ. В рамках анализа коммуникативных интенций автора проявления интолерантности рассматриваются как коммуникативные стратегии в ситуации конфликта. Речевая стратегия представляет собой комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели. Риторический анализ предполагает выявление способов внутренней организации текста, содействующих актуализации феномена толерантности. Лингвориторический анализ может также учитывать особенности графики и пунктуации письменного текста, соотношение текста и иллюстративного материала. Лингвистический анализ предполагает описание собственно языковых средств (фонетических, лексических, морфологических, синтаксических), участвующих в актуализации феномена толерантности. В качестве метода исследования был выбран также лексический подход к анализу тональности высказывания.

В результате анализа выявлены социолингвистические и лингвокультурологические основания квалификации степени толерантности речевого поведения и разработаны критерии квалификации языковой/речевой толерантности.

Установлено, что средства массовой информации способны формировать общественную реальность, концентрируя внимание аудитории на тех или иных событиях. Риторический анализ, проведенный А. А. Лавровой [Лаврова 2015], показал, что оценочность (и, соответственно, толерантное или нетолерантное отношение автора к описываемому материалу) выражается:

- в самом отборе и классификации информации (детальное освещение одних событий и замалчивание других);

- в изложении фактов под определенным углом зрения (Майдан, война на юго-востоке Украины, война в Сирии, русско-турецкий конфликт, экономический кризис в Евросоюзе, западные санкции против России, убийство Немцова, стрельба в американских школах, террористические акты, падение «Боинга», митинги, система «Платон», расследования антикоррупционного комитета и т. д.);

- в композиционных особенностях текста. Например, текст может начинаться не с новостей, а с описания сильных негативных эмоций. В ряде случаев эмоции вообще замещают информацию и ее анализ. При такой подаче материала реципиент теряет возможность и право самостоятельно оценивать ситуацию, становится объектом эмоционального воздействия: *На глаза накапывала скупая колорадская слеза: надо же, они там еще могут что-то кроме „слава Украине“ кричать, не забыли русский язык-то, видать. Пальцы тянулись к клавиатуре — поучаствовать в живом обсуждении. И отдергивались — куда в калачный ряд-то... Здесь вам не равнина, здесь климат иной* («Известия». 26 марта 2015 г.);

- в актуализации роли заголовка. Заголовки печатных изданий зачастую не просто привлекают внимание читателей, а вселяют чувство тревоги, беспокойства, неуверенности: *Народ потерпит? В Крыму уже две недели борются за светлое будущее* («Аргументы и факты». 2 дек. 2015 г.);

- в форме подачи информации, соотношении положительных и отрицательных образов, обилии или скупости экспрессивных средств и т. д.

Лингвистический анализ актуализации феномена толерантности предполагает описание собственно языковых средств, в первую очередь лексических.

Маркерами интолерантности в тексте могут служить стилистически сниженные лексемы, дискредитирующие личность и формирующие восприятие объекта как подозрительного, нежелательного, вызывающего неприязнь, отвращение, ненависть — коллоквиализмы (1), вульгаризмы (2), жаргонизмы (3), инвективы (4), неоправданные иностранные заимствования (5), оценочная лексика (6):

Оба *газетчика* (1) *пришли на прием при полном параде* (1): *черный костюм, белая рубашка, галстук. Все было чинно-мирно* (1), *пока журналист Паоло не сел в кресло и залихватски* (6) *не закинул ногу на ногу. Тут и появились они — яркие и ужасные* (6). *Красные носки. Их экстравагантную* (6) *расцветку запомнят не только в службе протокола. Интернет уже пестрит* (2) *фото* (1) *с этим мужским аксессуаром. Все терзаются вопросом: можно ли было заявляться* (2) *в таком виде на официальный прием?* (Комсомольская правда. 8 июня 2015 г.);

Крымкэш (5). *„Сакральная Корсунь“ рискует превратиться в „хаб“* (5) *для обналички* (3) *и других незаконных банковских операций* (Новая Газета. № 56 от 1 июня 2015 г.);

Диктатура мерзавчиков (4). *Белорусское государство изучает содержимое шкафов и сервантов своих граждан* (Новая газета. № 56 от 1 июня 2015 г.).

Интолерантными были признаны лексемы с пейоративной эмоционально-экспрессивной коннотацией, принадлежащие к следующим классам: слова и выражения, обозначающие социально осуждаемую деятельность (*алкаш, проститутка, жулик, рецидивист*); слова, содержащие экспрессивную негативную оценку поведения человека без отношения к указанию на конкретную деятельность или позицию (*ублюдок, говнюк*); слова, содержащие экспрессивную негативную оценку уровня интеллекта (*придурок, недоумок, дегенерат*); слова, содержащие осуждение общественно-политической позиции (*русофоб, госдеповский, либераст, путиноид, крымнашист, едроня*); слова, содержащие негативную оценку «чужой» информации (*неадекват, вранье, наивняк, демагогия*).

С целью исследования возможности автоматического определения уровня толерантности в политическом дискурсе К. А. Дружковым [Дружков, Фокина 2015] была проведена адаптация метода тонального анализа за счет создания словаря интолерантной лексики. Материалом для исследования стали 60 записей в блогах политиков на

платформе *livejournal.com* и комментарии к ним. На основе установленных критериев толерантности была проведена ручная разметка записей блогов. На этапе эмпирического исследования комментариев к анализируемым блогам был составлен словарь интолерантной лексики, включающий более 200 единиц, обладающих пейоративной эмоционально-экспрессивной коннотацией. Описана методика автоматического пополнения словаря оценочной лексики, что обуславливает улучшение качества работы существующих методов анализа тональности высказывания. Востребованность подобной методики связана с отсутствием в свободном доступе инструментов для анализа тональности, в то время как *мнение* рассматривается как важный объект текстового анализа, а также с необходимостью адаптации методик автоматической обработки оценки как типа информации по отношению к русскому языку и русскоязычному дискурсу. Также был сформулирован ряд рекомендаций по дальнейшему усовершенствованию алгоритма определения тональности в политическом дискурсе: включение заголовка в список исследуемых объектов, добавление неологизмов/оказионализмов в тональный словарь, рассмотрение последовательных вопросительных предложений, квазисинонимов как тональных маркеров и др.

На синтаксическом уровне средством выражения интолерантного отношения автора могут быть эмоциональные конструкции, деформированные относительно нейтрального «ядерного» предложения [Дружков, Фокина 2015], — повторы (1), материально избыточные элементы (2), разрывы (3), инверсия, транспозиция (4), расшифровывающие конструкции (5), эллипсис, изолированные элементы:

Наверное (2), *немало читателей за последние дни вглядывались в широкую и резонансную дискуссию о сексизме и феминизме, не зная, верить ли своим глазам: что, правда* (4, 5)? *Не про ватников и колорадов, не про быдло и не про анчоусов? Не про жизнелюбивого — „одних жен сколько!“* (2) — *Бориса Немцова? И не про Крым, не про Путина* (1, 3)? *Нет* (2, 5): *обсуждали женское равноправие. Женское равноправие и сексизм* (1) (Известия. 26 марта 2015 г.).

Исследуемый материал показал, что интолерантность актуализируется в рамках стратегии дискредитации, или стратегии речевой агрессии, цель которой — унижить, оскорбить, высмеять того, о ком идет речь. В качестве тактик обычно выбираются оскорбление, насмешка, угроза, обвинение, упрек, клевета и др.:

Заявление турецкого президента Ре-джепа Эрдогана о том, что летчики турецких ВВС якобы не знали, что сбивают российский самолет, по мнению специалистов, нельзя квалифицировать иначе как наглое вранье (Московский комсомолец. 27 нояб. 2105 г.).

М. А. Фокина исследовала потенциал прецедентных феноменов как средства достижения толерантности и интолерантности политического дискурса [Фокина 2015]. В качестве основополагающей в данном аспекте была определена когнитивная (метафорическая) функция, дополняемая такими сопутствующими функциями, как оценочно-экспрессивная, антиреферентная, текстообразующая, а также функции эвфемизации и дисфемизации. Установлена востребованность прецедентных феноменов, в особенности прецедентных имен, в реализации речевой стратегии дискредитации через эксплуатацию коммуникативных тактик оскорбления, издевки и обвинения. Был обоснован вывод об использовании прецедентных феноменов с целью намеренного достижения такого качества дискурса, как интолерантность.

Наконец, нами был проведен анализ речевых штампов и клише в качестве показателей толерантности или интолерантности СМИ при оценке предметов, событий и явлений как «своих» или «чужих», рассмотрены особенности штампов и клише сознания, а также их корреляция с речевыми клише и штампами и связь с прецедентными феноменами [Романова 2016]. Выявлены функции и приемы актуализации внутренней формы языкового знака в текстах СМИ как показатель нетолерантности речевого поведения (прием языковой игры, эвокация, трансформация устойчивых сочетаний, двойная мотивация значения слова, словообразование по аналогии); рассмотрены идеологемы политкорректности [Романова 2015].

Материалом для этой части исследования послужили авторские статьи федеральной газеты «Аргументы и факты» и регионального приложения «Аргументы и факты — Нижний Новгород» за 2014—2015 гг.

Роль штампов и клише сознания при оценке «своего» и «чужого» заключается в апелляции к определенным стереотипам и феноменам, имеющим в сознании людей значение «своего» или «чужого». Можно предположить, что именно клише сознания, «вызываемые» с помощью семантико-когнитивной ассоциации, будут выражать индивидуально-авторскую оценку. Штампы же сознания, не имеющие глубинного смысла (для них характерны только фонетико-звуковая

ассоциация и ассоциация-штамп), функционально для оценки менее значимы.

Выделенные при анализе речевые штампы и клише можно классифицировать следующим образом:

1) новообразованные клише, апеллирующие к прецедентным именам и прецедентным высказываниям, связанным с недавними политическими событиями, такие как *майдан, евромайдан, Болотная площадь, украинская зима, кто не скачет — тот москаль...*

2) фразеологизмы и просторечные клише и штампы, не имеющие автора и известные всем представителям лингвокультурного сообщества, используемые автором для выражения собственного мнения, часто нетолерантного: *боимся сглазить, сосет соки, не жизнь, а малина, толкает речь, шлют на три веселых буквы, держится на соплях, довел до ручки, спустил власть в унитаз, вьет душком;*

3) клише, апеллирующие к прецедентным именам и прецедентным текстам, использующиеся с целью обеспечения «эффекта толерантности» при выражении/передаче авторского мнения (*птены Гайдарова гнезда, простодушный Иван и жалостливая Алёнушка, забрать все книги бы да сжечь, сидеть на печи, правит бал*);

4) штампы, имеющие в парадигме значений компонент 'свой' или 'чужой', например: *свой в доску, свои среди чужих, чувствовать себя как дома.*

При этом клише в «интолерантной» функции используются исключительно там, где автор хочет подчеркнуть очевидность различий «своих» и «чужих» — например, в спортивной сфере, а клише, призванные обеспечить толерантность высказывания, — там, где речь идет непосредственно о событиях в нашей стране (России). Интолерантное речевое поведение характеризует позицию автора и в публикациях о событиях в других странах, в том числе о военных конфликтах, а также о ситуациях интолерантного отношения к России со стороны других государств. Подобный результат нам представляется возможным связать с нынешней установкой на толерантность в публичной сфере, в том числе и в СМИ.

В текстах газет штампы и клише могут выполнять следующие функции:

1. Быть показателем толерантного речевого поведения, т. е. выполнять одну из следующих функций: способствовать «размыванию» смысла высказывания, снижению его категоричности; изменять специфику подачи критики, смещая акцент в сторону обеспокоенности ситуацией; апеллировать к

авторитету с целью объективации оценки; указывать на субъективность мнения автора.

2. Быть показателем интолерантного речевого поведения.

3. Быть показателем толерантного/интолерантного речевого поведения, связанным с оценкой «своего» и «чужого», например: *чувствовать себя как дома*.

Рассмотрим конкретные примеры.

Самым обсуждаемым «газетным» событием зимы 2014 года стала Олимпиада в Сочи. Оценка спортивного противостояния предполагает использование оппозиции «свой» — «чужой». Это объясняет активное заголовочное функционирование клишированных высказываний (которые функционируют как штампы), в составе которых есть слова *свой* и *чужой*: *свой в доску, свои среди чужих* и др. Концепт ЧУЖОЙ чаще всего эксплицируется прилагательным *чужеземный*.

Отражая реалии спортивного события 2014 г., устойчивое сочетание *измена Родине* употребляется с расширением синтаксической сочетаемости: *измена спортивной родине*. По концептуальному признаку 'свой'/ 'чужой' оцениваются даже спортивные трассы: *Боишься слазить, но есть предчувствие, что скандинавы не будут чувствовать себя на сочинской лыжне как дома (Игры — 2014: у нас все дома! — Аргументы и факты. 2014. № 6: 13)*. Когнитивной опорой при описании спортивного противостояния является концепт ВОЙНА. Так, об игре сборной Америки на хоккейном матче со сборной России в газете пишут: *...от нее веет духом холодной войны (У нас украли победу! — Аргументы и факты. 2014. № 8: 5)*. Речевой штамп *веет духом* фиксирует концептуальный признак 'отвращение', 'презрение'. Упоминание о прецедентной ситуации холодной войны вызывает определенные ассоциации, формирующие представление об американцах как «чужой», «враждебной» нации, что подтверждается другими использованными средствами: *заокеанские арбитры* — словосочетание подчеркивает территориальное разделение двух стран, а клише *правит бал*, оценка применительно к Национальной хоккейной лиге, ассоциируется с прецедентным текстом, с куплетами Мефистофеля из оперы «Фауст».

В статьях спортивной тематики по большей части используются клише не авторского происхождения, чаще всего просторечные, но в большинстве своем не нарушающие принцип толерантности. Их специфика заключается в том, что значение 'свой' или 'чужой' в таких клише является одним из основных и «поверхностных» — такие клише функционируют как штампы, для понимания

значения которых достаточно присутствия в их форме слов *свой* и *чужой*.

Таким образом, результат исследования подтверждает выдвинутую ранее гипотезу: штампы и клише сознания, используемые в федеральных и региональных СМИ при оценке «своего» и «чужого», являются показателями речевого толерантности или интолерантности. Однако стоит заметить, что случаев употребления штампов и клише сознания как средств реализации толерантного речевого поведения больше, чем использования при оценке «своего» и «чужого», а сама эта оценка выражена максимально «толерантным способом».

Период 2014—2015 гг. ознаменовался политическим кризисом, связанным с событиями на Украине и, впоследствии, с охлаждением в отношениях с США и европейскими странами. Поэтому большая часть статей федеральных газет этого времени посвящена именно политической теме. К ним добавляются текущие события, такие как Олимпиада-2014 в феврале, День Победы в мае и Чемпионат мира по футболу в июне, но политика остается основной темой статей, причем мнения авторов, выражаемые в статьях, отличаются интолерантностью по отношению к зарубежным странам с колебаниями от завуалированного ее выражения до прямых угроз.

Этим объясняется выбор средств, передающих отношение авторов: это штампы и клише сознания, основанные на фразеологизмах, анекдотах и просторечиях, а также на прецедентных именах и высказываниях, понятных российскому читателю. Однако, помимо разговорных источников, в качестве основы также были использованы мифы, лозунги, строки песен, цитаты и названия книг, прецедентные имена, исторические события XXI в., крылатые выражения, названия кинофильмов, художественных полотен и др.

Приведем примеры.

Использование прецедентного имени «Шествие слепых» [статья «Хор слепых». АиФ. 2014. № 15: 5. Автор — В. Костиков] в сочетании с самим образом картины П. Брейгеля. В этом случае мнение автора передается не только через название статьи «Хор слепых», но и через отсылки к картине в тексте статьи и коллаж, созданный «по мотивам» картины. Таким образом, мы можем говорить о таком явлении, как «прецедентный образ», совмещающий в себе прецедентное имя и прецедентное изображение, вызывающие определенные ассоциации. В данном случае образ 'картина «Шествие слепых», примененный в отношении к странам Евро-

пы, Америке и Украине в связи с политической ситуацией, представляет Украину как уже упавшего слепца, а европейские страны — как слепцов, идущих вслед за упавшим в пропасть по тропе, которой является рука статуи Свободы. Через этот коллаж автор вполне ясно передает свое мнение о поступках политических лидеров и нынешней ситуации и дает понять, что вскоре вся Европа, идущая на поводу у Америки, закончит свой путь в «луже», в которую уже «упала» Украина.

Другим примером является газетный заголовок «Летучий малаец» [Летучий малаец // Аргументы и факты. 2014. № 18: 18. Автор — Г. Зотов], ассоциирующийся с именем Летучего голландца, корабля-призрака. Свойства корабля — его 'призрачность', 'неизвестное местонахождение' и 'связь с миром мертвых' — переносятся на пропавший малайзийский «Боинг-777», который в названии статьи обозначается катойконимом *малаец*.

Для обновления внутренней формы прецедентного высказывания с целью усиления воздействия используются разные приемы трансформации: перестановки, замены, добавления, опущение, объединение, членение и др. [Бархударов 2016; Швейцер 1988].

Основной грамматической трансформацией, применяемой для создания прецедентных феноменов, является замена слов источника на слова, связанные с темой статьи. Реже используются вставки слов и фонетические трансформации, как в заголовке статьи о февральских событиях «Лютый Киев» (укр. лютий — «февраль» [Даль 1995: 533]).

В качестве заключения скажем следующее. В процессе проведенного исследования, часть итогов которого описана в данной статье, были определены методы выявления и выявлены лингвистические маркеры толерантности/нетолерантности речевого поведения. В результате анализа выявлены также социолингвистические и лингвокультурологические основания квалификации степени толерантности речевого поведения и разработаны критерии квалификации языковой/речевой толерантности. Дальнейшее наше внимание было направлено на анализ языковых и речевых средств, использованных в качестве инструмента воздействия, самовыражения, оценки, Данные этого ана-

лиза приведены в статье. Приведенные данные и полученные результаты служат методической и эмпирической базой для проведения речеведческих экспертиз, связанных с проблемами этноконфессиональной безопасности, ксенофобии, экстремизма, с вопросами речевого оскорбления и т. д.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бархударов Л. С. Язык и перевод. URL: http://samlib.ru/w/wagarow_a_s/barhud-trdoc.shtml (дата обращения: 16.02.16).
2. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. М.: ТЕРРА — TERRA, 1995. 683 с.
3. Дзюба Е. В., Цыганкова А. В. Политический, экономический, межэтнический и межконфессиональный дискурс: практика критического анализа манипулятивных тактик в глобальных СМИ // Политическая лингвистика. 2016. № 4 (58). С. 255—259.
4. Дружков К. А., Фокина М. А. Анализ толерантности блогов политиков с использованием компьютерного инструментария и количественных методов // Новое слово: актуальные проблемы языкознания, литературоведения и методики преподавания филологических дисциплин. — Киров: Радуга-ПРЕСС, 2015. С. 59—62.
5. Замотина Е. И., Дубровская Т. В. Межнациональные отношения в юридическом дискурсе: репрезентации и топосы (на примере конституций России и США) // Политическая лингвистика. 2016. № 5 (59). С. 136—141.
6. Колмогорова А. В., Калинин А. А., Талдыкина Ю. А. Языковые маркеры манипуляции в поляризованном политическом дискурсе: опыт параметризации // Политическая лингвистика. 2016. № 4 (58). С. 194—199.
7. Лаврова А. А. Междисциплинарные и собственно лингвистические модели описания толерантности // Когнитивные исследования языка. — М.: Институт языкознания РАН; Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2015. Вып. 23: Лингвистические технологии в гуманитарных исследованиях: сборник науч. тр. С. 387—396.
8. Мележик К. А. Языковая политика и языковая реальность интернационализации университетского сообщества // Политическая лингвистика. 2016. № 1 (55). С. 151—158.
9. Новая философская энциклопедия: в 4 т./ под ред. В. С. Стёпина. — М.: Мысль, 2001.
10. Романова Т. В. Клише и штампы как речевые маркеры толерантности/интолерантности // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 1. С. 140—146.
11. Романова Т. В. Функция и приемы актуализации внутренней формы языкового знака в текстах СМИ // Русский язык в поликультурном мире: сб. науч. ст. Ч. 1. — Симферополь: Антика, 2015. — С. 456—462.
12. Словарь по политологии / РГУ; под ред. В. Н. Коновалова. — М.: РГУ, 2010. 292 с.
13. Толерантность. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/socio/4240/толерантность> (дата обращения: 16.10.2016).
14. Фокина М. А. Функции прецедентных феноменов в блогах политиков в контексте толерантности политического дискурса // Когнитивные исследования языка. — М.: Институт языкознания РАН; Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2015. Вып. 23: Лингвистические технологии в гуманитарных исследованиях: сб. науч. тр. — С. 671—679.
15. Швейцер А. Д. Теория перевода (статус, проблемы, аспекты) / отв. ред. член-кор. АН СССР В. Н. Ярцева. — М.: Наука, 1988. 208 с.

T. V. Romanova
Nyzhny Novgorod, Russia

METHODS TO IDENTIFY CLASSIFIERS OF TOLERANCE/INTOLERANCE OF VERBAL BEHAVIOR IN TO SOLVE LINGVOEXPERT TASKS

ABSTRACT. The goal of the research is to identify the methods used to reveal linguistic markers of tolerance/intolerance of verbal behavior. To reach this goal, the author analyzed language and speech means used as tools of manipulation, self-expression and evaluation. The analysis was carried out on the basis of mass media political discourse. Such methods as statistical analysis of data (quantitative analy-

sis of the material); content analysis (interpretation of the results of quantitative analysis); intent-analysis; rhetorical and linguistic analysis were applied. The analysis revealed socio-linguistic and linguo-cultural bases of the degree of tolerance of verbal behavior qualification; the criteria for qualifying language/speech tolerance were formulated. The data and the results may serve the basis for the expertise of speech. The markers of intolerance in the text are substandard vocabulary aimed at discrediting a person and forming suspicious attitude to them or even unfriendliness, disgust and hatred, among such vocabulary means are colloquialisms, vulgar words, jargonisms, invectives, unnecessary borrowings and evaluative words. On the syntactic level the means of intolerant behavior are emotionally-colored constructions, among which: repetition, excess elements, detachment, inversion, transposition, expanding constructions, ellipsis and isolated elements. Special role is given to stock phrases and clichés that appeal to stereotypes and phenomena marked in the mind of people as “friends” or “aliens” (new clichés that appeal to precedent names and precedent phrases connected with the recent political events; phraseological units and colloquial clichés and stock phrases, which have no author, but all the members of the community know them well; clichés that appeal to precedent names and precedent texts; stock phrases, one of the meanings of which refers to “friends” or “aliens”).

KEYWORDS: tolerance; intolerance; linguistic markers; verbal behavior; language means; verbal influence.

ABOUT THE AUTHOR: Romanova Tatiana Vladimirovna, Doctor of Philology, Professor of Department of Applied Linguistics and Foreign Languages, National Research University Higher School of Economics, Nizhny Novgorod, Russia.

REFERENCES

1. Barkhudarov L. S. Yazyk i perevod. URL: http://samlib.ru/w/wagapow_a_s/barhud-trdoc.shtml (data obrashcheniya: 16.02.16).
2. Dal' V. Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka. T. 4. M. : TERRA — TERRA, 1995. 683 s.
3. Dzyuba E. V., Tsygankova A. V. Politicheskii, ekonomicheskii, mezhetnicheskii i mezkhkossional'nyy diskursy: praktika kriticheskogo analiza manipulativnykh taktik v global'nykh SMI // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 4 (58). S. 255—259.
4. Druzhkov K. A., Fokina M. A. Analiz tolerantnosti blogov politikov s ispol'zovaniem komp'yuternogo instrumentariya i kvantitativnykh metodov // Novoe slovo: aktual'nye problemy yazykoznavaniya, literaturovedeniya i metodiki prepodavaniya filologicheskikh distsiplin. — Kirov : Raduga-PRESS, 2015. S. 59—62.
5. Zamotina E. I., Dubrovskaya T. V. Mezhnatsional'nye otnosheniya v yuridicheskoy diskurse: reprezentatsii i toposy (na primere konstitutsiy Rossii i SShA) // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 5 (59). S. 136—141.
6. Kolmogorova A. V., Kalinin A. A., Taldykina Yu. A. Yazykovyye markery manipulatsii v polyarizovannom politicheskom diskurse: opyt parametrizatsii // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 4 (58). S. 194—199.
7. Lavrova A. A. Mezhdistsiplinarnye i sobstvenno lingvisticheskie modeli opisaniya tolerantnosti // Kognitivnye issledovaniya yazyka. — M. : Institut yazykoznavaniya RAN ; Tambov: Izd. dom TGU im. G. R. Derzhavina, 2015. Vyp. 23 : Lingvisticheskie tekhnologii v gumanitarnykh issledovaniyakh : sb. nauch. tr. S. 387—396.
8. Melezhhik K. A. Yazykovaya politika i yazykovaya real'nost' internatsionalizatsii universitetskogo soobshchestva // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 1 (55). S. 151—158.
9. Novaya filosofskaya entsiklopediya : v 4 t. / pod red. V. S. Stepana. — M. : Mysl', 2001.
10. Romanova T. V. Klishe i shtampyy kak rechevyye markery tolerantnosti/intolerantnosti // Voprosy kognitivnoy lingvistiki. 2016. № 1. S. 140—146.
11. Romanova T. V. Funktsiya i priemy aktualizatsii vnutrenney formy yazykovogo znaka v tekstakh SMI // Russkiy yazyk v polikul'turnom mire : sb. nauch. st. Ch. 1. — Simferopol' : Antikva, 2015. — S. 456—462.
12. Slovar' po politologii / RGU ; pod red. V. N. Kononova. — M. : RGU, 2010. 292 s.
13. Tolerantnost'. URL: [http://dic.academic.ru/dic.nsf/socio/4240/tolerantnost'](http://dic.academic.ru/dic.nsf/socio/4240/tolerantnost) (data obrashcheniya: 16.10.16).
14. Fokina M. A. Funktsii pretsedentnykh fenomenov v blogakh politikov v kontekste tolerantnosti politicheskogo diskursa // Kognitivnye issledovaniya yazyka. — M. : Institut yazykoznavaniya RAN ; Tambov : Izd. dom TGU im. G. R. Derzhavina, 2015. Vyp. 23 : Lingvisticheskie tekhnologii v gumanitarnykh issledovaniyakh : sb. nauch. tr. — S. 671—679.
15. Shveytser A. D. Teoriya perevoda (status, problemy, aspekty) / otv. red. chlen-kor. AN SSSR V. N. Yartseva. — M. : Nauka, 1988. 208 s.

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. М. Б. Ворошилова.

РАЗДЕЛ 5. ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

УДК 81'42:81'27:81'38

ББК Ш105.51+Ш100.621+Ш105.55

ГСНТИ 16.21.27; 16.21.29

Код ВАК 10.02.19

Р. Арустамян

Ереван, Армения

ПРОЯВЛЕНИЕ ГЕНДЕРНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Перевод с английского М. А. Макуриной, И. С. Пирожковой

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена описанию гендерных особенностей политического дискурса. Изучение различий мужских и женских выступлений позволяет определить степень эффективности реализации гендерных подходов к изучению политической коммуникации. Можно наблюдать очевидные различия между мужской и женской речью. Они обусловлены биологическими различиями, социальными ролями и стереотипами, которые закреплены в обществе. Иногда политики-женщины имитируют мужское речевое поведение для того, чтобы отстаивать свои позиции и права на участие в политической жизни своей страны. Анализ выступлений политиков позволяет установить, проявляются ли какие-либо различия в вербальной коммуникации в зависимости от пола. Такой гендерно ориентированный подход к изучению политической коммуникации позволяет предположить наличие двух связанных с гендером стратегий: 1) использование особенностей речевого поведения женщины и мужчин, которые необходимы для создания определенного имиджа; наблюдается быстрая коррекция речевого поведения; 2) прямой призыв к мужской или женской аудитории, обеспечиваемый использованием коммуникативных тактик и различных видов гендерных стереотипов и метафор. Учет гендерных характеристик аудитории позволяет усилить воздействие на нее речи политика. В статье продемонстрировано употребление некоторых гендерно обусловленных черт речи (например, такой фемининной, как использование лексико-грамматических эвфемизмов, которые смягчают высказывание).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: гендер; политический дискурс; политические коммуникации; коммуникативное поведение; гендерные особенности; политические речи; речевая деятельность.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Арустамян Рузанна, Ереванский государственный университет; 0025, Республика Армения, г. Ереван, Алека Манукяна, 1.

СВЕДЕНИЯ О ПЕРЕВОДЧИКАХ: Макурина Мадина Асхатовна, учитель английского языка, муниципальное автономное общеобразовательное учреждение «Гимназия № 47», 620067, г. Екатеринбург, Россия; Россия, Екатеринбург, ул. Советская, 24а; e-mail: gimnazium47@mail.ru.

Пирожкова Ирина Сергеевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного, Уральский государственный педагогический университет; 620017, пр-т Космонавтов, 26; e-mail: irene22@live.ru.

Введение

Индивидуальные качества людей проявляются не только в поведении, образе жизни, но и в речи. Люди используют язык по разным причинам. Он может являться способом выражения чувств или средством убеждения людей, а также частью нашего самовыражения. В настоящее время гендерные исследования стали востребованными в разных областях науки, например, в психологии, социологии, философии, политологии и лингвистике.

В большинстве человеческих сообществ политическая власть была исключительно мужской сферой деятельности, но как только женщины добились права голоса, они сразу заговорили о своем праве занять «достойное место» в сфере политики. Споры о гендере и политической власти продолжают во всем мире [Галиано 2003: 321]. В последние пятьдесят лет в промышленно развитых капиталистических странах установилось гендерное равенство в политике — все больше женщин баллотируется и избирается в национальные парламенты. Вирджиния Сапиро утверждает, что большинство исследований мужских и женских особен-

стей речи демонстрируют значительно меньшую влияние женщин, чем мужчин [Сапиро 1983: 115]. Тем не менее в данном исследовании мы предполагаем, что в настоящее время роль женщин в политике становится все более важной и заслуживает пристального внимания.

Гендерный аспект является особенно интересной областью исследования в лингвистике — основной акцент при подобном подходе делается на языковых различиях между мужчинами и женщинами. В современной лингвистике одной из приоритетных задач в исследовании политического дискурса является изучение коммуникативного поведения как неотъемлемого компонента, который характеризует деятельность политического лидера в профессиональной сфере. По мнению И. Стернина, «коммуникативное поведение» — это совокупность норм и традиций общения народа, социальной, возрастной, профессиональной и других групп [Стернин 2003: 106]. Гендерные особенности коммуникативного поведения общественных деятелей всегда привлекают внимание ученых. Гендерно обусловленное коммуникативное поведение является одним из видов

Перевод выполнен за счет гранта Российского научного фонда (проект №16-18-02102).

© Арустамян Р., 2014

© Макурина М. А., Пирожкова И. С., перевод на русский язык, 2016
244

социально обусловленного коммуникативно-го поведения, который требует системного описания в политическом дискурсе.

Особенности выступлений политиков-мужчин и политиков-женщин

Если говорить в целом о проблеме различий между мужской и женской речью, то стоит отметить, что в соответствии с теоретиками — последователями Робин Лакофф (1975), женские высказывания игнорируются и прерываются, потому что женщин учат «говорить как леди», то есть использовать оговорки («*Это не может быть верно, но...*»), маркеры вежливости («*Боже мой*», «*Господи (Не может быть)*» и т. д.), а не резкие высказывания, и, наконец, подтверждающие вопросы («*Книга была хороша, не так ли?*»), которые выражают скорее неуверенность, а не напористость. Когда женщины не используют эту тактику, их могут обвинить в том, что они не женственны. Однако если они «*говорят как леди*», они рискуют быть воспринятыми не серьезно [Борисофф 1998: 10].

Так как политика рассматривается в основном как сфера деятельности мужчин, женщины не часто играют важную роль в процессах принятия решений. Анализ выступлений политических лидеров даст нам возможность изучить, проявляются ли какие-либо различия в вербальной коммуникации в зависимости от пола. Таким образом, выступления политиков могут оказать целенаправленное воздействие на мужскую или на женскую аудиторию, если использовать особенности гендерно ориентированного подхода.

Анализ выступлений политических лидеров позволяет предположить, что есть два основных подхода к употреблению гендерных характеристик речи.

1. Использование особенностей речевого поведения женщин и мужчин, которые необходимы для создания определенного имиджа. Гендерно обусловленный подход к выступлению реализуется с помощью быстрых изменений и коррекции речевого поведения.

2. Прямой призыв к мужской или женской аудитории — обеспечивается использованием коммуникативных тактик и различных видов гендерных стереотипов и метафор.

Первый гендерно обусловленный подход реализуется в выступлениях Х. Клинтон: она произнесла очень выразительную речь, посвященную атаке американского консульства в Бенгази. Ее выступление очень эмоционально, что свойственно женской речи, она выражает соболезнования четырем американским семьям, пострадавшим при

атаке. Политик сопереживает и пытается поддержать их. Например:

I stood next to President Obama as the Marines carried those flag- draped caskets off the plane at Andrews. I put my arms around the mothers and fathers, sisters and brothers, sons and daughters [Hillary Clinton's best Benghazi hearing lines]. / Я стояла рядом с президентом Обамой, в то время как морские пехотинцы выносили гробы, покрытые американскими флагами, из самолета на авиабазе Эндрюс. Я обняла матерей и отцов, сестер и братьев, сыновей и дочерей.

В целом женщины более чувствительны к проблемам и несчастьям близких им людей. Говоря «*обняла*», Хиллари Клинтон выражает солидарность со своими согражданами и показывает, что она полностью поддерживает жертв той атаки, перечисляя всех членов их семей: «*матерей, отцов, сестер, братьев, сыновей, дочерей*». Кажется, что Клинтон пытается выразить боль и проявить сочувствие всей нации. Будучи политиком-женщиной, она не скрывает свои чувства, не сдерживает слезы и разделяет горе тех четырех американских семей, которое явилось трагедией для всей нации. Здесь гендерно обусловленные характеристики речи проявляются в попытке создания образа женщины-лидера, которая служит своей стране и чувствует боль из-за каждого трагического происшествия, так как она выступает в роли матери всей нации. Госсекретарь поддерживает сограждан и берет ответственность за произошедшее на себя, что типично для политика-женщины:

As I have said many times since September 11, I take responsibility [Clinton spars with Republicans during Benghazi hearing]. / Как я уже много раз говорила после 11 сентября, я беру всю ответственность за произошедшее на себя.

Она мужественно берет всю ответственность на себя, т. е. она не только ответственный политик, но и гражданин, преданный своей стране. Частое использование местоимения *я* подтверждает, что политик отделяет себя от других и показывает себя независимым и опытным политиком. Местоимение *я*, будучи гендерным маркером, позволяет политику определить и укрепить свою позицию на политической арене, а также самоутвердиться в данной роли. Этот подход типичен для политиков-женщин, так как им приходится постоянно бороться за утверждение своего статуса, за свое право быть равноправным участником политической жизни страны.

Вот пример из выступления Хиллари Клинтон, где она призывает Джорджа Буша

скоординировать все действия с конгрессом по вопросам иранского ядерного оружия. Она подчеркивает, что главная цель США — продлить санкции в отношении Ирана, и выражает свою точку зрения следующим образом:

As I have long said and will continue to say, U.S. policy must be clear and unequivocal. We cannot, we should not, we must not permit Iran to build or acquire nuclear weapons. And in dealing with this threat, as I've also said for a long time, no option can be taken off the table [Military Clinton on War and Peace]. / Как я говорила раньше и продолжаю говорить, политика США должна быть прозрачной и четкой. Мы не можем, не имеем права и ни в коем случае не должны позволить Ирану создать или приобрести ядерное оружие. В отношении <предотвращения> этой угрозы, как я и говорила раньше, все средства хороши.

Использование модальных глаголов придает высказыванию властный тон, повторение глаголов создает атмосферу волнения. Более того, синтаксическая структура простого предложения делает высказывания легкими для восприятия.

Рассматривая лингвистические особенности речи Х. Клинтон, нужно отметить, что ее цель — сохранить свое положение влиятельной женщины. Она умело сочетает особенности языка мужчин и женщин.

Многие политические тексты усиливают маскулинные модели коммуникации с помощью метафор агрессии. Говорящим советуют «вооружиться» против «аргументов» своих оппонентов; «отстоять» свою точку зрения, «проведя атаку» против «слабых» сторон высказываний своего «оппонента» при помощи «четкого плана сражения». Представления об общих стереотипах такого рода весьма субъективны. Есть случаи, когда женщины имитируют маскулинные модели коммуникации, используя агрессивные и унижительные высказывания. Например, дебаты в Южной Каролине представляют Х. Клинтон в роли агрессивного оратора:

I personally think that they had ideas but they were bad ideas, they were ideas like privatizing social security, like moving back from a balanced budget to a surplus of deficit and debt [Obama and Clinton Heated Exchange in South Carolina Debate]. / Лично я считаю, что у них были идеи, но они оказались плохими: например, передача сферы социального обеспечения в частную собственность или переход от сбалансированного бюджета к бюджету с дефицитом и долгом.

Здесь идеи администрации сенатора Обамы представляются плохими. Главная стратегия — это критика кандидата от оппо-

зиции и в то же время восхваление своего кандидата. Дебаты показывают, что распространенный стереотип о мужской агрессивности и женской терпимости не всегда отражает действительность.

Вопрос прерывания высказываний своего собеседника заслуживает особого внимания. По утверждению Деборы Брисофф, большинство исследований доказывают, что в разговоре представителей разных полов, например супругов, коллег и взрослых незнакомых людей, мужчины гораздо чаще перебивают женщин и прерывают их реплики [Borisoff 1998: 40] Однако пример дебатов между Бараком Обамой и Хиллари Клинтон показывает, что данное утверждение не всегда верно. Обама выглядит более терпеливым и внимательным к высказываниям Клинтон. Несмотря на то, что Клинтон пытается очернить Обаму и обвинить его во лжи, он ни разу не перебивает ее.

...it is sometimes difficult to understand what Senator Obama has said, because as soon as he is confronted on it, he says that's not what he meant. The facts are that he has said in a last week, that he really lied [Obama and Clinton Heated Exchange in South Carolina Debate]. / ...иногда сложно понять, что сказал сенатор Обама, потому что как только начинаешь задавать ему уточняющие вопросы, он говорит, что имел в виду нечто иное. Факты говорят о том, что, выступая на прошлой неделе, он действительно лгал.

Что касается Клинтон, она ведет себя по-другому, не совсем уместно по отношению к своему оппоненту — часто перебивает Обаму, пытаясь защитить свою точку зрения.

Анализ ряда выступлений Хиллари Клинтон позволяет установить, что ее речь обладает как маскулинными, так и феминными чертами. Одна из таких феминных черт — это использование лексико-грамматических эвфемизмов, которые смягчают высказывание. Робин Лакофф утверждает, что «лексико-грамматические эвфемизмы» указывают на нерешительность и недоверие [Lakoff 2004: 83]. Можно отметить частое использование таких единиц, как *well* (что ж), *you know* (ведь, знаете), *I mean* (хочу сказать) и *I think* (думаю) в выступлениях Хиллари Клинтон.

You know, I'm here tonight as a proud mother, as a proud Democrat [14. Hillary Rodham Clinton's Speech at the Democratic National Convention]. / Ведь сегодня я здесь, и я горжусь тем, что я мать, что я демократ.

And you know — In all of the states, you voted because you wanted a leader who will

stand up for the deepest values of our party... [Hillary Clinton's remarks at a rally on Tuesday in New York City] / **Как вы все знаете**, во всех штатах вы голосовали за сильного лидера, который будет защищать ценности нашей партии...

You know, for the past seven years, so many people in this country have felt invisible, like your president didn't even really see you [Op. cit.]. / **Знаете**, последние семь лет многие люди ощущали себя невидимками, казалось, что ваш президент не замечает вас.

You know, tonight, we stand just a few miles from the Statue of Liberty and from the site where the Twin Towers fell and where America rose again [Op. cit.]. / **Знаете**, сегодня мы стоим в нескольких шагах от статуи Свободы и от того места, где когда-то возвышались Башни-близнецы — места, где Америка вновь возродилась из руин.

Well, I want what I have always fought for in this whole campaign. I want to end the war in Iraq [Op. cit.]. / **Итак**, я хочу того, за что я боролась на протяжении всей кампании. Я хочу остановить войну в Ираке.

I mean, I know very well the extensive authority any president has [Senator Clinton calls for cap on U.S. troops in Iraq]. / **Могу сказать**, что я прекрасно знаю, что президент имеет огромные полномочия.

Well, I am glad you raised that... and I think that... [Chatham House Prize 2013...] / **Что ж**, я рада, что вы затронули эту тему... и думаю, что...

Что касается интонации Клинтон, то это интонация утверждения, а тот факт, что она часто использует вводное «что ж» в начале высказывания, дает ей время тщательно обдумать свой ответ. Иногда она использует конструкции «что ж» и «я думаю» в одном предложении, что помогает выражать уверенность и убеждать слушающего в своей правоте.

Следующий пример показывает позицию Обамы и его речевое поведение во время избирательной кампании:

We are counting on you to help fix a health care system that's leaving too many Americans sick or bankrupt or both. We are counting on you to bring this planet back from the brink by solving this crisis of global climate change. We are counting on you to help stop a genocide in Darfur that's taking the lives of innocents as we speak here today [Sen. Barack Obama's Commencement Remarks]. / **Мы** рассчитываем на вашу помощь в изменении системы здравоохранения, которая сегодня доводит многих американцев до банкротства или не оказывает им должной медицинской помощи, или и то и другое одновременно. **Мы** рассчитываем на вашу помощь в заботе о

нашей планете, которая находится на грани краха из-за глобального изменения климата. **Мы** рассчитываем на вашу помощь, чтобы остановить геноцид в Дарфуре, ведь пока мы здесь с вами разговариваем, там погибают невинные люди.

С одной стороны, использование местоимения «мы» позволяет противопоставить Обаму молодежной аудитории выпускников, которые сами должны быть в состоянии принимать решения. С другой стороны, политик использует тактику скрытой критики, что выражается косвенными формами негативной оценки сложившейся в стране и мире ситуации. В вышеприведенном примере прослеживается манипулирование массовым сознанием с помощью ссылки на негативную ситуацию. В то же время Обама указывает на скрытые возможности улучшения сложившегося положения. Кажется, что он говорит: «**Выберите меня, и мы все исправим**». В данном примере гендерный маркер создает образ уверенного в себе политика-мужчины, который выступает в роли лидера. В отличие от женщин, политики-мужчины не пытаются отстаивать свои права участвовать в политической жизни, напротив, они подчеркивают, что находятся в привилегированной позиции, другими словами, они отстаивают свои взгляды, не пытаясь никому доказать, что они имеют право участвовать в политической жизни страны.

Экс-госсекретарь США Кондолиза Райс так же прибегает к способу смены гендерного стиля. В своем речевом поведении она сочетает фемининные и маскулинные черты. Во время поездки в Азию Кондолиза Райс произнесла речь, наполненную мужскими гендерными маркерами. В начале выступления она говорит о цели своей поездки:

The purpose of my trip is to rally the support of our friends and allies in Northeast Asia for our comprehensive strategy. / **Цель моей поездки** — заручиться поддержкой наших друзей и союзников в Северо-Восточной Азии, чтобы совместными усилиями строить нашу дальнейшую стратегию.

Затем политик по пунктам расписывает программу визита и его цель:

First, we must strengthen our strategic relationships in the region.

Second, as North Korea scorns the international community, we...

Third, we and our partners must expand defensive measures to counter...

Fourth, we must ensure the continued vitality of the global regime...

Finally, we must remind North Korea that a positive path remains open to it through the six-party talks [Briefing on Upcoming Trip to Asia].

Во-первых, нам необходимо укрепить наше стратегическое партнерство в этом регионе.

Во-вторых, так как Северная Корея презирает международное сообщество, мы...

В-третьих, мы и наши партнеры должны расширить оборонительные мероприятия, чтобы противостоять...

В-четвертых, мы должны обеспечить непоколебимость мирового порядка...

Наконец, мы должны напомнить Северной Корее, что она может изменить свой курс посредством шестисторонних переговоров.

Речь политика очень логична и точна. Она использует простые предложения с четкой структурой. Как и Х. Клинтон, К. Райс часто использует местоимение «мы».

Этот пример показывает, что речь К. Райс не содержит какого-либо эмоционального подтекста и типичные для женской речи элементы. Напротив, выступление женщины-политика характеризуется логичной структурой и последовательностью.

Применение гендерно ориентированных подходов к построению речи при обращении к мужской и женской аудитории реализуется в языке политиков и с помощью других средств. Вот яркий пример из выступления Тони Блэра на заседании Третьего комитета Генеральной Ассамблеи ООН, посвященном женским учреждениям. Он намеренно построил свою речь таким образом, чтобы быть благоприятно воспринятым слушателями, он обращается к вопросам, касающимся женщин, таким как семья, дети, рак молочной железы, дискриминация женщин и др:

...we all share the anxieties of today's world: the fear that our child will be bullied or worse offered drugs in the playground. The worry that children are exposed to too much sex and too much violence too young. The struggle of balancing work and family. ...On our own the majority of us are powerless. Together we can shape our destiny. To become the masters of this change, not its victims, we need an active community [Women's Institutes' Triennial General Meeting]. / ...нас всех волнуют про-

R. Arustamyan
Yerevan, Armenia

THE MANIFESTATION OF GENDER PECULIARITIES IN POLITICAL DISCOURSE

ABSTRACT. *The article is devoted to the description of gender peculiarities in political discourse. The differences of male and female speeches aim to determine the degree of effectiveness of the impact of gendered approaches in political communication on male and female audiences. We may observe obvious differences between male and female speeches. It is conditioned by biological differences and social roles and stereotypes fixed in the society. Sometimes female politicians tend to imitate male speech behavior in order to defend their position and the right to participate in political life of their country. The analysis of the politicians' speeches allows to reveal if there are some peculiarities of speech depending on gender. Such gendered approach to the study of political communication makes it possible to single out two gendered strategies: 1) the use of the peculiarities of speech behavior of men and women, which are necessary to create certain image; rapid changes of speech behavior are typical of this strategy; 2) direct appeal to male and female audience by means of communicative tactics and different gender stereotypes and metaphors. If the politician takes into account gender features of the audience, their speech will have more manipulative potential. The article shows the use of some gendered features of speech (such as lexico-grammatical euphemisms in female speech).*

KEYWORDS: *gender; political discourse; political communication; communicative behavior; gender peculiarities; political speech; verbal activity.*

блемы современного мира: страх, что наших детей будут унижать, или, что еще хуже, им могут предложить наркотики на игровой площадке. Тревожит и то, что наши дети слишком часто видят сексуальные сцены или сцены насилия. Попытка совместить работу и заботу о семье порой превращается в настоящее испытание... Большинство из нас в одиночку бес- сильно. Только вместе мы можем изменить наше будущее. Нам нужно активное общество, чтобы стать инициаторами этих изменений, а не жертвами обстоятельств.

Политик ставит себя на место женщин, обсуждает с ними их проблемы и добавляет своей речи эмоциональности, используя слова в переносном значении.

Экс-госсекретарь США Мадлен Олбрайт строила свои выступления с использованием гендерных стереотипов семьи:

I will always love and honor my parents and will always respect their decision, for that most painful of choices gave me life a second time [Secretary of State Madeleine K. Albright...]. / Я буду всегда любить и чтить своих родителей и всегда буду уважать их решения, так как, пожалуй, наиболее сложное их решение подарило мне жизнь во второй раз.

Преданность и уважение к родителям ценится разными поколениями, и демонстрация этих качеств создает имидж любящей дочери.

Заключение

Таким образом, исследование показывает, что удачное использование гендерного подхода к выступлению придает образность языку политического деятеля, заинтересовывает слушателя, поддерживая тем самым воздействие речи на аудиторию. В некоторых случаях границы между маскулинностью и фемининностью стираются или проявляются неявно. Иногда женщины-политики пытаются выйти за рамки — это обусловлено тем, что они, чтобы сохранить и защитить свои позиции, как правило, имитируют мужскую манеру речи.

ABOUT THE AUTHOR: *Arustamyan Rusanna, Yerevan State University*

ABOUT THE TRANSLATORS: *Makurina Madina Askhatovna, Teacher of English, Gymnasium 47, Ekaterinburg, Russia.*

Pirozhkova Irina Sergeevna, Candidate of Philology, Senior Lecturer of Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

REFERENCES

1. Arustamyan R. The manifestation of gender peculiarities in political discourse // *Armenian Folia Anglistika*. 2014. № 1 (12). P. 88—95. URL: http://www.y-su.am/files/Ruzanna_Arustamyan.pdf. (Международный журнал по английскому языку и английской литературе) (дата обращения: 10.05.2015).
2. Borisoff D., Merrill L. *The Power to Communicate. Gender Differences as Barriers*. — Illinois : Waveland Pr., 1998.
3. Briefing on Upcoming Trip to Asia. URL: <http://2001-2009.state.gov/secretary/rm/2006/74047.htm> (month of access: June 2014).
4. Grace Galliano. *Gender Crossing Boundaries*. — Kennesaw State Univ., 2003.
5. Lakoff R. T., Bucholtz M. *Language and Woman's Place*. — New York : Oxford Univ. Pr., 2004.
6. Sapiro V. *The Political Integration of Women: Roles, Socialization, and Politics*. — Urbana ; Chicago : Univ. of Illinois Pr., 1983.
7. Stermin I. A. *Oчерk angliyskogo kommunikativnogo povedeniya*. — Voronezh : Istoki, 2003.
8. Chatham House Prize 2013: In Conversation with Hillary Rodham Clinton. URL: <http://www.chathamhouse.org/sites/default/files/public/Chatham%20House/111013Clinton.pdf> (month of access: January 2014).
9. Clinton spars with Republicans during Benghazi hearing. URL: <http://www.news.com/videos/clinton-spars-with-republicans-during-benghazi-hearing> (month of access: December 2013).
10. Hillary Clinton's best Benghazi hearing lines. URL: <http://www.politico.com/gallery/2013/01/hillary-clintons-best-benghazi-hearing-lines/000744-010630.html> (month of access: December 2013).
11. Hillary Clinton on War and Peace. URL: http://www.ontheissues.org/2016/Hillary_Clinton_War+_Peace.htm#Iraq_War (month of access: December 2013).
12. Hillary Clinton's remarks at a rally on Tuesday in New York City. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/democrats/2073000/Hillary-Clintons-speech-Full-text.html> (month of access: December 2013).
13. Hillary Rodham Clinton's Speech at the Democratic National Convention. URL: http://elections.nytimes.com/2008/president/conventions/videos/20080826_CLINTON_SPEECH.html (month of access: December 2013).
14. Obama and Clinton Heated Exchange in South Carolina Debate. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=lgQnTA2jE98> (month of access: January 2014).
15. Secretary of State Madeleine K. Albright Remarks at Jewish Museum Prague. URL: http://1997-2001.state.gov/www/state_ments/970713b.html (month of access: January 2014).
16. Sen. Barack Obama's Commencement Remarks. URL: <http://www.snhu.edu/6885.asp> (month of access: January 2014).
17. Senator Clinton calls for cap on U.S. troops in Iraq. URL: http://www.pbs.org/newshour/bb/politics/jan-june07/clinton_01-18.html (month of access: January 2014).
18. Women's Institutes' Triennial General Meeting. URL: <http://webarchive.nationalarchives.gov.uk/20060715135117/number10.gov.uk/page1526> (month of access: January 2013).

Цзи Сяосяо
Москва, Россия

ОСОБЕННОСТИ АССОЦИАТИВНОГО ПОЛЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА БАРАКА ОБАМЫ

АННОТАЦИЯ. В данной статье рассматриваются концептуальные метафоры в экономическом дискурсе Барака Обамы за 2009 г. Главными аргументами в пользу выбора данного периода является то, что а) 2009 г. стал годом серьезных изменений в экономике после кризиса 2008 г., и экономическая тема была основной на повестке дня и б) 2009 г. был первым годом президентства Обамы, и юрист по образованию Барак Обама должен был вновь и вновь возвращаться к экономической проблематике, показывая свою осведомленность в этой теме и формируя четкую позицию по целому ряду моментов. Анализ концептуальных метафор позволяет сделать вывод о том, что предпочтительными сферами-источниками для порождения метафор американским президентом стали FLUID (жидкости), DISEASE (болезни), MACHINE (механизмы и машины), CLEANING (чистота или наведение чистоты), TRAFFIC (движение транспорта), BUILDING (сооружение разных объектов), PERSONIFICATION (олицетворение неодушевленных объектов) и WAR (военные действия). В результате стало возможным рассмотреть не только ассоциативное поле экономического дискурса Обамы, но и сделать некоторые наблюдения над его подходами к решению экономических вопросов, стоящих перед ним как перед лидером важнейшего в геополитическом плане государства. Проработка материала также позволила уточнить когнитивные и прагматические функции метафоры в политической коммуникации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: концептуальные метафоры; экономический дискурс; политическая риторика; экономические метафоры; политическая метафорология; ассоциативные поля; языковая личность; политические коммуникации.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Цзи Сяосяо, аспирант, кафедра английского языкознания, филологический факультет, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова; 119234, Россия, Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, Ленинские горы 1, стр. 51, ауд.1045/46; e-mail: rabbijixiao@mail.ru.

Economy is an inevitable topic to any American president. They discuss it in various ways in order to work out different policies, but they share one common goal, which is to change a current economic situation and make their country great. Language is not merely a vehicle to describe the world, but a tool to get things done and change the world in some way [Austin 1962]. Political language certainly demonstrates such a function. Politicians use language to motivate people, to persuade people, and to manipulate people's consciousness. In foreign affairs, political language may even drive a wedge between nations [Mukhortov, 2015]. Therefore, the study of politician's language can reveal how they view political issues and how they use language to achieve their goals.

Metaphor in presidential discourse "is not only a rhetorical device which helps a president sound eloquent, but also a conceptual tool which can reveal a president's thinking patterns and underlying mindset in various communication settings" [Ji Xiaoxiao 2016: 239]. Economic metaphors used by heads of states can give us a general picture of how they comprehend economic issues and how they make people perceive those things. Knowing that economy is a most complicated sphere of life, they use metaphor as an effective means of simplifying its processes and nuances. As Edelman [1972: 83] argued, "myth and metaphor permit men to live in a world in which the causes are simple and neat and the remedies are apparent".

Politicians tend to describe and define the actual political situation by using conceptual metaphors, associating positive trends with themselves and negative ones with the opponent. For example, in the 2016 US presidential campaign, Democratic presidential nominee

Hillary Clinton coined a phrase "trumped-up trickle down" to lambast her opponent Donald Trump's economic policy. Hillary Clinton said that Trump's economic plan was "trickle-down economics" which best serves the interests of the rich alone. The term 'trickle-down economics' is used to show that if rich earners gain much, then their benefits will filter through to people of all walks of life, be it the well-off or the needy. It is, in fact, an economic conceptual metaphor MONEY IS A FLUID which describes money or assets as a type of fluid, just like water. Hillary Clinton is playing on Donald Trump's last name and the fact that he is exorbitantly rich, hereby, associating trickle-down economics with such rich people as Trump. This creates a vivid image showing that Trump and people like Trump can benefit from such an economic policy, the middle class and the poor would stand aside. By emphasizing that such sort of trickle-down economics led to the 2008 economic downturn, Hillary Clinton suggests that Trump's economic plan would fail as well. It is obvious that Hillary Clinton uses the conceptual metaphor to create a negative image of her opponent and get more support from his voters.

Different problems make politicians use different language. Economy is no exception. This paper has scrutinized nine speeches by Barack Obama and laid special emphasis on the way he addresses economy. The speeches analyzed are: First Inaugural Address on 20 January 2009, First Presidential Weekly Address on 24 January 2009, Remarks on the Economic Crisis and Executive Compensation on 4 February 2009, First Presidential Prime Time Press Conference on 9 February 2009, State of the Nation Address to a Joint Session of Congress on 24 February 2009, Speech to the Hispanic

Chamber of Conference on Education on 10 marches 2009, Post G20 Economic Summit Remarks and Press Conference on 2 April 2009, A New Foundation on 14 April 2009, Speech on Job Creation and Economic Growth at the Brookings Institution on 8 December 2009. These speeches come from the website: <http://www.americanrhetoric.com/barackobama-speeches.htm>.

It should be noted that conceptual metaphors provide us with “a partial understanding of what communication, argument, and time are and that, in doing this, they hide other aspects of these concepts” [Lakoff & Johnson, 1980: 12]. The highlighting-and-hiding feature of conceptual metaphor reveals certain aspects of a phenomenon but leaves others hidden. Therefore, every conceptual metaphor can only reveal the speaker’s partial understanding of an issue. To see the whole picture of how the speaker understands an issue requires researchers seeking out conceptual metaphors relate to the issue as many times as possible. The study locates eight source domains generating economic conceptual metaphors in Obama’s speeches. They are FLUID, DISEASE, MACHINE, PERSONIFICATION, TRAFFIC, CONSTRUCTION, CLEANING, and WAR. The diversified source domains and related economic conceptual metaphors will show how Obama chooses conceptual metaphors for different economy-related issues and how he understands economy.

The FLUID source domain is commonly used for speaking about money or credits. Since credits are like fluid, they can flow in and out, freeze, evaporate, become bubbles, and even dry up. It is obvious that the main feature of fluid is changeability. Therefore, the conceptual metaphor MONEY IS FLUID which is generated from the source domain FLUID, on the one hand, shows the changeable feature of money movement, on the other hand, suggests its uncontrollability. Although Barack Obama repeatedly said that his economic plan is going to “put money into people’s pockets”, it seems that this promise is nothing but a bubble made by the politician. According to *CNN Money* (2016), under Obama, the annual economic growth has been about 2%, while a typical American family earns almost exactly the same as 20 years ago which indicates that a wage growth has been very low. As usual, it is easier said than done, especially with politicians.

Below are some examples to illustrate how the FLUID source domain acts in generating metaphors:

(1) We also need a strong and viable financial system *to keep credit flowing* to businesses and families alike (4 February 2009).

(2) We still going to have to make sure that we are attracting private capital, *get the credit markets flowing* again because that’s the *lifeblood of the economy* (9 February 2009).

(3) Our immediate job is to stop the downward spiral. And that means putting money into consumer’s pockets. It means *loosening up credit* (9 February 2009).

(4) Our economy suffers even more, and *credit dries up* even further (24 February 2009).

(5) The Challenge is clear. The Global economy is contracting. Trade is shrinking. Unemployment is rising. *The international finance system is nearly frozen* (2 April 2009).

(6) And together, I believe that we must put an end to *the bubble-and-bust economy* that has stood in the way of sustained growth and enabled abusive risk-taking that endangers our prosperity (2 April 2009).

(7) *Five trillion dollars of Americans’ household wealth evaporated* in just 12 weeks as stock, pensions, and home values plummeted (8 December 2009).

(8) For even though we’ve reduced the *deluge of job losses* to a relative *trickle*, we are not yet creating jobs at a pace to help all those families who’ve been *swept up in the flood* (8 December 2009).

(9) Sometimes it’s hard to break out of *the bubble* here in Washington and remind ourselves that behind these statistics are people’s lives, their capacity to do right by their families (8 December 2009).

(10) This is also why we’re moving aggressively *to unfreeze markets* and *jumpstart lending* outside the banking system, where more than half of all lending in America actually takes place (14 April 2009).

The conceptual metaphor MONEY IS FLUID can be seen from the metaphorical linguistic expressions “*to keep credit flowing*”, “*get the credit markets flowing*”, “*loosening up credit*”, “*credit dries up*” etc. Besides the conceptual metaphor MONEY IS FLUID, Barack Obama also uses FLUID source domain to describe the actual loss of jobs in the market. From example (8), it can be seen that FLUID source domain here generates a conceptual metaphor THE JOB LOSS IS THE MOVEMENT OF FLUID. The words “deluge”, “swept” and “flood” here create a fearful picture for an audience. On the one hand, these words make an audience realize how serious the problem of job loss is, on the other hand, they will stir fear and uncomfortable feelings in an audience since they will make people “see” the flood and disaster caused by it. This emotive and persuasive function of the conceptual metaphor is largely related to the scare tactics which is often used by politicians to manipulate mass consciousness.

The next source domain used in Obama's economy-related speeches is DISEASE. Below are some examples to illustrate how the DISEASE source domain acts in generating metaphors:

(1) It (economic recovery and reinvestment plan) is not merely a *prescription* for short-term spending — it's a strategy for long-term economic growth in areas like renewable energy and health care and education (4 February 2009).

(2) This is a *prescription* for economic decline, because we know the countries that out-teach us today will out-compete us tomorrow (24 February 2009).

(3) And I'm excited about the ability not just to help *heal* this economy but also to make progress on a sustainable model of economic growth that relies less on a cycle of bubble and bust-something that I've spoken about back home (2 April 2009).

(4) As a consequence of the world recession, as a consequence of *the contagion from the financial markets* debilitating the economies elsewhere, Caterpillar is now in very bad shape. So if we want to get Caterpillar back on its feet, if we want to get all those export companies back on their feet, so that they are hiring, putting people back to work, putting money in people's pockets, we've got to make sure that the global economy as a whole is successful (2 April 2009).

(5) Perhaps what helped was my willingness to acknowledge that — and it's hard to deny — that some of this *contagion* did start on Wall Street (2 April 2009).

(6) So this is not a *panacea*, but it is a critical step, and I think it lays the foundation so that, should the actions that we've taken individually and collectively so far not succeed in boosting global demand and growth, should you continue to see a *freezing of credit* or a *hemorrhaging of jobs* around the world, I think we've created a good foundation for this leadership to come back together again and take additional steps until we get it right (2 April 2009).

Obama in examples (1), (2), and (3) describes his economic plan as a doctor's prescription to heal the economy. The conceptual metaphors THE ECONOMIC PLAN IS A PRESCRIPTION TO THE ECONOMY, THE ECONOMY IS A PATIENT, and THE GOVERNMENT IS A DOCTOR reveal a fundamental idea of the Democratic Party in America, government's intervention in and regulation of the economy. Treating economy as a patient means some treatment has to be given by the doctor, i.e. Obama and his administration. Obama in his speech "The foundation" on 14 April 2009 has explicitly expressed that "gov-

ernments should practice the same principle as doctors".

From examples (4) and (5), it can be seen that financial problems or failures are treated as a contagion, which indicates a spread of disease and is frequently used in financial field to show infectious financial failures. The conceptual metaphor THE FINANCIAL FAILURE IS A CONTAGION shows people's aversion to the financial failure caused by some financial organizations in Wall Street. Actually, this aversion is shared by most Americans since the eruption of the subprime mortgage crisis in 2008.

The phrase "a *hemorrhaging of jobs*" in example (6) shows the coexistence of two conceptual metaphors THE JOB LOSS IS THE MOVEMENT OF FLUID and THE JOB LOSS IS A DISEASE. The conceptual metaphor THE JOB LOSS IS THE MOVEMENT OF FLUID has already been discussed before in this paper. The conceptual metaphor THE JOB LOSS IS A DISEASE reveals the seriousness of the problem and the urgency to solve it in order to save the life of economy. Besides, the conceptual metaphor THE JOB LOSS IS A DISEASE correlates to the conceptual metaphors THE ECONOMY IS A PATIENT, THE ECONOMIC PLAN IS A PRESCRIPTION TO THE ECONOMY, and THE GOVERNMENT IS A DOCTOR. The job loss is described as a serious bleeding inside the body of the economy. Therefore, a prescription and a treatment from a doctor are needed in order to heal the economy.

The source domain MACHINE is a common one in Obama's economy-related speeches. Machine has all kinds of parts which have to be kept in order and in balance. Since machine is man-made, it can be operated, checked, regulated and fixed by people. The fact that he applies MACHINE source domain to economic issues, on the one hand, reveals his confidence in fixing the economy and a fundamental principle of the Democratic Party, which holds that the economy should be regulated, and on the other hand, it reveals a thinking pattern of the Americans as a whole.

The machine metaphor originates from the mechanical worldview in Classical Economics during the late 18th century, which is influenced by Newtonian Physics. The introduction of Newtonian Physics in America has influenced the lives of the first Americans, who often equated "Newtonian metaphoricity with the machine metaphor" [Akrivoulis 2008: 17]. As Akrivoulis states, "This Newtonism imaginary depicted 'man' as a physical object in a society obeying the same laws of attraction and repulsion as the celestial system or functioning like the highly ordered parts of a machine" [Akrivoulis 2008:

17]. The fundamental understanding of social organizations in terms of machine has prevailed in economy language of America. This can be demonstrated by the repeated phrases used in political language, such as “the engine of prosperity”, “the market as a mechanism”, etc. Let us give a few examples of how the MACHINE source domain can generate metaphors:

(1) That is why I have proposed an American Recovery and Reinvestment Plan to immediately *jumpstart job creation as well as long-term economic growth* (24 January 2009).

(2) Now is the time to *jumpstart job creation, restart lending*, and invest in areas like energy, health care, and education that will grow our economy, even as we make hard choices to bring our deficit down (24 February 2009).

(3) But while the cost of action will be great, I can assure you that the cost of inaction will be far greater, for it could result in *an economy that sputters along* for not months or years, but perhaps a decade (24 February 2009).

(4) And if we do — if we come together and lift this nation from the depths of this crisis; If we put our people back to work and *restart the engine of our prosperity...* (24 February 2009).

(5) First, we are creating a new lending fund that represents the largest effort ever to help provide auto loans, college loans, and small business loans to the consumers and entrepreneurs who *keep this economy running* (24 February 2009).

(6) This is a responsibility that’s fallen to our generation. Meeting it will require *steering our nation’s economy* through a crisis unlike anything that we have seen in our time (10 March 2009).

(7) Even before this particular crisis, much of our growth for a decade or more had been *fueled by* unsustainable consumer debt and reckless financial speculation, while we ignored the fundamental challenges that hold the key to our economic prosperity (8 December 2009).

(8) I want *America’s prosperity to be powered* by what we invent and pioneer-not just what we borrow and what we consume (8 December 2009).

(9) And I think what we’ve learned here, but if any body had been studying history they would have understood earlier, is that *the market is the most effective mechanism* for creating wealth and distributing resources to produce goods and services that history has ever known, but that *it goes off the rail* sometimes; that if it’s completely *unregulated*, that if there are no thoughtful frameworks to channel the creative energy of the market, that it can end up in a very bad place (2 April 2009).

From examples (1), (2), (3), (4), (5), (6), (7), (8), the metaphorical expressions such as

“*jumpstart job creation*”, “*an economy that sputters along*”, “*steering our nation’s economy*”, “*fueled by*” explicitly show the potential of the conceptual metaphor THE ECONOMY IS A MACHINE. It can also be noted from example (9) that the MACHINE source domain is related to the TRAFFIC source domain. If the financial market was treated as a machine or a car, it may sometimes “go off the rails”. Therefore some rules of road should be formed and applied. Then the economy can be revived through financial organizations obeying basic orders and rules. Below are some examples to illustrate how the TRAFFIC source domain acts in generating metaphors.

(1) It is time to put in place tough, new *commonsense rules of the road* so that our financial market rewards drive and innovation, and punishes shortcuts and abuse (24 February 2009).

(2) So the recovery plan we passed is the first step in *getting our economy back on track* (24 February 2009).

(3) And a crisis like this reminds us that we just have to put in some *common-sense rules of the road*, without throwing out the enormous benefits that globalization have brought in terms of improving living standards, reducing the cost of goods, and bringing the world closer together (2 April 2009).

(4) It is time to lay down tough new *rules of the road* for Wall Street to ensure that we never find ourselves here again (14 April 2009).

(5) Because our economic future depends on a financial system that encourages sound investments, honest dealings, and long-term growth, we’ve proposed the most ambitious financial reforms since the Great Depression. We’ll set and enforce clear *rules of the road*, close loopholes in oversight, charge a new agency with protecting consumers and address the dangerous, systematic risks that brought us to the brink of disaster (8 December 2009).

There is no denying that the repeatedly used “*rules of the road*” is a product of the conceptual metaphor THE ECONOMIC REGULATIONS ARE TRAFFIC RULES. Economy is treated as a machine or a car. It may break, and then it has to be fixed. It may “go off the rails”, and then some new regulations are needed as to restore order for the well-functioning traffic. Treating economic regulations as traffic rules justifies and warrants Obama’s administration’s intervention in the economy because it is a duty of the transportation department to make new rules of the road in order to make heavy traffic return to normal. For the audience, it sounds reasonable for the government to make regulations since the traffic problem needs to be solved. In fact, before 23 May 2016 there had been 20642 regulations

since Obama became President in 2009, and even more regulations are being considered in 2016, in which 144 are expected to cost government \$ 100 million a year [James Gattuso and Diane Katz 2016]. It seems that Obama's rules of the road are not "some" but "excessive and costly", and "the unparalleled increase in regulatory burdens spells a decline in economic freedom and individual liberty" [James Gattuso and Diane Katz 2016]. It is obvious that how to balance between insufficient regulation of economy and excessive one is a tricky matter for all heads of states.

The CLEANING source domain is used by Obama to talk about the necessity to clean the mess made by certain financial organizations. Examples of this are:

(1) Because even if we manage this plan flawlessly, there will be no real recovery unless we *clean up the credit crisis* that has severely weakened our financial system (24 February 2009).

(2) And when we learn that a major bank has serious problems, we will hold accountable those responsible, force the necessary adjustments, provide the support *to clean up their balance sheets*, and assure the continuity of a strong, viable institution that can serve our people and our economy (24 February 2009).

(3) The United States is also partnering with the private sector *to clean out the troubled assets*, the legacy assets that are crippling some banks, and using the full force of the government to ensure that our action leads directly to loans to businesses large and small, as well as individuals who depend on credit (2 April 2009).

It can be seen that "*to clean up their balance sheets*", "*to clean out the troubled assets*", and "*clean up the credit crisis*" are mainly related to the financial situation of a banking or a private sector. The CLEANING source domain generates two conceptual metaphors THE BAD FINANCIAL SITUATION IS A MESS and TO IMPROVE THE FINANCIAL SITUATION IS TO CLEAN UP THE MESS. A bad financial situation in banking or a private sector is treated as a messy room which needs to be cleaned up thoroughly.

Personification is a common figure of speech used by politicians who relate human features to some nonhuman entities. As Lakoff and Johnson [1980: 34] put it: "personification is a general category that covers a very wide range of metaphors, each picking out different aspects of a person or ways of looking at a person". The conceptual metaphors based on the PERSONIFICATION source domain help us understand political issues in terms of our own experiences as a human being. Therefore, when Obama applies the conceptual metaphor

THE ECONOMY IS A PERSON, the audience feel obliged to take care of it. To revive the economy is to make it safe and sound. Examples of the conceptual metaphor are:

(1) But at this particular moment, with the private sector so weakened by this recession, the federal government is the only entity left with the resources to *jolt our economy back into life* (9 February 2009).

(2) We are going to have to make sure that we are attracting private capital, get the credit markets flowing again, because that's the *lifeblood of economy* (9 February 2009).

(3) The concern is that if we do not restart lending in this country, *our recovery will be choked off* before it even begins (24 February 2009).

It can be seen that the conceptual metaphor THE ECONOMY IS A PERSON is correlated to the other conceptual metaphors, viz. THE ECONOMY IS A PATIENT, THE JOB LOSS IS A DISEASE, THE ECONOMIC PLAN IS A PRESCRIPTION TO THE ECONOMY, and THE GOVERNMENT IS A DOCTOR. The metaphoric linguistic expression "*to jolt our economy back into life*" suggests that economy like patient is in a coma or at death's door. The economy is characterized as a sick and weakened patient, therefore some treatments are urgently needed to take care of it and bring the dying back to life. From these conceptual metaphors, it can be noted that Obama believes that the government should act like a doctor, who is in charge of a patient's health. Obama's stimulus legislation The Recovery Act clearly shows an active doctor role of Obama's administration.

The BUILDING source domain is frequently used to associate with economic recovery. Examples of this are:

(1) The state of our economy calls for action, bold and swift, and we will act—not only to create new jobs, but to *lay a new foundation for growth* (20, January 2009).

(2) Now is the time to act boldly and wisely to not only revive this economy, but *to build a new foundation for lasting prosperity* (24 February 2009).

(3) But it also means taking steps that not only advance our recovery, but *lay the foundation for lasting, shared prosperity* (10, March 2009).

(4) And although it will take time, I am confident that we will *rebuild global prosperity* if we act with a common sense of purpose, persistence, and the optimism that the moment demands (2 April 2009).

(5) It was founded upon a rock. We cannot *rebuild this economy on the same pile of sand*. We must build our house upon a rock. We must *lay a new foundation for growth and prosperity*—a foundation that will move us from an era

of borrow and spend to one where we save and invest; where we consume less at home and send more exports abroad (14 April 2009).

(6) *It's a foundation built upon five pillars that will grow our economy* and make this new century another American century : Number one, new rules for Wall Street that will reward drive and innovation, not reckless risk-taking; number two, new investments in education that will make our workforce more skilled and competitive; number three, new investments in renewable energy and technology that will create new jobs and new industries; number four, new investments in health care that will cut costs for family and business; and number five, new savings in our federal budget that will bring down the debt for future generations (14 April 2009).

(7) And because our economic future depends on our leadership in the industries of the future, we are investing in basic applied research, and working to create the incentives to *build a new clean energy economy* (8 December 2009).

From examples (1), (2), and (3), it can be seen that Obama repeatedly uses “*lay the foundation for*” suggesting that his economic plan could fundamentally solve the current problem and pave the way for future development. In fact, after mentioning it in his inaugural address, Obama repeats the phrases many times and then he explicitly describes his economic plans as a new foundation built upon five pillars in his “New Foundation” speech at Georgetown on 14 April 2009, which can be seen from examples (5) and (6). In this speech, he mentions a parable to illustrate the importance of building a strong foundation:

Now, there's a parable at the end of the Sermon on the Mount that tells the story of two men. The first built his house on a pile of sand, and it was soon destroyed when a storm hit. But the second is known as the wise man, for when “the rain descended, and the floods came, and the winds blew, and beat upon that house, it fell not; for it was founded upon a rock (14 April 2009).

With the same religious background, the audience will be easily influenced by the parable. The difference between the economy before and after his presidency is as clear as the difference between a house upon a pile of sand and a house upon a rock. The house upon a rock is the future for Americans made by his administration. It is obvious that Obama applies the conceptual metaphor THE ECONOMY IS A BUILDING in his speech to visualize economy in terms of a sturdy building upon a rock with five strong pillars. The five strong pillars are actually five parts of his agenda or five steps to revive the economy, which can be seen from example (6).

The last source domain to be discussed is the WAR source domain. Below are some examples to illustrate how it acts in generating economic metaphors:

(1) But all of this also means that you can continue to expect an unrelenting, unyielding, day-by-day effort from this administration to *fight for economic recovery on all fronts* (14 April 2009).

(2) Having concluded that it was too late for me to request a recount —I *tasked* my team with *mapping out a plan to tackle the crisis on all fronts* (8 December 2009).

(3) Now, even as we worked to address the crises in our banking sector, in our housing market, and in our auto industry, we also began *attacking our economic crisis on a broader front* (8 December 2009).

The conceptual metaphor TO DEAL WITH ECONOMIC CRISIS IS TO FIGHT A BATTLE is to treat an economic crisis as an enemy who has to be defeated. Where there is a war, there is an adversarial relationship between the enemy and us. In Obama's economic talk, economic crisis is the enemy, and his administration is us. The war against economic crisis is a duty and just. In fact, WAR metaphor reflects a permanent human nature. It is almost inevitable for human being to use WAR metaphor in all kinds of communications, from trivial routines to magnificent political events. WAR metaphor used by Obama in his economy-related speeches has been viewed positively because everyone knows how bad an economic crisis is. The conceptual metaphor is also an exhibition of Obama's bravery and determination to fight with the financial crisis.

In conclusion, it must be noted that a diversity of source domains for creating conceptual metaphors in Obama's economy-related language shows his understanding of economy not only as a whole, but also in its various respects. The economic conceptual metaphors in his economic discourse not only function as a cognitive tool to understand the economy, a persuasive vehicle to influence the audience, but also as a pragmatic tool to put into effect his economic plan and to justify interventions of his government in other economies.

There are eight source domains discussed in the paper: FLUID, DISEASE, MACHINE, PERSONIFICATION, TRAFFIC, CONSTRUCTION, CLEANING, and WAR. The conceptual metaphors THE ECONOMY IS A PERSON, THE ECONOMY IS A PATIENT, THE ECONOMY IS A MACHINE, and THE ECONOMY IS A BUILDING show Obama's basic understanding of economy as a whole. The conceptual metaphors THE ECONOMIC PLAN IS A PRESCRIPTION TO THE ECONOMY, THE GOVERNMENT IS A DOCTOR and THE ECONOMY

IC REGULATIONS ARE TRAFFIC RULES justify the regulations of economy made by the government. The conceptual metaphors THE JOB LOSS IS THE MOVEMENT OF FLUID and THE JOB LOSS IS A DISEASE shows the emotive and persuasive function of metaphor used by Obama to influence his audience. The conceptual metaphors TO IMPROVE THE FINANCIAL SITUATION IS TO CLEAN UP THE MESS and TO DEAL WITH ECONOMIC CRISIS IS TO FIGHT A BATTLE reveal his determination and bravery to fight with financial failures and economic crisis in order to revive the economy.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мухортов Д. С. Метафора во внешнеполитическом дискурсе как проявление общности идеологических установок англосаксонских политиков (на материале выступлений Б. Обамы, Д. Кэмерона, Т. Эбботта и С. Харпера в 2014—2015 гг.) // Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления : материалы Междунар. науч. конф. (27 нояб. 2015 г.) / Урал. гос. пед. ун-т ; гл. ред. А. П. Чудинов. — Екатеринбург, 2015. С. 175—182.

Ji Xiaoxiao

Moscow, Russia

ASSESSING IMPLICATIONS OF METAPHOR USE IN BARACK OBAMA'S ECONOMIC DISCOURSE

ABSTRACT. *The paper seeks to analyze conceptual metaphors in Barack Obama's economy-related speeches in 2009. The choice of the period for analysis is determined by the following facts: this is the very first year of Obama's presidency and the first year after the 2008 economic crunch, which required of the president, who has a Law degree, sophisticated knowledge in economics and consistency in his economic policy. It is argued that the conceptual metaphors stem from the source domains of FLUID, DISEASE, MACHINE, CLEANING, TRAFFIC, BUILDING, PERSONIFICATION, and WAR, and reflect Barack Obama's notions of economy from the perspective of his figurative language. This helps us get better insights into the US president's rhetoric and reveals cognitive and pragmatic functions of metaphor in political communication.*

KEYWORDS: *conceptual metaphor; economic discourse; political rhetoric; economic metaphor; political metaphorology; associative fields; language personality; political communication.*

ABOUT THE AUTHOR: *Ji Xiaoxiao, Post-graduate Student, Department of English Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.*

REFERENCES

1. Mukhortov D. S. Metafora vo vshnepoliticheskom diskurse kak proyavlenie obshchnosti ideologicheskikh ustanovok anglosaksonskikh politikov (na materiale vystupleniy B. Obamy, D. Kemerona, T. Ebbotta i S. Kharpera v 2014—2015 gg.) // Politicheskaya lingvistika: problematika, metodologiya, aspekty issledovaniya i perspektivy razvitiya nauchnogo napravleniya : materialy Mezhdunar. nauch. konf. (27 noyab. 2015 g.) / Ural. gos. ped. un-t ; gl. red. A. P. Chudinov. — Ekaterinburg, 2015. P. 175—182.

2. Tszj Syaosyao. Ob issledovanii metafory v amerikanskom prezidentskom diskurse // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 4 (58). P. 239—243.

3. Akrivoulis E. D. The ways of stargazing: Newtonian metaphoricality in American foreign policy // Political Language and

Metaphor: Interpreting and Changing the World / Terrell Carver, Jernej Pikalo (eds.). — London : Routledge, 2008. P. 15—27.

4. Austin J. L. How to Do Things with Words. — Oxford : Clarendon Pr., 1962.

5. Key truths about the Obama economy // CNN Money. 2016. 28 July. URL: <http://money.cnn.com/2016/07/28/news/economy/obama-clinton-economy>.

6. Edelman M. Politics as Symbolic Uses of Politics. — Urbana : Univ. of Illinois Pr., 1971.

7. Gattuso J., Katz D. 20,642 New Regulations Added in the Obama Presidency // The Daily Signal. 2016. 23 May. URL: <http://dailysignal.com/2016/05/23/20642-new-regulations-added-in-the-obama-presidency>.

8. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. — Chicago : Univ. of Chicago Pr., 1980.

Metaphor: Interpreting and Changing the World / Terrell Carver, Jernej Pikalo (eds.). — London : Routledge, 2008. P. 15—27.

4. Austin J. L. How to Do Things with Words. — Oxford : Clarendon Pr., 1962.

5. Key truths about the Obama economy // CNN Money. 2016. 28 July. URL: <http://money.cnn.com/2016/07/28/news/economy/obama-clinton-economy>.

6. Edelman M. Politics as Symbolic Uses of Politics. — Urbana : Univ. of Illinois Pr., 1971.

7. Gattuso J., Katz D. 20,642 New Regulations Added in the Obama Presidency // The Daily Signal. 2016. 23 May. URL: <http://dailysignal.com/2016/05/23/20642-new-regulations-added-in-the-obama-presidency>.

8. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. — Chicago : Univ. of Chicago Pr., 1980.

Metaphor: Interpreting and Changing the World / Terrell Carver, Jernej Pikalo (eds.). — London : Routledge, 2008. P. 15—27.

4. Austin J. L. How to Do Things with Words. — Oxford : Clarendon Pr., 1962.

5. Key truths about the Obama economy // CNN Money. 2016. 28 July. URL: <http://money.cnn.com/2016/07/28/news/economy/obama-clinton-economy>.

6. Edelman M. Politics as Symbolic Uses of Politics. — Urbana : Univ. of Illinois Pr., 1971.

7. Gattuso J., Katz D. 20,642 New Regulations Added in the Obama Presidency // The Daily Signal. 2016. 23 May. URL: <http://dailysignal.com/2016/05/23/20642-new-regulations-added-in-the-obama-presidency>.

8. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. — Chicago : Univ. of Chicago Pr., 1980.

Metaphor: Interpreting and Changing the World / Terrell Carver, Jernej Pikalo (eds.). — London : Routledge, 2008. P. 15—27.

4. Austin J. L. How to Do Things with Words. — Oxford : Clarendon Pr., 1962.

5. Key truths about the Obama economy // CNN Money. 2016. 28 July. URL: <http://money.cnn.com/2016/07/28/news/economy/obama-clinton-economy>.

6. Edelman M. Politics as Symbolic Uses of Politics. — Urbana : Univ. of Illinois Pr., 1971.

7. Gattuso J., Katz D. 20,642 New Regulations Added in the Obama Presidency // The Daily Signal. 2016. 23 May. URL: <http://dailysignal.com/2016/05/23/20642-new-regulations-added-in-the-obama-presidency>.

8. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. — Chicago : Univ. of Chicago Pr., 1980.

Metaphor: Interpreting and Changing the World / Terrell Carver, Jernej Pikalo (eds.). — London : Routledge, 2008. P. 15—27.

4. Austin J. L. How to Do Things with Words. — Oxford : Clarendon Pr., 1962.

5. Key truths about the Obama economy // CNN Money. 2016. 28 July. URL: <http://money.cnn.com/2016/07/28/news/economy/obama-clinton-economy>.

6. Edelman M. Politics as Symbolic Uses of Politics. — Urbana : Univ. of Illinois Pr., 1971.

7. Gattuso J., Katz D. 20,642 New Regulations Added in the Obama Presidency // The Daily Signal. 2016. 23 May. URL: <http://dailysignal.com/2016/05/23/20642-new-regulations-added-in-the-obama-presidency>.

8. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. — Chicago : Univ. of Chicago Pr., 1980.

Metaphor: Interpreting and Changing the World / Terrell Carver, Jernej Pikalo (eds.). — London : Routledge, 2008. P. 15—27.

4. Austin J. L. How to Do Things with Words. — Oxford : Clarendon Pr., 1962.

5. Key truths about the Obama economy // CNN Money. 2016. 28 July. URL: <http://money.cnn.com/2016/07/28/news/economy/obama-clinton-economy>.

6. Edelman M. Politics as Symbolic Uses of Politics. — Urbana : Univ. of Illinois Pr., 1971.

7. Gattuso J., Katz D. 20,642 New Regulations Added in the Obama Presidency // The Daily Signal. 2016. 23 May. URL: <http://dailysignal.com/2016/05/23/20642-new-regulations-added-in-the-obama-presidency>.

8. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. — Chicago : Univ. of Chicago Pr., 1980.

Metaphor: Interpreting and Changing the World / Terrell Carver, Jernej Pikalo (eds.). — London : Routledge, 2008. P. 15—27.

4. Austin J. L. How to Do Things with Words. — Oxford : Clarendon Pr., 1962.

5. Key truths about the Obama economy // CNN Money. 2016. 28 July. URL: <http://money.cnn.com/2016/07/28/news/economy/obama-clinton-economy>.

6. Edelman M. Politics as Symbolic Uses of Politics. — Urbana : Univ. of Illinois Pr., 1971.

7. Gattuso J., Katz D. 20,642 New Regulations Added in the Obama Presidency // The Daily Signal. 2016. 23 May. URL: <http://dailysignal.com/2016/05/23/20642-new-regulations-added-in-the-obama-presidency>.

8. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. — Chicago : Univ. of Chicago Pr., 1980.

Metaphor: Interpreting and Changing the World / Terrell Carver, Jernej Pikalo (eds.). — London : Routledge, 2008. P. 15—27.

4. Austin J. L. How to Do Things with Words. — Oxford : Clarendon Pr., 1962.

5. Key truths about the Obama economy // CNN Money. 2016. 28 July. URL: <http://money.cnn.com/2016/07/28/news/economy/obama-clinton-economy>.

6. Edelman M. Politics as Symbolic Uses of Politics. — Urbana : Univ. of Illinois Pr., 1971.

7. Gattuso J., Katz D. 20,642 New Regulations Added in the Obama Presidency // The Daily Signal. 2016. 23 May. URL: <http://dailysignal.com/2016/05/23/20642-new-regulations-added-in-the-obama-presidency>.

8. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. — Chicago : Univ. of Chicago Pr., 1980.

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. Д. С. Мухортов.

М. Эдельман
США

Перевод с английского И. С. Пирожковой, С. М. Полякова

КАТЕГОРИЗАЦИЯ, ВОСПРИЯТИЕ И ПОЛИТИКА (3)

АННОТАЦИЯ. Продолжение перевода разделов из книги «Политический язык: успех слова и провал политики» («*Political Language: Words that succeed and policies that fail*», 1977). В данных частях работы рассматривается взаимосвязь между политизацией различных проблем и легитимизацией власти.

Привлечение членов низкостатусных групп к непосредственному участию в государственной политике снижает их желание выразить протест и одновременно минимизирует вероятность того, что более широкая общественность будет воспринимать их как несправедливо обделенный класс. В этом случае, участие в реализации государственной политики порождает общественное спокойствие, в то время как исключение этих людей из официального политического процесса приводит к социальному протесту. Политическое участие символизирует влияние не обладающих властью людей и одновременно является ключевым инструментом осуществления социального контроля. Реальное политическое влияние осуществляется с помощью ресурсов, которые формируют убеждения и поведение других людей. Обычные ресурсы включают в себя заинтересованную экспертизу, ограничение информации, поощрение или наказание, физическое принуждение и явную или скрытую взятку. При осуществлении самоуправления в связи с тем, что члены малых групп, которые не любят или не принимают дискуссии и «самоуправление», уклоняются от участия или остаются пассивными, люди, выступающие в роли покровителей, доминируют на собраниях и оказывают влияние на колеблющихся членов группы. Наряду с политизацией используется такая форма снижения общественного напряжения, как апolitичность: определение проблемы как профессиональной или технической оправдывает участие в ее решении профессионалов и техников и обосновывает принятие широкими массами профессионального заключения. Такое решение снимает необходимость традиционных политических митингов и снижает вероятность массовых протестов или беспорядков.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс; языковая категоризация; образ врага; политическая метафорология; стереотипы мышления; политические метафоры.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Мюррей Эдельман (1919—2001), магистр исторических наук (1942), доктор политических наук. Работал в Иллинойском университете (с 1948 г.), в Висконсинском университете в Мадисоне (с 1966 г.), с 1990 г. официально не работал.

СВЕДЕНИЯ О ПЕРЕВОДЧИКАХ: Пирожкова Ирина Сергеевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного, Уральский государственный педагогический университет; 620017, пр-т Космонавтов, 26; e-mail: irene22@live.ru.

Поляков Сергей Михайлович, кандидат филологических наук, доцент, декан факультета иностранных языков, Шадринский государственный педагогический университет; доцент, Уральский государственный педагогический университет; 641800, г. Шадринск, ул. К. Либкнехта, 3; e-mail: sepol@list.ru.

Язык участия и язык сопротивления

По языку и жестам членов низкостатусных групп можно определить, являются ли они коллективными участниками проводимой официальной политики либо ее противниками. Такое деление имеет кардинальное значение, так как оно обуславливает последствия как для противников существующего режима, так и для законопослушных граждан. Люди, получающие минимум имеющих в распоряжении общества благ, неизбежно испытывают противоречивые внутренние побуждения: либо играть предписываемую им роль в установленных институтах, либо выразить протест на основании того, что их устройство несправедливо. Привлечение членов низкостатусных групп к непосредственному участию в государственной политике снижает их желание выразить протест и одновременно минимизирует вероятность того, что более широкая общественность будет воспринимать их как несправедливо обделенный класс. В этом

случае участие в реализации государственной политики порождает общественное спокойствие, в то время как исключение этих людей из официального политического процесса приводит к социальному протесту.

Ответить на вопрос о том, являются ли определенные действия формами участия или формами протеста, обычно так же сложно, как и на вопрос о том, наблюдается ли в данном случае конфликт основных интересов; ответ в значительной мере зависит от языковой и жестовой категоризации. Были ли представители бедных классов реальными участниками работы Агентств по борьбе с бедностью, или эти Агентства являлись для них еще одним форумом для выражения протеста правительственной политике? Не вызывает удивления тот факт, что решения, лишающие большое количество людей дорогих им ценностей, зачастую политизируются, порождая предположения о том, что все заинтересованные стороны были включены в их формулировку (Герберт Симон исследует вклад фактов и ценностей в про-

Перевод выполнен за счет гранта Российского научного фонда (проект №16-18-02102).

Продолжение. Предыдущие части перевода: *Политическая лингвистика*. 2016. № 4. С. 244—250; № 5. С. 165—171.

© Эдельман М., 1977

© Пирожкова И. С., Поляков С. М., перевод на русский язык, 2016
257

цесс принятия административных решений [Simon 1957], хотя он не учитывает то, что факт и ценность эмпирически неотделимы друг от друга, и не обращает внимания на терминологическую тавтологию).

Политическое участие символизирует влияние не обладающих властью людей и одновременно является ключевым инструментом осуществления социального контроля. Как следствие, либералы, радикалы и представители власти — все предпочитают принцип участия в связи с его символической значимостью и семантической пустотой.

Общественные и личные проблемы

Для того чтобы придать политический характер проблеме, необходимо сделать вывод, что она требует общественного решения — создать не подвергающееся сомнению убеждение в том, что при ее решении люди не имеют права действовать в одиночку, и заставить людей поверить в это. Политизация — это не что иное, как душевное состояние человека. Ответ на вопрос о том, какие проблемы подходят для личного, а какие — для коллективного принятия решения, всегда зависит от социальной подсказки. В одни времена и в определенных странах плата за выполненную работу и условия труда были прерогативой работодателя, в другие исторические моменты эти вопросы политизировались. Столь же проблематичными являются вопросы религии и морали и, по сути дела, все формы человеческого поведения.

Определение принятой проблемы как политической (т. е. общественной) или личной в большинстве случаев положительно воспринимается людьми, которых она прямо не затрагивает, однако она обычно неоднозначно воспринимается теми, кого непосредственно касается. Профсоюзы продолжают пытаться изменить законы, устанавливающие продолжительность рабочего дня, размер зарплаты и условия труда; однако определение получателей социальных пособий как людей, подлежащих административному надзору, запрет просмотра гражданами пьес и фильмов неприличного содержания и правило о том, что учащиеся должны подвергаться контролю со стороны школьной администрации, воспринимаются общественностью как законные требования до тех пор, пока они не становятся объектом социального протеста. Организованным группам, обладающим финансовыми ресурсами, легче организовать сопротивление, чем людям, подверженным ограничениям из-за своей бедности, возраста или диссидентского поведения. Последние часто вос-

принимают ограничения так, как будто они приносят им пользу, конечно с изрядной долей амбивалентности.

Участие в проведении государственной политики остается центральным символом демократии, независимо от того, расширяет ли какой-то конкретный пример политизации личное участие граждан или ограничивает его. Люди, потерявшие свою автономию, скорее всего, ясно понимают это или испытывают двойственные чувства, так как вышеупомянутый символ означает демократию и для них; но для общественных групп, напрямую не затронутых проблемой, именно демократическая коннотация участия преобладает во всех случаях, когда упор делается на «самоуправлении».

Лишение индивида личной автономии посредством политизации (здесь и далее автор употребляет данный термин в значении «участие в политическом процессе или администрировании») практически всех сторон жизни является ключевым инструментом, с помощью которого авторитарные власти контролируют население, независимо от преобладающей идеологии. Правительственное преследование диссидентов имеет наиболее ярко выраженный и драматический характер; однако преследование вызывает беспорядки лишь в том случае, если обеспечивающие его психологи не заручатся общественной поддержкой; кроме того, политизация выступает как психологически эффективная тактика, поскольку она воспринимается как демократическая мера. Участие в собраниях часто носило обязательный характер в Китае, России и нацистской Германии, а также в психиатрических клиниках, тюрьмах и вузах, в которых практиковалось самоуправление; это объясняется тем, что таким путем гораздо легче достичь общественного признания правил, которые вызвали бы протест, если бы вводились директивно.

Когда стороны имеют равные возможности в переговорном процессе, участие создает возможности для реального влияния на распределение благ. Когда же они явно неравны, как и бывает в большинстве случаев, участие превращается скорее в символическое действие для поддержания общественного спокойствия, чем в реальную возможность предоставления благ власть не имеющим. Таким образом, групповая выработка политики дает ожидаемые результаты, отражая существующее неравенство участников политического процесса, особенно в доступе к ресурсам влияния на других людей с целью формирования политического мира. По-другому говоря, политизация, по

всей видимости, создает впечатление, что существующая система распределения ресурсов справедлива. Она чаще выступает как самоцель и гораздо реже является методом для принятия решения.

Политизация как результат кооптации

Даже формальное участие через представителей помогает утвердить главные ценности организации или государственной формы правления. Немецкие законы о рабочем самоуправлении, предоставляющие формальное представительство рабочим в управлении предприятием, приближают представителей рабочего класса к финансовым и управленческим проблемам администрации, но не являются настолько радикальными мерами, какими они представлялись многим в момент их принятия после Второй мировой войны [Spiro 1958]. Принцип «максимально возможного участия» малообеспеченных людей в американских агентствах по борьбе с бедностью имел похожий результат — он сделал мало для увеличения политического влияния бедных [Kramer 1969: 244—250]. Правительственные министерства и комиссии по «урегулированию проблем» с поразительным постоянством защищают интересы социальных групп, владеющих значительными материальными ресурсами [см.: Edelman 1964: ch. 2, 3].

Представители тоталитарных режимов знают, что присутствие публики на политических дискуссиях является эффективным средством для принуждения потенциальных диссидентов подчиниться правящей идеологии, так как групповое обсуждение предполагает воздействие равных членов группы друг на друга, а мы всегда скорее верим членам своего круга, и нам труднее им в чем-то отказать, чем представителям власти, которые продолжают предоставлять доминантные ценности и доступные «факты». По тем же причинам политическое участие, основанное на принуждении и называемое самоуправлением, участием в управлении лечебного учреждения или групповой терапией, очень выгодно для руководителей тюрем, психиатрических лечебниц, школ и, в меньшей степени, для организаторов политических дискуссий, в которых принуждение выступает в форме общественного давления.

Этот скрытый эффект политизации, конечно же, не является ее единственным результатом. В местах, где недовольство получает широкое распространение, политические дискуссии предоставляют властям информацию о предельно допустимом уровне лишений, превышение которого может при-

вести к общественным беспорядкам, и таким образом ограничивают лишения. Участники политических дискуссий могут предложить тактические решения, многие из которых приемлемы для властей.

Органы, вырабатывающие политику, также принимают решения, которые сталкивают влиятельные группы друг с другом [Dye, Ziegler 1970]. Несмотря на то, что такие дискуссии могут оказаться очень важными для соперничающих элит, они не оказывают заметного влияния на наличие власти или ресурсов у большинства людей.

Помимо этих исключительных случаев, формальные процедуры и дискуссии являются примерами политического ритуала, а не процесса выработки политического курса в том смысле, что они оказывают влияние на формирование политических убеждений и представлений, одновременно претендуя, обычно ложно, на прямое влияние на события и поведение. Танец вызова дождя является ритуалом по тем же причинам. Формальные правительственные процедуры, независимо от ситуации, *представляют собой* формальность, важную для обеспечения молчаливого согласия с политическими решениями.

Реальное влияние против формального

Реальной властью обладают те люди, которые могут осуществлять влияние *за рамками* формальных процедур. Политическое влияние осуществляется с помощью ресурсов, которые формируют убеждения и поведение других людей. Обычные ресурсы включают в себя заинтересованную экспертизу, ограничение информации, поощрение или наказание, физическое принуждение и явную или скрытую взятку. В качестве примеров можно назвать лоббирование бизнеса, влияние экономистов и статистиков на налоговое законодательство, взаимные услуги среди законодателей, корпоративное фиксирование цен, дележ доходов между промышленниками и ответственными правительственными чиновниками, а также почтение, с которым власти, профессионалы и большинство населения относятся к богатству и высокому социальному статусу.

Такие ресурсы оказывают влияние на все важные решения правительства и других институтов власти, хотя они должны узакониваться через формальные процедуры. Известный политик, адвокат, профессионал или аналитик становится успешным, если он или она умело использует неформальные способы влияния, хотя даже эти эксперты часто признают, что политика должна осуществляться с помощью формальных про-

цедур, особенно когда это касается, например, решения о начале учебного года в средней школе, а не лоббирования или судебного соглашения. На фоне групповых дискуссий принимаются законы, заслушиваются и решаются дела в суде, формально рассматриваются и публикуются административные инструкции; однако исход дела решается закулисной интерпретацией и неформальными процедурами, которые выдвигают на передний план определенные ценности и способствуют распространению необходимой информации. Эти процессы могут быть неотъемлемой частью ритуалов, но сами по себе ритуалами не являются, так как они напрямую связаны с действиями, обеспечивающими определенные ресурсы. За формальными рекомендациями и решениями администратора, политика или профессионала стоят их групповые связи и связи с другими заинтересованными группами. За избирательными предпочтениями и речами рядовых членов органов по выработке политических решений стоят их надежды на общественное или цензурное одобрение и боязнь санкций. Как публичные, так и скрытые аспекты процессов выработки политики выполняют свои функции — функции первых, в основном, символичны, вторые же обычно связаны с реальной возможностью влиять на распределение ценностей. Международная телефонная и телеграфная корпорация (ИТТ) оказывает значительное влияние на правительственную политику, формально не участвуя в ее выработке, в то время как член обычной «группы терапии» принимает постоянное участие в работе своей группы, но не оказывает заметного влияния на формирование основ ее деятельности. Тот, кто обладает ресурсами, обладает и властью, независимо от формального участия в политических процессах; те же, у кого этих ресурсов нет, могут лишь участвовать в формулировке политических решений, отражающих их слабость.

Вполне очевидно, что утверждение о символическом характере широко пропагандируемых и неприкосновенных правительственных процедур основано, как и все случаи подведения под рубрику, на оценочном суждении. На самом деле формальные процедуры символичны в том смысле, что они не вызывают радикальных или фундаментальных изменений в существующем материальном или политическом неравенстве. Они могут порождать лишь политические решения, дающие символический эффект, и способны приводить к незначительным изменениям в области доходов и налогов, которые и так уже конституированы складыва-

ющимися экономическими условиями. Социализация и символические процессы заставляют многих людей считать такие второстепенные изменения значительными. Заинтересованные в них люди представляют их существенными, так как их политическая карьера и самооценка зависят от успеха таких представлений. Такой подход является явно оценочным суждением: политизация систематически скрывает от широкой общественности тот факт, что результаты формальных процедур носят символический или второстепенный характер. Без такой маскировки отношение бедных к этим процедурам, очевидно, было бы более критическим, а вера в то, что реального влияния можно добиться путем участия многих людей в прямых политических действиях, имела бы большее распространение.

Использование беспорядков

Представители неэлитных групп, особенно бедные слои населения, не обладают возможностью применять неформальные санкции и использовать другие ресурсы влияния на политические решения; однако если они действуют сообща, то могут создать беспорядки и способны запугать представителей элиты. Они редко прибегают к такому средству, потому что, будучи вовлеченными в политическую деятельность, широкие массы автоматически отказываются от беспорядков как средства выражения протеста. Признание необходимости решения проблемы политическими методами подразумевает согласие с неприемлемостью открытого противостояния власти. В связи с тем, что политический потенциал бедных сводится в конечном счете только к возможности коллективных акций, направленных на изменение установившегося порядка выработки политики, политизация минимизирует этот потенциал, заменяя его символическим участием и представительством. Последствия такой замены не очевидны, хотя и значительны. Политизация может считаться знаком того, что представители неэлитных групп отказываются от организации беспорядков, и поэтому элите нет необходимости идти на значительные уступки.

Все же иногда люди прибегают к пассивному сопротивлению, бунту, восстанию или экономической забастовке, которые часто представляют собой нечто большее, чем временное изменение в форме общественного спора по поводу определенных улучшений. Такие формы протеста подтверждают высказанную выше мысль о традиционной политике, так как они либо подавляются с помощью дополнительных сил, либо вы-

нуждают элиту пойти на существенные уступки. В Соединенных Штатах с помощью беспорядков бедные добились увеличения социальных пособий и либерализации положений о праве на социальную поддержку [Piven, Cloward 1971: ch. 1]. Французская, Американская, Российская и Английская революции являют собой гораздо более впечатляющие примеры применения коллективной силы для получения важных уступок.

Массовые беспорядки приводят к существенным уступкам, если они угрожают привилегиям элитных классов или разрушают программы, от которых зависит благополучие элиты. Общественный протест в мирной и насильственной форме неоднократно получал широкую поддержку, фокусируя внимание общественности на ужасных условиях существования и лишениях, которые не замечались в течение долгого времени, когда политическое участие происходило в традиционной и символической форме. В таких ситуациях беспорядки могут вызвать амбивалентность даже среди представителей власти и экономической элиты и создать благоприятные условия для получения уступок.

Беспорядки могут не получить поддержку потенциальных союзников, если они считают их более неприемлемыми, чем лишения, к которым протестующие пытаются привлечь общественное внимание; они могут рассчитывать лишь на символическую поддержку в том случае, если протест носит узкий характер и выражается с помощью традиционных способов, таких как демонстрации, забастовки или другие хорошо известные формы протеста [Lipsky 1968]. Ответ на вопрос о том, какую ответную реакцию получают предполагаемые беспорядки, зависит от форм политических процессов, описанных в ранее опубликованной нами статье (политические и символические процессы, получающие или нет массовую поддержку, рассматривались в следующей работе: [Edelman 1971]). Самой эффективной формой таких процессов является политизация.

Структурирование восприятия с помощью политизации

Являясь символом демократии, политизация систематически маскирует конфликтность интересов, которая сохраняется, несмотря на переговоры по их сближению. Принятие официальных процедур прямого или косвенного участия в решении проблем основывается на предположении, что разногласия происходят из непонимания, которое может быть устранено с помощью дискуссии, или что они основаны на привилегиях, которые легко отменить. По описанным вы-

ше причинам такие рутинные процедуры увековечивают и легитимизируют существующее неравенство в способности оказывать влияние, в области применения закона и в распределении ценностей.

Авторы многих практических и теоретических работ утверждают, что влияние, оказываемое наиболее широко известными официальными государственными программами, обычно невелико или вообще символично, особенно в тех случаях, когда как сторонники, так и противники ожидают от этих программ существенных перемен. Этот вывод справедлив по отношению к законодательству по гражданским правам, регулированию экономической деятельности, программам социального обеспечения и жилья и к другим важным внутригосударственным делам [см.: Dolbeare 1974].

В имеющихся на сегодняшний день исследованиях политических результатов и процесса формирования представлений высказывается предположение, что политизация привлекает внимание общественности к количественным показателям изменений, одновременно отвлекая его от восприятия общественного неравенства, остающегося практически на том же уровне даже при достижении этих показателей. Упорная борьба по поводу принятия закона о повышении социальных пособий на 8 % в итоге создает у его инициаторов и их сторонников впечатление победы или поражения, таким образом отвлекая внимание от неснижающейся бедности и неравных жилищных условий. В противовес этому, общественные беспорядки иногда привлекают внимание общественности к социальному неравенству, хотя это не базируется на каких бы то ни было поэтапных качественных изменениях.

Интенсивная политизация

Самые интенсивные формы политизации применяются по отношению к людям, которые посягают на законно установленный общественный порядок, нарушают закон или практикуют другие формы поведения, которые воспринимаются как слишком опасные или нетрадиционные, либо выступают в защиту подобных действий. Имущественные преступления представляют собой наиболее явную опасность, однако действия, символизирующие разрушение общепринятых убеждений о достойном поведении, задевают сторонников установленного общественного порядка даже сильнее, чем индивидуальные правонарушения. Необычный язык, одежда, манеры и нетрадиционные сексуальные, религиозные и политические действия и убеждения неоднократно приводили к выраже-

нию требований их насильственного подавления или определения как болезни, требующей лечения. В связи с тем, что люди традиционного поведения считают недопустимым восприятие такого поведения в качестве законной альтернативы их собственному моральному кодексу, они приветствуют определение нетрадиционалов как людей с индивидуальными отклонениями. Такая категоризация вызывает общественную реакцию, направленную на изменение поведения таких людей с помощью силы или давления со стороны окружающих, и в то же время отрицает политический характер такого воздействия.

В школах, агентствах по социальным пособиям, тюрьмах и психиатрических лечебницах люди с отклонениями подвергаются, часто вопреки их желанию, групповой терапии, профилактическим беседам с начальством, социальными работниками и психiatрами. «Люди с отклонениями» в подавляющем большинстве являются представителями бедноты, нарушившими закон или другие общественные установления; остальное составляют люди, которые не хотят или не могут адаптироваться к сложившемуся миропорядку и играть навязываемые им социальные роли. Посредством групповых дискуссий их принуждают относиться к своим проблемам как к личным недостаткам, которые можно исправить, если соблюдать принятые обществом правила поведения. Несогласных побуждают относиться к групповым дискуссиям как к особой форме демократического участия и терапии, а не общественного давления с целью подчинения личности обществу. Каковы бы ни были клинические эффекты такого участия, оно является интенсивным способом «размывания» представления о том, что интересы клиентов и властей противоположны в некоторых ключевых вопросах, и имплицитно побуждает людей заменить личную адаптацию к своему сложному положению на диссидентскую практику, враждебную позицию или проверку власти.

Тот факт, что профессиональные работники учреждений и их клиентура воспринимают такие дискуссии как форму самоуправления даже в том случае, если участие в них обязательно, является ярким примером амбивалентности представлений. Как работники учреждений, так и содержащиеся в них люди понимают и открыто утверждают, что такие собрания являются частью программы по предупреждению отклонений в поведении; они также понимают, хотя и не столь определенно, что персонал намеренно сужает перечень обсуждаемых вопросов и

предлагаемых решений и что только незначительные отступления от предлагаемых администрацией решений могут быть сделаны по инициативе членов группы. Однако сами формы демократического участия и представление о том, что содержащиеся в заведениях люди сами управляют своей жизнью, сосуществуют с пониманием того, что эти формы ограничивают участников в их активности. Эти формы порождают один набор представлений и уравнивают другой (непостоянный) набор. Мозг человека обращается к тому или другому набору представлений на основании определенных сигналов или окружающей обстановки.

Этот феномен хорошо виден в малых группах, и он проливает свет на характер такого же явления в масштабах всего государства; так происходит, потому что бедные и недовольные люди постоянно испытывают двойственное отношение к большинству социальных и экономических программ правительства. Они борются с несправедливыми налогами, недостаточным и унижительным социальным обеспечением и призывом на военную службу, обрекающим бедных на дополнительные жертвы [Davis, Dolbeare 1968], с образовательной системой, дающей крайне неэффективное обучение, и полицией, которая гарантирует бедным минимум защиты и максимум преследования. В то же время они обычно принимают эту дискриминационную политику потому, что она является конечным продуктом демократической системы, в которую представители народа социализируются для ее поддержания. В этих случаях форма и содержание правительственных действий порождают непостоянные когнитивные структуры. Наиболее сильным компонентом являются формы поддержки, так как они затрагивают каждого члена общества, в то время как протест предполагает деление общества на группы, нацеленные на решение своих специфических проблем. Представитель низшего среднего класса, недовольный расчетом своих налогов, скорее всего, останется равнодушным к проблемам безработного чернокожего человека, который не платит налогов и возмущается тем, как к нему относятся в отделе социальной защиты.

Дискуссионные группы, формально нацеленные на решение проблем своих членов, всегда действуют в контексте более крупной курируемой властями организации, способной дать более значительные преимущества и наложить более суровое наказание, чем дискуссионная группа. В такой ситуации можно рассчитывать, что «самоуправляемые» группы почти всегда будут дей-

ствовать в рамках границ, определенных властью, и сами осудят диссидентское мышление и поведение даже более сурово, чем это сделали бы власти. Как уже отмечалось, власти вынуждены избегать любого проявления деспотии, в то время как для людей одного сословия в условиях демократии такая озабоченность не имеет особого значения.

Среди конформистов всегда находятся люди, принимающие на себя роль поборников установленных правил, обычаев и морали и ревностно подавляющие нетрадиционное мышление и поведение. В связи с тем, что члены малых групп, которые не любят или не принимают дискуссии и «самоуправление», уклоняются от участия или остаются пассивными, люди, выступающие в роли покровителей (т. е. поборников правил), доминируют на собраниях и оказывают влияние на колеблющихся членов группы. Стремление принять на себя роль покровителя исходит из удовлетворенности правилами, страха либо надежды на вознаграждение; в любом случае эта роль не остается вакантной, так что установление самоуправления в малых группах является выгодной тактикой властей, обремененных контролем над поведением студентов, пациентов психдиспансеров и заключенных тюрем.

Поскольку роль покровителя задумана представителями доминирующих социальных групп, неудивительно, что она часто проявляется внутри низших социальных слоев даже там, где покровители открыто управляют группами, членами которых сами и являются. Яркими примерами могут служить случаи, когда роль покровителя исполняли рабы на американских плантациях [Elkins 1963] и узники нацистских концлагерей [Arendt 1963], призывники в армейских казармах и чернокожие полицейские в городских гетто. Хотя эти примеры даже формально не являются иллюстрацией самоуправления, они демонстрируют универсальность, с которой некоторые люди стремятся оправдать ожидания представителей доминирующих классов.

Роль покровителя обнаруживается и в представительных органах, включая законодательные собрания, государственные агентства и суды [Huit 1961; Edelman 1964: ch. 3], и в таких условиях она представляет собой внутреннюю консервативную тенденцию. Очевидно, что такой уклон в представительных органах выражен слабее, чем в тотальных институтах и диктаторских режимах, в которых власть управленцев выражена более явно и ее применение более предсказуемо. Бесспорно, что люди, принимающие на себя роль покровителя, испытывают

двойственные чувства по поводу ее принятия, и даже те члены групп, которые отказываются играть такую роль, вероятно, испытывают некоторый соблазн примерить ее на себя. Хотя власти и поддерживающие их «поборники правил» часто вынуждены отказываться в удовлетворении широко выражаемых требований, окружение, в котором они действуют, а также участие представителей народа в политике завуалирует враждебный характер их действий; такая «дымовая завеса» предоставляет власти полную свободу действий.

Двойственный характер готовности людей подчиняться власти имущим, отказываясь от собственной автономии, часто признавался социальными психологами и политологами и, вероятно, наиболее чутко проанализирован Эрихом Фроммом [Fromm 1944]. Легче всего (хотя вряд ли это будет правильно) отнести такую готовность на счет личных качеств определенного типа людей, которых можно определить «склонными к авторитарности», а не общечеловеческого стремления контролировать любое социальное объединение людей. Предрасположенность к «отказу от свободы» можно считать важным свойством групп, в которых коллективное принятие решений подменяется индивидуальным руководством и личной ответственностью. С тем же успехом подчинение групповым интересам или властям, несомненно, удобно для многих озабоченных и недовольных людей, поскольку помогает им преодолеть собственные проблемы и нерешительность. Очевидно, что групповые дискуссии дают положительный эффект по отношению к отдельным людям, но меня интересует политический аспект их воздействия на личность.

Изучение средотерапии и терапевтического эффекта малых групп в лечебных учреждениях подтверждает выводы о консервативном и символическом характере таких собраний, которые формально относятся к проявлениям самоуправления. Один из немногих психиатров, которые относят такие собрания к политическим феноменам, приходит к заключению, что самоуправление является, по сути дела, «псевдодемократией». Руководство учреждения определяет повестку дня таких собраний и продолжает контролировать их, оказывая давление на податливых пациентов с целью поддержания определенных правил; решения пациентов игнорируются, если они не нравятся руководству.

В этом же исследовании обнаружено, что в самоуправляемых психиатрических сообществах наблюдаются значительные

отклонения в настроении и морали как пациентов, так и персонала (см.: [Greenley 1973]. Другим исследованием, в котором автор приходит к подобным выводам, является следующая работа: [Bürsten 1973]. См. также: [Rubenstein, Lasswell 1966]). Часто наблюдаемые отклонения в настроении и морали являются свидетельством того, что собрания оказывают значительное психологическое давление, и этот факт никак не согласуется с утверждением о том, что эти собрания являются средством воздействия пациентов друг на друга, или о том, что они имеют терапевтический характер, если только не считать смерть разновидностью политического конформизма. Как отмечает Гофман в отношении психиатрических лечебниц, а Сикурел — в отношении школ [Goffman 1961: XIII; Cicourel, Kitsuse 1963], в этих заведениях нет ни одного места, где можно укрыться от слежки и давления, и очень мало независимости; вовлеченность членов групп в слежку и оказание давления усугубляет и то, и другое. В этом смысле самоуправление в своей символической форме является продолжением бюрократизации повседневной жизни. То, что называется самоуправлением в тоталитарно управляемых заведениях, по сути, является средством лишения возможности пациентов — членов малых групп принимать решения.

Руководство определяет ценности и методы проведения собраний. основополагающее убеждение в том, что личные и гражданские свободы индивида могут подвергаться ограничениям, определяет политику руководства и не может быть изменено. «Участие» сводится к помощи в претворении правил руководства в жизнь, а не к выработке линии поведения. Практически все участие заключается в узаконивании всевозможных лишений для низкостатусных участников. Формальные представители рабочих в комитетах по контролю над заработной платой разрабатывают правила, ограничивающие возможности их же товарищей по работе выражать протест в любой форме вплоть до забастовки; точно так же члены закрытых коллективов (тюрем, психбольниц и т. д.) на собраниях в рамках самоуправления принимают правила, ограничивающие проживающих вместе с ними товарищей в гражданских правах, которыми все остальные люди пользуются автоматически. Благодаря формальному участию представителей низкостатусных групп в управлении, лишение возможности пользоваться благами или вступать в переговоры классифицируется как форма социального воздействия.

Еще один принцип деятельности работ-

ников закрытых учреждений основан на сомнительной классификации: гражданские права и личная свобода определяются как «привилегии». Психиатр, занимавшийся изучением альтернативных терминов, пишет следующее:

Что касается термина *привилегия*, то работники учреждений рассматривают ее как поощрение, как добавку, которую необходимо заработать... Вряд ли можно протестовать против „лишения привилегий“, ...их еще нужно „заработать“, а некоторые члены коллектива вообще их „недостойны“. Ситуация полностью меняется, когда речь заходит о *правах*. Мы осторожнее подходим к вопросу о лишении прав, а восстановление в правах приносит нам меньшее удовлетворение. Я наблюдал, как отношение пациентов моей палаты менялось с изменением терминологии [Bürsten 1973: 733].

На основании наблюдений, проведенных в трех больницах, этот же автор пишет, что ему приходилось наблюдать резкое снижение напряженности и количества кризисных ситуаций, а также более раскрепощенную атмосферу в лечебных учреждениях, где руководство отказалось от претензий на самоуправление и просто предоставило больным их гражданские права.

Можно обнаружить удивительные аналогии в представлениях, акцентах и понятиях между психиатрическими учреждениями и нацистской Германией; эти аналогии свидетельствуют об общности психологических процессов, лежащих в основании этих форм управления. Привлекая внимание к этим аналогиям, я не хочу сказать, что они аналогичны с моральной точки зрения или что подобные принципы не могут иметь защитников в психиатрии, хотя я лично защищать бы их не стал. Для меня интересно проследить сходство воздействия этих структур на формирование политического сознания и поведения.

Эти аналогии вполне очевидны:

- 1) четкая иерархия по степени компетентности и заслугам; большинство населения относится к низшей категории и нуждается в сильном руководстве и контроле со стороны власти, которая имеет исключительное право на принятие политических решений;
- 2) придание любой индивидуальной деятельности статуса публичной и отнесение личных действий в разряд подозрительных и опасных;
- 3) отрицательное отношение к индивидуальности и, как следствие, акцент на адаптации к коллективу и уважении власти, что считается воплощением подлинных интересов общества;
- 4) очернение интеллекта как источника разделения, ошибок и заблуждений;
- 5) сильный акцент на чувствах, особенно на

воплощении чувств, разделяемых другими;

6) частое употребление метафор *здоровье* и *болезнь* по отношению к психологическому и моральному состоянию человека; при этом считается, что основная масса народа либо больна, либо находится в постоянной опасности заразиться, но ситуация может исправиться, если люди будут добросовестно играть предписанные им роли;

7) вытекающий из этого акцент на чистоте нравов, выражающейся в особых пуританских принципах поведения личности;

8) сильный акцент на необходимости остерегаться врага, который может быть очень опасен, так как он *выглядит* нормальным и безвредным: еврей или коммунист, источник или культура бедности, ведущие к заблуждениям;

9) готовность использовать силу для обеспечения победы здоровых сил над больными: профилактическое лишение свободы против воли человека, изменение или уничтожение больного человека или его личности.

Насаждение такой парадигмы предположений и представлений дает наивысшую степень подчинения установленным правилам и властям и является гарантией от принятия протестной политической позиции в форме самоутверждения, независимости или скептицизма. В то же время, по утверждению Э. Фромма, она порождает чувство массового удовлетворения и безопасности, так как усыпляет критические способности и снижает самостоятельность. Различные компоненты этой схемы явно усиливают друг друга; все они совместимы с акцентом на политическом языке. Поэтому чувство массового удовлетворения и безопасности, порождаемое этой структурой, наверняка продлится недолго, так как образ жизни, к которому она готовит людей, возможен только в придуманном окружении, которое ритуально в своих социальных формах, что затрудняет независимое исследование. Так как ошибки вряд ли можно обнаружить или исправить, эффективное решение абсолютно невозможно.

Вероятнее всего, формальное участие в таком виде оказывает более интенсивное и репрессивное воздействие на человека, чем в более демократических институтах, в которых социальная стратификация завуалирована, ожидается наличие интеллекта и приветствуется определенная независимость в принятии решений. Во втором случае независимое исследование и информация из неправительственных источников могут оказывать влияние на формирование политической линии, а сам факт использования неформальных источников при принятии поли-

тических решений усиливает уверенность в себе и независимость. Общим у обоих вариантов является формальный характер процедур. В обоих случаях эти формальные процедуры (например, собрания) подталкивают к принятию доминирующих представлений; однако в авторитарных институтах только официальные власти имеют право выходить за рамки сферы формальных процедур.

Открытое признание и сглаживание отношений соперничества

Политические ситуации, привлекающие внимание к соперничающим интересам и к формам власти, доступным заинтересованным группам, рискованны для власти и доминантных социальных групп. Силовое подавление и открытое сопротивление являются крайними проявлениями такого противостояния. Применение силы для подавления сопротивления или несогласия порождает страх перед произвольным и деспотическим использованием власти. Оно вызывает общественные беспорядки, которые могут привести к ограничению власти или свержению режима, если только подавление не подкрепляется психологическими уловками, придающими насилию законный характер. Поэтому использование силы для подавления несогласия с властью является явным признаком того, что режим нестабилен и ограничен в средствах как раз потому, что силовое подавление символизирует неограниченную власть.

Как в общих, так и в интенсивных формах политизация оказывает противоположное воздействие на общественное мнение. Привлекая внимание общественности к вопросу участия в политике, не афишируя существование соперничающих интересов и представляя власть как силу, способную помочь и поправить положение, политизация символизирует ограничение элитарной власти в узких границах. В таком случае общественное внимание привлекается к самой процедуре, а не к ее результату; в итоге способность убедить, ослабить или сбить с толку диссидентов возрастает.

Участие в мероприятиях, в которых соперничество проявляется открыто, повышает самооценку людей с низким социальным статусом — тех, кого называют неадекватными, некомпетентными, имеющими отклонения или раболепными. Скорее всего, повышенная самооценка и повышенная готовность защищать свои права связаны друг с другом. В Англии начала XIX в. [Thompson 1964: ch. 11] и в США 30-х гг. XX в. промышленный рабочий, впервые принявший уча-

стие в открытом конфликте со своим работодателем, обычно ощущал прилив самоуважения и гордился собой. Франц Фэнон приходит к заключению, что открытое сопротивление африканских стран продолжающемуся правлению европейских государств также привело к появлению более самостоятельной личности [Fanon 1965].

Между закрытыми учреждениями существуют различия в оценке рядовыми членами коллектива степени противопоставленности их собственных интересов интересам руководства. В тюрьмах властные отношения вполне очевидны: заключенные и охранники осознают свои интересы как взаимно противоположные, поэтому подчинение предполагает наличие принуждения. Заключенному нет необходимости усваивать свой подчиненный статус в форме осознания того, что он заслуживает наказания и получит от его исполнения пользу. В меньшей степени и с большей долей сомнения это справедливо применительно к отношениям между учениками и учителями в школах, особенно в гетто, где школьное обучение напоминает лишение свободы в большей степени, чем в благополучных районах. Движение за внедрение психиатрической и социальной помощи в школьные программы и тюрьмы политически направлено на вуалирование властных отношений и внутреннее осознание подчиненными прав руководства; однако вызывает сомнение тот факт, что такое внедрение эффективно достигает поставленной цели, так как вполне понятно, кому принадлежит власть, и как заключенные, так и ученики легко создают неформальные группировки, которые добиваются некоторых уступок и таким образом подчеркивают наличие соперничающих интересов. В случаях, когда устанавливаются символические отношения подчинения и самоуправления, они считаются средством проверки физической власти, и только в редких случаях выступают как явления, обладающие интеллектуальной или моральной ценностью.

По-другому обстоит дело с получателями социальных пособий и пациентами психиатрических диспансеров. Ранняя социализация внушает веру в то, что эти учреждения помогают неадекватным пациентам, а действия персонала только укрепляют такое представление, даже при условии, что сами получатели пособий и пациенты сильно в этом сомневаются. Пациенты психиатрических лечебниц чаще склонны относиться друг к другу как к интеллектуально и морально неадекватным людям и, таким образом, поддаются давлению со стороны пер-

сонала, а не пытаются объединиться для борьбы с руководством. Получатели социальных пособий, как правило, не находятся между собой в таких отношениях, которые привели бы к образованию группировок. Когда появляется лидер, способный объединить людей, как, например, в Организации по борьбе за социальные права, то люди испытывают повышенное самоуважение и уверенность и веру в способность отстоять уступки у властей.

Ритуалы подавления усиливают неравноправие и личную изоляцию: лишение обычных гражданских прав и требование согласиться с диагнозом ненормального человека для психических больных, проверка уровня нуждаемости, бюрократическое копание в личной жизни и длительное ожидание в ужасных условиях для получателей социальных пособий. Главным фактом, однако, является то, что силовые отношения вуалируются, а это, в свою очередь, позволяет власти получить поддержку большей части общества, одновременно минимизируя стимулы для получающей «помощь» части общества отстаивать свои права или вступать в противодействие.

Свидетельством наличия соперничающих интересов и власти является тот факт, что все чаще применяемая практика насильственной коррекции поведения вызывает активный протест в тюрьмах на том основании, что она подавляет и угнетает заключенных под прикрытием научности; но в психиатрических лечебницах такая практика не вызывает сопротивления и используется там чаще, а ее методы и политические последствия остаются без изменений.

Хотя можно обнаружить аналогии и в большой политике, и о некоторых я уже говорил, большая часть моего исследования затрагивает формы политизации (т. е. участия в выработке политических решений) в заведениях для детей и людей, которым не удается жить в соответствии с принятыми обществом нормами. Эти заведения играют центральную роль на более высоком политическом уровне; и эта роль особенно важна потому, что она обычно не признается или минимизируется. Большинство членов общества ведут себя в приемлемых рамках в результате обычных процессов социализации и не нуждаются в интенсивной политизации. Однако приклеивание ярлыков и изоляция части общества как «девиантных личностей» составляет мощное, хотя и маскируемое и утонченное средство усиления конвенциональной мысли и поведения. Те, на кого навешиваются такие ярлыки, служат примером для каждого, позволяя отделить

нормальность от ненормальности. В этом случае политизация лежит в основании заведений с авторитарным управлением и усиливает нормы, которые находят скрытое проявление в большой политике.

Аполитичность

Представление проблемы как не связанной с политикой часто используется за способность, наряду с политизацией, снизить напряженность, хотя это диаметрально противоположные категории. Определение проблемы как профессиональной или технической оправдывает участие в ее решении профессионалов и техников и обосновывает принятие широкими массами профессионального заключения. Такое решение снимает необходимость традиционных политических митингов и снижает вероятность массовых протестов или беспорядков.

В качестве символических процессов политизация и аполитичность (отстраненность от участия в политических процессах) усиливают друг друга, так как оба явления создают общественный покой, оставляя тактику критического влияния на политику социальным группам, способным привлекать для этого специальные ресурсы в виде денег, умений и общественного признания. Население, которое с детства заверяют в том, что оно неспособно принимать участие в решении важных вопросов, потому что они сложны и технологичны, еще больше довольствуется символическим участием, которое не выходит за рамки, установленные профессионалами и чиновниками, и основной целью которого является понуждение к конформизму. Когда политический вопрос угрожает перерасти в конфликт, завести в тупик или дать результат, неприемлемый для элиты, он может быть признан неподходящим для политизации: его выгоднее решить с помощью выполненной специалистами экспертизы, чем путем политических переговоров и компромисса. Население в своем большинстве относится к такому пути решения проблемы с одобрением, так как он позволяет людям, столкнувшимся с серьезной проблемой и не знающим, как ее разрешить, передать ее тем, кто знает пути для ее решения.

Немногие люди любят участвовать в политических мероприятиях, и, вероятно, это хорошо. Для большинства из нас более важными являются другие ценности, а не участие в политической жизни. Мы предпочли бы любить, а не воевать, читать книги, кататься на лыжах, играть в бильярд или лепить, а не обсуждать городское районирование или международные торговые соглаше-

ния. В то же время мы ясно понимаем, что политические решения могут глубоко затронуть наши жизни и даже уничтожить нас физически. Следствием такой комбинации глубокой заинтересованности и отсутствия желания участвовать в принятии политических решений является надежда на то, что люди, принимающие политические решения, окажутся знающими и любящими свое дело. В связи с тем, что принятие лидера или представителя власти, который, предположительно, знает пути решения проблемы, в большой степени зависит от нашего желания избежать участия в политике, вполне понятно, что политические решения обычно принимаются на долгосрочный период вне зависимости от их последствий. Обаяние политика, исходящее от его или ее умения представить свою исключительную способность справиться с проблемой, привлекает к себе внимание общественности; результаты политических действий, о которых и узнать-то непросто, остаются за пределами общественных знаний.

Рассмотрим примеры «проблем», решение которых осуществляется обычно таким образом, чтобы исключить из участия в нем представителей наиболее пострадавших от них групп населения. До начавшегося в последнее время активного вмешательства общественности в вопросы расположения автомобильных дорог инженеры-автодорожники обычно заявляли, что городские скоростные автомагистрали с экономической точки зрения выгоднее проводить через районы проживания бедняков, таким образом обрекая на снос важные для малоимущих районы и лишая их дешевого жилья. При этом утверждалось, что такое решение основывается на экономических соображениях; считалось, что инженеры знают, как рассчитывать затраты на строительство. Отказ в предоставлении бедным участия в решении такой проблемы, пропорционального понесенному ими ущербу от такой политики, воспринимается большинством людей, включая и самих бедняков, вполне законным на основании отнесения проблемы в разряд профессиональных. Для большинства представителей среднего класса, видящих в этом вопросе какую-то проблему, рациональность процесса самоочевидна, а страдания бедняков не попадают в поле зрения. Отнесение проблемы в разряд «профессиональных» или «технических» носит явно метафорический характер, так как подчеркивает одну сторону проблемы, оставляя без внимания другие; эта метафора вызывает или усиливает когнитивную структуру в сознании индивида или доминантное общественное мнение в политике.

Государственные деятели регулярно перестраивают свое поведение и мотивы с тем, чтобы придать им характер законности для привлечения поддержки широких масс. Ф. Пивен и Р. Клауэрд, например, обнаружили, что списки получающих социальные пособия людей расширяются во время роста социальной напряженности и сокращаются, когда власти считают, что в данный момент они могут сократить социальную помощь, не опасаясь роста беспорядков [Piven, Cloward 1971]. Однако как законодательные, так и исполнительные решения о расширении или сокращении списков получающих социальные пособия неизменно обосновываются с профессиональных позиций или с позиций нуждаемости. Если беспорядки упоминаются в публичных речах, то на них почти всегда ссылаются с целью заявить, что власти *никогда не пойдут* на уступки «насильственным и незаконным требованиям». Такая риторика, очевидно, имеет целью завоевание поддержки, а не сообщение оснований для принятия решения.

Все чаще государственные деятели заявляют, что имеющиеся у них специальные сведения и необходимость экспертного планирования являются основанием для исключения из открытой политики обсуждения решений, которые оказывают наиболее сильное влияние на общественное благосостояние. Ни общественности, ни конгрессу нельзя доверить решение вопроса о начале войны или ее эскалации, потому что только исполнительная власть располагает специальными разведывательными данными, необходимыми в данном случае. Внешняя политика в основном не должна осуществляться политиками. Городским планированием должны заниматься специалисты в этой области, а не горожане, и особенно не те, кто живет в центре города, а не на окраинах.

Обратите внимание на тот факт, что именно языковая категоризация этих проблем придает статус легитимности праву специализированных органов решать их, даже при условии, что их решения систематически затрагивают многие другие аспекты жизни людей. Военные специалисты по планированию создают рабочие места в одних отраслях и порождают безработицу в других, повсеместно провоцируют инфляцию и во многих областях создают моральные дилеммы; однако во всех случаях проблема получает ярлык «военной». Психологи укрепляют нормативное представление о том, что оптимистическое отношение к бед-

ности, войне или сокращению продолжительности жизни является нормальным, в то время как отчаяние или гнев перед лицом этих неприятностей ненормальны; однако их решения получают ярлык «медицинских».

В современном мире правительственное решение может иметь серьезное влияние на многие аспекты нашей жизни, а не на один или несколько из них. Поэтому отнесение политических решений к «военным» или «медицинским» является метафорическим или метонимическим переносом значения этих слов. Такое употребление слов соотносит их с более широкой парадигмой представлений или подчеркивает сходство с чем-то уже знакомым, одновременно маскируя другие важные свойства. Перенос значения придает видимость законности определенным политическим решениям и в то же время скрывает актуальность других интересов.

Обеспокоенность, связанная с внешними врагами, подрывной деятельностью внутри государства и девиантным поведением, имеет особенно широкое распространение и часто усиливается государственными деятелями. Военные, полицейские и психиатрические власти регулярно получают выгоду от такого лингвистического структурирования. Обеспокоенность, связанная с экономическими и социальными проблемами, наоборот, свойственна отдельным группам населения, проявляется нерегулярно и постоянно преуменьшается государственными заверениями в том, что перспектива положительна. Любой режим считает политически важным моментом заверение в том, что его экономическая и социальная политика успешны, даже если они усиливают страх перед внешними и внутренними врагами. В результате экономические и социальные проблемы, являющиеся следствием решений, классифицируемых как «военные», «связанные с безопасностью» и «реабилитационные», обычно скрываются от широкой общественности с помощью метафор. Такое систематическое преувеличение угроз, позволяющее легитимизировать власть, и систематическое преуменьшение опасности, которое придает видимость законности внутреннему перераспределению материальных ценностей и влияния, неизбежно влияет на эффективность государственной политики. Оно перенаправляет ресурсы на борьбу с мифическими угрозами и создает ситуацию, в которой эффективное решение проблем незлитных социальных групп становится нереальным.

M. Edelman
USA

CATEGORIZATION, PERCEPTION, AND POLITICS (3)

ABSTRACT. This is a continuation of translation of some parts from the book "Political Language: Words that succeed and policies that fail" by Murray Jacob Edelman, published in 1977. The given abstracts regard the relationship between politicization and legitimization of power.

The definition of people with little status as directly involved in making public policy discourages them from resisting and at the same time minimizes the likelihood that a wider public will perceive them as unfairly deprived. In this sense, the perception of problematic political action as participation in government engenders quiescence, while a focus on adversary interests encourages resistance. Political participation symbolizes influence for the powerless, but it is also a key device for social control. Political influence flows from the employment of resources that shape the beliefs and behavior of others. Common resources include expert skills, the restriction of information, the ability to confer favors on others or to injure them, physical force, and subtle or crude bribery. While exercising self-government and in connection with the fact that small groups members who dislike or resent discussions and this form of "self-government" withdraw or remain passive, those in the guardian role dominate meetings and influence members who vacillate. Antipolitics, alongside with politicization, induces mass quiescence: the definition of a decision as professional or technical in character justifies decision making by professionals and technicians and promotes mass acceptance of their conclusions. It therefore avoids the need for ritualized political meetings and minimizes the likelihood of mass protest or disorder.

KEYWORDS: political discourse; categorization; the image of enemy; political metaphorology; stereotypes; political metaphor.

ABOUT THE AUTHOR: Edelman Murray Jacob (1919—2001), master's degree in history (1942, University of Chicago), Ph. D. in Political Science (University of Illinois, 1948). University of Illinois (since 1948), University of Wisconsin — Madison (since 1966), retired in 1990.

ABOUT THE TRANSLATORS:

Pirozhkova Irina Sergeevna, Candidate of Philology, Senior Lecturer of Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

Polyakov Sergey Mikhaylovich, Candidate of Philology, Associate Professor, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia..

REFERENCES

1. Alford R. Health Care Politics. — Chicago : Univ. of Chicago Pr., 1975.
2. Arendt H. Eichmann in Jerusalem: A Report on the Banality of Evil. — London : Faber, 1963.
3. Bürsten B. Decision-Making in the Hospital Community // Archives of General Psychiatry. 1973. № 29, Dec. P. 732—735.
4. Cicourel A. V., Kitsuse J. I. The Educational Decision-Makers. — Indianapolis : Bobbs-Merrill, 1963.
5. Davis J., Dolbeare K. Little Groups of Neighbors. — Chicago : Markham, 1968.
6. Dolbeare K. The Impacts of Public Policies // American Government Annual. 1974.
7. Dye T. R., Ziegler H. L. The Irony of Democracy. — Belmont, Cal. : Wadsworth, 1970.
8. Edelman M. Language and Social Problems // Society. 1975. № 12 (July—Aug.). P. 14—21. © 1975 Transaction, Inc.
9. Edelman M. Politics as Symbolic Action. — New York : Academic Pr., 1971.
10. Edelman M. The Licensing of Radio Services in the United States, 1927 to 1947. — Urbana : Univ. of Illinois Pr., 1950.
11. Edelman M. The Symbolic Uses of Politics. — Urbana : Univ. of Illinois Pr., 1964.
12. Elkins S. M. Slavery: A Problem in American Institutional and Intellectual Life. — New York : Grosset and Dunlap, 1963.
13. Fanon F. The Wretched of the Earth. — London : MacGibbon and Kee, 1965.
14. Fromm E. Escape from Freedom. — New York : Farrar, Strauss, and Giroux, 1944.
15. Garfinkel H. Studies in Ethnomethodology. — Englewood Cliffs, N. J. : Prentice-Hall, 1967.
16. Goffman E. Asylums. — Garden City, N.Y. : Anchor, 1961.
17. Goodwin L. Do the Poor Want to Work? — Washington, D.C. : The Brookings Institution, 1972.
18. Greenley J. R. Types of Authority and Two Problems of Psychiatric Wards // Psychiatric Quarterly. 1973. № 47. P. 191—202.
19. Huitt R. K. The Outsider in the Senate: An Alternative Role // American Political Science Review. 1961. № 55, Sept. P. 566—575.
20. Kramer R. M. Participation of the Poor: Comparative Case Studies in the War on Poverty. — Englewood Cliffs, N. J. : Prentice-Hall, 1969.
21. Lerner M. J. All the World Loathes a Loser // Psychology Today. 1971. № 5 (June).
22. Lipsky M. Protest as a Political Resource // American Political Science Review. 1968. № 62, Dec. P. 1144—1158.
23. Merleau-Ponty M. Phenomenology of Perception. — London : Routledge and Kegan Paul, 1962.
24. Mueller C. The Politics of Communication. — New York : Oxford Univ. Pr. 1973. P. 24—42.
25. Mueller J. E. Trends in Popular Support for the Wars in Korea and Vietnam // American Political Science Review. 1971. № 65, June. P. 358—375.
26. Pears D. Ludwig Wittgenstein. — New York : Viking, 1970. P. 149—178.
27. Piven F. F., Cloward R. A. Regulating the Poor. — New York : Vintage, 1971.
28. Rubenstein R., Lasswell H. D. The Sharing of Power in a Psychiatric Hospital. — New Haven : Yale Univ. Pr., 1966.
29. Sarbin T. R. The Myth of the Criminal Type. — Middletown, Conn. : Wesleyan Univ., Center for Advanced Studies, 1969. (Quoted in Struggle for Justice // American Friends Service Committee. P. 77—78).
30. Schütz A. Common-Sense and Scientific Interpretation of Human Action // Philosophy and Phenomenological Research. 1953. № 14, Sept.
31. Simon H. A. Administrative Behavior. 2nd ed. — New York : Macmillan, 1957.
32. Spiro H. The Politics of German Codetermination. — Cambridge, Mass. : Harvard Univ. Pr., 1958.
33. Struggle for Justice / American Friends Service Committee. — New York : Hill and Wang, 1971.
34. Thompson E. P. The Making of the English Working Class. — London : Penguin, 1964.
35. U. S. Department of Health, Education and Welfare. Work in America. — Washington, D.C. : U.S. Government Printing Office, 1972.
36. U. S. Department of Health, Education, and Welfare. Report of the New Jersey Graduated Work Incentive Experiment. — Washington, D. C. : U. S. Government Printing Office, 1973.

РАЗДЕЛ 6. РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА

УДК 050

ББК Ч602.471.211

ГСНТИ 17.01.29

Код ВАК 10.02.19; 10.01.08; 13.00.02

О. Ю. Багдасарян
Екатеринбург, Россия

«ФИЛОЛОГИЧЕСКОМУ КЛАССУ» 20 ЛЕТ: КОНЦЕПЦИЯ И ИСТОРИЯ ЖУРНАЛА

АННОТАЦИЯ. Обзор написан к 20-летию журнала «Филологический класс» (издание Института филологии, культурологии и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета) и кратко освещает историю, концепцию и основные рубрики журнала. «Филологический класс» — журнал, стремящийся соединить практику преподавания русского языка и литературы с академическими исследованиями в области филологии. Концепция издания была разработана Н. Л. Лейдерманом, возглавлявшим редакцию больше 10 лет. Журнал, задумывавшийся как региональное издание, вышел за местные рамки (сейчас в «Филологическом классе» публикуются филологи из разных регионов России, а также зарубежья). К основным рубрикам журнала относятся такие, как «Проекты. Программы. Гипотезы» (отведена под программы филологического образования школьников по дисциплинам гуманитарного цикла, освещение вузовских образовательных проектов, апробацию научных концепций, отражающих новые взгляды на феномены историко-литературного процесса), «Перечитывая классику» (статьи, демонстрирующие новое прочтение произведений классической литературы), «С рабочего стола ученого» (материалы, полезные для практики школьного и вузовского преподавания), «Медленное чтение» (детальный анализ художественного текста), «Траектории современного литературного процесса» (рубрика сосредоточена на исследованиях актуальных тенденций в русской и зарубежной литературе), «Педагогические технологии», «Готовимся к уроку», «Идет урок» (в последних рубриках публикуются материалы, посвященные технологиям филологического образования, авторские разработки уроков, примеры нового прочтения произведений школьной программы).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: филологический журнал; литературоведение; языкознание; методика преподавания русского языка; методика преподавания литературы.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Багдасарян Ольга Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и методики ее преподавания, Уральский государственный педагогический университет; 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; e-mail: obagdasar@gmail.com.

Журнал «Филологический класс» (издание Института филологии, культурологии и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета) выпускается с 1996 г. (с 2012 г. выходит 4 раза в год), в 2016 г. издание отпраздновало свое двадцатилетие. Главный редактор журнала — доктор филологических наук, профессор Н. П. Хрящева, в редакционную коллегию входят доктор филологических наук, профессора Института филологии, культурологии и межкультурной коммуникации УрГПУ (С. И. Ермоленко, Н. В. Барковская, Е. Г. Доценко). В редакционном совете участвуют ученые из МГПУ (Москва), РГПУ (Санкт-Петербург), УрФУ (Екатеринбург), УдГУ (Ижевск), СО РАН (Новосибирск), ПГГПУ (Пермь), исследователи и преподаватели из Университета штата Колорадо (США), Поморской академии (Польша), из Германии и Белоруссии. Все публикуемые материалы проходят независимое научное рецензирование. Журнал зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (ISSN 2071-2405), Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия (свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-53411 от 29.03.2013).

Концепция издания была разработана доктором филологических наук, профессором Наумом Лазаревичем Лейдерманом, именно под его редакцией журнал выходил больше 10 лет и формировал свои традиции.

Задумывался «Филологический класс» как региональное издание — площадка для встречи и обмена опытом учителей-словесников, преподавателей высшей школы и исследователей. За двадцать лет журнал перерос «уральские» рамки (сейчас свои материалы публикуют в журнале филологи из разных регионов Российской Федерации, а также зарубежные исследователи), однако сохранил уникальность концепции: издание по-прежнему стремится к синтезу академической науки и практики школьного и вузовского преподавания. На страницах журнала проходят апробацию инновационные методические технологии, обсуждаются актуальные проблемы изучения и преподавания русского языка и литературы, освещаются вопросы теории. Благодаря журналу, УрГПУ поддерживает связи с учительской общественностью, пополняет «методическую копилку» для академического и практико-ориентированного бакалавриата и магистратуры; учителя получают возможность публикации в журнале своих методических изысканий.

Важнейшая «стратегическая» рубрика журнала — «Проекты. Программы. Гипотезы». В ней публикуются программы филологического образования школьников по дисциплинам гуманитарного цикла, освещаются образовательные проекты, связанные с вузовским преподаванием русского языка, литературы, психолингвистики, этно- и социоллингвистики, лингвокультурологии, апробируются научные концепции, отражающие

новый взгляд на феномены историко-литературного процесса.

Постоянные разделы исследовательского блока: «Перечитывая классику» (в рубрике печатаются статьи, предлагающие новое нетривиальное прочтение как русской, так и зарубежной классики), «С рабочего стола ученого», где представлены результаты исследований ученых-филологов, которые могут быть использованы в практике школьного и вузовского преподавания; «Медленное чтение» — рубрика, в которой публикуются статьи с детальным анализом художественного текста.

Особое место в журнале отведено современной культуре. «Траектории современного литературного процесса» — одна из самых интересных (и дискуссионных) рубрик «Филологического класса», сосредоточенная на исследованиях актуальных тенденций в русской и зарубежной литературе.

Методический блок представлен в журнале разделами «Педагогические технологии» (здесь публикуются материалы, посвященные магистральным проблемам школьного филологического образования, а также инновационным технологиям филологического образования), «Готовимся к уроку» / «Идет урок» (в этом разделе, как правило, публикуются авторские разработки уроков или материалы к ним, предлагается новое прочтение текстов школьной программы. Среди авторов — не только ученые-методисты, но и учителя-практики). Вследствие возрастающего интереса к преподаванию иностранных языков и русского как иностранного в последний год журнал публикует статьи и материалы, полезные для тех, кто интересуется этой сферой лингвистического образования.

O. Yu. Bagdasaryan
Ekaterinburg, Russia

«PHILOLOGICAL CLASS» TURNS 20: CONCEPTION AND HISTORY OF THE JOURNAL

ABSTRACT. *This review is devoted to the 20th anniversary of the scientific journal "Philological Class" (published by the Institute of Philology, Culturology and Intercultural Communication) and it tells about its history, conception and main sections. "Philological Class" is the journal that tries to combine practice of teaching Russian and Literature with the academic research in Philology. The idea of this journal belongs to N.L. Leiderman who was the head of the editorial board for more than ten years. The journal was supposed to be a regional publication, but became well-known in the other regions (Linguists from different parts of Russia and even from the foreign countries publish their papers in this journal). The main sections of the journal are "Projects. Programs. Hypothesis" (discusses school educational programs in Philology, describes the USPU projects, approbation of the scientific conceptions and presents new approaches to literature), "Rereading Classical Literature" (the papers present new perception of classical literature), "From the Scholar's Desk" (useful materials for practical application at school or university), "Slow Reading" (detailed analysis of a piece of literature), "Trajectories of the Modern Literary Process" (this section includes papers that discuss modern tendencies in Russian and foreign literature), "Educational Technologies", "Getting Ready for Lessons", "At the Lesson" (these section include papers devoted to the educational technologies of philological education, plans of lessons and new approaches to literature at school).*

KEYWORDS: *journal in philology; literature; linguistics; methods of teaching Russian language; methods of teaching Literature.*

ABOUT THE AUTHOR: *Bagdasaryan Olga Yuryevna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Literature and Methods of Teaching, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

REFERENCES

1. Filologicheskij klass : internet-arkhiv statey zhurnala // Nauchnye zhurnaly Ural. gos. ped. un-ta : sayt. URL:

Журнал стремится следить за актуальными тенденциями и интересными событиями в сфере культуры, поэтому не только печатает обзоры новых книг и рецензии на прошедшие научные мероприятия, но и публикует материалы, посвященные современной детской литературе, отечественному кинематографу, откликается на важные даты и другие события, определяющие культурный фон современного человека.

«Филологический класс» пользуется заслуженной популярностью у учителей, студентов, преподавателей России и ближнего зарубежья, способствует повышению их профессионального уровня. Доступный зарубежным славистам, журнал содействует росту интереса к русскому языку и литературе, популярности российской культуры в целом. Несомненно, что статьи журнала, написанные без излишнего академизма, но сохраняющие лучшие традиции отечественной филологии, практико-ориентированные и мобильно отражающие современную ситуацию в науке и обществе, востребованы русистами и всеми интересующимися русской культурой в самых разных уголках мира.

В планах журнала — дальнейшее расширение «научной географии», работа с новыми направлениями в филологических исследованиях, публикация авторских методических проектов и разработок. Редакция журнала «Филологический класс» всегда рада новым авторам, интересной научной полемике и готова к отражению максимального широкого диапазона тем и мнений.

ИСТОЧНИКИ

1. Филологический класс : интернет-архив статей журнала // Научные журналы Урал. гос. пед. ун-та : сайт. URL: http://journals.uspu.ru/index.php?option=com_content&view=category&id=10&Itemid=105.

http://journals.uspu.ru/index.php?option=com_content&view=category&id=10&Itemid=105.

Т. И. Краснова
Санкт-Петербург, Россия

РЕГИОНАЛЬНЫЕ СМИ В РУСЛЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ПОДХОДА К АНАЛИЗУ

АННОТАЦИЯ. Рецензия на книгу: «Новгородское медиаполе: опыты лингвистических исследований»: коллективная монография / под ред. Т. В. Шмелевой. — Великий Новгород : НовГУ им. Ярослава Мудрого, каф. журн., 2015. — 223 с. Широта подхода, подразумевающего институциональный и авторский, жанрово-тематический лингвистический аспекты наблюдений в новгородском медиаполе, должна была привлечь участников рецензируемого исследования к решению изначально трудной, дискуссионной задачи — дать такую предметно-методологическую конфигурацию описания материала, которая соответствовала бы охвату большого медиаполя в русле медиалингвистики, «в зеркале дискурсивного анализа». Полученные результаты можно считать интересным коллективным опытом междисциплинарного подхода к анализу региональных СМИ, но трудно считать опытом именно лингвистических исследований; скорее это их многообещающий ресурс в аспектах дискурс-анализа.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: региональное медиаполе; медиалингвистика; медиатексты; медиадискурс; средства массовой информации; дискурсивный анализ; междисциплинарный подход.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Краснова Татьяна Ивановна, доктор филологических наук, доцент кафедры речевой коммуникации, Институт «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций», Санкт-Петербургский государственный университет; 197348, Россия, Санкт-Петербург, н/я 29; e-mail: taikrasnova@yandex.ru.

Новгородское медиаполе понимается авторами рецензируемой книги как «символическое пространство, объединяющее все составляющие коммуникации» [Новгородское медиаполе... 2015: 5]. Интерес к исследованию возрастает по мере ознакомления с его содержанием и своеобразным решением поставленных в нем задач, одной из которых выступает так называемый дискурсивный анализ. Во введении книги говорится, что предмет исследования рассматривается в новом для лингвистики аспекте — в русле направления *медиалингвистика*, и при этом с трех сторон, обозначенных как «портретирование», «мониторинг» и «дискурсивный анализ» новгородских медиа. Исходное положение осложняется тем, что авторский коллектив, рискнувший объединиться с заданной целью для анализа региональных СМИ, неоднороден. В проектах участвуют не только ученые (филологи, историк, философ, психолог), но и магистранты, практикующие журналисты. Возможно, поэтому схождение проектов в заданном медиалингвистической междисциплинарном единстве стало не только актом научной смелости коллектива, но и процессом проблематичным, обусловившим неоднозначный результат.

Медиалингвистика понимается как новое интегративное направление, чьи особенности формулируются с опорой на теоретические положения диссертации Т. Г. Добросклонской [Добросклонская 2000; 2008], подтвержденные в ходе изучения автором британских СМИ с учетом трудов англосаксонских исследователей, в частности Дж. Корнера с его программными идеями о медиалингвистике. В расчет берется «растущее значение массмедиа» и медиацентричность социальной и культурной жизни общества. Авторы монографии констатируют: в нашей стране сила и перспективность этого «осо-

бого научного направления» заключается в том, что, являясь наследницей традиционных у нас стилистических исследований языка СМИ, медиалингвистика активно обращается к современным течениям в изучении текстов массовой коммуникации (они указываются на с. 19—20). Поскольку в этом ряду указана и «теория дискурса», то необходимо сделать одно принципиальное уточнение.

Именно вхождение в поток исследований под названием «дискурсивный анализ» и сообщило медиалингвистике все те достоинства, о которых говорится. Достаточно упомянуть работу Т. ван Дейка «Становление дискурсивного анализа», показывающую, как годы зарождения данного направления (середина 1960-х) и развития (70—80-е гг.) сопровождалась мотивацией и разбором предпосылок дискурс-анализа, возникшего на стыке наук: называются структурализм и семиотика, прагматика и социалингвистика, психолингвистика и когнитивная психология, лингвистика текста и когнитивная лингвистика [ван Дейк 1989: 113—121; см. также: Серрио 1999: 12—53], то есть ровно те научные области, которые сообщили медиалингвистике статус «нового и приоритетного направления» исследований. Медиалингвистика — это лингвистика медиадискурсов (включая медиатекст). Претендуя на автономность языковой отрасли, на самом деле она составляет особое направление медийного речеведения и свой статус завоевала, опираясь на функционально-стилистическую концепцию речи и междисциплинарную теорию дискурс-анализа.

Коллективная монография состоит из введения и трех глав. Во введении указывается, чем призвана заниматься медиалингвистика в рамках регионалистики, а в главе 1 «Методология лингвистических исследований» дается представление о теоретических

основах анализа. Ключевые понятия этой области исследований (медиа-системы, медиаповедение, включающее медиапроизводство и медиапотребление) проявляются через медиатексты и медиадискурсы [Там же: 20]. По оглавлению книги видно, что дискурсивный анализ должен входить в задачу всех авторских частей рецензируемой монографии (глава 3). Вместе с тем термины «дискурс» и «дискурсивный анализ» восприняты авторами прежде всего как «модные» слова, хотя и прочно вошедшие в терминосистему медиалингвистики [Там же: 41—42]. Дискурс в монографии понимается своеобразно («инструмент медиалингвистики», с. 42), а само слово в качестве удобного дескриптора породило в монографии около 28 производных наименований. Однако начнем с бесспорных положительных сторон представленной монографии.

1. При разноплановости новгородского медиаполя авторы сохраняют единство аналитического подхода, в центре которого субъекты и их взаимодействие. Заданная во введении установка — наряду с *лингвистическим* исследованием изданий, отмечать различные *социальные* характеристики медиаполя на фоне *общих тенденций* жизни медиа (их выделено около десяти) — объясняется вниманием исследователей к целевой аудитории региональных СМИ (появление новых медиа основано на все большем ее сегментировании). Целевая аудитория как составляющая дискурса в предмете анализа определила главный вопрос при обсуждении концепций медиа. Для анализа в монографии отобраны и подробно характеризуются восемь разных изданий — печатных или интернет-«медиаинституций» — с атрибутами их официальной, содержательно-смысловой и адресатной идентификации.

2. По методам анализа описание новгородских СМИ делится на части, в одной из которых (глава 2) доминирует стилистический анализ, а в другой (глава 3) представлен так называемый «дискурсивный анализ». Сразу отметим, что в целом, по лингвистическим выкладкам в разделах, данная монография находится в лоне стилистики и продолжает ее традиции в духе комплексных лингвистических исследований СМИ (ср., например: [Лазарева 1993]). В главе 2 в языковых характеристиках, названных «штрихами к портрету» представителей регионального медиаполя, преобладают категории коммуникативно-стилистические: *стилистический прием, стилистическая дифференциация, стилистические черты, стилистика диалога, ономастиконная стилистика, образ автора, мы-коммуникация и я-коммуника-*

ция, апелляция к адресату, образ адресата. В главе 3 (названной «зеркалом» дискурсивного анализа) доминируют жанровый и содержательно-тематический подходы (контент-анализ, контекст-анализ, статистический анализ, элементы лингво-смыслового анализа) с преобладанием современных категорий поэтики и медиастилистики: *учредители, институции, автор, адресат, жанр, тема, мотив, проблема, факт, тематика, сюжет, конфликт, событийность, герой, персонаж, стиль, дискурс, интенция, пресуппозиция, номинация, ключевые слова* и др.

3. Авторы адресовали свое исследование широкому сообществу не только специалистов по языку медиа, но и журналистов, и это в значительной мере определило неоднородный характер научного изложения. Наряду с новой терминологией (дискурс, дискурсивная модель, дискурсивное пространство) в изложение включены образные наименования метафорико-метонимического свойства (*портрет, штрихи к портрету, зеркало дискурсивного анализа, принцип матрешки; культурный дискурс, городский дискурс* и т. п.). Главным методом получения результатов исследования назван **МОНИТОРИНГ** продукции редакций газет и интернет-изданий: «систематическое наблюдение за каким-либо процессом с целью фиксировать соответствие (или несоответствие) результатов первоначальным предположениям» [Крысин 2007]. За единицу времени принят месяц. Кроме систематического мониторинга, использовался метод выборочного мониторинга для отслеживания текстов с обсуждением одной темы.

В главе 2 «Штрихи к портрету новгородских медиа» [Новгородское медиаполе 2015: 22—101] основные ориентиры и одновременно стратегии в изучении медиаполя получили наименования «портретирование», «ономастические штрихи», «коммуникативные штрихи». В методологическом разделе с заголовком «Портретирование» [Там же: 22—41] излагаются причины подхода к анализу медиаполя с точки зрения названной стратегии. Указываются труды (статьи, книги, диссертации), в которых термин «портрет» получал толкование в разных модификациях: *языковой портрет, речевой портрет; портрет конкретного говорящего.* Предложена типология объектов портретирования, коих выделено три: *человек, культурное пространство и словесный портрет* как «портрет» текста, жанра, слова. В связи с последним отметим, что семасиологические исследования в духе «портретирования» известны в лексикографии; сравните: «...лингвистическое портретирование

как особая методика синхронного описания лексем в лексикографии» [Бабаева 1998: 94]. Уточним, что впервые термин «портретирование» использовал А. К. Жолковский [Жолковский 1964] и гораздо раньше срока, предполагаемого в рецензируемой монографии (указан 1989 г.).

Авторы поясняют: стратегия портретирования (персонального, пространственного, текстового) состоит в том, что «для каждого из портретируемых объектов вырабатывается особый набор параметров» [Новгородское медиаполе 2015: 25]. Далее читатель получает ориентацию на два главных параметра региональной характеристики медиаполя — ономастический и коммуникативный. *Ономастические штрихи* региональных медиа в разделе 2.1 выявляют «стилистический портрет именуемых ими реалий» (Т. В. Шмелева): анализируются названия бумажных и электронных газет и журналов, их стилистический потенциал. Жаль, что в процесс анализа не включена концепция кода как следа дискурсивных практик в тексте (идеологический, символический коды). Можно показать влияние идеологии на имя газеты [Кравец 2002], выяснить, почему устойчиво название газеты «Приильменная правда» и в советский, и в нынешний период.

4. *Коммуникативные штрихи* портрета регионального медиаполя (раздел 2.2; Т. Л. Каминская) заключаются в образах автора и адресата — стилеобразующих категориях группового портрета новгородских медиа. К свойствам автора относятся выявленность в тексте, роли автора, степень сложности авторского начала. Авторские роли выводятся из сведений по текстам. Обсуждаются явления имитации авторства, деперсонализации, стилистический «эффект отсутствия», удельный вес в тексте. Образ адресата также рассматривается как важнейшее начало медиатекста, определяющее ее стилистику. Наблюдается действие стилистической дифференциации адресата, что характерно для властного учредительства [Новгородское медиаполе 2015: 36]. Отмечается новая практика участия адресата в информационном потоке, где роль журналиста скорее сводится к роли инициатора или модератора общественного диалога [Там же: 37]. Указываются наиболее частотные стратегии читателей-комментаторов в социальных сетях — уточнение, верификация, опровержение.

5. Для работников медиа особенно интересен раздел 2.3. «Портреты журналистов», где представлена многоплановая характеристика индивидуальных стилей журналистов С. Брутмана, А. Корякова, А. Коткина. Такой опыт позволил сделать ряд заключений об-

щего характера о собственно публицистике, роль которой в журналистике подвергается сомнению. В целом хорошо, что изучение интернет-фактуры в рецензируемом исследовании, с одной стороны, говорит о подвижности межсубъектного взаимодействия в новгородских СМИ, а с другой стороны, дает понимание проблем изучаемого медиаполя.

6. Рецензируемая книга подтверждает существующую в научных кругах гипотезу: для исследователей стал предпочтительным выход в макротекст, в открытое коммуникативное пространство. Например, «текстовое портретирование» предполагает исследование отдельных медийных жанров, тематических совокупностей, изданий как гипертекстов. Но ведь это переход к анализу более высокого уровня коммуникации с синтезом коммуникативных практик — текстовой, социальной, событийной, то есть выход на уровень *дискурса*. Именно тогда внимание ученых может сосредоточиться на подвижных аспектах коммуникации как процесса. В главе 2 отношение описания СМИ к дискурс-анализу открыто не выявлено. Безусловно, термины «стиль», «текст» и «дискурс» не являются синонимами, но взаимодействующие научные направления могут существовать, поддерживая друг друга. Существующая традиция стилистического анализа не только не должна быть противопоставленной дискурсивному анализу, а наоборот, может ему содействовать, поскольку само понятие дискурса относится к «использованию языка в интеракции» [см.: Hoffmannova 1997: 8—12].

7. Наиболее проблематичной нам представляется глава 3 «Новгородское медиаполе в зеркале дискурсивного анализа». Она состоит из восьми авторских разделов: (3.2) «новостной дискурс», (3.3) «городской дискурс», (3.4) «дискурс культуры», (3.5) «исторический дискурс», (3.6) «религиозный дискурс», (3.7) «экологический дискурс», (3.8) «конфликтный дискурс». Разграничение опирается на тематическую и интенциональную основы совокупностей текстов, «каждый из которых идентифицируется как языковой коррелят определенной социокультурной практики» [Клушина 2008: 28; Новгородское медиаполе 2015: 42]. Опорным выступает понятие *гипертекст*. Оно инициирует понимание авторами дискурса как совокупности медиатекстов «на тему» (на тему истории, на тему религии, на тему города, на тему экологии, на тему праздника и т. д.). Это позволяет авторам выделить так называемый *тематический дискурс*, который, как «матрешка» (сравнение принадлежит авто-

рам [Новгородское медиаполе 2015: 103]), включает дискурсы второго порядка. Здесь отметим очевидное: «мода на дискурсивные исследования привела к терминологической эклектике» [Клушина 2013]. В описании новгородского поля по указанным разделам преобладают категории медийной поэтики и жанра. В то же время говорится о степени дискурсивности новости (т. е. переноса темы на другие жанровые тексты), о дискурсообразующем сюжете и дискурсообразующих эпизодах. Понятие «дискурс» связывается с лингвистическим термином *детерминанта*. Выделено шесть соотносимых с параметрами речи детерминант — сфера (институциональный дискурс), фактура (фактура печати, радио, ТВ), автор, жанр, тема, отдельные смыслы текста (например, дискурс конфликта). Внутри разделов наименования множатся, включая *субдискурсы*, *мини-дискурсы*, а также имена типа *субдискурс разбитого автомата*. Похоже, с дискурсом отождествляется любая конкретизированная субъектом речь (по Э. Бенвенисту «речь, присвоенная говорящим»).

8. Свообразным достижением аналитической разработки выступает понятие *медийного сюжета*. Под медийным сюжетом предлагается понимать линию отражения в медиасфере ситуации/события социальной или культурной жизни региона, формирующую «пучок» текстов, который составляет «субдискурс» (субдискурс *одного визита*, субдискурс *одного происшествия* и т. п. [Новгородское медиаполе 2015: 104]). Медийный сюжет тяготеет к дискурсивному развертыванию и может пронизывать тексты разных жанров, сохраняющие тот же конкретный повод или его развитие. При этом «отражательная» природа медийного сюжета не делает его простым отражением реальности (зеркало может быть и кривым).

Привлекает внимание раздел 3.1 «Дискурсивная модель медиаполя». Назвать выявленную дробную структуру моделью медиаполя можно лишь условно, однако в графической схеме [Там же: 103] есть существенный смысл для общего видения проблемы анализа. В схеме отображены две дуги охвата медиаполя, покрывающие все разновидности обозначенных дискурсов. Первая, внешняя дуга охвата, — это всеобъемлющий новостной дискурс. Вторая, внутренняя дуга охвата, — это факультативный конфликтный дискурс: он обнимает другие образования медиадискурса. Таким образом, указаны главные черты всей дробной сферы медиаполя — охватывающие медиа новостная и конфликтная составляющие дискурсов.

Если идти далее по разделам главы 3,

мы бы выделили подраздел 3.2. «Новостной дискурс» (автор О. А. Ларина [Там же: 116—138]), который содержит анализ результатов мониторинга новостной продукции новгородских медиа. Вообще к новостному дискурсу в книге приковано самое пристальное внимание. Подраздел на с. 130—138 начинается с характеристики «новости» как жанра и самостоятельного типа медиатекста, дается представление о внутрижанровых модификациях новости (жанровых видах). Далее жанрово-новостной аспект затемняется, дается необычно широкое понимание новости, свойственное обыденному сознанию и удобное в журналистской практике: «Если есть что нового сообщить миру — это новость». И тогда в ранг новости возводятся многообразные публикации с сегментом «новость». Основная терминология: *новость-комментарий*, *новость-мнение*, *новость-анонс*, *новость-фоторепортаж*, *новость-видеофакт*, *протоновость*, *квазиновость*, *новость-фальшивка*. К сожалению, по лингвистике новостных текстов даются минимальные замечания. Лингвистической составляющей анализа явно не хватает, акценты делаются на нелингвистические «параметры»: актуальность, новизна, масштаб события, значимость для адресата. Но, строго говоря, это свойства не текстов (знаков), а референтов (свойства событий, являющихся референтами новостных сообщений) [Мишланов 2015: 127].

Раздел 3.3. «Городской дискурс» [Новгородское медиаполе 2015: 138—162] представлен множеством дискурсов: внутри разделов наименования дискурса множатся как таксоны. В подразделах характеризуются субдискурс — *городской среды*, субдискурс *горожан*, а также эпизодически появляющийся субдискурс *праздника*. Внутри описания встречаются *ландшафтный дискурс*, *субдискурс памятника*, *допраздничный*, *репортажный* и *послепраздничный* дискурсы, *мини-дискурсы* и пр. Внимание уделяется героям журналистских материалов (нюсмейкер, медиаперсона, герой, антигерой, персонаж) и причинам его выбора. Основная терминология описания: *медийный сюжет*, *городской язык* (въездные знаки, граффити, надписи на стенах), *пресуппозитивная информация*, «*брендирование города*» как *практика*, *инфоповод*, *мотив*, *комментарий*, *оценка*, *тема идентичности*, *жанры*, *заголовки*, *номинации*, *ключевые слова*.

Раздел 3.4. «Дискурс культуры» [Там же: 162—171] содержит количественные данные (культурные мероприятия, статистика). Авторы отмечают: адресат данных публикаций

немногочислен. По жанровой составляющей публикации весьма разнообразны и представлены всеми группами — от информационных до художественно-публицистических. Основная терминология в разделе: *культурный запрос аудитории, «массовизация» культуры, симбиоз культур, ответный отклик аудитории, число инфоповодов, негатив в комментариях, интернет-пользователи*.

Интересны и другие разделы главы 3, на которых в небольшой рецензии сложно остановиться. Реферативностью страдает раздел «Конфликтный дискурс» (3.8), конспективностью — разделы «Исторический дискурс» (3.6) и «Религиозный дискурс» (3.7). Обратимся к замечаниям, которые носят обобщающий характер.

К сожалению, в подразделах главы 3 много декларативного, и сказанное приходится принимать на веру: утверждениям не сопоставлены примеры; лингвистический анализ либо отсутствует, либо минимален. Изложение порой имеет вид тезисов к конференции. Скорее это план к перспективному анализу медиаречи по жанрам, темам, дискурсам.

Если говорить о дискурсивной совокупности текстов, то образуются они скорее не по ключевому слову (*история, культура, религия* и т. п.), а по концепту: слова *религия* в материале может и не быть. Кроме того, дискурс не обязательно равен совокупности текстов, он их пронизывает; в тексте может быть несколько дискурсов.

Теория стилистики заложила основы для изучения разных сфер функционирования языка. В части изучения экстралингвистических оснований выделения функционального стиля она тесно смыкается с теорией дискурса, но не дублирует ее. Поэтому дискурс и его анализ не сводится к стилистическому (по Ю. С. Степанову, это «стилистика + идеология»). Но в книге нет отсылок к концепции кода как следа дискурсивных практик в тексте [Чепкина 2001]. При этом код идеологии — один из базовых для журналистики, он всегда тесно связан с политикой. Идеологические коннотации присутствуют в любом высказывании, но они часто трудноуловимы: идеологическое обычно выдается за естественное, культурное, национальное.

В фундаментальных теориях дискурс рассматривается как объект, требующий особой методики описания, так как дискурс имеет собственные закономерности формирования, которые невозможно выявить с помощью традиционных методик языкового и текстового анализа. В книге же скорее описаны стилевые показатели медиа, типичные

для современной культурно-речевой ситуации в российских СМИ.

К сожалению, понятие «дискурс» приобретает все более гибридный, многофункциональный характер. Происходят своего рода «маркетинговые» манипуляции, которые превращают термин в механический инструмент и стимулируют его неспецифическое употребление. Тем самым создаются новые стереотипы, серьезно дискредитирующие понятие «дискурс». В монографии главным, на наш взгляд, оказался критерий удобства использования слова. Наименования дискурса играют роль метки (дескриптора). А ведь дискурс нужно рассматривать как **явление** или «образование из совокупности разных факторов (сторон явления), будь то знаковая сторона, структурная, когнитивная или социальная» [Островская 2013: 30].

В монографии наблюдается своеобразная эклектика словоупотребления в передаче специальных понятий. С одной стороны, авторы стараются быть понятыми со стороны практиков-журналистов, с другой стороны, есть не строгая ориентация на специалистов, вводятся лингвистические термины в необычный для них контекст (*квантитативный анализ, детерминанта, пресуппозиция*).

Попытка представить в самом общем виде типологию факторов, которые определяют выдвижение и становление «медиа-лингвистики» как нового направления в современном языковедении, осложнена тем, что в монографии не интегрированы, существуют отдельно нелингвистическая и лингвистическая составляющие (пожалуй, исключение составляет глава 2). В большей доле характеристик регионального медиаполя преобладает не лингвистический, а содержательно-тематический анализ (контент-анализ). Пропорции приоритетов хорошо видны и по списку литературы.

Конечно, процесс региональной коммуникации, как показывают авторы, является весьма сложным и неоднозначным. В него вовлечены социальные, политические, региональные, историко-культурные и ряд других факторов, в том числе многообразные связи через Интернет, использование прямой и косвенной эвиденциальности в качестве средства манипуляции сознанием потребителей информации. Говоря о неоднородности полученных результатов, приходится признать, что это было ожидаемым. Иными словами, читателю предполагалось дать весьма информативную по региональному охвату группировку различных факторов, включенных в процесс описания новгородских медиа и, разумеется, связанных с языком: среди них факторы местные политиче-

ские, социально-психологические, исторические, экологические и др.

Заметим, что для привычных лингвистических исследований ограничение предмета анализа, углубленного в текст, составляет условие для получения эффективного результата. В данном случае ограниченность не адекватна обычному предмету лингвистики: изучаемое «поле» слишком широко для текстового подхода и создает его участникам труднорешаемую проблему — поиска адекватной конфигурации исследуемого, которая оправдала бы подзаголовок «Опыты лингвистических исследований».

Авторы отмечают необходимость накопления эмпирического материала, который послужил бы гарантией реалистичности выдвигаемых концепций [Новгородское медиаполе 2015: 21, 207]. Целиком поддерживаем данное положение. Именно недостаток эмпирических выкладок с лингвистическими демонстрациями специфики совокупных текстов обусловил появившиеся у нас сомнения в адекватности анализа, обозначенного в отдельных частях монографии как «дискурсивный» в медиалингвистике.

Главное достоинство монографии состоит в том, что в фокусе исследования оказывается разнородное множество феноменов, входящих в компетенцию медиалингвистики, изучающей контексты коммуникации и принципы, регулирующие речевое общение. Подтверждается интердисциплинарность направления. При этом лингвисты, историки, философы, психологи могут сохранять свое изначальное исследовательское поле, но с приоритетом лингвистики. В центре изучения в любом ракурсе остаются субъекты и их взаимодействие (интеракция), объемное по своей интегративной ментально-речевой структуре дискурсивное развертывание.

T. I. Krasnova
Saint-Petersburg, Russia

REGIONAL MEDIA IN THE FRAMEWORK OF INTERDISCIPLINARY APPROACH

ABSTRACT. *This is a review of the book: Novgorod Media-field: Experience of Linguistic studies: multi-author monograph / edited by T. V. Shmeleva. Veliky Novgorod: NovGU. 2015. — 223 p. The broad approach employed by the authors, involving institutional and authored, genre-themed and linguistic aspects of the study of Novgorod media-field, was to engage the members of the research into the solution of a complicated task of giving such subject-methodological descriptions of the material, which would be consistent with the coverage of a large media-field, in the framework of media Linguistics and “in the mirror of discursive analysis”. The results can be considered an interesting collective experience of an interdisciplinary approach to the analysis of regional media, but it's hard to call it a purely linguistic research experience; it is rather a promising resource in the aspects of discourse analysis.*

KEYWORDS: *regional media field; media linguistics; media texts; media discourse; mass media; discourse analysis; interdisciplinary approach.*

ABOUT THE AUTHOR: *Krasnova Tatyana Ivanovna, Doctor of Philology, Associate Professor of Speech Communication, “Institute of Higher School of Journalism and Mass Communication”, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia.*

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабаева Е. Э. Кто живет в вертепе, или Опыт построения семантической истории слова // Вопросы языкознания. 1998. № 3.
2. Дейк ван Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. — М., 1989.
3. Добросклонская Т. Г. Теория и методы медиалингвистики : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — М., 2000.
4. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь. — М., 2008.
5. Жолковский А. К. Предисловие // Машинный перевод и прикладная лингвистика. 1964. Вып. 8.
6. Клушина Н. И. Стилистика публицистического текста. — М., 2008.
7. Клушина Н. И. Зона пересечения стилистики и дискуртологии // La Table Ronde. — Минск, 2013. Вып. 2 : Лингвистика дискурса и перспективы ее развития в парадигме современной славистики. С. 26—28.
8. Кравец Т. И. Название газеты: ономазиологический и стилистический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2002.
9. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. — М., 2007.
10. Лазарева Э. А. Системно-стилистические характеристики газеты. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1993. 165 с.
11. Мишланов В. А. Медиалингвистика в ряду традиционных направлений языкознания // Медиалингвистика. 2015. № 3 (9). С. 115—129.
12. Новгородское медиаполе : опыты лингвистических исследований : коллектив. моногр. / под ред. Т. В. Шмелевой ; Новгор. гос. ун-т им. Ярослава Мудрого. — Великий Новгород, 2015. 223 с. ISBN 978-5-89896-535-8.
13. Островская Т. В рамках парадигмы «Язык — речь — текст» стало тесно // La Table Ronde. — Минск, 2013. — Вып. 2 : Лингвистика дискурса и перспективы ее развития в парадигме современной славистики.
14. Серио П. Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса. — М., 1999. С. 12—53.
15. Шмелева Т. В. Медиалингвистика как медийное речеведение // Медиаатекст как полиинтенциональная система. — СПб., 2012. С. 56—61.
16. Чепкина Э. В. Русский журналистский дискурс: тексто-порождающие тактики и коды (1995—2000) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Екатеринбург, 2001.
17. Тошович Б. Сильные и слабые стороны современных работ по дискурсе-лингвистике // La Table Ronde. — Минск, 2013. — Вып. 2 : Лингвистика дискурса и перспективы ее развития в парадигме современной славистики. — С. 35—36.
18. Hoffmannova J. Stilistica a... — Praha, 1997. S. 8—12.
19. La Table Ronde. Вып. 2. Лингвистика дискурса и перспективы ее развития в парадигме современной славистики. — Минск, 2013.

REFERENCES

1. Babaeva E. E. Kto zhivet v vertepe, ili Opyt postroeniya semanticheskoy istorii slova // *Voprosy yazykozvaniya*. 1998. № 3.
2. Deyk van T. A. *Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya*. — M., 1989.
3. Dobrosklonskaya T. G. *Teoriya i metody medialingvistiki : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk*. — M., 2000.
4. Dobrosklonskaya T. G. *Medialingvistika: sistemnyy podkhod k izucheniyu yazyka SMI: sovremennaya angliyskaya mediarech'*. — M., 2008.
5. Zholkovskiy A. K. *Predislovie // Mashinnyy perevod i prikladnaya lingvistika*. 1964. Vyp. 8.
6. Klushina N. I. *Stilistika publitsisticheskogo teksta*. — M., 2008.
7. Klushina N. I. *Zona peresecheniya stilistiki i diskursologii // La Table Ronde*. — Minsk, 2013. Vyp. 2 : *Lingvistika diskursa i perspektivy ee razvitiya v paradigme sovremennoy slavistiki*. S. 26—28.
8. Kravets T. I. *Nazvanie gazety: onomasiologicheskii i stilisticheskii aspekty: avtoref. dis. ...kand. filol. nauk*. — Ekaterinburg, 2002.
9. Krysin L. P. *Tolkovyy slovar' inoyazychnykh slov*. — M., 2007.
10. Lazareva E. A. *Sistemno-stilisticheskie kharakteristiki gazety*. — Ekaterinburg : *Izd-vo Ural. un-ta*, 1993. 165 s.
11. Mishlanov V. A. *Medialingvistika v ryadu traditsionnykh napravleniy yazykozvaniya // Medialingvistika*. 2015. № 3 (9). S. 115—129.
12. Ostrovskaya T. V. *ramkakh paradigmy «Yazyk — rech' — tekst» stalo tesno // La Table Ronde*. — Minsk, 2013. — Vyp. 2 : *Lingvistika diskursa i perspektivy ee razvitiya v paradigme sovremennoy slavistiki*.
13. Serio P. *Kak chitayut teksty vo Frantsii // Kvadratura smysla: frantsuzskaya shkola analiza diskursa*. — M., 1999. S. 12—53.
14. Shmeleva T. V. *Medialingvistika kak mediynoe rechevedenie // Mediatekst kak poliintentsional'naya sistema*. — SPb., 2012. S. 56—61.
15. Chepkina E. V. *Russkiy zhurnalisticheskii diskurs: tekstoporozhdayushchie taktiki i kody (1995—2000) : avtoref. dis. ...d-ra filol. nauk*. — Ekaterinburg, 2001.
16. Toshovich B. *Sil'nye i slabye storony sovremennykh rabot po diskurs-lingvistike // La Table Ronde*. — Minsk, 2013. — Vyp. 2 : *Lingvistika diskursa i perspektivy ee razvitiya v paradigme sovremennoy slavistiki*. — S. 35—36.
17. Hoffmannova J. *Stilistica a...* — Praha, 1997. S. 8—12.
18. *La Table Ronde*. Vyp. 2. *Lingvistika diskursa i perspektivy ee razvitiya v paradigme sovremennoy slavistiki*. — Minsk, 2013.

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ АВТОРАМИ РУКОПИСЕЙ В ЖУРНАЛ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА»

«Политическая лингвистика» издается как узкоспециализированный научный журнал, ориентированный на максимально широкий круг читателей и многонациональный состав авторов, представляющих различные научные школы и направления в России и других странах.

Журнал «Политическая лингвистика» адресован филологам, политологам, социологам, журналистам и политикам. Редакционная коллегия приглашает к сотрудничеству всех специалистов по политической лингвистике и смежным проблемам.

Мы против политической цензуры, с уважением относимся к политическим взглядам авторов наших публикаций, но за соблюдение принципов толерантности и политической корректности, в том числе в статьях, созданных в рамках критического анализа дискурса.

Авторы, предлагающие статьи для публикации, должны учитывать проблематику журнала, который включает следующие разделы:

1. Рубрика «Теория политической лингвистики» предоставляет трибуну ведущим специалистам по политической лингвистике.

2. Рубрика «Политическая коммуникация» включает теоретические статьи, в которых значительное место занимает практический анализ языковых фактов.

3. В разделе «Язык — политика — культура» представлены исследования публицистических, рекламных, разговорных и художественных текстов, в той или иной степени значимые для политической лингвистики.

4. Раздел «Лингвистическая экспертиза: язык и право» объединяет статьи по проблемам, находящимся на пересечении политической и юридической лингвистики.

5. В рубрике «Зарубежный опыт» публикуются впервые переведенные на русский язык работы, которые, хотя и написаны много десятилетий назад, сохраняют свою значимость для теории и истории науки, а также работы современных исследователей, написанные на иностранных языках.

6. Рубрика «Рецензии. Хроника» представляет современный научный дискурс: в ней публикуются рецензии на самые новые и актуальные научные труды по политической лингвистике, освещаются крупные научные конференции.

7. Непостоянная рубрика «Дискуссии» предоставляет площадку для полемики между представителями различных или диаметрально противоположных взглядов на проблемы политической лингвистики и когнитивистики. Как правило, в разделе публикуется несколько материалов, излагающих соперничающие концепции.

Научные направления:

Основная специальность: 10.00.00 — Филологические науки

Издательство: ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»

Адрес редакции: 620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов 26, каб. 219

Главный редактор: доктор филологических наук, профессор Чудинов Анатолий Прокопьевич

Телефоны/ факс: (343) 336-15-92

E-mail: ap_chudinov@mail.ru

Выпускающий редактор: кандидат филологических наук Ворошилова Мария Борисовна

Телефон: 8-922-6128661

E-mail: shinkari@mail.ru

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации **ПИ №ФС 77-34838** от 25.12.2008

Зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standard Serial Numbering — ISSN) с присвоением международного стандартного номера **ISSN 1999-2629** от 14.05.2008

Включен в каталог Роспечать. **Индекс 81954.**

С 2010 года решением Президиума ВАК Министерства образования и науки РФ включен в **Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий**, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидат наук.

Материалы журнала регулярно размещаются на платформе **Российского индекса научного цитирования** (РИНЦ). http://elibrary.ru/title_about.asp?id=28049.

Материалы для публикации присылаются в электронном виде. Набор должен быть выполнен в текстовом редакторе WORD в соответствии со следующими требованиями:

- Объем статьи не менее 18 и не более 44 тыс. знаков с пробелами.
- Формат страницы — А4; гарнитура — Times New Roman; размер кегля — 14; межстрочный интервал — 1,5.
- Ссылки на литературу делаются в тексте в квадратных скобках. Например: [Иванов 2000: 56—57]. Список литературы (по алфавиту) помещается после текста статьи и оформляется по ГОСТ 7.0.5.-2008 (см. образец).
- Отдельными файлами прилагаются: рисунки (только черно-белые, без полутонов) — в векторных форматах — AI, CDR, WMF, EMF; в растровых форматах — TIFF, JPG с разрешением не менее 300 то-

чек/двойм в реальном размере; диаграммы из программ «MS Excel», «MS Visio» и т. п. вместе с исходным файлом, содержащим данные.

Для публикации статья должна соответствовать требованиям РИНЦ, то есть, помимо основного текста, содержать следующие сведения на русском и английском языках.

1. Сведения об авторах (если их несколько, то обо всех):

- Фамилия, имя, отчество автора полностью.
- Ученая степень, звание, должность.
- Полное и точное место работы автора.
- Подразделение организации.

Контактная информация (e-mail, почтовый адрес для рассылки и для публикации в журнале).

2. Название статьи.

3. Аннотация (объемом 200 слов, или 2000 знаков с пробелами).

4. Ключевые слова (5—10 слов).

5. Тематическая рубрика, УДК, ГСНТИ и код ВАК.

Обязательным условием публикации является наличие отзыва доктора наук.

Списки литературы следует оформлять по ГОСТ Р. 7.0.5.-2008.... Образцы оформления:

СТАТЬИ ИЗ ЖУРНАЛОВ И СБОРНИКОВ

Адорно Т. В. К логике социальных наук // Вопр. философии. 1992. № 10. С. 76—86.

Crawford P. J., Barrett T. P. The reference librarian and the business professor: a strategic alliance that works // Ref. Libr. 1997. Vol. 3. № 58. P. 75—85.

Если авторов четыре и более, то заголовок не применяют (ГОСТ 7.80-2000).

Корнилов В. И. Турбулентный пограничный слой на теле вращения при периодическом вдуве / отсосе // Теплофизика и аэромеханика. 2006. Т. 13. № 3. С. 369-385.

Кузнецов А. Ю. Консорциум — механизм организации подписки на электронные ресурсы // Российский фонд фундаментальных исследований: десять лет служения российской науке. — М.: Науч. мир, 2003. С. 340—342.

КНИГИ

Тарасова В. И. Политическая история Латинской Америки: учеб. для вузов. 2-е изд. — М.: Проспект, 2006. С. 305—412.

Допускается предписанный знак точку и тире, разделяющий области библиографического описания, заменять точкой.

Философия культуры и философия науки: проблемы и гипотезы: межвуз. сб. науч. тр. / Саратов. гос. ун-т; [под ред. С. Ф. Мартыновича]. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1999.

Допускается не использовать квадратные скобки для сведений, заимствованных не из предписанного источника информации

Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. 5-е изд., перераб. и доп. — М.: ИНФРА-М, 2006. 494 с.

Если авторов четыре и более, то заголовок не применяют (ГОСТ 7.80-2000)

АВТОРЕФЕРАТЫ

Глухов В. А. Исследование, разработка и построение системы электронной доставки документов в библиотеке: автореф. дис. ... канд. техн. наук. — Новосибирск, 2000.

ДИССЕРТАЦИИ

Фенухин В. И. Этнополитические конфликты в современной России: на примере Северо-Кавказского региона: дис. ... канд. полит. наук. — М., 2002. С. 54—55.

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ОБЗОРЫ

Экономика и политика России и государств ближнего зарубежья: аналит. обзор, апр. 2007 / Рос. акад. наук, Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. — М.: ИМЭМО, 2007.

ПАТЕНТЫ

Патент РФ № 2000130511/28, 04.12.2000.

Еськов Д. Н., Бонштедт Б. Э., Корешев С. Н., Лебедева Г. И., Серегин А. Г. Оптико-электронный аппарат // Патент России № 2122745. 1998. Бюл. № 33.

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИЙ

Археология: история и перспективы: сб. ст. Первой межрегион. конф. — Ярославль, 2003.

Марьянских Д. М. Разработка ландшафтного плана как необходимое условие устойчивого развития города (на примере Тюмени) // Экология ландшафта и планирование землепользования: тезисы докл. Всерос. конф. (Иркутск, 11—12 сент. 2000 г.). — Новосибирск, 2000. С. 125—128.

ИНТЕРНЕТ-ДОКУМЕНТЫ

Официальные периодические издания: электронный путеводитель / Рос. нац. б-ка, Центр правовой информации. [СПб.], 2005—2007. URL: <http://www.nlr.ru/lawcenter/izd/index.html> (дата обращения: 18.01.2007).

Логинова Л. Г. Сущность результата дополнительного образования детей // Образование: исследовано в мире: междунар. науч. пед. интернет-журн. 2003.21.10. URL: <http://www.oim.ru/reader.asp?nomer=366> (дата обращения: 17.04.2007).

<http://www.nlr.ru/index.html> (дата обращения: 20.02.2007).

Рынок тренингов Новосибирска: своя игра. URL: <http://nsk.adme.ru/news/2006/07/03/2121.html> (дата обращения: 17.10.2008).

Литчфорд Е. У. С Белой Армией по Сибири // Восточный фронт Армии Генерала А. В. Колчака. URL: <http://east-front.narod.ru/memo/latchford.htm> (дата обращения: 23.08.2007).

Цена свободная

**НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА
2016. ВЫПУСК 6 (60)**

Адрес редакции:

620017, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов 26, Уральский государственный педагогический университет, кафедра риторики и межкультурной коммуникации (каб. 285).

Для детей старше 16 лет.

Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-34838 от 25.12.2008.

Подписано в печать 30.12.2016. Формат 60x84/8.

Бумага для множительных аппаратов. Печать на ризографе.

Уч.-изд. л. — 31,5. Усл. печ. л. — 32,5. Тираж 500 экз. Заказ 4773.

Оригинал-макет отпечатан в отделе множительной техники
Уральского государственного педагогического университета

620017 Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26

E-mail: uspu@uspu.ru